ЗОЛОТО ФЛИНТА

Р. СТИВЕНСОН
Р. ДЕЛДЕРФИЛД
Д. ДЖУД

МИР
приключений

Сборник "Золото Флинта"

Роберт Льюис Стивенсон, Деннис Джуд, Рональд Фредерик Делдер-филд

Аннотация
Роберт Льюис Стивенсон. Остров сокровищ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Старый пират
Глава 1. СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»
Глава 2. ЧЕРНЫЙ ПЕС ПРИХОДИТ И УХОДИТ
Глава 3. ЧЕРНАЯ МЕТКА
Глава 4. МАТРОССКИЙ СУНДУК
Глава 5. КОНЕЦ СЛЕПОГО
Глава 6. БУМАГИ КАПИТАНА
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Судовой повар
Глава 7. Я ЕДУ В БРИСТОЛЬ
Глава 8. ПОД ВЫВЕСКОЙ «ПОДЗОРНАЯ ТРУБА»
Глава 9. ПОРОХ И ОРУЖИЕ
Глава 10. ПЛАВАНИЕ
Глава 11. ЧТО Я УСЛЫШАЛ, СИДЯ В БОЧКЕ ИЗ-ПОД ЯБЛОК
Глава 12. ВОЕННЫЙ СОВЕТ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Мои приключения на суше
Глава 13. КАК НАЧАЛИСЬ МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НА СУШЕ
Глава 14. ПЕРВЫЙ УДАР
Глава 15. ОСТРОВИТЯНИН
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Частокол
Глава 16. ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ИЗЛОЖЕНЫ ДОКТОРОМ. КАК БЫЛ ПОКИНУТ КОРАБЛЬ
Глава 17. ДОКТОР ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ РАССКАЗ. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЕЗД В ЧЕЛНОКЕ
Глава 18. ДОКТОР ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ РАССКАЗ. КОНЕЦ ПЕРВОГО ДНЯ СРАЖЕНИЯ
Глава 19. ОПЯТЬ ГОВОРИТ ДЖИМ ХОКИНС. ГАРНИЗОН В БЛОКГАУЗЕ
Глава 20. СИЛЬВЕР-ПАРЛАМЕНТЕР
Глава 21. АТАКА
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Мои приключения на море
Глава 22. КАК НАЧАЛИСЬ МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ
Глава 23. ВО ВЛАСТИ ОТЛИВА
Глава 24. В ЧЕЛНОКЕ
Глава 25. Я СПУСКАЮ «ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА»
Глава 26. ИЗРАЭЛЬ ХЕНДС
Глава 27. «ПИАСТРЫ!»
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. Капитан Сильвер
Глава 28. В ЛАГЕРЕ ВРАГОВ
Глава 29. ЧЕРНАЯ МЕТКА ОПЯТЬ
Глава 30. НА ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Глава 31. ПОИСКИ СОКРОВИЩ. УКАЗАТЕЛЬНАЯ СТРЕЛА ФЛИНТА
Глава 32. ПОИСКИ СОКРОВИЩ. ГОЛОС В ЛЕСУ
Глава 33. ПАДЕНИЕ ГЛАВАРЯ
Глава 34. ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА
Деннис Джуд. Приключения долговязого Джона Сильвера
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
1. БОЛЬНОЙ ИЗ ТОРМАРТИНА
2. КОНТРАБАНДИСТ-ПОДМАСТЕРЬЕ
3. ПОБЕГ
4. НА БЕРЕГАХ ГВИНЕИ
5. К БАРБАДОСУ
6. БУНТ НА КОРАБЛЕ
7. ВОССТАНИЕ РАБОВ
8. УРАГАН
9. ТРИБУНАЛ (АДМИРАЛТЕЙСКИЙ СУД)
10. ПРОДАН В РАБСТВО
11. НА ПЛАНТАЦИИ
12. НАПАДЕНИЕ ПИРАТОВ
13. КАПИТАН ИНГЛЕНД
14. НА МАЛАБАРСКИЙ БЕРЕГ
15. «ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИНДИИ»
16. ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЬЮ-ПРОВИДЕНС
17. ВМЕСТЕ С ФЛИНТОМ
18. КОРСАРЫ

19. ШОТЛАНДЦЫ ИЗ ЛУИЗИАНЫ
20. КАК ФЛИНТ ЗАДУМАЛ НАПАДЕНИЕ НА САНТА-ЛЕНУ
21. ПУТЬ НА САНТА-ЛЕНУ
22. КАК ФЛИНТ ЗАХВАТИЛ СОКРОВИЩА
23. КАК БЫЛИ ЗАРЫТЫ СОКРОВИЩА
24. ПОТЕРЯ «МОРЖА»
25. ТРАКТИР «ПОДЗОРНАЯ ТРУБА»
Р. Ф. Дерделфилд. Приключения Бена Ганна
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЫН ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПИРАТ ПОНЕВОЛЕ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПУТЬ ДОМОЙ
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ, НАПИСАННОЕ. ДЖЕЙМСОМ ГОКИНСОМ В 1811 ГОДУ

Аннотация

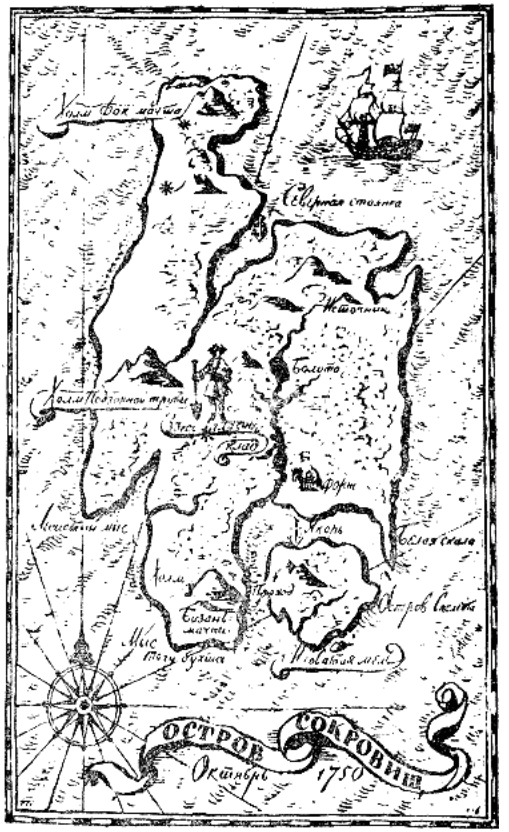
В сборнике читатель познакомиться с произведениями Д. Джуда и Р.Ф. Делдерфилда развивающими тему романа Р.Л. Стивенсона «Остров Сокровищ». В них описываются жизнь и приключения Джона Сильвера и Бена Ганна. Роман Стивенсона также входит в предлагаемый сборник.

Р. Л. Стивенсон. Остров сокровищ (перевод Н. Чуковского)

Д. Джуд. Приключения долговязого Джона Сильвера (перевод Д. Гуревича)

Р. Ф. Дерделфилд. Приключения Бена Ганна (перевод Л. Ждановой)

Роберт Льюис Стивенсон
Остров сокровищ


Холм Подзорной трубы
Северная стоянка
Большой
Форт
Белая скала
Остров Сокровищ
Мыс Испуганный
Мыс Подзорной трубы
Мыс Мачты
Холм
Пляж
Якорь
Большая лагуна
ОСТРОВ СОКРОВИЩ
Октябрь
1750

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Старый пират
Глава 1
СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

Сквайр[1] Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17… году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу»[2] и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело

---

[1] notes: 1
Дворянский титул в Англии.

[2] notes: 2
Бенбоу — английский адмирал, живший в конце XVII века.

ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с темным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка.[3]

И палка у него была, как ганшпуг.[4] Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил

---

[3] notes: 3
Рычаг шпиля (ворота, служащего для подъема якоря).

[4] notes: 4
Рычаг для подъема тяжестей.

и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк. — Этот… как раз для меня… Эй, приятель! — крикнул он человеку, который катил за ним тачку. — Подъезжай-ка сюда и помоги мне втащить сундук… Я поживу здесь немного, — продолжал он. — Человек я простой. Ром, свиная грудинка и яичница — вот и все, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю… Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном… Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, — проговорил он сурово и взглянул на отца, как начальник.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который

привык, чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоялых дворах, расположенных поблизости моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, вернувшись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватало компании таких же забулдыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался

в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чем тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Этот одноногий моряк преследовал меня даже во сне.

Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растет из самой середины тела. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недешево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими

отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случалось и так, что он приглашал всех к своему столу и требовал стаканы. Приглашенные дрожали от испуга, а он заставлял их либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь

тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковылял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске,[5] о штормах и о Драй Тортугас,[6] о разбойничьих гнездах и разбойничьих подвигах в Испанском море.[7]

Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его рта после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей. Кому охота подвергаться таким издевательствам и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему.

---

[5] notes: 5

Хождение по доске — вид казни; осужденного заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море.

[6] notes: 6

Острова около Флориды.

[7] notes: 7

Испанское море — старое название юго-восточной части Карибского моря.

В тихую, захолустную жизнь он внес какую-то приятную тревогу. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просоленный морем!» — восклицали они.

По их словам, именно такие люди, как наш капитан, сделали Англию грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек действительно приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своем появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть; это было даже не сопенье, а рычанье; он так смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянье ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За все время своего пребывания у нас капитан ходил в одной и той же одежде, только приобрел у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудоб-

ством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не разговаривал, разве только если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришел доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, поджидая, когда приведут ему лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату ввел его я и помню, как этот изящный, щегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, прекрасно воспитанный, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего

вороньего пугала, грязного, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядел на капитана, перед тем как возобновить разговор со старым садовником Тейлором о новом способе лечения ревматизма. А между тем капитан, разгоряченный своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую речь, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Тот сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно, — ответил доктор. — Если вы не перестанете пьянствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришел в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом — может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твердо он произнес:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож

в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Между их глазами начался поединок. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пес.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я буду иметь над вами самый строгий надзор днем и ночью. Я не только доктор, я и судья. И если до меня дойдет хоть одна самая малейшая жалоба — хотя бы только на то, что вы нагрубили кому-нибудь… вот как сейчас, — я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким еще много вечеров подряд.

Глава 2
ЧЕРНЫЙ ПЕС ПРИХОДИТ И УХОДИТ

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились наконец от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите,

от его хлопотных дел.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днем ему становилось хуже. Хозяйничать в трактире пришлось мне и моей матери. У нас было дела по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце еще не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю. Под широкими полами его истрепанного синего кафтана колыхался кортик. Под мышкой у него была подзорная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым. Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утесом, — вероятно, все еще не мог позабыть о своем столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел человек, которого

прежде я никогда не видел.

Он был бледен, с землистым лицом. На левой руке у него не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нем, хотя у него на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и все же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. Я кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и снова подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

— Пойди-ка сюда, сынок, — сказал он. — Подойди поближе.

Я подошел.

— Этот стол накрыт для моего товарища, штурмана Билли? — спросил он ухмыляясь.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

— Ну что ж, — сказал он, — моего товарища, штурмана Билли, тоже можно называть капитаном. Это дела не меняет. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особливо когда напьется. Вот он каков, мой штурман Билли! У

вашего капитана тоже шрам на щеке. И как раз на правой. Значит, все в порядке, не правда ли? Итак, я хотел бы знать: обретается ли он здесь, в этом доме, мой товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошел погулять.

— А куда, сынок? Куда он пошел?

Я показал ему скалу, на которой ежедневно бывал капитан, и сказал, что он, верно, скоро вернется.

— А когда?

И, задав мне еще несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

— Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было мрачное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец стоял у самой входной двери трактира и следил за углом дома, словно кот, подстерегающий мышь. Я хотел было выйти во двор, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказилось таким гневом, и он разразился такими ругательствами, что я в страхе отскочил

назад. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мною по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо, потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

— У меня есть сынок, — сказал он, — и ты похож на него, как две капли воды. Он — гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное — послушание. Да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали… А вот и он, мой штурман Билли, с подзорной трубой под мышкой, благослови его бог! Давай-ка пойдем опять в зал, спрячемся за дверью, сынок, и устроим Билли сюрприз, обрадуем Билли, благослови его бог!

С этими словами он загнал меня в общую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытой дверью. Мне было и неприятно, и чуть-чуть страшновато, как вы можете себе представить, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам трусит. Он высвободил рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из ножен и все время делал такие движения, как будто глотает какой-то кусок, застрявший у

него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

— Билли! — проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твердость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и оказался прямо перед нами. Загар как бы сошел с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением, или с дьяволом, или с чем-нибудь похуже, если такое бывает. И, признаюсь вам, мне стало жалко его — таким он сразу сделался старым и дряблым.

— Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? — сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

— Черный Пес! — проговорил он наконец.

— Он самый, — ответил незнакомец, несколько приободрившись. — Черный Пес пришел проведать своего старого корабельного друга, своего Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! — воскликнул он, подняв искалеченную руку.

— Ладно, — сказал капитан. — Ты выследил меня, и я перед тобою. Говори же, зачем пришел?

— Узнаю тебя, Билли, — ответил Черный Пес. — Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я так полюбил, принесет мне стаканчик рому. Мы посидим с тобой, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи. Не правда ли?

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом капитана друг против друга.

Черный Пес сидел боком, поближе к двери и одним глазом смотрел на своего старого друга, а другим — на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, — пояснил он.

Я оставил их вдвоем и вернулся к стойке.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились все громче, и наконец мне удалось уловить несколько слов, главным образом ругань, исходившую из уст капитана.

Раз капитан закричал:

— Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слы-

шишь?

И потом снова:

— Если дело дойдет до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь клинков, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Черного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У черного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан замахнулся кортиком и хотел нанести убегающему еще один, самый страшный, удар и несомненно разрубил бы ему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске, внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на свою рану, помчался с такой удивительной скоростью, что через полминуты исчез за холмом. Капитан стоял и смотрел на вывеску как помешанный. Затем несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим, — приказал он, — рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и оперся

рукой о стену.

— Вы ранены? — воскликнул я.

— Рому! — повторил он. — Мне нужно убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и запачкал грязью кран бочки. И пока я приводил все в порядок и наливал другой стакан, вдруг я услышал, как в зале что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбежала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжко. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

— Боже мой! — воскликнула мать. — Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной!

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он ранен насмерть во время поединка с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась, и вошел доктор Ливси, приехавший навестить моего больного отца.

— Доктор, помогите! — воскликнули мы. — Что

нам делать? Куда он ранен?

— Ранен? — сказал доктор. — Чепуха! Он так же ранен, как ты или я. У него просто удар. Что делать! Я предупреждал его… Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды ненужную жизнь… Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую, мускулистую руку. Рука была татуирована во многих местах. На предплечье синели четкие надписи: *«На счастье», «Попутного ветра»* и *«Да сбудутся мечты Билли Бонса».*

Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был выполнен с истинным знанием дела.

— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь… Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда

держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвел нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови. Потом заметил меня и как будто несколько успокоился. Потом вдруг покраснел и, пробуя встать, закричал:

— Где Черный Пес?

— Здесь нет никакого пса, кроме того, что сидит у вас за спиной, — сказал доктор. — Вы пили слишком много рому. И вот вас хватил удар, как я вам предсказывал. И я, против желания, вытащил вас из могилы. Ну, мистер Бонс…

— Я не Бонс, — перебил капитан.

— Не важно, — сказал доктор. — У меня есть знакомый пират, которого зовут Бонсом, и я дал вам это имя для краткости. Запомните, что я вам скажу: один стакан рому вас, конечно, не убьет, но если вы выпьете один стакан, вам захочется выпить еще и еще. И клянусь вам моим париком: если вы не бросите пить, вы в самом скором времени умрете. Понятно? Пойдете туда, куда подобает, как сказано в Библии… Ну, попытайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Он в изнеможении

упал на подушку. Он был почти без чувств.

— Так помните, — сказал доктор, — я говорю вам по чистой совести: слово «ром„и слово “смерть» для вас означают одно и то же.

Взяв меня за руку, он отправился к моему больному отцу.

— Пустяки, — сказал он, едва мы закрыли за собой дверь. — Я выпустил из него столько крови, что он надолго успокоится. Неделю проваляется в постели, а это полезно и для него, и для вас. Но второго удара ему не пережить.

Глава 3
ЧЕРНАЯ МЕТКА

Около полудня я вошел к капитану с прохладительным питьем и лекарством. Он лежал в том же положении, как мы его оставили, только немного повыше. Он показался мне очень слабым и в то же время очень возбужденным.

— Джим, — сказал он, — ты один здесь чего-нибудь стоишь. И ты знаешь: я всегда был добр к тебе. Каждый месяц я давал тебе четыре пенса серебром. Видишь, друг, мне скверно, я болен и всеми покинут! И, Джим, ты принесешь мне кружечку рома, не правда ли?

— Доктор… — начал я.

Но он принялся ругать доктора — слабым голосом, но очень сердито.

— Все доктора — сухопутные крысы, — сказал он. — А этот ваш здешний доктор — ну что он понимает в моряках? Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Желтого Джека,[8] а землетрясения качали сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом. И если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом. И моя кровь будет на тебе, Джим, и на этой крысе, на докторе…

И он снова разразился ругательствами.

— Посмотри, Джим, как дрожат мои пальцы, — продолжал он жалобным голосом. — Я не могу остановить их, чтобы они не дрожали. У меня сегодня не было ни капли во рту. Этот доктор — дурак, уверяю тебя. Если я не выпью рому, Джим, мне будут мерещиться ужасы. Кое-что я уже видел, ей-богу! Я видел старого Флинта, вон там, в углу, у себя за спиной. Видел его ясно, как

---

[8] notes: 8
Желтый Джек — лихорадка.

живого. А когда мне мерещатся ужасы, я становлюсь как зверь — я ведь привык к грубой жизни. Ваш доктор сам сказал, что один стаканчик меня не убьет. Я дам тебе золотую гинею[9] за одну кружечку, Джим!

Он клянчил все настойчивее и был так возбужден, что я испугался, как бы его не услышал отец. Отцу в тот день было особенно плохо, и он нуждался в полном покое. К тому же меня поддерживали слова доктора, что один стакан не повредит капитану.

— Не нужно мне ваших денег, — ответил я, потому что предложение взятки очень оскорбило меня. — Заплатите лучше то, что вы должны моему отцу. Я принесу вам стакан, но это будет последний.

Я принес стакан рому. Он жадно схватил его и выпил до дна.

— Вот и хорошо! — сказал он. — Мне сразу же стало лучше. Послушай, друг, доктор не говорил, сколько мне лежать на этой койке?

— По крайней мере неделю, — сказал я. — Не меньше!

— Гром и молния! — вскричал капитан. — Не-

---

[9] notes: 9
Гинея — английская золотая монета.

делю! Если я буду лежать неделю, они успеют прислать мне черную метку. Эти люди уже пронюхали, где я, — моты и лодыри, которые не могли сберечь свое и зарятся теперь на чужое. Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую. Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках.

С этими словами он стал медленно приподниматься, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал от боли. Тяжело, как колоды, опустились его ноги на пол. И его пылкая речь совершенно не соответствовала еле слышному голосу.

После того как он сел на кровати, он долго не мог выговорить ни слова, но наконец произнес:

— Доконал меня этот доктор… В ушах у меня так и поет. Помоги мне лечь…

Но прежде чем я протянул к нему руку, он снова упал в постель и некоторое время лежал молча.

— Джим, — сказал он наконец, — ты видел сегодня того моряка?

— Черного Пса? — спросил я.

— Да, Черного Пса, — сказал он. — Он очень нехороший человек, но те, которые послали его,

еще хуже, чем он. Слушай: если мне не удастся отсюда убраться и они пришлют мне черную метку, знай, что они охотятся за моим сундуком. Тогда садись на коня… — ведь ты ездишь верхом, не правда ли? — тогда садись на коня и скачи во весь дух… Теперь уж мне все равно… Скачи хоть к этому проклятому доктору, к крысе, и скажи ему, чтобы он свистнул всех матросов на палубу — всяких там присяжных и судей — и накрыл моих гостей на борту «Адмирала Бенбоу», всю шайку старого Флинта, всех до одного, сколько их еще осталось в живых. Я был первым штурманом… да, первым штурманом старого Флинта, и я один знаю, где находится то место. Он сам все мне передал в Саванне, когда лежал при смерти, вот как я теперь лежу. Видишь? Но ты ничего не делай, пока они не пришлют мне черную метку или пока ты снова не увидишь Черного Пса или моряка на одной ноге. Этого одноногого, Джим, остерегайся больше всего.

— А что это за черная метка, капитан? — спросил я.

— Это вроде как повестка, приятель. Когда они пришлют, я тебе скажу. Ты только не проворонь их, милый Джим, и я разделю с тобой все пополам, даю тебе честное слово…

Он начал заговариваться, и голос его становился все слабее. Я дал ему лекарства, и он принял его, как ребенок.

— Еще ни один моряк не нуждался в лекарстве так, как я.

Вскоре он впал в тяжелое забытье, и я оставил его одного.

Не знаю, как бы я поступил, если бы все шло благополучно. Вероятно, я рассказал бы обо всем доктору, ибо я смертельно боялся, чтобы капитан не пожалел о своей откровенности и не прикончил меня. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером внезапно скончался мой бедный отец, и мы позабыли обо всем остальном. Я был так поглощен нашим горем, посещениями соседей, устройством похорон и работой в трактире, что у меня не было времени ни думать о капитане, ни бояться его.

На следующее утро он сошел вниз как ни в чем не бывало. Ел в обычные часы, но без всякого аппетита и, боюсь, выпил больше, чем обыкновенно, потому что сам угощался у стойки. При этом он фыркал и сопел так сердито, что никто не дерзнул запретить ему выпить лишнее. Вечером накануне похорон он был пьян, как обычно. Отвратительно было слышать его разнузданную,

дикую песню в нашем печальном доме. И хотя он был очень слаб, мы до смерти боялись его. Единственный человек, который мог бы заткнуть ему глотку, — доктор, — был далеко: его вызвали за несколько миль к одному больному, и после смерти отца он ни разу не показывался возле нашего дома.

Я сказал, что капитан был слаб. И действительно, он не только не поправлялся, но как будто становился все слабее. Через силу всходил он на лестницу; шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь — подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он тяжело и быстро, как человек, взбирающийся на крутую гору.

Он больше не заговаривал со мной и, по-видимому, позабыл о своей недавней откровенности, но стал еще вспыльчивее, еще раздражительнее, несмотря на всю свою слабость. Напиваясь, он вытаскивал кортик и клал его перед собой на стол и при этом почти не замечал людей, погруженный в свои мысли и бредовые видения.

Раз как-то, к нашему величайшему удивлению, он даже стал насвистывать какую-то деревенскую любовную песенку, которую, вероятно, пел в юности, перед тем как отправиться в море.

В таком положении были дела, когда на другой день после похорон — день был пасмурный, туманный и морозный, — часа в три пополудни, я вышел за дверь и остановился на пороге. Я с тоской думал об отце…

Вдруг я заметил человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собою нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зеленый щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его еще уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного человека. Он остановился невдалеке от трактира и громко произнес нараспев странным гнусавым голосом, обращаясь в пустое пространство:

— Не скажет ли какой-нибудь благодетель бедному слепому человеку, потерявшему драгоценное зрение во время храброй защиты своей родины, Англии, да благословит бог короля Георга, в какой местности он находится в настоящее время?

— Вы находитесь возле трактира «Адмирал Бенбоу», в бухте Черного Холма, добрый человек, — сказал я.

— Я слышу голос, — прогнусавил старик, — и молодой голос. Дайте мне руку, добрый молодой человек, и проводите меня в этот дом!

Я протянул ему руку, и это ужасное безглазое существо с таким слащавым голосом схватило ее, точно клещами.

Я так испугался, что хотел убежать. Но слепой притянул меня к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — веди меня к капитану.

— Сэр, — проговорил я, — я, честное слово, не смею…

— Не смеешь? — усмехнулся он. — Ах вот как! Не смеешь! Веди меня сейчас же, или я сломаю тебе руку!

И он так повернул мою руку, что я вскрикнул.

— Сэр, — сказал я, — я боялся не за себя, а за вас. Капитан теперь не такой, как всегда. Он сидит с обнаженным кортиком. Один джентльмен уже приходил к нему и…

— Живо, марш! — перебил он меня.

Никогда я еще не слыхал такого свирепого, холодного и мерзкого голоса. Этот голос напугал меня сильнее, чем боль. Я понял, что должен подчиниться, и провел его в зал, где сидел наш больной пират, одурманенный ромом.

Слепой вцепился в меня железными пальцами. Он давил меня всей своей тяжестью, и я едва держался на ногах.

— Веди меня прямо к нему и, когда он меня увидит, крикни: «Вот ваш друг, Билли». Если ты не крикнешь, я вот что сделаю!

И он так вывернул мою руку, что я едва не потерял сознания. Я так боялся слепого нищего, что забыл мой ужас перед капитаном и, открыв дверь зала, дрожащим голосом прокричал те слова, которые слепой велел мне прокричать.

Бедный капитан вскинул глаза вверх и разом протрезвился. Лицо его выражало не испуг, а скорее смертельную муку. Он попытался было встать, но у него, видимо, не хватило сил.

— Ничего, Билли, сиди, где сидишь, — сказал нищий. — Я не могу тебя видеть, но я слышу, как дрожат твои пальцы. Дело есть дело. Протяни свою правую руку… Мальчик, возьми его руку и поднеси к моей правой руке.

Мы оба повиновались ему. И я видел, как он переложил что-то из своей руки, в которой держал палку, в ладонь капитана, сразу же сжавшуюся в кулак.

— Дело сделано, — сказал слепой.

При этих словах он отпустил меня и с проворством, неожиданным в калеке, выскочил из общей комнаты на дорогу. Я все еще стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющемуся стуку его палки.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы с капитаном пришли в себя. Я выпустил его запястье, а он потянул к себе руку и взглянул на ладонь.

— В десять часов! — воскликнул он. — Осталось шесть часов. Мы еще им покажем!

И вскочил на ноги, но сейчас же покачнулся и схватился за горло. Так стоял он, пошатываясь, несколько мгновений, потом с каким-то странным звуком всей тяжестью грохнулся на пол.

Я сразу кинулся к нему и позвал мать. Но было поздно. Капитан скоропостижно скончался от апоплексического удара. И странно: мне, право, никогда не нравился этот человек, хотя в последнее время я начал жалеть его, но, увидев его мертвым, я заплакал. Я плакал долго, я истекал слезами. Это была вторая смерть, которая произошла у меня на глазах, и горе, нанесенное мне первой, было еще слишком свежо в моем сердце.

Глава 4
МАТРОССКИЙ СУНДУК

Я, конечно, сразу же рассказал матери все, что знал. Может быть, мне следовало рассказать ей об этом раньше. Мы очутились в трудном, опасном положении.

Часть денег, оставшихся после капитана, — если только у него были деньги, — безусловно должна была принадлежать нам. Но вряд ли его товарищи, вроде Черного Пса и слепого нищего, согласились бы отказаться от своей добычи для уплаты долгов покойного. Приказ капитана сесть верхом на коня и скакать за доктором Ливси я выполнить не мог: нельзя было оставить мать одну, без всякой защиты. Об этом нечего было и думать. Но мы не смели долее и оставаться дома: мы вздрагивали даже тогда, когда уголья у нас в очаге падали на железную решетку; мы боялись даже тиканья часов. Всюду нам слышались чьи-то шаги, будто кто-то приближается к нам.

При мысли о том, что на полу лежит мертвое тело и что где-то поблизости бродит омерзительный слепой нищий, который может вот-вот

вернуться, волосы мои вставали дыбом. Медлить было нельзя ни минуты. Надо было что-то предпринять. И мы решили отправиться вместе в ближнюю деревушку за помощью. Сказано — сделано. С непокрытыми головами бросились мы бежать сквозь морозный туман. Уже начинало темнеть.

Деревушка от нас не была видна, но находилась она недалеко, в нескольких стах ярдах от нас, на противоположном берегу соседней бухты. Меня очень ободряло сознание, что слепой нищий появился с другой стороны и ушел, надо полагать, туда же. Шли мы недолго, хотя иногда останавливались, прислушиваясь. Но кругом слышались привычные звуки: гудел прибой и каркали в лесу вороны.

В деревушке уже зажгли свечи, и я никогда не забуду, как их желтоватое сияние в дверях и окнах успокоило нас. Но в этом и заключалась вся помощь, которую мы получили. Ни один из жителей деревни, к их стыду, не согласился пойти с нами в «Адмирал Бенбоу».

Чем больше говорили мы о наших тревогах, тем сильнее все льнули к своим углам. Имя капитана Флинта, мне до той поры незнакомое, было хорошо известно многим из них и приводило

их в ужас. Некоторые вспомнили, что однажды, работая в поле неподалеку от «Адмирала Бенбоу», видели на дороге каких-то подозрительных людей. Незнакомцы показались им контрабандистами, и они поспешили домой, чтобы покрепче закрыть свои двери. Кто-то даже видел небольшой люггер[10] в бухте, называемой Логовом Китта. Поэтому одно упоминание о приятелях капитана приводило их в трепет. Находились смельчаки, которые соглашались съездить за доктором Ливси, жившим в другой стороне, но никто не хотел принять участие в охране трактира.

Говорят, что трусость заразительна. Но разумные доводы, напротив, способны внушить человеку храбрость. Когда все отказались идти вместе с нами, мать заявила, что отнюдь не собирается терять деньги, которые принадлежат ее осиротевшему сыну.

— Вы можете робеть сколько угодно, — сказала она, — мы с Джимом не трусливого десятка. Мы вернемся той же дорогой, какой пришли. Мало чести вам, дюжим и широкоплечим мужчинам с такими цыплячьими душами! Мы откроем сундук, хотя бы пришлось из-за него умереть… Я буду

[10] notes: 10
Небольшое парусное судно.

очень благодарна, миссис Кроссли, если вы разрешите мне взять вашу сумку, чтобы положить в нее деньги, принадлежащие нам по закону.

Я, конечно, заявил, что пойду с матерью, и, конечно, все заорали, что это безумие. Однако никто, даже из мужчин, не вызвался нас проводить. Помощь их ограничивалась тем, что они дали мне заряженный пистолет на случай нападения и обещали держать наготове оседланных лошадей, чтобы мы могли удрать, если разбойники будут гнаться за нами. А один молодой человек поскакал к доктору за вооруженным подкреплением.

Бешено колотилось мое сердце, когда мы отправились в наш опасный путь. Вечер был холодный. Всходила полная луна. Она уже поднялась над горизонтом и краснела в тумане, с каждой минутой сияя все ярче. Мы поняли, что скоро станет светло, как днем, и нас на обратном пути нетрудно будет заметить. Поэтому мы заторопились еще больше. Мы крались вдоль заборов, бесшумно и быстро, и, не встретив на дороге ничего страшного, добрались наконец до «Адмирала Бенбоу».

Войдя в дом, я сразу же закрыл дверь на засов. Тяжело дыша, мы стояли в темноте, одни в пустом доме, где лежало мертвое тело. Затем мать принесла из бара свечу, и, держась за руки, мы

вошли в общую комнату. Капитан лежал в том же положении, как мы его оставили, — на спине, с открытыми глазами, откинув одну руку.

— Опусти шторы, Джим, — прошептала мать. — Они могут следить за нами через окно… А теперь, — сказала она, когда я опустил шторы, — надо отыскать ключ от сундука… Но хотела бы я знать, кто решится дотронуться до него…

И она даже чуть-чуть всхлипнула при этих словах.

Я опустился на колени. На полу возле руки капитана лежал крохотный бумажный кружок, вымазанный с одной стороны чем-то черным. Я не сомневался, что это и есть черная метка. Я схватил ее и заметил, что на другой ее стороне написано красивым, четким почерком: «Даем тебе срок до десяти вечера».

— У него был срок до десяти, мама, — сказал я.

И в то же мгновение наши старые часы начали бить. Этот внезапный звук заставил нас сильно вздрогнуть. Но он и обрадовал нас, так как было только шесть часов.

— Ну, Джим, — сказала мать, — ищи ключ.

Я обшарил карманы капитана один за другим. Несколько мелких монет, наперсток, нитки и толстая игла, кусок свернутого табаку, надкусан-

ный с краю, нож с кривой ручкой, карманный компас, огниво — вот и все, что я там нашел. Я уже начал отчаиваться...

— Может быть, на шее? — сказала мать.

Преодолев отвращение, я разорвал ворот его рубашки. И действительно, на просмоленной веревке, которую я сейчас же перерезал собственным ножом капитана, висел ключ.

Эта удача наполнила наши сердца надеждой, и мы поспешили наверх, в ту тесную комнату, где так долго жил капитан и где со дня его приезда стоял его сундук.

Снаружи это был самый обыкновенный матросский сундук. На крышке видна была буква «Б», выжженная каленым железом. Углы были потерты и сбиты, точно этот сундук отслужил долгую и трудную службу.

— Дай мне ключ, — сказала мать.

Замок поддавался туго, однако ей удалось открыть его, и она в одно мгновение откинула крышку.

На нас пахнуло крепким запахом табака и дегтя. Прежде всего мы увидели новый, старательно вычищенный и выутюженный костюм, очень хороший и, по словам матери, ни разу еще не надеванный. Подняв костюм, мы нашли кучу

самых разнообразных предметов: квадрант,[11] жестяную кружку, несколько кусков табаку, две пары изящных пистолетов, слиток серебра, старинные испанские часы, несколько безделушек, не слишком ценных, но преимущественно заграничного производства, два компаса в медной оправе и пять или шесть причудливых раковин из Вест-Индии. Впоследствии я часто думал, зачем капитан, живший такой непоседливой, опасной, преступной жизнью, таскал с собой эти раковины.

Но ничего ценного, кроме слитка серебра и безделушек, мы не нашли, а это нам было не нужно. На самом дне лежал старый шлюпочный плащ, побелевший от соленой воды у многих прибрежных отмелей. Мать нетерпеливо откинула его, и мы увидели последние вещи, лежавшие в сундуке: завернуты в клеенку пакет, вроде пачки бумаг, и холщовый мешок, в котором, судя по звону, было золото.

— Я покажу этим разбойникам, что я честная женщина, — сказала мать. — Я возьму только то, что он мне был должен, и ни фартинга[12] больше.

---

[11] notes: 11
Прибор для измерения высоты небесных тел.

[12] notes: 12
Фартинг — мелкая английская монета.

Держи сумку миссис Кроссли!

И она начала отсчитывать деньги, перекладывая их из мешка в сумку, которую я держал. Это было трудное дело, отнявшее много времени. Тут были собраны и перемешаны монеты самых разнообразных чеканок и стран: и дублоны, и луидоры, и гинеи, и пиастры, и еще какие-то, неизвестные мне. Гиней было меньше всего, а мать моя умела считать только гинеи.

Когда она отсчитала уже половину того, что был должен нам капитан, я вдруг схватил ее за руку. В тихом морозном воздухе пронесся звук, от которого кровь застыла у меня в жилах: постукиванье палки слепого по мерзлой дороге. Стук

приближался, и мы прислушивались к нему, затаив дыхание. Затем раздался громкий удар в дверь трактира, после этого ручка двери задвигалась и лязгнул засов — нищий пытался войти. Наступила тишина внутри и снаружи. И наконец опять послышалось постукиванье палки. К нашей неописуемой радости, оно теперь удалялось и скоро замерло.

— Мама, — сказал я, — бери все, и бежим скорей.

Я был убежден, что запертая на засов дверь показалась слепому подозрительной, и побоялся, что он приведет сюда весь свой осиный рой.

И все же как хорошо, что я догадался запереть дверь на засов! Это мог бы понять только тот, кто знал этого страшного слепого.

Но мать, несмотря на весь свой страх, не соглашалась взять ни одной монетой больше того, что ей следовало, и в то же время упрямо не желала взять меньше. Она говорила, что еще нет семи часов, что у нас уйма времени. Она знает свои права и никому не уступит их. Упорно спорила она со мной до тех пор, пока мы вдруг не услыхали протяжный тихий свист, раздавшийся где-то вдалеке, на холме.

Мы сразу перестали препираться.

— Я возьму то, что успела отсчитать, — сказала она, вскакивая на ноги.

— А я прихвачу и это для ровного счета, — сказал я, беря пачку завернутых в клеенку бумаг.

Через минуту мы уже ощупью спускались вниз. Свеча осталась у пустого сундука. Я отворил дверь, и мы вышли на дорогу. Нельзя было терять ни минуты. Туман быстро рассеивался. Луна ослепительно озаряла холмы. Только в глубине лощины и у дверей трактира клубилась зыбкая завеса туманной мглы, как бы для того, чтобы скрыть наши первые шаги. Но уже на половине дороги, чуть повыше, у подножия холма, мы должны были неизбежно попасть в полосу лунного света.

И это было не все — вдалеке мы услышали чьи-то быстрые шаги.

Мы обернулись и увидели прыгающий и приближающийся огонек: кто-то нес фонарь.

— Милый, — вдруг сказала мать, — бери деньги и беги. Я чувствую, что сейчас упаду в обморок…

«Мы погибли оба», — решил я. Как проклинал я трусость наших соседей! Как сердился я на свою бедную мать и за ее честность, и за ее жадность, за ее прошлую смелость и за ее теперешнюю слабость!

К счастью, мы проходили возле какого-то мостика. Я помог ей — она шаталась — сойти вниз, к берегу. Она вздохнула и склонилась ко мне на плечо. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я потащил ее вдоль берега и втащил под мост. Боюсь только, что это было сделано довольно грубо. Мостик был низенький, и двигаться под ним можно было только на четвереньках. Я пополз дальше, под арку, а мать осталась почти вся на виду. Это было в нескольких шагах от трактира.

Глава 5
КОНЕЦ СЛЕПОГО

Оказалось, что любопытство мое было сильнее страха. Я не мог усидеть на месте. Осторожно вылез я в ложбинку и спрятался за кустом ракитника. Отсюда я отчетливо видел дорогу перед дверью трактира.

Едва я занял свой наблюдательный пост, как появились враги. Их было человек семь или восемь. Они быстро приближались, громко и беспорядочно стуча башмаками. Человек с фонарем бежал впереди всех. За ним следовали трое, держась за руки. Несмотря на туман, я разглядел, что средний в этом «трио» — слепой нищий. Затем я

услышал его голос и убедился, что был прав.

— К черту дверь! — крикнул он.

— Есть, сэр! — отозвались двое или трое.

И они кинулись в атаку на дверь «Адмирала Бенбоу»; человек с фонарем шел сзади. У самой двери они остановились и принялись совещаться шепотом. Очевидно, их поразило, что дверь не заперта. Затем опять раздались приказания слепого. Нетерпеливый, свирепый голос его становился все громче и визгливее.

— В дом! В дом! — кричал он, проклиная товарищей за медлительность.

Четверо или пятеро вошли в дом, двое остались на дороге вместе с ужасным нищим. Потом после нескольких минут тишины раздался крик удивления и чей-то голос завопил изнутри:

— Билли мертвый!

Но слепой снова выругал их за то, что они так копаются.

— Обыщите его, подлые лодыри! Остальные наверх, за сундуком! — приказал он.

Они застучали башмаками по ветхим ступеням, и весь дом задрожал от их топота. Затем снова раздались удивленные голоса. Окошко в комнате капитана распахнулось настежь, и вниз со звоном посыпались осколки разбитого стекла. Из

окна высунулся человек. Голова его и плечи были хорошо видны при свете месяца. Он крикнул слепому нищему, стоявшему внизу на дороге:

— Эй, Пью, здесь уже успели побывать раньше нас!.. Кто-то перерыл весь сундук снизу доверху!

— А то на месте? — проревел Пью.

— Деньги тут.

— К черту деньги! — закричал слепой. — Я говорю о бумагах Флинта.

— Бумаг не видать, — отозвался человек.

— Эй вы, там, внизу, посмотрите, нет ли их на теле! — снова крикнул слепой.

Другой разбойник — вероятно, один из тех, кто остался внизу обыскивать труп капитана, — появился в дверях трактира.

— Его успели обшарить до нас, — сказал он. — Нам ничего не оставили.

— Нас ограбили здешние люди. Этот тот щенок! — крикнул Пью. — Жаль, что я не выколол ему глаза… Эти люди были здесь совсем недавно. Когда я хотел войти, дверь была заперта на засов. Ищите же их, ребята! Ищите во всех углах…

— Да, они были здесь. Они оставили горящую свечу, — сказал человек в окне.

— Ищите! Ищите! Перероите весь дом! — повторил Пью, стуча палкой.

И вот в нашем старом трактире начался ужасный кавардак. Тяжелые шаги загремели повсюду. Посыпались обломки разбиваемой мебели, захлопали двери вверху и внизу, так что даже окрестные скалы подхватили этот бешеный грохот. Но все напрасно: люди один за другим выходили на дорогу и докладывали, что не нашли нас нигде.

В это мгновение вдали снова раздался тот самый свист, который так напугал мою мать и меня, когда мы считали монеты покойного. На этот раз он прозвучал дважды. Прежде я думал, что этим свистом слепой сзывает своих товарищей на штурм. Но теперь я заметил, что свист раздается со стороны холма, обращенного к деревушке, и догадался, что это сигнал, предупреждающий бандитов об опасности.

— Это Дэрк, — сказал один. — Слышите: он свистит два раза. Надо бежать, ребята.

— Бежать?! — крикнул Пью. — Ах вы, олухи! Дэрк всегда был дурак и трус. Нечего слушать Дэрка. Они где-то здесь, поблизости. Они не могли убежать далеко. Вы должны их найти. Ищите же, псы! Ищите! Ищите во всех закоулках! О, дьявол! — воскликнул он. — Будь у меня глаза!

Этот крик несколько приободрил разбойников.

Двое из них принялись рыскать между деревьями в роще, но нехотя, еле двигаясь. Они, как мне показалось, больше думали о бегстве, чем о поисках. Остальные растерянно стояли посреди дороги.

— У нас в руках тысячи, а вы мямлите, как идиоты! Если вы найдете эту бумагу, вы станете богаче короля! Бумага эта здесь, в двух шагах, а вы отлыниваете и норовите удрать! Среди вас не нашлось ни одного смельчака, который рискнул бы отправиться к Билли и дать ему черную метку. Это сделал я, слепой! И из-за вас я теряю теперь свое счастье! Я должен пресмыкаться в нищете и выпрашивать гроши на стаканчик, когда я мог бы разъезжать в каретах!

— Но ведь дублоны у нас, — проворчал один.

— А бумагу они, должно быть, припрятали, — добавил другой. — Бери деньги, Пью, и перестань бесноваться.

Пью и правда был вроде бешеного. Последние возражения разбойников окончательно разъярили его. В припадке неистовой злобы он поднял свою клюку и, бросившись вслепую на товарищей, принялся награждать их ударами.

Те, в свою очередь, отвечали злодею ругательствами, сопровождая их ужасными угрозами. Они пытались схватить клюку и вырвать ее у

него из рук.

Эта ссора была спасение для нас.

Пока они дрались и переругивались, с холмов, со стороны деревушки, донесся топот скачущих лошадей. Почти в то же мгновение где-то за изгородью блеснул огонек и грянул пистолетный выстрел. Это был последний сигнал. Он означал, что опасность близка. Разбойники кинулись в разные стороны — одни к морю, по берегу бухты, другие вверх, по откосу холма. Через полминуты на дороге остался один Пью. Они бросили его одного — может быть, забыли о нем в паническом страхе, а может быть, нарочно в отместку за брань и побои. Оставшись один, он в бешенстве стучал палкой по дороге и, протягивая руки, звал товарищей, но окончательно сбился с пути и, вместо того чтобы кинуться к морю, побежал по направлению к деревне.

Он промчался в нескольких шагах от меня, приговаривая плачущим голосом:

— Джонни, Черный Пес, Дэрк... — Он называл и другие имена. — Ведь вы не кинете старого Пью, дорогие товарищи, ведь вы не оставите старого Пью!

Топот коней между тем приближался. Уже можно было различить пять или шесть всадников,

озаренных луной. Они неслись во весь опор вниз по склону холма.

Тут слепой сообразил, что идет не туда, куда надо. Вскрикнув, он повернулся и побежал прямо к придорожной канаве, в которую не замедлил скатиться. Но сейчас же поднялся и, обезумев, выкарабкался опять на дорогу, как раз под ноги коню, скакавшему впереди всех.

Верховой хотел спасти его, но было поздно. Отчаянный крик слепого, казалось, разорвал ночную тьму. Четыре копыта лошади смяли и раздавили его. Он упал на бок, медленно перевернулся навзничь и больше не двигался.

Я вскочил на ноги и окликнул верховых. Они остановились, перепуганные происшедшим несчастьем. Я сейчас же узнал их. Скакавший сзади всех был тот самый подросток, который вызвался съездить из деревушки за доктором Ливси. Остальные оказались таможенными стражниками, которых он встретил на пути. У него хватило ума позвать их на помощь. Слухи о каком-то люггере в Логове Китта и прежде доходили до таможенного надзирателя мистера Данса. Дорога к Логову Китта шла мимо нашего трактира, Данс тотчас же поскакал туда в сопровождении своего отряда. Благодаря этой счастливой случайности

мы с матерью спаслись от неминуемой смерти.

Пью был убит наповал. Мать мою мы отнесли в деревню. Там дали ей понюхать ароматической соли, обрызгали ее холодной водой, и она очнулась. Несмотря на все перенесенные страхи, она не переставала жаловаться, что не успела взять из капитановых денег всю сумму, которая ей причиталась по праву.

Тем временем таможенный надзиратель Данс поскакал со своим отрядом в Логово Китта. Но стражники спешились и осторожно спускались по склону, ведя лошадей под уздцы, а то и поддерживая их, и постоянно опасаясь засады. И, естественно, к тому времени, когда они добрались наконец до бухты, судно уже успело поднять якорь, хотя и находилось еще неподалеку от берега. Данс окликнул его. В ответ раздался голос, советовавший ему избегать освещенных луной мест, если он не хочет получить хорошую порцию свинца. И тотчас же возле его плеча просвистела пуля.

Вскоре судно обогнуло мыс и скрылось.

Мистер Данс, по его собственным словам, чувствовал себя, стоя на берегу, точно «рыба, выброшенная из воды». Он сразу послал человека

в Б..., чтобы выслали в море куттер.[13]

— Но все это зря, — сказал он. — Они удрали, и их не догонишь. Я рад и тому, — добавил он, — что наступил господину Пью на мозоль.

Я ему уже успел рассказать о слепом.

Вместе с ним я вернулся в «Адмирал Бенбоу». Трудно передать, какой там был разгром. Бандиты, ища меня и мать, сорвали со стены даже часы. И хотя они ничего не унесли с собой, кроме денежного мешка, принадлежавшего капитану, и нескольких серебряных монет из нашей кассы, мне сразу стало ясно, что мы разорены.

Мистер Данс долго ничего не мог понять.

— Ты говоришь, они взяли деньги? Объясни мне, Хокинс, чего же им еще было нужно? Они еще каких-нибудь денег искали?

— Нет, сэр, не денег, — ответил я. — То, что они искали, лежит у меня здесь, в боковом кармане. Говоря по правде, я хотел бы положить эту вещь в более безопасное место.

— Верно, мальчик, верно, — сказал он. — Дай ее мне, если хочешь.

— Я думал дать ее доктору Ливси... — начал я.

— Правильно! — с жаром перебил он меня. —

---

[13] notes: 13
Одномачтовое судно.

Правильно. Доктор Ливси — джентльмен и судья. Пожалуй, и мне самому следовало бы съездить к нему или к сквайру и доложить о происшедшем. Ведь как-никак, а Пью умер. Я нисколько не жалею об этом, но могут найтись люди, которые взвалят вину на меня, королевского таможенного надзирателя. Знаешь что, Хокинс? Поедем со мной. Я возьму тебя с собой, если хочешь.

Я поблагодарил его, и мы пошли в деревушку, где стояли лошади. Пока я прощался с матерью, все уже сели в седла.

— Доггер, — сказал мистер Данс, — у тебя хорошая лошадь. Посади этого молодца к себе за спину.

Как только я уселся позади Доггера и взялся за его пояс, надзиратель приказал трогаться в путь, и отряд крупной рысью поскакал по дороге к дому доктора Ливси.

Глава 6
БУМАГИ КАПИТАНА

Мы неслись во весь опор и наконец остановились у дома доктора Ливси. Весь фасад был погружен во мрак.

Мистер Данс велел мне спрыгнуть с лошади и

постучаться. Доггер подставил стремя, чтобы мне было удобнее сойти. На стук вышла служанка.

— Доктор Ливси дома? — спросил я.

— Нет, — отвечала она. — Он вернулся после полудня домой, а теперь ушел в усадьбу пообедать и провести вечер со сквайром.

— В таком случае мы едем туда, — сказал мистер Данс.

До усадьбы было недалеко. Я даже не сел в седло, а побежал рядом с лошадью, держась за стремя Доггера.

Мелькнули ворота парка. Длинная безлиственная, озаренная луной аллея вела к белевшему вдали помещичьему дому, окруженному просторным старым садом. Мистер Данс соскочил с лошади и повел меня в дом. Нас тотчас же впустили туда.

Слуга провел нас по длинному коридору, пол которого был застлан ковром, в кабинет хозяина. Стены кабинета были уставлены книжными шкафами. На каждом шкафу стоял бюст. Сквайр и доктор Ливси сидели возле яркого огня и курили.

Я никогда не видел сквайра так близко. Это был высокий мужчина, более шести футов ростом, дородный, с толстым суровым лицом, огрубевшим и обветренным во время долгих странствий. У него

были черные подвижные брови, выдававшие не злой, но надменный и вспыльчивый нрав.

— Войдите, мистер Данс, — сказал он высокомерно и снисходительно. — Добрый вечер!

— Добрый вечер, Данс, — сказал доктор и кивнул головой. — Добрый вечер, друг Джим. Какой попутный ветер занес вас сюда?

Таможенный надзиратель выпрямился, руки по швам, и рассказал все наши приключения, как заученный урок. Посмотрели бы вы, как многозначительно переглядывались эти два джентльмена во время его рассказа! Они слушали с таким любопытством, что даже перестали курить. А когда они услыхали, как мать моя отправилась ночью обратно в наш дом, доктор Ливси хлопнул себя по бедру, а сквайр крикнул «браво» и разбил свою длинную трубку о решетку камина. Мистер Трелони (так, если вы помните, звали сквайра) давно уже оставил свое кресло и расхаживал по комнате, а доктор, словно для того, чтобы лучше слышать, стащил с головы свой напудренный парик. Странно было видеть его без парика, с коротко остриженными черными волосами.

Наконец мистер Данс окончил свой рассказ.

— Мистер Данс, — сказал сквайр, — вы благо-

родный человек! А прикончив одного из самых кровожадных злодеев, вы совершили доблестный поступок. Таких надо давить, как тараканов!.. Хокинс, я вижу, тоже малый не промах. Позвони в тот колокольчик, Хокинс. Мистер Данс должен выпить пива.

— Значит, Джим, — сказал доктор, — то, что они искали, находится здесь, у тебя?

— Вот оно, — сказал я и протянул ему завернутый в клеенку пакет.

Доктор осмотрел пакет со всех сторон. По-видимому, ему не терпелось вскрыть его. Но он пересилил себя и спокойно положил пакет в карман.

— Сквайр, — сказал он, — когда Данс выпьет пива, ему придется вернуться к своим служебным обязанностям. А Джим Хокинс будет ночевать у меня. Если позволите, я попрошу сейчас подать ему холодного паштета на ужин.

— Еще бы, сделайте милость, Ливси! — отозвался сквайр. — Хокинс сегодня заслужил кое-что и побольше.

Передо мной на одном из маленьких столиков поставили большую порцию голубиного паштета. Я был голоден как волк, и поужинал с большим удовольствием. А тем временем Данс,

выслушав немало новых похвал, удалился.

— Ну, сквайр, — сказал доктор.

— Ну, доктор, — сказал сквайр.

— В одно слово! — засмеялся доктор Ливси. — Надеюсь, вы слышали об этом Флинте?

— Слыхал ли я о Флинте?! — воскликнул сквайр. — Вы спрашиваете, слыхал ли я о Флинте? Это был самый кровожадный пират из всех, какие когда-либо плавали по морю. Черная Борода перед Флинтом младенец. Испанцы[14] так боялись его, что, признаюсь вам, сэр, я порой гордился, что он англичанин. Однажды возле Тринидада я видел вдали верхушки его парусов, но наш капитан струсил и тотчас же повернул обратно, сэр, в Порт-оф-Спейн.[15]

— Я слышал о нем здесь, в Англии, — сказал доктор. — Но вот вопрос: были ли у него деньги?

— Деньги! — вскричал сквайр. — Разве вы не слыхали, что рассказывал Данс? Чего могли искать эти злодеи, если не денег? Что им нужно, кроме денег? Ради чего, кроме денег, они стали

---

[14] notes: 14

В XVIII веке Англия воевала с Испанией и Францией, а в XVII веке — также и с Голландией; отсюда вражда некоторых персонажей романа к испанцам, французам и голландцам.

[15] notes: 15

Столица острова Тринидад в Карибском море.

бы рисковать своей шкурой?

— Мы скоро узнаем, ради чего они рисковали шкурой, — ответил доктор. — Вы так горячитесь, что не даете мне слова сказать. Вот что я хотел бы выяснить: предположим, здесь, у меня в кармане, находится ключ, с помощью которого можно узнать, где Флинт спрятал свои сокровища. Велики ли эти сокровища?

— Велики ли, сэр! — закричал сквайр. — Так слушайте! Если только действительно в наших руках находится ключ, о котором вы говорите, я немедленно в бристольских доках снаряжаю подходящее судно, беру с собой вас и Хокинса и еду добывать это сокровище, хотя бы нам пришлось искать его целый год!

— Отлично, — сказал доктор. — В таком случае, если Джим согласен, давайте вскроем пакет.

И он положил пакет перед собой на стол.

Пакет был крепко зашит нитками. Доктор достал свой ящик с инструментами и разрезал нитки хирургическими ножницами. В пакете оказались две вещи: тетрадь и запечатанный конверт.

— Прежде всего посмотрим тетрадь, — предложил доктор.

Он ласково подозвал меня к себе, и я встал из-за стола, за которым ужинал, чтобы принять участие в раскрытии тайны. Доктор начал перелистывать тетрадь. Сквайр и я с любопытством смотрели через его плечо.

На первой странице тетради были нацарапаны всевозможные каракули. Было похоже, что их выводили от нечего делать или для пробы пера. Между прочим, здесь была и та надпись, которую капитан вытатуировал у себя на руке: «Да сбудутся мечты Билли Бонса», и другие в том же роде, например: «Мистер У.Бонс, штурман», «Довольно рому», «У Палм-Ки»[16] он получил все, что ему причиталось». Были и другие надписи, совсем непонятные, состоявшие большей частью из одного слова. Меня очень заинтересовало, кто был тот, который получил, «что ему причиталось», и что именно ему причиталось. Быть может, удар ножом в спину?

— Ну, из этой страницы не много выжмешь, — сказал доктор Ливси.

Десять или двенадцать следующих страниц были полны странных бухгалтерских записей. На одном конце строки стояла дата, а на другом — денежный итог, как и обычно в бухгалтерских книгах. Но вместо всяких объяснений в промежутке стояло только различное число крестиков. Двенадцатым июня 1745 года, например, была помечена сумма в семьдесят фунтов стерлингов,

---

[16] notes: 16
Островок у берегов Флориды.

но все объяснения, откуда она взялась, заменяли собой шесть крестиков. Изредка, впрочем, добавлялось название местности, например: «Против Каракаса», или просто помечались широта и долгота, например: «62° 17’ 20”, 19° 2’ 40”».

Записи велись в течение почти двадцати лет. Заприходованные суммы становились все крупнее. И в самом конце, после пяти или шести ошибочных, зачеркнутых подсчетов, был подведен итог, и внизу подписано: «Доля Бонса».

— Я ничего не могу понять, — сказал доктор Ливси.

— Все ясно, как день! — воскликнул сквайр. — Перед нами приходная книга этого гнусного пса. Крестиками заменяются названия потопленных кораблей и ограбленных городов. Цифры обозначают долю этого душегуба в общей добыче. Там, где он боялся неточности, он вставлял некоторые пояснения. «Против Каракаса», например. Это значит, что против Каракаса было ограблено какое-то несчастное судно. Бедные моряки, плывшие на нем, давно уже гниют среди кораллов.

— Правильно! — сказал доктор. — Вот что значит быть путешественником! Правильно! И доля его росла, по мере того как он повышался в чине.

Ничего больше в этой тетради не было, кроме

названий некоторых местностей, записанных на чистых листах, и таблицы для перевода английских, испанских и французских денег в ходячую монету.

— Бережливый человек! — воскликнул доктор. — Его не обсчитаешь.

— А теперь, — сказал сквайр, — посмотрим, что здесь.

Конверт был запечатан в нескольких местах. Печатью служил наперсток, который я нашел у капитана в кармане. Доктор осторожно сломал печати, и на стол выпала карта какого-то острова, с широтой и долготой, с обозначением глубин моря возле берегов, с названием холмов, заливов и мысов. Вообще здесь было все, что может понадобиться, чтобы без всякого риска подойти к неведомому острову и бросить якорь.

Остров имел девять миль в длину и пять в ширину. Он напоминал жирного дракона, ставшего на дыбы. Мы заметили две гавани, хорошо укрытые от бурь, и холм посередине, названный «Подзорная Труба».

На карте было много добавлений, сделанных позже. Резче всего бросались в глаза три крестика, сделанных красными чернилами, — два в северной части острова и один в юго-западной. Возле

этого последнего крестика теми же красными чернилами мелким, четким почерком, совсем не похожим на каракули капитана, было написано:

«Главная часть сокровищ здесь».

На оборотной стороне карты были пояснения, написанные тем же почерком. Вот они:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы, направление к С. от С.-С.-В.

Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В. Десять футов.

Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горки, в десяти саженях к югу от черной скалы, если стать к ней лицом.

Оружие найти легко в песчаном холме на С. оконечности Северного мыса, держать на В. и на четверть румба к С.

Д.Ф.»

И все. Эти записи показались мне совсем непонятными. Но, несмотря на свою краткость, они привели сквайра и доктора Ливси в восторг.

— Ливси, — сказал сквайр, — вы должны немедленно бросить вашу жалкую практику. Завтра я

еду в Бристоль. Через три недели… нет, через две недели… нет, через десять дней у нас будет лучшее судно, сэр, и самая отборная команда во всей Англии. Хокинс поедет юнгой… Из тебя выйдет прекрасный юнга, Хокинс… Вы, Ливси, — судовой врач. Я — адмирал. Мы возьмем с собой Редрута, Джойса и Хантера. Попутный ветер быстро домчит нас до острова. Отыскать там сокровища не составит никакого труда. У нас будет столько монет, что нам хватит на еду, мы сможем купаться в них, швырять их рикошетом в воду…

— Трелони, — сказал доктор, — я еду с вами. Ручаюсь, что мы с Джимом оправдаем ваше доверие. Но есть один, на которого я боюсь положиться.

— Кто он? — воскликнул сквайр. — Назовите этого пса, сэр!

— Вы, — ответил доктор, — потому что вы не умеете держать язык за зубами. Не мы одни знаем об этих бумагах. Разбойники, которые сегодня вечером разгромили трактир, — как видите, отчаянно смелый народ, а те разбойники, которые оставались на судне, — и, кроме них, смею сказать, есть и еще где-нибудь поблизости — сделают, конечно, все возможное, чтобы завладеть сокровищами. Мы нигде не должны показываться поодиночке, пока не отчалим от берега.

Я останусь здесь вместе с Джимом до отъезда. Вы берите Джойса и Хантера и отправляйтесь с ними в Бристоль. И, самое главное, мы никому не должны говорить ни слова о нашей находке.

— Ливси, — ответил сквайр, — вы всегда правы. Я буду нем как могила.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Судовой повар
Глава 7
Я ЕДУ В БРИСТОЛЬ

На подготовку к плаванию ушло гораздо больше времени, чем воображал сквайр. Да и вообще все наши первоначальные планы пришлось изменить. Прежде всего, не осуществилось желание доктора Ливси не разлучаться со мной: ему пришлось отправиться в Лондон искать врача, который заменил бы его в наших местах на время его отсутствия. У сквайра было много работы в Бристоле. А я жил в усадьбе под присмотром старого егеря[17] Редрута, почти как пленник, мечтая о неведомых островах и морских приключениях. Много часов провел я над картой и выучил ее наизусть. Сидя у огня в комнате домоправителя, я в мечтах своих подплывал к острову с различных сторон. Я исследовал каждый его вершок, тысячи раз взбирался на высокий холм, названный Подзорной Трубой, и любовался оттуда удивительным, постоянно меняющимся видом. Иногда

---

[17] notes: 17
Егерь — главный охотник в помещичьих имениях.

остров кишел дикарями, и мы должны были отбиваться от них. Иногда его населяли хищные звери, и мы должны были убегать от них. Но все эти воображаемые приключения оказались пустяками в сравнении с теми странными и трагическими приключениями, которые произошли на самом деле.

Неделя шла за неделей. Наконец в один прекрасный день мы получили письмо. Оно было адресовано доктору Ливси, но на конверте стояла приписка:

«Если доктор Ливси еще не вернулся, письмо вскрыть Тому Редруту или молодому Хокинсу».

Разорвав конверт, мы прочли — вернее, я прочел, потому что егерь разбирал только печатные буквы, — следующие важные сообщения:

«Гостиница „Старый якорь“, Бристоль, 1 марта 17… года.

Дорогой Ливси!

Не знаю, где вы находитесь, в усадьбе или все еще в Лондоне, — пишу одновременно и туда и сюда.

Корабль куплен и снаряжен. Он стоит на якоре, готовый выйти в море. Лучше

нашей шхуны и представить себе ничего невозможно. Управлять ею может младенец. Водоизмещение — двести тонн. Название — «Испаньола».

Достать ее помог мне мой старый приятель Блендли, который оказался удивительно ловким дельцом. Этот милый человек работал для меня, как чернокожий. Впрочем, и каждый в Бристоле старался помочь мне, стоило только намекнуть, что мы отправляемся за нашим сокровищем…»

— Редрут, — сказал я, прерывая чтение, — доктору Ливси это совсем не понравится. Значит, сквайр все-таки болтал…

— А кто важнее: сквайр или доктор? — проворчал егерь. — Неужели сквайр должен молчать, чтобы угодить какому-то доктору Ливси?

Я отказался от всяких пояснений и стал читать дальше.

«Блендли сам отыскал „Испаньолу“, и благодаря его ловкости она досталась нам буквально за гроши. Правда, в Бристоле есть люди, которые терпеть не могут

Блендли. Они имеют наглость утверждать, будто этот честнейший человек хлопочет только ради барыша, будто „Испаньола“ принадлежит ему самому и будто он продал ее мне втридорога. Это, бесспорно, клевета. Никто, однако, не осмеливается отрицать, что „Испаньола“ — прекрасное судно.

Итак, корабль я достал без труда. Правда, рабочие снаряжают его очень медленно, но со временем все будет готово. Гораздо больше пришлось мне повозиться с подбором команды.

Я хотел нанять человек двадцать — на случай встречи с дикарями, пиратами или проклятым французом. Я уже из сил выбился, а нашел всего шестерых, но затем судьба смилостивилась надо мной, и я встретил человека, который сразу устроил мне все это дело.

Я случайно разговорился с ним в порту. Оказалось, что он старый моряк. Живет на суше и держит таверну. Знаком со всеми моряками в Бристоле. Жизнь на суше расстроила его здоровье, он хочет снова отправиться в море и ищет место

судового повара. В то утро, по его словам, он вышел в порт только для того, чтобы подышать соленым морским воздухом.

Эта любовь к морю показалась мне трогательной, да и вас она, несомненно, растрогала бы. Мне стало жалко его, и я тут же на месте предложил ему быть поваром у нас на корабле. Его зовут Долговязый Джон Сильвер. У нет одной ноги. Но я считаю это самой лучшей рекомендацией, так как он потерял ее, сражаясь за родину под начальством бессмертного Хока.[18] Он не получает пенсии, Ливси. Видите, в какие ужасные времена мы живем!

Да, сэр, я думал, что я нашел повара, а оказалось, что я нашел целую команду.

С помощью Сильвера мне в несколько дней удалось навербовать экипаж из настоящих, опытных, просоленных океаном моряков. Внешность у них не слишком привлекательная, но зато, судя по их лицам, все они — люди отчаянной храбрости. Имея такую команду, мы мо-

[18] notes: 18
Эдвард Хок — английский адмирал, живший в середине XVIII века.

жем сражаться хоть с целым фрегатом.

Долговязый Джон посоветовал мне даже рассчитать кое-кого из тех шести или семи человек, которых я нанял прежде. Он в одну минуту доказал мне, что они пресноводные увальни, с которыми нельзя связываться, когда отправляешься в опасное плавание.

Я превосходно себя чувствую, ем, как бык, сплю, как бревно. И все же я не буду вполне счастлив, пока мои старые морячки не затопают вокруг шпиля.[19] В открытое море! К черту сокровища! Море, а не сокровища, кружит мне голову. Итак, Ливси, приезжайте скорей! Не теряйте ни часа, если вы меня уважаете.

Отпустите молодого Хокинса проститься с матерью. Редрут может сопровождать его. Потом пусть оба, не теряя времени, мчатся в Бристоль.

Джон Трелони.

Post scriptum. Забыл вам сообщить, что Блендли, который, кстати сказать,

---

[19] notes: 19
Шпиль — ворот, на который наматывается якорный канат.

обещал послать нам на помощь другой корабль, если мы не вернемся к августу, нашел для нас отличного капитана. Капитан это прекрасный человек, но, к сожалению, упрям, как черт. Долговязый Джон Сильвер отыскал нам очень знающего штурмана, по имени Эрроу. А я, Ливси, достал боцмана, который умеет играть на дудке. Как видите, на нашей драгоценной «Испаньоле» все будет, как на заправском военном корабле.

Забыл написать вам, что Сильвер — человек состоятельный. По моим сведениям, у него текущий счет в банке, и не маленький. Таверну свою он на время путешествия передает жене. Жена его не принадлежит к белой расе. И таким старым холостякам, как мы с вами, извинительно заподозрить, что именно жена, а не только плохое здоровье гонит его в открытое море.

Д.Т.

P.P.S. Хокинс может провести один вечер у своей матери.

Д.Т.»

Нетрудно представить себе, как взбудоражило меня это письмо. Я был вне себя от восторга. Всем сердцем презирал я старого Тома Редрута, который только ворчал и скулил. Любой из младших егерей с удовольствием поехал бы вместо него. Но сквайр хотел, чтобы ехал Том Редрут, а желание сквайра было для слуг законом. Никто, кроме старого Редрута, не посмел бы даже и поворчать.

На следующее утро мы оба отправились пешком в «Адмирал Бенбоу». Мать мою я застал в полном здоровье. Настроение у нее было хорошее. Со смертью капитана окончились все ее неприятности. Сквайр на свой счет отремонтировал наш дом. По его приказанию стены и вывеска были заново выкрашены. Он нам подарил кое-какую мебель, в том числе превосходное кресло, чтобы матери моей удобнее было сидеть за прилавком. На подмогу ей он нанял мальчика. Этот мальчик должен был исполнять обязанности, которые прежде исполнял я.

Только увидев чужого мальчишку в трактире, я впервые отчетливо понял, что надолго расстаюсь

с родным домом. До сих пор я думал лишь о приключениях, которые ждут меня впереди, а не о доме, который я покидаю. При виде неуклюжего мальчика, занявшего мое место, я впервые залился слезами. Боюсь, что я бессовестно мучил и тиранил его. Он еще не успел привыкнуть к своему новому месту, а я не прощал ему ни единого промаха и злорадствовал, когда он ошибался.

Миновала ночь, и на следующий день после обеда мы с Редрутом вновь вышли на дорогу. Я простился с матерью, с бухтой, возле которой я жил с самого рождения, с милым старым «Адмиралом Бенбоу» — хотя, заново покрашенный, он стал уже не таким милым. Вспомнил я и капитана, который так часто бродил по этому берегу, его треугольную шляпу, сабельный шрам на щеке и медную подзорную трубу. Мы свернули за угол, и мой дом исчез.

Уже смеркалось, когда возле «Гостиницы короля Георга» мы сели в почтовый дилижанс. Меня втиснули между Редрутом и каким-то старым толстым джентльменом. Несмотря на быструю езду и холодную ночь, я сразу заснул. Мы мчались то вверх, то вниз, а я спал как сурок и проспал все станции. Меня разбудил удар в бок. Я открыл глаза. Мы стояли перед большим зданием на

городской улице. Уже давно рассвело.

— Где мы? — спросил я.

— В Бристоле, — ответил Том. — Вылезай.

Мистер Трелони жил в трактире возле самых доков, чтобы наблюдать за работами на шхуне. Нам, к величайшей моей радости, пришлось идти по набережной довольно далеко, мимо множества кораблей самых различных размеров, оснасток и национальностей. На одном работали и пели. На другом матросы высоко над моей головой висели на канатах, которые снизу казались не толще паутинок. Хотя я всю жизнь прожил на берегу моря, здесь оно удивило меня так, будто я увидел его впервые. Запах дегтя и соли был нов для меня. Я разглядывал резные фигурки на носах кораблей, побывавших за океаном. Я жадно рассматривал старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой. Они слонялись по берегу. Если бы вместо них мне показали королей или архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше.

Я тоже отправлюсь в море! Я отправлюсь в море на шхуне, с боцманом, играющим на дудке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправлюсь в море, я поплыву к неведомому

острову искать зарытые в землю сокровища!

Я был погружен в эти сладостные мечты, когда мы дошли наконец до большого трактира. Нас встретил сквайр Трелони. На нем был синий мундир. Такие мундиры носят обычно морские офицеры. Он выходил из дверей, широко улыбаясь. Шел он вразвалку, старательно подражая качающейся походке моряков.

— Вот и вы! — воскликнул он. — А доктор еще вчера вечером прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе.

— О сэр, — закричал я, — когда же мы отплываем?

— Отплываем? — переспросил он. — Завтра.

Глава 8
ПОД ВЫВЕСКОЙ «ПОДЗОРНАЯ ТРУБА»

Когда я позавтракал, сквайр дал мне записку к Джону Сильверу в таверну «Подзорная труба». Он объяснил мне, как искать ее: идти по набережной, пока не увидишь маленькую таверну, а над дверью большую трубу вместо вывески.

Я обрадовался возможности еще раз посмотреть корабли и матросов и тотчас же отправился в путь. С трудом пробираясь сквозь толпу народа,

толкавшегося на пристани среди тюков и фургонов, я нашел наконец таверну.

Она была невелика и довольно уютна: вывеска недавно выкрашена, на окнах опрятные красные занавески, пол посыпан чистейшим песком. Таверна выходила на две улицы. Обе двери были распахнуты настежь, и в просторной низкой комнате было довольно светло, несмотря на клубы табачного дыма.

За столиками сидели моряки. Они так громко говорили между собой, что я остановился у двери, не решаясь войти.

Из боковой комнаты вышел человек. Я сразу понял, что это и есть Долговязый Джон. Левая нога его была отнята по самое бедро. Под левым плечом он держал костыль и необыкновенно проворно управлял им, подпрыгивая, как птица, на каждом шагу. Это был очень высокий и сильный мужчина, с широким, как окорок, плоским и бледным, но умным и веселым лицом. Ему, казалось, было очень весело. Посвистывая, шнырял он между столиками, пошучивал, похлопывая по плечу некоторых излюбленных своих посетителей.

Признаться, прочитав о Долговязом Джоне в письме сквайра, я с ужасом подумал, не тот ли это

одноногий моряк, которого я так долго подстерегал в старом «Бенбоу». Но стоило мне взглянуть на этого человека, и все мои подозрения рассеялись. Я видел капитана, видел Черного Пса, видел слепого Пью и полагал, что знаю, какой вид у морских разбойников. Нет, этот опрятный и добродушный хозяин трактира нисколько не был похож на разбойника.

Я собрался с духом, перешагнул через порог и направился прямо к Сильверу, который, опершись на костыль, разговаривал с каким-то посетителем.

— Мистер Сильвер, сэр? — спросил я, протягивая ему записку.

— Да, мой мальчик, — сказал он. — Меня зовут Сильвер. А ты кто такой?

Увидев письмо сквайра, он, как мне показалось, даже вздрогнул.

— О, — воскликнул он, протягивая мне руку, — понимаю! Ты наш новый юнга. Рад тебя видеть.

И он сильно сжал мою руку в своей широкой и крепкой ладони.

В это мгновенье какой-то человек, сидевший в дальнем углу, внезапно вскочил с места и кинулся к двери. Дверь была рядом с ним, и он сразу исчез. Но торопливость его привлекла мое

внимание, и я с одного взгляда узнал его. Это был трехпалый человек с одутловатым лицом, тот самый, который приходил к нам в трактир.

— Эй, — закричал я, — держите его! Это Черный Пес! Черный Пес!

— Мне наплевать, как его зовут! — вскричал Сильвер. — Но он удрал и не заплатил мне за выпивку. Гарри, беги и поймай его!

Один из сидевших возле двери вскочил и пустился вдогонку.

— Будь он хоть адмирал Хок, я и то заставил бы его заплатить! — кричал Сильвер.

Потом, внезапно отпустив мою руку, спросил:

— Как его зовут? Ты сказал — Черный… как дальше? Черный кто?

— Пес, сэр! — сказал я. — Разве мистер Трелони не рассказывал вам о наших разбойниках? Черный Пес из их шайки.

— Что? — заревел Сильвер. — В моем доме!.. Бен, беги и помоги Гарри догнать его… Так он один из этих крыс?.. Эй, Морган, ты, кажется, сидел с ним за одним столом? Поди-ка сюда.

Человек, которого он назвал Морганом, — старый, седой, загорелый моряк, — покорно подошел к нему, жуя табачную жвачку.

— Ну, Морган, — строго спросил Долговязый, —

видал ли ты когда-нибудь прежде этого Черного… как его… Черного Пса?

— Никогда, сэр, — ответил Морган и поклонился.

— И даже имени его не слыхал?

— Не слыхал, сэр.

— Ну, твое счастье, Том Морган! — воскликнул кабатчик. — Если ты станешь путаться с негодяями, ноги твоей не будет в моем заведении! О чем он с тобой говорил?

— Не помню хорошенько, сэр, — ответил Морган.

— И ты можешь называть головой то, что у тебя на плечах? Или это у тебя юферс?[20] — закричал Долговязый Джон. — Он не помнит хорошенько! Может, ты и понятия не имеешь, с кем ты разговаривал? Ну, выкладывай, о чем он сейчас говорил! Вы растабарывали оба о плаваниях, кораблях, капитанах? Ну! Живо!

— Мы говорили о том, как людей под килем протягивают,[21] — ответил Морган.

— Под килем! Вполне подходящий для тебя раз-

---

[20] notes: 20

Блок для натягивания вант.

[21] notes: 21

Протягивание под килем — вид наказания в английском флоте в XVIII веке.

говор. Эх, ты! Ну, садись на место, Том, дуралей…

Когда Морган сел за свой столик, Сильвер по-приятельски наклонился к моему уху, что очень мне польстило, и прошептал:

— Честнейший малый этот Том Морган, но ужасный дурак. А теперь, — продолжал он вслух, — попробуем вспомнить. Черный Пес? Нет, никогда не слыхал о таком. Как будто я его где-то видел. Он нередко… да-да… заходил сюда с каким-то слепым нищим.

— Да-да, со слепым! — вскричал я. — Я и слепого этого знал. Его звали Пью.

— Верно! — воскликнул Сильвер, на этот раз очень взволнованный. — Пью! Именно так его и звали. С виду он был большая каналья. Если этот Черный Пес попадется нам в руки, капитан Трелони будет очень доволен. У Бена отличные ноги. Редкий моряк бегает быстрее Бена. Нет, от Бена не уйдешь. Бен кого хочешь догонит… Так он говорил о том, как протягивают моряков на канате? Ладно, ладно, уж мы протянем его самого…

Сильвер прыгал на своем костыле, стучал кулаком по столам и говорил с таким искренним возмущением, что даже судья в Олд Бейли[22]

---

[22] notes: 22
Суд в Лондоне.

или лондонский полицейский поверили бы в полнейшую его невиновность.

Встреча с Черным Псом в «Подзорной трубе» пробудила все мои прежние подозрения, и я внимательно следил за поваром. Но он был слишком умен, находчив и ловок для меня.

Наконец вернулись те двое, которых он послал вдогонку за Черным Псом. Тяжело дыша, они объявили, что Черному Псу удалось скрыться от них в толпе. И кабатчик принялся ругать их с такой яростью, что я окончательно убедился в полной невиновности Долговязого Джона.

— Слушай, Хокинс, — сказал он, — для меня эта история может окончиться плохо. Что подумает обо мне капитан Трелони? Этот прокляты голландец сидел в моем доме и лакал мою выпивку! Потом приходишь ты и говоришь мне, что он из разбойничьей шайки. И все же я даю ему улизнуть от тебя перед самыми моими иллюминаторами. Ну, Хокинс, поддержи меня перед капитаном Трелони! Ты молод, но не глуп. Тебя не проведешь. Да, да, да! Я это сразу заметил. Объясни же капитану, что я на своей деревяшке никак не мог угнаться за этим чертовым псом. Если бы я был первоклассный моряк, как в старое время, он бы от меня не ушел, я бы его насадил на

вертел в две минуты, но теперь…

Он вдруг умолк и широко разинул рот, словно что-то вспомнил.

— А деньги? — крикнул он. — За три кружки! Вот дьявол, про деньги-то я и забыл!

Рухнув на скамью, он захохотал и хохотал до тех пор, пока слезы не потекли у него по щекам. Хохот его был так заразителен, что я не удержался и стал хохотать вместе с ним, пока вся таверна не задрожала от хохота.

— Я хоть и стар, а какого разыграл морского телен-ка! — сказал он наконец, вытирая щеки. — Я вижу, Хокинс, мы с тобой будем хорошей парой. Ведь я и сейчас оказался не лучше юнги… Однако надо идти: дело есть дело, ребята. Я надену свою старую треуголку и пойду вместе с тобой к капитану Трелони доложить ему обо всем, что случилось. А ведь дело-то серьезное, молодой Хокинс, и, надо сознаться, ни мне, ни тебе оно чести не приносит. Нет, нет! Ни мне, ни тебе: обоих нас околпачили здорово. Однако, черт его побери, как надул он меня с этими деньгами!

Он снова захохотал, и с таким жаром, что я, хотя не видел тут ничего смешного, опять невольно присоединился к нему.

Мы пошли по набережной. Сильвер оказался необыкновенно увлекательным собеседником. О каждом корабле, мимо которого мы проходили, он сообщал мне множество сведений: какие у

него снасти, сколько он может поднять груза, из какой страны он прибыл. Он объяснял мне, что делается в порту: одно судно разгружают, другое нагружают, а вон то, третье, сейчас выходит в открытое море. Он рассказывал мне веселые истории о кораблях и моряках. То и дело употреблял он всякие морские словечки и повторял их по нескольку раз, чтобы я лучше запомнил их. Я начал понемногу понимать, что лучшего товарища, чем Сильвер, в морском путешествии не найдешь.

Наконец мы пришли в трактир. Сквайр и доктор Ливси пили пиво, закусывая поджаренными ломтиками белого хлеба.

Они собирались на шхуну — посмотреть, как ее снаряжают.

Долговязый Джон рассказал им все, что случилось в таверне, с начала и до конца, очень пылко и совершенно правдиво.

— Ведь так оно и было, не правда ли, Хокинс? — спрашивал он меня поминутно.

И я всякий раз полностью подтверждал его слова.

Оба джентльмена очень жалели, что Черному Псу удалось убежать. Но что можно было сделать? Выслушав их похвалы, Долговязый Джон взял

костыль и направился к выходу.

— Команде быть на корабле к четырем часам дня! — крикнул сквайр ему вдогонку.

— Есть, сэр! — ответил повар.

— Ну, сквайр, — сказал доктор Ливси, — говоря откровенно, я не вполне одобряю большинство приобретений, сделанных вами, но Джон Сильвер мне по вкусу.

— Чудесный малый, — отозвался сквайр.

— Джим пойдет сейчас с нами на шхуну, не так ли? — прибавил доктор.

— Конечно, конечно, — сказал сквайр. — Хокинс, возьми свою шляпу, сейчас мы пойдем посмотреть наш корабль.

Глава 9
ПОРОХ И ОРУЖИЕ

«Испаньола» стояла довольно далеко от берега. Чтобы добраться до нее, нам пришлось взять лодку и лавировать среди других кораблей. Перед нами вырастали то украшенный фигурами нос, то корма. Канаты судов скрипели под нашим килем и свешивались у нас над головами. На борту нас приветствовал штурман мистер Эрроу, старый моряк, косоглазый и загорелый, с серьгами

в ушах. Между ним и сквайром были, очевидно, самые близкие, приятельские отношения.

Но с капитаном сквайр явно не ладил.

Капитан был человек угрюмый. Все на корабле раздражало его. Причины своего недовольства он не замедлил изложить перед нами. Едва мы спустились в каюту, как явился матрос и сказал:

— Капитан Смоллетт, сэр, хочет с вами поговорить.

— Я всегда к услугам капитана. Попроси его пожаловать сюда, — ответил сквайр.

— Капитан, оказалось, шел за своим послом. Он сразу вошел в каюту и запер за собой дверь.

— Ну, что скажете, капитан Смоллетт? Надеюсь, все в порядке? Шхуна готова к отплытию?

— Вот что, сэр, — сказал капитан, — я буду говорить откровенно, даже рискуя поссориться с вами. Мне не нравится эта экспедиция. Мне не нравятся ваши матросы. Мне не нравится мой помощник. Вот и все. Коротко и ясно.

— Быть может, сэр, вам не нравится также и шхуна? — спросил сквайр, и я заметил, что он очень разгневан.

— Я ничего не могу сказать о ней, сэр, пока не увижу ее в плавании, — ответил ему капитан. — Кажется, она построена неплохо. Но судить об

этом еще рано.

— Тогда, сэр, быть может, вам не нравится ваш хозяин? — спросил сквайр.

Но тут вмешался доктор Ливси.

— Погодите, — сказал он, — погодите. Этак ничего, кроме ссоры, не выйдет. Капитан сказал нам и слишком много и слишком мало, и я имею право попросить у него объяснений… Вы, кажется, сказали, капитан, что вам не нравится наша экспедиция? Почему?

— Меня пригласили, сэр, чтобы я вел судно суда, куда пожелает этот джентльмен, и не называли цели путешествия, — сказал капитан. — Отлично, я ни о чем не расспрашивал. Но вскоре я убедился, что самый последний матрос знает о цели путешествия больше, чем я. По-моему, это некрасиво. А как по-вашему?

— По-моему, тоже, — сказал доктор Ливси.

— Затем, — продолжал капитан, — я узнал, что мы едем искать сокровища. Я услыхал об этом, заметьте, от своих собственных подчиненных. А искать сокровища — дело щекотливое. Поиски сокровищ вообще не по моей части, и я не чувствую никакого влечения к подобным занятиям, особенно если эти занятия секретные, а секрет — прошу прощения, мистер Трелони! — выболтан,

так сказать, попугаю.

— Попугаю Сильвера? — спросил сквайр.

— Нет, это просто поговорка, — пояснил капитан. — Она означает, что секрет уже ни для кого не секрет. Мне кажется, вы недооцениваете трудности дела, за которое взялись, и я скажу вам, что я думаю об этом: вам предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

— Вы совершенно правы, — ответил доктор. — Мы сильно рискуем. Но вы ошибаетесь, полагая, что мы не отдаем себе отчета в опасностях, которые нам предстоят. Вы сказали, что вам не нравится наша команда. Что ж, по-вашему, мы наняли недостаточно опытных моряков?

— Не нравятся мне они, — отвечал капитан. — И, если говорить начистоту, нужно было поручить набор команды мне.

— Не спорю, — ответил доктор. — Моему другу, пожалуй, следовало набирать команду вместе с вами. Это промах, уверяю вас, совершенно случайный. Тут не было ничего преднамеренного. Затем, кажется, вам не нравится мистер Эрроу?

— Не нравится, сэр. Я верю, что он хороший моряк. Но он слишком распускает команду, чтобы быть хорошим помощником. Он фамильярничает со своими матросами. Штурман на корабле

должен держаться в стороне от матросов. Он не может пьянствовать с ними.

— Вы хотите сказать, что он пьяница? — спросил сквайр.

— Нет, сэр, — ответил капитан. — Я только хочу сказать, что он слишком распускает команду.

— А теперь, — попросил доктор, — скажите нам напрямик, капитан, чего вам от нас нужно.

— Вы твердо решили отправиться в это плавание, джентльмены?

— Бесповоротно, — ответил сквайр.

— Отлично, — сказал капитан. — Если вы до сих пор терпеливо меня слушали, хотя я и говорил вещи, которых не мог доказать, послушайте и дальше. Порох и оружие складывают в носовой части судна.[23] А между тем есть прекрасное помещение под вашей каютой. Почему бы не сложить их туда? Это первое. Затем, вы взяли с собой четверых слуг. Кого-то из них, как мне сказали, тоже хотят поместить в носовой части. Почему не устроить им койки возле вашей каюты? Это второе.

— Есть и третье? — спросил мистер Трелони.

— Есть, — сказал капитан. — Слишком много

---

[23] notes: 23
В носовой части судна помещались матросы.

болтают.

— Да, чересчур много болтают, — согласился доктор.

— Передам вам только то, что я слышал своими ушами, — продолжал капитан Смоллетт. — Говорят, будто у вас есть карта какого-то острова. Будто на карте крестиками обозначены места, где зарыты сокровища. Будто этот остров лежит…

И тут он с полной точностью назвал широту и долготу нашего острова.

— Я не говорил этого ни одному человеку! — воскликнул сквайр.

— Однако каждый матрос знает об этом, сэр, — возразил капитан.

— Это вы, Ливси, все разболтали! — кричал сквайр. — Или ты, Хокинс…

— Теперь уже все равно, кто разболтал, — сказал доктор.

Я заметил, что ни он, ни капитан не поверили мистеру Трелони, несмотря на все его оправдания. Я тоже тогда не поверил, потому что он действительно был великий болтун. А теперь я думаю, что тогда он говорил правду и что команде было известно и без нас, где находится остров.

— Я, джентльмены, не знаю, у кого из вас хранится эта карта, — продолжал капитан. — И я

настаиваю, чтобы она хранилась в тайне и от меня, и от мистера Эрроу. В противном случае я буду просить вас уволить меня.

— Понимаю, — сказал доктор. — Во-первых, вы хотите прекратить лишние разговоры. Во-вторых, вы хотите устроить крепость в кормовой части судна, собрать в нее слуг моего друга и передать им все оружие и порох, которые имеются на борту. Другими словами, вы опасаетесь бунта.

— Сэр, — сказал капитан Смоллетт, — я не обижаюсь, но не хочу, чтобы вы приписывали мне слова, которых я не говорил. Нельзя оправдать капитана, решившего выйти в море, если у него есть основания опасаться бунта. Я уверен, что мистер Эрроу честный человек. Многие матросы тоже честные люди. Быть может, все они честные люди. Но я отвечаю за безопасность корабля и за жизнь каждого человека на борту. Я вижу, что многое делается не так, как следует. Прошу вас принять меры предосторожности или уволить меня. Вот и все.

— Капитан Смоллетт, — начал доктор улыбаясь, — вы слыхали басню о горе, которая родила мышь? Простите меня, но вы напомнили мне эту басню. Когда вы явились сюда, я готов был поклясться моим париком, что вы потребуете у

нас много больше.

— Вы очень догадливы, доктор, — сказал капитан. — Явившись сюда, я хотел потребовать расчета, ибо у меня не было ни малейшей надежды, что мистер Трелони согласится выслушать хоть одно мое слово.

— И не стал бы слушать! — крикнул сквайр. — Если бы не Ливси, я бы сразу послал вас ко всем чертям. Но как бы то ни было, я выслушал вас и сделаю все, что вы требуете. Однако мнение мое о вас изменилось к худшему.

— Это как вам угодно, сэр, — сказал капитан. — Потом вы поймете, что я исполнил свой долг.

И он удалился.

— Трелони, — сказал доктор, — против своего ожидания, я убедился, что вы пригласили на корабль двух честных людей: капитана Смоллетта и Джона Сильвера.

— Насчет Сильвера я с вами согласен, — воскликнул сквайр, — а поведение этого несносного враля я считаю недостойным мужчины, недостойным моряка и, во всяком случае, недостойным англичанина!

— Ладно, — сказал доктор, — увидим.

Когда мы вышли на палубу, матросы уже начали перетаскивать оружие и порох. «Йо-хо-хо!»

— пели они во время работы. Капитан и мистер Эрроу распоряжались.

Мне очень понравилось, как нас разместили по-новому. Всю шхуну переоборудовали. На корме из бывшей задней части среднего трюма устроили шесть кают, которые соединялись запасным проходом по левому борту с камбузом[24] и баком.[25] Сначала их предназначали для капитана, мистера Эрроу, Хантера, Джойса, доктора и сквайра. Но затем две из них отдали Редруту и мне, а мистер Эрроу и капитан устроились на палубе, в сходном тамбуре,[26] который был так расширен с обеих сторон, что мог сойти за кормовую рубку.[27] Он, конечно, был тесноват, но все же в нем поместилось два гамака. Даже штурман, казалось, был доволен таким размещением. Возможно, он тоже не доверял команде. Впрочем, это только мое предположение, потому что, как вы скоро увидите, он недолго находился на шхуне.

---

[24] notes: 24

Камбуз — корабельная кухня.

[25] notes: 25

Бак — возвышение в передней части корабля.

[26] notes: 26

Сходной тамбур — помещение, в которое выходит трап (лестница, ведущая в трюм).

[27] notes: 27

Рубка — возвышение на палубе судна для управления.

Мы усердно работали, перетаскивая порох и устраивая наши каюты, когда наконец с берега явились в шлюпке последние матросы и вместе с ними Долговязый Джон.

Повар взобрался на судно с ловкостью обезьяны и, как только заметил, чем мы заняты, крикнул:

— Эй, приятели, что же вы делаете?

— Переносим бочки с порохом, Джон, — ответил один из матросов.

— Зачем, черт вас побери? — закричал Долговязый. — Ведь этак мы прозеваем утренний отлив!

— Они исполняют мое приказание! — оборвал его капитан. — А вы, милейший, ступайте на кухню, чтобы матросы могли поужинать вовремя.

— Слушаю, сэр, — ответил повар.

И, прикоснувшись рукой к пряди волос на лбу, нырнул в кухонную дверь.

— Вот это славный человек, капитан, — сказал доктор.

— Весьма возможно, сэр, — ответил капитан Смоллетт. — Осторожней, осторожней, ребята!

И он побежал к матросам. Матросы волокли бочку с порохом. Вдруг он заметил, что я стою и смотрю на вертлюжную пушку,[28] которая была

---

[28] notes: 28

Вертлюжная пушка — пушка, поворачивающаяся на специальной вращающейся установке — вертлюге.

установлена в средней части корабля, — медную девятифунтовку, и сейчас же налетел на меня.

— Эй, юнга, — крикнул он, — прочь отсюда! Ступай к повару, он даст тебе работу.

И, убегая на кухню, я слышал, как он громко сказал доктору:

— Я не потерплю, чтобы на судне у меня были любимчики!

Уверяю вас, в эту минуту я совершенно согласился со сквайром, что капитан — невыносимый человек, и возненавидел его.

Глава 10
ПЛАВАНИЕ

Суматоха продолжалась всю ночь. Мы перетаскивали вещи с места на место. Шлюпка то и дело привозила с берега друзей сквайра, вроде мистера Блендли, приехавших пожелать ему счастливого плавания и благополучного возвращения домой. Никогда раньше в «Адмирале Бенбоу» мне не приходилось работать так много.

Я уже устал, как собака, когда перед самым рассветом боцман заиграл на дудке и команда принялась поднимать якорь.

Впрочем, если бы даже я устал вдвое больше, я

и то не ушел бы с палубы. Все было ново и увлекательно для меня — и отрывистые приказания, и резкий звук свистка, и люди, суетливо работающие при тусклом свете корабельных фонарей.

— Эй, Окорок, затяни-ка песню! — крикнул один из матросов.

— Старую! — крикнул другой.

— Ладно, ребята, — отвечал Долговязый Джон, стоявший тут же, на палубе, с костылем под мышкой.

И запел песню, которая была так хорошо мне известна:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца…

Вся команда подхватила хором:

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

При последнем «хо» матросы дружно нажали на вымбовки шпиля.

Мне припомнился наш старый «Адмирал Бенбоу», почудилось, будто голос покойного Бонса внезапно присоединился к матросскому хору.

Скоро якорь был поднят и укреплен на носу. С него капала вода. Ветер раздул паруса. Земля отступила. Корабли, окружавшие нас, стали удаляться. И прежде чем я лег на койку, чтобы

подремать хоть часок, «Испаньола» начала свое плавание к Острову Сокровищ.

Я не стану описывать подробности нашего путешествия. Оно было очень удачно. Корабль оказался образцовым, команда состояла из опытных моряков, капитан превосходно знал свое дело. Но прежде чем мы достигли Острова Сокровищ, случилось два-три события, о которых стоит упомянуть.

Раньше всего выяснилось, что мистер Эрроу гораздо хуже, чем думал о нем капитан. Он не пользовался у матросов никаким авторитетом, и его никто не слушал. Но это еще не самое худшее. Через день-два после отплытия он стал появляться на палубе с мутными глазами и пылающими щеками. Язык его заплетался. Налицо были и другие признаки опьянения. Время от времени его приходилось с позором гнать в каюту. Он часто падал и расшибался. Случалось, пролеживал целые дни у себя на койке, не вставая. Бывало, конечно, что он дня два ходил почти трезвый и тогда кое-как справлялся со своими обязанностями.

Мы никак не могли понять, откуда он достает выпивку. Весь корабль ломал голову над этой загадкой. Мы следили за ним, но ничего не вы-

следили. Когда мы спрашивали его напрямик, он, если был пьян, только хохотал нам в глаза, а если был трезв, торжественно клялся, что за всю жизнь ничего не пил, кроме воды.

Как штурман он никуда не годился и оказывал дурное влияние на своих подчиненных. Было ясно, что он плохо кончит. И никто не удивился и не опечалился, когда однажды темной, бурной ночью он исчез с корабля.

— Свалился за борт! — решил капитан. — Что же, джентльмены, это избавило нас от необходимости заковывать его в кандалы.

Таким образом, мы остались без штурмана. Нужно было выдвинуть на эту должность кого-нибудь из команды. Выбор пал на боцмана Джоба Эндерсона. Его по-прежнему называли боцманом, но исполнял он обязанности штурмана.

Мистер Трелони, много странствовавший и хорошо знавший море, тоже пригодился в этом деле — он стоял в хорошую погоду на вахте. Второй боцман, Израэль Хендс, был усердный старый, опытный моряк, которому можно было поручить почти любую работу.

Он, между прочим, дружил с Долговязым Джоном Сильвером, и раз уж я упомянул это имя, придется рассказать о Сильвере подробнее.

Матросы называли его Окороком. Он привязывал свой костыль веревкой к шее, чтобы руки у него были свободны. Стоило посмотреть, как он, упираясь костылем в стену, покачиваясь с каждым движением корабля, стряпал, словно находился на твердой земле! Еще любопытнее было видеть, как ловко и быстро пробегал он в бурную погоду по палубе, хватаясь за канаты, протянутые для него в самых широких местах. Эти канаты назывались у матросов «сережками Долговязого Джона». И на ходу он то держался за эти «сережки», то пускал в дело костыль, то тащил его за собой на веревке.

Все же матросы, которые плавали с ним прежде, очень жалели, что он уже не тот, каким был.

— Наш Окорок не простой человек, — говорил мне второй боцман.

— В молодости он был школяром и, если захочет, может разговаривать, как книга. А какой он храбрый! Лев перед ним ничто, перед нашим Долговязым Джоном. Я видел сам, как на него, безоружного, напало четверо, а он схватил их и стукнул головами вот так.

Вся команда относилась к нему с уважением и даже подчинялась его приказаниям.

С каждым он умел поговорить, каждому умел

угодить. Со мной он всегда был особенно ласков. Всякий раз радовался, когда я заходил к нему в камбуз, который он содержал в удивительной чистоте. Посуда у него всегда была аккуратно развешена и вычищена до блеска. В углу, в клетке, сидел попугай.

— Хокинс, — говорил мне Сильвер, — заходи, поболтай с Джоном. Никому я не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай. Вот капитан Флинт… я назвал моего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата… так вот, Капитан Флинт предсказывает, что наше плавание окончится удачей… Верно, Капитан?

И попугай начинал с невероятной быстротой повторять:

— Пиастры! Пиастры! Пиастры!

И повторял до тех пор, пока не выбивался из сил или пока Джон не покрывал его клетку платком.

— Этой птице, — говорил он, — наверно, лет двести, Хокинс. Попугаи живут без конца. Разве только дьявол повидал на своем веку столько зла, сколько мой попугай. Он плавал с Инглендом, с прославленным капитаном Инглендом, пиратом. Он побывал на Мадагаскаре, на Малабаре,[29] в

---

[29] notes: 29
Малабар — область на юго-западном побережье Индии.

Суринаме,[30] на Провиденсе,[31] в Порто-Белло.[32] Он видел, как вылавливают груз с затонувших галеонов.[33] Вот когда он научился кричать «пиастры». И нечему тут удивляться: в тот день выловили триста пятьдесят тысяч пиастров, Хокинс! Этот попугай присутствовал при нападении на вице-короля Индии невдалеке от Гоа.[34] А с виду он кажется младенцем… Но ты понюхал пороху, не правда ли, Капитан?

— Повор-рачивай на другой галс![35] — кричал попугай.

— Он у меня отличный моряк, — приговаривал повар и угощал попугая кусочками сахара, которые доставал из кармана.

Попугай долбил клювом прутья клетки и ругался скверными словами.

---

[30] notes: 30

Суринам — то же, что Голландская Гвиана (в Южной Америке).

[31] notes: 31

Провиденс — остров в Индийском океане.

[32] notes: 32

Порто-Белло — порт в Шотландии.

[33] notes: 33

Галеоны — испанские корабли, на которых перевозили золото из испанской Америки в Испанию.

[34] notes: 34

Португальская колония на территории Индии.

[35] notes: 35
галс — направление движения судна относительно ветра.

— Поживешь среди дегтя — поневоле запачкаешься, — объяснял мне Джон. — Это бедная, старая невинная птица ругается, как тысяча чертей, но она не понимает, что говорит. Она ругалась бы и перед господом богом.

С этими словами Джон так торжественно прикоснулся к своей пряди на лбу, что я счел его благороднейшим человеком на свете.

Отношения между сквайром и капитаном Смоллеттом были по-прежнему очень натянутые. Сквайр, не стесняясь, отзывался о капитане презрительно. Капитан никогда не заговаривал со сквайром, а когда сквайр спрашивал его о чем-нибудь, отвечал резко, кратко и сухо. Прижатый в угол, он вынужден был сознаться, что, по-видимому, ошибся, дурно отзываясь о команде. Многие матросы работали образцово, и вся команда вела себя превосходно. А в шхуну он просто влюбился.

— Она слушается руля, как хорошая жена слушается мужа, сэр. Но, — прибавлял он, — домой мы еще не вернулись, и плавание наше мне по-прежнему очень не нравится.

Сквайр при этих словах поворачивался к капитану спиной и принимался шагать по палубе, задрав подбородок кверху.

— Еще немного, — говорил он, — и этот человек окончательно выведет меня из терпения.

Нам пришлось перенести бурю, которая только подтвердила достоинства нашей «Испаньолы». Команда казалась довольной, да и неудивительно. По-моему, ни на одном судне с тех пор, как Ной впервые пустился в море, так не баловали команду. Пользовались всяким предлогом, чтобы выдать морякам двойную порцию грога. Стоило сквайру услышать о дне рождения кого-нибудь из матросов, и тотчас же всех оделяли пудингом. На палубе всегда стояла бочка с яблоками, чтобы каждый желающий мог лакомиться ими, когда ему вздумается.

— Ничего хорошего не выйдет из этого, — говорил капитан доктору Ливси. — Это их только портит. Уж вы мне поверьте.

Однако бочка с яблоками, как вы увидите, сослужила нам огромную службу. Только благодаря этой бочке мы были вовремя предупреждены об опасности и не погибли от руки предателей.

Вот как это произошло. Мы двигались сначала против пассатов, чтобы выйти на ветер к нашему острову, — яснее я сказать не могу, — а теперь шли к нему по ветру. Днем и ночью глядели мы вдаль, ожидая, что увидим его на горизонте.

Согласно вычислениям, нам оставалось плыть менее суток. Либо сегодня ночью, либо самое позднее завтра перед полуднем мы увидим Остров Сокровищ. Курс держали на юго-юго-запад. Дул ровный ветер на траверсе.[36] Море было спокойно. «Испаньола» неслась вперед, иногда ее бушприт[37] обрызгивали волны. Все шло прекрасно. Все находились в отличном состоянии духа, все радовались окончанию первой половины нашего плавания.

Когда зашло солнце и работа моя была кончена, я, направляясь к своей койке, вдруг подумал, что неплохо было бы съесть яблоко. Быстро выскочил я на палубу. Вахтенные стояли на носу и глядели в море, надеясь увидеть остров. Рулевой, наблюдая за наветренным[38] углом парусов, тихонько посвистывал. Все было тихо, только вода шелестела за бортом.

Оказалось, что в бочке всего одно яблоко. Чтобы достать его, мне пришлось влезть в бочку.

---

[36] notes: 36

Траверс — направление, перпендикулярное курсу судна.

[37] notes: 37

Брус, выступающий перед носом корабля.

[38] notes: 38

Наветренная сторона — подверженная действию ветра; подветренная — противоположная той, на которую дует ветер.

Сидя там в темноте, убаюканный плеском воды и мерным покачиванием судна, я чуть было не заснул. Вдруг кто-то грузно опустился рядом с бочкой на палубу. Бочка чуть-чуть качнулась: он оперся о нее спиной. Я уже собирался выскочить, как вдруг человек этот заговорил. Я узнал голос Сильвера, и, прежде чем он успел произнести несколько слов, я решил не вылезать из бочки ни за что на свете. Я лежал на дне, дрожа и вслушиваясь, задыхаясь от страха и любопытства. С первых же слов я понял, что жизнь всех честных людей на судне находится у меня в руках.

Глава 11
ЧТО Я УСЛЫШАЛ, СИДЯ В БОЧКЕ ИЗ-ПОД ЯБЛОК

— Нет, не я, — сказал Сильвер. — Капитаном был Флинт. А я был квартирмейстером,[39] потому что у меня нога деревянная. Я потерял ногу в том же деле, в котором старый Пью потерял свои иллюминаторы. Мне ампутировал ее ученый хирург — он учился в колледже и знал всю латынь наизусть. А все же не отвертелся от висе-

[39] notes: 39
Квартирмейстер — заведующий продовольствием.

лицы — его вздернули в Корсо-Касле, как собаку, сушиться на солнышке… рядом с другими. Да! То были люди Робертса, и погибли они потому, что меняли названия своих кораблей. Сегодня корабль называется «Королевское счастье», а завтра как-нибудь иначе. А по-нашему — как окрестили судно, так оно всегда и должно называться. Мы не меняли названия «Кассандры», и она благополучно доставила нас домой с Малабара, после того как Ингленд захватил вице-короля Индии. Не менял своего прозвища и «Морж», старый корабль Флинта, который до бортов был полон кровью, а золота на нем было столько, что он чуть не пошел ко дну.

— Эх, — услышал я восхищенный голос самого молчаливого из наших матросов, — что за молодец этот Флинт!

— Дэвис, говорят, был не хуже, — сказал Сильвер. — Но я никогда с ним не плавал. Я плавал сначала с Инглендом, потом с Флинтом. А теперь вышел в море сам. Я заработал девятьсот фунтов стерлингов у Ингленда да тысячи две у Флинта. Для простого матроса это не так плохо. Деньги вложены в банк и дают изрядный процент. Дело не в умении заработать, а в умении сберечь… Где теперь люди Ингленда? Не знаю… Где люди

Флинта? Большей частью здесь, на корабле, и рады, когда получают пудинг. Многие из них жили на берегу, как последние нищие. С голоду подыхали, ей-богу! Старый Пью, когда потерял глаза, а также и стыд, стал проживать тысячу двести фунтов в год, словно лорд из парламента. Где он теперь? Умер и гниет в земле. Но два года назад ему уже нечего было есть. Он просил милостыню, он воровал, он резал глотки и все-таки не мог прокормиться!

— Вот и будь пиратом! — сказал молодой моряк.

— Не будь только дураком! — воскликнул Сильвер. — Впрочем, не о тебе разговор: ты хоть молод, а не глуп. Тебя не надуешь! Я это сразу заметил, едва только увидел тебя, и буду разговаривать с тобой, как с мужчиной.

Можете себе представить, что я почувствовал, услышав, как этот старый мошенник говорит другому те же самые льстивые слова, которые говорил мне!

Если бы я мог, я бы убил его…

А тем временем Сильвер продолжал говорить, не подозревая, что его подслушивают:

— Так всегда с джентльменами удачи.[40] Жизнь у них тяжелая, они рискуют попасть на виселицу, но едят и пьют, как боевые петухи перед боем. Они уходят в плавание с сотнями медных грошей, а возвращаются с сотнями фунтов. Добыча пропита, деньги растрачены — и снова в море в одних рубашках. Но я поступаю не так. Я вкладываю все свои деньги по частям в разные банки, но нигде не кладу слишком много, чтобы не возбудить подозрения. Мне пятьдесят лет, заметь. Вернувшись из этого плавания, я буду жить, как живут самые настоящие джентльмены… Пора уже, говоришь? Ну что ж, я и до этого пожил неплохо. Никогда ни в чем себе не отказывал. Мягко спал и вкусно ел. Только в море приходилось иногда туговато. А как я начал? Матросом, как ты.

— А ведь прежние ваши деньги теперь пропадут, — сказал молодой матрос. — Как вы покажетесь в Бристоле после этого плавания?

— А где, по-твоему, теперь мои деньги? — спросил Сильвер насмешливо.

---

[40] notes: 40

«Джентльмены удачи» — прозвище пиратов.

— В Бристоле, в банках и прочих местах, — ответил матрос.

— Да, они были там, — сказал повар. — Они были там, когда мы подымали наш якорь. Но теперь моя старуха уже взяла их оттуда. «Подзорная труба» продана вместе с арендованным участком, клиентурой и оснасткой, а старуха уехала и поджидает меня в условленном месте. Я бы сказал тебе, где это место, потому что вполне доверяю тебе, да, боюсь, остальные обидятся, что я не сказал и им.

— А старухе своей вы доверяете? — спросил матрос.

— Джентльмены удачи, — ответил повар, — редко доверяют друг другу. И правильно делают. Но меня провести нелегко. Кто попробует отпустить канат, чтобы старый Джон брякнулся, недолго проживет на этом свете. Одни боялись Пью, другие — Флинта. А меня боялся сам Флинт. Боялся меня и гордился мной… Команда у него была отчаянная. Сам дьявол и тот не решился бы пуститься с нею в открытое море. Ты меня знаешь, я хвастать не стану, я добродушный и веселый человек, но, когда я был квартирмейстером, старые пираты Флинта слушались меня, как овечки. Ого-го-го, какая дисциплина была на

судне у старого Джона!

— Скажу вам по совести, — признался матрос, — до этого разговора, Джон, дело ваше было мне совсем не по вкусу. Но теперь вот моя рука, я согласен.

— Ты храбрый малый и очень неглуп, — ответил Сильвер и с таким жаром пожал протянутую руку, что бочка моя закачалась. — Из тебя получится такой отличный джентльмен удачи, какого я еще никогда не видал!

Мало-помалу я начал понимать тот язык, на котором они говорили. «Джентльменами удачи» они называли пиратов. Я был свидетелем последней главы в истории о том, как соблазняли честного матроса вступить в эту разбойничью шайку — быть может, последнего честного матроса на всем корабле. Впрочем, я тотчас же убедился, что этот матрос не единственный. Сильвер тихонько свистнул, и к бочке подсел еще кто-то.

— Дик уже наш, — сказал Сильвер.

— Я знал, что он будет нашим, — услышал я голос второго боцмана, Израэля Хендса. — Он не из дураков, этот Дик.

Некоторое время он молча жевал табак, потом сплюнул и обратился к Долговязому Джону:

— Скажи, Окорок, долго мы будем вилять, как

маркитантская лодка? Клянусь громом, мне до смерти надоел капитан! Довольно ему мной командовать! Я хочу жить в капитанской каюте, мне нужны ихние разносолы и вина.

— Израэль, — сказал Сильвер, — твоя башка очень недорого стоит, потому что в ней никогда не бывало мозгов. Но слушать ты можешь, уши у тебя длинные. Так слушай: ты будешь спать по-прежнему в кубрике, ты будешь есть грубую пищу, ты будешь послушен, ты будешь учтив и ты не выпьешь ни капли вина до тех пор, покуда я не скажу тебе нужного слова. Во всем положись на меня, сынок.

— Разве я отказываюсь? — проворчал второй боцман. — Я только спрашиваю: когда?

— Когда? — закричал Сильвер. — Ладно, я скажу тебе когда. Как можно позже — вот когда! Капитан Смоллетт, первостепенный моряк, для нашей же выгоды ведет наш корабль. У сквайра и доктора имеется карта, но разве я знаю, где они прячут ее! И ты тоже не знаешь. Так вот, пускай сквайр и доктор найдут сокровища и помогут нам погрузить их на корабль. А тогда мы посмотрим. Если бы я был уверен в таком голландском отродье, как вы, я бы предоставил капитану Смоллетту довести нас назад до половины пути.

— Мы и сами неплохие моряки! — возразил Дик.

— Неплохие матросы, ты хочешь сказать, — поправил его Сильвер.

— Мы умеем ворочать рулем. Но кто вычислит курс? На это никто из вас не способен, джентльмены. Была бы моя воля, я позволил бы капитану Смоллетту довести нас на обратном пути хотя бы до пассата. Тогда знал бы, по крайней мере, что плывешь правильно и что не придется выдавать пресную воду по ложечке в день. Но я знаю, что вы за народ. Придется расправиться с ними на острове, чуть только они перетащат сокровище сюда, на корабль. А очень жаль! Но вам только бы поскорее добраться до выпивки. По правде сказать, у меня сердце болит, когда я думаю, что придется возвращаться с такими людьми, как вы.

— Полегче, Долговязый! — крикнул Израэль. — Ведь с тобой никто не спорит.

— Разве мало я видел больших кораблей, которые погибли попусту? Разве мало я видел таких молодцов, которых повесили сушиться на солнышке? — воскликнул Сильвер. — А почему? А все потому, что спешили, спешили, спешили… Послушайте меня: я поплавал по морю и кое-чего

повидал в своей жизни. Если бы вы умели управлять кораблем и бороться с ветрами, вы все давно катались бы в каретах. Но куда вам! Знаю я вашего брата. Налакаетесь рому — и на виселицу.

— Всем известно, Джон, что ты вроде капеллана,[41] — возразил ему Израэль. — Но ведь были другие, которые не хуже тебя умели управлять кораблем. Они любили позабавиться. Но они не строили из себя командиров и сами кутили и другим не мешали.

— Да, — сказал Сильвер. — А где они теперь? Такой был Пью — и умер в нищете. И Флинт был такой — и умер от рома в Саванне. Да, это были приятные люди, веселые… Только где они теперь, вот вопрос!

— Что мы сделаем с ними, — спросил Дик, — когда они попадут к нам в руки?

— Вот этот человек мне по вкусу! — с восхищением воскликнул повар. — Не о пустяках говорит, а о деле. Что же, по-твоему, с ними сделать? Высадить их на какой-нибудь пустынный берег? Так поступил бы Ингленд. Или зарезать их всех, как свиней? Так поступил бы Флинт или Билли Бонс.

— Да, у Билли была такая манера, — сказал

---

[41] notes: 41
Капеллан — судовой священник.

Израэль. — «Мертвые не кусаются», говаривал он. Теперь он сам мертв и может проверить свою поговорку на опыте. Да, Билли был мастер на эти дела.

— Верно, — сказал Сильвер. — Билли был в этих делах молодец. Спуску не давал никому. Но я человек добродушный, я джентльмен; однако я вижу, что дело серьезное. Долг прежде всего, ребята. И я голосую — убить. Я вовсе не желаю, чтобы ко мне, когда я стану членом парламента и буду разъезжать в золоченой карете, ввалился, как черт к монаху, один из этих тонконогих стрекулистов. Надо ждать, пока плод созреет. Но когда он созреет, его надо сорвать!

— Джон, — воскликнул боцман, — ты герой!

— В этом ты убедишься на деле, Израэль, — сказал Сильвер. — Я требую только одного: уступите мне сквайра Трелони. Я хочу собственными руками отрубить его телячью голову... Дик, — прибавил он вдруг, — будь добр, прыгни в бочку и достань мне, пожалуйста, яблоко — у меня вроде как бы горло пересохло.

Можете себе представить мой ужас! Я бы выскочил и бросился бежать, если бы у меня хватило сил, но сердце мое и ноги и руки сразу отказались мне служить. Дик уже встал было на ноги, как

вдруг его остановил голос Хендса:

— И что тебе за охота сосать эту гниль, Джон! Дай-ка нам лучше рому.

— Дик, — сказал Сильвер, — я доверяю тебе. Там у меня припрятан бочонок. Вот тебе ключ. Нацеди чашку и принеси.

Несмотря на весь мой страх, я все же в ту минуту подумал: «Так вот откуда мистер Эрроу доставал ром, погубивший его!»

Как только Дик отошел, Израэль начал шептать что-то повару на ухо. Я расслышал всего два-три слова, но и этого было достаточно.

— Никто из остальных не соглашается, — прошептал Израэль.

Значит, на корабле оставались еще верные люди!

Когда Дик возвратился, все трое по очереди взяли кувшин и выпили — один «за счастье„, другой “за старика флинта», а Сильвер даже пропел:

За ветер добычи, за ветер удачи!

Чтоб зажили мы веселей и богаче!

В бочке стало светло. Взглянув вверх, я увидел, что поднялся месяц, посеребрив крюйс-марс[42]

[42] notes: 42

Наблюдательная площадка на бизань-мачте (кормовой мачте корабля).

и вздувшийся фок-зейл.[43] И в то же мгновение с вахты раздался голос:

— Земля!

Глава 12
ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Палуба загремела от топота. Я слышал, как люди выбегали из кают и кубрика. Выскочив из бочки, я проскользнул за фок-зейл, повернул к корме, вышел на открытую палубу и вместе с Хантером и доктором Ливси побежал на наветренную скулу.[44]

Здесь собралась вся команда. Туман с появлением луны сразу рассеялся. Вдали на юго-западе мы увидели два низких холма на расстоянии примерно двух миль один от другого, а за ними третий, повыше, еще окутанный серым туманом. Все три были правильной конической формы.

Я смотрел на них, как сквозь сон, — я не успел еще опомниться от недавнего ужаса. Затем я услышал голос капитана Смоллетта, отдававшего

---

[43] notes: 43

Нижний прямой парус фок-мачты (первой мачты корабля).

[44] notes: 44

Скула — место наиболее крутого изгиба борта, переходящего в носовую или бортовую часть.

приказания. «Испаньола» стала несколько круче к ветру, курс ее проходил восточнее острова.

— Ребята, — сказал капитан, когда все его приказания были выполнены, — видел ли кто-нибудь из вас эту землю раньше?

— Я видел, сэр, — сказал Сильвер. — Мы брали здесь пресную воду, когда я служил поваром на торговом судне.

— Кажется, стать на якорь удобнее всего с юга, за этим маленьким островком? — спросил капитан.

— Да, сэр. Это островок называется Остров Скелета. Раньше тут всегда останавливались пираты, и один матрос с нашего корабля знал все названия, которые даны пиратами здешним местам. Вот та гора, на севере, зовется Фок-мачтой. С севера на юг тут три горы: Фок-мачта, Грот-мачта и Бизань-мачта, сэр. Но Грот-мачту — ту высокую гору, которая покрыта туманом, — чаще называют Подзорной Трубой, потому что пираты устраивали там наблюдательный пост, когда стояли здесь на якоре и чинили свои суда. Они тут обычно чинили суда, прошу извинения, сэр.

— У меня есть карта, — сказал капитан Смоллетт. — Посмотрите, тот ли это остров?

Глаза Долговязого Джона засверкали огнем,

когда карта попала ему в руки. Но сразу же разочарование затуманило их. Это была не та карта, которую мы нашли в в сундуке Билли Бонса, это была ее точная копия — с названиями, с обозначениями холмов и глубин, но без трех красных крестиков и рукописных заметок. Однако, несмотря на свою досаду, Сильвер сдержался и не выдал себя.

— Да, сэр, — сказал он, — этот самый. Он очень хорошо нарисован. Интересно бы узнать, кто мог нарисовать эту карту... Пираты — народ неученый... А вот и стоянка капитана Кидда — так называл ее и мой товарищ матрос. Здесь сильное течение к югу. Потом у западного берега оно заворачивает к северу. Вы правильно сделали, сэр, — продолжал он, — что пошли в крутой бейдевинд.[45] Если вы хотите войти в бухту и кренговать корабль,[46] лучшего места для стоянки вам тут не найти.

— Спасибо, — сказал капитан Смоллетт. — Когда мне нужна будет помощь, я опять обращусь к вам. Можете идти.

Я был поражен тем, как хладнокровно Джон об-

---

[45] notes: 45
Курс корабля, когда угол между носом корабля и ветром меньше 90°.

[46] notes: 46
Положить его на бок для починки боков и киля.

наружил свое знакомство с островом. Признаться, я испугался, когда увидел, что он подходит ко мне. Конечно, он не знал, что я сидел в бочке и все слышал. И все же он внушал мне такой ужас своей жестокостью, двуличностью, своей огромной властью над корабельной командой, что я едва не вздрогнул, когда он положил руку мне на плечо.

— Недурное место этот остров, — сказал он. — Недурное место для мальчишки. Ты будешь купаться, ты будешь лазить на деревья, ты будешь охотиться за дикими козами. И сам, словно коза, будешь скакать по горам. Право, глядя на этот остров, я и сам становлюсь молодым и забываю про свою деревянную ногу. Хорошо быть мальчишкой и иметь на ногах десять пальцев! Если ты захочешь пойти и познакомиться с островом, скажи старому Джону, и он приготовит тебе закуску на дорогу.

И, хлопнув меня дружески по плечу, он заковылял прочь.

Капитан Смоллетт, сквайр и доктор Ливси разговаривали о чем-то на шканцах.[47] Я хотел как

[47] notes: 47
Шканцы — пространство между грот-мачтой и бизань-мачтой.

можно скорее передать им все, что мне удалось узнать. Но я боялся на виду у всех прервать их беседу. Я бродил вокруг, изобретая способы заговорить, как вдруг доктор Ливси подозвал меня к себе. Он забыл внизу свою трубку и хотел послать меня за нею, так как долго обходиться без курения не мог. Подойдя к нему настолько близко, что никто не мог меня подслушать, я прошептал:

— Доктор, мне нужно с вами поговорить. Пусть капитан и сквайр спустятся в каюту, а потом под каким-нибудь предлогом вы позовете меня. Я сообщу вам ужасные новости.

Доктор слегка изменился в лице, но сейчас же овладел собой.

— Спасибо, Джим, это все, что я хотел узнать, — сказал он, делая вид, будто только что задавал мне какой-то вопрос.

Потом повернулся к сквайру и капитану. Они продолжали разговаривать совершенно спокойно, не повышая голоса, никто из них даже не свистнул, но я понял, что доктор Ливси передал им мою просьбу. Затем капитан приказал Джобу Эндерсону вызвать всю команду на палубу.

— Ребята, — сказал капитан Смоллетт, обращаясь к матросам, — я хочу поговорить с вами. Вы видите перед собой землю. Эта земля — тот ост-

ров, к которому мы плыли. Все мы знаем, какой щедрый человек мистер Трелони. Он спросил меня, хорошо ли работала команда во время пути. И я ответил, что каждый матрос усердно исполнял свой долг и что мне никогда не приходилось желать, чтобы вы работали лучше. Мистер Трелони, я и доктор — мы идем в каюту выпить за ваше здоровье и за вашу удачу, а вам здесь дадут грогу, чтобы вы могли выпить за наше здоровье и за нашу удачу. Если вы хотите знать мое мнение, я скажу, что сквайр, угощая нас, поступает очень любезно. Предлагаю крикнуть в его честь «ура».

Ничего не было странного в том, что все закричали «ура». Но прозвучало оно так сердечно и дружно, что, признаюсь, я едва мог в ту минуту поверить, что эти самые люди собираются всех нас убить.

— Ура капитану Смоллетту! — завопил Долговязый Джон, когда первое «ура» смолкло.

И на этот раз «ура» было дружно подхвачено всеми. Когда общее веселье было в полном разгаре, три джентльмена спустились в каюту.

Немного погодя они послали за Джимом Хокинсом.

Когда я вошел, они сидели вокруг стола. Перед ними стояла бутылка испанского вина и тарелка

с изюмом.

Доктор курил, держа свой парик на коленях, а это, как я знал, означало, что он очень волнуется. Кормовой иллюминатор был открыт, потому что ночь была теплая. Полоса лунного света лежала позади корабля.

— Ну, Хокинс, — сказал сквайр, — ты хотел нам что-то сообщить. Говори.

Я кратко передал им все, что слышал, сидя в бочке. Они не перебивали меня, пока я не кончил; они не двигались, они не отрывали глаз от моего лица.

— Джим, — сказал доктор Ливси, — садись.

Они усадили меня за стол, дали мне стакан вина, насыпали мне в ладонь изюму, и все трое по очереди с поклоном выпили за мое здоровье, за мое счастье и за мою храбрость.

— Да, капитан, — сказал сквайр, — вы были правы, а я был не прав. Признаю себя ослом и жду ваших распоряжений.

— Я такой же осел, сэр, — возразил капитан. — В первый раз я вижу команду, которая собирается бунтовать, а ведет себя послушно и примерно. С другой командой я давно обо всем догадался бы и принял меры предосторожности. Но эта перехитрила меня.

— Капитан, — сказал доктор, — перехитрил Вас Джон Сильвер. Он замечательный человек.

— Он был бы еще замечательнее, если бы болтался на рее,[48] — возразил капитан. — Но все эти разговоры теперь ни к чему. Из всего сказанного я сделал кое-какие заключения и, если мистер Трелони позволит, изложу их вам.

— Вы здесь капитан, сэр, распоряжайтесь! — величаво сказал мистер Трелони.

— Во-первых, — заявил мистер Смоллетт, — мы должны продолжать все, что начали, потому что отступление нам отрезано. Если я заикнусь о возвращении, они взбунтуются сию же минуту. Во-вторых, у нас еще есть время — по крайней мере, до тех пор, пока мы отыщем сокровища. В-третьих, среди команды остались еще верные люди. Рано или поздно, а нам придется вступить с этой шайкой в бой. Я предлагаю не подавать виду, что мы знаем об их замыслах, а напасть на них первыми, врасплох, когда они меньше всего будут этого ждать. Мне кажется, мы можем положиться на ваших слуг, мистер Трелони?

— Как на меня самого, — заявил сквайр.

— Их трое, — сказал капитан. — Да мы трое, да

---

[48] notes: 48

Рея — поперечный брус на мачте, к которому прикрепляют паруса.

Хокинс — вот уже семь человек. А на кого можно рассчитывать из команды?

— Вероятно, на тех, кого Трелони нанял сам, без помощи Сильвера, — сказал доктор.

— Нет, — возразил Трелони. — Я и Хендса нанял сам, а между тем…

— Я тоже думал, что Хендсу можно доверять, — признался капитан.

— И только подумать, что все они англичане! — воскликнул сквайр. — Право, сэр, мне хочется взорвать весь корабль на воздух!

— Итак, джентльмены, — продолжал капитан, — вот все, что я могу предложить. Мы должны быть настороже, выжидая удобного случая. Согласен, что это не слишком легко. Приятнее было бы напасть на них тотчас же. Но мы не можем ничего предпринять, пока не узнаем, кто из команды нам верен. Соблюдать осторожность и ждать — вот все, что я могу предложить.

— Больше всего пользы в настоящее время может принести нам Джим, — сказал доктор. — Матросы его не стесняются, а Джим — наблюдательный мальчик.

— Хокинс, я вполне на тебя полагаюсь, — прибавил сквайр.

Признаться, я очень боялся, что не оправдаю их

доверия. Но обстоятельства сложились так, что мне действительно пришлось спасти им жизнь.

Из двадцати шести человек мы пока могли положиться только на семерых. И один их этих семерых был я, мальчик. Если считать только взрослых, нас было шестеро против девятнадцати.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Мои приключения на суше
Глава 13
КАК НАЧАЛИСЬ МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ

Когда утром я вышел на палубу, остров показался мне совсем другим, чем вчера. Хотя ветер утих, мы все же значительно продвинулись за ночь вперед и теперь стояли в штиле, в полумиле от низкого восточного берега. Большую часть острова покрывали темные леса. Однообразный серый цвет прерывался кое-где в ложбинах желтизной песчаного берега и зеленью каких-то высоких деревьев, похожих на сосны. Эти деревья росли то поодиночке, то купами и поднимались над уровнем леса, но общий вид острова был все же очень однообразен и мрачен. На вершине каждого холма торчали острые голые скалы. Эти холмы удивляли меня странной формой своих очертаний. Подзорная Труба была на триста или четыреста футов выше остальных и казалась самой странной: отвесные склоны и срезанная плоская вершина, как пьедестал для статуи.

Океан так сильно качал «Испаньолу», что вода хлестала в шпигаты.[49] Ростры[50] бились о блоки.[51] Руль хлопался о корму то справа, то слева, и весь корабль прыгал, стонал и трещал, как игрушечный. Я вцепился рукой в бакштаг[52] и почувствовал, что меня мутит. Все закружилось у меня перед глазами. Я уже успел привыкнуть к морю, когда корабль бежал по волнам, но теперь он стоял на якоре и в то же время вертелся в воде, как бутылка; от этого мне становилось дурно, особенно по утрам, на пустой желудок.

Не знаю, что на меня повлияло — качка ли или эти серые, печальные леса, эти дикие, голые камни, этот грохот прибоя, бьющего в крутые берега, — но, хотя солнце сияло горячо и ярко, хотя морские птицы кишели вокруг и с криками ловили в море рыбу, хотя всякий, естественно, был бы рад, увидев землю после такого долгого пребывания в открытом море, тоска охватила

---

[49] notes: 49
Отверстия в борту на уровне палубы для удаления воды.

[50] notes: 50
Деревянный настил на палубе для шлюпок и снастей.

[51] notes: 51
Деревянные бревна, поддерживающие ростры.

[52] notes: 52
Натянутый канат, поддерживающий мачту с кормовой стороны.

мое сердце. И с первого взгляда я возненавидел Остров Сокровищ.

В это утро нам предстояла тяжелая работа. Так как ветра не было, нам пришлось спустить шлюпки, проверповать[53] шхуну три или четыре мили, обогнуть мыс и ввести ее в узкий пролив за Островом Скелета.

Я уселся в одну из шлюпок, хотя мне в ней было нечего делать. Солнце жгло нестерпимо, и матросы все время ворчали, проклиная свою тяжкую работу. Нашей шлюпкой командовал Эндерсон. Вместо того чтобы сдерживать остальных, он сам ворчал и ругался громче всех.

— Ну да ладно, — сказал он и выругался, — скоро всему этому будет конец.

«Плохой признак», — решил я. До сих пор люди работали усердно и охотно. Но одного вида острова оказалось достаточно, чтобы дисциплина ослабла.

Долговязый Джон стоял, не отходя, возле рулевого и помогал ему вести корабль. Он знал пролив, как свою собственную ладонь, и нисколько не смущался тем, что при промерах всюду оказывалось глубже, чем было обозначено на

---

[53] notes: 53

Верповать — передвигать корабль с помощью малого якоря — верпа; его перевозят на шлюпках, а потом подтягивают к нему корабль.

карте.

— Этот узкий проход прорыт океанским отливом, — сказал он. — Отлив углубляет его всякий раз, как лопата.

Мы остановились в том самом месте, где на карте был нарисован якорь. Треть мили отделяла нас от главного острова и треть мили — от Острова Скелета. Дно было чистое, песчаное. Загрохотал, падая, наш якорь, и целые тучи птиц, кружась и крича, поднялись из леса. Но через минуту они снова скрылись в ветвях, и все смолкло.

Пролив был превосходно закрыт со всех сторон. Он терялся среди густых лесов. Леса начинались у самой линии пролива. Берега были плоские. А вдали амфитеатром поднимались холмы. Две болотистые речонки впадали в пролив, казавшийся тихим прудом. Растительность возле этих речонок поражала какой-то ядовитой яркостью. С корабля не было видно ни постройки, ни частокола — деревья заслоняли их совсем, и если бы не карта, мы могли бы подумать, что мы — первые люди, посетившие этот остров, с тех пор как он поднялся из глубин океана.

Воздух был неподвижен. Лишь один звук нарушал тишину — отдаленный шум прибоя, разбивавшегося о скалы в другом конце острова.

Странный, затхлый запах поднимался вокруг корабля — запах прелых листьев и гниющих стволов. Я заметил, что доктор все нюхает и морщится, словно ему попалось тухлое яйцо.

— Не знаю, есть ли здесь сокровище, — сказал он, — но клянусь своим париком, что лихорадка здесь есть.

Поведение команды, тревожившее меня на шлюпке, стало угрожающим, когда мы воротились на корабль. Матросы разгуливали по палубе и о чем-то переговаривались. Приказания, даже самые пустячные, они выслушивали угрюмо и исполняли весьма неохотно. Мирных матросов тоже охватила зараза недовольства, и некому было призвать их к порядку. Назревал бунт, и эта опасность нависла над нашими головами, как грозовая туча.

Не только мы, обитатели каюты, заметили опасность.

Долговязый Джон изо всех сил старался поддержать порядок, переходя от кучки к кучке, то уговаривая, то подавая пример. Он из кожи лез, стараясь быть услужливым и любезным. Он улыбался каждому. Если отдавалось какое-нибудь приказание, Джон первый бросался на своей деревяшке исполнять его, весело крича:

— Есть, сэр, есть!

А когда нечего было делать, он пел песни, одну за другой, чтобы не так была заметна угрюмость остальных.

Из всего, что происходило в этот зловещий день, самым зловещим казалось нам поведение Долговязого Джона.

Мы собрались в каюте на совет.

— Сэр, — сказал капитан, — если я отдам хоть одно приказание, весь корабль кинется на нас. Вы видите, сэр, что творится. Мне грубят на каждом шагу. Если я отвечу на грубость, нас разорвут в клочки. Если я не отвечу на грубость, Сильвер может заметить, что тут что-то неладно, и игра будет проиграна. А ведь теперь мы можем полагаться только на одного человека.

— На кого? — спросил сквайр.

— На Сильвера, сэр, — ответил капитан. — Он не меньше нас с вами хочет уладить дело. Это у них каприз, и, если ему дать возможность, он уговорит их не бунтовать раньше времени... Я предлагаю дать ему возможность уговорить их как следует. Отпустим матросов на берег погулять. Если они поедут все вместе, что же... мы захватим корабль. Если никто из них не поедет, мы запремся в каюте и будем защищаться. Если

же поедут лишь некоторые, то, поверьте мне, Сильвер доставит их обратно на корабль послушными, как овечки.

Так и решили. Надежным людям мы роздали заряженные пистолеты. Хантера, Джойса и Редрута мы посвятили в наши планы. Узнав обо всем, они не очень удивились и отнеслись к нашему сообщению гораздо спокойнее, чем мы ожидали. Затем капитан вышел на палубу и обратился к команде.

— Ребята! — сказал он. — Сегодня здорово пришлось поработать, и все мы ужасно устали. Прогулка на берег никому не повредит. Шлюпки спущены. Кто хочет, пускай отправляется в них на берег. За полчаса до захода солнца я выстрелю из пушки.

Вероятно, эти дураки вообразили, что найдут сокровища, как только высадятся на берег. Вся их угрюмость разом исчезла. Они так громко закричали «ура», что эхо проснулось в далеких холмах и вспугнутые птицы снова закружили над стоянкой.

Капитан поступил очень разумно: он сразу ушел, предоставив Сильверу распоряжаться отъездом. Да и как же иначе было ему поступить? Ведь останься он на палубе, он не мог бы притво-

риться ничего не понимающим.

Все было ясно, как день. Капитаном был Сильвер, и у него была большая команда мятежников. А мирные матросы — вскоре обнаружилось, что были на корабле и такие, — оказались сущими глупцами. Возможно, впрочем, что и они все до одного были восстановлены против нас вожаками, но слишком далеко заходить им не хотелось. Одно дело — непослушание, воркотня и лентяйничанье, а другое — захват корабля и убийство ни в чем не повинных людей. После долгих споров команда разделилась так: шестеро остались на корабле, а остальные тринадцать, в том числе и Сильвер, начали рассаживаться в шлюпках.

Вот тут-то и решился я вдруг на первый из отчаянных поступков, которые впоследствии спасли нас от смерти. Я рассуждал так: мы не можем захватить корабль, раз Сильвер оставил на борту шестерых своих разбойников. С другой стороны, раз их осталось всего шестеро, значит, на корабле я сейчас не нужен. И я решил отправиться на берег. В одно мгновение я перелез через борт и спустился в носовой люк ближайшей шлюпки, которая в ту же секунду отчалила.

Никто не обратил на меня внимания, и только передний гребец сказал:

— Это ты, Джим? Держи голову пониже.

Но Сильвер, сидевший в другой шлюпке, внимательно всмотрелся в нашу и окликнул меня, чтобы убедиться, что это действительно я. И тогда я пожалел, что поехал.

Шлюпки помчались к берегу наперегонки. Но та шлюпка, в которой сидел я, отчалила первой. Она оказалась более легкой, гребцы в ней подобрались самые лучшие, и мы сразу опередили другую шлюпку. Едва нас нашей шлюпки коснулся берега, я ухватился за ветку, выскочил и кинулся в чащу. Сильвер и его товарищи остались ярдов на сто позади.

— Джим, Джим! — кричал он.

Но, понятно, я не обратил на его крик никакого внимания. Без оглядки, подпрыгивая, ломая кусты, ныряя в траве, я бежал все вперед и вперед, пока не выбился из сил.

Глава 14
ПЕРВЫЙ УДАР

Довольный, что удрал от Долговязого Джона, я развеселился и стал с любопытством разглядывать незнакомую местность.

Сначала я попал в болото, заросшее ивами,

тростником и какими-то деревьями неизвестной мне породы. Затем вышел на опушку открытой песчаной равнины, около мили длиной, где росли редкие сосны и какие-то скрюченные, кривые деревья, похожие на дубы, но со светлой листвой, как у ивы. Вдали была видна двуглавая гора; обе странные скалистые вершины ярко сияли на солнце.

Впервые я испытал радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем. Люди, приехавшие вместе со мной, остались далеко позади, и я никого не мог встретить, кроме диких зверей и птиц. Я осторожно пробирался среди деревьев. Повсюду мне попадались какие-то неведомые растения и цветы.

То тут, то там я натыкался на змей. Одна из них сидела в расщелине камня. Она подняла голову и зашипела на меня, зашипела, как вертящаяся юла. А я и представления не имел, что это знаменитая гремучая змея, укус которой смертелен.

Наконец я вошел в чащу деревьев, похожих на дубы. Впоследствии я узнал, что их называют вечнозелеными дубами. Они росли на песке, очень низкие, словно кусты терновника. Узловаты ветви их были причудливо изогнуты, листва густо переплетена, как соломенная крыша. Зарос-

ли их, становясь все выше и гуще, спускались с песчаного откоса к широкому, поросшему тростником болоту, через которое протекала одна из впадающих в пролив речек. Пар поднимался над болотом, и очертания Подзорной Трубы дрожали в знойном тумане.

Вдруг зашуршал камыш. С кряканьем взлетела дикая утка, за нею другая, и скоро над болотом повисла огромная туча птиц, с криком круживших в воздухе. Я сразу догадался, что кто-нибудь из наших моряков идет по болоту, и не ошибся. Вскоре я услышал отдаленный голос, который, приближаясь, становился все громче.

Я страшно испугался, юркнул в ближайшую чащу вечнозеленых дубов и притаился, как мышь.

Другой голос ответил. Затем снова заговорил первый голос, и я узнал его — это был голос Сильвера. Он говорил о чем-то не умолкая. Его спутник отвечал ему редко. Судя по голосам, они разговаривали горячо, почти злобно, но слов разобрать я не мог.

Наконец они замолчали и, вероятно, присели, потому что птицы постепенно успокоились и опустились в болото.

И я почувствовал, что уклоняюсь от своих обязанностей. Если уж я так глуп, что поехал на

берег с пиратами, я должен, по крайней мере, подслушать, о чем они совещаются. Мой долг велит мне подкрасться к ним как можно ближе и спрятаться в густой листве кривого, узловатого кустарника.

Я мог с точностью определить то место, где сидят оба моряка, и по голосам и по волнению нескольких птиц, все еще круживших над их головами.

Медленно, но упорно полз я на четвереньках вперед. Наконец, подняв голову и глянув в просвет между листьями, я увидел на зеленой лужайке возле болота, под деревьями, Джона Сильвера и еще одного моряка. Они стояли друг против друга и разговаривали.

Их обоих жгло солнце. Сильвер швырнул свою шляпу на землю, и его большое, пухлое, белесое, покрытое блестящим потом лицо было обращено к собеседнику чуть ли не с мольбой.

— Приятель, — говорил он, — ты для меня чистое золото. Неужели ты думаешь, я стал бы хлопотать о тебе, если бы не любил тебя всем своим сердцем? Все уже сделано, ты ничего не изменишь. Я хочу спасти твою шею — вот только почему я с тобой. Если бы наши матросы узнали, о чем я с тобой говорю. Том, подумай, что бы они

со мной сделали!

— Сильвер… — отвечал моряк, и я заметил, что лицо у него стало красным, а охрипший, каркающий голос дрожит, как натянутый канат, — Сильвер, ты уже не молодой человек и как будто имеешь совесть. По крайней мере, тебя никто не считает мошенником. У тебя есть деньги… много денег… больше, чем у других моряков. И к тому же ты не трус. Так объясни мне, пожалуйста, почему ты связываешься с этими гнусными крысами? Нет, ты не можешь быть с ними заодно. Я скорее дам отсечь себе руку… но долгу своему не изменю…

Внезапный шум прервал его. Наконец-то я нашел одного честного моряка! И в то же время до меня донеслась весть о другом честном моряке. Далеко за болотом раздался гневный, пронзительный крик, потом второй и затем душераздирающий вопль. Эхо в скалах Подзорной Трубы повторило его несколько раз. Вся армия болотных птиц снова взвилась в вышину и заслонила небо. Долго еще этот предсмертный вопль раздавался в моих ушах, хотя кругом опять воцарилось безмолвие, нарушаемое только хлопаньем крыльев опускающейся стаи птиц и отдаленным грохотом прибоя.

Том вздрогнул, как пришпоренная лошадь. Но Сильвер даже глазом не моргнул. Он стоял, опираясь на костыль, и глядел на своего собеседника, как змея, готовая ужалить.

— Джон! — сказал моряк, протягивая к нему руку.

— Руки прочь! — заорал Сильвер, отскочив на шаг с быстротой и ловкостью акробата.

— Хорошо, Джон Сильвер, я уберу руки прочь, — сказал моряк. — Но, право, только нечистая совесть заставляет тебя бояться меня. Умоляю тебя, объясни мне, что там случилось!

— Что случилось? — переспросил его Сильвер. Он улыбнулся, но не так широко, как всегда, и глаза его на огромном лице стали крошечными, как острия иголок, и засверкали, как стеклышки. — Что случилось? По-моему, это Алан.

Несчастный Том кинулся к нему.

— Алан! — воскликнул он. — Мир его праху! Он умер, как настоящий моряк. А ты, Джон Сильвер… Мы долго были с тобой товарищами, но теперь уж этому не быть! Пусть я умру, как собака, ноя своего долга не нарушу. Ведь это вы убили Алана, а? Так убейте и меня, если можете! Но знай, что я вас не боюсь!

С этими словами отважный моряк повернулся к повару спиной и зашагал к берегу. Но ему не удалось уйти далеко: Джон вскрикнул, схватился за ветку дерева, выхватил свой костыль из-под

мышки и метнул вслед тому, как копье. Костыль, пущенный с невероятной силой, свистя, пролетел в воздухе и ударил Тома острым наконечником в спину между лопатками. Бедняга Том взмахнул руками и упал. Не знаю, сильно ли он был ранен… Судя по звуку, у него был разбит позвоночник. Сильвер не дал ему опомниться. Без костыля, на одной ноге, он вспрыгнул на него с ловкостью обезьяны и дважды всадил свой нож по самую рукоятку в его беззащитное тело. Сидя в кустах, я слышал, как тяжело дышал убийца, нанося удары.

Никогда прежде я не терял сознания и не знал, что это такое. Но тут весь мир поплыл вокруг меня, как в тумане. И Сильвер, и птицы, и вершина Подзорной Трубы — все вертелось, кружилось, качалось. Уши мои наполнились звоном разнообразных колоколов и какими-то дальними голосами.

Когда я пришел в себя, костыль был уже у негодяя под мышкой, а шляпа на голове. Перед ним неподвижно лежал Том. Но убийца даже не глядел на него. Он чистил свой окровавленный нож пучком травы.

Кругом все было по-прежнему. Солнце беспощадно жгло и болото, над которым клубился

туман, и высокую вершину горы. И не верилось, что минуту назад у меня на глазах был убит человек.

Джон засунул руку в карман, достал свисток и несколько раз свистнул. Свист разнесся далеко в знойном воздухе. Я, конечно, не знал значения этого сигнала, но все мои страхи разом проснулись. Сюда придут люди. Меня заметят. Они уже убили двоих честных моряков, почему же после Тома и Алана не стать жертвой и мне?

Стараясь не шуметь, я вылез на четвереньках из кустарника и помчался в лес. Убегая, я слышал, как старый пират перекликался со своими товарищами. От их голосов у меня точно выросли крылья. Чаща осталась позади. Я бежал так быстро, как не бегал еще никогда. Я несся, не разбирая дороги, лишь бы подальше уйти от убийц. С каждым шагом страх мой все усиливался и превратился наконец в безумный ужас.

Положение мое было отчаянное. Разве я осмелюсь, когда выпалит пушка, сесть в шлюпку вместе с этими разбойниками, забрызганными человеческой кровью? Разве любой из них не свернет мне шею, как только увидит меня? Уже самое мое отсутствие — разве оно не доказало им, что я их боюсь и, значит, обо всем догадываюсь?

«Все кончено, — думал я. — Прощай, „Испаньола“! Прощайте, сквайр, доктор, капитан! Я погибну либо от голода, либо от бандитского ножа».

Я мчался, не зная куда, и очутился у подножия невысокой горы с двуглавой вершиной. В этой части острова вечнозеленые дубы росли не так густо и похожи были своими размерами не на кусты, а на обыкновенные лесные деревья. Изредка между ними возвышались одинокие сосны высотой в пятьдесят — семьдесят футов. Воздух здесь был свежий и чистый, совсем не такой, как внизу, у болота.

Но тут меня подстерегала другая опасность, и сердце мое снова замерло от ужаса.

Глава 15
ОСТРОВИТЯНИН

С обрывистого каменистого склона посыпался гравий и покатился вниз, шурша и подскакивая между деревьями. Я невольно посмотрел вверх и увидел странное существо, стремительно прыгнувшее за ствол сосны. Что это? Медведь? Человек? Обезьяна? Я успел заметить только что-то темное и косматое и в ужасе остановился.

Итак, оба пути отрезаны. Сзади меня стерегут

убийцы, впереди — это неведомое чудовище. И сразу же я предпочел известную опасность неизвестной. Даже Сильвер казался мне не таким страшным, как это лесное отродье. Я повернулся и, поминутно оглядываясь, побежал в сторону шлюпок. Чудовище, сделав большой крюк, обогнало меня и оказалось впереди. Я был очень утомлен. Но даже если бы я не чувствовал усталости, я все равно не мог бы состязаться в быстроте с таким проворным врагом. Странное существо перебегало от ствола к стволу со скоростью оленя. Оно двигалось на двух ногах, по-человечески, хотя очень низко пригибалось к земле, чуть ли не складываясь вдвое. Да, то был человек, в этом я больше не мог сомневаться.

Я вспомнил все, что слыхал о людоедах, и собирался уже позвать на помощь. Однако мысль о том, что предо мною находится человек, хотя бы и дикий, несколько приободрила меня. И страх мой перед Сильвером сразу ожил. Я остановился, размышляя, как бы ускользнуть от врага. Потом вспомнил, что у меня есть пистолет. Как только я убедился, что я не беззащитен, ко мне вернулось мужество, и я решительно двинулся навстречу островитянину.

Он опять спрятался, на этот раз за деревом. Заметив, что я направляюсь к нему, он вышел из засады и сделал было шаг мне навстречу. Потом в нерешительности потоптался на месте, попятил-

ся и вдруг, к величайшему моему изумлению и смущению, упал на колени и с мольбой протянул ко мне руки.

Я снова остановился.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Бен Ганн, — ответил он; голос у него был хриплый, как скрип заржавленного замка. — Я несчастный Бен Ганн. Три года я не разговаривал ни с одним человеком.

Это был такой же белый человек, как и я, и черты его лица были, пожалуй, приятны. Только кожа так сильно загорела на солнце, что даже губы у него были черные. Светлые глаза с поразительной резкостью выделялись на темном лице. Из всех нищих, которых я видел на своем веку, этот был самый оборванный. Одежда его состояла из лохмотьев старого паруса и матросской рубахи. Один лоскут скреплялся с другим либо медной пуговицей, либо прутиком, либо просмоленной паклей. Единственной неизодранной вещью из всего его костюма был кожаный пояс с медной пряжкой.

— Три года! — воскликнул я. — Вы потерпели крушение?

— Нет, приятель, — сказал он. — Меня бросили тут на острове.

Я слышал об этом ужасном наказании пиратов: виновного высаживали на какой-нибудь отдаленный и пустынный остров и оставляли там одного, с небольшим количеством пороха и пуль.

— Брошен на этом острове три года назад, — продолжал он. — С тех пор питаюсь козлятиной, ягодами, устрицами. Человек способен жить везде, куда бы его ни закинуло. Но если бы ты знал, мой милейший, как стосковалось мое сердце по настоящей человечьей еде! Нет ли у тебя с собой кусочка сыру?.. Нет? Ну вот, а я много долгих ночей вижу во сне сыр на ломтике хлеба… Просыпаюсь, а сыра нет.

— Если мне удастся вернуться к себе на корабль, — сказал я, — вы получите вот этакую голову сыра.

Он щупал мою куртку, гладил мои руки, разглядывал мои сапоги и, замолкая, по-детски радовался, что видит перед собой человека.

Услышав мой ответ, он взглянул на меня с каким-то лукавством.

— Если тебе удастся вернуться к себе на корабль? — повторил он мои слова. — А кто же может тебе помешать?

— Уж конечно, не вы, — ответил я.

— Конечно, не я! — воскликнул он. — А как тебя зовут, приятель?

— Джим, — сказал я.

— Джим, Джим… — повторял он с наслаждением. — Да, Джим, я вел такую жизнь, что мне стыдно даже рассказывать. Поверил бы ты, глядя на меня, что моя мать была очень хорошая, благочестивая женщина?

— Поверить трудновато, — согласился я.

— Она была на редкость хорошая женщина, — сказал он. — Я рос вежливым, благовоспитанным мальчиком и умел так быстро повторять наизусть катехизис, что нельзя было отличить одно слово от другого. И вот что из меня вышло, Джим. А все оттого, что я смолоду ходил на кладбище играть в орлянку! Ей-богу, начал с орлянки и покатился. Мать говорила, что я плохо кончу, и ее предсказание сбылось. Я много размышлял здесь в одиночестве и раскаялся. Теперь уже не соблазнишь меня выпивкой. Конечно, от выпивки я не откажусь и сейчас, но самую малость, не больше наперстка, на счастье… Я дал себе слово исправиться и теперь уже не собьюсь, вот увидишь! А главное, Джим… — он оглянулся и понизил голос до шепота, — ведь я сделался теперь богачом.

Тут я окончательно убедился, что несчастный

сошел с ума в одиночестве. Вероятно, эта мысль отразилась на моем лице, потому что он повторил с жаром:

— Богачом! Богачом! Слушай, Джим, я сделаю из тебя человека! Ах, Джим, ты будешь благословлять судьбу, что первый нашел меня!.. — Вдруг лицо его потемнело, он сжал мою руку и угрожающе поднял палец. — Скажи мне правду, Джим: не Флинта ли это корабль?

Меня осенила счастливая мысль: этот человек может сделаться нашим союзником. И я тотчас же ответил ему:

— Нет, не Флинта. Флинт умер. Но раз вы хотите знать правду, вот вам правда: на корабле есть несколько старых товарищей Флинта, и для нас это большое несчастье.

— А нет ли у вас... одноногого? — выкрикнул он задыхаясь.

— Сильвера? — спросил я.

— Сильвера! Сильвера! Да, его звали Сильвером.

— Он у нас повар. И верховодит всей шайкой.

Он все еще держал меня за руку и при этих словах чуть не сломал ее.

— Если ты подослан Долговязым Джоном — я пропал. Но знаешь ли ты, где ты находишься?

Я сразу же решил, что мне делать, и рассказал ему все — и о нашем путешествии, и о трудном положении, в котором мы оказались. Он слушал меня с глубоким вниманием и, когда я кончил, погладил меня по голове.

— Ты славный малый, Джим, — сказал он. — Но теперь вы все завязаны мертвым узлом. Положитесь на Бена Ганна, и он выручит вас, вот увидишь. Скажи, как отнесется ваш сквайр к человеку, который выручит его из беды?

Я сказал ему, что сквайр — самый щедрый человек на всем свете.

— Ладно, ладно… Но, видишь ли, — продолжал Бен Ганн, — я не собираюсь просить у него лакейскую ливрею или место привратника. Нет, этим меня не прельстишь! Я хочу знать: согласится он дать мне хотя бы одну тысячу фунтов из тех денег, которые и без того мои?

— Уверен, что даст, — ответил я. — Все матросы должны были получить от него свою долю сокровищ.

— И свезет меня домой? — спросил он, глядя на меня испытующим взором.

— Конечно! — воскликнул я. — Сквайр — настоящий джентльмен. Кроме того, если мы избавимся от разбойников, помощь такого опыт-

ного морехода, как вы, будет очень нужна на корабле.

— Да, — сказал он, — значит, вы и вправду отвезете меня?

И он облегченно вздохнул.

— А теперь послушай, что я тебе расскажу, — продолжал он. — Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища. С ним было еще шесть моряков — здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флинт, и голова его была повязана синим платком. Всходило солнце. Он был бледен как смерть и плыл к нам… один, а остальные шестеро были убиты… убиты и похоронены… да… Как он расправился с ними, никто из нас никогда не узнал. Была ли там драка, резня или внезапная смерть… А он был один против шестерых!.. Билли Бонс был штурманом, а Долговязый Джон — квартирмейстером. Они спросили у него, где сокровища. «Ступайте на берег и поищите, — сказал он в ответ. — Но, клянусь громом, корабль не станет вас ждать». Вот как он сказал им, Флинт. А три года назад я плыл на другом корабле, и мы увидели этот остров. «Ребята, — сказал я, — здесь Флинт зарыл

сокровища. Сойдемте на берег и поищем». Капитан очень рассердился. Но все матросы были со мной заодно, и мы причалили к этому берегу. Двенадцать дней мы искали сокровища и ничего не нашли. С каждым днем товарищи ругали меня все сильней и сильней. Наконец они собрались на корабль. «А ты, Бенджамин Ганн, оставайся! — сказали они. — Вот тебе мушкет, заступ и лом, Бенджамин Ганн… Оставайся здесь и разыскивай денежки Флинта». С тех пор, Джим, вот уже три года живу я здесь и ни разу не видел благородной человеческой пищи. Взгляни на меня: разве похож я на простого матроса?.. Нет, говоришь, не похож? Да и не был похож никогда.

Он как-то странно подмигнул мне одним глазом и сильно ущипнул меня за руку.

— Так и скажи своему сквайру, Джим: он никогда не был похож на простого матроса, — продолжал он. — Скажи ему, что Бен три года сидел тут, на острове, один-одинешенек, и днем и ночью, и в хорошую погоду и в дождь. Иногда, может быть, думал о молитве, иногда вспоминал свою престарелую мать, хотя ее давно нет в живых — так и скажи ему. Но большую часть времени… уж это ты непременно ему скажи… большую часть времени Ганн занимался другими

делами. И при этих словах ущипни его вот так.

И он снова ущипнул меня самым дружеским образом.

— Ты ему, — продолжал он, — вот еще что скажи: Ганн отличный человек — так ему и скажи, Ганн гораздо больше доверяет джентльмену прирожденному, чем джентльмену удачи, потому что он сам был когда-то джентльменом удачи.

— Из того, что вы мне тут толкуете, я не понял почти ничего, — сказал я. — Впрочем, это сейчас и не важно, потому что я все равно не знаю, как попасть на корабль.

— А, — сказал он, — плохо твое дело. Ну да ладно, у меня есть лодка, которую я смастерил себе сам, собственными руками. Она спрятана под белой скалой. В случае какой-нибудь беды мы можем поехать на ней, когда станет темнее… Но постой! — закричал он вдруг. — Что это там такое?

Как раз в эту минуту с корабля грянул пушечный выстрел. Гулкое эхо подхватило его и разнесло по всему острову. А между тем до захода солнца оставалось еще два часа.

— Там идет бой! — крикнул я. — За мною! Идите скорее!

И кинулся бежать к стоянке корабля, забыв

свои недавние страхи. Рядом со мной легко и проворно бежал злополучный пленник.

— Левее, левее! — приговаривал он. — Левее, милейший Джим! Ближе к деревьям! Вот в этом месте в первый раз подстрелил я козу. Теперь козы сюда не спускаются, они бегают только там, наверху, по горам, потому что боятся Бенджамина Ганна… А! А вот кладбище. Видишь холмики? Я приходил сюда и молился изредка, когда я думал, что, может быть, сейчас воскресенье. Это не то, что часовня, но все как-то торжественней. Правда, я был один, без капеллана, без Библии…

Он болтал на бегу без умолку, не дожидаясь ответа, да я и не мог отвечать.

После пушечного выстрела долгое время была тишина, а потом раздался залп из ружей.

И опять тишина. И потом впереди над лесом, в четверти мили от нас, взвился британский флаг.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Частокол
Глава 16
ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ИЗЛОЖЕНЫ ДОКТОРОМ КАК БЫЛ ПОКИНУТ КОРАБЛЬ

Обе шлюпки отчалили от «Испаньолы» около половины второго, или, выражаясь по-морскому, когда пробило три склянки. Капитан, сквайр и я сидели в каюте и совещались о том, что делать. Если бы дул хоть самый легкий ветер, мы напали бы врасплох на шестерых мятежников, оставшихся на корабле, снялись бы с якоря и ушли в море. Но ветра не было. А тут еще явился Хантер и сообщил, что Джим Хокинс проскользнул в шлюпку и уехал вместе с пиратами на берег.

Мы, конечно, ни минуты не думали, что Джим Хокинс изменник, но очень за него беспокоились. Матросы, с которыми он уехал, были так раздражены, что, признаться, мы не надеялись увидеть Джима снова. Мы поспешили на палубу. Смола пузырями выступила в пазах. Кругом в воздухе стояло такое зловоние от болотных испарений,

что меня чуть не стошнило. В этом отвратительном проливе пахло лихорадкой и дизентерией. Шестеро негодяев угрюмо сидели под парусом на баке. Шлюпки стояли на берегу возле устья какой-то речонки, и в каждой сидел матрос. Один из них насвистывал «Лиллибуллеро».[54]

Ждать становилось невыносимо, и мы решили, что я с Хантером поеду на разведку в ялике.

Шлюпки находились справа от корабля. А мы с Хантером направились прямо к тому месту, где на карте обозначен был частокол. Заметив нас, матросы, сторожившие шлюпки, засуетились. «Лиллибуллеро» смолкло. Мы видели, как они спорят друг с другом, очевидно решая, как поступить. Если бы они дали знать Сильверу, все, вероятно, пошло бы по-другому. Но, очевидно, им было велено не покидать шлюпок ни при каких обстоятельствах. Они спокойно уселись, и один из них снова засвистал «Лиллибуллеро».

Берег в этом месте слегка выгибался, образуя нечто вроде небольшого мыса, и я нарочно правил таким образом, чтобы мыс заслонил нас от наших врагов, прежде чем мы пристанем. Выскочив на берег, я побежал во весь дух, подложив

---

[54] notes: 54
Английская шуточная песня.

под шляпу шелковый платок, чтобы защитить голову от палящего солнца. В каждой руке у меня было по заряженному пистолету.

Не пробежал я и ста ярдов, как наткнулся на частокол.

Прозрачный ключ бил из земли почти на самой вершине небольшого холма. Тут же, вокруг ключа, был построен высокий бревенчатый сруб. В нем могло поместиться человек сорок. В стенах этой постройки были бойницы для ружей. Вокруг сруба находилось широкое расчищенное пространство, обнесенное частоколом в шесть футов вышины, без всякой калитки, без единого отверстия. Сломать его было нелегко, а укрыться за ним от сидящих в срубе — невозможно. Люди, засевшие в срубе, могли бы расстреливать нападающих, как куропаток. Дать им хороших часовых до побольше провизии, и они выдержат нападение целого полка.

Особенно обрадовал меня ручей. Ведь в каюте «Испаньолы» тоже неплохо: много оружия, много боевых припасов, много провизии, много превосходных вин, но в ней не было воды.

Я размышлял об этом, когда вдруг раздался ужасающий предсмертный вопль. Не впервые я сталкивался со смертью — я служил в войсках

герцога Кемберлендского[55] и сам получил рану под Фонтенуа,[56] — но от этого крика сердце мое сжалось. «Погиб Джим Хокинс», — решил я.

Много значит быть старым солдатом, но быть доктором значит больше. В нашем деле нельзя терять ни минуты. Я сразу же обдумал все, поспешно вернулся на берег и прыгнул в ялик.

К счастью, Хантер оказался превосходным гребцом. Мы стремительно понеслись по проливу. Лодка причалила к борту, и я опять взобрался на корабль. Друзья мои были потрясены. Сквайр сидел белый, как бумага, и — добрый человек! — раздумывал о том, каким опасностям мы подвергаемся из-за него. Один из матросов, сидевших на баке, был тоже бледен и расстроен.

— Этот человек, — сказал капитан Смоллетт, кивнув в его сторону, — еще не привык к разбою. Когда он услышал крик, доктор, он чуть не лишился чувств. Еще немного — и он будет наш.

Я рассказал капитану свой план, и мы вместе обсудили его.

---

[55] notes: 55

Герцог Кемберлендский — английский полководец, живший в середине XVIII века.

[56] notes: 56

В битве при Фонтенуа (1745), в Бельгии, английские войска потерпели поражение от французов.

Старого Редрута мы поставили в коридоре между каютой и баком, дав ему не то три, не то четыре заряженных мушкета и матрац для защиты. Хантер подвел шлюпку к корме, и мы с Джойсом принялись нагружать ее порохом, мушкетами, сухарями, свининой. Затем опустили в нее бочонок с коньяком и мой драгоценный ящичек с лекарствами.

Тем временем сквайр и капитан вышли на палубу. Капитан вызвал второго боцмана — начальника оставшихся на корабле матросов.

— Мистер Хендс, — сказал он, — нас здесь двое, и у каждого пара пистолетов. Тот из вас, кто подаст какой-нибудь сигнал, будет убит.

Разбойники растерялись. Затем, пошептавшись, кинулись к переднему сходному тамбуру, собираясь напасть на нас с тыла, но, наткнувшись в узком проходе на Редрута с мушкетами, сразу же бросились обратно. Чья-то голова высунулась из люка на палубу.

— Вниз, собака! — крикнул капитан.

Голова исчезла. Все шестеро, насмерть перепуганные, куда-то забились и утихли.

Мы с Джойсом нагрузили ялик доверху, бросая все как попало. Потом спустились в него сами

через кормовой порт[57] и, гребя изо всех сил, понеслись к берегу.

Вторая наша поездка сильно обеспокоила обоих часовых на берегу. «Лиллибуллеро» умолкло опять. И прежде чем мы перестали их видеть, обогнув мысок, один из них оставил свою шлюпку и побежал в глубь острова. Я хотел было воспользоваться этим и уничтожить их шлюпки, но побоялся, что Сильвер со всей шайкой находится неподалеку и что мы потеряем все, если захотим слишком многого.

Мы причалили к прежнему месту и начали перетаскивать груз в укрепление. Тяжело нагруженные, мы донесли наши припасы до форта и перебросили их через частокол. Охранять их поставили Джойса. Он оставался один, но зато ружей у него было не меньше полудюжины. А мы с Хантером вернулись к лодке и снова взвалили груз на спину. Таким образом, работая без передышки, мы постепенно перетащили весь груз. Джойс и Хантер остались в укреплении, а я, гребя изо всех сил, помчался назад к «Испаньоле».

Мы решили еще раз нагрузить ялик. Это было рискованно, но не так уж безрассудно, как может

---

[57] notes: 57
Отверстие в борту.

показаться. Их, конечно, было больше, чем нас, но зато мы были лучше вооружены. Ни у кого из уехавших на берег не было мушкета, и, прежде чем они подошли бы к нам на расстояние пистолетного выстрела, мы успели бы застрелить по крайней мере шестерых.

Сквайр поджидал меня у кормового окна. Он сильно приободрился и повеселел. Схватив брошенный мною конец, он подтянул ялик, и мы снова стали его нагружать свининой, порохом, сухарями. Потом захватили по одному мушкету и по одному кортику для меня, сквайра, Редрута и капитана. Остальное оружие и порох мы выбросили за борт. В проливе было две с половиной сажени глубины, и мы видели, как блестит озаренная солнцем сталь на чистом песчаном дне.

Начался отлив, и шхуна повернулась вокруг якоря. Около шлюпок на берегу послышались перекликающиеся голоса. Хотя это и доказывало, что Джойс и Хантер, которые находились восточнее, еще не замечены, мы все же решили поторопиться.

Редруг покинул свой пост в коридоре и прыгнул в ялик. Мы подвели его к другому борту, чтобы взять капитана Смоллетта.

— Ребята, — громко крикнул он, — вы слышите

меня?

Из бака никто не ответил.

— Я обращаюсь к тебе, Абрахам Грей.

Молчание.

— Грей, — продолжал мистер Смоллетт, повысив голос, — я покидаю корабль и приказываю тебе следовать за твоим капитаном. Я знаю, что, в сущности, ты человек хороший, да и остальные не так уж плохи, как стараются казаться. У меня в руке часы. Даю тебе тридцать секунд на то, чтобы присоединиться ко мне.

Наступило молчание.

— Иди же, мой друг, — продолжал капитан, — не заставляй нас терять время даром. Ведь каждая секунда промедления грозит смертью и мне, и этим джентльменам.

Началась глухая борьба, послышались звуки ударов, и на палубу выскочил Абрахам Грей. Щека его была порезана ножом. Он подбежал к капитану, как собака, которой свистнул хозяин.

— Я с вами, сэр, — сказал он.

Они оба спрыгнули в ялик, и мы отчалили.

Корабль был покинут. Но до частокола мы еще не добрались.

Глава 17
ДОКТОР ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ РАССКАЗ ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕЕЗД В ЧЕЛНОКЕ

Этот последний — пятый — переезд окончился не так благополучно, как прежние. Во-первых, наша скорлупка была страшно перегружена. Пятеро взрослых мужчин, да притом трое из них — Трелони, Редруг и капитан — ростом выше шести футов — это уже не так мало. Прибавьте порох, свинину, мешки с сухарями. Неудивительно, что планшир[58] на корме лизала вода. Нас то и дело слегка заливало. Не успели мы отъехать на сотню ярдов, как мои штаны и фалды камзола промокли насквозь.

Капитан заставил нас разместить груз по-другому, и ялик выпрямился.

И все же мы боялись дышать, чтобы не перевернуть ее.

Во-вторых, благодаря отливу создалось сильное течение, направлявшееся к западу, а потом заворачивавшее к югу, в открытое море, через тот проход, по которому утром вошла в пролив

---

[58] notes: 58
Планка по верхнему краю борта.

наша шхуна. Перегруженный наш ялик могла перевернуть даже легчайшая рябь отлива. Но хуже всего было то, что течение относило нас в сторону и не давало пристать к берегу за мысом, там, где я приставал раньше. Если бы мы не справились с течением, мы достигли бы берега как раз возле двух шлюпок, где каждую минуту могли появиться пираты.

— Я не в силах править на частокол, сэр, — сказал я капитану. Я сидел за рулем, а капитан и Редрут, не успевшие еще устать, гребли.

— Течение относит нас. Нельзя ли приналечь на весла?

— Если мы приналяжем, нас зальет, — сказал капитан. — Постарайтесь, пожалуйста, и держите прямо против течения. Постарайтесь, сэр, прошу вас…

Нас относило к западу до тех пор, пока я не направил нос прямо к востоку, под прямым углом к тому пути, по которому мы должны были двигаться.

— Этак мы никогда не доберемся до берега, — сказал я.

— Если при всяком другом курсе нас сносит, сэр, мы должны держаться этого курса, — ответил капитан. — Нам нужно идти вверх по течению.

Если нас снесет, сэр, — продолжал он, — в подветренную сторону от частокола, неизвестно, где мы сможем высадиться, да и разбойничьи шлюпки могут напасть на нас. А если мы будем держаться этого курса, течение скоро ослабеет, и мы спокойно сможем маневрировать у берега.

— Течение уже слабее, сэр, — сказал матрос Грей, сидевший на носу. — Можно чуть-чуть повернуть к берегу.

— Спасибо, любезнейший, — поблагодарил я его, как будто между нами никогда не было никаких недоразумений.

Мы все безмолвно условились обращаться с ним так, как будто он с самого начала был заодно с нами.

И вдруг капитан произнес изменившимся голосом:

— Пушка!

— Я уже думал об этом, — сказал я, полагая, что он говорит о возможности бомбардировать наш форт из пушки. — Им никогда не удастся свезти пушку на берег. А если и свезут, она застрянет в лесу.

— Нет, вы поглядите на корму, — сказал капитан.

Второпях мы совсем забыли про девятифун-

товую пушку. Пятеро негодяев возились возле пушки, стаскивая с нее «куртку», как называли они просмоленный парусиновый чехол, которым она была накрыта. Я вспомнил, что мы оставили на корабле пушечный порох и ядра и что разбойникам ничего не стоит достать их из склада — нужно только разок ударить топором.

— Израэль был у Флинта канониром, — хрипло произнес Грей.

Я направил ялик прямо к берегу. Мы теперь без труда справлялись с течением, хотя шли все еще медленно. Ялик отлично повиновался рулю. Но, как назло, теперь он был повернут к «Испаньоле» бортом и представлял превосходную мишень.

Я мог не только видеть, но и слышать, как краснорожий негодяй Израэль Хендс с грохотом катил по палубе ядро.

— Кто у нас лучший стрелок? — спросил капитан.

— Мистер Трелони, без сомнения, — ответил я.

— Мистер Трелони, застрелите одного из разбойников. Если можно, Хендса, — сказал капитан.

Трелони был холоден, как сталь. Он осмотрел запал своего ружья.

— Осторожней, сэр, — крикнул капитан, — не

переверните ялик! А вы все будьте наготове и во время выстрела постарайтесь сохранить равновесие.

Сквайр поднял ружье, гребцы перестали грести, мы передвинулись к борту, чтобы удерживать равновесие, и все обошлось благополучно: ялик не зачерпнул ни капли.

Пираты тем временем повернули пушку на вертлюге, и Хендс, стоявший с прибойником[59] у жерла, был отличной целью. Однако нам не повезло. В то время как Трелони стрелял, Хендс нагнулся, и пуля, просвистев над ним, попала в одного из матросов.

Раненый закричал, и крик его подхватили не только те, кто был вместе с ним на корабле: множество голосов ответило ему с берега. Взглянув туда, я увидел пиратов, бегущих из леса к шлюпкам.

— Они сейчас отчалят, сэр, — сказал я.

— Прибавьте ходу! — закричал капитан. — Теперь уж не важно, затопим мы ялик или нет. Если нам не удастся добраться до берега, все погибло.

— Отчаливает только одна шлюпка, сэр, — заметил я. — Команда другой шлюпки, вероятно,

---

[59] notes: 59

Прибойник — железный прут для забивания заряда в дуло орудия.

побежала по берегу, чтобы перерезать нам дорогу.

— Им придется здорово побегать, — возразил капитан. — А моряки не отличаются проворством на суше. Не их я боюсь, а пушки. Дьяволы! Моя пушка бьет без промаха. Предупредите нас, сквайр, когда увидите зажженный фитиль, и мы дадим лодке другое направление.

Несмотря на тяжелый груз, ялик наш двигался теперь довольно быстро и почти не черпал воду. Нам оставалось каких-нибудь тридцать-сорок раз взмахнуть веслами, и мы добрались бы до песчаной отмели возле деревьев, которую обнажил отлив. Шлюпки пиратов уже не нужно было бояться: мысок скрыл ее из виду.

Отлив, который недавно мешал нам плыть, теперь мешал нашим врагам догонять нас. Нам угрожала только пушка.

— Хорошо бы остановиться и подстрелить еще одного из них, — сказал капитан.

Но было ясно, что пушка выстрелит во что бы то ни стало. Разбойники даже не глядели на своего раненого товарища, хотя он был жив, и мы видели, как он пытался отползти в сторону.

— Готово! — крикнул сквайр.

— Стой! — как эхо отозвался капитан.

Он и Редрут так сильно стали табанить[60] веслами, что корма погрузилась в воду. Грянул пушечный выстрел — тот самый, который услышал Джим: выстрел сквайра до него не донесся. Мы не заметили, куда ударило ядро. Я полагаю, что оно просвистело над нашими головами и что ветер, поднятый им, был причиной нашего несчастья.

Как бы то ни было, но тотчас же после выстрела наш ялик зачерпнул кормой воду и начал медленно погружаться. Глубина была небольшая, всего фута три. Мы с капитаном благополучно встали на дно друг против друга. Остальные трое окунулись с головой и вынырнули, фыркая и отдуваясь.

В сущности, мы отделались дешево — жизни никто не лишился и все благополучно добрались до берега. Но запасы наши остались на дне, и, что хуже всего, из пяти ружей не подмокли только два: мое ружье я, погружаясь в воду, инстинктивно поднял над головой, а ружье капитана, человека опытного, висело у него за спиной замком кверху; оно тоже осталось сухим. Три остальных ружья нырнули вместе с яликом.

---

[60] notes: 60
Грести назад.

В лесу, уже совсем неподалеку, слышны были голоса. Нас могли отрезать от частокола. Кроме того, мы сомневались, удержатся ли Хантер и Джойс, если на них нападет полдюжины пиратов. Хантер — человек твердый, а за Джойса мы опасались; он услужливый и вежливый слуга, он отлично чистит щеткой платье, но для войны совершенно не пригоден.

Встревоженные, мы добрались до берега вброд, бросив на произвол судьбы наш бедный ялик, в котором находилась почти половина всего нашего пороха и все нашей провизии.

Глава 18
ДОКТОР ПРОДОЛЖАЕТ СВОЙ РАССКАЗ КОНЕЦ ПЕРВОГО ДНЯ СРАЖЕНИЯ

Мы во весь дух бежали через лес, отделявший нас от частокола, и с каждым мгновением все ближе и ближе раздавались голоса пиратов. Скоро мы услышали топот их ног и треск сучьев. Они пробирались сквозь чащу. Я понял, что нам предстоит нешуточная схватка, и осмотрел свое ружье.

— Капитан, — сказал я, — Трелони бьет без промаха, но ружье его хлебнуло воды. Уступите

ему свое.

Они поменялись ружьями, и Трелони, по-прежнему молчаливый и хладнокровный, на мгновение остановился, чтобы проверить заряд. Тут только я заметил, что Грей безоружен, и отдал ему свой кортик. Мы обрадовались, когда он поплевал на руки, нахмурил брови и замахал кортиком с такой силой, что лезвие со свистом рассекало воздух. И каждый взмах кортика был доказательством, что наш новый союзник будет драться до последней капли крови.

Пробежав еще шагов сорок, мы выбрались на опушку леса и оказались перед частоколом. Мы подошли как раз к середине его южной стороны. А в это самое время семеро разбойников с боцманом Джобом Эндерсоном во главе, громко крича, выскочили из лесу у юго-западного угла частокола.

Они остановились в замешательстве. Мы со сквайром выстрелили, не дав им опомниться. Хантер и Джойс, сидевшие в укреплении, выстрелили тоже. Четыре выстрела грянули разом и не пропали даром: один из врагов упал, остальные поспешно скрылись за деревьями.

Снова зарядив ружья, мы прокрались вдоль частокола посмотреть на упавшего врага.

Он был убит наповал, пуля попала прямо в сердце.

Успех обрадовал нас. Но вдруг в кустах щелкнул пистолет, у меня над ухом просвистела пуля, и бедняга Том Редрут пошатнулся и во весь рост грохнулся на землю. Мы со сквайром выстрелили в кусты. Но стрелять пришлось наудачу, и, вероятно, заряды наши пропали даром. Снова зарядив ружья, мы кинулись к бедному Тому.

Капитан и Грей уже осматривали его. Я глянул только краем глаза и сразу увидел, что дело безнадежно.

Вероятно, наши выстрелы заставили пиратов отступить, так как нам удалось без всякой помехи перетащить несчастного егеря через частокол и внести под крышу блокгауза, в сруб.

Бедный старый товарищ! Он ничему не удивлялся, ни на что не жаловался, ничего не боялся и даже ни на что не ворчал с самого начала наших приключений до этого дня, когда мы положили его в сруб умирать. Он, как троянец, геройски охранял коридор на корабле. Все приказания он исполнял молчаливо, покорно и добросовестно. Он был старше нас всех лет на двадцать. И вот этот угрюмый старый, верный слуга умирал на наших глазах.

Сквайр бросился перед ним на колени, целовал ему руки и плакал, как малый ребенок.

— Я умираю, доктор? — спросил тот.

— Да, друг мой, — сказал я.

— Хотелось бы мне перед смертью послать им еще одну пулю.

— Том, — сказал сквайр, — скажи мне, что ты прощаешь меня.

— Прилично ли мне, сэр, прощать или не прощать своего господина? — спросил старый слуга. — Будь что будет. Аминь!

Он замолчал, потом попросил, чтобы кто-нибудь прочел над ним молитву.

— Таков уж обычай, сэр, — прибавил он, словно извиняясь, и вскоре после этого умер.

Тем временем капитан — я видел, что у него как-то странно вздулась грудь и карманы были оттопырены, — вытащил оттуда самые разнообразные вещи: британский флаг, Библию, клубок веревок, перо, чернила, судовой журнал и несколько фунтов табаку. Он отыскал длинный обструганный сосновый шест и с помощью Хантера укрепил его над срубом, на углу. Затем, взобравшись на крышу, он прицепил к шесту и поднял британский флаг. Это, по-видимому, доставило ему большое удовольствие. Потом он

спустился и начал перебирать и пересчитывать запасы, словно ничего другого не было на свете. Но изредка он все же поглядывал на Тома. А когда Том умер, он достал другой флаг и накрыл им покойника.

— Не огорчайтесь так сильно, сэр, — сказал капитан, пожимая руку сквайру. — Он умер, исполняя свой долг. Нечего бояться за судьбу человека, убитого при исполнении обязанностей перед капитаном и хозяином. Я не силен в богословии, но это дела не меняет.

Затем отвел меня в сторону.

— Доктор Ливси, — спросил он, — через сколько недель вы со сквайром ожидаете прибытия корабля, который пошлют нам на помощь?

Я ответил, что это дело затяжное. Потребуются не недели, а месяцы. Если мы не вернемся к концу августа, Блендли вышлет нам на помощь корабль, не позже и не раньше.

— Вот и высчитайте, когда этот корабль будет здесь, — закончил я.

— Ну, сэр, — сказал капитан, почесывая затылок, — в таком случае нам, даже если очень повезет, придется туговато.

— Почему? — спросил я.

— Очень жаль, сэр, что весь груз, который мы

везли во второй раз, погиб, вот почему, — ответил капитан. — Пороха и пуль у нас достаточно, но провизии мало. Очень мало! Пожалуй, не приходится жалеть, что мы избавились от лишнего рта.

И он указал на покрытого флагом покойника.

В это мгновение высоко над крышей сруба с ревом и свистом пролетело ядро. Оно упало где-то далеко за нами, в лесу.

— Ого! — сказал капитан. — Бомбардировка! А ведь пороха у них не так-то много.

Второй прицел был взят удачнее. Ядро перелетело через частокол и упало перед срубом, подняв целую тучу песка.

— Капитан, — сказал сквайр, — сруб с корабля не виден. Они, должно быть, целятся в наш флаг. Не лучше ли спустить его?

— Спустить флаг? — возмутился капитан. — Нет, сэр. Пусть его спускает кто угодно, но только не я.

И мы сразу же с ним согласились.

Гордый морской обычай не позволяет спускать флаг во время битвы. И, кроме того, это была хорошая политика — мы хотели доказать врагам, что нам вовсе не страшна их пальба.

Они обстреливали нас из пушки весь вечер.

Одно ядро проносилось у нас над головами, другое падало перед частоколом, третье взрывало песок возле самого сруба. Но пиратам приходилось брать высокий прицел: ядра теряли силу и зарывались в песок. Рикошета мы не боялись. И хотя одно ядро пробило у нас крышу и пол, мы скоро привыкли к обстрелу и относились к нему равнодушно, как к трескотне сверчка.

— Есть в этом и хорошая сторона, — заметил капитан. — В лесу поблизости от нас, должно быть, нет пиратов. Отлив усилился, и наши припасы, наверно, показались из-под воды. Эй, не найдутся ли охотники сбегать за утонувшей свининой?

Грей и Хантер вызвались прежде всех. Хорошо вооруженные, они перелезли через частокол. Но свинина досталась не им. Пираты были храбрее, чем мы ожидали. А может быть, они вполне полагались на пушку Израэля Хендса.

Пятеро разбойников усердно вылавливали припасы из нашего затонувшего ялика и перетаскивали их в стоявшую неподалеку шлюпку. Сидевшим в шлюпке приходилось все время грести, потому что течение относило их в сторону. Сильвер стоял на корме и распоряжался. Они все до одного были вооружены мушкетами, добытыми, вероятно, из какого-то их тайного склада.

Капитан сел на бревно и стал записывать в судовой журнал: «Александр Смоллетт — капитан, Дэвид Ливси — судовой врач, Абрахам Грей — помощник плотника, Джон Трелони — владелец шхуны, Джон Хантер и Ричард Джойс — слуги и земляки владельца шхуны, — вот и все, кто остался верен своему долгу. Взяв с собой припасы, которых хватит не больше чем на десять дней, они сегодня высадились на берег и подняли британский флаг над блокгаузом на Острове Сокровищ. Том Редрут, слуга и земляк владельца шхуны, убит разбойниками. Джеймс Хокинс, юнга…»

Я задумался над судьбой бедного Джима Хокинса.

И вдруг в лесу раздался чей-то крик.

— Нас кто-то окликает, — сказал Хантер, стоявший на часах.

— Доктор! Сквайр! Капитан! Эй, Хантер, это ты? — услышали мы чей-то голос.

Я бросился к дверям и увидел Джима Хокинса. Целый и невредимый, он перелезал через наш частокол.

Глава 19
ОПЯТЬ ГОВОРИТ ДЖИМ ХОКИНС ГАРНИЗОН В БЛОКГАУЗЕ

Как только Бен Ганн увидел британский флаг, он остановился, схватил меня за руку и сел.

— Ну, — сказал он, — там твои друзья. Несомненно.

— Вернее, что бунтовщики, — сказал я.

— Никогда! — воскликнул он. — На этом острове, в этой пустыне, где никого не бывает, кроме джентльменов удачи, Сильвер поднял бы черное, пиратское знамя. Уж положись на меня. Я эти дела понимаю. Там твои друзья, это верно. Должно быть, была стычка и они победили. И теперь они на берегу, за старым частоколом. Это Флинт поставил частокол. Много лет назад. Что за голова был этот Флинт! Только ром мог его сокрушить. Никого он не боялся, кроме Сильвера. А Сильвера он побаивался, надо правду сказать.

— Ну что ж, — сказал я, — раз за частоколом свои, надо идти туда.

— Постой, — возразил Бен. — Погоди. Ты, кажется, славный мальчишка, но все же ты только

мальчишка. А Бен Ганн хитер. Бен Ганн не промах. Никакой выпивкой меня туда не заманишь… Я должен сам увидеть твоего прирожденного джентльмена, и пускай он даст мне свое честное слово. А ты не забудь моих слов. Только — так и скажи ему, — только при личном знакомстве возможно доверие. И ущипни его за руку.

И он третий раз ущипнул меня с самым многозначительным видом.

— А когда Бен Ганн вам понадобится, ты знаешь, где найти его, Джим. Там, где ты нашел его сегодня. И тот, кто придет за ним, должен держать что-нибудь белое в руке, и пускай приходит один. Ты им так и скажи. «У Бена Ганна, — скажи, — есть на то свои причины».

— Хорошо, — сказал я. — Кажется, я вас понял. Вы хотите что-то предложить, и вам нужно повидаться со сквайром или с доктором. А увидеть вас можно там, где я вас нашел сегодня. Это все?

— А почему ты не спрашиваешь, в какие часы меня можно застать? Я принимаю с полудня до шести склянок.

— Хорошо, хорошо, — сказал я. — Теперь я могу идти?

— А ты не забудешь? — спросил он тревожно. — Скажи ему, что «только при личном знакомстве„и

что“ есть свои причины». Я поговорю с ним, как мужчина с мужчиной. А теперь можешь идти, Джим, — сказал он, по-прежнему крепко держа меня за руку. — Послушай, Джим, а если ты увидишь Сильвера, ты не предашь ему Бена Ганна? Даже если тебя привяжут к хвосту дикой лошади, не выдашь? А если пираты высадятся на берег, Джим, ты утром не передумаешь?..

Грохот пушечного выстрела прервал его слова. Ядро пронеслось между деревьями и упало на песок в сотне ярдов от того места, где мы стояли и разговаривали. И мы оба бросились в разные стороны. В течение часа остров сотрясался от пальбы, и ядра носились по лесу, сокрушая все на пути. Я прятался то тут, то там, и всюду мне казалось, что ядра летят прямо в меня. Мало-помалу ко мне вернулось утраченное мужество. Однако я все еще не решался подойти к частоколу, возле которого ядра падали чаще всего. Двигаясь в обход к востоку, я добрался наконец до деревьев, росших у самого берега.

Солнце только что село, морской бриз свистел в лесу и покрывал рябью сероватую поверхность бухты. Отлив обнажил широкую песчаную отмель. Воздух после дневного зноя стал таким холодным, что я сильно озяб в своем легком

камзоле.

«Испаньола» по-прежнему стояла на якоре. Но над ней развевался «Веселый Роджер» — черный пиратский флаг с изображением черепа. На борту блеснула красная вспышка, и гулкое эхо разнесло по всему острову последний звук пушечного выстрела. Канонада окончилась.

Я лежал в кустах и наблюдал суету, которая последовала за атакой. На берегу, как раз против частокола, несколько человек рубили что-то топорами. Впоследствии я узнал, что они уничтожали несчастный наш ялик. Вдали, возле устья речки, среди деревьев пылал большой костер. Между костром и кораблем беспрерывно сновала шлюпка. Матросы, такие угрюмые утром, теперь, гребя, кричали и смеялись, как дети. По звуку голосов я догадался, что веселье вызвано ромом.

Наконец я решился направиться к частоколу. Я был довольно далеко от него, на низкой песчаной косе, замыкавшей нашу бухту с востока и доходившей при отливе до самого Острова Скелета. Поднявшись, я увидел дальше на косе среди низкого кустарника одинокую, довольно большую скалу странного, белесого цвета. Мне пришло в голову, что это та самая белая скала, про которую говорил Бен Ганн, и что если мне

понадобится лодка, я буду знать, где ее найти. Я брел по опушке леса, пока не увидел перед собой задний, самый дальний от моря, край частокола. Наши встретили меня с горячим радушием.

Я рассказал им о моих приключениях и осмотрелся вокруг. Бревенчатый дом был весь построен из необтесанных сосновых стволов — и стены, и крыша, и пол. Пол в некоторых местах возвышался на фут или на полтора над песком. У входа было устроено крылечко, под крылечком журчал ручеек. Струя текла в искусственный бассейн очень оригинального вида: огромный корабельный чугунный котел с выбитым дном, зарытый в песок «по самую ватерлинию», как говорил капитан. В доме было почти пусто. Только в одном углу лежала каменная плита для очага с железной решеткой в форме корзины, чтобы огонь не распространялся за пределы камня.

Все деревья по склонам холма, окруженного частоколом, были срублены на постройку. Судя по пням, здесь погибла превосходная роща. Верхний слой почвы после уничтожения деревьев был смыт и снесен дождями, обнажившими чистый песок. Только там, где ручей вытекал из котла, виднелись и мох, и папоротник, и низкорослый кустарник. Сразу за частоколом начинался гу-

стой и высокий лес. Это, как говорили, мешало защите. Со стороны суши лес состоял из сосен, а спереди, со стороны пролива, — из тех же сосен и вечнозеленых дубов.

Холодный вечерний бриз, о котором я уже говорил, дул во все щели грубо сколоченного здания, посыпая пол непрестанным дождем мелкого песка. Песок засорял нам глаза, песок хрустел у нас на зубах, песок попадал к нам в еду, песок плясал в роднике на дне котла, как крупа в кипящей каше. Дымовой трубы у нас не было — дым выходил через квадратное отверстие в крыше. Прежде чем найти дорогу к выходу, он расползался по всему дому, заставляя нас кашлять и плакать.

Грей, наш новый товарищ, сидел с перевязанным лицом — разбойники порезали ему щеку. А старый Том Редрут, все еще не похороненный, окоченевший, лежал у стены, покрытый британским флагом.

Если бы нам позволили сидеть сложа руки, мы скоро упали бы духом. Но капитан Смоллетт умел найти дело для всех. Он вызвал нас к себе и разделил на две вахты.

В одну вошли доктор, Грей и я, в другую — сквайр, Хантер и Джойс. За день мы очень устали, но тем не менее капитан двоих послал в лес

за дровами, а двоим велел копать могилу для Редрута. Доктор стал поваром, меня поставили часовым у дверей, а сам капитан расхаживал от одного к другому, всех подбодряя и всем помогая.

Время от времени доктор подходил к двери подышать воздухом и дать отдохнуть покрасневшим от дыма глазам и перекидывался со мной двумя-тремя словами.

— Этот Смоллетт, — сказал он мне как-то, — гораздо лучше меня. Если уж это я сам признал, значит, так оно и есть, Джим.

В другой раз он сначала помолчал, потом повернул голову и внимательно посмотрел мне в лицо.

— На этого Бена Ганна можно положиться? — спросил он. — Не знаю, сэр, — ответил я. — Я не совсем уверен, что голова у него в порядке.

— Значит, не в порядке, — сказал доктор. — Если человек три года грыз ногти на необитаемом острове, Джим, голова у него не может быть в таком же порядке, как у тебя или у меня. Так уж устроены люди. Ты говоришь, он мечтает о сыре?

— Да, сэр, — ответил я.

— Ладно, Джим, — сказал он. — Посмотри, как полезно быть лакомкой. Ты, наверно, видел мою

табакерку, но ни разу не видел, чтобы я нюхал из нее табак. У меня в табакерке лежит не табак, а кусочек пармезана — итальянского сыра. Этот сыр мы отдадим Бену Ганну!

Перед ужином мы зарыли старого Тома в песок, потом постояли немного с непокрытыми головами на ветру.

Дров из лесу натаскали целую груду, но капитан был все же недоволен.

— Завтра я заставлю вас работать как следует, — сказал он, качая головой.

Поужинав копченой свининой и выпив по стакану горячего грога, капитан, сквайр и доктор удалились на совещание.

Но, по-видимому, ничего хорошего не приходило им в голову. Провизии у нас было так мало, что мы должны были неизбежно умереть с голоду задолго до прибытия помощи. Оставалось одно: убить как можно больше пиратов, убивать их до тех пор, пока они не спустят свой черный флаг или пока не уйдут на «Испаньоле» в открытое море. Из девятнадцати их уже осталось пятнадцать, причем двое ранены, а один, подстреленный у пушки, если не умер, то, во всяком случае, ранен тяжело. Каждый раз, когда нам представится возможность выстрелить в них, мы должны стре-

лять. Нужно тщательно беречь наших людей и помнить, что у нас есть два надежных союзника: ром и климат.

Ром уже взялся за дело: полмили отделяло нас от пиратов, и тем не менее до поздней ночи слышали мы песни и крики. А доктор клялся своим париком, что скоро за дело возьмется и климат: лагерь пиратов возле болота, лекарств у них нет никаких, и через неделю половина из них будет валяться в лихорадке.

— Итак, — говорил доктор, — если им не удастся укокошить нас сразу, они будут рады бросить остров и вернуться на шхуну. У них есть корабль, и они всегда могут заняться своим старым ремеслом — морским разбоем.

— Это первый корабль, который мне пришлось потерять, — сказал капитан Смоллетт.

Я смертельно устал. Долго ворочался я, перед тем как заснуть, но потом спал как убитый.

Все уже давно встали, позавтракали и натаскали дров, когда я проснулся, разбуженный шумом и криками.

— Белый флаг! — сказал кто-то.

И тотчас же раздался удивленный возглас:

— Сам Сильвер!

Я вскочил, протер глаза и кинулся к бойнице

в стене.

Глава 20
СИЛЬВЕР-ПАРЛАМЕНТЕР

Действительно, к частоколу подошли два человека. Один из них размахивал белой тряпкой, а другой — не кто иной, как сам Сильвер, — невозмутимо стоял рядом.

Было еще очень рано. Я не запомню такого холодного утра. Холод пронизывал меня до костей. Небо было ясное, сияющее, верхушки деревьев розовели в лучах восходящего солнца, но внизу, где стоял Сильвер со своим спутником, все еще была густая тень. У их ног клубился белый туман — вот беда этого острова. Этот остров — сырое, малярийное, нездоровое место.

— Все по местам! — сказал капитан. — Держу пари, что они затевают какую-то хитрость. — Затем он крикнул разбойникам: — Кто идет? Стой, или будем стрелять!

— Белый флаг! — крикнул Сильвер.

Капитан вышел на крыльцо и стал под прикрытием, чтобы предательская пуля не угрожала ему. Обернувшись к нам, он приказал:

— Отряд доктора — на вахту к бойницам! Док-

тор Ливси, прошу вас, займите северную стену. Джим — восточную, Грей — западную. Другой вахте — заряжать мушкеты. Живее! И будьте внимательны!

Потом снова обратился к разбойникам.

— Чего вы хотите от нас с вашим белым флагом? — крикнул он.

На этот раз ответил не Сильвер, а другой пират.

— Капитан Сильвер, сэр, хочет подняться к вам на борт, заключить с вами договор! — прокричал он.

— Капитан Сильвер? Я такого не знаю. Кто он? — спросил капитан.

Мы слышали, как он добавил вполголоса:

— Вот как! Уже капитан! Быстрое повышение в чине!

Долговязый Джон ответил сам:

— Это я, сэр. Наши несчастные ребята выбрали меня капитаном после вашего дезертирства, сэр. — Слово «дезертирство» он произнес с особым ударением. — Мы готовы вам подчиниться опять, но, конечно, на известных условиях: если вы согласитесь подписать с нами договор. А пока дайте мне честное слово, капитан Смоллетт, что вы отпустите меня отсюда живым и не начнете

стрельбу, прежде чем я не отойду от частокола.

— У меня нет никакой охоты разговаривать с вами, — сказал капитан Смоллетт. — Но если вы хотите говорить со мной, ступайте сюда. Однако если вы замышляете предательство, то потом пеняйте на себя.

— Этого достаточно, капитан! — весело воскликнул Долговязый Джон. — Одного вашего слова достаточно. Я знаю, что вы джентльмен, капитан, и что на ваше слово можно вполне положиться.

Мы видели, как человек с белым флагом старался удержать Сильвера. В этом не было ничего удивительного, потому что капитан разговаривал не слишком любезно. Но Сильвер только засмеялся в ответ и хлопнул его по плечу, точно даже самая мысль об опасности представлялась ему нелепостью. Он подошел к частоколу, сначала перебросил через него свой костыль, а затем перелез и сам с необычайной быстротой и ловкостью.

Должен признаться: я так был занят всем происходящим, что забыл обязанности часового. Я покинул свой пост у восточной бойницы и стоял позади капитана, который сидел на пороге, положив локти на колени, поддерживая голову

руками, и смотрел в старый железный котел, где бурлила вода и плясали песчинки. Спокойно насвистывал он себе под нос: «За мною, юноши и девы».

Сильверу было мучительно трудно взбираться по склону холма. На крутизне, среди сыпучего песка и широких пней, он со своим костылем был беспомощен, как корабль на мели. Но он мужественно и молчаливо преодолел весь путь, остановился перед капитаном и отдал ему честь с величайшим изяществом. На нем был его лучший наряд: длинный, до колен, синий кафтан со множеством медных пуговиц и сдвинутая на затылок шляпа, обшитая тонкими кружевами.

— Вот и вы, любезный, — сказал капитан, подняв голову. — Садитесь.

— Пустите меня в дом, капитан, — жалобно попросил Долговязый Джон. — В такое холодное

утро, сэр, неохота сидеть на песке.

— Если бы вы, Сильвер, — сказал капитан, — предпочли остаться честным человеком, вы сидели бы теперь в своем камбузе. Сами виноваты. Либо вы мой корабельный повар — и тогда я с вами обращаюсь по-хорошему, либо вы капитан Сильвер, бунтовщик и пират, — и тогда не ждите от меня ничего, кроме виселицы.

— Ладно, ладно, капитан, — сказал повар, садясь на песок. — Только потом вам придется подать мне руку, чтобы я мог подняться… Неплохо вы тут устроились!.. А, это Джим! Доброе утро, Джим… Доктор, мое почтение! Да вы тут все в сборе, словно счастливое семейство, если разрешите так выразиться…

— К делу, любезный, — перебил капитан. — Говорите, зачем вы пришли.

— Правильно, капитан Смоллетт, — ответил Сильвер. — Дело прежде всего. Должен признаться, вы ловкую штуку выкинули сегодня ночью. Кто-то из вас умеет обращаться с ганшпугом. Кое-кто из моих людей был прямо потрясен этим делом, да не только кое-кто, но все. Я и сам, признаться, потрясен. Может быть, только из-за этого я и пришел сюда заключить договор. Но, клянусь громом, капитан, второй раз эта история

вам не удастся! Мы всюду выставим часовых и уменьшим выдачу рома. Вы, верно думаете, что мы все были пьяны мертвецки? Поверьте мне, я нисколько не был пьян, я только устал, как собака. Если бы я проснулся на секунду раньше, вы бы от меня не ушли. Он еще был жив, когда я добежал до него.

— Дальше, — хладнокровно произнес капитан Смоллетт.

Все, что говорил Сильвер, было для капитана загадкой, но капитан и бровью не повел. А я, признаться, смекнул кое-что. Мне пришли на память последние слова Бена Ганна. Я понял, что ночью он пробрался в лагерь разбойников, когда они пьяные валялись вокруг костра. Мне было весело думать, что теперь в живых осталось только четырнадцать наших врагов.

— Вот в чем дело, — сказал Сильвер. — Мы хотим достать сокровища, и мы их достанем. А вы, конечно, хотите спасти свою жизнь и имеете на это полное право. Ведь у вас есть карта, не правда ли?

— Весьма возможно, — отвечал капитан.

— Я наверняка знаю, что она у вас есть, — продолжал Долговязый Джон. — И почему вы говорите со мной так сухо? Это не принесет вам

пользы. Нам нужна ваша карта, вот и все, а лично вам я не желаю ни малейшего зла…

— Перестаньте, любезный, — перебил его капитан, — не на такого напали. Нам в точности известно, каковы были ваши намерения. Но это нас нисколько не тревожит, потому что руки у вас оказались коротки.

Капитан спокойно взглянул на него и стал набивать свою трубку.

— Если бы Эйб Грей… — начал Сильвер.

— Стоп! — закричал мистер Смоллетт. — Грей ничего мне не говорил, и я ни о чем его не спрашивал. Скажу больше: я с удовольствием взорвал бы на воздух и вас, и его, и весь этот дьявольский остров! Вот что я думаю обо всей вашей шайке, любезный.

Эта гневная вспышка, видимо, успокоила Сильвера. Он уже начал было сердиться, но сдержался.

— Как вам угодно, — сказал он. — Думайте, что хотите, я запрещать вам не стану… Вы, кажется, собираетесь закурить трубку, капитан. И я, если позволите, сделаю то же.

Он набил табаком свою трубку и закурил. Двое мужчин долго молча сидели, то взглядывая друг другу в лицо, то затягиваясь дымом, то нагибаясь

вперед, чтобы сплюнуть. Смотреть на них было забавно, как на театральное представление.

— Вот наши условия, — сказал наконец Сильвер. — Вы нам даете карту, чтобы мы могли найти сокровища, вы перестаете подстреливать несчастных моряков и разбивать им головы, когда они спят. Если вы согласны на это, мы предлагаем вам на выбор два выхода. Выход первый: погрузив сокровища, мы позволяем вам вернуться на корабль, и я даю вам честное слово, что высажу вас где-нибудь на берег в целости. Если первый выход вам не нравится, так как многие мои матросы издавна точат на вас зубы, вот вам второй: мы оставим вас здесь, на острове. Провизию мы поделим с вами поровну, и я обещаю послать за вами первый же встречный корабль. Советую вам принять эти условия. Лучших условий вам не добиться. Надеюсь, — тут он возвысил голос, — все ваши люди тут в доме слышат мои слова, ибо сказанное одному — сказано для всех.

Капитан Смоллетт поднялся и вытряхнул пепел из своей трубки в ладонь левой руки.

— И это все? — спросил он.

— Это мое последнее слово, клянусь громом! — ответил Джон. — Если вы откажетесь, вместо меня будут говорить наши ружья.

— Отлично, — сказал капитан. — А теперь послушайте меня. Если вы все придете ко мне сюда безоружные поодиночке, я обязуюсь заковать вас в кандалы, отвезти в Англию и предать справедливому суду. Но если вы не явитесь, то помните, что зовут меня Александр Смоллетт, что я стою под этим флагом и что я всех отправлю к дьяволу. Сокровищ вам не найти. Уплыть на корабле вам не удастся: никто из вас не умеет управлять кораблем. Сражаться вы тоже не мастера: против одного Грея было пятеро ваших, и он ушел от всех. Вы крепко сели на мель, капитан Сильвер, и не скоро сойдете с нее. Это последнее доброе слово, которое вы слышите от меня. А при следующей встрече я всажу пулю вам в спину. Убирайтесь же, любезный! Поторапливайтесь!

Глаза Сильвера вспыхнули яростью. Он вытряхнул огонь из своей трубки.

— Дайте мне руку, чтобы я мог подняться! — крикнул он.

— Не дам, — сказал капитан.

— Кто даст мне руку? — проревел Сильвер.

Никто из нас не двинулся. Отвратительно ругаясь, Сильвер прополз до крыльца, ухватился за него, и только тут ему удалось подняться. Он плюнул в источник.

— Вы для меня вот как этот плевок! — крикнул он. — Через час я подогрею ваш старый блокгауз, как бочку рома. Смейтесь, разрази вас гром, смейтесь! Через час вы будете смеяться по-иному. А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!

И, снова выругавшись, он заковылял по песку. Раза четыре принимался он перелезать через забор и падал. Наконец его перетащил человек с белым флагом, и в одну минуту они исчезли среди деревьев.

Глава 21
АТАКА

Как только Сильвер скрылся, капитан, все время не спускавший с него глаз, обернулся и заметил, что на посту стоит только один Грей. Впервые увидели мы, как капитан сердится.

— По местам! — проревел он.

Мы кинулись к бойницам.

— Грей, — сказал он, — я занесу твое имя в судовой журнал. Ты исполнял свой долг, как подобает моряку… Мистер Трелони, вы меня удивили, сэр!.. Доктор, ведь вы носили военный мундир! Если вы так исполняли свой долг при Фонтенуа, вы бы

лучше не сходили с койки.

Вахта доктора была уже у бойниц, а остальные заряжали мушкеты. Мы все покраснели — нам было стыдно.

Капитан молча следил за нами. Потом заговорил снова.

— Друзья, — сказал он, — я Сильвера встретил, так сказать, залпом пушек всего борта. Я нарочно привел его в бешенство. По его словам, не пройдет и часа, как мы подвергнемся нападению. Вы знаете, что их больше, чем нас, но зато мы находимся в крепости. Минуту назад я мог бы даже сказать, что у нас есть дисциплина. Я не сомневаюсь, что мы можем победить их, если вы захотите победить.

Затем он обошел нас всех и признал, что на этот раз все в порядке.

В двух узких стенах сруба — в восточной и западной — было только по две бойницы. В южной, где находилась дверь, — тоже две. А в северной — пять. У нас было двадцать мушкетов на семерых. Дрова мы сложили в четыре штабеля, посередине каждой стороны. Эти штабеля мы называли столами. На каждом столе лежало по четыре заряженных мушкета, чтобы защитники крепости всегда имели их под рукой. А между

мушкетами сложены были кортики.

— Тушите огонь, — сказал капитан. — Уже потеплело, а дым только ест глаза.

Мистер Трелони вынес наружу железную решетку очага и разбросал угли по песку.

— Хокинс еще не завтракал… Хокинс, бери свой завтрак и ешь на посту, — продолжал капитан Смоллетт. — Пошевеливайся, дружок, а то останешься без завтрака… Хантер, раздай всем грог.

Пока мы возились, капитан обдумал до конца план защиты.

— Доктор, вам поручается дверь, — проговорил он. — Глядите хорошенько, но не слишком выставляйтесь вперед. Стойте внутри и стреляйте из двери… Хантер, ты возьмешь восточную стену… Джойс, друг мой, бери западную… Мистер Трелони, вы лучший стрелок, — берите вместе с Греем северную стену, самую длинную, с пятью бойницами. Это самая опасная сторона. Если им удастся добежать до нее и стрелять в нас через бойницы, дело наше будет очень плохо… А мы с тобой, Хокинс, никуда не годные стрелки. Мы будем заряжать мушкеты и помогать всем.

Капитан был прав. Едва солнце поднялось над вершинами деревьев, стало жарко, и туман исчез. Скоро песок начал обжигать нам пятки и на

бревнах сруба выступила растопленная смола. Мы сбросили камзолы, расстегнули вороты у рубах, засучили до плеч рукава. Каждый стоял на своем посту, разгоряченный жарой и тревогой.

Так прошел час.

— Дьявол! — сказал капитан. — Становится скучно. Грей, засвисти какую-нибудь песню.

В это мгновение впервые стало ясно, что на нас готовится атака.

— Позвольте спросить, сэр, — сказал Джойс, — если я увижу кого-нибудь, я должен стрелять?

— Конечно! — крикнул капитан.

— Спасибо, сэр, — сказал Джойс все так же спокойно и вежливо.

Ничего не случилось, но вопрос Джойса заставил нас всех насторожиться. Стрелки держали мушкеты наготове, а капитан стоял посреди сруба, сжав губы и нахмурив лоб. Так прошло несколько секунд. Вдруг Джойс просунул в бойницу свой мушкет и выстрелил. Звук его выстрела еще не успел затихнуть, как нас стали обстреливать со всех сторон, залп за залпом. Несколько пуль ударилось в бревна частокола. Но внутрь не залетела ни одна, и, когда дым рассеялся, вокруг частокола и в лесу было тихо и спокойно, как прежде. Ни одна веточка не шевелилась. Ни одно

дуло не поблескивало в кустах. Наши враги как сквозь землю провалились.

— Попал ты в кого-нибудь? — спросил капитан.

— Нет, сэр, — ответил Джойс. — Кажется, не попал, сэр.

— И то хорошо, что правду говоришь, — проворчал капитан Смоллетт. — Заряди его ружье, Хокинс… Как вам кажется, доктор, сколько на вашей стороне было выстрелов?

— Я могу ответить точно, — сказал доктор Ливси, — три выстрела. Я видел две вспышки — две рядом и одну дальше, к западу.

— Три! — повторил капитан. — А сколько на вашей, мистер Трелони?

Но тут ответить было нелегко. С севера стреляли много. Сквайр уверял, что было всего семь выстрелов, а Грей — что их было восемь или девять. С востока и запада выстрелили только по одному разу. Очевидно, атаки следовало ожидать с севера, а с других сторон стреляли, только чтобы отвлечь наше внимание. Однако капитан Смоллетт не изменил своих распоряжений.

— Если разбойникам удастся перелезть через частокол, — говорил он, — они могут захватить любую незащищенную бойницу и перестрелять

нас всех, как крыс, в нашей собственной крепости.

Впрочем, времени для размышлений у нас было немного. На севере внезапно раздался громкий крик, и небольшой отряд пиратов, выскочив из лесу, кинулся к частоколу. В то же мгновение нас снова начали обстреливать со всех сторон. В открытую дверь влетела пуля и раздробила мушкет доктора в щепки. Нападающие лезли через частокол, как обезьяны. Сквайр и Грей стреляли снова и снова. Трое свалились — один внутрь, двое наружу. Впрочем, один из них, вероятно, напуган, а не ранен, так как сейчас же вскочил на ноги и скрылся в лесу.

Двое лежали на земле, один убежал, четверо благополучно перелезли через частокол. Семеро или восьмеро остальных пиратов, имевших, очевидно, по нескольку мушкетов каждый, непрерывно обстреливали, сидя в чаще, наш дом. Однако обстрел этот не принес нам никакого вреда.

Четверо проникших внутрь частокола, крича, бежали к зданию. Засевшие в лесу тоже кричали, чтобы подбодрить товарищей. Наши стрелки стреляли не переставая, но так торопились, что, кажется, не попали ни разу. В одно мгновение

четверо пиратов взобрались на холм и напали на нас. Голова Джоба Эндерсона, боцмана, появилась в средней бойнице.

— Бей их! Бей их! — ревел он громовым голосом.

В то же мгновение другой пират, схватив за дуло мушкет Хантера, выдернул его, просунул в бойницу и ударил Хантера прикладом с такой силой, что несчастный без чувств повалился на пол. Тем временем третий, благополучно обежав вокруг дома, неожиданно появился в дверях и кинулся с кортиком на доктора.

Мы оказались в таком положении, в каком до сих пор были наши враги. Только что мы стреляли из-под прикрытия в незащищенных пиратов, а теперь сами, ничем не защищенные, должны были вступить врукопашную с врагом. Сруб заволокло пороховым дымом, но это оказалось нам на руку: благодаря дымовой завесе мы и остались в живых. В ушах у меня гудело от криков, стонов и пистолетных выстрелов.

— На вылазку, вперед, врукопашную! Кортики! — закричал капитан.

Я схватил со штабеля кортик. Кто-то другой, тоже хватая кортик, резнул им меня по суставам пальцев, но я даже не почувствовал боли.

Я ринулся в дверь, на солнечный свет. Кто-то выскочил за мной следом — не знаю кто. Прямо передо мной доктор гнал вниз по склону холма напавшего на него пирата. Я видел, как одним ударом доктор вышиб у него из рук оружие, потом полоснул кортиком по лицу.

— Вокруг дома! Вокруг дома! — закричал капитан.

И, несмотря на общее смятение и шум, я подметил перемену в его голосе.

Машинально подчиняясь команде, я повернул к востоку, с поднятым кортиком обогнул угол дома и сразу встретился лицом к лицу с Эндерсоном. Он заревел, и его тесак взвился над моей

головой, блеснув на солнце. Я не успел даже струсить. Уклоняясь от удара, я оступился в мягком песке и покатился вниз головой по откосу.

Когда я во время атаки выскочил из двери, другие пираты уже лезли через частокол, чтобы покончить с нами. Один из них, в красном ночном колпаке, держа кортик в зубах, уже закинул ногу, готовясь спрыгнуть. Мое падение с холма произошло так быстро, что, когда я поднялся на ноги, все оставалось в том же положении: пират в красном колпаке сидел в той же позе, а голова другого только высунулась из-за частокола. И все же в эти несколько мгновений сражение окончилось, и победа осталась за нами.

Грей, выскочивший из двери вслед за мной, уложил на месте рослого боцмана, прежде чем тот успел вторично замахнуться ножом. Другой пират был застрелен у бойницы в тот миг, когда он собирался выстрелить внутрь дома. Он корчился на песке в предсмертной агонии, не выпуская из рук дымящегося пистолета. Третьего, как я уже сказал, заколол доктор. Из четверых пиратов, перелезших через частокол, в живых остался только один. Бросив свой кортик на поле сражения, он, полный смертельного ужаса, карабкался на частокол, чтобы удрать, и все время

срывался.

— Стреляйте! Стреляйте из дома! — кричал доктор. — А вы, молодцы, под прикрытие!

Но слова его пропали даром. Никто не выстрелил. Последний из атакующих благополучно перелез через частокол и скрылся вместе со всеми в лесу. Через минуту из нападающих никого не осталось, за исключением пяти человек: четверо лежали внутри укрепления и один снаружи. Доктор, Грей и я кинулись в дверь, под защиту толстых стен сруба. Оставшиеся в живых могли каждую минуту добежать до своих мушкетов и опять открыть стрельбу. Пороховой дым рассеялся, и мы сразу увидели, какой ценой досталась нам победа. Хантер лежал без чувств возле своей бойницы. Джойс, с простреленной головой, затих навеки. Сквайр поддерживал капитана, и лица у обоих были бледны.

— Капитан ранен! — сказал мистер Трелони.

— Все убежали? — спросил мистер Смоллетт.

— Все, кто мог, — ответил доктор. — Но пятерым уже не бегать никогда!

— Пятерым! — вскричал капитан. — Не так плохо. У них выбыло из строя пятеро, у нас только трое — значит, нас теперь четверо против девяти. Это лучше, чем было вначале: семеро против

девятнадцати.[61]

[61] notes: 61

На самом деле в живых вскоре осталось только восемь разбойников, потому что человек, подстреленный мистером Трелони на борту шхуны, умер в тот же вечер; но, конечно, мы узнали об этом значительно позже.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Мои приключения на море
Глава 22
КАК НАЧАЛИСЬ МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ

Разбойники не возвращались. Ни один из них даже не выстрелил из лесу. «Они получили свой паек на сегодня», — выразился о них капитан. Мы могли спокойно перевязывать раненых и готовить обед. Стряпали на этот раз сквайр и я. Несмотря на опасность, мы предпочли стряпать во дворе, но и туда до нас доносились ужасные стоны наших раненых.

Из восьми человек, пострадавших в бою, остались в живых только трое: пират, подстреленный у бойницы, Хантер и капитан Смоллетт. Положение двух первых было безнадежное. Пират вскоре умер во время операции; Хантер, несмотря на все наши усилия, так и не пришел в сознание. Он прожил весь день, громко дыша, как дышал после удара тот старый пират, который остановился у нас в трактире. Но ребра у Хантера были сломаны, череп разбит при падении, и в следующую ночь

он без стона, не приходя в сознание, скончался.

Раны капитана были мучительны, но неопасны. Ни один орган не был сильно поврежден. Пуля Эндерсона — первым выстрелил в капитана Джоб — пробила ему лопатку и задела легкое. Вторая пуля коснулась икры и повредила связки.

Доктор уверял, что капитан непременно поправится, но в течение нескольких недель ему нельзя ходить, нельзя двигать рукой и нельзя много разговаривать.

Случайный порез у меня на пальце оказался пустяком. Доктор Ливси залепил царапину пластырем и ласково потрепал меня за уши.

После обеда сквайр и доктор уселись возле капитана и стали совещаться. Совещание окончилось вскоре после полудня. Доктор взял шляпу и пистолеты, сунул за пояс кортик, положил в карман карту, повесил себе на плечо мушкет и, перебравшись через частокол с северной стороны, быстро исчез в чаще.

Мы с Греем сидели в дальнем углу сруба, чтобы не слышать, о чем говорят наши старшие. Грей был так потрясен странным поступком доктора, что вынул изо рта трубку и забыл снова положить ее в рот.

— Что за чертовщина! — сказал он. — Уж не

спятил ли доктор Ливси с ума?

— Не думаю, — ответил я. — Из нас всех он спятит с ума последним.

— Пожалуй что и так, — сказал Грей. — Но если он в здравом уме, значит, это я сумасшедший.

— Просто у доктора есть какой-то план, — объяснил я. — По-моему, он пошел повидаться с Беном Ганном.

Как потом оказалось, я был прав.

Между тем жара в срубе становилась невыносимой. Полуденное солнце накалило песок во дворе, и в голове у меня зашевелилась дикая мысль. Я стал завидовать доктору, который шел по прохладным лесам, слушал птичек, вдыхал смолистый запах сосен, в то время как я жарился в этом проклятом пекле, где одежда прилипала к горячей смоле, где все было вымазано человеческой кровью, где вокруг валялись мертвецы.

Отвращение, которое внушала мне наша крепость, было почти так же велико, как и страх.

Я мыл пол, я мыл посуду — и с каждой минутой чувствовал все большее отвращение к этому месту и все сильнее завидовал доктору. Наконец я случайно оказался возле мешка с сухарями. Меня никто не видел. И я стал готовиться к бегству: набил сухарями оба кармана своего камзола.

Вы можете назвать меня глупцом. Я поступал безрассудно, я шел на отчаянный риск, однако я принял все предосторожности, какие были в моей власти. Эти сухари не дадут мне умереть с голоду по крайней мере два дня.

Затем я захватил два пистолета. Пули и порох были у меня, и я чувствовал себя превосходно вооруженным.

План мой, в сущности, был сам по себе не так уж плох. Я хотел пойти на песчаную косу, отделяющую с востока нашу бухту от открытого моря, отыскать белую скалу, которую я заметил вчера вечером, и посмотреть, не под ней ли Бен Ганн прячет свою лодку. Дело это было, по-моему, стоящее. Но я знал наверняка, что меня ни за что не отпустят, и решил удрать. Разумеется, это был такой дурной путь для осуществления моих намерений, что и намерение становилось неправильным, но не забудьте, что я был мальчишкой и уже принял решение.

Скоро для бегства представился удобный случай. Сквайр и Грей делали перевязку капитану. Путь был свободен. Я перелез через частокол и скрылся в чаще. Прежде чем мое отсутствие обнаружилось, я ушел уже так далеко, что не мог услышать никаких окриков.

Эта вторая моя безумная выходка была еще хуже первой, так как в крепости осталось только двое здоровых людей. Однако, как и первая, она помогла нам спастись.

Я направился прямо к восточному берегу острова, так как не хотел идти по обращенной к морю стороне косы, чтобы меня не заметили со шхуны. День уже клонился к вечеру, хотя солнце стояло еще высоко. Идя через лес, я слышал впереди не только беспрерывный грохот прибоя, но также шум ветвей и шелест листьев. Это означало, что сегодня морской бриз сильнее, чем обычно. Скоро повеяло прохладой. Еще несколько шагов — и я вышел на опушку. Передо мной до самого горизонта простиралось озаренное солнцем море, а возле берега кипел и пенился прибой.

Я ни разу не видел, чтобы море около Острова Сокровищ было спокойно. Даже в ясные дни, когда солнце сияет ослепительно и воздух неподвижен, громадные валы с грохотом катятся на внешний берег. На острове едва ли существует такое место, где можно было бы укрыться от шума прибоя.

Я шел по берегу, наслаждаясь прогулкой. Наконец, решив, что я зашел уже достаточно далеко на юг, я осторожно пополз под прикрытием густых

кустов вверх, на хребет косы.

Позади меня было море, впереди бухта. Морской ветер, как бы утомившись своей собственной яростью, утихал. Его сменили легкие воздушные течения с юга и юго-востока, которые несли с собой густой туман. В проливе, защищенном Островом Скелета, была такая же неподвижная свинцово-тусклая вода, как в тот день, когда мы впервые его увидели. «Испаньола» вся, от вершины мачты до ватерлинии, с повисшим черным флагом, отражалась, как в зеркале.

Возле корабля я увидел ялик. На корме сидел Сильвер. Его я узнал бы на любом расстоянии. Он разговаривал с двумя пиратами, перегнувшимися к нему через борт корабля. У одного из них на голове торчал красный колпак. Это был тот самый негодяй, который недавно перелезал через частокол. Они болтали и смеялись, но меня отделяла от них целая миля, и, понятно, я не мог расслышать ни слова. Потом до меня донесся страшный, нечеловеческий крик. Сначала я испугался, но затем узнал голос Капитана Флинта, попугая. Мне даже почудилось, что я разглядел пеструю птицу на руке у Сильвера.

Ялик отчалил и понесся к берегу, а человек в красном колпаке вместе со своим товарищем

спустился в каюту.

Солнце скрылось за Подзорной Трубой, туман сгустился, быстро темнело. Я понял, что нельзя терять ни минуты, если я хочу найти лодку сегодня.

Белая скала была хорошо видна сквозь заросли, но находилась она довольно далеко, примерно одну восьмую мили по косе, и я потратил немало времени, чтобы до нее добраться. Часто я полз на четвереньках в кустах. Была уже почти ночь, когда я коснулся руками шершавых боков скалы. Под ней находилась небольшая ложбина, поросшая зеленым мохом. Эта ложбина была скрыта от взоров песчаными дюнами и малорослым кустарником, едва достигавшим моих колен. В ее глубине я увидел шатер из козьих шкур. В Англии такие шатры возят с собой цыгане.

Я спустился в ложбину, приподнял край шатра и нашел там лодку Бена Ганна. Из всех самодельных лодок эта была, так сказать, самая самодельная. Бен сколотил из крепкого дерева кривобокую раму, обшил ее козьими шкурами мехом внутрь — вот и вся лодка. Не знаю, как выдерживала она взрослого человека — даже я помещался в ней с трудом. Внутри я нашел очень низкую скамейку, подпорку для ног и весло с

двумя лопастями.

Никогда прежде я не видел плетеных рыбачьих челнов, на которых плавали древние британцы. Но впоследствии мне удалось познакомиться с ними. Чтобы вы яснее представили себе лодку Бена Ганна, скажу, что она была похожа на самое первое и самое неудачное из этих суденышек. И все же она обладала главными преимуществами древнего человека: была легка, и ее свободно можно было переносить с места на место.

Теперь, вы можете подумать, раз я нашел лодку, мне оставалось вернуться в блокгауз. Но тем временем в голове у меня возник новый план. Я был так доволен этим планом, что никакому капитану Смоллетту не удалось бы заставить меня от него отказаться. Я задумал, пользуясь ночной темнотой, подплыть к «Испаньоле» и перерезать якорный канал. Пусть течение выбросит ее на берег где угодно. Я был убежден, что разбойники, получившие такой отпор сегодня утром, собираются поднять якорь и уйти в море. Этому надо помешать, пока не поздно. На корабле в распоряжении вахтенных не осталось ни одной шлюпки, и, следовательно, эту затею можно выполнить без особого риска.

Поджидая, когда окончательно стемнеет, я

сел на песок и принялся грызть сухари. Трудно представить себе ночь, более подходящую для задуманного мною предприятия. Все небо заволокло густым туманов. Когда погасли последние дневные лучи, абсолютная тьма окутала Остров Сокровищ. И когда наконец я, взвалив на плечи челнок, вышел из лощины и, спотыкаясь, побрел к воде, среди полного мрака светились только два огонька: в первом я узнал большой костер на берегу, на болоте, возле которого пьянствовали пираты; другой огонек был, в сущности, заслонен от меня: это светилось кормовое окно корабля, повернутого ко мне носом. Я видел только световое пятно озаренного им тумана.

Отлив уже начался, и между водой и берегом обнажился широкий пояс мокрого песка. Много раз я по щиколотку погружался в жидкую грязь, прежде чем нагнал отступающую воду. Пройдя несколько шагов вброд, я проворно спустил челнок на поверхность воды, килем вниз.

Глава 23
ВО ВЛАСТИ ОТЛИВА

Челнок, как я и предполагал, оказался вполне подходящим для человека моего роста и веса. Был

он легок и подвижен, но вместе с тем до такой степени кривобок и вертляв, что управлять им не было возможности. Делай с ним что хочешь, из кожи лезь, а он все кружится да кружится. Сам Бен Ганн потом признавался, что плавать на этом челноке может лишь тот, кто «уже привык к его норову».

Разумеется, я еще не успел привыкнуть к «норову» челнока. Он охотно плыл в любом направлении, кроме того, которое было мне нужно. Чаще всего он поворачивал к берегу, и, не будь отлива, я ни за что не добрался бы до корабля. На мое счастье, отлив подхватил меня и понес. Он нес меня прямо к «Испаньоле».

Сначала я заметил пятно, которое было еще чернее, чем окружающая тьма. Потом различил очертания корпуса и мачт. И через мгновение (потому что чем дальше я заплывал, тем быстрее гнал меня отлив) я оказался возле якорного каната и ухватился за него.

Якорный канат был натянут, как тетива, — с такой силой корабль стремился сорваться с якоря. Под его днищем отлив бурлил и шумел, как горный поток. Один удар моего ножа — и «Испаньола» помчится туда, куда ее понесет течение.

Однако я вовремя догадался, что туго натяну-

тый канат, если его перерезать сразу, ударит меня с силой лошадиного копыта. Челнок мой перевернется, и я пойду ко дну. Я остановился и принялся ждать. Если бы не удачный случай, я, вероятно, отказался бы в конце концов от своего намерения. Но легкий ветерок, сначала юго-восточный, потом южный, с наступлением ночи мало-помалу превращался в юго-западный. Пока я медлил, налетевший внезапно шквал двинул «Испаньолу» против течения. Канат, к моей великой радости, ослабел, и рука моя, которой я за него держался, на мгновение погрузилась в воду.

Поняв, что нельзя терять ни секунды, я выхватил свой складной нож, открыл его зубами и одно за другим принялся перерезать волокна каната. Когда осталось перерезать всего два волокна, канат натянулся опять, и я начал поджидать следующего порыва ветра.

Из каюты давно уже доносились громкие голоса. Но, сказать по правде, я так был поглощен своим делом, что не обращал на них никакого внимания. Теперь от нечего делать я стал прислушиваться.

Я узнал голос второго боцмана, Израэля Хендса, того самого, который некогда был у Флинта конониром. Другой голос принадлежал, без сомнения,

моему приятелю в красном колпаке. Оба, судя по голосам, были вдребезги пьяны и продолжали пить. Один из них с пьяным криком открыл кормовой иллюминатор и что-то швырнул в воду — по всей вероятности, пустую бутылку. Впрочем, они не только пили: они бешено ссорились. Ругательства сыпались градом, и иногда мне казалось, что дело доходит до драки. Однако голоса стихали, и ссора прекращалась; потом возникала снова, чтобы через несколько минут прекратиться опять.

На берегу между стволами деревьев я видел огонь костра. Там кто-то пел старинную скучную, однообразную матросскую песню с завывающей трелью в конце каждой строки. Во время нашего плавания я много раз слышал эту песню. Она была так длинна, что ни один певец не мог пропеть ее всю и тянул до тех пор, пока у него хватало терпения. Я запомнил из нее только несколько слов:

Все семьдесят пять не вернулись домой…

Они потонули в пучине морской.

Я подумал, что эта грустная песня, вероятно, вполне соответствует печали, охватившей пиратов, которые потеряли сегодня утром стольких

товарищей. Однако вскоре я убедился своими глазами, что в действительности эти морские бандиты бесчувственны, как море, по которому они плавают.

Наконец опять налетел порыв ветра. Шхуна снова двинулась ко мне в темноте. Я почувствовал, что канат снова ослабел, и одним сильным ударом перерезал последние волокна.

На мой челнок ветер не оказывал никакого влияния, и я внезапно очутился под самым бортом «Испаньолы». Шхуна медленно поворачивалась вокруг собственной оси, увлекаемая течением.

Я греб изо всех сил, каждое мгновение ожидая, что меня опрокинет. Но шхуна тянула мой челнок за собой, я никак не мог расстаться с ней и только медленно передвигался от носа к корме. Наконец она стала удаляться, и я уже надеялся избавиться от опасного соседства. Однако тут в руки мне попался конец висевшего на корме каната. Я тотчас же ухватился за него.

Зачем я сделал это, не знаю. Вероятно, бессознательно. Но когда канат оказался в моих руках и я убедился, что он привязан крепко, мною вдруг овладело любопытство, и я решил заглянуть в иллюминатор каюты.

Перебирая руками, я подтянулся на канате. Мне

это грозило страшной опасностью: челнок мог опрокинуться каждую секунду. Приподнявшись, я увидел часть каюты и потолок.

Тем временем шхуна и ее спутник, челнок, быстро неслись по течению. Мы уже поравнялись с костром на берегу. Корабль громко «заговорил», как выражаются моряки, то есть начал с шумом рассекать волны, и, пока я не заглянул в окошко, я не мог понять, почему оставленные для охраны разбойники не поднимают тревоги. Однако одного взгляда было достаточно, чтобы понять все. А я, стоя в своем зыбком челноке, мог действительно кинуть в каюту только один взгляд. Хендс и его товарищи, ухватив друг друга за горло, дрались не на жизнь, а на смерть.

Я опустился на скамью. Еще мгновение — и челнок опрокинулся бы. Передо мной все еще мелькали свирепые, налитые кровью лица пиратов, озаренные тусклым светом коптящей лампы. Я зажмурился, чтобы дать глазам снова привыкнуть к темноте.

Бесконечная баллада наконец прекратилась, и пирующие у костра затянули знакомую мне песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Размышляя о том, что сейчас вытворяют ром и дьявол в каюте «Испаньолы», я с удивлением почувствовал внезапный толчок. Мой челнок резко накренился и круто переменил курс. Быстрота течения до странности увеличилась.

Я открыл глаза. Вокруг меня, искрясь легким фосфорическим светом, шумели, пенясь гребнями, мелкие волны. «Испаньола», за которой меня несло в нескольких ярдах, тоже, казалось, изменила свой курс. Я смутно видел ее мачты в темном небе. Да, чем больше я вглядывался, тем тверже убеждался, что ее теперь несет к югу.

Я обернулся, и сердце мое чуть не разорвалось от страха: костер горел теперь как раз у меня за спиной. Значит, течение круто повернуло вправо, увлекая за собой и высокую шхуну, и мой легкий, танцующий челнок. Бурный поток, шумя все громче, поднимая все более высокую рябь, тащил нас через узкий пролив в открытое море.

Внезапно шхуна сделала еще один поворот, на двадцать градусов по крайней мере, и в то же мгновение я услышал сначала один крик, потом

другой. Раздался топот ног по трапу, и я понял, что пьяные перестали драться. Беда протрезвила обоих.

Я лег на дно моей жалкой ладьи и отдался на произвол судьбы. Выйдя из пролива, мы попадем в неистовые буруны, которые живо избавят меня от всех хлопот. Смерти я не боялся, но было мучительно лежать в бездействии и ждать, когда она наступит.

Так пролежал я несколько часов. Волны швыряли меня и обдавали брызгами. Каждая новая волна грозила мне верной смертью. Но мало-помалу мной овладела усталость. Несмотря на весь ужас моего положения, я оцепенел и впал в забытье. Когда я заснул, мне приснились родные места и старый «Адмирал Бенбоу».

Глава 24
В ЧЕЛНОКЕ

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Я увидел, что меня несет вдоль юго-западного берега Острова Сокровищ. Солнце уже взошло, но его заслоняла громада Подзорной Трубы, спускавшаяся к морю неприступными скалами.

Буксирная Голова и холм Бизань-мачты нахо-

дились у меня под боком. Холм был гол и темен, а Голову окружали утесы в сорок-пятьдесят футов высотой и груды опрокинутых скал. От меня до острова было не больше четверти мили. Я решил взять весло и грести к берегу.

Однако я скоро принужден был отказаться от этого намерения: между опрокинутыми скалами бесновались и ревели буруны. Огромные волны одна за другой взвивались вверх с грохотом, в брызгах и в пене. Я видел, что, приблизившись к берегу, я либо погибну в этих волнах, либо понапрасну истрачу силы, пытаясь взобраться на неприступные скалы.

Но не только это пугало меня. На плоских, как столы, скалах ползали какие-то громадные скользкие чудовища, какие-то слизняки невероятных размеров. Изредка они с шумом прыгали в воду и ныряли. Их было несколько дюжин. Они лаяли, и оглушительное эхо утесов вторило их дикому лаю.

Впоследствии я узнал, что это были морские львы, вполне безобидные животные. Но вид у них был страшный, берег был неприступный, прибой с неистовой силой разбивался о скалы, и у меня пропала всякая охота плыть к острову. Уж лучше умереть с голоду в открытом море, чем встре-

титься лицом к лицу с такими опасностями.

Тем временем мне представилась другая возможность спастись. К северу от Буксирной Головы была обнажавшаяся во время отлива длинная желтая песчаная отмель. А еще севернее был другой мыс — тот самый, который на нашей карте был обозначен под названием Лесистого мыса. Он весь зарос громадными зелеными соснами, спускавшимися до самой воды.

Я вспомнил слова Сильвера о том, что вдоль всего западного берега Острова Сокровищ есть течение, которое направляется к северу. Я понял, что оно уже подхватило меня, и, решил, миновав Буксирную Голову, не тратить понапрасну сил и попытаться пристать к Лесистому мысу, который казался мне гораздо приветливее.

В море была крупная зыбь. С юга дул упорный ласковый ветер, помогавший мне плыть по течению. Волны равномерно поднимались и опускались.

Если бы ветер был порывистый, я бы давно потонул. Но и при ровном ветре можно было только удивляться, как ловок мой крохотный, легкий челнок. Лежа на дне и поглядывая по сторонам, я не раз видел голубую вершину громадной волны у себя над головой. Вот она обрушится на меня…

Но мой челнок, подпрыгнув, как на пружинах, слегка пританцовывая, взлетал на гребень и плавно опускался, словно птица.

Мало-помалу я до того осмелел, что даже попробовал было грести. Но малейшее нарушение равновесия сейчас же сказывалось на поведении моего челнока. Едва только я пошевелился, как он изменил свою плавную поступь, стремительно слетел с гребня в водяную яму, так что у меня закружилась голова, и, подняв сноп брызг, зарылся носом в следующую волну.

Перепуганный, мокрый, я опять лег на дно. Челнок, казалось, сразу опомнился и с прежней осторожностью понес меня дальше меж волн.

Мне было ясно, что грести нельзя. Но каким же образом добраться до берега?

Я струсил, но не потерял головы. Прежде всего стал осторожно вычерпывать своей матросской шапкой воду, затем, наблюдая за ходом челнока, я постарался понять, отчего он так легко скользит по волнам. Я заметил, что каждая волна, представлявшаяся с берега или с борта корабля огромной ровной и гладкой горой, в действительности скорее похожа на цепь неровных холмов с остроконечными вершинами, со склонами и долинами. Челнок, предоставленный самому себе,

ловко лавировал, всякий раз выбирал долины, избегая крутых склонов и высоких вершин.

«Отлично, — решил я. — Главное — лежать смирно и не нарушать равновесия. Но при случае, в ровных местах, можно изредка подгрести к берегу».

Так я и сделал. Лежа на локтях в самом неудобном положении, я по временам взмахивал веслом и направлял челнок к острову.

Это была нудная, медлительная работа, и все же я достиг некоторого успеха. Однако, поравнявшись с Лесистым мысом, я понял, что неминуемо пронесусь мимо, хотя действительно берег был теперь от меня всего в нескольких сотнях ярдов. Я видел прохладные зеленые вершины деревьев. Их раскачивал бриз. Я был уверен, что следующего мыса не пропущу.

Время шло, и меня начала мучить жажда. Солнце сияло с ослепительной яркостью, тысячекратно отраженное в волнах. Морская вода высыхала у меня на лице, и даже губы мои покрылись слоем соли. Горло у меня пересохло, голова болела. Деревья были так близко, так манили меня своей тенью! Но течение стремительно пронесло меня мимо мыса. И то, что я увидел, снова оказавшись в открытом море, изменило

все мои планы.

Прямо перед собой, на расстоянии полумили, а то и меньше, я увидел «Испаньолу», плывшую под всеми парусами. Несомненно, меня увидят и подберут. Жажда так мучила меня, что я даже не знал, радоваться этому или огорчаться. Но долго раздумывать мне не пришлось, так как меня вскоре охватило чувство изумления: «Испаньола» шла под гротом[62] и двумя кливерами.[63] Ее необыкновенной красоты снежно-белые паруса ослепительно серебрились на солнце. Когда я впервые увидел ее, все паруса ее были надуты. Она держала курс на северо-запад. Я подумал, что люди у нее на борту решили обойти остров кругом и вернуться к месту прежней стоянки. Затем она все больше и больше стала отклоняться к западу, и мне пришло в голову, что я уже замечен и что меня хотят подобрать. Но вдруг она повернулась прямо против ветра и беспомощно остановилась с повисшими парусами.

«Экие медведи! — сказал я себе. — Напились, должно быть, до бесчувствия».

Хорошо бы влетело им от капитана Смоллетта

---

[62] notes: 62
Грот — нижний парус на грот-мачте.

[63] notes: 63
Кливер — косой парус перед фок-мачтой.

за такое управление судном!

Тем временем шхуна, переходя с галса на галс, сделала полный круг, поплыла быстрым ходом одну-две минуты, снова уставилась носом против ветра и снова остановилась. Так повторялось несколько раз. «Испаньола» плыла то на север, то на юг, то на восток, то на запад, хлопая парусами и беспрерывно возвращаясь к тому курсу, который только что оставила. Мне стало ясно, что кораблем никто не управляет. Куда же девались люди? Они либо мертвецки пьяны, либо покинули судно. Если я попаду на борт, мне, быть может, удастся вернуть корабль его капитану.

Течение увлекало челнок и шхуну с одинаковой скоростью, но шхуна так часто меняла галсы, так часто останавливалась, что почти не двигалась вперед. Если бы только я мог усесться в челноке и начать грести, я, несомненно, догнал бы ее. И вдруг мне действительно захотелось догнать ее. Жажда новых приключений охватила меня, а мысль о пресной воде удвоила мою безумную решимость.

Я поднялся, и меня сейчас же с ног до головы обдало волной. Но теперь это меня не устрашило. Я сел и, собрав все силы, осторожно принялся грести. Я пустился вдогонку за не управляемой никем «Испаньолой». Один раз волны так швыр-

нули меня, что сердце у меня трепыхнулось, как птица. Я остановился и стал вычерпывать воду. Скоро, однако, я немного привык к челноку и стал так осторожно направлять его среди бушующих волн, что только изредка мелкие клочья пены били меня по лицу.

Расстояние между мной и шхуной быстро уменьшалось. Я уже мог разглядеть поблескивающую при поворотах медь румпеля.[64] На палубе не было ни души. Разбойники, вероятно, сбежали. А если не сбежали, значит, они лежат мертвецки пьяные в кубрике. Там я их запру и буду делать с кораблем все, что задумаю.

Наконец мне посчастливилось: ветер на несколько мгновений утих. Повинуясь течению, «Испаньола» медленно повернулась вокруг своей оси. Я увидел ее корму. Иллюминатор каюты был открыт. Над столом я увидел горящую лампу, хотя уже давным-давно наступил день. Грот повис, как флаг. Шхуна замедлила ход, так как двигалась лишь по течению. Я несколько отстал от нее, но теперь, удвоив усилия, мог снова догнать ее.

Я был от нее уже в каких-нибудь ста ярдах, когда ветер снова надул ее паруса. Она повернула

---

[64] notes: 64
Румпель — рычаг для управления рулем.

на левый галс и опять, скользя, понеслась по волнам, как ласточка.

Сперва я пришел в отчаяние, потом обрадовался. Шхуна описала круг и поплыла прямо на меня. Вот она покрыла половину, потом две трети, потом три четверти расстояния, которое нас разделяло. Я видел, как пенились волны под ее форштевнем.[65] Из моего крохотного челночка она казалась мне громадной.

Вдруг я понял, какая опасность мне угрожает. Шхуна быстро приближалась ко мне. Времени для размышления у меня не оставалось. Нужно было попытаться спастись. Я находился на вершине волны, когда нос шхуны прорезал соседнюю. Бушприт навис у меня над головой. Я вскочил на ноги и подпрыгнул, погрузив челнок в воду. Рукой я ухватился за утлегарь,[66] а нога моя попала между штагом[67] и брасом.[68] Замирая от ужаса, я повис в воздухе. Легкий толчок

---

[65] notes: 65
Форштевень — носовая оконечность судна, продолжение киля.

[66] notes: 66
Продолжение бушприта.

[67] notes: 67
Штаг — снасть, поддерживающая мачту.

[68] notes: 68
Брас — снасть, служащая для поворота реи.

снизу дал мне понять, что шхуна потопила мой челнок и что уйти с «Испаньолы» мне уже никак невозможно.

Глава 25
Я СПУСКАЮ «ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА»

Едва я взобрался на бушприт, как полощущийся кливер, щелкнув оглушительно, словно пушечный выстрел, надулся и повернул на другой галс. Шхуна дрогнула до самого киля. Но через мгновение, хотя остальные паруса все еще были надуты, кливер снова щелкнул и повис.

От неожиданного толчка я чуть не слетел в воду. Не теряя времени, я пополз по бушприту и свалился головой вниз на палубу. Я оказался на подветренной стороне бака. Грот скрывал от меня часть кормы. Я не видел ни одной живой души. Палуба, не мытая со дня мятежа, была загажена следами грязных ног. Пустая бутылка с отбитым горлышком каталась взад и вперед.

Внезапно «Испаньола» опять пошла по ветру. Кливера громко щелкнули у меня за спиной. Руль сделал поворот, и корабль содрогнулся. В то

же мгновение грота-гик[69] откинулся в сторону, шкот[70] заскрипел о блоки, и я увидел корму.

На корме были оба пирата. «Красный колпак» непо-движно лежал на спине. Руки его были раскинуты, как у распятого, зубы оскалены. Израэль Хендс сидел у фальшборта,[71] опустив голову на грудь. Руки его беспомощно висели; лицо, несмотря на загар, было бело, как сальная свечка.

Корабль вставал на дыбы, словно взбешенный конь. Паруса надувались, переходя с галса на галс, гики двигались с такой силой, что мачта громко стонала. Время от времени нос врезался в волну, и тогда тучи легких брызг взлетали над фальшбортом. Мой самодельный вертлявый челнок, теперь погибший, гораздо лучше справлялся с волнами, чем этот большой, оснащенный корабль.

При каждом прыжке шхуны разбойник в красном колпаке подскакивал. Но, к ужасу моему, выражение его лица не менялось — по-прежнему он усмехался, скаля зубы. А Хендс при каждом

---

[69] notes: 69

Гик — горизонтальный шест, по которому натягивается нижняя кромка паруса; в данном случае — грота.

[70] notes: 70

Снасть для управления нижним концом паруса.

[71] notes: 71

Фальшборт — продолжение борта выше палубы.

толчке скользил все дальше и дальше к корме. Мало-помалу докатился он до борта, и нога его повисла над водой. Я видел только одно его ухо и клок курчавых бакенбард.

Тут я заметил, что возле них на досках палубы темнеют полосы крови, и решил, что во время пьяной схватки они закололи друг друга.

И вдруг, когда корабль на несколько мгновений остановился, Израэль Хендс с легким стоном продвинулся на свое прежнее место. Этот страдальческий стон, свидетельствовавший о крайней усталости, и его отвисшая нижняя челюсть разжалобили меня на мгновение. Но я вспомнил разговор, который подслушал, сидя в бочке из-под яблок, и жалость моя тотчас же прошла.

Я подошел к грот-мачте.

— Вот я опять на шхуне, мистер Хендс, — проговорил я насмешливо.

Он с трудом поднял на меня глаза, но даже не выразил удивления — до такой степени был пьян. Он произнес только одно слово:

— Бренди!

Я понял, что времени терять нельзя. Проскользнув под грота-гиком, загородившим палубу, я по трапу сбежал в каюту.

Трудно себе представить, какой там был разгром. Замки у всех ящиков были сломаны. Разбойники, вероятно, искали карту. Пол был покрыт слоем грязи, которую разбойники нанесли на подошвах из того болотистого места, где они пьянствовали. На перегородках, выкрашенных белой краской и украшенных золотым багетом, остались следы грязных пальцев. Десятки пустых бутылок, повинуясь качке, со звоном перекатывались из угла в угол. Одна из медицинских книг доктора лежала раскрытая на столе. В ней не хватало доброй половины листов; вероятно, они были вырваны для раскуривания трубок. Посреди всего этого безобразия по-прежнему чадила тусклая лампа.

Я заглянул в погреб. Бочонков не было; невероятное количество опорожненных бутылок валялось на полу. Я понял, что все пираты с самого начала мятежа не протрезвлялись ни разу.

Пошарив, я все-таки нашел одну недопитую бутылку бренди для Хендса. Для себя я взял немного сухарей, немного сушеных фруктов, полную горсть изюму и кусок сыру.

Поднявшись на палубу, я сложил все это возле руля, подальше от боцмана, чтобы он не мог

достать. Я вдоволь напился воды из анкерка[72] и только затем протянул Хендсу бутылку. Он выпил не меньше половины и лишь тогда оторвал горлышко бутылки ото рта.

— Клянусь громом, — сказал он, — это-то мне и было нужно!

Я уселся в угол и стал есть.

— Сильно ранены? — спросил я его.

Он сказал каким-то лающим голосом:

— Будь здесь доктор, я бы живо поправился. Но, сам видишь, мне не везет... А эта крыса померла, — прибавил он, кивнув в сторону человека в красном колпаке. — Плохой был моряк... А ты откуда взялся?

— Я прибыл сюда, чтобы командовать этим кораблем, мистер Хендс, — сказал я. — Впредь до следующего распоряжения считайте меня своим капитаном.

Он угрюмо посмотрел на меня, но ничего не сказал. Щеки у него слегка порозовели, однако вид был болезненный, и при каждом толчке корабля он валился на бок.

— Между прочим, — продолжал я, — мне не нравится этот флаг, мистер Хендс. Если позво-

---

[72] notes: 72
Анкерок — бочонок с водой.

лите, я спущу его. Лучше совсем без флага, чем с этим.

Я подбежал к мачте, опять уклоняясь от гика, дернул соответствующую веревку и, спустив проклятый черный флаг, швырнул его за борт, в море.

— Боже, храни короля! Долой капитана Сильвера! — крикнул я, размахивая шапкой.

Он внимательно наблюдал за мной, не поднимая головы, и на его лице было выражение лукавства.

— Я полаю… — сказал он наконец, — я полагаю, капитан Хокинс, что вы были бы не прочь высадиться на берег. Давайте поговорим об этом.

— Отчего же, — сказал я, — с большим удовольствием, мистер Хендс. Продолжайте. — И я опять вернулся к еде и стал уничтожать ее с большим аппетитом.

— Этот человек… — начал он, слабо кивнув в сторону трупа. — Его звали О'Брайен… ирландец… Мы с ним поставили паруса и хотели вернуться в бухту. Но он умер и смердит, как гнилая вода в трюме. Не знаю, кто теперь будет управлять кораблем. Без моих указаний тебе с этой шхуной не справиться. Послушай, дай мне поесть и попить, перевяжи рану старым шарфом или платком, и

за это я покажу тебе, как управлять кораблем. Согласен?

— Только имейте в виду, — сказал я, — на стоянку капитана Кидда я возвращаться не собираюсь. Я хочу ввести корабль в Северную стоянку и там спокойно пристать к берегу.

— Ладно! — воскликнул он. — Разве я такой идиот? Разве я не понимаю? Отлично понимаю, что я сделал свой ход и проиграл, промахнулся и что выигрыш твой. Ну что же? Ты хочешь в Северную стоянку? Изволь. У меня ведь выбора нет. Клянусь громом, я помогу тебе вести корабль хоть к самому помосту моей виселицы.

Его слова показались мне не лишенными смысла. Мы заключили сделку. Через три минуты «Испаньола» уже шла по ветру вдоль берега Острова Сокровищ. Я надеялся обогнуть Северный мыс еще до полудня, чтобы войти в Северную стоянку до прилива. Тогда мы, ничем не рискуя, подведем «Испаньолу» к берегу, дождемся спада воды и высадимся. Я укрепил румпель, сошел вниз, разыскал свой собственный сундучок и достал из него мягкий шелковый носовой платок, подаренный мне матерью. С моей помощью Хендс перевязал этим платком глубокую колотую кровоточащую рану в бедре. Немного закусив

и хлебнув два-три глотка бренди, он заметно приободрился, сел прямее, стал говорить громче и отчетливее, сделался другим человеком.

Дул попутный бриз. Корабль несся, как птица. Мелькали берега. Вид их менялся с каждой минутой. Высокая часть острова осталась позади. Мы мчались вдоль низкого песчаного берега, усеянного редкими карликовыми соснами. Но кончилась и она. Мы обогнули скалистый холм — самый северный край острова.

Мне нравилось управлять кораблем. Я наслаждался прекрасной солнечной погодой и живописными берегами. Еды и питья было у меня вдоволь, совесть больше не укоряла меня за то, что я дезертировал из крепости, потому что я одержал такую большую победу. Я был бы всем доволен, если бы не глаза боцмана. Он с самым издевательским видом неотступно следил за мной, и на лице его время от времени появлялась странная улыбка. В этой улыбке было что-то бессильное и страдальческое — мрачная улыбка старика. И в то же время было в ней что-то насмешливое, что-то предательское. Я работал, а он ухмылялся лукаво и следил, следил, следил за мной.

Глава 26
ИЗРАЭЛЬ ХЕНДС

Ветер, как бы стараясь нам угодить, из южного превратился в западный. Мы без всяких затруднений прошли от северо-восточной оконечности острова до входа в Северную стоянку. Однако мы боялись войти в бухту, прежде чем прилив поднимется выше, так как у нас не было якоря. Нужно было ждать. Боцман учил меня, как положить корабль в дрейф, и скоро я сделал большие успехи. Потом мы оба молча уселись и принялись есть.

— Капитан, — сказал он наконец все с той же недоброй усмешкой, — здесь валяется мой старый товарищ О'Брайен. Не выбросишь ли ты его за борт? Я человек не слишком щепетильный и не чувствую угрызений совести, что отправил его на тот свет. Но, по-моему, он мало украшает наш корабль. А как по-твоему?

— У меня не хватит силы. Да, кроме того, такая работа мне не по вкусу. По-моему, пускай лежит, — сказал я.

— Что за несчастный корабль эта «Испаньола», Джим! — продолжал он, подмигнув. — Сколько

людей убито на этой «Испаньоле» и сколько бедных моряков погибло с тех пор, как мы с тобой покинули Бристоль! Никогда я не видел такого неудачного плавания. Вот и О'Брайен умер — ведь он и взаправду умер? Я человек неученый, а ты умеешь читать и считать. Скажи мне без обиняков, напрямик: мертвый так и останется мертвым или когда-нибудь воскреснет?

— Вы можете убить тело, мистер Хендс, но не дух, — сказал я. — Знайте: О'Брайен сейчас жив и следит за нами с того света.

— Ах! — сказал он. — Как это обидно! Значит, я только даром потратил время. А впрочем, духи, по-моему, большого вреда принести не могут. Я не боюсь духов, Джим. Слушай, я хочу попросить тебя спуститься в каюту и принести мне… черт подери, я забыл, что мне нужно… да, принеси мне бутылочку вина, Джим. Это бренди слишком крепко для меня.

Колебания боцмана показались мне подозрительными, и, признаться, я не поверил, что вино нравится ему больше, чем бренди. Все это только предлог. Дело ясное: он хочет, чтобы я ушел с палубы. Но зачем ему это нужно? Он избегает смотреть мне в глаза. Взор все время блуждает по сторонам: то он поглядит на небо, то на мертвого

О'Брайена. Он все время улыбается, даже кончик языка изо рта высовывает от избытка хитрости. Тут и младенец догадался бы, что он что-то замышляет. Однако я и вида не подал, что я хоть что-нибудь подозреваю.

— Вина? — спросил я. — Отлично. Но какого — белого или красного?

— Все равно, приятель, — ответил он. — Лишь бы покрепче да побольше.

— Хорошо... Я принесу вам портвейну, мистер Хендс. Но придется его поискать.

Я сбежал вниз, стараясь стучать башмаками как можно громче. Потом снял башмаки, бесшумно прокрался по запасному коридору в кубрик, там поднялся по трапу и тихонько высунул голову из переднего сходного тамбура. Хендс никогда не догадался бы, что я наблюдаю за ним. И все же я принял все меры, чтобы не привлечь к себе его внимания. И с первого же взгляда убедился, что самые худшие мои подозрения были вполне справедливы.

Он поднялся на четвереньки и довольно проворно пополз по палубе, хотя его раненая нога, очевидно, сильно болела, так как при каждом движении он приглушенно стонал. В полминуты дополз он до водосточного желоба, у которого

лежал корабельный канат, сложенный кольцом, и вытащил оттуда длинны нож, или, вернее, короткий кинжал, по самую рукоятку окрашенный кровью. Он осмотрел его, выпятив нижнюю челюсть, потрогал рукой острие и, стремительно сунув его себе за пазуху, пополз обратно на прежнее место у фальшборта.

Я узнал все, что мне было нужно. Израэль может двигаться, он вооружен. Раз он старался спровадить меня с палубы, значит, именно я буду его жертвой. Что он собирался делать после моей смерти — тащиться ли через весь остров от Северной стоянки к лагерю пиратов на болоте или палить из пушки, призывая товарищей на помощь, — этого, конечно, я не знал.

Я мог доверять Хендсу в том, в чем наши интересы совпадали: мы оба хотели привести шхуну в безопасное место, откуда ее можно было бы вывести без особого труда и риска. Пока это еще не сделано, жизнь моя в безопасности. Размышляя, я не терял времени: прокрался назад в каюту, надел башмаки, схватил бутылку вина и вернулся на палубу.

Хендс лежал в том самом положении, в каком я его оставил, словно тюк. Глаза его были прищурены, будто он был так слаб, что не мог выносить

слишком яркого света. Он поглядел на меня, привычным жестом отбил горлышко бутылки и разом выпил ее почти до дна, сказав, как обычно говорится:

— За твое здоровье!

Потом, передохнув, достал из кармана плитку жевательного табаку и попросил меня отрезать небольшую частицу.

— Будь добр, отрежь, — сказал он, — а то у меня нет ножа, да и сил не хватит. Ах, Джим, Джим, я совсем развалился! Отрежь мне кусочек. Это последняя порция, которую мне доведется пожевать в моей жизни. Долго я не протяну. Скоро, скоро мне быть на том свете…

— Ладно, — сказал я. — Отрежу. Но на вашем месте… чувствуя себя так плохо, я постарался бы покаяться перед смертью.

— Покаяться? — спросил он. — В чем?

— Как — в чем? — воскликнул я. — Вы не знаете, в чем вам каяться? Вы изменили своему долгу. Вы всю жизнь прожили в грехе, во лжи и в крови. Вон у ног ваших лежит человек, только что убитый вами. И вы спрашиваете меня, в чем вам каяться! Вот в чем, мистер Хендс!

Я говорил горячее, чем следовало, так как думал о кровавом кинжале, спрятанном у него за

пазухой, и о том, что он задумал убить меня. А он выпил слишком много вина и потому отвечал мне с необыкновенной торжественностью.

— Тридцать лет я плавал по морям, — сказал он. — Видел и плохое и хорошее, и штили и штормы, и голод, и поножовщину, и мало ли что еще, но поверь мне: ни разу не видел я, чтобы добродетель приносила человеку хоть какую-нибудь пользу. Прав тот, кто ударит первый. Мертвые не кусаются. Вот и вся моя вера. Аминь!.. Послушай, — сказал он вдруг совсем другим голосом, — довольно болтать чепуху. Прилив поднялся уже высоко. Слушай мою команду, капитан Хокинс, и мы с тобой поставим шхуну в бухту.

Действительно, нам оставалось пройти не больше двух миль. Но плавание было трудное. Вход в Северную стоянку оказался не только узким и мелководным, но и очень извилистым. Понадобилось все наше внимание и умение. Но я был толковый исполнитель, а Хендс — превосходный командир. Мы так искусно лавировали, так ловко обходили все мели, что любо было смотреть.

Как только мы миновали оба мыса, нас со всех сторон окружила земля. Берега Северной стоянки так же густо заросли лесом, как берега Южной. Но сама бухта была длиннее, уже и, по правде

говоря, скорее напоминала устье реки, чем бухту. Прямо перед нами в южном углу мы увидели полусгнивший остов разбитого корабля. Это было большое трехмачтовое судно. Оно так долго простояло здесь, что водоросли облепили его со всех сторон. На палубе рос кустарник, густо усеянный яркими цветами. Зрелище было печальное, но оно доказало нам, что эта бухта вполне пригодна для нашей стоянки.

— Погляди, — сказал Хендс, — вон хорошее местечко, чтобы причалить к берегу. Чистый, гладкий песок, никогда никаких волн, кругом лес, цветы цветут на том корабле, как в саду.

— А шхуна не застрянет на мели, если мы причалим к берегу? — спросил я.

— С мели ее нетрудно будет снять, — ответил он. — Во время отлива протяни канат на тот берег, оберни его вокруг одной из тех больших сосен, конец тащи сюда назад и намотай на шпиль. Потом жди прилива. Когда будет прилив, прикажи всей команде разом ухватиться за канат и тянуть. И шхуна сама сойдет с мели, как молодая красавица. А теперь, сынок, не зевай. Правее немного… так… прямо… правей… чуть-чуть левей… прямо… прямо!..

Он отдавал приказания, которые я торопливо и

четко исполнял. Внезапно он крикнул:

— Правь к ветру, друг сердечный!

Я изо всей силы налег на руль. «Испаньола» круто повернулась и стремительно подошла к берегу, заросшему низким лесом.

Я был так увлечен всеми этими маневрами, что совсем позабыл о своем намерении внимательно следить за боцманом. Меня интересовало только одно: когда шхуна днищем коснется песка. Я забыл, какая мне угрожает опасность, и, перегнувшись через правый фальшборт, смотрел, как под носом пенится вода. И пропал бы я без всякой борьбы, если бы внезапное беспокойство не заставило меня обернуться. Быть может, я услышал шорох или краем глаза заметил движущуюся тень, быть может, во мне проснулся какой-то инстинкт, вроде кошачьего, но, обернувшись, я увидел Хендса. Он был уже совсем недалеко от меня, с кинжалом в правой руке.

Наши взгляды встретились, и мы оба громко закричали. Я закричал от ужаса. Он, как разъяренный бык, заревел от ярости и кинулся вперед, на меня. Я отскочил к носу и выпустил из рук румпель, который сразу выпрямился. Этот румпель спас мне жизнь: он ударил Хендса в грудь, и Хендс упал.

Прежде чем Хендс успел встать на ноги, я выскочил из того угла, в который он меня загнал. Теперь в моем распоряжении была вся палуба, и я мог увертываться от него сколько угодно. Перед грот-мачтой я остановился, вынул из кармана

пистолет, прицелился и нажал собачку. Хендс шел прямо на меня. Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Оказалось, что порох на затравке подмочен. Я проклял себя за свою небрежность. Почему я не перезарядил свое оружие? Ведь времени у меня было достаточно! Тогда я не стоял бы безоружный, как овца перед мясником.

Несмотря на свою рану, Хендс двигался удивительно быстро. Седоватые волосы упали на его красное от бешенства и усилий лицо. У меня не было времени доставать свой второй пистолет. Кроме того, я был уверен, что и тот подмочен, как этот. Одно было ясно: мне надо не прямо отступать, а увертываться от Хендса, а то он загонит меня на нос, как недавно загнал на корму. Если это удастся ему, все девять или десять вершков окровавленного кинжала вонзятся в мое тело. Я обхватил руками грот-мачту, которая была достаточно толста, и ждал, напрягая каждый мускул.

Увидев, что я собираюсь увертываться, Хендс остановился. Несколько секунд он притворялся, что сейчас кинется на меня то справа, то слева. И я чуть-чуть поворачивался то влево, то вправо. Борьба была похожа на игру, в которую я столько раз играл дома среди скал близ бухты Черного Холма. Но, конечно, во время игры у меня серд-

це никогда не стучало так дико. И все же легче было играть в эту игру мальчишке, чем старому моряку с глубокой раной в бедре. Я несколько осмелел и стал даже раздумывать, чем кончится наша игра. «Конечно, — думал я, — я могу продержаться долго, но рано или поздно он все же прикончит меня...»

Пока мы стояли друг против друга, «Испаньола» внезапно врезалась в песок. От толчка она сильно накренилась на левый бок. Палуба встала под углом в сорок пять градусов, через желоба хлынул поток воды, образовав на палубе возле фальшборта широкую лужу.

Мы оба потеряли равновесие и покатились, почти обнявшись, прямо к желобам. Мертвец в красном колпаке, с раскинутыми, как прежде, руками, тяжело покатился туда же. Я с такой силой ударился головой о ногу боцмана, что зубы у меня лязгнули. Но, несмотря на ушиб, мне первому удалось вскочить — на Хендса навалился мертвец. Внезапный крен корабля сделал дальнейшую беготню по палубе невозможной. Нужно изобрести другой способ спасения, изобрести, не теряя ни секунды, потому что мой враг сейчас кинется на меня. Ванты бизань-мачты висели у меня над головой. Я уцепился за них, полез вверх

и ни разу не перевел дыхания, пока не уселся на салинге.[73]

Моя стремительность спасла меня: подо мной, на расстоянии полуфута от моих ног, блеснул кинжал. Раздосадованный неудачей, Израэль Хендс смотрел на меня снизу с широко открытым от изумления ртом.

Я получил небольшую передышку. Не теряя времени, я вновь зарядил пистолет. Затем для большей верности я перезарядил и второй пистолет.

Хендс наблюдал за мной с бессильной злостью. Он начал понимать, что положение его значительно ухудшилось. После некоторого размышления он с трудом ухватился за ванты и, держа кинжал в зубах, медленно пополз вверх, с громкими стонами волоча за собой раненую ногу. Я успел перезарядить оба пистолета, прежде чем он продвинулся на треть отделявшего нас расстояния. И тогда, держа по пистолету в руке, я заговорил с ним.

— Еще один шаг, мистер Хендс, — сказал я, — и я вышибу ваши мозги! Мертвые, как вам известно, не кусаются, — прибавил я усмехаясь.

---

[73] notes: 73

Салинг — верхняя перекладина на мачте, состоящей из двух частей.

Он сразу остановился. По лицу его я заметил, что он что-то обдумывает. Но думал он так тяжело и так медленно, что я, радуясь своей безопасности, громко расхохотался. Наконец, несколько раз проглотив слюну, он заговорил. На лице его по-прежнему было выражение полнейшей растерянности. Он вынул изо рта мешающий ему говорить нож, но с места не двинулся.

— Джим, — сказал он, — мы оба натворили много лишнего, и ты и я. И нам нужно заключить перемирие. Я бы прикончил тебя, если бы не этот толчок. Но мне никогда не везет, никогда! Делать нечего, мне, старому моряку, придется уступить тебе, корабельному юнге.

Я упивался его словами и радостно посмеивался, надувшись, словно петух, взлетевший на забор, но вдруг он взмахнул правой рукой. Что-то просвистело в воздухе, как стрела. Я почувствовал удар и резкую боль. Плечо мое было пригвождено к мачте. От ужасной боли и от неожиданности — не знаю, обдуманно ли или бессознательно, — я нажал оба курка. Мои пистолеты выстрелили и выпали у меня из рук. Но они упали не одни: с приглушенным криком боцман выпустил ванты и вниз головой полетел прямо в воду.

Глава 27
«ПИАСТРЫ!»

Судно накренилось так сильно, что мачты повисли прямо над водой. Я сидел на салинге, как на насесте, и подо мной была вода залива. Хендс, взобравшийся не так высоко, как я, находился ближе к палубе и упал в воду между мной и фальшбортом. Всего один раз вынырнул он на поверхность в окровавленной пене и погрузился навеки. Когда вода успокоилась, я увидел его. Он лежал на чистом, светлом песке в тени судна. Две рыбки проплыли над его телом. Иногда благодаря колебанию воды казалось, что он шевелится и пытается встать. Впрочем, он был вдвойне мертвецом: и прострелен пулей, и захлебнулся в воде. Он стал пищей для рыб на том самом месте, где собирался прикончить меня.

Я чувствовал тошноту, головокружение, испуг. Горячие струйки крови текли у меня по спине и груди. Кинжал, пригвоздивший мое плечо к мачте, жег меня, как раскаленное железо. Но не боль страшила меня — такую боль я мог бы вынести без стона, — меня ужасала мысль, что я могу

сорваться с салинга в эту спокойную зеленую воду, туда, где лежит мертвый боцман.

Я с такой силой обеими руками вцепился в салинг, что стало больно пальцам. Я закрыл глаза, чтобы не видеть опасности. Мало-помалу голова моя прояснилась, сердце стало биться спокойнее и ко мне вернулось самообладание.

Прежде всего я попытался вытащить кинжал. Однако либо он слишком глубоко вонзился в мачту, либо нервы мои были слишком расстроены, но вытащить его мне никак не удавалось. Дрожь охватила меня. И, как ни странно, именно эта дрожь помогла мне. Кинжал задел меня только чуть-чуть, зацепив лишь клочок кожи, и, когда я задрожал, кожа порвалась. Кровь потекла сильнее прежнего, но зато я стал свободен. Впрочем, мой камзол и рубашка все еще были пригвождены к мачте.

Рванувшись, я освободился совсем. На палубу я вернулся по вантам правого борта. Никакая сила не заставила бы меня спуститься по тем самым вантам, с которых только что сорвался Израэль.

Я сошел в каюту и попытался перевязать себе рану. Она причиняла мне сильную боль. Кровь все еще текла. Но рана была не глубока и не опасна и не мешала мне двигать рукой. Я осмотрелся

вокруг. Теперь корабль принадлежал мне одному, и я стал подумывать, как бы избавиться от последнего пассажира — от мертвого О'Брайена.

Я уже говорил, что он скатился к самому фальшборту. Он лежал там, как страшная, неуклюжая кукла. Огромная кукла, такого же роста, как живой человек, но лишенная всех красок и обаяния жизни. Справиться с ним мне было нетрудно — за время моих трагических приключений я уже привык к мертвецам и почти перестал их бояться. Я поднял его за пояс, как мешок с отрубями, и одним взмахом швырнул через борт. Он упал с громким всплеском. Красный колпак слетел у него с головы и поплыл. Когда муть, поднятая падением трупа, улеглась, я отчетливо увидел их обоих: О'Брайена и Израэля. Они лежали рядом. Вода, двигаясь, покачивала их. О'Брайен, несмотря на свою молодость, был совершенно плешив. Он лежал, положив плешивую голову на колени своего убийцы. Быстрые рыбки проносились над ними обоими.

Я остался на корабле один. Только что начался отлив. Солнце стояло уже так низко, что тени сосен западного берега пересекли бухту и достигли палубы. Подул вечерний бриз, и, хотя с востока бухту защищал холм с двумя вершинами, сна-

сти начали гудеть, а паруса — раскачиваться и хлопать.

Я увидел, что судну грозит опасность. Быстро свернул я кливера и опустил их на палубу. Но опустить грот было куда труднее. Когда шхуна накренилась, гик перекинулся за борт, и конец его с двумя-тремя футами паруса оказался даже под водой. От этого положение стало еще опаснее. Но задача была столь трудна, что я ни к чему не решился прикоснуться. Наконец я вынул нож и перерезал фалы.[74] Гафель[75] сразу опустился, и большое брюхо повисшего паруса поплыло по водяной поверхности. Как я ни бился, я не мог ничего сделать с ниралом.[76] Это было выше моих сил. Ну что же, приходилось кинуть «Испаньолу» на произвол судьбы. Я ведь и сам был кинут на произвол судьбы.

Тем временем бухту окутали сумерки. Последние солнечные лучи, пробившись через лесную прогалину, сияли на парусах корабля, как драгоценные камни на королевской мантии.

---

[74] notes: 74

Фал — снасть, при помощи которой поднимают паруса.

[75] notes: 75

Перекладина, к которой прикрепляется верхний край паруса.

[76] notes: 76

Нирал — снасть для спуска парусов.

Становилось холодно. Вода, увлекаемая отливом, уходила, и шхуна все больше ложилась на бок.

Я пробрался на нос и глянул вниз. Под носом было очень мелко, и я, на всякий случай обеими руками уцепившись за канат, осторожно перелез через борт. Вода едва доходила мне до пояса. Песок был плотный, изрытый волнами, и я бодро вышел на берег, оставив «Испаньолу» лежать на боку и полоскать свой парус в воде. Солнце зашло, и в соснах шумел ветер.

Итак, морские мои похождения кончились. И кончились несомненной удачей: шхуна вырвана из рук бандитов, и мы можем хоть сейчас отправиться на ней в океан. Я мечтал поскорее вернуться домой, в нашу крепость, и похвастать своими подвигами. Вероятно, меня слегка пожурят за самовольную отлучку, но захват «Испаньолы» загладит все, и даже сам капитан Смоллетт должен будет признать мои заслуги.

Размышляя таким образом, в прекрасном состоянии духа, я пустился в путь и направился к частоколу, за которым, как я полагал, меня поджидали друзья. Я хорошо помнил, что самая восточная из речушек, впадающих в бухту капитана Кидда, начинается у двуглавого холма. И я свернул налево, к этому холму, рассчитывая

перейти речку в самом узком месте. Лес был довольно редкий. Шагая по косогору, я вскоре обогнул край холма и перешел речку вброд.

Это было как раз то место, где я встретил Бена Ганна. Я стал пробираться осторожнее, зорко посматривая по сторонам. Стало совсем темно. Пройдя через расселину между двумя вершинами холма, я увидел на небе колеблющийся отблеск костра. Я решил, что, вероятно, Бен Ганн готовит себе на пылающем костре ужин, и в глубине души подивился его неосторожности. Если этот отблеск вижу я, его может увидеть и Сильвер из своего лагеря на болоте.

Ночь становилась все темнее. Я с трудом находил дорогу. Двуглавый холм позади и вершина Подзорной Трубы справа служили мне единственными вехами, но очертания их все больше расплывались во мраке. Тускло мерцали редкие звезды. В темноте я натыкался на кусты и сваливался в песчаные ямы.

Вдруг стало немного светлее. Я глянул вверх. Бледное сияние озарило вершину Подзорной Трубы. Внизу, сквозь чащу деревьев, я увидел что-то большое, серебряное и понял, что это взошла луна.

Идти стало гораздо легче, и я ускорил шаги. По

временам я даже бежал — так не терпелось мне поскорее добраться до частокола. Но, вступив в рощу, окружающую нашу крепость, я вспомнил об осторожности и пошел немного медленнее. Печально кончились бы мои похождения, если бы я, принятый по ошибке за врага, был застрелен своими друзьями.

Луна плыла все выше и выше. Все лесные полянки были залиты ее светом. Но прямо перед собой между деревьями я заметил какое-то сияние, совсем не похожее на лунное. Оно было горячее, краснее, а по временам как будто становилось темнее. Очевидно, это был костер, который дымился и покрывался золой.

Что же там такое, черт возьми?

Наконец я добрался до опушки. Западный край частокола был озарен луной. Весь остальной частокол и самый дом находились во мраке, кое-где прорезанном длинными серебристыми полосами. А за домом пылал громадный костер. Его багряные отсветы ярко выделялись среди нежных и бледных отсветов луны. Нигде ни души. Ни звука. Только ветер шумит в ветвях.

Я остановился, удивленный и, пожалуй, немного испуганный. Мы никогда не разводили больших костров. По приказанию капитана мы всегда

берегли топливо. И я стал опасаться, не случилось ли чего-нибудь с моими друзьями, пока меня не было здесь.

Я пробрался к восточному краю укрепления, все время держась в тени, и перелез через частокол в том месте, где темнота была гуще всего.

Чтобы не поднимать тревоги, я опустился на четвереньки и беззвучно пополз к углу дома. И вдруг облегченно вздохнул. Я терпеть не могу храпа; меня мучат люди, которые храпят во сне. Но на этот раз громкий и мирный храп моих друзей показался мне музыкой. Он успокоил меня, как успокаивает на море восхитительный ночной крик вахтенного: «Все в порядке!»

Одно мне было ясно: они спят без всякой охраны. Если бы вместо меня к ним подкрадывался сейчас Сильвер со своей шайкой, ни один из них не увидел бы рассвета. Вероятно, думал я, все это оттого, что капитан ранен. И опять я упрекнул себя за то, что покинул друзей в такой опасности, когда им некого даже поставит на страже.

Я подошел к двери и заглянул внутрь. Там было так темно, что я ничего не мог рассмотреть. Кроме храпа, слышался еще какой-то странный звук: не то хлопанье крыльев, не то постукиванье. Вытянув вперед руки, я вошел в дом. «Я лягу на свое

обычное место, — подумал я улыбнувшись, — а утром потешусь, глядя на их удивленные лица».

Я споткнулся о чью-то ногу. Спящий перевернулся на другой бок, простонал, но не проснулся.

И тогда в темноте раздался внезапно резкий крик: «Пиастры! Пиастры! Пиастры! Пиастры! Пиастры!» И так дальше, без передышки, без всякого изменения голоса, как заведенные часы.

Это Капитан Флинт, зеленый попугай Сильвера! Это он хлопал крыльями и стучал клювом, долбя обломок древесной коры. Вот кто охранял спящих лучше всякого часового, вот кто своим однообразным, надоедливым криком возвестил о моем появлении!

У меня не было времени скрыться. Услышав резкий, звонкий крик попугая, спящие проснулись и вскочили. Я услышал голос Сильвера. Он выругался и закричал:

— Кто идет?

Я бросился бежать, но налетел на кого-то. Оттолкнув одного, я попал в руки другого. Тот крепко схватил меня.

— Ну-ка, Дик, принеси сюда факел, — сказал Сильвер.

Один разбойник выбежал из дома и вернулся с горящей головней.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Капитан Сильвер
Глава 28
В ЛАГЕРЕ ВРАГОВ

Багровый свет головни озарил внутренность дома и подтвердил все самые худшие мои опасения. Пираты овладели блокгаузом и всеми нашими запасами. И бочонок с коньяком, и свинина, и мешки с сухарями находились на прежних местах. К ужасу моему, я не заметил ни одного пленника. Очевидно, все друзья мои погибли. Сердце мое сжалось от горя. Почему я не погиб вместе с ними!..

Только шестеро пиратов остались в живых, и они все были тут, предо мною. Пятеро, с красными, опухшими лицами, пробудившись от пьяного сна, быстро вскочили на ноги. Шестой только приподнялся на локте. Он был мертвенно-бледен. Голова его была перевязана окровавленной тряпкой. Значит, он ранен, и ранен недавно. Я вспомнил, что во время атаки мы подстрелили одного из пиратов, который затем скрылся в лесу. Вероятно, это он и был.

Попугай сидел на плече у Долговязого Джона и чистил клювом перья. Сам Сильвер был бледнее и угрюмее, чем прежде. На нем все еще красовался нарядный кафтан, в котором он приходил к нам для переговоров, но теперь кафтан этот был перепачкан глиной и изодран шипами колючих кустов.

— Эге, — сказал он, — да это Джим Хокинс, черт меня подери! Зашел в гости, а? Заходи, заходи, я всегда рад старому другу.

Он уселся на бочонок с бренди и стал набивать табаком свою трубку.

— Дай-ка мне огонька, Дик, — попросил он. И, закурив, добавил:

— Спасибо, друг. Можешь положить головню. А вы, джентльмены, ложитесь, не стесняйтесь. Вы вовсе не обязаны стоять перед мистером Хокинсом навытяжку. Уж он извинит нас, накажи меня бог! Итак, Джим, — продолжал он затянувшись, — ты здесь. Какой приятный сюрприз для бедного старого Джона! Я с первого взгляда увидел, что ты ловкий малый, но теперь я вижу, что ты прямо герой.

Разумеется, я ни слова не сказал в ответ. Они поставили меня у самой стены, и я стоял прямо, стараясь как можно спокойнее глядеть Сильверу в лицо. Но в сердце моем было отчаяние.

Сильвер невозмутимо затянулся раза два и заговорил снова.

— Раз уж ты забрел к нам в гости, Джим, — сказал он, — я расскажу тебе все, что у меня на уме. Ты мне всегда был по сердцу, потому что у тебя голова на плечах. Глядя на тебя, я вспоминаю то время, когда я был такой же молодой и красивый. Я всегда хотел, чтобы ты присоединился к нам, получил свою долю сокровищ и умер в роскоши, богатым джентльменом. И вот, сынок, ты пришел наконец. Капитан Смоллетт хороший моряк, я это всегда утверждал, но уж очень требователен насчет дисциплины. Долг прежде всего, говорит он, — и совершенно прав. А ты убежал от него, ты бросил своего капитана. Даже доктор недоволен тобой. «Неблагодарный негодяй» — называл он тебя. Словом, к своим тебе уже нельзя воротиться, они тебя не желают принять. И если ты не хочешь создавать третью команду, тебе придется присоединиться к капитану Сильверу.

Ну, не так еще плохо: значит, мои друзья живы. И хотя я готов был поверить утверждению Сильвера, что они сердиты на меня за мое дезертирство, я очень обрадовался.

— Я уж не говорю о том, что ты в нашей власти, — продолжал Сильвер, — ты сам это видишь.

Я люблю разумные доводы. Я никогда не видел никакой пользы в угрозах. Если тебе нравится служба у нас, становись в наши ряды добровольно. Но если не нравится, Джим, ты можешь свободно сказать: нет. Свободно, ничего не боясь. Видишь, я говорю с тобой начистоту, без всякой хитрости.

— Вы хотите, чтобы я отвечал? — спросил я дрожащим голосом.

В его насмешливой болтовне я чувствовал смертельную угрозу. Щеки мои пылали, сердце отчаянно колотилось.

— Никто тебя не принуждает, дружок, — сказал Сильвер. — Обдумай хорошенько. Торопиться нам некуда: ведь в твоем обществе никогда не соскучишься.

— Ну что ж, — сказал я, несколько осмелев, — раз вы хотите, чтобы я решил, на чью сторону мне перейти, вы должны объяснить мне, что тут у вас происходит. Почему вы здесь и где мои друзья?

— Что происходит? — угрюмо повторил один из пиратов. — Много бы я дал, чтобы понять, что тут у нас происходит.

— Заткнись, пока тебя не спрашивают! — сердито оборвал его Сильвер и затем с прежней учтивостью снова обратился ко мне. — Вчера

утром, мистер Хокинс, — сказал он, — к нам явился доктор Ливси с белым флагом. «Вы остались на мели, капитан Сильвер, — сказал он, — корабль ушел». Пока мы пили ром и пели песни, мы прозевали корабль. Я этого не отрицаю. Никто из нас не глядел за кораблем. Мы выбежали на берег, и, клянусь громом, наш старый корабль исчез. Мы просто чуть не повалились на месте. «Что ж, — сказал доктор, — давайте заключать договор». Мы заключили договор — я да он, — и вот мы получили ваши припасы, ваше бренди, вашу крепость, ваши дрова, которые вы так предусмотрительно нарубили, всю, так сказать, вашу лодку, от салинга до кильсона.[77] А сами они ушли. И где они теперь, я не знаю.

Он снова спокойно затянулся.

— А если ты думаешь, что тебя включили в договор, — продолжал он, — так вот последние слова доктора. «Сколько вас осталось?» — спросил я.»Четверо, — ответил он. — Четверо и один из них раненый. А где этот проклятый мальчишка, не знаю и знать не желаю, — сказал он. — Нам противно о нем вспоминать». Вот его собственные слова.

---

[77] notes: 77
Кильсон — брус на дне корабля, идущий параллельно килю.

— Это все? — спросил я.

— Все, что тебе следует знать, сынок, — ответил Сильвер.

— А теперь я должен выбирать?

— Да, теперь ты должен выбирать, — сказал Сильвер.

— Ладно, — сказал я. — Я не так глуп и знаю, на что иду. Делайте со мной что хотите, мне все равно. С тех пор как я встретился с вами, я привык смотреть смерти в лицо. Но прежде я хочу вам кое о чем рассказать, — продолжал я, все больше волнуясь. — Положение ваше скверное: корабль вы потеряли, сокровища вы потеряли, людей своих потеряли. Ваше дело пропащее. И если вы хотите знать, кто виноват во всем этом, знайте: виноват я, и больше никто. Я сидел в бочке из-под яблок в ту ночь, когда мы подплывали к острову, и я слышал все, что говорили вы, Джон, и ты, Дик Джонсон, и что говорил Хендс, который теперь на дне моря. И все, что я подслушал, я в тот же час рассказал. Это я перерезал у шхуны якорный канат, это я убил людей, которых вы оставили на борту, это я отвел шхуну в такое потайное место, где вы никогда не найдете ее. Вы в дураках, а не я, и я боюсь вас не больше, чем мухи. Можете убить меня или пощадить, как вам угодно. Но я скажу

еще кое-что, и хватит. Если вы пощадите меня, я забуду все прошлое и, когда вас будут судить за пиратство, попытаюсь спасти вас от петли. Теперь ваш черед выбирать. Моя смерть не принесет вам никакой пользы. Если же вы оставите меня в живых, я постараюсь, чтобы вы не попали на виселицу.

Я умолк. Я задыхался. К моему изумлению, никто из них даже не двинулся с места. Они глядели на меня, как овцы. Не дождавшись ответа, я продолжал:

— Мне сдается, мистер Сильвер, что вы здесь самый лучший человек. И если мне доведется погибнуть, расскажите доктору, что я умер не бесславною смертью.

— Буду иметь это в виду, — сказал Сильвер таким странным тоном, что я не мог понять, насмехается он надо мной или ему пришлось по душе мое мужество.

— Не забудьте… — крикнул старый моряк с темным от загара лицом, по имени Морган, тот самый, которого я видел в таверне Долговязого Джона в Бристольском порту, — не забудьте, что это он узнал тогда Черного Пса!

— Это еще не все, — добавил Сильвер. — Он, клянусь громом, тот самый мальчишка, который

вытащил карту из сундука Билли Бонса. Наконец-то Джим Хокинс попал нам в руки!

— Пустить ему кровь! — крикнул Морган и выругался.

И, выхватив нож, он вскочил с такой легкостью, будто ему было двадцать лет.

— На место! — крикнул Сильвер. — Кто ты такой, Том Морган? Быть может, ты думаешь, что ты здесь капитан? Клянусь, я научу тебя слушаться. Только посмей мне перечить! За последние тридцать лет всякий, кто становился у меня на дороге, попадал либо на рею, либо за борт, рыбам на закуску. Да! Запомни, Том Морган: не было еще человека, который остался бы жить на земле после того, как не поладил со мной.

Том замолк, но остальные продолжали ворчать.

— Том верно говорит, — сказал один.

— Довольно было надо мной командиров, — прибавил другой, — и, клянусь виселицей, Джон Сильвер, я не позволю тебе водить меня за нос!

— Джентльмены, кто из вас хочет иметь дело со мной? — проревел Сильвер.

Он сидел на бочонке и теперь подался вперед. В правой руке у него была горящая трубка.

— Ну, чего же вам надо? Говорите прямо. Или

вы онемели? Выходи, кто хочет, я жду. Я не для того прожил столько лет на земле, чтобы какой-нибудь пьяный индюк становился мне поперек дороги. Вы знаете наш обычай. Вы считаете себя джентльменами удачи. Ну что же, выходите, я готов. Пусть тот, у кого хватит духу, вынет свой кортик, и я, хоть и на костыле, увижу, какого цвета у него потроха, прежде чем погаснет эта трубка!

Никто не двинулся. Никто не ответил ни слова.

— Вот так вы всегда, — продолжал Сильвер, сунув трубку в рот.

— Молодцы, нечего сказать! Не слишком-то храбры в бою. Или вы не способны понять простую человеческую речь? Ведь я здесь капитан, я выбран вами. Я ваш капитан, потому что я на целую морскую милю умнее вас всех. Вы не хотите драться со мной, как подобает джентльменам удачи. Тогда, клянусь громом, вы должны меня слушаться! Мне по сердцу этот мальчишка. Лучше его я никого не видел. Он вдвое больше похож на мужчину, чем такие крысы, как вы. Так слушайте: кто тронет его, будет иметь дело со мной.

Наступило долгое молчание.

Я, выпрямившись, стоял у стены. Сердце мое

все еще стучало, как молот, но у меня зародилась надежда. Сильвер сидел, скрестив руки и прислонившись к стене. Он сосал трубку и был спокоен, как в церкви. Только глаза его бегали. Он наблюдал украдкой за своей буйной командой. Пираты отошли в дальний угол и начали перешептываться. Их шипенье звучало у меня в ушах, словно шум реки. Иногда они оборачивались, и багряный свет головни падал на их взволнованные лица. Однако поглядывали они не на меня, а на Сильвера.

— Вы, кажется, собираетесь что-то сказать? — проговорил Сильвер и плюнул далеко перед собой. — Ну что ж, говорите, я слушаю.

— Прошу прощения, сэр, — начал один из пиратов. — Вы часто нарушаете наши обычаи. Но есть обычай, который даже вам не нарушить. Команда недовольна, а между тем, разрешите сказать, у этой команды есть такие же права, как и у всякой другой. Мы имеем право собраться и поговорить. Прошу прощения, сэр, так как вы все же у нас капитан, но я хочу воспользоваться своим правом и уйти на совет.

Изысканно отдав Сильверу честь, этот высокий болезненный желтоглазый матрос лет тридцати пяти спокойно пошел к выходу и скрылся за

дверью. Остальные вышли вслед за ним. Каждый отдавал Сильверу честь и бормотал что-нибудь в свое оправдание.

— Согласно обычаю, — сказал один.

— На матросскую сходку, — сказал Морган.

Мы с Сильвером остались вдвоем у горящей головни.

Повар сразу же вынул изо рта свою трубку.

— Слушай, Джим Хокинс, — проговорил он еле слышным настойчивым шепотом, — ты на волосок от смерти и, что хуже всего, от пытки. Они хотят разжаловать меня. Ты видел, как я за тебя заступался. Сначала мне не хотелось тебя защищать, но ты сказал несколько слов, и я переменил мои планы. Я был в отчаянии от своих неудач, от мысли о виселице, которая мне угрожает. Услыхав твои слова, я сказал себе: заступись за Хокинса, Джон, и Хокинс заступится за тебя. Ты — его последняя карта, Джон, а он, клянусь громом, твоя последняя карта! Услуга за услугу, решил я. Ты спасешь себе свидетеля, когда дело дойдет до суда, а он спасет твою шею.

Я смутно начал понимать, в чем дело.

— Вы хотите сказать, что ваша игра проиграна? — спросил я.

— Да, клянусь дьяволом! — ответил он. — Раз

нет корабля, значит, остается одна только виселица. Я упрям, Джим Хокинс, но, когда я увидел, что в бухте уже нет корабля, я понял: игра наша кончена. А эти пускай совещаются, все они безмозглые трусы. Я постараюсь спасти твою шкуру. Но слушай, Джим, услуга за услугу: ты спасешь Долговязого Джона от петли.

Я был поражен. За какую жалкую соломинку хватается он, старый пират, атаман!

— Я сделаю все, что могу, — сказал я.

— Значит, по рукам! — воскликнул он. — Ты дешево отделался, да и я, клянусь громом, получил надежду на спасение.

Он проковылял к головне, горевшей возле дров, и снова закурил свою трубку.

— Пойми меня, Джим, — продолжал он вернувшись. — У меня еще есть голова на плечах, и я решил перейти на сторону сквайра. Я знаю, что ты спрятал корабль где-нибудь в безопасном месте. Как ты это сделал, я не знаю, но я уверен, что корабль цел и невредим. Хендс и О'Брайен оказались глупцами. На них я никогда не надеялся. Заметь: я у тебя ничего не спрашиваю и другим не позволю спрашивать. Я знаю правила игры и понимаю, что проиграл. А ты такой молодой, такой храбрый, и, если мы будем держаться друг

за друга, мы многого с тобой добьемся.

Он нацедил в жестяную кружку коньяку из бочонка.

— Не хочешь ли выпить, приятель? — спросил он.

Я отказался.

— А я выпью немного, Джим, — сказал он. — Впереди у меня столько хлопот, нужно же мне пришпорить себя. Кстати о хлопотах. Зачем было доктору отдавать мне эту карту, милый Джим?

На лице моем выразилось такое неподдельное изумление, что он понял бесполезность дальнейших вопросов.

— Да, он дал мне свою карту… И тут, без сомнения, что-то не так. Тут что-то кроется, Джим… плохое или хорошее.

Он снова хлебнул коньяку и покачал своей большой головой с видом человека, ожидающего неминуемых бед.

Глава 29
ЧЕРНАЯ МЕТКА ОПЯТЬ

Сходка пиратов продолжалась уже много времени, когда один из них воротился в блокгауз и, с насмешливым видом отдав Сильверу честь,

попросил разрешения взять головню. Сильвер изъявил свое согласие, и посланный удалился, оставив нас обоих в темноте.

— Приближается буря, Джим, — сказал Сильвер.

Он стал обращаться со мной по-приятельски.

Я подошел к ближайшей бойнице и глянул во двор. Костер почти догорел. Света он уже не давал никакого; немудрено, что заговорщикам понадобилась головня. Они собрались в кружок на склоне холма между домом и частоколом. Один из них держал головню. Другой стоял посередине на коленях. В руке у него был открытый нож, лезвие которого поблескивало, озаренное то луной, то факелом. Остальные немного согнулись, как будто глядя, что он делает. У него в руках появилась какая-то книга. И не успел я подумать, откуда у него такая неподходящая для разбойника вещь, как он поднялся с колен, и все гурьбой направились к дому.

— Они идут сюда, — сказал я.

Я стал на прежнее место. Не желая уронить свое достоинство, я не хотел, чтобы пираты заметили, что я наблюдаю за ними.

— Милости просим, дружок, пусть идут! — весело сказал Сильвер.

— У меня еще есть чем их встретить.

Дверь распахнулась, и пятеро пиратов нерешительно столпились у порога, проталкивая вперед одного.

При других обстоятельствах было бы забавно смотреть, как медленно и боязливо подходит выборный, останавливаясь на каждом шагу и вытянув правую руку, сжатую крепко в кулак.

— Подойди ближе, приятель, — сказал Сильвер, — и не бойся: я тебя не съем. Давай, увалень, — что там у тебя? Я знаю обычаи. Я депутата не трону.

Ободренный этими словами, разбойник ускорил шаг и, сунув что-то Сильверу в руку, торопливо отбежал назад к товарищам.

Повар глянул на свою ладонь.

— Черная метка! Так я и думал, — проговорил он. — Где вы достали бумагу?.. Но что это? Ах вы, несчастные! Вырезали из Библии! Ну, будет уж вам за это! И какой дурак разрезал Библию?

— Вот видите! — сказал Морган. — Что я говорил? Ничего хорошего не выйдет из этого.

— Ну, теперь уж вам не отвертеться от виселицы, — продолжал Сильвер. — У какого дурака вы взяли эту Библию?

— У Дика, — сказал кто-то.

— У Дика? Ну, Дик, молись богу, — проговорил Сильвер, — потому что твоя песенка спета. Уж я верно тебе говорю. Пропало твое дело, накажи меня бог!

Но тут вмешался желтоглазый верзила.

— Довольно болтать, Джон Сильвер, — сказал он. — Команда, собравшись на сходку, как велит обычай джентльменов удачи, вынесла решение послать тебе черную метку. Переверни ее, как велит наш обычай, и прочти, что на ней написано. Тогда ты заговоришь по-иному.

— Спасибо, Джордж, — отозвался Сильвер. — Ты у нас деловой человек и знаешь наизусть наши обычаи. Что ж тут написано? Ага! «Низложен». Так вот в чем дело! И какой хороший почерк! Точно в книге. Это у тебя такой почерк, Джордж? Ты первый человек во всей команде. Я нисколько не удивлюсь, если теперь выберут капитаном тебя. Дай мне, пожалуйста, головню, а то трубка у меня никак не раскуривается.

— Ну-ну! — сказал Джордж. — Нечего тебе морочить команду. Послушать тебя — ты и такой и сякой, но все же слезай с этой бочки. Ты уже у нас не капитан. Слезай с бочки и не мешай нашим выборам!

— А я думал, ты и вправду знаешь обычаи, —

презрительно возразил Сильвер. — Тебе придется еще малость подождать, потому что я покуда все еще ваш капитан. Вы должны предъявить мне свои обвинения и выслушать мой ответ. А до той поры ваша черная метка будет стоить не дороже сухаря. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Не бойся, обычаев мы не нарушим, — ответил Джордж. — Мы хотим действовать честно. Вот тебе наши обвинения. Во-первых, ты провалил все дело. У тебя не хватит дерзости возражать против этого. Во-вторых, ты позволил нашим врагам уйти, хотя здесь они были в настоящей ловушке. Зачем они хотели уйти? Не знаю. Но ясно, что они зачем-то хотели уйти. В-третьих, ты запретил нам преследовать их. О, мы тебя видим насквозь, Джон Сильвер! Ты ведешь двойную игру. В-четвертых, ты заступился за этого мальчишку.

— Это все? — спокойно спросил Сильвер.

— Вполне достаточно, — ответил Джордж. — Нас из-за твоего ротозейства повесят сушиться на солнышке.

— Теперь послушайте, что я отвечу на эти четыре пункта. Я буду отвечать по порядку. Вы говорите, что я провалил все дело? Но ведь вы знаете, чего я хотел. Если бы вы послушались меня, мы все теперь находились бы на «Испаньо-

ле», целые и невредимые, и золото лежало бы в трюме, клянусь громом! А кто мне помешал? Кто меня торопил и подталкивал — меня, вашего законного капитана? Кто прислал мне черную метку в первый же день нашего прибытия на остров и начал всю эту дьявольскую пляску? Прекрасная пляска — я пляшу вместе с вами, — в ней такие же коленца, какие выкидывают те плясуны, что болтаются в лондонской петле. А кто все начал? Эндерсон, Хенд и ты, Джордж Мерри. Из этих смутьянов ты один остался в живых. И у тебя хватает наглости лезть в капитаны! У тебя, погубившего чуть не всю нашу шайку! Нет, из этого не выйдет ни черта!

Сильвер умолк. По лицу Джорджа и остальных я видел, что слова его не пропали даром.

— Это пункт первый! — воскликнул Сильвер, вытирая вспотевший лоб. — Клянусь, мне тошно разговаривать с вами. У вас нет ни рассудка, ни памяти. Удивляюсь, как это ваши мамаши отпустили вас в море! В море! Это вы-то джентльмены удачи? Уж лучше бы вы стали портными…

— Перестань ругаться, — сказал Морган. — Отвечай на остальные обвинения.

— А, на остальные! — крикнул Джон. — Остальные тоже хороши. Вы говорите, что наше дело

пропащее. Клянусь громом, вы даже не подозреваете, как оно плохо! Мы так близко от виселицы, что шея моя уже коченеет от петли. Так и вижу, как болтаемся мы в железных оковах, а над нами кружат вороны. Моряки показывают на нас пальцами во время прилива. «Кто это?» — спрашивает один.»Это Джон Сильвер. Я хорошо его знал», — отвечает другой. Ветер качает повешенных и разносит звон цепей. Вот что грозит каждому из нас из-за Джорджа Мерри, Хендса, Эндерсона и других идиотов! Затем, черт подери, вас интересует пункт четвертый — вот этот мальчишка. Да ведь он заложник, понимаете? Неужели мы должны уничтожить заложника? Он, быть может, последняя наша надежда. Убить этого мальчишку? Нет, мои милые, не стану его убивать. Впрочем, я еще не ответил по третьему пункту. Отлично, извольте, отвечу. Может быть, вы ни во что не ставите ежедневные визиты доктора, доктора, окончившего колледж? Твоему продырявленному черепу, Джон, уже не надобен доктор? А ты, Джордж Мерри, которого каждые шесть часов трясет лихорадка, у которого глаза желтые, как лимон, — ты не хочешь лечиться у доктора? Быть может, вы не знаете, что сюда скоро должен прийти второй корабль на помощь?

Однако он скоро придет. Вот когда вам пригодится заложник. Затем пункт второй: вы обвиняете меня в том, что я заключил договор. Да ведь вы сами на коленях умоляли меня заключить его. Вы ползали на коленях, вы малодушничали, вы боялись умереть с голоду… Но все это пустяки. Поглядите — вот ради чего я заключил договор!

И он бросил на пол лист бумаги. Я сразу узнал его. Это была та самая карта на желтой бумаге, с тремя красными крестиками, которую я нашел когда-то на дне сундука Билли Бонса.

Я никак не мог уразуметь, почему доктор отдал ее Сильверу.

Разбойников вид этой карты поразил еще сильнее, чем меня. Они накинусь на нее, как коты на мышь. Они вырывали ее друг у друга из рук с руганью, с криками, с детским смехом. Можно было подумать, что они не только уже трогают золото пальцами, но везут его в полной сохранности на корабле.

— Да, — сказал один, — это подпись Флинта, можете не сомневаться. «Д.Ф.», а внизу мертвый узел. Он всегда подписывался так.

— Все это хорошо, — сказал Джордж, — но как мы увезем сокровища, если у нас нет корабля?

Сильвер внезапно вскочил, держась рукой за

стену.

— Предупреждаю тебя в последний раз, Джордж! — крикнул он. — Еще одно слово, и я буду драться с тобой... Как? Почем я знаю как! Это ты должен мне сказать, ты и другие, которые проворонили мою шхуну, с твоей помощью, черт возьми! Но нет, мне незачем ждать от тебя умного слова — ум у тебя тараканий. Но разговаривать учтиво ты должен, или я научу тебя вежливости!

— Правильно, — сказал старик Морган.

— Еще бы! Конечно, правильно! — подхватил корабельный повар. — Ты потерял наш корабль. Я нашел вам сокровища. Кто же из нас стоит большего? Но, клянусь, я больше не желаю быть у вас капитаном. Выбирайте, кого хотите. С меня довольно!

— Сильвера! — заорали все. — Окорок на веки веков! Окорока в капитаны!

— Так вот что вы теперь запели! — крикнул повар. — Джордж, милый друг, придется тебе подождать до другого случая. Счастье твое, что я не помню худого. Сердце у меня отходчивое. Что же делать с этой черной меткой, приятели? Теперь она как будто ни к чему. Дик загубил свою душу, изгадил свою Библию, и все понапрасну.

— А может быть, она еще годится для прися-

ги? — спросил Дик, которого, видимо, сильно тревожило совершенное им кощунство.

— Библия с отрезанной страницей! — ужаснулся Сильвер. — Ни за что! В ней не больше святости, чем в песеннике.

— И все же на всякий случай лучше ее сохранить, — сказал Дик.

— А вот это, Джим, возьми себе на память, — сказал Сильвер, подавая мне черную метку.

Величиной она была с крону.[78] Одна сторона белая — Дик разрезал самую последнюю страницу Библии, — на другой стороне были напечатаны стиха два из Апокалипсиса. Я помню, между прочим, два слова: «псы и убийцы». Сторона с текстом была вымазана сажей, которая перепачкала мне пальцы. А на чистой стороне углем было выведено одно слово: «Низложен».

Сейчас эта черная метка лежит предо мною, но от надписи углем остались только следы царапин, как от когтя.

Так окончились события этой ночи. Выпив рому, мы улеглись спать. Сильвер в отместку назначил Джорджа Мерри в часовые, пригрозив ему смертью, если он недоглядит чего-нибудь.

---

[78] notes: 78
Крона — серебряная монета.

Я долго не мог сомкнуть глаз. Я думал о человеке, которого убил, о своем опасном положении и прежде всего о той замечательной игре, которую вел Сильвер, одной рукой удерживавший шайку разбойников, а другой хватавшийся за всякое возможное и невозможное средство, чтобы спасти свою ничтожную жизнь. Он мирно спал и громко храпел. И все же сердце у меня сжималось от жалости, когда я глядел на него и думал, какими опасностями он окружен и какая позорная смерть ожидает его.

Глава 30
НА ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Меня разбудил, вернее — всех нас разбудил, потому что вскочил даже часовой, задремавший у двери, ясный, громкий голос, прозвучавший на опушке леса:

— Эй, гарнизон, вставай! Доктор идет!

Действительно, это был доктор. Я обрадовался, услышав его голос, но к радости моей примешивались смущение и стыд. Я вспомнил о своем неповиновении, о том, как я тайком убежал от товарищей. И к чему это все привело? К тому, что я сижу в плену у разбойников, которые могут

каждую минуту лишить меня жизни. Мне было стыдно взглянуть доктору в лицо. Доктор, вероятно, поднялся еще до света, потому что день только начинался. Я подбежал к бойнице и выглянул. Он стоял внизу, по колено в ползучем тумане, как некогда стоял у этого же блокгауза Сильвер.

— Здравствуйте, доктор! С добрым утром, сэр! — воскликнул Сильвер, уже протерев как следует глаза и сияя приветливой улыбкой. — Рано же вы поднялись! Ранняя птица больше корма клюет, как говорит поговорка… Джордж, очнись, сын мой, и помоги доктору Ливси взойти на корабль… Все в порядке, доктор. Ваши пациенты куда веселей и бодрей!

Так он балагурил, стоя на вершине холма с костылем под мышкой, опираясь рукой о стену, — совсем прежний Джон и по голосу, и по ухваткам, и по смеху.

— У нас есть сюрприз для вас, сэр, — продолжал он. — Один маленький приезжий, хе-хе! Новый жилец, сэр, жилец хоть куда! Спит как сурок, ей-богу. Всю ночь проспал рядом с Джоном, борт о борт.

Доктор Ливси тем временем перелез через частокол и подошел к повару. И я услышал, как дрогнул его голос, когда он спросил:

— Неужели Джим?

— Он самый, — ответил Сильвер.

Доктор внезапно остановился. Было похоже, что он не в состоянии сдвинуться с места.

— Ладно, — выговорил он наконец. — Раньше дело, а потом веселье. Такая, кажется, у вас поговорка? Осмотрим сначала больных.

Доктор вошел в дом и, холодно кивнув мне головой, занялся своими больными. Он держался спокойно и просто, хотя не мог не знать, что жизнь его среди этих коварных людей висит на волоске. Он болтал с пациентами, будто его пригласили к больному в тихое английское семейство. Его обращение с пиратами, видимо, оказывало на них сильное влияние. Они вели себя с ним, будто ничего не случилось, будто он по-прежнему корабельный врач и они по-прежнему старательные и преданные матросы.

— Тебе лучше, друг мой, — сказал он человеку с перевязанной головой. — Другой на твоем месте не выжил бы. Но у тебя голова крепкая, как чугунный котел… А как твои дела, Джордж? Да ты весь желтый! У тебя печенка не в порядке. Ты принимал лекарство?.. Скажите, он принимал лекарство?

— Как же, сэр, как же! Он принимал, сэр, — ото-

звался Морган.

— С тех пор как я стал врачом у мятежников, или, вернее, тюремным врачом, — сказал доктор Ливси с добродушнейшей улыбкой, — я считаю своим долгом сохранить вас в целости для короля Георга, да благословит его бог, для петли.

Разбойники переглянулись, но молча проглотили шутку доктора.

— Дик скверно себя чувствует, сэр, — сказал один.

— Скверно? — спросил доктор. — А ну-ка, Дик, иди сюда и покажи язык. О, я нисколько не удивлен, что он скверно себя чувствует! Таким языком можно напугать и французов. У него тоже началась лихорадка.

— Вот что случается с тем, кто портит святую Библию, — сказал Морган.

— Это случается с тем, кто глуп, как осел, — возразил доктор.

— С тем, у кого не хватает ума отличить свежий воздух от заразного, сухую почву от ядовитого и гнусного болота. Вполне вероятно, что все вы схватили малярию, друзья мои, — так мне кажется, — и много пройдет времени, прежде чем вы от нее избавитесь. Расположиться лагерем на болоте!.. Сильвер, вы меня удивили, ей-богу! Вы

не такой дурак, как остальные, но вы не имеете ни малейшего понятия, как охранять здоровье своих подчиненных… Отлично, — сказал доктор, осмотрев пациентов и дав им несколько медицинских советов, которые они выслушали с такой смешной кротостью, словно были питомцами благотворительной школы, а не разбойниками. — На сегодня хватит. А теперь, если позволите, я хотел бы побеседовать с этим юнцом. — И он небрежно кивнул в мою сторону.

Джордж Мерри стоял в дверях и, морщась, принимал какое-то горькое снадобье. Услышав просьбу доктора, он весь побагровел, повернулся к нему и закричал:

— Ни за что!

И выругался скверными словами.

Сильвер хлопнул ладонью по бочке.

— Молчать! — проревел он и посмотрел вокруг, как рассвирепевший лев. — Доктор, — продолжал он учтиво, — я был уверен, что вы захотите поговорить с Джимом, потому что знал — этот мальчик вам по сердцу. Мы все так вам благодарны, мы, как видите, чувствуем к вам такое доверие, мы пьем ваши лекарства, как водку. Я сейчас устрою… Хокинс, можешь ты мне дать честное слово юного джентльмена, — потому

что ты джентльмен, хотя родители твои люди бедные, — что ты не удерешь никуда?

Я охотно дал ему честное слово.

— В таком случае, доктор, — сказал Сильвер, — перелезайте через частокол. Когда вы перелезете, я сведу Джима вниз. Он будет с одной стороны частокола, вы — с другой, но это не помешает вам поговорить по душам. Всего хорошего, сэр! Передайте привет сквайру и капитану Смоллетту.

Едва доктор вышел, негодование пиратов, сдерживаемое страхом перед Сильвером, прорвалось наружу. Они обвиняли Сильвера в том, что он ведет двойную игру, что он хочет выгородить себя и предать всех остальных. Словом, они действительно разгадали его намерения. Я не думал, что ему и на этот раз удастся вывернуться. Но он был вдвое умнее всех их взятых вместе, и его вчерашняя победа дала ему огромную власть над ними. Он обозвал их глупцами, заявил, что без моего разговора с доктором невозможно обойтись, тыкал им в нос карту и спрашивал: неужели они хотят нарушить договор в тот самый день, когда можно приступить к поискам сокровищ?

— Нет, клянусь громом! — кричал он. — Придет время, и мы натянем им нос, но до той поры я буду ублажать этого доктора, хотя бы мне пришлось

чистить ему сапоги ромом!

Он приказал развести костер, взял костыль, положил руку мне на плечо и заковылял вниз, оставив пиратов в полном замешательстве. Чувствовалось, что на них повлияли не столько его доводы, сколько настойчивость.

— Не торопись, дружок, не торопись, — сказал он мне. — Они разом кинутся на нас, если заметят, что мы оба торопимся.

Мы медленно спустились по песчаному откосу к тому месту, где за частоколом поджидал нас доктор. Сильвер остановился.

— Пусть Джим расскажет вам, доктор, как я спас ему жизнь, хотя за это чуть не лишился капитанского звания, — сказал он. — Ах, доктор, когда человек ведет свою лодку навстречу погибели, когда он играет в орлянку со смертью, он хочет услышать хоть одно самое маленькое доброе слово! Имейте в виду, что речь идет не только о моей жизни, но и о жизни этого мальчика. Заклинаю вас, доктор, будьте милосердны ко мне, дайте мне хоть тень надежды!

Теперь, отойдя от товарищей и стоя спиной к блокгаузу, Сильвер сразу сделался другим человеком. Щеки его ввалились, голос дрожал. Это был почти мертвец.

— Неужели вы боитесь, Джон? — спросил доктор Ливси.

— Доктор, я не трус. Нет, я даже вот настолько не трус, — и он показал кончик пальца, — но говорю откровенно: меня кидает в дрожь при мысли о виселице. Вы добрый человек и правдивый. Лучшего я в жизни своей не видал. Вы не забудете сделанного мною добра, хотя, разумеется, и зла не забудете. Я отхожу в сторону, видите, и оставляю вас наедине с Джимом. Это тоже вы зачтете мне в заслугу, не правда ли?

Он отошел в сторону, как раз на такое расстояние, чтобы не слышать нас, сел на пень и принялся насвистывать. Он вертелся из стороны в сторону, поглядывая то на меня, то на доктора, то на неукрощенных пиратов, которые, валяясь на песке, разжигали костер, то на дом, откуда они выносили свинину и хлеб для завтрака.

— Итак, Джим, — грустно сказал доктор, — ты здесь. Что посеешь, то и пожнешь, мой мальчик. У меня не хватает духу бранить тебя. Одно только скажу тебе: если бы капитан Смоллетт был здоров, ты не посмел бы убежать от нас. Ты поступил бесчестно, ты ушел, когда он был болен и не мог удержать тебя силой.

Должен признаться, что при этих словах я за-

плакал.

— Доктор, — взмолился я, — пожалуйста, не ругайте меня! Я сам себя достаточно ругал. Моя жизнь на волоске. Я и теперь был бы уже мертвецом, если бы Сильвер за меня не вступился. Смерти я не боюсь, доктор, я боюсь только пыток. Если они начнут пытать меня…

— Джим… — перебил меня доктор, и голос его слегка изменился. — Джим, этого я не могу допустить. Перелезай через забор, и бежим.

— Доктор, — сказал я, — я ведь дал честное слово.

— Знаю, знаю! — воскликнул он. — Что поделаешь, Джим! Уж я возьму этот грех на себя. Не могу же я бросить тебя здесь беззащитного. Прыгай! Один прыжок — и ты на свободе. Мы помчимся, как антилопы.

— Нет, — ответил я. — Ведь вы сами не поступили бы так. Ни вы, ни сквайр, ни капитан не изменили бы данному слову. Значит, и я не изменю. Сильвер на меня положился. Я дал ему честное слово. Но, доктор, вы меня не дослушали. Если они станут меня пытать, я не выдержу и разболтаю, где спрятан корабль. Мне повезло, доктор, мне посчастливилось, и я увел их корабль. Он стоит у южного берега Северной стоянки. Во

время прилива он подымается на волне, а во время отлива сидит на мели.

— Корабль! — воскликнул доктор.

Я в нескольких словах рассказал ему все, что случилось. Он выслушал меня в полном молчании.

— Это судьба, — заметил он, когда я кончил. — Каждый раз ты спасаешь нас от верной гибели. И неужели ты думаешь, что теперь мы дадим тебе умереть под ножом? Это была бы плохая награда за все, что ты для нас сделал, мой мальчик. Ты открыл заговор. Ты нашел Бена Ганна. Лучшего дела ты не сделаешь за всю твою жизнь, даже если доживешь до ста лет. Этот Бен Ганн — ой-ой-ой! Кстати о Бене Ганне… Сильвер! — крикнул он. — Сильвер, я хочу дать вам совет, — продолжал он, когда повар приблизился, — не торопитесь отыскивать сокровища.

— Я, сэр, изо всех сил буду стараться оттянуть это дело, — сказал Сильвер. — Но, клянусь вам, только поисками сокровищ я могу спасти свою жизнь и жизнь этого несчастного мальчика.

— Ладно, Сильвер, — ответил доктор, — если так — ищите. Но я дам вам еще один совет: когда будете искать сокровища, обратите внимание на крики.

— Сэр, — сказал Сильвер, — вы сказали мне или слишком много или слишком мало. Что вам нужно? Зачем вы покинули крепость? Зачем вы отдали мне карту?

Я этого не понимал и не понимаю. И все же я слепо выполнил все, что вы требовали, хотя вы не дали мне ни малейшей надежды. А теперь эти новые тайны… Если вы не хотите прямо объяснить мне, в чем дело, так и скажите, и я выпущу румпель.

— Нет, — задумчиво сказал доктор, — я не имею права посвящать вас в такие дела. Это не моя тайна, Сильвер. Иначе, клянусь париком, я бы вам все рассказал. Если я скажу еще хоть слово, мне здорово влетит от капитана. И все же я дам вам маленькую надежду, Сильвер: если мы оба с вами выберемся из этой волчьей ямы, я постараюсь спасти вас от виселицы, если для этого не нужно будет идти на клятвопреступление.

Лицо Сильвера мгновенно просияло.

— И родная мать не могла бы утешить меня лучше, чем вы! — воскликнул он.

— Это первое, что я могу вам сказать, — добавил доктор. — И второе: держите этого мальчика возле себя и, если понадобится помощь, зовите меня. Я постараюсь вас выручить, и тогда вы увидите,

что я говорю не впустую… Прощай, Джим.

Доктор Ливси пожал мне руку через забор, кивнул головой Сильверу и быстрыми шагами направился к лесу.

Глава 31
ПОИСКИ СОКРОВИЩ
УКАЗАТЕЛЬНАЯ СТРЕЛА ФЛИНТА

— Джим, — сказал Сильвер, когда мы остались одни, — я спас твою жизнь, а ты — мою. И я никогда этого не забуду. Я ведь видел, как доктор уговаривал тебя удрать. Краешком глаза, но видел. Я не слышал твоего ответа, но я видел, что ты отказался. Этого, Джим, я тебе не забуду. Сегодня для меня впервые блеснула надежда после неудачной атаки на крепость. И опять-таки из-за тебя. К поискам сокровищ, Джим, мы приступаем вслепую, и это мне очень не нравится. Но мы с тобой будем крепко держаться друг друга и спасем наши шеи, несмотря ни на что.

Один из пиратов, возившихся у костра, крикнул нам, что завтрак готов. Мы уселись на песке возле огня и стали закусывать поджаренной свининой. Разбойники развели такой костер, что можно было бы зажарить быка. Вскоре костер запылал

так сильно, что к нему — и то не без опаски — приближались только с подветренной стороны. Так же расточительно обращались пираты с провизией: нажарили свинины по крайней мере в три раза больше, чем было нужно. Один из них с глупым смехом швырнул все оставшиеся куски в огонь, который запылал еще ярче, поглотив это необычайное топливо.

Никогда в своей жизни не видел я людей, до такой степени беззаботно относящихся к завтрашнему дню. Все делали они спустя рукава, истребляли без всякого толка провизию, засыпали, стоя на часах, и так далее. Вообще они были способны лишь на короткую вспышку, но на длительные военные действия их не хватало.

Даже Сильвер, сидевший в стороне со своим попугаем, не сделал им ни одного замечания за их расточительность. И это очень меня удивило, так как я знал, какой он осторожный и предусмотрительный человек.

— Да, приятели, — говорил он, — ваше счастье, что у вас есть Окорок, который всегда за вас думает. Я выведал то, что мне нужно. Корабль у них. Пока я еще не знаю, где они его спрятали. Но когда у нас будут сокровища, мы обыщем весь остров и снова захватим корабль. Во всяком случае, мы

сильны уже тем, что у нас имеются шлюпки.

Так разглагольствовал он, набивая себе рот горячей свининой. Он внушал им надежду, он восстанавливал свой пошатнувшийся авторитет и в то же время, как мне показалось, подбадривал самого себя.

— А наш заложник, — продолжал он, — в последний раз имел свидание с тем, кто мил его сердцу. Из его разговоров с ним я узнал все, что мне было нужно узнать, и очень ему благодарен за это. Но теперь кончено. Когда мы пойдем искать сокровища, я поведу его за собой на веревочке — он нам дороже золота, и мы сохраним его в целости: пригодится в случае чего. А когда у нас будет и корабль, и сокровища, когда мы веселой компанией отправимся в море, вот тогда мы и поговорим с мистером Хокинсом как следует, и он получит свою долю по заслугам.

Неудивительно, что их охватило веселье. Что касается меня, я страшно приуныл и пал духом. Если план Сильвера, только что изложенный им, будет приведен в исполнение, этот двойной предатель не станет колебаться ни минуты. Он ведет игру на два фронта и, без сомнения, предпочтет свободу и богатство пирата той слабой надежде освободиться от петли, которую мы могли пред-

ложить ему.

Но если обстоятельства принудят Сильвера сдержать данное доктору слово, нам все равно грозит смертельная опасность. Подозрения его товарищей каждую минуту могут превратиться в уверенность. Тогда и ему, и мне придется защищать свою жизнь: ему — калеке и мне — мальчишке — от пятерых здоровенных матросов.

Прибавьте к этим двойным опасениям тайну, которой все еще были покрыты поступки моих друзей. Почему они покинули крепость? Почему они отдали карту? Что значат эти слова, сказанные доктором Сильверу: «Когда будете искать сокровища, обратите внимание на крики»? Не было ничего странного в том, что завтрак показался мне не слишком-то вкусным и что я с тяжелым сердцем поплелся за разбойниками на поиски клада.

Мы представляли довольно странное зрелище — все в измазанных матросских куртках, все, кроме меня, вооруженные до самых зубов. Сильвер тащил два ружья: одно на спине, другое на груди. К поясу его пристегнут был кортик. В каждый карман своего широкополого кафтана он сунул по пистолету. В довершение всего на плече у него

сидел Капитан Флинт, без умолку и без всякой связи выкрикивавший разные морские словечки. Вокруг моей поясницы обвязали веревку, и я послушно поплелся за поваром. Он держал конец веревки то свободной рукой, то могучими зубами. Меня вели, как дрессированного медведя.

Каждый тащил что-нибудь: одни несли лопаты и ломы (разбойники выгрузили их на берег с «Испаньолы» прежде всего остального), другие — свинину, сухари и бренди для обеда. Я заметил, что все припасы были действительно взяты из нашего склада, и понял, что Сильвер вчера вечером сказал сущую правду. Если бы он не заключил какого-то соглашения с доктором, разбойникам, потерявшим корабль, пришлось бы питаться подстреленными птицами и запивать их водой. Но к воде у них не было особой любви, а охотиться моряки не умеют. И если они не запаслись даже пищей, то порохом не запаслись и подавно. Как бы то ни было, мы двинулись в путь, даже пират с разбитой головой, которому гораздо полезнее было бы остаться в постели. Гуськом доковыляли мы до берега, где нас поджидали две шлюпки. Даже эти шлюпки свидетельствовали о глупой беспечности вечно пьяных пиратов: обе были в грязи, а у одной изломана скамья. Решено было

разместиться в двух шлюпках, чтобы ни одна не пропала. Разделившись на два отряда, мы наконец отчалили от берега.

Дорогой начались споры о карте. Красный крестик был слишком велик и не мог, конечно, служить точным указателем места. Объяснения на обороте карты были слишком кратки и неясны. Если читатель помнит, в них говорилось следующее:

«Высокое дерево на плече Подзорной Трубы, направление к С. от С.-С.-В.
Остров Скелета В.-Ю.-В. и на В.
Десять футов».

Итак, прежде всего нужно было отыскать высокое дерево. Прямо перед нами якорная стоянка замыкалась плоскогорьем в двести-триста футов высотой, которое на севере соединялось с южным склоном Подзорной Трубы, на юге переходило в скалистую возвышенность, носившую название Бизань-мачты. На плоскогорье росли и высокие, и низкие сосны. То здесь, то там какая-нибудь одна сосна возвышалась на сорок-пятьдесят футов над соседями. Какое из этих деревьев капитан Флинт назвал высоким, можно было определить только на месте с помощью компаса.

Тем не менее не проплыли мы и половины пути, а уже каждый облюбовал себе особое дерево. Только Долговязый Джон пожимал плечами и советовал подождать прибытия на место.

По указанию Сильвера мы берегли силы, не очень налегали на весла и после долгого плавания высадились в устье второй реки, той самой, которая протекает по лесистому склону Подзорной Трубы. Оттуда, свернув налево, мы начали взбираться к плоскогорью.

Вначале наше продвижение очень затруднялось топкой почвой и густой болотной растительностью. Но мало-помалу подъем стал круче, почва каменистее, растительность выше и реже. Мы приближались к лучшей части острова. Вместо травы по земле стлался пахучий дрок и цветущий кустарник. Среди зеленых зарослей мускатного ореха там и сям возвышались багряные колонны высоких сосен, бросавших широкую тень. Запах муската смешивался с запахом хвои. Воздух был свеж. Сияло солнце, но легкий ветерок освежал наши лица.

Разбойники шли веером и весело перекликались между собой.

В середине, несколько отстав от всех, брел Сильвер, таща меня за собой на веревке. Трудно

было ему взбираться по сыпучему гравию склона. Мне не раз приходилось поддерживать его, а то он споткнулся бы и покатился с холма.

Так прошли мы около полумили и уже достигли вершины, как вдруг разбойник, шедший левее других, громко закричал от ужаса. Он кричал не переставая, и все побежали к нему.

— Вы думаете, он набрел на сокровища? — сказал старый Морган, торопливо пробегая мимо нас. — Нет, нет, мы еще не добрались до того дерева…

Да, он нашел не сокровища. У подножия высокой сосны лежал скелет человека. Вьющиеся травы оплели его густой сетью, сдвинув с места некоторые мелкие кости. Кое-где на нем сохрани-

лись остатки истлевшей одежды. Я уверен, что не было среди нас ни одного человека, у которого не пробежал бы по коже мороз.

— Это моряк, — сказал Джордж Мерри, который был смелее остальных и внимательно рассматривал сгнившие лохмотья. — Одежда у него была морская.

— Конечно, моряк, — сказал Сильвер. — Полагаю, ты не надеялся найти здесь епископа. Однако почему эти кости так странно лежат?

И действительно, скелет лежал в неестественной позе.

По странной случайности (виноваты ли тут клевавшие его птицы или, быть может, медленно растущие травы, обвивавшие его со всех сторон) он лежал навытяжку, прямой, как стрела. Ноги его показывали в одну сторону, а руки, поднятые у него над головой, как у готового прыгнуть пловца, — в другую.

— Эге, я начиная понимать, — сказал Сильвер. — Это компас. Да-да! Вон торчит, словно зуб, вершина Острова Скелета. Проверьте по компасу, куда указывает этот мертвец.

Проверили. Мертвец действительно указывал в сторону Острова Скелета. Компас показал направление на В.-Ю.-В. и на В.

— Так я и думал! — воскликнул повар. — Это указательная стрелка. Значит, там Полярная звезда, а вон там веселые доллары. Клянусь громом, у меня все холодеет при одной мысли о Флинте. Это одна из его милых острот. Он остался здесь с шестью товарищами и укокошил их всех. А потом из одного убитого смастерил себе компас… Кости длинные, на черепе рыжие волосы. Э, да это Аллардайс, накажи меня бог! Ты помнишь Аллардайса, Том Морган?

— Еще бы, — сказал Морган, — конечно. Он остался мне должен и, кроме того, прихватил с собой мой нож, когда уезжал на остров.

— Значит, нож должен быть где-нибудь здесь, — промолвил другой разбойник. — Флинт был не такой человек, чтобы шарить в карманах матроса. Да и птицы… Не могли же они унести этот нож!

— Ты прав, черт тебя возьми! — воскликнул Сильвер.

— Однако здесь нет ничего, — сказал Мерри, внимательно ощупывая почву. — Хоть медная монетка осталась бы или, например, табакерка. Все это кажется мне подозрительным…

— Верно! Верно! — согласился Сильвер. — Тут что-то не так. Да, дорогие друзья, но только если

бы Флинт был жив, не гулять бы нам в этих местах. Нас шестеро, и тех было шестеро, а теперь от них остались только кости.

— Нет, будь покоен, он умер: я собственными глазами видел его мертвым, — отозвался Морган. — Билли водил меня к его мертвому телу. Он лежал с медяками на глазах.

— Конечно, он умер, — подтвердил пират с повязкой на голове. — Но только если кому и бродить по земле после смерти, так это, конечно, Флинту. Ведь до чего тяжело умирал человек!

— Да, умирал он скверно, — заметил другой. — То приходил в бешенство, то требовал рому, то начинал горланить «Пятнадцать человек на сундук мертвеца„. Кроме“ Пятнадцати человек», он ничего другого не пел никогда. И, скажу вам по правде, с тех пор я не люблю этой песни. Было страшно жарко. Окно было открыто. Флинт распевал во всю мочь, и песня сливалась с предсмертным хрипеньем…

— Вперед, вперед! — сказал Сильвер. — Довольно болтать! Он умер и не шатается по земле привидением. А если бы даже ему и вздумалось выйти из могилы, так ведь привидения показываются только ночами, а сейчас, как вы видите, день… Нечего говорить о покойнике, нас поджи-

дают дублоны.

Мы двинулись дальше. Но хотя солнце светило вовсю, пираты больше не разбегались в разные стороны и не окликали друг друга издали. Они шли рядом и говорили меж собой вполголоса: такой ужас внушил им умерший пират.

Глава 32
ПОИСКИ СОКРОВИЩ
ГОЛОС В ЛЕСУ

Отчасти вследствие расслабляющего влияния этого ужаса, отчасти же для того, чтобы дать отдохнуть Сильверу и больным пиратам, на вершине плоскогорья весь отряд сделал привал.

Плоскогорье было слегка наклонено к западу, и потому с того места, где мы сидели, открывался вид в обе стороны. Впереди за вершинами деревьев мы видели Лесистый мыс, окаймленный пеной прибоя. Позади видны были не только пролив и Остров Скелета, но также — за косой и восточной равниной — простор открытого моря. Прямо над нами возвышалась Подзорная Труба, заросшая редкими соснами и местами зияющая глубокими пропастями.

Тишина нарушалась только отдаленным гро-

хотом прибоя да жужжаньем бесчисленных насекомых. Безлюдье. На море ни единого паруса. Чувство одиночества еще усиливалось широтой окрестных пространств.

Сильвер во время отдыха делал измерения по компасу.

— Здесь три высоких дерева, — сказал он, — и все они расположены по прямой линии от Острова Скелета. «Плечо Подзорной Трубы», я думаю, вот эта впадина. Теперь и ребенок нашел бы сокровища. По-моему, неплохо было бы раньше покушать.

— Мне что-то не хочется, — проворчал Морган. — Я как вспомнил о Флинте, у меня сразу пропал аппетит.

— Да, сын мой, счастье твое, что он умер, — сказал Сильвер.

— И рожа у него была, как у дьявола! — воскликнул третий пират, содрогаясь. — Вся синяя-синяя!

— Это от рома, — добавил Мерри. — Синяя! Еще бы не синяя! От рома посинеешь, это верно.

Вид скелета и воспоминание о Флинте так подействовали на этих людей, что они стали разговаривать все тише и тише и дошли наконец до еле слышного шепота, почти не нарушавшего

лесной тишины. И вдруг из ближайшей рощи чей-то тонкий, резкий, пронзительный голос затянул хорошо знакомую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Смертельный ужас охватил пиратов. У всех шестерых лица сделались сразу зелеными. Одни вскочили на ноги, другие судорожно схватились друг за друга. Морган упал на землю и пополз, как змея.

— Это Флинт! — воскликнул Мерри.

Песня оборвалась так же резко, как началась, будто на середине ноты певцу сразу зажали рот. День был солнечный и ясный, голос поющего — резкий и звонкий, и я не мог понять испуга своих спутников.

— Вперед! — сказал Сильвер, еле шевеля серыми, как пепел, губами. — Этак ничего у нас не выйдет. Конечно, все это очень чудно, и я не знаю, кто это там куролесит, но уверен, что это не покойник, а живой человек.

Пока он говорил, к нему вернулось мужество, и лицо его чуть-чуть порозовело. Остальные тоже под влиянием его слов ободрились и как

будто пришли в себя. И вдруг вдали опять раздался тот же голос. Но теперь он не пел, а кричал словно откуда-то издали, и его крик тихо пронесся невнятным эхом по расселинам Подзорной Трубы.

— Дарби Мак-Гроу! — вопил он. — Дарби Мак-Гроу!

Так он повторял без конца, затем выкрикнул непристойную ругань и завыл:

— Дарби, подай мне рому!

Разбойники приросли к земле, и глаза их чуть не вылезли на лоб. Голос давно уже замер, а они все еще стояли как вкопанные и молча глядели вперед.

— Дело ясное, — молвил один. — Надо удирать.

— Это были его последние слова! — простонал Морган. — Последние слова перед смертью.

Дик достал свою Библию и начал усердно молиться. Прежде чем уйти в море и стать бандитом, он воспитывался в набожной семье.

Один Сильвер не сдался. Зубы его стучали от страха, но он и слышать не хотел об отступлении.

— На этом острове никто, кроме нас, даже и не слышал о Дарби, — бормотал он растерянно. — Никто, кроме нас... — Потом взял себя в руки и

крикнул: — Послушайте! Я пришел сюда, чтобы вырыть клад, и никто — ни человек, ни дьявол — не остановит меня. Я не боялся Флинта, когда он был живой, и, черт его возьми, не испугаюсь мертвого. В четверти мили от нас лежат семьсот тысяч фунтов стерлингов. Неужели хоть один джентльмен удачи способен повернуться кормой перед такой кучей денег из-за какого-то синерожего пьяницы, да к тому же еще и дохлого?

Но его слова не вернули разбойникам мужества. Напротив, непочтительное отношение к призраку только усилило их панический ужас.

— Молчи, Джон! — сказал Мерри. — Не оскорбляй привидение.

Остальные были до такой степени скованы страхом, что не могли произнести ни слова. У них даже не хватало смелости разбежаться в разные стороны. Страх заставлял их тесниться друг к другу, поближе к Сильверу, потому что он был храбрее их всех. А ему уже удалось до известной степени освободиться от страха.

— По-вашему, это привидение? Может быть, и так, — сказал он. — Но меня смущает одно. Мы все явственно слышали эхо. А скажите, видал ли кто-нибудь, чтобы у привидений была тень? Если не может быть тени, значит, нет и эха. Иначе

быть не может.

Такие доводы показались мне слабыми. Но вы никогда не можете заранее сказать, что подействует на суеверных людей.

К моему удивлению, Джордж Мерри почувствовал большое облегчение.

— Это верно, — сказал он. — Ну и башка же у тебя на плечах, Джон!.. Все в порядке, дорогие друзья! Вы просто взяли неправильный галс. Конечно, голос был вроде как у Флинта. И все же он был похож на другой… Скорее это голос…

— Клянусь дьяволом, это голос Бена Ганна! — проревел Сильвер.

— Правильно! — воскликнул Морган, приподнимаясь с земли и становясь на колени. — Это был голос Бена Ганна!

— А велика ли разница? — спросил Дик. — Бен Ганн покойник, и Флинт покойник.

Но матросы постарше презрительно отнеслись к его замечанию.

— Плевать на Бена Ганна! — крикнул Мерри. — Живой он или мертвый, не все ли равно?

Странно было видеть, как быстро пришли эти люди в себя и как быстро на их лицах опять заиграл румянец. Через несколько минут они как ни в чем не бывало болтали друг с другом и толь-

ко прислушивались, не слышно ли странного голоса. Но все было тихо. И, взвалив на плечи инструменты, они двинулись дальше. Впереди шел Мерри, держа в руке компас Джона, чтобы все время быть на одной линии с Островом Скелета. Он сказал правду: жив ли Бен Ганн или мертв, его не боялся никто.

Один только Дик по-прежнему держал в руках свою Библию, испуганно озираясь по сторонам. Но ему уже никто не сочувствовал. Сильвер даже издевался над его суеверием:

— Я говорил тебе, что ты испортил свою Библию. Неужели ты думаешь, что привидение испугается Библии, на которой нельзя даже присягнуть? Как же! Держи карман! — И, приостановившись на миг, он щелкнул пальцами перед самым носом Дика.

Но Дика уже нельзя было успокоить словами. Скоро мне стало ясно, что он серьезно болен. От жары, утомления и страха лихорадка, предсказанная доктором Ливси, начала быстро усиливаться.

На вершине было мало деревьев, и идти стало значительно легче. Теперь мы спускались вниз, потому что, как я уже говорил, плоскогорье имело некоторый наклон к западу. Сосны — большие и маленькие — были отделены друг от друга

широким пространством. И даже среди зарослей мускатного ореха и азалий то и дело попадались просторные, выжженные солнечным зноем поляны. Идя на северо-запад, мы приближались к плечу Подзорной Трубы. Внизу под нами был виден широкий западный залив, где так недавно меня кидало и кружило в челноке.

Первое высокое дерево, к которому мы подошли, после проверки по компасу оказалось неподходящим. То же случилось и со вторым. Третье поднималось над зарослями почти на двести футов. Это был великан растительного мира, с красным стволом в несколько обхватов толщиной. Под его тенью мог бы маршировать целый взвод. Эта сосна безусловно была видна издалека и с восточной стороны моря, и с западной, и ее можно было отметить на карте как мореходный знак.

Однако спутников моих волновали не размеры сосны: они были охвачены волнующим сознанием, что под ее широкой сенью зарыты семьсот тысяч фунтов стерлингов. При мысли о деньгах все их страхи исчезли. Вспыхнули глаза, шаги стали торопливее, тверже.

Они думали только об одном — о богатстве, ожидающем их, о беспечной, роскошной, рас-

точительной жизни, которую принесет им богатство.

Сильвер, подпрыгивая, ковылял на своем костыле. Ноздри его раздувались. Он ругался, как сумасшедший, когда мухи садились на его разгоряченное, потное лицо. Он яростно дергал за веревку, поглядывая на меня со смертельной ненавистью. Он больше уже не старался скрывать свои мысли. Я мог читать их, как в книге. Оказавшись наконец в двух шагах от желанного золота, он обо всем позабыл — и о своих обещаниях, и о предостережениях доктора. Он, конечно, надеялся захватить сокровища, потом ночью найти «Испаньолу», перерезать всех нас и отплыть в океан.

Потрясенный этими тревожными мыслями, я с трудом поспевал за пиратами и часто спотыкался о камни. Тогда Сильвер дергал за веревку, бросая на меня кровожадные взоры… Дик плелся позади, бормоча молитвы и ругательства. Лихорадка его усиливалась. От этого я чувствовал себя еще более несчастным. Вдобавок перед моими глазами невольно вставала трагедия, когда-то разыгравшаяся в этих местах. Мне мерещился разбойник с посиневшим лицом, который умер в Саванне, горланя песню и требуя рома. Здесь

собственноручно он убил шестерых. Эта тихая роща оглашалась когда-то предсмертными криками. Мне чудилось, что я и сейчас слышу стоны и вопли несчастных.

Мы вышли из зарослей.

— За мною, приятели! — крикнул Мерри.

И те, что шли впереди, кинулись бежать.

Внезапно, не пробежав и десяти ярдов, они остановились. Поднялся громкий крик. Сильвер скакал на своей деревяшке, как бешеный. Через мгновенье мы оба тоже внезапно остановились.

Перед нами была большая яма, вырытая, очевидно, давно, так как края у нее уже обвалились, а на дне росла трава. В ней мы увидели рукоятку заступа и несколько досок от ящиков. На одной из досок каленым железом была выжжена надпись: «Морж» — название судна, принадлежавшего Флинту.

Было ясно, что кто-то раньше нас уже нашел и похитил сокровища — семьсот тысяч фунтов стерлингов исчезли.

Глава 33

ПАДЕНИЕ ГЛАВАРЯ

Кажется, с тех пор как стоит мир, не было такого внезапного крушения великих надежд. Все шестеро стояли, как пораженные громом. Сильвер первый пришел в себя. Всей душой стремился он к этим деньгам, и вот в одно мгновение все рухнуло. Однако он не потерял головы, овладел собой и успел изменить план своих будущих действий, прежде чем прочие поняли, какая беда их постигла.

— Джим, — прошептал он, — вот возьми и будь наготове.

И сунул мне в руку двуствольный пистолет.

В то же время он начал спокойнейшим образом двигаться к северу, так что яма очутилась между нами обоими и пятью разбойниками. Потом Сильвер посмотрел на меня и кивнул, словно говоря: «Положение нелегкое», и я был вполне с ним согласен. Теперь взгляд его снова стал ласков. Меня возмутило такое двуличие. Я не удержался и прошептал:

— Так что вы снова изменили своим.

Но он ничего не успел мне ответить. Разбойники, крича и ругаясь, прыгали в яму и разгребали ее руками, разбрасывая доски в разные стороны.

Морган нашел золотую монету. Он поднял ее, осыпая всех бранью. Монета была в две гинеи. Несколько мгновений переходила она из рук в руки.

— Две гинеи! — заревел Мерри, протягивая монету Сильверу. — Это, что ли, твои семьдесят тысяч? Ты, кажется, любитель заключать договоры? По-твоему, тебе все всегда удается, деревянная ты голова?

— Копайте, копайте, ребята, — сказал Сильвер с холодной насмешкой. — Авось выкопаете два-три земляных ореха. Их так любят свиньи.

— Два-три ореха! — в бешенстве взвизгнул Мерри. — Товарищи, вы слышали, что он сказал? Говорю вам: он знал все заранее! Гляньте ему в лицо, там это ясно написано.

— Эх, Мерри! — заметил Сильвер. — Ты, кажется, снова намерен пролезть в капитаны? Ты, я вижу, напористый малый.

На этот раз решительно все были на стороне Мерри. Разбойники стали вылезать из ямы, с бешенством глядя на нас. Впрочем, на наше счастье, все они очутились на противоположной стороне.

Так стояли мы, двое против пятерых, и нас разделяла яма. Ни одна из сторон не решалась нанести первый удар. Сильвер стоял неподвижно. Хладнокровный и спокойный, он наблюдал за

врагами, опираясь на свой костыль. Он действительно был смелый человек.

Наконец Мерри решил воодушевить своих сторонников речью.

— Товарищи, — сказал он, — смотрите-ка, их всего только двое: один — старый калека, который привел нас сюда на погибель, другой — щенок, у которого я давно уже хочу вырезать сердце. И теперь…

Он поднял руку и возвысил голос, готовясь вести свой отряд в наступление. И вдруг — пафф! пафф! пафф! — в чаще грянули три мушкетных выстрела. Мерри свалился головой вниз, прямо в яму. Человек с повязкой на лбу завертелся юлой и упал рядом с ним, туда же. Трое остальных пустились в бегство.

В то же мгновение Долговязый Джон выстрелил из обоих стволов своего пистолета прямо в Мерри, который пытался выкарабкаться из ямы. Умирая, Мерри глянул своему убийце в лицо.

— Джордж, — сказал Сильвер, — теперь мы, я полагаю, в расчете.

В зарослях мускатного ореха мы увидели доктора, Грея и Бена Ганна. Мушкеты у них дымились.

— Вперед! — крикнул доктор. — Торопись, ребята! Мы должны отрезать их от шлюпок.

И мы помчались вперед, пробираясь через кусты, порой доходившие нам до груди.

Сильвер из сил выбивался, чтобы не отстать от нас. Он так работал своим костылем, что, казалось, мускулы у него на груди вот-вот разорвутся на части. По словам доктора, и здоровый не выдержал бы подобной работы. Когда мы добежали до откоса, он отстал от нас на целых тридцать ярдов и совершенно выбился из сил.

— Доктор, — кричал он, — посмотрите! Торопиться нечего!

Действительно, спешить было некуда. Мы вышли на открытую поляну и увидели, что три уцелевших разбойника бегут в сторону холма Визань-мачты. Таким образом, мы уже находились между беглецами и лодками и могли спокойно передохнуть. Долговязый Джон, вытирая пот с лица, медленно подошел к нам.

— Благодарю вас от всего сердца, доктор, — сказал он. — Вы поспели как раз вовремя, чтобы спасти нас обоих… А, так это ты, Бен Ганн? — прибавил он. — Ты, я вижу, молодчина.

— Да, я Бен Ганн, — смущенно ответил бывший пират, извиваясь перед Сильвером, как угорь. — Как вы поживаете, мистер Сильвер? — спросил он после долгого молчания. — Кажется, неплохо?

— Бен, Бен, — пробормотал Сильвер, — подумать только, какую штуку сыграл ты со мной!

Доктор послал Грея за киркой, брошенной в бегстве разбойниками. Пока мы неторопливо спускались по откосу к нашим шлюпкам, доктор в нескольких словах рассказал, что случилось за последние дни. Сильвер жадно вслушивался в каждое слово. Полупомешанный пустынник Бен Ганн был главным героем рассказа.

По словам доктора, во время своих долгих одиноких скитаний по острову Бен отыскал и скелет и сокровища. Это он обобрал скелет и выкопал из земли деньги, это его рукоятку от заступа видели мы на дне ямы. На своих плечах перенес он все золото из-под высокой сосны в пещеру двуглавой горы в северо-восточной части острова. Эта тяжкая работа, требовавшая многодневной ходьбы, была окончена всего лишь за два месяца до прибытия «Испаньолы».

Все это доктор выведал у него при первом же свидании с ним, в день атаки на нашу крепость. Следующим утром, увидев, что корабль исчез, доктор пошел к Сильверу, отдал ему карту, которая теперь не имела уже никакого значения, и предоставил ему крепость со всеми припасами, так как пещера Бена Ганна была в изобилии

снабжена соленой козлятиной, которую Бен Ганн заготовил своими руками. Благодаря этому мои друзья получили возможность, не подвергаясь опасности, перебраться из крепости на двуглавую гору, подальше от малярийных болот, и там охранять сокровища.

— Конечно, я предвидел, милый Джим, — прибавил доктор, — что тебе наше переселение окажет дурную услугу, и это очень огорчало меня, но прежде всего я должен был подумать о тех, кто добросовестно исполнял свой долг. В конце концов, ты сам виноват, что тебя не было с нами.

Но в то утро, когда он увидел меня в плену у пиратов, он понял, что, узнав об исчезновении сокровищ, они выместят свою злобу на мне. Поэтому он оставил сквайра охранять капитана, захватил с собой Грея и Бена Ганна и направился наперерез через остров, прямо к большой сосне. Увидев дорогой, что наш отряд его опередил, он послал Бена Ганна вперед, так как у Бена были очень быстрые ноги. Тот решил тотчас же воспользоваться суеверием своих бывших товарищей и нагнал на них страху. Грей и доктор подоспели и спрятались невдалеке от сосны, прежде чем прибыли искатели клада.

— Как хорошо, — сказал Сильвер, — что со мной

был Хокинс! Не будь его, вы бы, доктор, и бровью не повели, если бы меня изрубили в куски.

— Еще бы! — ответил доктор Ливси со смехом.

Тем временем мы подошли к нашим шлюпкам. Одну из них доктор сейчас же разбил киркой, чтобы она не досталась разбойникам, а в другой поместились мы все и поплыли вокруг острова к Северной стоянке.

Нам пришлось проплыть не то восемь, не то девять миль. Сильвер, несмотря на смертельную усталость, сел за весла и греб наравне с нами. Мы вышли из пролива и оказались в открытом море. На море был штиль. Мы обогнули юго-восточный выступ острова, тот самый, который четыре дня назад огибала «Испаньола».

Проплывая мимо двуглавой горы, мы увидели темный вход в пещеру Бена Ганна и около него человека, который стоял, опершись на мушкет. Это был сквайр. Мы помахали ему платками и трижды прокричали «ура», причем Сильвер кричал громче всех.

Пройдя еще три мили, мы вошли в Северную стоянку и увидели «Испаньолу». Она носилась по воде без руля и ветрил. Прилив поднял ее с мели. Если бы в тот день был ветер или если бы в Северной стоянке было такое же сильное

течение, как в Южной, мы могли бы лишиться ее навсегда. В лучшем случае мы нашли бы одни лишь обломки. Но, к счастью, корабль был цел, если не считать порванного грота. Мы бросили в воду, на глубину в полторы сажени, запасный якорь. Потом на шлюпке отправились в Пьяную бухту — ближайший к сокровищнице Бена Ганна пункт. Там мы высадились, а Грея послали на «Испаньолу», чтобы он стерег корабль в течение ночи.

По отлогому склону поднялись мы к пещере. Наверху встретил нас сквайр.

Со мной он обошелся очень ласково. О моем бегстве не сказал ни одного слова — не хвалил меня и ругал. Но когда Сильвер учтиво отдал ему честь, он покраснел от гнева.

— Джон Сильвер, — сказал он, — вы гнусный негодяй и обманщик! Чудовищный обманщик, сэр! Меня уговорили не преследовать вас, и я обещал, что не буду. Но мертвецы, сэр, висят у вас на шее, как мельничные жернова…

— Сердечно вам благодарен, сэр, — ответил Долговязый Джон, снова отдавая ему честь.

— Не смейте меня благодарить! — крикнул сквайр. — Из-за вас я нарушаю свой долг. Отойдите прочь от меня!

Мы вошли в пещеру. Она была просторна и полна свежего воздуха. Из-под земли пробивался источник чистейшей воды и втекал в небольшое озеро, окаймленное густыми папоротниками. Пол был песчаный. Перед пылающим костром лежал капитан Смоллетт. А в дальнем углу тускло сияла громадная груда золотых монет и слитков. Это были сокровища Флинта — те самые, ради которых мы проделали такой длинный, утомительный путь, ради которых погибли семнадцать человек из экипажа «Испаньолы». А скольких человеческих жизней, скольких страданий и крови стоило собрать эти богатства! Сколько было потоплено славных судов, сколько замучено храбрых людей, которых заставляли с завязанными глазами идти по доске! Какая пальба из орудий, сколько лжи и жестокости! На острове все еще находились трое — Сильвер, старый Морган и Бен, — которые некогда принимали участие во всех этих ужасных злодействах и теперь тщетно надеялись получить свою долю богатства.

— Войди, Джим, — сказал капитан. — Ты по-своему, может быть, и неплохой мальчуган, но даю тебе слово, что никогда больше я не возьму тебя в плавание, потому что ты из породы любимчиков: делаешь все на свой лад… А, это ты,

Джон Сильвер! Что привело тебя к нам?

— Вернулся к исполнению своих обязанностей, сэр, — ответил Сильвер.

— А! — сказал капитан.

И не прибавил ни звука.

Как славно я поужинал в тот вечер, окруженный всеми моими друзьями! Какой вкусной показалась мне соленая козлятина Бена, которую мы запивали старинным вином, захваченным с «Испаньолы»! Никогда еще не было людей веселее и счастливее нас. Сильвер сидел сзади всех, подальше от света, но ел вовсю, стремительно вскакивал, если нужно было что-нибудь подать, и смеялся нашим шуткам вместе с нами — словом, опять стал тем же ласковым, учтивым, услужливым поваром, каким был во время нашего плавания.

Глава 34
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

На следующее утро мы рано принялись за работу. До берега была целая миля. Нужно было перетащить туда все наше золото и оттуда в шлюпке доставить его на борт «Испаньолы» — тяжелая работа для такой немногочисленной кучки

людей. Три разбойника, все еще бродившие по острову, мало беспокоили нас. Достаточно было поставить одного часового на вершине холма, и мы могли не бояться внезапного нападения. Да, кроме того, мы полагали, что у этих людей надолго пропала охота к воинственным стычкам.

Мы трудились не покладая рук. Грей и Бен Ганн отвозили золото в лодке на шхуну, а прочие доставляли его на берег. Два золотых слитка мы связывали вместе веревкой и взваливали друг другу на плечи — больше двух слитков одному человеку было не поднять. Так как мне носить тяжести было не под силу, меня оставили в пещере и велели насыпать деньги в мешки из-под сухарей.

Как и в сундуке Билли Бонса, здесь находились монеты самой разнообразной чеканки, но, разумеется, их было гораздо больше. Мне очень нравилось сортировать их. Английские, французские, испанские, португальские монеты, гинеи и луидоры, дублоны и двойные гинеи, муадоры и цехины, монеты с изображениями всех европейских королей за последние сто лет, странные восточные монеты, на которых изображен не то пучок веревок, не то клок паутины, круглые монеты, квадратные монеты, монеты

с дыркой посередине, чтобы их можно было носить на шее, — в этой коллекции были собраны деньги всего мира. Их было больше, чем осенних листьев. От возни с ними у меня ныла спина и болели пальцы.

День шел за днем, а нашей работе не было видно конца. Каждый вечер груды сокровищ отправляли мы на корабль, но не меньшие груды оставались в пещере. И за все это время мы ни разу ничего не слыхали об уцелевших разбойниках.

Наконец — если не ошибаюсь, на третий вечер, — когда мы с доктором поднимались на холм, снизу, из непроглядной тьмы, ветер внезапно принес к нам не то крик, не то песню. Как следует расслышать нам ничего не удалось.

— Прости им боже, это разбойники, — сказал доктор.

— Все пьяны, сэр, — услышал я за спиной голос Сильвера.

Сильвер пользовался полной свободой и, несмотря на всю нашу холодность, снова начал держать себя с нами по-приятельски, как привилегированный и дружелюбный слуга. Он как бы не замечал всеобщего презрения к себе и каждому старался услужить, был со всеми

неустанно вежлив. Но обращались все с ним, как с собакой. Только я и Бен Ганн относились к нему несколько лучше. Бен Ганн все еще несколько побаивался прежнего своего квартирмейстера, а я был ему благодарен за свое спасение от смерти, хотя, конечно, имел причины думать о нем еще хуже, чем кто бы то ни был другой, — ведь я не мог позабыть, как он собирался предать меня вновь. Доктор резко откликнулся на замечание Сильвера:

— А может быть, они больны и бредят...

— Правильно, сэр, — сказал Сильвер, — но нам с вами это вполне безразлично.

— Я полагаю, вы вряд ли претендуете на то, мистер Сильвер, чтобы я считал вас сердечным, благородным человеком, — заметил насмешливо доктор, — и я знаю, что мои чувства покажутся вам несколько странными. Но если бы я был действительно уверен, что хоть один из них болен и в бреду, я, даже рискуя своей жизнью, отправился бы к ним, чтобы оказать им врачебную помощь.

— Прошу прощения, сэр, вы сделали бы большую ошибку, — возразил Сильвер. — Потеряли бы свою драгоценную жизнь, только и всего. Я теперь на вашей стороне и душой и телом и не хотел бы, чтобы ваш отряд лишился такого чело-

века, как вы. Я очень многим вам обязан. А эти люди ни за что не могли бы сдержать свое честное слово. Мало того — они никогда не поверили бы и вашему слову.

— Зато вы хорошо умеете держать свое слово, — сказал доктор. — В этом можно было убедиться недавно.

Больше о трех пиратах мы почти ничего не узнали. Только однажды до нашего слуха донесся отдаленный ружейный выстрел; мы решили, что они занялись охотой. Между нами состоялось совещание, и было постановлено не брать их с собой, а оставить на острове. Бен Ганн страшно обрадовался такому решению. Грей тоже его одобрил. Мы оставили им большой запас пороха и пуль, груду соленой козлятины, немного лекарства и других необходимых вещей, инструменты, одежду, запасной парус, несколько ярдов веревок и, по особому желанию доктора, изрядную порцию табаку.

Больше нам нечего было делать на острове. Корабль был уже нагружен и золотом, и пресной водой, и, на всякий случай, остатками соленой козлятины. Наконец мы подняли якорь и вышли из Северной стоянки. Над нами развевался тот самый флаг, под которым мы сражались, защищая

нашу крепость от пиратов.

Тут обнаружилось, что разбойники следили за нами гораздо внимательнее, чем мы думали раньше, ибо, плывя проливом и приблизившись к южной оконечности острова, мы увидели их троих: они стояли на коленях на песчаной косе и с мольбой простирали к нам руки. Нам было тяжело оставлять их на необитаемом острове, но другого выхода у нас не было. Кто знает, не поднимут ли они новый мятеж, если мы возьмем их на корабль! Да и жестоко везти на родину людей, которых там ожидает виселица. Доктор окликнул их, сообщил им, что мы оставили для них пищу и порох, и принялся объяснять, как эти припасы найти. Но они называли нас по именам, умоляли сжалиться над нами и не дать им умереть в одиночестве.

Под конец, видя, что корабль уходит, один из них — не знаю который — с диким криком вскочил на ноги, схватил свой мушкет и выстрелил. Пуля просвистела над головой Сильвера и продырявила грот.

Мы стали осторожнее и спрятались за фальшбортом. Когда я решился выглянуть из-за прикрытия, пиратов уже не было на косе, да и самая коса почти пропала. А незадолго до полудня, к

невыразимой моей радости, исчезла за горизонтом и самая высокая гора Острова Сокровищ.

Нас было так мало, что приходилось работать сверх сил. Капитан отдавал приказания, лежа на корме на матраце. Он поправился, но ему все еще был нужен покой. Мы держали курс на ближайший порт Испанской Америки, чтобы подрядить новых матросов: без них мы не решались плыть домой. Ветер часто менялся и сбивал наш корабль с пути; кроме того, два раза испытали мы свирепые штормы и совсем измучились, пока добрались до Америки.

Солнце уже садилось, когда мы наконец бросили якорь в живописной закрытой гавани. Нас окружили лодки с неграми, мулатами и мексиканскими индейцами, которые продавали нам фрукты и овощи и были готовы ежеминутно нырять за брошенными в воду монетами. Добродушные лица (главным образом черные), вкусные тропические фрукты и, главное, огоньки, вспыхнувшие в городе, — все это было так восхитительно, так не похоже на мрачный, залитый кровью Остров Сокровищ! Доктор и сквайр решили провести вечер в городе. Они захватили с собой и меня. На берегу мы встретились с капитаном английского военного судна и поехали к

нему на корабль. Там мы очень приятно провели время и вернулись на «Испаньолу», когда уже начался рассвет.

На палубе был только один человек — Бен Ганн, и, как только мы взошли на корабль, он принялся каяться и обвинять себя в ужасном проступке, делая самые дикие жесты. Оказалось, что Сильвер удрал. Бен признался, что сам помог ему сесть в лодку, так как был убежден, что нам всем угрожает опасность, «пока на борту остается этот одноногий дьявол». Но корабельный повар удрал не с пустыми руками. Он незаметно проломил перегородку и похитил мешочек с деньгами — триста или четыреста гиней, которые, несомненно, пригодятся ему в дальнейших скитаниях. Мы были довольны, что так дешево от него отделались.

Не желая быть многословным, скажу только, что, взяв к себе на корабль несколько новых матросов, мы прибыли благополучно в Бристоль.

«Испаньола» вернулась как раз к тому времени, когда мистер Блендли уже начал подумывать, не послать ли нам на помощь второй корабль. Из всего экипажа только пятеро вернулись домой. «Пей, и дьявол тебя доведет до конца» — вот пророчество, которое полностью оправдалось в

отношении всех остальных. Впрочем, «Испаньола» все же оказалась счастливее того корабля, о котором пели пираты:

Все семьдесят пять не вернулись домой —

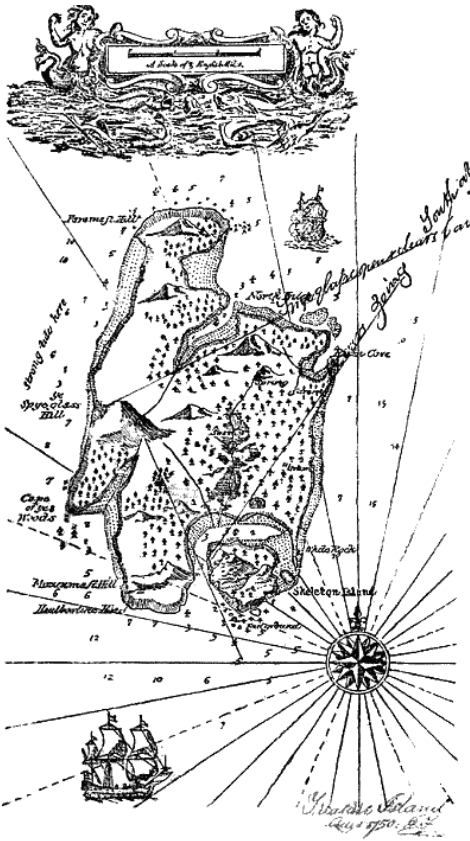
Они потонули в пучине морской.

Каждый из нас получил свою долю сокровищ. Одни распорядились богатством умно, а другие, напротив, глупо, в соответствии со своим темпераментом. Капитан Смоллетт оставил морскую службу. Грей не только сберег свои деньги, но, внезапно решив добиться успеха в жизни, занялся прилежным изучением морского дела. Теперь он штурман и совладелец одного превосходного и хорошо оснащенного судна. Что же касается Бена Ганна, он получил свою тысячу фунтов и истратил их все в три недели, или, точнее, в девятнадцать дней, так как на двадцатый явился к нам нищим. Сквайр сделал с Беном именно то, чего Бен так боялся: дал ему место привратника в парке. Он жив до сих пор, ссорится и дружит с деревенскими мальчишками, а по воскресным и праздничным дням отлично поет в церковном хоре.

О Сильвере мы больше ничего не слыхали.

Отвратительный одноногий моряк навсегда ушел из моей жизни. Вероятно, он отыскал свою чернокожую женщину и живет где-нибудь в свое удовольствие с нею и с Капитаном Флинтом. Будем надеяться на это, ибо его шансы на лучшую жизнь на том свете совсем невелики. Остальная часть клада — серебро в слитках и оружие — все еще лежит там, где ее зарыл покойный Флинт. И, по-моему, пускай себе лежит. Теперь меня ничем не заманишь на этот проклятый остров. До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта:

— Пиастры! Пиастры! Пиастры!



From Gabge S. F. & Mr. W. Bones Master & Pr. Mr. Thos Savannah this twenty 9th July 1754 W. B.

Facsimile of Chart, latitude and Longitude struck out by J. Hawkins

Деннис Джуд
Приключения долговязого Джона Сильвера

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Деннис Джуд (р. 1938 г.) — весьма плодовитый писатель. Каталоги новейших поступлений Библиотеки Конгресса США в 70-е годы регистрировали ежегодно одну-две его книги, преимущественно популярные очерки на историко-литературные темы. Место действия его книг — Британская империя и США. Время действия — от средневековья до начала XX века.

Повесть «Приключения Долговязого Джона Сильвера» (буквальный перевод названия) написана человеком, несомненно прекрасно знающим реалии эпохи, разбирающимся в бытовых тонкостях, а с жизнью и деятельностью «берегового братства» знакомым не только по классической работе Эксквемелина. Вне всякого сомнения, повесть написана в пику «Приключениям Бена Ганна» — достаточно сравнить образы Джона Сильвера в «описании» узника острова Кидда, где одноногий пират показан исчадием ада, человеком без чести и совести, и у Джуда, чей Сильвер невольно вызывает если не симпатию читателя, то сочувствие и понимание. По мнению переводчика, джудовский Сильвер гораздо

ближе к образу, созданному пером Стивенсона.

Всесторонняя эрудиция Д.Джуда позволяет ему привлекать в сюжет самые неожиданные моменты, что оборачивается новыми, весьма экстравагантными ситуациями, не только привлекающими внимание читателя, но и просвещающими его. Так, из главы «Адмиралтейский суд» мы видим, что старые, едва ли не времен Эдуарда Исповедника законы о церковном суде, законы, забытые всеми, помогают заведомому преступнику избежать виселицы, а заодно повествованию развиваться без банальных побегов или амнистий.

Мастер сюжета, Джуд в повествовании часто сбивается на сухой академический тон лектора общества «Знание», что резко дисгармонирует с самой темой повести. Переводчик приложил все скромные усилия, чтобы в русском тексте этого не было. Эталоном для него служил текст «Острова сокровищ» в каноническом переводе Н.К.Чуковского, лексики и стилистики которого он в меру своих способностей старался придерживаться.

Название, данное книге в русском переводе, по мнению переводчика, гораздо более соответствует стилизации под текст XVIII века, каковой и является повесть Джуда. Стоит ли говорить о

том, что буквальный перевод названия по-русски просто не звучит.

Одной из вольностей перевода является присовокупление к имени царствующего монарха благопожелания «да хранит его Господь», без чего в те времена не помыслил бы говорить о Его Величестве не только верноподданный, но и последний разбойник, бродяга, висельник. Из персонажей книги (англичан, разумеется) без этой приставки мог бы обойтись разве только вольнодумец и республиканец Майкл Сильвер, отец Джона. С частым употреблением этой приставки особую злую иронию получает применение ее Сильвером к имени Флинта, особенно если учесть их взаимную неприязнь.

Переводчик постарался исключить постоянное именование командного состава пиратского корабля как «лордов» или «господ» (как в переводе «Бена Ганна»). В русском языке этот термин обретает смысл, немыслимый в довольно демократичном обществе «джентльменов удачи».

Все же, несмотря на вольности и неизбежные недостатки перевода, хочется надеяться, что «Долговязый Джон» придется по душе нашему читателю, не избалованному обилием морской авантюрной прозы.

Д.С.Гуревич

1. БОЛЬНОЙ ИЗ ТОРМАРТИНА

Эти ужасные и кровавые дела произошли очень давно, и я, право, не имел намерения взяться за перо, искренне веруя, что пираты, зарытые сокровища, морские бунты навсегда исчезли из моей жизни. Разве что в ночных кошмарах рисковал я увидеть снова развевающееся черное знамя с черепом и скрещенными костями. Правда, жестокий, хитрый и красноречивый одноногий моряк навсегда запечатлелся в моей памяти, но я был убежден, что Долговязый Джон Сильвер предстал пред ликом разгневанного создателя вскоре после 1766 года, когда наша славная «Эспаньола», по ватерлинию груженная сокровищами, неторопливо вошла в Бристольскую гавань.

Однако вновь пишу я о тех ужасных и кровавых делах, понимая, что без этого рассказа мой отчет о плаванье «Эспаньолы» выглядел бы неполным, и, прежде всего, почитаю своим долгом предуведомить читателя о событиях, заставивших меня опять сесть за письменный стол.

Итак, начну по порядку. Это произошло в последние годы царствования нашего доброго короля Георга III. Был я тогда сельским врачом

в Глостершире, в холмистой части графства. Особых доходов это ремесло не приносило, но молитвами покойного отца дела мои шли довольно успешно, а всеобщее уважение, которым пользовались я и мое семейство, вполне заменяло любое богатство.

Помню, как сейчас, однажды в ненастный апрельский день, вскоре после обеда, меня вызвали к больному. Известие о джентльмене, нуждающемся в услугах врача, принесла старая миссис Томлин. По пути к моему дому она настолько устала, что когда, задыхаясь и кряхтя, принялась излагать суть дела, то выглядела так, будто ей самой требовалась моя помощь. Выслушав ее, я взял сумку с инструментами и лекарствами, пошел в конюшню и оседлал коня, которого я назвал Беном Ганном в память о приключениях, пережитых мною в юности. Терпеливая моя супруга Гарриэтт проводила меня, чтобы в который уже раз провести вечер в одиночестве.

Дом в Тормартине, где ждал меня больной, хотя и не отличался роскошью, выгодно выделялся среди домов окрестных фермеров. Особую прелесть ему придавали окна, обрамленные полированным камнем. По слухам, здесь в окружении немногочисленных слуг жил отшель-

ником какой-то джентльмен, разбогатевший в Вест-Индии. На стук дверь мне отворил лакей с кожей кофейного цвета, подпоясанный темно-красным кушаком; гримасничая и кланяясь, он повел меня к тяжелой черного дерева двери, бесшумно отворившейся внутрь.

В комнате на диване, стоявшем возле камина, где полыхал яркий огонь, полулежал старый джентльмен большого роста, одетый в богатый халат. Сильный приступ кашля сотрясал все его огромное тело, и когда я подошел поближе, то увидел, что платок, только что прижатый ко рту, покрылся кровавыми пятнами. «Э-э-э, приятель, — подумал я, — плохи твои дела, Боже мой, как тебе худо!»

Я поставил сумку на столик возле дивана и взглянул больному в лицо. В тот же миг меня охватил озноб; сразу я почувствовал ужас, какого не испытывал с юных лет. Я УЗНАЛ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!

Больной был одноногим — вторая нога была ампутирована по самое бедро. Большое круглое лицо Долговязого Джона Сильвера обветрилось под тропическим солнцем, сморщилось от старости и одному Богу известно от каких переживаний, но это был именно он! Сильвер поседел,

волосы его изрядно поредели. Взглянув на меня, он понял, что я его узнал, и улыбнулся. Левую щеку его стягивал шрам от старой раны, но синие глаза блестели все так же властно и лукаво.

— Присядь, Джим, — промолвил он, махнув рукой в сторону стула. — Ох, прошу прощения, сэр, — продолжал он, лукаво улыбаясь, — вас ведь надо называть «доктор Хокинс». Ну, да ведь мы служили когда-то на одном судне, и ты, наверное, не будешь теперь глядеть свысока на старого Джона, не так ли?

Он подмигнул мне и закивал головой, но сразу же задохнулся от сильного приступа кашля. Оправившись от него и видя, что я не пришел в себя от изумления, заговорил снова:

— Вот такие дела, Джим. Пришвартовался я здесь восемь месяцев назад и с тех пор жду, когда придет мой час. Живу себе потихоньку, оглядываю горизонт и ни с кем не встречаюсь. Но вот беда, никак не избавлюсь от проклятых хрипов в груди, а этот кашель меня просто разрывает на части.

Прокашлявшись, он продолжал:

— Я, по правде сказать, только недавно услыхал, что мы с тобой бросили якоря почти борт о борт. Потому и позвал тебя в свою каюту, чтобы

показаться ученому костоправу и, может быть, поболтать ради старой дружбы.

Усилием воли овладев собой, я сказал:

— Я был уверен, что вы давно предстали перед божьим судом, не знал только, окончили вы свои дни на виселице или умерли от лихорадки в каком-нибудь болоте.

При этих моих словах Сильвер откинул назад голову и рассмеялся. Конечно, это был уже не памятный мне раскатистый хохот, а его жалкое подобие, но и эти звуки вернули меня на миг в аккуратный камбуз старой «Эспаньолы», мысленно я увидел синее небо и летучих рыб, даже услышал, как попугай капитана Флинта в своей клетке в углу сердито кричит: «Пиастры, пиастры!»

— Ну, ну, — сказал Сильвер, отсмеявшись, — неплохо сказано. Зло, мой мальчик, но неверно. Долговязый Джон слишком хитер, чтобы повиснуть на веревке, как туша в лавке мясника. Хотя и со мной это чуть не произошло, а видел я в своей жизни такое, что как вспомню об этом, страх разбирает. Видывал я, и не раз, как протягивают провинившихся моряков под килем, а когда поднимают на борт, то они умирают в страшных мучениях, потому что животы их рас-

пороты ракушками, приставшими к обшивке корабля. Глядел на то, как дикари Гвинейского берега рубят на куски маленьких девочек просто для удовольствия. Чума, кровавый бунт, человеческие жертвоприношения — чего только не пережил старый Джон, и вот все еще сидит он с тобой и рассказывает эти истории. А почему я жив? Потому что негодяй, говоришь ты. Но вот что я тебе скажу, я ведь всегда знал, когда нужно быть тихим да скромным, так и дожил до этих лет. Вот в чем мой секрет, Джим.

— Может быть и так, — отвечал я, — но что мне помешает обратиться к ближайшему судье, чтобы тот отправил тебя на виселицу? Немало людей погибло из-за тебя, Джон Сильвер! Ты убивал на моих глазах…

В тот же миг взгляд Сильвера забегал:

— Джим, ты ведь не тот человек, который стал бы преследовать старика-калеку, одной ногой стоящего в гробу, — сказал он. — Даже сквайр Трелони и капитан Смоллет не сделали бы этого. Они не пали бы так низко. — Он замолчал на миг. — Наверное, оба джентльмена живы и здоровы, Джим?

В нескольких словах я рассказал ему, что сквайр Трелони умер одиннадцать лет тому назад, что

незадолго до смерти он стал депутатом парламента по своему округу и все так же охотился на куропаток и стрелял их с присущей ему меткостью, пока последняя болезнь не уложила его на ложе скорби. Капитан Смоллет, вновь призванный войной на службу, участвовал в славной битве адмирала Роднея против французов при Сейнтсе в 1782 году. Французская эскадра потерпела поражение и Вест-Индия была спасена, но капитан Смоллет погиб — ядро попало ему прямо в грудь. Умер он так же, как и жил, — на службе своему королю, и лучшей эпитафии этому человеку не сумел бы придумать сам мистер Шекспир.

При этих моих словах Сильвер вздохнул и пробормотал что-то в том смысле, что в сущности они всегда были истинными англичанами; я почувствовал, однако, что новости, мною рассказанные, его до некоторой степени обрадовали. Сильвер бесконечно презирал легкомысленного и взбалмошного сквайра, а безукоризненная честность и мужество капитана Смоллета стали непреодолимой преградой его намерениям захватить сокровища Флинта на острове Кидда.

Помолчав немного, он спросил:

— А что стало с доктором Ливси? Это, я скажу, достойный человек. Неужели и он умер?

На сей раз у меня были добрые вести. Доктор Ливси здравствовал и процветал. Проживая с сестрой в Тонтене, он не прекращал врачебной практики и пользовался в Сомерсетшире большой известностью и почетом. Именно доктор Ливси выгодно поместил мою скромную долю сокровищ острова Кидда и убедил меня пойти по его стопам. В большой степени именно ему я обязан своим теперешним уверенным положением и благодарен не только за приличный достаток, но и за то, что он с поистине отеческой заботой помог мне завершить образование и устроить жизнь.

Разговор о докторе Ливси напомнил мне о моем долге. Теперь я глядел на мистера Джона Сильвера как лекарь на пациента. Тот приподнялся на диване и с моей помощью снял через голову рубаху. Вновь меня поразили широкие плечи Сильвера и два косых шрама через ребра. Я увидел татуировку: на одном плече изображены были пылающие сердца, переплетенные над именем «Аннет», на другом находилась лишь надпись «Смерть таможне!».

Но увидел я также, что огромная грудная клетка Сильвера стала впалой, а отвислая кожа побледнела и покрылась пятнами. Внимательно

ный осмотр подтвердил мой первоначальный диагноз.

— Что ж, Джон Сильвер, — сказал я ему, — вы, может быть, и спаслись от петли и желтой лихорадки, но сейчас у вас чахотка, и я боюсь, вы недолго протянете. — Я изрекал это, словно был архангелом Михаилом, но внезапно ощутил странный и неожиданный приступ угрызения совести и, желая смягчить произнесенный приговор, добавил: — И все же многие люди спаслись от чахотки, как только перестали пьянствовать и стали вести здоровый и разумный образ жизни. Если вы, Джон Сильвер, будете неукоснительно следовать моим указаниям, то проживете здесь в Глостершире до ста лет, если будет на то божье соизволение.

Сильвер взревел, как разъяренный медведь.

— Слушай, ты! — гаркнул он. — Я ведь уже в пути на тот свет, так что незачем плести мне эти побасенки. А смерти я не боюсь! Да, жил я опасной жизнью, уж ты то это знаешь. Но когда мог, жил кротко и разумно. Нет, я не пьяница! Вот Флинт, Билли Бонс, да и другие — те прожигали жизнь пусто и бездумно, а уж пили то… Я видывал беднягу Билли упившимся французским коньяком настолько, что ты и не поверишь, даже

если увидишь своими глазами. А Флинт подох от пьянства в Саванне еще в 1754 году. Ром свел его в могилу, хоть был он ненамного старше меня. У каждого своя судьба, Джим, так что пытаться обмануть смерть по советам врачей — все равно что плевать против ветра!

Ответ его меня успокоил, но не удивил. Я помнил, какой ум и самообладание проявил Сильвер на борту «Эспаньолы». И то, что после стольких неслыханных бед и опасностей они сохранились, было свидетельством здравого его рассудка, присутствия лукавства и храбрости, равно как и доказательством того, что в этом на первый взгляд немощном теле сохранились большие запасы жизненной силы.

И все же болезнь глубоко поразила его легкие. Когда я вновь увидел, как весь он содрогается от ужасного раздирающего кашля, во мне снова пробудилось сострадание. Да, не спорю, он был лжец, пират, убийца, изменник и вор, но даже в его преступлениях таилось что-то привлекательное. На фоне скучных добродетелей обывателей он выделялся своими кровавыми злодеяниями. «Это человек, с которым всегда надо считаться», — подумал я.

Сильвер прервал ход моих мыслей:

— Так что, Джим, — спросил он, — стало быть, протянет еще сколько-нибудь старый моряк, сражавшийся под флагом адмирала Хоука, не так ли?

— Ну-ка, — возмутился я, — давайте разберемся. Когда мы встретились впервые, вы были самым обыкновенным пиратом. Я вам не сквайр Трелони, и незачем мне рассказывать враки о том, как вы служили королю и Англии в войне с Францией и Испанией.

Эта вспышка доставила мне странное удовольствие, прозвучав эхом справедливых оценок капитана Смоллета и доктора Ливси. Но последнее слово осталось за Сильвером.

— Вижу, ты ни на фартинг мне не веришь, Джим, — печально сказал он, — и я сам в этом виноват. Как погляжу, другие уже порассказывали тебе всяких баек, так что придется старому Сильверу самому взяться за исправление судового журнала, как ты назвал свою книжку. Да-да, я ведь знаю, что ты описал наши приключения на острове Кидда и заработал неплохие деньги, правда, приврал в своем сочинении изрядно, ну да это не твоя вина. Бен Ганн, этот олух, тоже болтал что-то об этой истории, как мне рассказывали, но я не обращал на него внимания, пока мы

ходили вместе на старом «Морже», не собираюсь этого делать и сейчас. Да, что было, то было, но не зваться мне Долговязым Джоном Сильвером, если я протяну долго, а не хотелось бы уходить из жизни с клеймом отъявленного негодяя, каким ты меня расписал. Клянусь тебе, Джим, все, что я сейчас расскажу, будет чистой правдой, или тем, что мне с моей колокольни казалось правдой.

Я ведь и в самом деле плавал с Хоуком, сражался под британским флагом, обошел с королевским флотом все Карибское море в поисках французских и испанских судов. Клянусь тебе памятью своих детей — они умерли тридцать лет назад. У меня было два прекрасных сына, Джим, и до сих пор, как вспомню о них — сердце кровью обливается. Так вот, Джим, ты просто выслушай мою историю и не спеши судить меня, ругать, называть предателем, пока не поймешь, что и как было. Конечно, это долгая история, но я уже решился поведать тебе о своей молодости, о том, как мы зарыли сокровище на острове Кидда, как Билли Бонс сбежал от нас с картой Флинта, на которой было обозначено место, где зарыт клад. Когда-нибудь, как буду чувствовать себя получше, расскажу тебе о том, как снова пустился в плавание на остров и почему убежал с «Эспаньо-

лы» перед возвращением в Англию. Но хватит на сегодня.

Он замолчал, утомившись. А мне не оставалось ничего другого, как подчиниться его желанию. Так мы договорились, что я вернусь на следующий вечер, и тогда он начнет рассказ о своей жизни. Должен отметить, что в эту ночь спал я очень плохо — во сне меня мучили невообразимые кошмары, — но ужас, горечь и безысходность того, что мне пришлось услышать потом, превзошли все мои ожидания.

2. КОНТРАБАНДИСТ-ПОДМАСТЕРЬЕ

На следующий день я пришел к Сильверу в половине седьмого вечера и застал его в хорошем настроении. Хотя кашель все еще разрывал ему грудь, а дыхание порой было затрудненным, Сильвер выглядел более бодрым и энергичным, чем накануне.

К концу обеда и я пришел в отличное настроение, благо все блюда были прекрасно приготовлены и заметно, хоть и в меру, поперчены, как и положено в доме джентльмена, долго жившего в Вест-Индии.

Темнокожий слуга Сильвера прислуживал старательно и аккуратно, бесшумно и быстро передвигаясь по паркету. Прежде чем Сильвер начал рассказ, мы одолели полторы бутылки красного вина и отпили по доброму глотку восхитительного ароматного портвейна.

— Ну, Джим, за работу, — начал старый пират. — Думается мне, что ты был бы не прочь узнать немного побольше про Долговязого Джона, прежде чем вернуться к столу. — Он потянулся к трубке и табаку, но вдруг нахмурился и забарабанил большими сильными пальцами по

ручке кресла. — Начнем с Бристоля, — промолвил он, сосредоточившись. — Бристоль — мой родной город, Джим, даже более чем родной — там родились и прожили всю жизнь мои отец и дед. Прекрасный город, великолепный, да ты и сам знаешь, хотя наверняка часто слышал, что эти чудесные богатые дома и высокие конторы судовых агентов построены на крови и костях черных рабов… Потому что, — продолжил он, — в Бристоле ведь не только прекрасные дворцы, но и жестокие сердца. Видывал я, как вдовы рыдают и клянут все на свете, узнав, что их мужья сгнили под африканским солнцем или сгинули в морской пучине во время шторма в Карибском море. Многие здесь сходят на берег с сотней гиней в карманах, но чаще ты встретишь таких, кто воссылает хвалу Господу за то, что он в милости своей позволил им вернуться домой живыми после кораблекрушения, бунта или желтой лихорадки, как это бывало и со мной.

При этих словах он возбудился и живо напомнил мне прежнего Джона Сильвера, которого я впервые увидел в гостинице «Подзорная труба», — одинокого жизнерадостного трактирщика, быстро скакавшего от столика к столику, стучавшего кулаком по столу и ругательски ругавшего

Тома Моргана за его разговоры с Черным Псом.

Воспоминания так разволновали Сильвера, что мне не оставалось ничего другого, как слушать поток слов, обильно сопровождаемых изощренными ругательствами и богохульствами. Я хорошо запомнил этот рассказ и, по возможности убрав из него брань, божбу и некоторые детали, способные оскорбить слух читателя, в меру своих скромных сил и способностей предлагаю исчерпывающее и благопристойное жизнеописание Джона Сильвера.

Родился он в Бристоле, в лето от рождества Господня 1716-е, ровно через шесть месяцев после подавления бунта якобитов против Ганноверской династии, когда претендент на престол после краткого и бесславного «царствования» под именем Иакова III английского и Иакова VIII шотландского спешно сбежал во Францию.

В доме Сильверов не нашлось ни единого приверженца, живущего во Франции католического претендента на престол. Глава семьи, Майкл Джозеф Сильвер, сапожник по профессии, был убежденным конгрегационалистом и страстно ненавидел французов, аристократов и попов, причем ненависть его проявлялась в строго определенном порядке. Долговязый Джон с усмешкой

вспоминал, как его отец бормотал и ругался за работой, склонясь над верстаком и сопровождая каждый удар молотка революционным лозунгом.

— На! — и бил сапожным молотком. — Бей! Так им, французишкам! Нна! — еще удар молотком. — Разнесем палату лордов. Нна! — еще удар. — Добрый удар в задницу папистам! — удар! — А это всем епископам, чтоб им лопнуть, как во времена Кромвеля!

Как ни странно, Майкл Сильвер, вздыхавший по славным временам пуританской революции и усердно, хотя и с трудом, читавший стихи Мильтона и прозу Беньяна при тусклом свете огарка, был женат на девушке из англиканского семейства. Надо сказать, что до некоторой степени это был брак по расчету. Дела связали Майкла с Генри Бродрибом из Бата, владельцем обувного магазина, прожорливым гигантом, не особенно ревностно придерживавшимся догм англиканской церкви. Когда старый Бродриб овдовел, на шее его повисла забота о будущем двух дочерей и, увидя выгоду для своего дела в родстве с умелым сапожником, он сумел уверить Майкла Сильвера, что счастье тот обретет лишь в семейной жизни со старшей из сестер, Мери Энн.

Мери Бродриб, молодая и энергичная высокая девушка с пышной копной белокурых волос, приглянулась невзрачному Майклу Сильверу, бледному и сутулому, как большинство людей его профессии. Сапожник решил, что нашел свою судьбу, и женился на ней. Молодожены превратили флигель за сапожной мастерской, расположенной на Корабельной улице, в достаточно удобный дом. Шли годы, и в семействе появилось трое детей: Джон и две его сестры.

Итак, Джон Сильвер рос в доме, где жили исключительно достойные и порядочные люди, увы, так и не сумевшие понять взгляды друг друга. Взгляды Майкла и Мери были настолько различными, что, казалось, даже стены сотрясались, когда супруги, сидя по вечерам на кухне перед пылающим камином, заводили свои бесконечные споры. Джон вспомнил один такой спор, запечатлевшийся в его памяти с десятилетнего возраста.

— Слушай, жена, — заявил внезапно Майкл, — что это за папистские глупости вбивала ты сегодня в голову молодого Джона? Небось несла всякую чушь про мученика-короля?

— Тссс, Майкл, — отвечала Мери, качая на коленях маленькую дочку, — я не поклонница

папистов, но считаю, что негоже было обезглавливать Карла I, как бы он там ни правил.

— Негоже! — рявкнул Майкл Сильвер. — Жаль, что не изловили все Стюартово отродье и не передавили их, как крыс!

Он обернулся к сыну, слушавшему спор с открытым ртом:

— Вот так-то, Джон, мальчик мой. Никакие там святые, иконы, статуи, мощи и прочие языческие штучки не помогут тебе в трудную минуту, если против тебя сам Господь. Вот народ — он все может сделать. Может улучшить жизнь пером и мечом, потому что за ним незримо стоит Бог. Конница Кромвеля сразила кичливых аристократишек «божьего помазанника» Карла при Нейсби, а незадолго до твоего, Джон, рождения, мы прогнали Джеймса Стюарта, офранцузившегося претендента на королевский престол.

— Может быть, ты и прав, — быстро возразила Мери Сильвер, — но для людей порядок и традиции поважнее зависти и бунтов. Ведь надо всем сердцем ощущать связь со стариной, с добрыми нашими традициями, со святой церковью, основанной апостолом Петром, с моей церковью, Майкл, не с твоей.

— И с чем еще, скажи, будь любезна? — издева-

тельски спросил Майкл. — С палатой лордов, этих чванливых олухов? С этими жирными, тупыми аристократами? С бездельниками епископами? С вечно пьяными взяточниками — мировыми судьями? Да провались они все к дьяволу, вот что я тебе скажу!

— Понимаю и разделяю твой гнев, Майкл, — мягко ответила Мери. — Но подумай о доме, о чувстве долга, придающем смысл всей нашей жизни. Вот, главное: чувство долга и порядка! Если мы его потеряем, а ведь мы, Майкл, плоть от плоти этой страны, в Англии не останется ничего, кроме мерзости и запустения.

— Чувство долга! — усмехнулся Майкл. — Не говоря о цепях и оковах. А ну-ка посмотрим, как у тебя обстоит с чувством долга! Почему ты не можешь заняться собственным сыном, который сидит перед нами и смотрит тут круглыми глазами. Ну конечно, ты скажешь, что он умен и, благодаря тебе, умеет читать быстро, как заправский стряпчий. Хорошо! Но по моему разумению, неплохо бы ему выучиться долгу хотя бы в сапожной мастерской. Парень, ты еще учишься, так изучи благородное сапожное ремесло — так ты выполнишь свой долг перед Богом, королем и Англией. Начнем пораньше, ровно в шесть утра,

так что марш в постель, да и вы тоже, быстро!

Вот так Долговязый Джон стал обучаться ремеслу своего отца. Не больно-то нравилось ему сапожное дело, и, случалось, часами он, стиснув зубы, молча проклинал унылую рутину, надоедливую точность, с которой надо резать, кроить, шить и прибивать. Отец его, молчаливый и замкнутый, как устрица в своей скорлупке, лишь изредка взрывался и ругал сына, что не помогало мальчику примириться с работой. Джон видел, какое мрачное будущее его ожидает: всю жизнь провести среди вони кож, постоянно подвергаясь оскорблениям и попрекам неблагодарных клиентов.

Однажды, работая вдвоем с отцом, мальчик решил поговорить с ним всерьез:

— Батюшка, — спросил он, — наверное, есть и другие занятия, так же уважаемые, как наше?

— Да, мальчик мой, но редкая работа может так приучить глаз и руку к точности. Сапожное мастерство развивает ум, приводит в порядок мысли, приучает к пунктуальности.

— Но на этой работе, батюшка, мы заперты в мастерской. Наша жизнь совсем не то, что жизнь моряков. Все время без солнца, сидим в темноте, как мыши в норах. Разве это жизнь?

— Зато наше ремесло дает нам средства к существованию. Верно, не так уж и много, но вполне достаточно, чтобы не зависеть от всяких сквайров и прочих аристократишек, ходить по улицам, никому подобострастно не кланяясь, достойно занимать свое место в церкви. Ты свободный человек, по вечерам можешь читать, разговаривать, думать, своим умом познавать Господа и жить так, как хочешь, по совести.

Джону нечего было ответить на эти слова. Он сознавал разумность речей отца, но сердцем не мог принять их.

И ничего удивительного, что на тринадцатом году жизни Джон Сильвер готов был послать к черту скуку добропорядочной жизни. Вскоре представился и подходящий случай. Как часто это бывает, случай принял человеческий облик, и звали его Питером Дуганом, постоянным клиентом Майкла Сильвера. Это был человек еще не пожилой, но, как говорится, в летах, хилого телосложения, тощий как скелет, и благоухание бренди распространялось от него чаще, чем это подобает добропорядочному горожанину. Иногда он требовал пару хороших морских сапог, порой уносил из мастерской элегантные дамские туфли для какой-то своей приятельницы. Держался

он самоуверенно, но сдержанно, как будто был посвящен в важные тайны и сознание этого наполняло его внутренним удовлетворением и, надо добавить, самодовольством. Платил Дуган всегда наличными, и платил хорошо.

Молодого Сильвера крайне интересовал этот таинственный и элегантно одетый скелетоподобный джентльмен. Тот любил шутить с Джоном, однако в один прекрасный день его колкости стали острее, чем обычно. Дуган с нескрываемым ехидством сожалел о тяжелой судьбе бедолаг, прикованных с утра до ночи к сапожному верстаку, которым так никогда и не суждено познать жизнь. Обиженный Сильвер сердито заметил в ответ, что занятие это во всяком случае почтенное и уважаемое, а вот интересно, как высокочтимый мистер Дуган добывает средства на жизнь? Не иначе, режет глотки прохожим на большой дороге и обирает еще теплые трупы. Услышав столь дерзкие слова, Дуган протянул костлявую руку через верстак и схватил Джона за воротник.

— Ах ты, драная стелька! — заорал он. — Да будь у тебя хотя бы половина моего ума, ты бы плавал в деньгах и не расстилался бы перед жирными женами торгашей, чтобы соблаговолили купить драгоценные твои обувки. Да ведь ты весь в от-

ца — языком трепать умеешь, а дойдет до дела — слабоват в поджилках.

Для своих тринадцати лет Джон Сильвер был рослым и сильным малым. Вмиг он перехватил тонкую руку Питера Дугана и стиснул ее так, что тот скорчился от боли. Они отпустили друг друга.

Когда Дуган отер пот с лошадиной физиономии, Сильвер задиристо спросил его:

— Ну-ка, говори, откуда добываешь монету?

— А почем мне знать, парень, можно ли тебе доверять?

— А потому что я мужчина не меньше, чем ты!

«Господи боже мой, что я несу! — подумал Джон. — Вот сейчас он выхватит нож и прирежет меня, как поросенка». Но к собственному удивлению, ему удалось сохранить внешнее спокойствие.

Дуган оценивающе глядел на Джона, молчал, и это молчание тянулось для юноши целую вечность. Наконец Питер рассмеялся надтреснутым тенорком и, обняв Сильвера за плечи, вывел его из мастерской.

Они зашли в припортовый трактир, и здесь, среди ароматов табака, пива и рома Дуган раскрыл молодому Джону свои тайны. Оказывается,

он был главарем шайки контрабандистов, промышлявших вначале в Бристольском заливе, но постепенно развернувших свою доходную, хотя и предосудительную деятельность в Корнуэльсе и на берегах Глостершира. Предметами беспошлинного ввоза были чай, французский коньяк, джин и дорогие шелковые ткани.

Доходы, рассказывал Дуган, превосходили всяческое воображение. Хотя спиртное разбавлялось наполовину и больше, покупатели все равно отрывали его с руками. Таможенная охрана не представляла серьезной опасности, и если ее чиновникам удавалось случайно застать контрабандистов на месте преступления, туго набитый кошелек прекрасно разрешал все недоразумения и безотказно вызывал приступ временной слепоты у служителей закона Его Величества.

— Ну как, Джонни, дружок, — спросил вдруг Дуган, — охота тебе войти к нам в долю? Для мальца с благообразной внешностью у нас всегда найдется подходящая работа. А ты, должен сказать, здорово смахиваешь на юного попика из тех, что метят в святые.

Сильвер колебался: все услышанное здесь одновременно привлекало и отталкивало его. Наконец он смущенно промолвил:

— Наверное, все-таки опасная это работа, да и связана с контрабандой и прочими штуками. Еще заловят, не дай бог. А матушка этого не переживет.

— И замолчал, чувствуя, что говорит глупости. Дуган захихикал:

— Да ты, я погляжу, вовсе маменькин сынок. Ладно, больше нам толковать не о чем. Вали домой, под мамину юбку, сопляк!

— Нет, — сказал Джон, — не для меня это дело. И вообще, красть грешно! — Сказав это, он понял, что опять сморозил глупость.

— Грешно! — расхохотался Дуган. — Грешно отбирать самую малость у тех, кто и без того имеет больше, чем нужно? Грешно отсыпать малость разносолов и отлить чуть-чуть напитков у этих важных дам и господ? Слушай, парень, твой отец не больно-то жалует всех этих богатеев и аристократов. Представь себе, он узнает, что по твоей милости какое-нибудь чванливое сиятельство лишится двух-трех бутылок коньяка, а у какой-либо сановной вертихвостки в закромах будет на штуку шелка меньше. Да ведь твой отец гордиться будет, что породил на свет лихого молодца и пожелает тебе успехов и дальше. — А все-же, — заключил он, — обманулся я в тебе. Если у такого

парня поджилки трясутся при одной мысли о славных приключениях, умолять тебя никто не станет. Я думал, ты хитрый малый, но вижу, что ты дурак дураком. — Он замолчал. — Ну ладно, если все-таки надумаешь, сам знаешь, где меня искать. Вдруг и вправду ты не такой уж слюнтяй. — И тоненько рассмеявшись, он покинул Сильвера и затерялся в уличной толпе.

Юный Джон вышел из трактира. Моросил дождик, но улица была полна народу. Мимо со скрипом прокатила тележка старьевщика, до отказа забитая старым хламом; возчик поминутно озирался и то и дело бренчал медным колокольчиком. Из-под круга черноволосого точильщика летели искры; работа не мешала ему сладко улыбаться стоящей рядом служанке, держащей в руке несколько хозяйских ножей. Пошатываясь от тяжести, прошел продавец коврижек. Придерживая лоток на животе, он прокладывал себе путь через толпу, как корабль, нагруженный по ватерлинию товарами из Индии.

Сильвер осторожно перешагнул водосточную канаву посреди мощеной улицы; грязная вода лениво текла среди мусора. На пороге галантерейной лавки, согнувшись в три погибели, сидела старуха с остановившимся бессмыслен-

ным взглядом, а над ее головой, как топор в руках неумелого палача, раскачивалась окованная железом вывеска галантерейщика.

Переходя с бега на шаг, Джон через несколько минут оказался на Корабельной улице. Дождь перешел в ливень, и потоки воды извергались из желоба, являвшего собой отверстую зубастую пасть дракона, венчавшего крышу отцовского дама.

Джон миновал ворота и, крадучись, вошел в мастерскую. Внутри ее было темно из-за ненастья, а почерневшие балки, которые держали стены и потолки еще со времен войны Алой и Белой Роз, угрожающе нависли над головой.

Отец, согнувшись перед верстаком, внимательно изучал подметку большого черного сапога, «Слишком скуп, чтобы зажечь свечу», — подумал Джон, шмыгнув на место.

Неожиданный голос отца прозвучал во мраке резко и саркастично:

— Ну, что расскажешь о своих похождениях? Небось шлялся к каким-нибудь святым своей мамаши? Таскается, как нищий. Да еще среди бела дня.

Джим молчал. Дождь что было силы барабанил в оловянные оконные рамы.

— Хоть ты мне и сын, но ты еще ученик. Где в твоем ученическом договоре сказано, что можешь убегать, когда захочешь? Ну-ка, парень, отвечай!

Джон неохотно отозвался:

— Нигде, батюшка.

— «Нигде, батюшка», — передразнил его Майкл Сильвер. — То, что ты еще молод — это не оправдание, ясно? Помнится мне, в парламенте еще не проходил закон о равенстве прав подмастерьев и членов палаты лордов.

— Нет, батюшка.

— Так вот, парень, объявляю новый закон специально для тебя. Войдет он в силу сразу же, как я ударю молотком. Я, Майкл Сильвер, запрещаю своему ученику Джону Сильверу покидать рабочее место без моего на то разрешения. Кроме того, объявляю, что он за самовольную отлучку лишается недельного жалованья, которое составляет полтора шиллинга. Аминь! А теперь за работу, живо!

Джон, стиснув зубы, погасил в себе приступ бешенства и взглянул на поределую косицу на затылке отца, снова склонившегося над черным сапогом. Так бы и хватил по башке тяжелой сапожной колодкой. Хрустнула бы, как орех!

Шло время. Никто не проронил ни слова. Гнев Джона постепенно проходил, вместо него появились чувства решимости и скрытого торжества. Дождаться бы конца работы! После семи он свободен и пойдет искать Дугана. Времени хватит, возможно, он даже успеет вернуться в постель прежде, чем дом запрут на ночь. А если и нет, не велика беда, контрабандисту темнота не страшна. Да и Дуган обещал платить, и уж конечно, не жалких полтора шиллинга в неделю. Джон окончательно решился.

Неделю спустя Джон Сильвер произнес бессвязную и богохульную клятву, в которой обещал хранить тайну и слушать указания атамана. Так он стал членом шайки Дугана, и началась его двойная жизнь. Днем он шил обувь и стучал молотком, слушал, как отец ругает якобистов и аристократов, но только начинало темнеть, Джон, наскоро проглотив поданный матерью ужин, оставлял сестер сплетничать и ссориться и удирал из дома к своим новым приятелям.

Для выполнения своих планов Дуган сумел подобрать неплохую шайку из бывших арестантов, пропойц — матросов и неотесанных батраков. Повиновения этого сброда он добился при помощи кулака и пистолета, а преданность приобрел

щедростью при дележе добычи.

Сумев таким образом обуздать шайку, Дуган ловко и умело проворачивал дела. Вскоре о его хитрости стали ходить легенды по всем берегам Западной Англии. Вот одна из них.

Однажды трое контрабандистов переоделись пастухами. Как было задумано, они отправились к уступу обрывистых прибрежных известняков и стали в опасной близости от края скалы собирать яйца морских птиц. Два таможенника, проезжая мимо с дозором, дружески приветствовали их, улыбаясь и добродушно подшучивая, поскольку пастухи, бросившие стада на пастбище и собиравшие яйца на скалах, — картина в тех краях самая обычная.

Три контрабандиста спокойно среди бела дня спустились по скалам вниз. Добравшись до полосы прибоя, они достали из-под одежд инструменты и высекли в известняке площадку длиной в восемь и шириной в четыре фута. За ночь лодка выгрузила туда шестьдесят два бочонка отличного французского коньяка. Люди Дугана часто разражались ехидным хохотом, поминая эту удачу.

В другой раз бандиты поймали одного особенно ретивого таможенника по прозвищу Ястребиный

Глаз. Желая отомстить за то, что он совал всюду свой нос, подстерегал и вынюхивал, завязали ему глаза, связали ноги и закричали: «Сбросим его со скалы, ребята! Смерть ему!» Несчастный молил о пощаде, но мучители с грубым хохотом и проклятиями толкали его к уступу, пока он отчаянным усилием, уже падая, не извернулся и не вцепился что было сил в узкую трещину в скале.

Пятнадцать минут Ястребиный Глаз висел на руках и звал на помощь. Потом пальцы его разжались, и с нечеловеческим воплем он рухнул вниз. Шутка заключалась в том, что, пролетев едва три фута, он попал в кучу морского песка, куда чья-то старательная рука накидала щедро, от души конского навоза. Разбойники сбросили его с низкого уступа на берегу моря.

3. ПОБЕГ

Через десять месяцев после этого Сильвер распрощался с карьерой контрабандиста, чудом сохранив при этом жизнь.

Все изменилось благодаря стечению двух обстоятельств. Во-первых, Питер Дуган переломал себе ноги, поскользнувшись и упав со скалы с высоты двадцати футов. Так бандиты лишились своего хитрого и предусмотрительного главаря. Во-вторых, на одном участке берега, где контрабандисты действовали до того времени безнаказанно, появились два особо деятельных и смелых таможенника.

А произошло вот что: оставшись без главаря, бандиты задумали захватить одну таможню. Должен вам сказать, разбойные нападения на таможню в Англии — верный путь на каторгу или в укромное убежище, из которого не выбраться до седых волос. Совсем другое дело доставить себе это удовольствие на каком-либо островке, продуваемом всеми ветрами Карибского моря, или в безлюдной местности Пенсильвании или Нью-Йорка.

Вначале все было хорошо. Дерзкие глупцы

проникли в таможню, легко обманув сонных и полупьяных служителей. Бандиты захватили чай стоимостью в две тысячи фунтов и некоторую толику денег. Когда же они стали уходить, нагруженные добычей, появились Джекси и Пейн, новые таможенники. Они успели схватить Саймона Куртиса, медлительного и неуклюжего толстяка, и отвели его к местному мировому судье майору Ротсею.

Остальные бандиты успели уйти безнаказанно. Но надолго ли? И как быть?

— Притихнем, — слышался голос Сильвера среди споров, — и распустим шайку. Для начала на пару месяцев, а может, и навсегда.

Но на слова молодого Сильвера этой ночью никто не обратил внимания. Победило безрассудное мнение, поддержанное плосколицым головорезом Джонатаном Тернером.

— Парни, — заявил Тернер, — сейчас вопрос в том, кто кого, пари держу, что так, а не иначе. Если будем чесаться да потягиваться, эти ублюдки Джексон и Пейн наденут на нас кандалы еще до конца недели. Око за око — так я думаю. Задать им такой урок, чтобы никому не пришло в голову связываться с нами.

Предложение Тернера было поддержано боль-

шинством членов банды, панически боявшихся ареста и суда. В сущности, к этому времени вся эта жестокая и тупая шайка была уже обречена.

На следующую ночь Тернер повел банду на квартиру к таможенникам. Напуганный и захмелевший Джон последовал с ними. Заспанных Джексона и Пейна вытащили из постелей.

Пленников привязали к одному коню — Джексона взгромоздили на спину, а Пейна подвесили под брюхом.

— Бейте их кнутом! Режьте на куски! Выкалывайте глаза! — пронзительно орал Тернер. Бандиты окружили коня и принялись нещадно избивать и терзать несчастных.

Больше мили кровавое это шествие следовало через заросли терновника и папоротника-орляна по скалам. Когда они добрались до постоялого двора «Дельфин», принадлежавшего одному из бандитов, оба таможенника истекали кровью и с трудом ворочали языками в тщетных мольбах о пощаде. Во дворе их отвязали от коня, но Джексон рухнул вниз головой на камни и остался недвижим, как мертвый. Четырнадцатилетнего Сильвера колотило крупной дрожью от этих жестокостей, но он понимал, что малейший протест может навлечь на него ту же судьбу. Бандиты то

и дело прикладывались к флягам рома и джина, что усиливало их остервенение и злобу.

Вскоре обоих таможенников поволокли к ближайшему полю. Там выкопали глубокую яму для Джексона, сбросив его вниз с отвратительной руганью и богохульствами. Сильвер был уверен, что таможенник еще дышал, когда комья земли стали сыпаться на его окровавленную голову. Так или иначе, несчастный нашел там последнее пристанище.

Еще более ужасная судьба ожидала Пейна. Опьяненный ромом и пролитой кровью, Тернер произнес смертный приговор. Поставив затем таможенника на траву на колени, он открыл складной нож и заорал:

— Читай молитву, сопливый пес, пока я тебя не зарезал!

Несчастный Пейн стал возносить к небу молитву, насколько позволяли ему пересохшее горло и израненный рот. Еще не завершил он горячего обращения к Спасителю, как Тернер схватил его за косицу и принялся наносить удары ножом по лбу, глазам и носу. В это время остальные, столпившись вокруг, били свою жертву ногами по спине. Утомившись развлечением, контрабандисты снова кинули на коня измученного беднягу и

повезли его к ближайшему колодцу.

Добравшись туда, мучители заставили Пейна проползти под оградой к краю и с радостным галдежом и бессмысленными воплями сбросили его в колодец на глубину тридцати футов. Услышав на дне стоны несчастного, контрабандисты стали забрасывать его камнями. Наконец голос его умолк.

— Сделано, ребята! — торжествующе заорал Тернер.

Обливаясь потом, дрожа от страха, замученный угрызениями совести, Сильвер сбежал еще до того, как свершились эти ужасы.

Спустя несколько дней он встретился с Джошуа Тейлором, тоже членом банды, семнадцатилетним парнем с грубым лицом, жившим через несколько улиц от него.

— Джош, — сказал ему Сильвер, — я заболел от страха, честное слово, заболел. В жизни своей не думал оказаться замешанным в убийстве или ином подобном деле. Я не такой уж негодяй, как ты, наверное, думаешь.

Тейлор задумчиво сосал свою глиняную трубку.

— Это как посмотреть, Джон, — сказал он неторопливо. — Наш друг Тернер просто избавился

от всех свидетелей. И не зваться мне Джошуа Тейлором, если я не приложил к этому руку. Ведь это я оседлал старую клячу, на которой везли Пейна, я вырезал ему ремни из кожи и я помогал ему отправиться на дно колодца. А больше на нас доказать некому.

— Уж больно ты самоуверен, Джош, — нервно возразил Сильвер. — Кто-нибудь из наших проболтается, и тогда все пропало. Честно скажу тебе, я просто подыхаю от страха. Да это убьет мою матушку, ей-богу!

— Ах вот оно что! — издевательски протянул Тейлор. — Побежал к маменьке под юбку. А я и забыл, что ты еще сопляк, хотя и вымахал, как колокольня. Ладно уж, не распускай нюни, до завтра Бристоль ничего интересного не узнает.

— Нет, нет, — в отчаянье выкрикнул молодой Сильвер. — Я вовсе не то имел в виду. Просто мне хочется, чтобы все это каким-нибудь колдовством стерлось, пропало, чтобы можно было начать жизнь сначала. Эх, если бы я слушал, чему отец меня учил!

— Эх, Джон, никакое колдовство тут не поможет, — невозмутимо отвечал Тейлор. — Что сделано, то сделано. Так вот, держи лучше язык за зубами, или однажды взбесишь нашего приятеля

Тернера. Будь уверен, еще несколько пинт крови его не смутят.

Тайком Сильвер вернулся домой, перепуганный и исполненный раскаянья. Каждый вечер с усердием, радовавшим его мать и забавлявшим отца, он молил Господа о прощении грехов и спасении от справедливого возмездия.

Следующий месяц изменил все. Один из контрабандистов, уверенный, что следствие рано или поздно до него доберется, сдался властям и в обмен на обещание помилования согласился стать свидетелем обвинения и дал полные показания. В несколько недель Тернер и главные его помощники попали за решетку. Начали вылавливать соучастников. Среди прочих был арестован и Сильвер и, к ужасу всего семейства, препровожден в тюрьму.

Процессу по совету из Лондона придали широкую огласку, дабы вселить в сердца нарушителей закона спасительный ужас в назидание тем, кто еще только помышляет вступить на скользкую дорожку. Создан был специальный трибунал из трех судей, которые в воскресенье перед началом процесса вместе с мэром и городскими советниками явились на обедню в Бристольский собор. Сам епископ, преисполненный праведного негодо-

вания, в своей блестящей проповеди заклеймил преступников и воззвал силы небесные и власти земные к скорому и суровому возмездию.

Процесс был кратким и проходил без лишних церемоний. После того, как трое из шайки стали свидетелями обвинения, Тернеру и его товарищам стало ясно, что их песенка спета. Главарь держался, однако, с безрассудной дерзостью. Однажды в ходе процесса он громогласно заявил с наглой усмешкой, что не даст и шестипенсовика за головы тех, кто приложит руки к его повешению и что их ожидает та же участь.

Сильвера судили вместе с другими, однако обвинение в соучастии в убийстве было отведено благодаря свидетельству некоторых подсудимых, которым повезло гораздо меньше. Приговор огласили на третий день процесса. Тернера и семерых его товарищей ожидало повешение. Пятеро, включая Сильвера, получили различные сроки тюремного заключения. Публичная казнь Тернера собрала множество народу, и продавцы сластей и напитков неплохо заработали в тот день. Особым постановлением суда тела казненных, закованные в цепи, было воспрещено погребать. Их выставили на всеобщее обозрение на виселицах, специально установленных возле

их прежних жилищ. Услышав об этом посмертном наказании, Тернер рассмеялся в лицо судье, зачитывавшему приговор:

— Боже мой, значит буду еще на свежем воздухе, когда вы все станете гнить в земле.

И он действительно долго качался на ветру, пока воронье клевало ему глаза, а черви ползали по разлагающемуся телу.

Сильверу, можно сказать, повезло — его-то не повесили, но грязь и вонь тюремной камеры и отчаяние при мысли о потерянной свободе постоянно сводили его с ума.

Вскоре после вынесения приговора родители пришли к нему в тюрьму.

— Сынок, — сказала Мери Сильвер в конце свидания, — я уверена, что из-за дурных людей и их злокозненных советов попал ты сюда; из-за людей, вполне заслуживших эту ужасную кару. Но закон есть закон, и раз уж ты его нарушил, надо смиренно нести наказание. Я буду ежечасно молить за тебя Господа и надеюсь, что все это послужит тебе хорошим уроком. Дополнительным наказанием тебе послужит то, что твой отец запретил мне навещать тебя в этом убежище позора.

И она ушла, а за ней потащился отец, все время

свидания стоявший в стороне и уныло молчавший. В немом отчаянии Сильвер опустил голову. Он понял, что многолетнее тюремное заключение предстоит пережить безо всякой поддержки семьи. Что и говорить, наказание он заслужил вполне, и матушка правильно об этом сказала. Джон решил стать примерным арестантом, надеясь найти в этом утешение и, может быть, добиться досрочного освобождения.

Мне думается, он оставался бы в тюрьме до седых волос, когда бы не счастливая случайность и не исключительная его смелость.

Удача улыбнулась Джону два года спустя, когда его однажды переводили с десятком других узников из одного корпуса тюрьмы в другой. Конвоиры тщательно запирали двери за собой, прежде чем отворить следующие. Так Сильвер очутился посреди запертого коридора. С высоты своего роста он с изумлением увидел открытое по чьей-то небрежности окно, путь к которому преграждали всего два-три заключенных. Несмотря на рост и недюжинную силу, несколько шагов, отделявших его от свободы, показались Джону вечностью. Наконец-то окно! Сильвер подпрыгнул к подоконнику, ухватился за него, подтянулся на руках и перевалился наружу.

Не обращая внимания на поднявшуюся за спиной панику, он увидел, что от мостовой его отделяло едва десять футов. Прыжок!

Как он сам мне говорил, это был самый счастливый прыжок в его молодости.

— Не так уж высоко, Джим, как можно представить. Все равно что спрыгнуть с дерева или невысокого уступа, там-то прыгать даже труднее. Но с этого прыжка, именно с этого прыжка, говорю тебе, для меня снова началась жизнь человека, преследуемого законом. Прыжок к свету, но и прыжок в могилу, ко всем чертям!

Он спрыгнул на землю среди изумленных прохожих, улыбаясь до ушей от радости. Один из стражников, взобравшись на окно, прицелился в него, но промедлил с выстрелом, опасаясь попасть в случайного прохожего. Ему пришлось спрыгнуть на улицу вслед за Сильвером, а за это время юноша отбежал уже далеко.

Он прекрасно знал бристольские улицы, закоулки и проходные дворы с сараями и складами. Долго петлял, возвращался, однажды пробежал под самой стеной тюрьмы, как раз под тем окном, благодаря которому оказался на свободе. Когда стемнело, Джон спрятался среди плит песчаника, сложенных в порту, решив при первом удобном

случае покинуть Бристоль и Англию и предаться волю Господа и своей судьбе.

4. НА БЕРЕГАХ ГВИНЕИ

Наутро после побега, еще до рассвета, Сильвер нашел себе место на судне, занимавшемся работорговлей и уже готовом к отплытию в Гвинею. Над «Ястребом» развевался британский флаг, и капитаном на нем был Десмонд Фини, высокий словоохотливый ирландец. Молодой Сильвер без запинки ответил на все вопросы капитана.

— Сколько тебе лет, парень? — спроси его Фини.

— Семнадцать, сэр! — ответил Джон, вытянувшись в струнку.

— Хм, — сказал капитан, — а с чего это тебе, сопляк, дома не сидится?

— Сильвер забормотал было, что сбежал от жестокого отчима, но, к счастью, Фини прервал его новым вопросом:

— Ну, а что ты смыслишь в морском деле, салага? — зачастил он, выстреливая слова одно за другим. — Можешь убавить топселей при встречном ветре? Можешь ли бросать лот и замерять глубины перед мелью?

— Проверьте в деле, сэр, — ответил молодой Джон. — Я плавал с хорошими моряками, честное

слово, сэр. Знаю почти все о бригантинах, шхунах, бригах и…

— Цыц! — гаркнул Фини, скептично пронзая его острым взглядом своих умных серых глаз. — Вижу, вижу, смыслишь кое в чем. Только понимаешь ли, сынок, торговля «черным деревом» — грязная работа. На берегах Западной Африки то и дело лихорадки, коварные нападения черномазых, а на переходе через Атлантику сплошные нечистоты, вонь и рвота. Сразу учуешь, что море — не место для детишек со слабыми нервами.

— Я не боюсь грязи и лихорадки, сэр! — отчеканил Джон.

— Ну, хорошо, — молвил Фини, — но вот, представь себе, хм, ну, скажем, что рабы взбунтовались и свора дикарей ревет и изнывает от желания распороть тебе брюхо живьем, а?

При одной мысли об этаком волосы у Сильвера встали дыбом, но преодолев страх, он выпалил, сжав кулаки:

— А чего тут думать: разбить им головы и выкинуть за борт, сэр!

— Ха, — ответил Фини, — не тебе бы доверил я эту работу. Но все же я тебя возьму. Как раз сейчас мне не хватает людей: моряку, видите ли, не по сердцу торговля живым товаром. Хоть и денеж-

ное это дело, но многие пугаются крови и желтой лихорадки. Валяй в кубрик, парень. Одно из двух — или ты у меня быстро станешь заправским моряком, или пойдешь на корм акулам.

Итак, «Ястреб» отплыл в дальний путь с Джоном Сильвером на борту. Раньше Джону приходилось кататься на лодках в Бристольском заливе, но впервые он вышел в открытое море, и это путешествие, по его словам, научило его большему, чем все книги, которые он прочел вместе с матерью. Первым делом он преодолел морскую болезнь, хотя в Бискайском заливе было так худо, что горло бы себе перерезал, если бы смог удержать в руках нож.

Сильвер довольно скоро выучил основные правила морской службы, в чем ему немало помог линек, которым бдительный боцман пользовался умело и кстати. Страх перед лазаньем по снастям во время качки постепенно исчез. Первые дни на судне он ощущал, как проницательные серые глаза Фини отмечали его неуклюжесть и ошибки и со всем уязвленным самолюбием юности представлял себе насмешки, с которыми говорил о нем капитан, но довольно скоро уверенность в своих силах возобладала и он перестал обращать внимание на насмешки, аккуратно подмечая при

том редкую, но всегда заслуженную похвалу.

Фини хорошо смыслил в навигации, но не умел поддерживать дисциплину на борту. Днем он то и дело прикладывался к бутылке, так что к ночи еле держался на ногах и тогда судно оставалось на попечении старшего помощника Грирсона. Этот неразговорчивый йоркширец, ранее служивший в королевском флоте, требовал соблюдения дисциплины, был верен долгу и набожен. Товарищи Сильвера плевали ему вслед, страшно ругали его в кубрике, но спокойствие и самообладание, никогда не изменявшие Грирсону, заслужили уважение Джона.

В общем, у Сильвера не сложилось высокого мнения о своих собратьях-моряках. Они отнюдь не стремились выложиться при выполнении работы; главными их развлечениями были игра в кости, склоки да ссоры, и Джону до смерти надоела изощренная ругань при выдаче пищи и грога. Как новичка в экипаже, Джона поначалу третировали и всячески над ним издевались, но быстрые его успехи и явная физическая сила заставили отстать от него самых задиристых матросов.

Когда «Ястреб» бросил якорь на рейде Анамбу, порта, где торговали рабами со всего западного

берега Африки, Сильвер с бака долго разглядывал новый для него мир тропических лесов, удивительных зверей и чернокожих дикарей. Поначалу роскошные краски и обильная растительность, обступившая стены форта и хижины обитателей Анамбу и, казалось, угрожавшая погрести их под собой, показались ему просто немыслимыми. Такими же выглядели для него и яркие одежды туземцев, вертевшихся в своих лодчонках вокруг «Ястреба» и предлагавших экипажу плоды и разные невиданные лакомства.

Но вскоре взору Сильвера предстали новые чудеса. Десмонд Фини протрезвел впервые за все путешествие и всерьез принялся за работу. С борта судовой шлюпки, нагруженной образцами привезенного товара, он сошел на причал Анамбу в сопровождении шести матросов. Среди них был и Сильвер, которого Фини позвал со словами: «А ты, волчонок, иди тоже, еще пригодишься. На этом берегу сообразительный парень и умелый лжец стОит батареи пятифутовых орудий».

Вскоре Сильвер во все глаза смотрел, как Фини здоровался с работорговцем. Монго Джеком Эндрюсом — огромным, рыхлым и беспредельно любезным человеком с мягкими и белыми руками. От долгих лет жизни в Анамбу работорговец

сильно опустился, принял местные обычаи и вкусы и одевался в ярко-пестрые пропотевшие африканские одежды с плохо замытыми следами грязи.

— Дорогой мой капитан, — пропел Монго Джек, — наконец-то мы снова встретились, но черт побери, тяжелые теперь для всех времена. Я прошел много рек, отлавливая чернокожих парней и красавиц, и с огромными усилиями доставил их сюда, но какие расходы, дорогой сэр, какие расходы!

С этими словами Монго Джек опустился в тростниковое кресло, заметно просевшее под его тяжестью, и отер пот со лба. Фини тоже сел и приказал показать товар. Насколько помнил Сильвер, он состоял главным образом из бочонков коньяка и рома, хлопчатобумажных тканей из Манчестера, нескольких пар пистолетов, модных шляп с кружевами и железных прутьев.

Монго Джек, зевая, оглядел образцы.

— Обычный товар, капитан, — пожаловался он. — Честное слово, чернокожие вожди уже купаются во французском коньяке, и у каждого есть по восемь треуголок. Но, — продолжил он, оглядывая блестящие рукоятки пистолетов, — все-таки мы сможем кое-что сделать, дорогой сэр,

поглядим еще.

На этом и покончили. Монго Джек повел Фини в одну из внутренних комнат, где принялся щедро потчевать его вином, ворча и жалуясь на нелегкую жизнь. Снаружи африканки, двигаясь змеевидной вереницей, поднесли Сильверу и его товарищам закуски.

Еще мальчишкой в Бристоле Джон Сильвер был знаком с девушками, но эти были, как существа из иного мира! Негритянки, мулатки и квартеронки, стройные или полные, бесстыдные или застенчивые, быстро сновали вокруг него, и женственность их смущала юношескую невинность Джона. Вино и жара, нескромные прикосновения и смех разгорячили Сильвера и его товарищей, и те стали танцевать с женщинами, перебегавшими от одного моряка к другому, болтая что-то весело, но непонятно.

— Джим, мне легче побрататься с французом, чем сказать пару слов на этом дьявольском языке, не вывихнув себе челюсть, — сказал он мне. — Но, боже мой, каким я был танцором в молодости, когда стоял на обеих ногах!

И так он танцевал, обнимая за стройную талию темнокожую молодую мулатку с полными губами и необыкновенно розовыми щеками. И кто

знает, до чего бы все это дошло, но вдруг возник, заполнив своей тушей весь дверной проем, разъяренный Монго Джек и разрядил свои пистолеты под ноги танцующим.

Моряки моментально протрезвели. Женщины с визгом разбежались сломя голову, завидя своего господина, повелителя и супруга в праведном гневе.

— Бог мой, да всех, гляжу, эти танцы просто взбесили, — сказал Монго Джек. — Ишь, почуяли юбки, как собаки беглецов. Ладно, в танцах ничего плохого нету, парни, но попрошу не трогать моих жен. А лучше всего ступайте спать, — прибавил он с угрозой в голосе, — завтра с утра африканское солнце выпарит из вас веселье.

Сильвер и его товарищи скоро поняли значение этих слов, потому что с рассветом отправились в путешествие вверх по Рио Орто за рабами. Вел их сам Фини, а командование «Ястребом» было поручено мрачному Грирсону. Монго Джек дал им переводчика и проводил восторженными благопожеланиями.

Река вилась между густо заросшими берегами, то и дело оглашавшимися криками невидимых Сильверу зверей и блистающих разноцветным оперением бесчисленных птиц. Обнаженные

моряки, обливаясь потом, гребли большими веслами. Наконец добрались до цели — фактории Оба, где и собирались торговать.

После коротких переговоров с могучим негром, разукрашенным вычурной татуировкой и разноцветными красками, переговоров, сопровождаемых недорогими подарками, путешественники получили дозволение на аудиенцию у Его Величества, короля этих мест, владевшего жизнью и собственностью нескольких тысяч чернокожих подданных, ютившихся в десятке деревушек вокруг Оба. Эта аудиенция, собственно, и была целью путешествия, поскольку монополией на торговлю «черным деревом» в Оба владело само Его светлейшее, хотя и чернокожее величество.

Окруженный женами, стражей и рабами, король жил в большой просторной хижине. За ним стоял палач, опоясанный мечом, готовый в любой момент исполнять приказы своего государя. Даже в то время, когда Фини через переводчика обменивался пышными и многословными приветствиями с королем, моряки со смешанным чувством наблюдали, как двух полуголых африканцев извлекли из толпы и тут же обезглавили. Горячая кровь несчастных забрызгала пурпурную мантию короля, но тот обратил на это

не больше внимания, чем на несколько капель дождя. И скоро Сильвер понял почему.

— Ну, там и дела творились, Джим, этот старый дьявол не ценил человеческую жизнь ни в фартинг, — говорил он. — Этот черномазый промышлял торговлей людьми, но не нам его за это упрекать. Покупай мы мясо, он устроил бы у себя во дворце бойню, вот и все.

Темницы короля Оба действительно битком были набиты рабами, частью захваченными его жестокими наемниками во время набегов, частично же купленными у местных торговцев. Вскоре Фини направил своих людей отбирать рабов подороже.

— Слушайте, парни, — сказал он, — мы здесь не для того, чтобы подбирать среди этих дикарей всякий мусор. Берите только первоклассный товар и ничего другого. Всех старше, скажем, тридцати пяти лет, всех, у кого не хватает зубов или пальцев на руках и ногах, или глаза, или, скажем, уха, сразу же бракуйте.

Так Сильвер, еще недавно дрожавший за собственную жизнь, получил неограниченную власть над этими несчастными невежественными существами. Он с трудом таил в себе чувство отвращения, глядя, как его товарищи сновали

между рабами, толкали их, били, пинали и ругали. Затем отобранный товар заклеймили личным клеймом Фини, чтобы король Обо или Монго Джек не смогли какой-нибудь хитростью подменить хороших рабов плохими перед загрузкой на борт «Ястреба».

Клеймение было привычным делом для приятелей Сильвера, обращавшихся с раскаленным железом с таким спокойствием, будто клеймили скот. Жевали табак, перекидывались грязными шутками, как всегда, ныли и жаловались на тяжелую работу. Время от времени, плотоядно ухмыляясь, замирали перед красивой рабыней, прежде чем прижать раскаленный металл к темнокожему телу.

Молодой Джон старался отвести взор от этого гнусного зрелища и заставлял себя не слышать плача и стонов рабов. Вдруг сквозь дым и смутные тени перед глазами он увидел насмешливую улыбку Фини и услышал его голос:

— Эй, парень, бери мое клеймо, у меня еще много дел поважнее. — И тут же он ощутил в своей руке железо, а два товарища толкнули к нему юношу почти его возраста. На миг он замер в нерешительности, пустыми глазами глядя на лоснящуюся от пота черную руку, которую дер-

жали перед ним.

— Давай, дурашка, — добавил Фини успокоительно. — Это не больнее укуса пчелы. Конечно, горелое мясо воняет неприятно, но ты представь себе, что это жареный окорок.

Услышав слова Фини, Сильвер скривился от отвращения.

— Не могу! — буркнул он.

— Испугался, паренек? — засмеялся рыжебородый моряк.

Вокруг послышались издевательские голоса:

— Как приедем в Бристоль, купим тебе юбку!

— Смотрите, какая у нас тут, оказывается, красотка завелась!

— Эй, Бетси, поди сюда, дай на тебя полюбоваться!

Гордость Сильвера была уязвлена. Рука его рванулась вперед, железо зашипело, юноша вскрикнул по-заячьи, и дело свершилось.

— Браво, парень, тебе бы окорока разделывать, будешь еще мужчиной! — заявил Джордж Томпсон, старый моряк, все время плавания дружелюбно державший себя с Сильвером.

— Давай, давай, Окорок! — подхватил рыжебородый моряк.

Остальные расхохотались.

— Окорок! — заорал один из них. — Такого имечка до сих пор не бывало, не так ли, джентльмены? С крещением вас, сэр Окорок!

Почти теряя от омерзения сознание, Сильвер увидел перед собой еще одну черную руку. Он накалил железо, потом еще и еще раз. Крики его жертв смешались с общим гамом, и вскоре Джон перестал обращать внимание на них. «Лучше уж так, — сказал он себе, — чем гнить в тюрьме».

Когда клеймение закончилось, волей или неволей, но Джон Сильвер уже потерял часть юношеской своей невинности. Твердая кора безразличия к человеческим страданиям начала покрывать его израненное честолюбие. Так он сделал первые шаги по пути, приведшему его к жестокости и убийствам. Кроме того, он приобрел прозвище, потому что товарищи стали повторять слова, с которыми Фини ехидно подал ему раскаленное клеймо, и до конца жизни Джон Сильвер оставался «Окороком».

5. К БАРБАДОСУ

Через три дня после того, как Фини и моряки, ушедшие с ним выбирать рабов, вернулись в знойный порт Анамбу, «Ястреб» отплыл в Вест-Индию. Несмотря на краткую стоянку, молодой Сильвер узнал очень много о жизни Гвинейского берега и о работорговцах, получавших там большие доходы.

Перед отплытием Монго Джек и Фини договорились о цене за почти две сотни рабов, доставленных с верховьев реки и запертых в хижинах фактории. Оба знали ее достаточно хорошо, но несмотря на это, торговались так упорно, как будто бы от этого зависели их жизни. Богохульная ругань Фини мешалась с пискливыми протестами Джека, не желавшего сбавить цену. Все же сравнительно быстро согласились — триста испанских дублонов и двадцать тысяч отличных гавайских сигар.

Экипаж «Ястреба» стал готовить рабов к путешествию через Атлантический океан. Едва усвоив технику клеймения, Сильвер стал учиться на цирюльника и брить рабам головы перед погрузкой на судно.

Вначале он обратился к Джорджу Томпсону.

— С какой стати мы их бреем? — спросил он. — Мне кажется, жестоко оставлять их без волос на этом палящем солнце. Им же выжжет мозги. Нет, мне это не нравится!

— Послушай, молодой мой Окорок, — отвечал Томпсон, — может быть, ты и стал первосортным мастером по клеймению, но как я погляжу, твои мозги на этой жаре просто испарились. Волосы тебе понравились! А не хочешь иметь вшей, болезни и бог знает что еще на борту «Ястреба»? Капитан Фини знает свое дело. Когда отплывем, увидишь достаточно болячек и грязи, попомни мои слова.

Сильвер, замолчав, принялся за работу. Нагрузили рабов в лодки и так пришли на «Ястреб». Одни трепетали и стенали от ужаса, взбираясь на борт корабля, другие удивленно таращили глаза на «большую деревянную лодку» белых, куда их привезли. Мужчин поместили в один трюм, женщин в другой, мальчиков и девочек — в третий. Набитые в трюмы, как сельди в бочку, обезумевшие от страха перед неизвестностью, начали эти несчастные свое путешествие в Новый Свет.

Сильвер уверял, что по сравнению с другими капитанами, которых он знал, Десмонд Фини про-

являл много заботы о рабах. Он желал им доброго здоровья — в случае повышенной смертности убытки были бы велики — и потому ухаживал за ними так, что, погляди на это другие, жестокие капитаны, смертность тоже повысилась бы, на сей раз среди самих капитанов, если это правда, что от смеха помирают. Экипаж кормил затворников дважды в день маисовой кашей с солью, перцем и кокосовым маслом. Трижды в неделю им приносили вареные бобы, которые, утверждал Сильвер, воспринимались узниками с такой неподдельной радостью, «как будто бы им подавали жареного фаршированного гуся».

Хотя старые моряки вроде Джорджа Томпсона и ворчали, что им задают дополнительную работу, и вздыхали по прежним беззаботным дням, в хорошую погоду Фини всегда устраивал после полудня прогулку рабов по палубе. В сущности, в начале плавания Сильвер смотрел на все это широко раскрытыми глазами и ничто не вызывало его отвращения.

— Может быть, ты думаешь, Джим, — сказал он, хитро на меня поглядывая, — что было жестоким заставлять этих дикарей спать на голых досках, но ведь на Гвинейском берегу перины тоже не водятся, ты уж мне поверь, сынок.

В одном отношении Фини был небрежен — в вопросе о дисциплине экипажа. Чтобы команда выполняла работу, капитан делал вид, что не замечает, как моряки напиваются дешевым черным ромом. Более того, он позволял им свободно выбирать себе негритянок. Далеко не все матросы тешили так свою похоть, но те, кто делал это, вытворяли с несчастными беззащитными рабынями такое, что Сильвер содрогался от жалости и омерзения.

Хотя красота многих негритянок и вводила Сильвера в искушение, ему был отвратителен царивший на судне разврат и те жестокости, что часто сопровождали его. Наконец Джон собрался с духом и осмелился поделиться тревогой с первым помощником.

— Не по душе мне все это, сэр! — заявил он равнодушному Грирсону. — Не дело, что этих черных девушек силком оторвали от дома и запихали в трюм, как скот, да еще измываются над ними, как могут. Не по-христиански это, ведь, в конце концов, они женщины, сэр!

— Я не капитан, — раздраженно ответил Грирсон. — Здесь командует капитан Фини.

— Точно так, сэр, — возразил Джон, — но приказ есть приказ. Капитан Фини говорил еще на суше,

в Гвинее: «Обращайтесь с ними хорошо. Строго, но хорошо» — вот так он сказал. А у нас совсем другое дело, вы согласны, сэр?

— Когда подрастешь, — отрезал Грирсон, — может быть, научишься держать язык за зубами и не лезть не в свои дела. Сдается мне, что ты или бунтовщик, или начинающий молодой адвокат, а то и попик. А ну-ка, ваше преподобие, живо за работу, иначе испробуешь линька! Я, парень, с тебя глаз не спущу!

Сильвер замолчал, в который раз уже осознав, что мир гораздо более жесток, чем он считал в своей неопытности.

Но в скором времени молодому Сильверу пришлось столкнуться с другими отвратительными вещами, поскольку за двадцать четыре дня пути от Гвинейского берега трюмы, где томились рабы, превратились в смердящий ад. К счастью для судна, обошлось без оспы, зато началась дизентерия. Сильвер объяснял эпидемию спертым воздухом в трюмах, люки в которые были вечно закрыты из-за плохой погоды. По моему же мнению, рассказанное им свидетельствовало о наличии какой-то вредной примеси в еде, что и вызвало вспышку болезни. Но в чем бы ни состояла причина, последствия оказались ужасными.

Трюмы, где содержали негров, и ранее не были особенно чистыми, поскольку по нужде рабам приходилось ходить в один-единственный тесный гальюн. Кроме того, судно кишело крысами, по ночам запросто расхаживающими по телам спящих рабов. Но после начала эпидемии негры буквально залили помещение извергнутой пищей, кровавой рвотой и испражнениями.

Фини и строгому Грирсону требовалось принудить моряков опуститься в трюмы и попробовать навести хоть какой-то порядок в этом аду. Желудок Сильвера так сжался от гнусного смрада и вида нечистот, что и его вырвало. Но боцман и квартирмейстер, равно как и капитан с первым помощником, были неумолимы в решимости заставить весь экипаж справиться с заразой. Сильвер и другие моряки, спотыкаясь среди множества содрогающихся и стонущих тел, выносили на палубу тех, кто, как им казалось, больше нуждается в свежем воздухе. Сортируя «товар», они, конечно, не могли определить, кому из рабов больше нужна помощь, но все же вынесенным на палубу полегчало от свежего воздуха и полного покоя. Правда, некоторые из них, а также около тридцати из оставшихся в трюме рабов, погибли в мучительной агонии, и тела погибших даже без

молитвы были выброшены за борт. Акулы, до той поры следовавшие за судном в ожидании добычи, набросились на них и устроили пиршество в покрасневшей от крови воде.

После почти трех месяцев плавания «Ястреб» достиг Барбадоса и вошел в залив Карлайл, откуда открывался вид на Бриджтаун. За время плавания количество рабов убавилось почти на четверть. Не считая умерших от эпидемии, были случаи, когда рабы отказывались принимать пищу и погибли от истощения. Одна женщина умерла во время родов, и еще двое, доведенные насильниками до умоисступления, бросились в море.

С уцелевших рабов сняли оковы и принялись кормить их так, чтобы они быстро оправились. Капитан Фини, в ком снова пробудилась жажда деятельности, скороговоркой сыпал направо и налево приказания, чтобы придать неграм здоровый и холеный вид. Сильвер признавался, что эти меры казались ему столь же смешными, сколь излишними.

— Все судно превратилось одновременно в цирюльню и рынок свиней, Джим, — рассказывал он мне. — Надо было натереть их всех маслом, чтобы лоснились, как новые сапоги, да чесать

щетками их курчавые волосы. Честное слово, Джим, Фини только зубы им не чистил да носов не утирал.

Оказалось, однако, что «Ястреб» вполне может распродать толпу полуживых рабов в самом плачевном виде, так как работорговцы и владельцы плантаций не обращали на это особого внимания; более того, многие рабовладельцы находили выгодным в кратчайшие сроки вытягивать из негров все силы так, чтобы те умирали от истощения, а затем покупать новых, нежели держать их до старости. Поэтому они спешили послать агентов встречать каждое новое судно, груженное рабами, еще до того, как оно подходило к причалу.

Сильвер помогал вести помытых и начищенных негров по пыльным улицам Бриджтауна на рынок и не скрывал удивления, глазея на толпу, сопровождавшую их. Надсмотрщики и агенты в широкополых шляпах спешили ощупать негров, щипали и кололи их на пути к рынку. Рабы, сопровождавшие своих белых господ, покрикивали на новоприбывших, то ли насмехаясь над ними, то ли обнадеживая.

Джордж Томпсон посмеивался над удивлением Сильвера.

— Это что, Окорок, — говорил он. — Однажды, слышал я, больше сотни черномазых побросались в море прежде, чем их купили. А знаешь почему? Потому что какой-то, так его и разэтак, раб-шутник забрался на борт и натрепал этим остолопам, что белые колдуны им выколют глаза, а после этого сварят и съедят. Нет, но убытки-то каковы были! Нам такие штуки без надобности, и мы уж их не допустим!

И действительно, ничего такого не произошло. Выручив несколько фунтов за десяток больных и умирающих рабов, Фини без труда получил хорошую цену за остальных. Агенты так спешили получить товар, что несколько раз дело чуть не доходило до драки.

После распродажи морякам выплатили половину жалованья, и те рассеялись по кабакам и публичным домам Бриджтауна. Вначале Сильвер пировал с товарищами, но через два дня протрезвел и пошел осматривать окрестности. Ясные сине-зеленые воды Карибского моря, белые коралловые рифы, экзотические тропические рыбы и пышная растительность произвели на молодого Сильвера гораздо более сильное впечатление, чем берега Западной Африки. Детство в Бристоле и даже страшный процесс и тюрьма остались

далеко в прошлом. Он открыл для себя новый мир, мир, полный опасностей и жестокости, но таивший в себе нечто привлекательное и неуловимое, имя чему

— надежда.

6. БУНТ НА КОРАБЛЕ

Когда рабы уже были проданы, а матросы пропили все деньги и стали поодиночке возвращаться из бриджтаунских кабаков, Десмонд Фини загрузил судно сахаром и отплыл в Бристоль. Обратный путь представлял собой третью сторону позорного треугольника торговли между Англией, Западной Африкой и Вест-Индией. Вернувшись в Бристоль, Сильвер не осмелился сойти на берег и появиться в родном городе; он даже не пытался встретиться с родителями и только в последний день перед новым отплытием на Гвинейский берег написал короткое и ласковое письмо в обувную мастерскую на Корабельной улице, в котором известил, что после бегства из тюрьмы жив, здоров, взялся за ум и просит не забывать его в молитвах, обращенных к Спасителю.

В Гвинее вновь сошел Сильвер на берег за живым товаром и снова слушал хныкание и жалобы Монго Джека. Поход в верховья Рио Орто почти ничем не отличался от того, что было в первый раз, с тем, однако, различием, что на сей раз король Обо устроил им кровожадное представ-

ление — умилостивил разгневанного бога дождя человеческими жертвами. Колдун со страшной маской на лице и львиными лапами, надетыми на руки, вывел к толпе десять девочек, с ног до головы размалеванных белой глиной. После этого, по знаку короля, головы несчастных слетели наземь и трепещущие тела были разрублены на куски. Я не сомневаюсь, что против собственной воли, еще совсем юным, наблюдая обычаи дикарей Западной Африки и грубость и жестокость моряков работоргового судна, Сильвер очерствел настолько, что получил способность не задумываясь отнять у человека жизнь. Разве сам я не был свидетелем того, как он предательски убил честного моряка Тома на острове Кидда, так же спокойно, как раздавил бы насекомое? И все же я готов поклясться, когда он вспоминал об ужасах жертвоприношения, которое ему пришлось наблюдать так давно, в его синих глазах мелькнуло нечто, похожее на тоску и жалость. Впрочем, это выражение сразу же исчезло и вновь передо мной возник бесцеремонный Окорок с его грубыми присказками, уверявший, что слабакам одна дорога — к дьяволу!

Эта нотка человечности, прозвучавшая среди ругани и грубых его слов, заинтересовала меня,

хотя и не удивила. В конце концов, не я ли видел своими глазами, как на борту «Эспаньолы» Джон Сильвер умело скрывал коварные свои планы под деланным добродушием и приятельским отношением? Одним словом, Джон Сильвер был настолько разнолик, что смертному трудно понять его нрав, изменчивый, как окраска хамелеона.

Причалив в Бриджтауне во второй раз и снова сопровождая шествие рабов на торг, Джон Сильвер еще не знал, что всего несколько месяцев отделяет его от события, которое позволит ему оценить качества погонщиков с иной стороны. Возвращение в Англию не заслуживало упоминания в этом рассказе, если бы накануне отхода на борту «Ястреба» не появилась миссис Фини. Джеральдина Фини была дочерью барбадосского плантатора и, пока ее муж занимался торговыми делами, проводила зиму со своим семейством в одном уважаемом доме на острове. Но наконец она решила приобрести дом в респектабельной части Бристоля и начать спокойную жизнь.

Сильвер и другие матросы скоро поняли, что их капитан был под каблуком у своей супруги. Когда миссис Фини гневалась, все судно «дрожало» от носа до кормы. Нередко капитан прерывал свои

приказы словами:

— Пока все, джентльмены… — и уходил в каюту, откуда доносился сварливый голос его жены. Был случай, когда разгневанная миссис Фини сдернула со стола льняную скатерть и вместе со всей посудой выбросила в море!

Совсем другая жизнь началась для экипажа, когда на место Фини владельцы судна назначили Грирсона и «Ястреб» отплыл в Западную Африку с новым капитаном. Теперь на борту воцарился порядок. Грирсон подтянул дисциплину и заставил всех работать на совесть. Сильверу это даже нравилось, хотя многие моряки и жаловались, что капитан перегружает их работой, и злобно поглядывали ему вслед.

Прежде чем «Ястреб» вышел из Анамбу, нагруженный новой партией рабов, Грирсон нанял еще одного матроса — бледного юношу, говорившего на кентском диалекте и державшего себя с другими моряками холодно и презрительно. Оказалось, он был всего на несколько месяцев старше восемнадцатилетнего Сильвера, который настолько вытянулся, что товарищи стали называть его не только Окороком, но и Долговязым Джоном.

Сильвера заинтересовал новичок, понравилась

его угрюмая самоуверенность и изобретательность, выражавшаяся в частых жестоких шутках и розыгрышах, хотя многие из них направлялись против Грирсона, а некоторые задевали самого Сильвера. Мало-помалу Габриэль Пью (так звали нового моряка) заслужил уважение молодого Джона, а вскоре к его тихому напевному голосу стали прислушиваться и другие моряки.

Знакомство Сильвера с Гейбом Пью могло завершиться ничем, потому что последний решил сбежать с судна в Бристоле, махнув на прощание влажной рукой, если бы на «Ястребе» посреди Атлантики не приключилось несчастье. Рея с бизань-мачты, разболтавшаяся во время шторма, рухнула вниз, задев Грирсона, стоявшего на юте. Его внесли в капитанскую каюту и положили на койку. Кожа на лбу и затылке его была сорвана в нескольких местах, как после рукопашной схватки с хищником, а глаза на некоторое время скрылись за обширной опухолью израненного лица.

Находясь без сознания в течение трех дней, Грирсон почти не переставал кричать и стонать. Среди тех, кто ухаживал за ним и перевязывал раненую голову, был и Сильвер, искренне сочувствовавший страдальцу. Когда же бредовое

состояние наконец прекратилось, капитан, еле державшийся на ногах, вновь принял командование судном. С этого дня на «Ястребе» воцарился сущий ад — удар вызвал какие-то странные перемены в мозгу капитана: бывший ранее взыскательным, он стал теперь маниакальным педантом

— строгий подвижник дисциплины превратился в бесноватого тирана.

Грирсон теперь, казалось, не смыкал никогда глаз, то и дело залезая в самые укромные уголки судна и донимая весь экипаж нелепыми приказами и выговорами. Никому не удалось избежать этого. Капитан заставлял моряков стоять по две вахты подряд, срывал их с коек в любое время дня и ночи, требуя постоянно драить палубы, оттирать их добела, а потом снова хвататься за ведра и швабры.

Однажды, когда Сильвер занимался приборкой судна, фигура капитана заслонила от него солнце.

— Так, мистер Сильвер, — с издевкой прохрипел Грирсон. — Это размазывание дерьма по палубе у вас в Бристоле, сэр, называют работой? Здесь этот номер не пройдет! И не смей перечить мне, адвокатишка самозваный, сэр дерьмовый! — Со-

вершенно осатанев, Грирсон опрокинул ведро с водой.

И хотя Сильвер еще раз отдраил палубу, бесноватый капитан, придравшись к пустяку, урезал ему винную порцию. Да какой же моряк стерпит этакое?

Так продолжалось четыре дня, после чего Грирсон созвал команду на палубу и обратился к матросам:

— Ну, джентльмены, — начал он, — не воображайте, будто я настолько глуп, что не вижу, как вы шепчетесь. Я все вижу, да, джентльмены, все! Вижу, как шепчетесь и плюетесь мне вслед. У меня везде уши, и ваши намерения я прекрасно знаю. Но бунтари дорого платят за свои глупости, да! Вас еще вздернут за это, уж будьте уверены.

Ошарашенные и обозленные, матросы глухо и угрожающе зашумели, а Грирсон, повернувшись, пошел назад, положив правую ладонь на рукоятку пистолета. По бокам его стали первый и второй помощники, боцман и квартирмейстер тоже подошли к капитану. Речь Грирсона, никому не пришедшаяся по душе, придала отношениям внутри команды неожиданный оборот, и на палубе отчетливо запахло бунтом.

Охрипший истеричный голос капитана про-

должил:

— Джентльмены, воду среди вас мутят две ядовитые гадины. Эти негодяи поклялись меня убить, а вас отправить на корм рыбам. Один — Габриэль Пью, подлый убийца, бежавший от расплаты! Другой Джон Сильвер, союзник Пью. Его открытое лицо — это маска, под которой таится самая гнусная измена, верьте моему слову, джентльмены, это чистая правда. Но уж я-то вижу их насквозь днем и ночью, и низким их замыслам никогда не сбыться, клянусь честью. А теперь на работы! Все за работу!

Удивленные и возмущенные, моряки разошлись. Через несколько минут все свободные от вахты собрались в кубрике, выставив дозорных, наблюдавших, не появится ли Грирсон.

Пью начал первым, и слова его были полны желчи.

— Ну, — начал Пью издевательски, — как вам сегодня понравились удивительные речи капитана Грирсона, правильнее было бы назвать, капитана Зверюги. И это еще только начало. Я и не таких отправлял в ад, а этого гада удушу прямо в койке раньше, чем он успеет надеть на меня кандалы. Попомните мои слова!

— Да убей ты его ради бога, прикончи! — вос-

кликнул кто-то. — Издевается над нами почем зря и работы навалил сверх всякой меры. Да если его выбросить за борт, пожалуй, все акулы вокруг передохнут!

Предложение все встретили возгласами одобрения, и тут же могло начаться выступление против Грирсона, не вмешайся Джон Сильвер.

— Братцы! — крикнул Сильвер, встав во весь свой гигантский рост в тесном кубрике и придерживая сильной рукой люк. — Джентльмены! Подождите минутку и послушайте! Все вы храбрецы, видно и за милю. А лучшего вождя, чем Гайб Пью, вам, без сомнения, не сыскать. Но подумайте, ведь не так-то просто убить настоящего капитана, плавающего под королевским флагом. Есть закон, есть и порядок, вот о чем нам надо подумать!

Он замолчал на миг, потрясенный собственным красноречием.

— Дьявол тебя побери, Сильвер, — огрызнулся Пью, — слизняк ты несчастный! Вот так и задрыгаешь ногами на виселице из-за этого труса.

— Погоди, Гейб, — спокойно ответил Сильвер, погасив в себе вспышку гнева. — Все знают, я от опасности не прячусь и ножом владею не хуже всякого, уж будь уверен. Но на этом судне Грирсон

— не единственный офицер. Или всех их надо перебить, а тогда один Бог знает, как мы справимся с управлением, или остается одно. Если вы согласны со мною, друзья, давайте попробуем склонить всех офицеров на нашу сторону. Тогда все будет выглядеть чисто и законно.

Пока Сильвер говорил, бледное лицо Пью кривилось в презрительной усмешке, однако все остальные согласились, одни из страха перед виселицей, другие же, уразумев дельность предложения. Сходка уполномочила старого моряка Джорджа Томпсона и Сильвера убедить первого и второго помощников, боцмана и квартирмейстера помочь свержению Грирсона.

Второй помощник был молод и напуган; его не пришлось долго уговаривать — согласие получили почти сразу. Боцман долго притворялся непонимающим, но и его наконец уломали. Квартирмейстер, высокий плотный человек, без лишних слов щедро отпускавший затрещины и удары линьком, не ответил ни да, ни нет. Хуже всего было, что и первый помощник поступил по такому же принципу.

Сильвер просто из кожи вон лез, чтобы поколебать его твердость, используя все свое красноречие — дар, только что им открытый и в скором

времени ставший главным его оружием. Дженкинс, первый помощник, был важен, придирчив и больше всего на свете боялся нарушить устав.

— Не могу, Сильвер, — протестовал Дженкинс, — тридцать лет я плаваю и ни разу не участвовал ни в каких беспорядках.

— Верно сказано, сэр, — отвечал Джон, — мы, моряки, — люди маленькие, но видим многое, потому-то и обращаемся к вам, сэр, как к офицеру, который знает, что такое порядок, любит его и умеет поддерживать. А что вам, сэр, в подобных делах не приходилось участвовать, то скажите по совести, ведь все эти тридцать лет не было у вас такого капитана, как этот Грирсон. Он сам преступает устав на каждом шагу и долг честных подданных короля Георга, да хранит его Господь, — немедленно отстранить от власти этого человека.

— А знаешь, чем мы рискуем? — задумался Дженкинс. — Мне надо думать о своем добром имени и о будущей карьере. Нет, ни в коем случае не согласен!

— Извините, сэр, — неумолимо наседал на него Сильвер, — о каком добром имени может идти речь, если на судне начнется резня? Ребята кипят, достаточно малейшего повода, чтобы палуба пре-

вратилась в кровавый ад. А будь ваше согласие… Боже мой, да наши парни спят и видят вас капитаном. Вы только не противьтесь, сэр. С Грирсоном мы разберемся сами и прежде, чем стемнеет, вы будете стоять на мостике и командовать судном. Можете на нас положиться, сэр!

— Но только никакого кровопролития, ребята, — сдался Дженкинс.

— Единственное, что прольется, — это вино из бокалов владельцев «Ястреба», когда они поздравят столь смелого и решительного капитана, — безудержно льстил Сильвер. — Я первый крикну «Ура!» капитану Дженкинсу, потому что не знаю джентльмена более рассудительного и твердого.

Сильвер вышел с согласием помощника, стирая пот со лба, и меньше чем через час Грирсон и квартирмейстер лежали избитые и закованные в кают на корме. Дженкинс принял командование, надулся от важности и принялся изрекать приказ за приказом. Но с каждым днем становилось яснее, что подлинная власть на судне принадлежала Долговязому Джону, с его широкими плечами и живым умом, и Габриэлю Пью, до поры таившим зловещие замыслы.

7. ВОССТАНИЕ РАБОВ

Пока «Ястреб» прокладывал путь к Карибскому морю сквозь гигантские волны Атлантики, свежеиспеченный капитан Дженкинс боролся сам с собою. Расхаживает он павлином по капитанскому мостику, в то время как израненный и сошедший с ума Грирсон лежит внизу, рядом с мрачным и озабоченным квартирмейстером Маркемом, оплакивающим в тесной каюте свою горькую участь.

Как ему, Дженкинсу, оправдаться в смещении законного капитана перед владельцами «Ястреба»? Те могли бы усомниться, что помешательство Грирсона и его дальнейшее поведение послужили вескими основаниями для случившегося и воспринять события как жестокое и подлое нападение кровожадных узурпаторов. Конечно, матросы и офицеры в самом деле могут подтвердить всю историю, и это послужило бы его оправданию. Но точно так же они способны все провалить. А если команда, желая спасти свои шкуры, сговорится на следствии переложить всю ответственность за смещение Грирсона на него? Как тогда защититься? Эти мучительные раз-

думья не переставая преследовали Дженкинса, превратив его жизнь в ад: по ночам ему снились кошмары, нередко завершавшиеся сценой, от которой он просыпался, обливаясь холодным потом,

— ему снилось, как палач надевает на его шею хорошо намыленную петлю, а какой-то невзрачный чиновник каркающим голосом оглашает смертный приговор. Поистине адские мучения! Портвейн казался Дженкинсу кислым, солонина застревала в пересохшем горле, и даже чудесный нюхательный табак вызывал отвращение.

В отчаянии Дженкинс изо всех сил стремился поддержать у команды хорошее настроение, сделать всех преданными своими сторонниками. Он удвоил выдачу рома, сквозь пальцы смотрел на бесчисленные нарушения порядка, бездумно обещал всем повышенные доли от выручки, постоянно улыбался и по-дружески каждому кивал.

— Все улыбается, дурак, — говорил издевательски Пью в кубрике. — Как бы он заулыбался, повиснув на рее вниз головой. То-то будет смеху при этой картине.

— Всему свое время. У тебя, Гейб, на это будет предостаточно времени, когда мы закончим рабо-

ту в заливе Карлайл, — сказал уверенно Сильвер. Лицо Пью скривилось в презрительную гримасу.

— Может быть, ты и силен, Джон Сильвер, — отвечал он, — но труслив и глуп, как старая баба. Уж это точно!

— Не тебе бы болтать о чьей-то глупости — откуда взяться уму у мальчишки, у которого еще молоко на губах не обсохло, — спокойно молвил Сильвер.

— Зато у тебя ума палата, как погляжу, — не остался в долгу Пью, — башка твоя забита молитвами твоей драгоценной маменьки да возвышенными принципами папеньки, так что способен ты на решительные действия не больше, чем эти связанные черномазые в трюме. Да дай тебе в руки тесак, ты ведь молиться начнешь прежде, чем в дело пустить, дьявол тебя побери!

Сильвер глубоко вздохнул, чтобы сохранить спокойствие. Затем устремил взор на моряков, собравшихся поглазеть на стычку Пью и Сильвера, — это их забавляло. Джон быстро изучил искусство спора и уже умел справиться с буйными взрывами негодяев, подобных Пью.

— Приятели, — добродушно начал он, хлопнув ладонью по колену, — с чего бы это наш петушок раскукарекался? Может быть, кто-то согласен

с ним и желает скинуть капитана Дженкинса? Что ж, в добрый час, вольному воля. Но, — и голос его прозвучал серьезно и искренне, как у шарлатана, показывающего фокусы толпе простодушных фермеров и батраков, — неужели вам не понять того, что ясно как белый день. Ведь именно сейчас этот самый Дженкинс нужен нам, как глоток воды умирающему от жажды. Кто, кроме него, приведет нас на Барбадос? Кто лучше его оправдает нас перед судовладельцами, хотя бы для того, чтобы спасти собственную шкуру? Он ко всему еще и наш заложник, а значит, сама безопасность для наших шкур. Если для вас все это просто благочестивые присказки, байки, то валяйте, плюйте на собственную клятву, только боюсь, что для этого нужен больший храбрец, чем я, а может быть, и Пью, потому что плевать-то тут нужно на Библию.

Он с облегчением понял по выражению лиц слушателей, что доводы его их убедили; даже сам Пью колебался. Взволнованный и потный, Сильвер набрал воздуха в грудь, чтобы подкрепить доводы благочестивыми мыслями и цитатами из Писания, как вдруг от кормы послышался пистолетный выстрел. Моряки мгновенно вскочили на ноги. С палубы доносился страшный

гам — боевые кличи, ругань, лязг тесаков. Кто-то выкрикивал приказы, доносились глухие звуки ударов по человеческим телам, стоны и вопли.

Сильвер метнулся на звуки боя, за ним ринулись Пью и другие. Вмиг стало все ясно — рабы вырвались из клеток у себя в трюме, успев, вероятно, свалить сторожа при решетках прежде, чем он успел поднять тревогу, и выбрались на палубу. Часовому у переднего люка повезло, или он оказался более бдительным, чем его незадачливый товарищ, он все еще продолжал удерживать здесь часть толпы, вращая вокруг себя топор кока и угрожая им напирающей и вопящей толпе.

Мгновенно Сильвер оценил положение. Дженкинс, боцман, рулевые и еще пять-шесть человек защищались на юте. Крюйт-камера была открыта, и группа успешно отбивалась от полусотни напиравших с дикими воплями негров. Другая группа моряков, вооруженных пиками и ножами, оборонялась от меньшей толпы негров где-то у середины правого борта.

Рабы грозно и торжествующе кричали; но были плохо вооружены: оружием им служили ободья от разбитых бочек из-под воды и разные, найденные в трюме доски. В схватке были и курьезные моменты: так, кок по распорядку в случае бунта

должен был лить сверху на рабов кипяток из котлов, но со времени обеда прошло несколько часов, и насмерть перепуганный мастер похлебки и рагу поливал головы противника остатками остывшего супа и метал корабельные сухари.

Схватив длинный обрывок троса и крикнув Пью и другим морякам, чтобы следовали за ним, Сильвер ворвался в толпу рабов и моряков, дравшихся у правого борта. С быстротой молнии, схватив тросом шеи сразу двух рабов, он свернул трос петлей и с силой затянул. Когда жертвы начали задыхаться, широкоплечий Сильвер швырнул их к планширу и одним движением выбросил за борт. Не успели вопящие негры упасть в воду, как Джон схватил двух других, стукнул их что было силы головами друг о друга и отправил вслед за первыми.

— Легче, Сильвер! — крикнул, задыхаясь, Пью, ударив в тот же миг по голове рукояткой лебедки одного плечистого негра. — Выкинул сто монет в море. Лупи по головам, как я, дешевле обойдется. — И с этими словами повалил еще одну жертву сильным ударом в правый висок. Сопротивление в центре судна иссякло, рабы пали духом, и без особых церемоний уцелевших загнали в трюм.

Но пока Сильвер и Пью очищали палубу от

чернокожих, схватка на юте приняла опасный оборот. Четверо рабов, более смелых или проворных, чем их товарищи, взобрались наверх и напали на Дженкинса и тех, кто был с ним.

Сильвер видел, как полиловело лицо Дженкинса, когда пара черных рук вцепилась ему в горло. Еще один моряк зашатался, получив удар доской по голове.

Во время этой ожесточенной схватки один человек на юте не потерял самообладания. Это был старый моряк Джордж Томпсон. Благоразумно отступив назад, он принялся доставать оружие.

— Вот тебе и Окорок, — заорал Томпсон, завидя, как Сильвер и Пью во главе десятка моряков кинулись к юту. — Заставь этих висельников поплясать! — И несколькими быстрыми движениями старый моряк бросил пять пистолетов и пару тесаков к ногам друзей.

Пью быстро схватил пистолет и загоготал от радости.

— Ну, дьявол их раздери, если порох не подмок, мы еще поглядим, какого цвета мозги у этих черномазых.

— Эй, Гейб, — остановил его Сильвер, — только что ты сам сокрушался об убытках. Цельсь по ногам, говорю тебе, дохлый негр не стоит ни фар-

тинга, а за хромого хоть что-нибудь да заплатят.

И с этими словами выстрелил из пары пистолетов по босым ногам сражающихся рабов. Послышались выстрелы и с другой стороны. Оказавшись под перекрестным огнем, негры смешались.

После вступления в бой Сильвера и его товарищей исход схватки на юте стал ясен. Не прошло и получаса, как рабов загнали обратно, и пылающие местью матросы настигали их в самых укромных уголках трюма, где с жестоким удовольствием избивали и плескали крутым кипятком в лица тем, кто защищался наиболее упорно.

Палуба вся была усеяна телами раненых и убитых негров и моряков. Хотя схватка длилась не более пятна-дцати минут, за это время погибло одиннадцать негров, пятеро из них — от руки Сильвера. Кроме того, еще десять получили рубленые раны, удары ломами и ножами, а семь-восемь рабов, раненых в ноги, стонали от боли.

Дженкинса перенесли в каюту почти без сознания, с разбитым носом и израненным опухшим лицом. Еще двое матросов, оглушенных ударами по головам, валялись без чувств. Четверым пришлось перевязать руки и плечи. Гаррисон,

второй помощник, сутулый молодой человек, слабодушный и нерешительный, лежал в лазарете с пораненным бедром, дрожа от страха при звуках шагов. Отвоевав «Ястреб», развеселившиеся победители вновь заковали перепуганных чернокожих, которые еще раз испытали на себе силу и жестокостью белых «колдунов».

— Да здравствует Окорок! — закричал Том Браун, темноглазый моряк из Суффолка, годившийся Сильверу в отцы. — Этот парень дело знает. Это он побил черномазых и показал им, где раки зимуют!

— Ура, Окорок! — послышались и другие голоса. — Чего бы только ни случилось, кабы Окорок, Пью и другие не подоспели вовремя.

— Точно! Я своими глазами видел, как он вышвырнул четырех черномазых на корм акулам!

— Джона Сильвера в капитаны! — крикнул Том Брук. На этот возглас кое-кто засмеялся, но были и крики одобрения. Стоя посреди палубы, Сильвер почувствовал, как у него закружилась голова от радости и гордости. Капитан, а? Уж он-то управился бы с этой работой получше слизняка Дженкинса, душу готов заложить! Неужто они и в самом деле хотят видеть его капитаном? Неужто и вправду так ему доверяют, несмотря

на молодость?

Сильвер оглядел простодушно-насмешливые лица. Глупцы! Как стадо баранов, побегут за любой приманкой. А он-то! Принял шутки за чистую правду. Интересно, представляет ли кто из них хотя бы десятую долю трудностей, ждущих впереди? Надо все же разъяснить истинное положение дел.

— Так, — резко начал он, — сейчас, когда Дженкинс немногим отличается от трупа, а Гаррисон не может подняться с койки, кто определит курс судна? Ты, Том Брук? Может быть, ты, Джордж Томпсон? Слушайте, да так нас занесет на какой-нибудь остров, где дикари так и ищут, кого бы сожрать. То-то, ребята! Беда ваша в том, что не видите дальше собственного носа.

— Слушай, Окорок, — почесывая затылок, молвил Томпсон, — а подумай-ка о капитане Грирсоне, там, внизу. Он ведь делал все эти дела лучше иных, даже когда спятил.

Сильвер повернулся и пошел в нижнюю палубу. Что это? Люк каюты Грирсона был выломан. Перескочив порог, Джон вбежал в помещение. Маркем, квартирмейстер, лежал в углу, и с его проломанной головы еще капала кровь. Убитый негр валялся поперек его тела. С койки свесился

вниз головой изуродованный труп Грирсона. Глаза несчастного были выколоты, зияющие рваные раны заполнены медленно сочившейся кровью. По ужасной ране, раскроившей все горло, медленно и лениво ползали мухи.

— Да, отплавался капитан Зверюга. Теперь бы его для верности отправить на дно.

Услышав шаги за спиной, Сильвер быстро обернулся. В проеме люка стоял Пью, и еле заметная довольная усмешка играла на его лице.

— Это ты, Гейб? Значит, это твоих рук дело, кровопийца!

— Увы, не моих, Окорок, хотя по совести сказать, у меня не пропало желание перерезать ему горло.

— Но это убийство! Так мы все задрыгаем ногами в петле! — Пью приблизился к Сильверу. Изо рта его дурно пахло. «Воняет, как падаль», — подумал Сильвер и отвернулся.

— Ты что, ослеп? — с тихой насмешкой спросил Пью. — Дохлый черномазый поперек трупа Маркема. Причина ясна, как белый день! Нагрянули сюда в поисках оружия, а когда взломали люк, ничего не нашли. Много ли дикарям надо, чтобы озвереть, — вот и порубили наших драгоценных покойничков.

В глазах Сильвера блеснули молнии, но он спокойно ответил:

— Так оно и было, Гейб, не сомневаюсь, вот только кто еще может это подтвердить? Я уже чувствую петлю на своей шее, парень! И разрази меня Бог, так оно и случится, если на Барбадосе мы все как один не изложим эту историю одними и теми же словами.

— Да хватит трусить, Джон! Такой человек, как ты, и всего боится.

— Да нет, приятель, просто я вижу чуть дальше собственного носа, да и тебе советую пошевелить мозгами, благо Бог тебя умом не обделил. Ладно, Гейб, мальчик мой, ты уж разберись тут с Грирсоном и Маркемом, только чтобы все было в порядке. А я пойду и доложу об этой несчастной истории капитану Дженкинсу, если он вообще может что-либо понять.

Сильвер вышел из забрызганной кровью каюты, а Пью, обернувшись к мертвецам, со злобной усмешкой пнул Грирсона в лицо.

8. УРАГАН

Убитых негров просто вышвырнули за борт, сопровождая похороны отборной руганью из-за убытков. Тела же Грирсона и Маркема, якобы убитых взбунтовавшимися рабами, хоронили со всеми почестями: их зашили в парусину и, приспустив флаг, торжественно погребли в водной пучине. По настоянию Джорджа Томпсона Джон Сильвер, единственный во всей команде грамотный матрос, нараспев прочел из молитвенника:

— Из земли вышел в землю и вернешься…

Бог дал, Бог и взял…

Не успели оба тела погрузиться в воду, как вдруг волны стали подбрасывать и опускать корму «Ястреба», будто мертвецы принялись отплясывать какой-то странный танец смерти. Пью смачно сплюнул в воду:

— Из земли вышел в землю и вернешься… Как бы не так. Будьте вы прокляты, чтоб у вас глаза полопались! — заорал он, перегнувшись через борт. — Пусть акулы, что вас сожрут, передохнут в коликах! Ступайте к дьяволу!

После свершения обряда похорон уцелевшим морякам предстояло решить весьма трудный во-

прос. Ясно было, что Дженкинс слишком сильно изувечен и не может управлять судном. Второй помощник Гаррисон, пострадавший меньше других офицеров, совершенно потерял голову после страшного бунта рабов и убийства Грирсона и Маркема. Кому же теперь командовать «Ястребом»? Кто сможет довести бриг до Барбадоса, не загубив судно с экипажем и товаром? Ослабевший от ран Гаррисон категорически отказался принять командование, хотя моряки с издевками и насмешками стали угрожать ему, едва не тыча кулаками в лицо. Наконец, после долгих споров, проголосовали и решили выбрать троих человек для определения курса и положения судна. Гаррисон неохотно дал согласие проводить в полдень замеры секстаном и прокладывать курс «Ястреба». Для помощи ему выбрали двоих. Первый, Джанни Ривьера, кривоногий генуэзец, ходивший по торговым делам в порты обеих Индий, немного разбирался в навигации. Естественно, вторым выбрали Джона Сильвера, человека сообразительного, чье поведение во время бунта рабов вдохнуло смелость в товарищей.

Некоторое время все было в порядке; шли дни, и «Ястреб» медленно, но верно приближался к Карибскому морю.

Но вот наступил день, примерно в семи сутках ходу до Барбадоса, когда необычная жара и духота навалились на судно, а качка резко усилилась.

Не медля ни минуты, Ривьера-генуэзец, стоявший около рулевого, взобрался по вантам на бизань-мачту и принялся лихорадочно озираться. С запада быстро надвигались черные тучи; задул, резко усиливаясь, ветер. Жара и духота стали невыносимыми. Генуэзец быстро спустился на палубу и бросился к сгорбленному Гаррисону, который только что вышел на палубу, с болезненной гримасой поддерживая треуголку на голове.

— Ураган! — крикнул Ривьера Гаррисону, еще не разобравшемуся в происходящем. — Ураган, мистер Арисен, корабль быстро надо перевернуть… Не успел он договорить, как внезапный шквал в клочья разодрал топсель. Обрывки паруса, сорвавшись, взметнулись вверх и исчезли. На судно обрушились, вселяя ужас в души, гигантские волны. Оставшийся без командования экипаж «Ястреба» беспорядочно метался по палубе и вантам в тщетных попытках убрать надувшиеся паруса, раздираемые ветром. Удалось спустить только нижние паруса, но топсели и брамсели, грот– и бизань-мачты были потеряны.

В глазах неопытного Сильвера громадные вол-

ны, перехлестывавшие через палубу «Ястреба», казались страшными предвестниками неизбежного конца. Хотя валы и приближались к борту сравнительно медленно и спокойно, взору потрясенного Джона они представлялись возвышающимися выше шпиля Бристольского собора и хищно набрасывавшимися на беспомощное судно.

Ему казалось просто немыслимым, чтобы «Ястреб» смог вскарабкаться на огромные, как горные склоны, волны. И все же судно успевало добраться до вершины каждой из них, застывая на миг на самом гребне, и скользило в бездну, а затем вновь представало перед нависшей над ним новой столь же гигантской волной. По палубе гуляла вода, временами накрывая моряков с головой, и те хватались за что попало, чтобы не быть унесенными в море. Запертые в трюме в беспросветном мраке негры издавали вопли ужаса, когда болтающееся на волнах судно ложилось то на один борт, то на другой.

С невероятным трудом Сильвер добрался до юта, где увидел, как Ривьера, привязавшись к рулевому колесу, пытался удержать судно носом к волне. За ним, согнувшись, стояли Гаррисон и еще трое моряков; промокшие до костей, они

с отчаянием глядели на ураган; косица потерявшего треуголку Гаррисона вытянулась, как фитиль, растрепалась, превратившись в несколько смешных вымпелов. Воспользовавшись мигом затишья между двумя волнами, Сильвер успел отрезать кусок троса и привязался к релингу по правому борту. Теперь он чувствовал себя увереннее, хотя несколько раз ощутил, как волна, захлестывая судно, отрывала его ноги от палубы. Все же он сознавал, что останется в безопасности до тех пор, пока держится на плаву «Ястреб», хотя судя по разбитому такелажу, по скрежету и треску рангоута, конец должен был наступить скоро. Судно, по-видимому, уже приняло в трюмы сотни галлонов воды, что также приближало его гибель, так как «Ястреб» стал неуклюжим и трудноуправляемым, что было гибельным при дьявольском ураганном ветре и нависающих волнах.

Сильвер решил, что погиб. Конец, которым он привязался к релингу, врезался в тело и натер грудь, а соленая вода, беспрестанно обливающая палубу от носа до кормы, причиняла стертым местам нестерпимую боль. Джон с болью вспомнил прошлое и проклял свою незадачливую судьбу; проклял мрачного своего отца, так и не при-

вившего ему любовь к сапожному мастерству и честной жизни; проклял поспешность, с которой он стал контрабандистом; проклял несчастный свой арест после убийства двух таможенников; проклял невезение, загнавшее его под команду сумасшедшего Грирсона и никчемного надутого болвана Дженкинса; проклял дьявольское невезение, забросившее «Ястреб» точно в центр урагана.

Когда Сильвер наконец приготовился к неизбежной смерти, ветер начал резко стихать и стало прохладнее. Хотя разыгравшийся океан и продолжал еще бушевать, насылая на судно волны-гиганты, немногие уцелевшие паруса «Ястреба» и чудом сохранившийся руль позволяли маневрировать, держа нос против волны, чтобы избежать опасности перевернуться вверх килем.

Ночь пала на бушующие воды, а судьба «Ястреба» оставалась еще неясной. Только к рассвету измученные, валящиеся с ног от усталости моряки увидели, что есть надежда на спасение.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда команда принялась приводить судно в порядок. Надлежало восстановить поврежденный такелаж, залатать порванные паруса, заменить перело-

манные реи. Кроме того, надо было подумать и о пострадавших. Хотя рабов во время шторма швыряло из одного конца трюма в другой, большинство отделалось только сильным испугом. Только некоторые стонали и вопили от боли в переломанных конечностях, от ушибов и ран.

Экипаж пострадал сильнее. Два моряка, привязавшись к передней мачте, там и нашли свой конец — напор волн был похож на сильные удары, которыми их головы и разбились о мачты. Еще некоторых унесло за борт. Среди них был и второй помощник Гаррисон, не успевший или не захотевший привязаться. Раненый Дженкинс предохранился от травм, забравшись в дальний угол капитанской каюты, где и пребывал, пока шторм не прекратился.

Пока «Ястреб» еле-еле полз к Барбадосу, Дженкинс начал приходить в себя, и мысли его постоянно вертелись вокруг того, как ответить за серию бурных событий, доведших судно до столь плачевного состояния. Надо было объяснить обстоятельства смещения и убийства Грирсона и Маркема. Надлежало дать объяснения по поводу бунта негров и утраты ценных рабов при его подавлении. Ураган принес еще убытки, не говоря о том, что буря погубила семерых моря-

ков. Да, предстояло объяснить много событий, причем людям опытным и знающим, людям, которые не простят ни малейшей лжи, если сумеют поймать на ней Дженкинса. Тогда ему конец. А ведь невооруженным взглядом видно, что его командование бригом представляло собой яркий пример того, как надо управлять, чтобы провалить все дело и достичь финансового краха. Страдая от боли в переломанной челюсти и от израненного самолюбия, Дженкинс поклялся в душе, что каким-либо дерзким ходом сумеет обелить себя и избежать ответственности. Когда «Ястреб» дополз наконец до залива Карлайл, Дженкинс придумал блестящий, по его мнению, ход и принялся раскидывать сети.

9. ТРИБУНАЛ (АДМИРАЛТЕЙСКИЙ СУД)

— Итак, милорд, — заключил Дженкинс, и голос его от усилий казаться убедительным обратился в смешной фальцет, — я оказался бессилен предотвратить страшные события, которые только что описал суду. Заявляю, что был схвачен, связан и предан всеми, кроме небольшой части экипажа, оставшейся верной долгу, и стал невольным свидетелем измены и насилия, глубоко возмущающих всякую христианскую душу!

Вице-адмирал сэр Ричард Скарсбрук, председатель адмиралтейского суда Барбадоса, Наветренных и Подветренных островов перевел взгляд с потного Дженкинса на десятерых моряков на скамье подсудимых перед ним.

— Обвиняемые, — молвил он вежливо, но с ноткой укора в голосе, — можете ли вы что-либо ответить на эти обвинения, выдвинутые против вас первым помощником мистером Дженкинсом. Прошу говорить по одному и отвечать только одно: признаете себя виновными или нет. Секретарь суда, огласите имена обвиняемых.

По бокам краснолицего тучного Скарсбрука стояли другие члены суда. По правую руку за-

мерли с торжественным выражением на лицах сэр Генри Уиллис, секретарь колонии Барбадос и мистер Генри Додсон, торговец из Бриджтауна, слева вытянулись капитан флота Его Величества Феллоуз и мистер Майкл Барнсли, представитель бристольского акционерного общества, владельца «Ястреба».

Вспотевший от удушливой жары, особенно нестерпимой в облицованном дубовыми панелями зале суда, облаченный в черную мантию до пят, секретарь суда поднялся на ноги. Торжественно откашлявшись, он развернул свиток с печатью адмиралтейства.

— Габриэль Пью?

— Не признаю себя виновным, — ответил тот и пробормотал вполголоса: — Чтоб вас черти взяли!

— Джованни Ривьера?

— Нет.

— Запишите: «Не признал себя виновным», — пояснил председатель суда невозмутимо.

— Джон Сильвер?

— Не признаю себя виновным, милорд.

— Джордж Томпсон?

Старик окинул взглядом багрового Скарсбрука. Пять недель в Бриджтаунской тюрьме превра-

тили обветренное его лицо в бледную маску, но глаза на ней пылали отвращением и негодованием, отвращением к Дженкинсу, только что, положа руку на Библию, клявшемуся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, а после этого, не моргнув глазом, обвинившему его, Томпсона, и других матросов в убийстве, бунте, попытке предаться морскому разбою и негодованием по поводу подлой ловушки, в которую все они так простодушно угодили.

— Джордж Томпсон, — повторил секретарь.

— Отвечайте суду, — промолвил Скарсбрук все еще учтиво, но уже с ноткой раздражения в голосе.

Томпсон перегнулся над загородкой, отделяющей подсудимых от зрителей и суда, и смачно плюнул. Плевок попал на мантию секретаря, и последний резко отскочил.

— Обвиняемый, — среди возмущенных криков и возгласов протеста голос председателя был еле слышен, — вы должны отвечать на вопросы суда. В противном случае суд примет меры, чтобы заставить вас говорить.

— Ничего не буду отвечать, сэр, — сказал Томпсон хриплым голосом. — Здесь сегодня никто еще не сказал ни слова правды. Я скорее умру, чем

паду так низко. Я честный человек, сэр, не то, что некоторые другие, которых я мог бы назвать.

В зале заседаний послышался шепот и возгласы удивления; председатель меж тем совещался с другими судьями. Наконец Скарсбрук подозвал к себе дежурного констебля, сказал ему что-то и тот, вытянувшись, вышел из зала, шумно топоча сапогами. Через десять минут он вернулся со скромным на вид человеком в кожаном, длинном до колен фартуке.

Председатель вновь обратился к Томпсону:

— Обвиняемый, вы должны ответить, признаете себя виновным или нет. Если вы откажетесь отвечать на вопросы суда, палач переломит вам пальцы.

Томпсон, бледный как смерть, молча стоял перед скамьей подсудимых. Палач и констебль, схватив его, подтащили к судейскому столу, после чего, к ужасу остальных подсудимых, крепко связали пальцы пеньковой веревкой и стали ее закручивать, пока кости не начали по одной трещать и ломаться. Томпсон истошно кричал от боли во все время этой варварской пытки, но говорить отказался. Наконец председатель распорядился прекратить пытку и увести измученного, но непобежденного старика. Тот же

вопрос был задан остальным морякам, никто из них не признал себя виновным. Затем суд прервал заседание до следующего утра.

Сильвер был потрясен до глубины души: его ужаснули пытки, которым подвергли Томпсона; возмутил цинизм, с которым Дженкинс обвинил его и всех товарищей; оскорбило открыто пристрастное поведение суда, не давшего им сказать ни слова в свою защиту. Суд, опора справедливости и закона, выносящий свои вердикты именем короля и на благо Англии, этот суд со своей явной несправедливостью и жестокостью оказался просто комедией, благодаря которой влиятельные и состоятельные люди, хозяева этой жизни, уничтожали любого, кто, по их мнению, мог представлять для них хоть какую-то опасность.

На следующий день заседание суда еще раз подтвердило эти мысли Сильвера. Скарсбрук спокойно заявил, что Томпсон умер ночью под пыткой. Связанного старика бросили в грязную камеру и принялись наваливать на него камни и брусья железа, но он продолжал упорствовать в молчании. Палачи добавляли тяжести на грудь и живот, не давали ему воды, и наконец перед рассветом Томпсон умер.

Услышав это, Дженкинс смущенно облизал

полные губы, но продолжал так же усердно играть роль пострадавшего, вновь повторял свои ложные обвинения против подсудимых, назвав в качестве свидетелей тех моряков, которых предварительно посвятил в свои замыслы, вздыхал и сокрушался, исполненный благородным возмущением по поводу своих воображаемых страданий.

Заслушав подробную речь Дженкинса, судьи внимательно его расспросили, а затем предложили обвиняемым отвечать.

Скарсбрук, отметивший ум Сильвера, склонялся одно время к тому, чтобы поверить его энергичным и мотивированным опровержениям, но другие обвиняемые — жалкое сборище, неспособное связать двух слов, — оказались настолько растерянными, так путались в своих ответах, что произвели на судей самое дурное впечатление.

Не составляло труда предвидеть приговор. Дженкинс, джентльмен из хорошей семьи, утверждения которого подкреплялись свидетельскими показаниями, явно выигрывал в глазах суда по сравнению с нищим безграмотным сбродом, противостоящим ему. Кроме того, судьи, как представители короны, флота Его Величества,

колониальных и торговых интересов имели все основания желать самым суровым образом раздавить мельчайшие поползновения к бунту и морскому разбою.

— Обвиняемые, — торжественным голосом начал Скарсбрук, — суд неопровержимо установил, что вы составили подлый заговор с целью убийства офицеров ваших и начальников. Во исполнение сего адского плана вы по гнусному наущению зачинщиков предательски убили капитана Грирсона, мистера Гаррисона, мистера Маркема и некоторых других. Кроме того, вы обвиняетесь в том, что, открыто нарушив законы страны, сговорились захватить торговое судно, именуемое «Ястреб», и использовать оное для пиратских действий и грабежей кораблей и имущества подданных Его Величества и иных торговых народов. Именем короля Георга, да хранит его Господь, суд признает всех вас виновными, и все вы осуждены и будете отведены из зала суда в тюрьму, откуда вас сюда привели. Оттуда вас отведут на место казни, где вы и будете повешены за шею до тех пор, пока не умрете. После казни ваши тела снимут с виселиц и закуют в кандалы. Боже, храни Англию!

Выслушав приговор, Пью зарычал, а Ривьера

и все остальные растерянно уставились на председателя суда. Но Сильвер, хотя и был самым младшим из всех, держался смело, как лев.

— Милорд, — сказал он, — после того, что было сказано в суде вами, мистером Дженкинсом и другими, я должен добавить вот что: во-первых, черный это день для Англии и самого короля Георга, храни его Господь, когда невинных людей вроде нас, единственно исполнивших свой долг, ставят перед важными господами вроде вас и обвиняют на основании показаний бессовестных лжецов. Если это называется правосудием, то горе Англии! Провалились бы к дьяволу с таким правосудием, скажу я вам. Уж если это и есть закон и порядок, то да здравствует пиратский флаг! Чтоб негры восстали и перерезали вам жирные глотки, а ваших жен изнасиловали на ваших же постелях! Гореть вам вечно в адском пламени, ибо души всех, неправедно вами засуженных, вопиют к престолу Господню об отмщении!!

Теперь еще пару слов, милорд, повесить меня вы не имеете права, так как я могу читать и писать. Права свои я знаю и требую, чтобы меня судили церковным судом, как и положено по английским законам и обычаям. Так что выкручивайтесь, как умеете, и ступайте ко всем

чертям!

На миг наступило полное молчание, затем зал взорвался криками и угрозами. Охваченный паническим страхом Сильвер лихорадочно напрягал память. Что, если он не прав? Еще упрячут в сумасшедший дом, тоже выход из положения. Нет, прав! Душу готов прозакладывать, что прав! Отец так часто говорил об этой привилегии — праве на церковный суд для тех, кто, как священники, мог читать и писать. Да, эти счастливцы могли требовать другого суда. Когда-то, давным-давно, церковный суд существовал повсюду и выносил более мягкие приговоры — заменял казнь поркой или клеймением. Суда этого уже нет, но старинное право еще действует. Да, он уверен в этом. Что же они придумают? Наверняка заставят прочесть отрывок из Библии — делов-то!

А если потребуют пятьдесят первый псалом? Это уже спасет его от петли. Шум в зале постепенно утих.

— Дайте подсудимому Библию, — сказал внешне невозмутимый Скарсбрук.

— А теперь, приятель, — продолжал председатель суда, — читай нам из Исайи, главу одиннадцатую.

Сильвер зашелестел страницами, отыскивая нужное место, откашлялся и нараспев начал:

«– И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его;

— И почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия;

— И страхом Господним исполнится и будет судить не по взгляду очей Своих, и не по слуху ушей Своих решать дела».

Сильвер продолжал читать все увереннее, пока председатель не прервал его и резким тоном не приказал замолчать.

— Итак, обвиняемый, — сказал Скарсбрук, — вы претендуете на древнее право церковного суда, не так ли? Ладно, это право все еще признается здесь, на Барбадосе. А может еще кто из вас, негодяев, читать, а?

Остальные подсудимые зашевелились и зашумели, но никто из них не смог бы осилить ни слова.

— Отлично, — заключил председатель. — Вы, Джон Сильвер, не будете повешены. Суд отменяет вам приговор, но у нас, к сожалению, нет церковного суда, перед которым вы хотели бы предстать. Мы никак не могли предусмотреть появление на

Барбадосе столь высокой особы. Закон требует, однако, чтобы хоть какое-то наказание было на вас наложено за низкие ваши деяния и замыслы, а потому суд приговаривает отвести вас из зала заседаний в подходящее место, где вы будете проданы в рабство на всю жизнь. Возможно, медленную смерть вы предпочитаете скорой, что-ж, дело вкуса. А сейчас суд закрывает заседание.

Трепещущего после отчаянной попытки спасти себе жизнь Сильвера отделили от других и отвели в душную камеру, где ему предстояло дожидаться унижения быть отведенным на рынок рабов и проданным там с молотка.

10. ПРОДАН В РАБСТВО

Рынок рабов в Бриджтауне, рассказывал Джон Сильвер, представлял собой обширную, огороженную высоким частоколом площадь с хижинами, где дожидались своей участи партии живого товара — рабов. Располагался рынок возле порта и был окружен массивными каменными домами. Когда приунывший Джон Сильвер с веревкой вокруг шеи присел, опираясь о низкую деревянную площадку, его зоркие глаза заметили, что большинство строений имели застекленные окна. Некоторые из недавно построенных домов были о трех-четырех этажах, как и те, что так хорошо помнил Джон по Бристолю.

Старые здания были, однако, низкими, поскольку люди считали благоразумным строить именно так после сильного урагана, разрушившего полгорода во время царствования Карла II.

По главной улице Бриджтауна, устланной гравием и коралловой крошкой, неторопливо двигались прохожие: бродячие торговцы разнообразными товарами

— от свежих плодов и рыбы до жареного и копченого мяса, домашняя прислуга, спешащая

по каким-либо делам, моряки в увольнении, ремесленники. Время от времени на своем чистокровном коне проезжал плантатор, а иногда громыхала по камням коляска, влекомая парой пони, с чернокожим кучером на козлах. В коляске восседали богатые дамы в пышных платьях, привезенных из Англии или контрабандой доставленных из Франции через Североамериканские колонии.

В день, когда Сильвера вывели на продажу, рынок явно не выглядел оживленным. В последнее время бухта Карлайл не оживлялась силуэтами судов, ведущих торговлю с Африкой, и поэтому в продаже было не более десятка рабов, к тому же успевших обучиться на Барбадосе какой-либо профессии — поваров, носильщиков, садовников и им подобных. Несмотря на затишье в торговле, вскоре большая толпа собралась вокруг молодого Джона Сильвера, поскольку предстоящая продажа в рабство белого человека вызвала немалый интерес у простолюдинов Бриджтауна.

Хотя со времени тех событий прошло более полувека, во время рассказа на лице Сильвера проявились следы страшного унижения, которое он пережил в эти часы.

— Да, Джим, — сказал он, и его обычно холод-

ный взгляд наполнился бешеной ненавистью при воспоминаниях о тех прошедших несправедливостях, — легко человеку примириться с судьбой и принять наказание, если оно справедливо и, так сказать, законно. Но вердикт этой старой рухляди с Барбадоса — это же насмешка над правосудием, Джим! Представь, будто это тебя упрятали в загон для черномазых, а там важные господа, плантаторы пускают тебе табачный дым в лицо, дочери их смеются, глядя на тебя, и даже черные рабы насмехаются над тобой и глазеют, как в балагане. Боже мой, Джим, легче было, когда хирург пилил мне ногу — тогда я просто вцепился зубами в руку, чтобы не орать от боли. А тогда я чуть не разревелся, как маленький ребенок, потому что пал так низко, а все из-за вранья этой гнусной крысы Дженкинса. Я понял тогда цену всем этим чванливым капитанам, жирным торгашам, джентльменам из Компании и судейским. Они меня засудили по ИХ закону, но, Боже праведный, именно тогда я поклялся добраться до них, как только представится возможность, даже если придется нарушить все эти проклятые законы. Я решил отплатить сполна за все мои унижения и дырявого фартинга не дал бы за их головы! Как сейчас помню, именно так

я думал в то время, решив прожить жизнь вне закона, хотя тогда еще и не представлял, как мне предстоит попасть в «береговое братство».

После этого взрыва страстей Сильвер продолжал описывать унизительные часы, проведенные им на рынке рабов в Бриджтауне.

Похоже было, что плантаторы Барбадоса, кружившие вокруг Сильвера, не склонялись к тому, чтобы приобрести этого рослого малого с дурной репутацией бунтаря и головореза. Возможно, их отпугивала также и высокая цена, установленная властями: сто фунтов было чрезмерно большой суммой — ведь всего за двадцать тогда продавали покорного негра.

Итак, приунывший Сильвер сидел, прислонясь к площадке, а свободные люди и ранее проданные рабы приценивались к нему, всячески насмехаясь. Наконец, подняв голову, он заметил относительно высокого черноволосого человека в иноземной одежде, пристально за ним наблюдающего. Некоторое время спустя незнакомец повернулся и подошел к распорядителю торгов, дремавшему под навесом, опустив на глаза широкополую шляпу.

— А, мистер Дюбуа, добрый день, сэр! — сказал он, поспешно вскочив на ноги. — Чем могу быть

полезен?

— Этот белый, там, — ответил Дюбуа. Он свободно говорил по-английски, хотя и с некоторым акцентом, происхождение которого Сильвер поначалу не мог определить. — Что он умеет делать?

— Да это же находка для вас, мистер Дюбуа! — вос-кликнул распорядитель. — Этот человек, по имени Джон Сильвер, ум у него как бритва, мог бы им рубить сахарный тростник. Может читать Библию получше преподобного Джона Уэсли и говорить…

— Да, да, хорошо, — нетерпеливо прервал Дюбуа перечисление добродетелей, обернулся и подошел к Сильверу.

— Встань, — сказал ему Дюбуа.

Сильвер поднялся и расправил плечи.

— Да, — говорил Дюбуа задумчиво, как бы самому себе, — рослый малый. Около шести футов и соразмерно крепок и широкоплеч. — Дюбуа продолжал комментировать Джона, затем внимательно взглянул ему в лицо:

— Хорошо, глаза чистые. Открой рот и пошире. Oui, exellent, vous aver les dents tres fortes, je crois

[79]. Хорошо, закрой рот.

— Послушай, — сказал Дюбуа распределителю, — я смотрю, кроме меня никто не собирается его покупать, не так ли? А кроме того, перед нами опасный преступник, правда? Так что плачу за него пятьдесят фунтов и ни пенни больше, а тебе сверх того комиссионные. Согласен?

— Так не пойдет, мистер Дюбуа, — запротестовал распределитель. — Суд оценил его вдвое дороже, и вы хорошо знаете, он столько и будет стоить, а может, и побольше, когда малость подучится. Я возьму за него восемьдесят, и ни пенсом меньше.

Во время этой беседы Джон Сильвер стоял с опущенной головой, вспотев от стыда, — его продавали, как вола на рынке. Наконец он услышал, как Дюбуа решительным голосом заявил:

— Последняя цена! Даю шестьдесят фунтов серебром. Согласен? — Дюбуа отсчитал деньги, затем связал Сильверу руки толстой веревкой и подвел его к коню на другом конце рынка. Там он накинул Джону на шею петлю, привязанную к луке седла. Сделав все это, Дюбуа обернулся к своему новому рабу.

---

[79] notes: 79
Да, прекрасно, мне кажется, у вас здоровые зубы (фр.)

— Слушай, — сказал он, — теперь ты мой раб. Будешь хорошо работать и вести себя — поладим. Хозяин я добрый, содержу рабов неплохо, строю им удобные хижины. Если станешь работать как надо, сделаю тебя старшим над неграми и будешь им показывать, что делать, понял? А теперь пошли.

С этими словами он сел на коня, несильно потянул уздечку и тронулся, едва разминувшись с доверху нагруженной бочонками патоки повозкой, которую с натугой тянули четыре вола. Естественно, Сильвер, привязанный веревкой к седлу, последовал за своим новым господином, и, хотя Дюбуа ехал шагом, Джон едва поспевал за ним, то и дело спотыкаясь о крупные камни. Вскоре он наловчился высоко подымать на бегу ноги и перескакивать камни, не ушибаясь о них. Солнце пекло, и рубашка его насквозь промокла от пота.

Следуя в столь жалком виде через весь Бриджтаун, Сильвер не прекращал обдумывать возможности, стоящие перед ним. Его ожидал бесконечный изнурительный труд на влажных плантациях сахарного тростника или в ужасающей жаре при котлах, где варится патока. Постоянная угроза быть наказанным своим

господином за любую подлинную или мнимую провинность будет висеть над ним ежечасно. Джон слышал ужасные истории о том, как рабов пороли до смерти, отрезали им ноги, уши и носы, выкалывали глаза. От таких историй волосы дыбом вставали, а избежать этих мучений он мог только, если улучит подходящий момент для побега, потому что был уверен, что в конце концов сбежит или обретет свободу законным путем, в британских колониях Вест-Индии и на континенте ему приходилось видеть немало чернокожих вольноотпущенников.

Следуя за Дюбуа, уверенно правившим конем, Сильвер некоторое время ласкал себя надеждой, что можно попробовать сбежать, как только дорога, по которой они шли, уйдет за пределы Бриджтауна в поле. Вскоре он, однако, отказался от этой идеи. Во-первых, надежды на побег почти не было — руки связаны, а на шею накинута петля. Кроме того, пойманных беглецов здесь карали смертной казнью через сожжение на медленном огне, жертвы приковывались близ костра и не сгорали сразу, а медленно поджаривались. У Джона Сильвера не было ни малейшего намерения подражать ранним христианам, претерпевшим такие смертные муки и за то причисленным

папистами к лику святых.

Дорога, которой они следовали, направлялась на север вдоль западного берега острова. Прошли семь миль вдоль границ плантаций сахарного тростника, уже почти созревшего для жатвы. На досках, косо приколоченных к столбам, значились коряво написанные имена владельцев плантаций, и Сильвер принялся повторять их про себя, рифмуя с ругательствами и «благими» пожеланиями, перечислив таким образом многих толстосумов Барбадоса.

— Брокни, Брокни, поскорей издохни!

— Говард, Говард, пусть скрючит тебя голод!

— Из Брауна немало мы натопим сала!

— Мак-Лорена с тоски порубаем на куски!

Наконец Дюбуа свернул на обочину, привязал коня к молодой пальме и сел на траву. Он отвязал от седла брезентовый мешок и вынул из него кусок солонины, ломоть хлеба и свежие фрукты. Достал оттуда также кожаный мех и стал пить из него шумно и долго, прежде чем приняться за еду.

Утомленный Сильвер прислонился к коню, который пасся на сладкой мокрой траве.

— Эй! — сказал Дюбуа. — Бери мех и пей. Вот тебе хлеб и мясо. Когда поешь, можешь немного

отдохнуть. Сейчас освобожу тебе руки, так что садись, если хочешь.

С этими словами он разрезал карманным ножом веревку, впившуюся в кисти Сильвера и стершую их до крови. Потом небрежно бросил кожаный мех и хлеб Джону, свалившемуся в это время на землю. Сильвер был еще привязан к седлу коня, который не переставал жевать траву и время от времени переходил с места на место, перетаскивая за собой Сильвера. Несмотря на это, еда показалась Сильверу достойной пиршества олимпийских богов.

Отдохнув с полчаса, Дюбуа встал и снова оседлал коня. Солнце уже клонилось к западу, и до сумерек оставалось несколько часов, когда они снова тронулись в путь. Хотя теперь, с развязанными руками Сильверу было легче бежать, из-за неровностей дороги ноги его опухли и заболели в лодыжках.

Через некоторое время Дюбуа свернул с большой дороги, миновал табличку с надписью «Владения Филиппа Дюбуа» и двинулся вдоль плантации сахарного тростника, простиравшейся более чем на полмили. Уже смеркалось, но, напрягая зрение, Сильвер успел рассмотреть в четырехстах ярдах группу маленьких хижин, за

которыми виднелся большой двухэтажный дом; окна нижнего этажа были ярко освещены.

Дюбуа остановился у одной из хижин близ дома, пинком отворил дверь и втолкнул Сильвера внутрь, не снимая петли с его шеи.

— Будешь спать здесь, — сказал Дюбуа. — Дверь я не запираю, но если вздумаешь убежать, мои ищейки перегрызут тебе горло. Работать начнешь с утра. — С этими словами он закрыл дверь и пошел отводить коня.

Сильвер сел на земляной пол хижины, прислонясь к деревянному столбу, подпиравшему низкий потолок. Во мраке он смутно различал нерезкие очертания стола и двух табуреток; подстилка и одеяло лежали у другой стены. Маленькая хижина насквозь пропиталась запахами мочи и пота.

Совсем отчаявшись, Джон бросился на подстилку и накрылся грязным одеялом, так и не сняв с шеи петли. И засыпая в страшной усталости, сквозь сон смутно услышал радостный девичий возглас и голос Дюбуа, звавший: «Аннет, Аннет!»

11. НА ПЛАНТАЦИИ

На рассвете Дюбуа отворил дверь хижины Сильвера. За ним следовал пожилой худощавый негр с седыми курчавыми волосами.

— Вставай! — резко крикнул Дюбуа. — Этот человек, — он показал на старого негра, — его зовут Жан-Пьер, он надзиратель здесь на плантации. Сейчас он тебе все покажет, объяснит, как работаем и когда отдыхаем. Понял?

Сильвер вскочил на ноги и взглянул на Жан-Пьера, осматривавшего его лукавыми сощуренными глазами. Негр был одет в синюю бумажную рубашку и запачканные фланелевые панталоны. Правая его рука крепко сжимала кнут.

— Да, сэр, — быстро ответил Сильвер. — Все понятно.

— Отлично, — молвил Дюбуа. — Так, а теперь время проверки, ясно? — Он повернулся и вышел из хижины.

Сильвер последовал за Дюбуа и Жан-Пьером. Первые лучи тропического солнца начали пронизывать густой холодный туман над имением. Обильная влажность затрудняла дыхание, и Сильвер закашлял. Тем временем рабы группами

стали собираться позади Дюбуа и Жан-Пьера. Приблизившись к полю сахарного тростника, Жан-Пьер остановился и подождал Сильвера. Когда тот подошел, негр обратился к нему сквозь зубы:

— Как тебя звать, приятель? Знаю, что Сильвер, но как твое имя?

— Джон, — ответил Сильвер как можно более вежливо — он почувствовал, что если вызовет ненависть надзирателя, то обретет в его лице страшного и непримиримого врага.

— Джон, — повторил нараспев Жан-Пьер, — а твое имя точь-в-точь как мое, только у меня французское, потому что когда-то моим хозяином был отец мусью Дюбуа, когда они жили давным-давно на Мартинике. Все равно, можешь звать меня Джонни, большой ошибки тут не будет.

— Ладно, Жан-Пьер, — сказал Сильвер, — ничего не имею против. Однако как грязный француз Дюбуа попал на английский остров Барбадос?

— В свое время узнаешь, Джонни, — ответил Жан-Пьер. — Почему бы и не рассказать. Но, mon Dien [80], это долгая история, а сюда идет сам мусью Дюбуа. Так что до другого раза.

---

[80] notes: 80
Боже мой (фр.)

Дюбуа появился перед ними еще до того, как Жан-Пьер замолчал.

— Слушай, — сказал он Сильверу, — если хочешь уберечь свою шкуру, научись работать не хуже негров. Потом я, может быть, назначу тебя помогать Жан-Пьеру следить за порядком. Но и Жан-Пьер в обиде не будет. Когда-нибудь ему самому захочется дремать целый день, сидя перед хижиной, или приглядывать за своими поросятами. Тогда, может быть, ты займешь его место. Но как бы там ни случилось, служи мне хорошо, чтобы не было нареканий, и делай, что тебе скажут. Жан-Пьер, проследи за ним.

С этими словами он повернулся и пошел с плантации к дому.

Утреннее солнце уже развеяло туман и согрело влажные одежды рабов. Они оживленно разошлись по краям поля и, разбившись на группы, стали резать сахарный тростник. Жан-Пьер подал Сильверу большой кривой нож и ободряюще сказал:

— Хорошо работай, Джонни, и во всем бери с меня пример. Я скажу мусью Дюбуа, что ты хороший человек и будешь мне помощником. — Сильвер, тяжело вздохнув, принялся за работу: в конце концов, другого выбора у него не было.

И так более двух месяцев жизнь его текла по однообразному распорядку: подъем до зари, непрестанный труд и глубокий сон уставшего от непосильного труда человека.

Все же он быстро свыкся со своей незавидной судьбой. Работая, соразмерял свои силы с тщательностью аптекаря, отвешивающего лекарства, и уже вскоре находил время и силы обрабатывать небольшой огород возле своей хижины, любовно выращивая овощи, которыми, как и другие рабы, дополнял скудную и однообразную пищу. При помощи Жан-Пьера раздобыл вполне приличный матрац, набитый соломой, чистое одеяло и сносную кухонную посуду. Физический труд сделал мощную фигуру Сильвера еще внушительнее, а его мускулы развились настолько, что он легко перетаскивал тюки, которые с трудом могли поднять двое рабов.

Вначале чернокожие не упускали случая позлорадствовать над белым человеком, которого несчастная судьба сравняла с ними. Но после того, как Сильвер задал хорошую трепку сразу двоим из досаждавших ему негров, насмешки и издевательства прекратились.

От Жан-Пьера он постепенно узнал почти всю историю Дюбуа. Оказалось, что его отца

вынудили бежать с Мартиники преследования французских властей, которым нестерпимыми казались его вольнодумные взгляды и вечный интерес к еретическим учениям — старого Дюбуа подозревали в приверженности к гугенотской ереси и даже считали, что он занимается магией. Поэтому старик продал имущество, покинул Мартинику и поселился на Барбадосе, где его богатство и гонения за веру, которые он претерпел от католиков, заставили всех смотреть сквозь пальцы на французское его происхождение. После смерти отца Филипп Дюбуа унаследовал плантацию и стал верноподданным английского короля. Он не был никогда женат, но, по словам Жан-Пьера, жил с одной из рабынь, этакой черной Венерой из Бенина. В результате этой связи на свет появилась дочь, а мать умерла вскоре после родов от какой-то загадочной лихорадки. Девушка, которой ко времени описываемых событий минуло шестнадцать лет, была признана отцом законной дочерью и получила неплохое домашнее воспитание и образование.

Аннет Дюбуа была прелестным пылким созданием. Ее смуглая кожа блестела, коричневые глаза сияли, а пышные иссиня-черные волосы покрывали плечи. Когда она в своих длинных

платьях появлялась на плантации, она казалась Джону прекрасным странным видением, каким-то заманчивым и недостижимым миражом. Сильвер заметил, что, когда их взгляды встречались, Аннет поспешно отводила глаза в сторону или принималась наблюдать, как идет работа по соседству. Дюбуа любил ее до безумия, и дочь отвечала ему страстной привязанностью то ласковой, то торжественной, то шутливо-кокетливой.

Во всяком случае, Сильвер с горечью сознавал, что для такого красивого существа он просто не существует. Кто он такой? Простой раб на полевых работах, одетый в грубую бумажную одежду.

Спустя девять недель после появления Сильвера на плантации, Дюбуа зашел к нему в хижину, когда Джон ужинал в компании с Жан-Пьером. Сильвер и старый негр быстро вскочили на ноги. Дюбуа взглянул на него испытующе, но голос его не был враждебным.

— Ну, Джонни, — сказал он, — работаешь ты хорошо. Теперь, надеюсь, понял, как надо управлять рабами, хорошо изучил все их хитрости, все выдумки. Назначаю тебя старшим надзирателем, а Жан-Пьер тебе поможет. — При этих словах Жан-Пьер недовольно насупился, как показалось

Сильверу. — Естественно, ты останешься моим рабом, но будешь получать хорошую еду и приличную одежду. Будешь стараться — выйдут тебе еще награды, это уж я обещаю. Понял?

— Понял и покорно вас благодарю, сэр, — ответил Сильвер. — Мы с Жан-Пьером превратим вашу плантацию в лучшую на всем Барбадосе, уж будьте уверены, сэр.

— Отлично, — промолвил Дюбуа, но все же не забывай, что ты осужденный преступник. Малейшая провинность — и я тебя повешу, а судьи в Бриджтауне только поблагодарят меня за это. — И, повернувшись, он пошел к двери. — Ах да, — сказал он, внезапно остановившись. — Вчера вечером мой сосед Ричард Стоунхем рассказал о судьбе других преступников, твоих дружков. Все они познакомились с виселицей. Повесили их, кажется, несколько недель назад, и солнце с тех пор крепко высушило все тела, за исключением одного. Этот негодяй сумел убежать из тюрьмы, убив двух стражников. За ним устроили погоню, спускали по следу собак, но, увы, кажется он скрылся. Как его звали?.. Дрю, кажется, или Нью, что-то в этом духе.

— Пью, — прервал его Сильвер, едва справившись с волнением. — Его зовут Гейб Пью,

сэр. — И заметив, что чрезмерное возбуждение насторожило хозяина, продолжил с деланным безразличием: — Трудно найти более низкого мерзавца и головореза. Только бы его поскорее поймали, а пока он остается на свободе, Бог да хранит подданных короля.

— Аминь, — резко ответил Дюбуа, внимательно наблюдая за выражением лица Сильвера. Потом вышел, прошел мимо двух свиней Жан-Пьера, которые рылись под деревом, и его поглотил фиолетовый мрак.

В роли надзирателя на плантации Сильвер почувствовал себя, как рыба в воде. Облаченный в старое платье Дюбуа, с почерневшим от солнца лицом, в нахлобученной на голову соломенной шляпе, обутый в крепкие кожаные сапоги, с тяжелой плетью, заткнутой за пояс, он был внушительным представителем хозяйской власти — солиден, но зорок и проворен.

Он обрел положение, которое подобало белому человеку, вынужденному жить среди чернокожих. Его самолюбие было удовлетворено, и он стремился поддерживать на плантации образцовый порядок. Сам испытавший ужасы рабства, он не мог не сочувствовать тем, кому судьба не оставила никакой надежды, кому предстояло

жить и умереть в неволе. Может быть, поэтому Джон скоро понял, что бесполезно заставлять рабов до изнеможения работать, истязать их, лишать еды, гораздо большего результата можно добиться справедливостью, разумной требовательностью, а иногда и просто шуткой. Рабы, в свою очередь, не злоупотребляли добрым отношением Сильвера, не пытались использовать его хорошее настроение или личную благосклонность для получения поблажек. Да и Джон умел, когда надо, проявить суровость, а его огромный рост и необыкновенная сила внушали уважение и не позволяли проявлять своеволие. Так безошибочный расчет, упорство, железная воля и красноречие позволили Сильверу добиться больших успехов.

Дюбуа благословлял счастливую свою судьбу за то, что догадался купить Сильвера. Рассчитывая на острый ум и сообразительность своего нового управляющего, он даже обсуждал с ним ряд вопросов, касающихся ведения хозяйства.

Жан-Пьер, со своей стороны, явно был недоволен возвышением Сильвера, и, хотя не произнес ни слова по этому поводу, Джон чувствовал, что, утрать он свое положение, старый негр был бы очень доволен и постарался бы сделать все для

этого.

Такая возможность представилась Жан-Пьеру примерно через два года после продажи Сильвера в рабство. Тут надо отметить, что Джон отчасти сам был виноват в своих злоключениях. Не больно-то охотно говорил он со мной об этом, но стало ясно, что Сильвер страстно полюбил Аннет Дюбуа и нашел у нее взаимность, хотя для меня так и осталось тайной, кто из них сделал первый шаг. У Джона была любовница, негритянка по имени Шарлотта, связь эта тяготила его, но Шарлотта была горничной Аннет; видимо, это обстоятельство способствовало сближению Сильвера с дочерью плантатора. Как бы там ни было, однажды ночью состоялось свидание, на котором влюбленные дали клятву хранить верность друг другу до самой смерти, хотя эта связь и была вопиющим нарушением законов и обычаев.

Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы обнаружить свою любовь перед другими. Тайные их свидания, как бы умело они ни скрывались, рано или поздно должны были открыться, и Сильвер, несмотря на любовь к Аннет, ежеминутно опасался предательства или собственной оплошности.

Дурные предчувствия нашего героя оправда-

лись внезапно в одно холодное сырое утро перед восходом солнца. Не успел Джон проснуться, как четверо дюжих негров, выполнявших обычно самую тяжелую работу на плантации, набросились на него и стали связывать. Сопротивляясь сразу четверым, Сильвер увидал мрачного и полного злорадства Жан-Пьера, руководившего арестом.

Через несколько минут Сильвера отволокли в карцер на плантации — низкую каменную постройку, куда запирали провинившихся рабов. Со связанными за спиной руками Джон предстал перед Дюбуа, чьи глаза гневно блестели, а лицо побледнело и скривилось от гнева и злобы.

— Ты, — крикнул Дюбуа, — ты соблазнил мою дочь! Осквернил мой дом, опозорил мое имя! Не пытайся отрицать, негодяй. Жан-Пьер видел все, все ваши тайные встречи! Я все знаю!

— Боже мой, господин Дюбуа, — закричал Сильвер, отчаянно подыскивая подходящие слова. — Вы заблуждаетесь: ваша дочь столь же невинна, какой была, когда родилась! Чтоб я ее соблазнил! Господи! Да разве такая важная особа может взглянуть на меня, жалкого раба, иначе, чем на вещь? Да вы мне льстите, сэр, ей-богу!

Продолжить он не успел, так как Дюбуа, подскочив от ярости, ударил его плетью по лицу. Кожа

на щеке лопнула, и жгучая боль пронзила Джона, по лицу которого потекла горячая жидкость.

— Ты смеешь так со мною говорить! — взревел Дюбуа. — Вор, преступник и лжец! — и с большим усилием овладев собой, продолжал спокойным, но полным злобы голосом: — Ты пытался похитить мою дочь, единственное любимое мною существо. Этого ты не добился, но своей грязной попыткой ты осквернил ее чистоту, чему у меня есть свидетели. И теперь, раскрыв твои планы, я тебе отомщу. — Дюбуа отошел к окну, забранному крепкой решеткой, и поглядел наружу, где уже светало. — Вот там, — сказал он почти устало, — стоит мой дом. В комнате на верхнем этаже моя дочь, несомненно, еще плачет от ударов плетью по спине и пониже. Дверь заперта, и ее стережет снаружи верный старый раб из домашней прислуги. Аннет еще долго будет видеть мир только из окошка своей комнаты, а ты, — Дюбуа приблизился, глядя Сильверу в глаза, — ты больше ничего не увидишь. Хочешь знать почему? Потому что я тебя убью. Тут суд не нужен. Как я тебя убью, спрашиваешь? Повесить тебя — умрешь слишком легко и быстро, а сжигать на медленном огне можно, на мой взгляд, только негров. Но может быть, тебе довелось слышать,

во Франции привязывают человека к колесу и палач перебивает ему ломом конечности, а жертва тем временем вопит и наконец умирает от боли. Нелегкая смерть ждет тебя, так что думай о ней те несколько часов, что тебе остаются.

— Жан-Пьер, — резко сказал он, повернувшись к выходу, — стереги его, отвечаешь головой. Если что-то будет не так, вместо палача станешь жертвой.

С этими словами Дюбуа вышел из карцера, Жан-Пьер поклонился ему вслед и сел, а Сильвер, потерявший от страха разум и дар речи, наклонился вперед, и его вырвало на пол.

12. НАПАДЕНИЕ ПИРАТОВ

Издевательский голос Жан-Пьера нарушил молчание и вывел Сильвера из тупого безразличия.

— До чего же красивая картинка, как ты сидишь в собственной блевотине. Высоко целишь, белая свинья. Решил заполучить Аннет и стать господином? Выше головы не прыгнешь. Тебе конец, малыш, понятно? И это я тебе его устроил. Я тебя видел первый раз с мисс Аннет в складе, потом еще много раз. И Шарлотта тоже руку сюда приложила — она вдвое больше, чем я, ненавидит и тебя, и твою шлюшку.

Старик сплюнул на пол.

Сильвер почувствовал, как его окатило горячей волной бешенства. Куда только девались тяжкие безнадежные мысли.

— Жан-Пьер, — сказал он мрачно, — как только со мной это произойдет, тебе перережут глотку от уха до уха и забьют эту дыру твоими же кишками, так что лучше для тебя помочь мне.

— Ну-ну, ничего со мной не случится, мальчик мой, — отозвался Жан-Пьер. — Завтра утром в это время ты будешь уже подыхать на колесе, а мисс

Аннет наверху слушать твои вопли.

Сильвер опустил голову. Что предпринять, чтобы избежать этой ужасной смерти? Молить Дюбуа о пощаде? Немыслимо. Хозяин переполнен одним навязчивым желанием отомстить за свое воображаемое оскорбление, а влияние на него Аннет исчезло, по крайней мере сейчас. Из карцера не убежишь — Жан-Пьер не спускает с него жесткого взгляда, да и снаружи для охраны приставлена пара дюжих негров. При этом Сильвер знал, что каменное строение карцера сделано на совесть: тяжелая дверь окована массивными железными полосами, а решетка на окне сделана из прутьев толщиной в человеческую руку.

Возможно ли хотя бы освободиться от пут и после того справиться с Жан-Пьером? Он осторожно попробовал натянуть веревку, которая спутывала его руки, затем напрягся изо всех сил: веревка затрещала, но не поддалась. Сильвер понял, что этим путем ничего не добьется. Вот и пришел конец земной его жизни. Многие опасности пережил он на борту «Ястреба»; сумел спасти голову в самых неблагоприятных условиях, когда в судебной палате в Бриджтауне вспомнил вдруг древнее полузабытое право церковного суда; избавился от положения обыкновенного раба

на плантации Дюбуа и получил значительную власть.

Теперь ничего уже не имело значения. Он был обречен, обречен на мучительную смерть, подобную смерти первых христиан на аренах римских цирков или смерти убийцы французского короля, как, бишь, его звали?

Внезапно стало очень холодно, и Джон почувствовал сильную усталость. К чему бороться со сном? Он прилег на грязный, устланный соломой пол и глубоко заснул.

Наверное, он спал около двенадцати часов, а может быть, и больше, потому что, когда раскрыл глаза, уже смеркалось. Снаружи творилось что-то непонятное: слышались приглушенные голоса и крики, очевидно и прервавшие его мертвецкий сон.

Жан-Пьер, держась за прутья решетки в оконном проеме, отчаянно пытался высмотреть, что за суматоха там творится. Затем, коротко и тревожно вскрикнув, открыл дверь и выбежал наружу, приказав обоим стражам следовать за ним. Откуда-то издалека доносились наводящие ужас звуки трубы.

Труба играла тревогу! Но почему? Сильвер быстро перебрал в уме все возможности. Бунт

рабов, подстрекаемых, быть может, неграми-заклинателями

— те тайком занимались строжайше запрещенной черной магией — да, такие восстания не были редкостью и заставляли плантаторов и надсмотрщиков, а в сущности, всех белых на острове применять бесчеловечные репрессии, дабы вселить в сердца уцелевших панический ужас перед силой и свирепостью белого господина.

А может быть, многолетняя ссора между семействами Дюбуа и Рийдов, владельцев соседней плантации, вылилась в насильственный действия? О чем, собственно, был спор? Сильвер, напрягая память, вспомнил, что Дюбуа и Рийд претендовали на владение маленькой бухточкой Спайкс, где оба имения выходят к морю, что очень важно для погрузки бочонков сахара и патоки на каботажные шхуны.

Что же происходит? Слышится пистолетный выстрел. Бешено лают волкодавы Дюбуа. Раздаются истошный женский визг и отборная ругань. Вот еще выстрелы, а за ними — продолжительный грубый, жестокий и зловещий хохот, от которого волосы на голове встают дыбом.

Сильвер завозился на полу. Хотя руки его были крепко связаны за спиной, но, поднявшись на

колени и опершись правым плечом о стену, он сумел подняться на ноги. Осторожно ступая, подошел к двери, в спешке оставленной Жан-Пьером открытой, и внимательно огляделся. Во мраке невозможно было разобрать, что происходит, тем более что на плантации царили паника и беспорядок. Небольшие группы рабов метались туда-сюда, спотыкаясь о валявшиеся тела убитых негров. То тут, то там проблескивал свет — какие-то люди бегали с факелами, а поодаль ярким пламенем горели хижины рабов.

Сильвер толкнул приоткрытую дверь карцера и вышел наружу. Не успел он сделать двух шагов, как чьи-то огромные руки схватили его за шею и рывком притиснули к двери. В лицо ему глядели налитые кровью глаза. Нападавший был ростом с Сильвера.

— Погоди, Джоб, — раздался невдалеке грубый голос, — сначала посмотрим, что за рыба нам попалась.

К Сильверу подошел другой человек. Этот был ростом пониже, в ладной треуголке, надетой набекрень, в куртке и панталонах из добротной ткани флотского покроя. Хотя в руке его был короткий тяжелый тесак, выглядел он почти прилично. Пока он разглядывал Сильвера, тот

ощутил смешанный запах рома и пота. Первый незнакомец, державший Сильвера за горло, разжал руки и быстро заговорил с подошедшим.

— Не знаю точно, мистер Бонс, — сказал он, — рыба это или птица, но как видите, это белый человек, и к тому же связанный.

— И очень благодарный судьбе, что она послала мне джентльменов вроде вас, — подхватил Сильвер, спешивший воспользоваться положением. — Этот гнусный француз, гореть ему в адовом пламени, связал меня и собирался наутро переломить мне все кости на колесе. Развяжите меня, джентльмены, и я провожу и покажу вам, где он держит свое золото и серебро, честное слово.

Человек, которого звали Бонсом, почесал кончиком сабли под глазом.

— Ладно, приятель, — сказал он, как подметил Сильвер, с североамериканским акцентом. — Ты нас отведешь к золоту, а мы о тебе позаботимся. Только если соврешь, я насажу тебя на саблю, как на вертел! Перережь ему веревки, Джоб, — сказал он резко. — Ну-ка, покажи, где спрятано сокровище, о котором ты толковал, да поживее!

Растирая руки, Сильвер повел их к дому Дюбуа. Он шел торопливо, то бегом, то шагом и видел,

что имение захвачено моряками, если судить по их одежде. Пираты? Да, именно так. Нападение пиратов! Несомненно, морские разбойники высадились перед закатом в бухте Спайкс и, дождавшись темноты, атаковали. Сейчас они грабили, жгли и беспощадно убивали всех, кто пытался сопротивляться. Сильверу приходилось слышать, как банды пиратов нападали на плантации по берегам Барбадоса, да и других островов, добывая себе провиант и ценности. Сейчас эта судьба постигла имение Дюбуа.

Подошли к дому. Высокие двери, распахнутые настежь, слегка покачивались на петлях. Казалось, все обитатели ада собрались здесь — раздавались испуганные вопли, страшная ругань и треск сокрушаемой мебели.

Когда троица приблизилась к дверям, из дома выскочил плечистый головорез, с красным платком, обвязанным вокруг головы. Он тащил за собой двух истошно вопящих негритянок — одной из них была Шарлотта, служанка Аннет. Сильвер замешкался, глядя на них.

— А ну, пошел, дурак! — рявкнул на него Бонс, и Сильвер почувствовал укол саблей. Они вошли, звонко стуча каблуками по каменным плитам вестибюля. В комнате справа горел свет. Бонс гру-

бо втолкнул Джона внутрь. Ослепленный ярким светом, Сильвер часто заморгал. Перед ним на стуле с высокой спинкой сидел Дюбуа; руки его были связаны за спиной. Над ним нависли три человека, крича и размахивая ножами. Немного в стороне на расшитом золотом и шелками диване спокойно восседал четвертый.

Едва разглядев, что здесь происходит, Сильвер услышал, как один из троицы зарычал на Дюбуа:

— Если будешь носом крутить и не скажешь, куда спрятал деньги, мы поджарим тебя на медленном огне! Посмотрим, французишка, как станешь чваниться, когда понюхаешь собственное мясо, — и поднес нож к самому лицу Дюбуа.

Человек на диване зашевелился.

— Погодите, мистер Флинт, — сказал он, мягко и правильно, как истый джентльмен, выговаривая слова. — Вы хорошо знаете, что я не выношу насилия над пленниками. Ну, один-два удара по лицу, дорогой мой сэр, это еще не беда. Но жечь на медленном огне — фи! Я англичанин и христианин, сэр, и не допущу этого.

Флинт повернул лицо, испещренное пятнами и щербинами, к человеку на диване, и Сильвер сразу понял, что черты его обезображены ожогом — вероятно, от пороха.

— Слушай, капитан, — укоризненно промолвил Флинт, — так мы никогда не выжмем из него ни фартинга, разрази меня гром. Оставь мне это дело, а я уж знаю, как поприжать эту свинью. Ох, и потеха же будет, когда мы его малость поджарим. — Он рассмеялся, откинув голову назад. Прозвучал тот же леденящий душу хохот, который Сильвер услышал совсем недавно, в самом начале нападения.

В этот момент Бонс шагнул вперед, подталкивая перед собой Сильвера. Тот быстро обернулся к человеку, споривщему с Флинтом.

— Вот, капитан Ингленд, — сказал Бонс, — я привел к вам, если не ошибаюсь, ключи от сундуков этого джентльмена. Мы с Джобом Андерсоном нашли его связанным, как быка перед бойней. Он очень зол на своего хозяина и готов показать, где тот прячет свою казну.

— Точно так, капитан Ингленд, точно так, сэр, — с готовностью заявил Сильвер, — я знаю, где он прячет ценности. Мне не надо доли от них, но умоляю вас, сэр, возьмите меня с собой. Если я здесь останусь, то жизнь моя не будет стоить ни фартинга.

С изысканным жестом капитан Ингленд повернулся к Джону Сильверу, небрежно одернув

кружева на рукаве.

— Об этом поговорим, когда будет время, приятель, — ответил он. — Сначала покажи золото.

— Так точно, сэр, — сказал Сильвер, повернулся и повел всех по лестнице в задние комнаты, где, как было ему известно, Дюбуа прятал ценности. Капитан Ингленд, Бонс, Андерсон вместе с двумя другими пиратами пошли следом, но Флинт, поколебавшись, остался.

Они взломали потайной стенной шкаф, где Дюбуа держал деньги и драгоценности, и стали перекладывать их в наволочки, взятые из спальни. Сильвер благодарил судьбу за то, что, пока он был старшим надзирателем, он проник во многие секреты хозяйства плантации.

В этот момент он вспомнил об Аннет. Отец запер ее в одной из комнат в задней части дома, и, вне всякого сомнения, она сходила с ума от страха и неизвестности. Никто не обратил внимания, как Сильвер выскользнул на лестничную площадку и пошел искать комнату, где была заперта Аннет.

Увидав открытые двери, он вошел в комнату и на мгновение замер: прижавшись к стене, истерически рыдала Аннет, отчаянно отбиваясь от какого-то человека, срывающего с нее одежду.

Когда Сильвер подскочил к ним, человек, вздрогнув, обернулся.

Это был Жан-Пьер! Лицо старого негра исказилось от ужаса, когда глаза его встретились с неумолимым и беспощадным взором Сильвера. Джон схватил врага и высоко поднял над головой, как будто тот был легче фарфоровой куклы. Сильно размахнувшись, он выбросил негра в окно. Жан-Пьер упал в кусты и закричал от боли. Тут же кровожадные волкодавы Дюбуа бросились на него и растерзали в клочья.

Сильвер поднял Аннет на руки; она была легкой и теплой. Внезапно он понял, как страстно он любит ее и как много теперь от него зависит. Спускаясь с Аннет вниз по лестнице, он слышал тихие ее всхлипывания, и каждое буквально разрывало ему сердце. Спустившись вниз, Сильвер увидел, что пираты собираются возвращаться на судно. Перед собою они гнали группу рабов, сгибавшихся под тяжестью добычи. Джон бездумно последовал за ними, а Аннет, прижав голову к его груди, затихла. Прежде чем ступить на тропинку, спускавшуюся к заливу Спайкс, Сильвер обернулся и взглянул в сторону усадьбы. Языки пламени охватили дом, и из одного окна верхнего этажа, освещенная пожаром, свешивалась в

петле жалкая фигура. Дюбуа! Сильвер постарался закрыть Аннет глаза, но она еще до этого лишилась чувств.

Мимо проследовал человек, которого называли Бонсом: в кармане его позвякивали монеты, а короткая сабля была в ножнах. Он заметил, куда глядит Сильвер, и безразлично сказал:

— Это, верно, дело рук Флинта, — терпеть не может ни французов, ни знатных господ, — и с этими словами исчез, посвистывая, во мраке.

Сильвер на миг застыл. Сейчас, когда Дюбуа погиб, Аннет унаследует имение. Они поженятся, и Джон обретет безопасность и свободу. Как ее супруг, он станет человеком с авторитетом, богатством и положением в обществе.

Аннет что-то пролепетала и пошевелилась у него на руках. Словно услышав ответ на свои предположения, он понял, как все будет в действительности. Богатство и положение! Да его в первую очередь обвинят в убийстве Дюбуа и тут же повесят без малейших колебаний. Нет, лучше вдвоем с Аннет отправиться попытать счастья с пиратами. В худшем случае у него хоть будет возможность отомстить всем этим важным господам за то, что они с ним сделали, а в лучшем — станет пиратским предводителем с кармана-

ми, переполненными дублонами. А почему бы и нет? Разве парни с «Ястреба» не хотели видеть его капитаном? Сильвер решился. Не выпуская из рук впавшую в беспамятство Аннет, он заковылял к заливу.

13. КАПИТАН ИНГЛЕНД

Единственное, что оставалось делать Сильверу, державшему Аннет на руках, было следовать за пиратами, которые тянулись вниз к заливу Спайкс. Не представляло особого труда определить, где они, поскольку шумные их разговоры, пение и крики раздавались так громко и беспечно, как на ярмарке в Уидскеме. Тропинка, однако, была узка и местами настолько крута, что, когда время от времени Сильвер терял из виду человека, шедшего впереди с факелом в руке, каждый его шаг требовал, несмотря на ловкость и силу, большого внимания и осторожности.

Добравшись наконец до пляжа маленького залива, он увидел оставшихся на берегу пиратов. Они ожидали, когда их отвезут с добычей на судно, бросившее якоря в море с наветренной стороны. Судовые шлюпки рейс за рейсом сновали по тихой воде под усыпанным яркими звездами черным небом.

Сильвер обратился к пирату, которого звали Бонсом. Он стоял на берегу и внимательно наблюдал за судном. Флинт, находившийся рядом, слегка поглаживал свои тонкие черные усы.

— Надеюсь, вы сдержите слово, сэр, — сказал Сильвер Бонсу. — Ведь вы обещали, что позаботитесь обо мне. Возьмите нас на борт, сэр! Бонс обернулся, пытаясь разглядеть говорившего, но не успел он ответить, как Флинт заявил издевательским тоном:

— Вот связанный бычок и сбежал с бойни. Не зваться мне Флинтом, если я позволю кому взять багажа хоть чуть более дозволенного. Слушай, приятель, — обратился он злобно к Сильверу, — капитан Ингленд, как настоящий джентльмен удачи, не берет женщин на борт, потому что от них одни неприятности и славные парни проламывают из-за них друг другу головы. Так что оставь ее на берегу, а для тебя, может, и подыщем местечко, хотя, по моему разумению, лучше всего тебе болтаться в петле здесь, на берегу!

— Эй, Флинт, — сказал Бонс, — а я и не знал, что капитан Ингленд сдал тебе командование. До сих пор я знал тебя, как квартирмейстера, так что если вдруг что изменилось, буду тебе признателен, коли просветишь меня на этот счет.

Смуглое лицо Флинта мгновенно потемнело от гнева, а Бонс продолжал весело, как бы ничего не замечая:

— Но как мне кажется, ты пока не капитан, а

я все еще старший помощник, и решать буду я, если ты, конечно, не против.

Он повернулся к Сильверу:

— Вы поднимитесь на борт со мной, приятель, а капитан Ингленд решит, как с вами быть. Возьмите с собой и девушку, хотя мистер Флинт и прав, сказавши, что между джентльменами удачи вроде нас не место женщинам. Впрочем, на старушке «Кассандре» можно найти десяток красивых негритянок, так что, полагаю, не имеет большого значения, окажется на борту одной смуглянкой больше или нет.

Так, менее чем через полчаса Джон Сильвер вступил на борт «Кассандры» в то время, как пираты вокруг него укладывали добычу в трюмы и готовили судно к отходу.

Сильвер стоял посреди палубы, держа за руку Аннет — она пришла в сознание еще в лодке и ловко забралась на борт, — когда Бонс хлопнул его по плечу и предложил идти за ним. Он привел Сильвера и Аннет в капитанскую каюту на корме «Кассандры», где за потрескавшимся столом красного дерева сидел капитан Ингленд, то и дело бравший солидные порции нюхательного табака, и мрачно изучал карту. Внезапно Сильвер почувствовал себя беспомощным и встревожен-

ным. Аннет стояла возле него, затаив дыхание.

Увидя Аннет, капитан Ингленд галантно встал, предложил ей сесть и засуетился, а Бонс пододвинул ей стул, который, будь он новым, пришелся бы к месту в любом губернаторском дворце Вест-Индии. Вкратце Бонс объяснил положение.

— Да, конечно, — сказал капитан Ингленд вежливо, — славному моему экипажу всегда нужны новые товарищи, мистер Сильвер. Особенно такие, как вы. Но обычно на «Кассандре» не бывает дам, хотя, как мне кажется, в трюмах наши горячие головы прячут несколько молодых негритянок и развлекаются с ними время от времени. Думается мне, офицерам не понравится, если я нарушу правила ради вас. — Он замолчал на миг, взял еще понюшку табаку из серебряной своей табакерки и продолжил:

— Мистер Сильвер, полагаю, вы действительно желали бы вступить в береговое братство, не так ли? Если вам мешают моральные соображения, нет ничего проще, чем оставить вас, как беглого раба на необитаемом острове или отдать при первой возможности королевским судьям.

Сильвер начал горячо уверять капитана, что искренне и сильно желает поступить к нему на службу, но Ингленд прервал его:

— Разумеется, естественно, вы ведь сами пришли на борт «Кассандры». Но с этой девушкой будет трудно, — Ингленд снова замолчал в раздумье.

— Ну да, конечно. Мы вас сейчас обвенчаем, и можете оставить ее на Нью-Провиденс, где живут жены и дети джентльменов, вроде нас. И это улажено. Отлично! Мистер Бонс, не откажите в любезности позвать Иезекииля Уинтропа и скажите, чтоб шел немедленно, как только соберется.

Бонс вышел из каюты. Сильвер безмолвствовал, но Аннет подняла голову и улыбнулась ему. Улыбка согласия, смешанная со слезами раскаяния, как показалось Джону. Но это не имело значения. Все равно надо было что-то решать. Капитан Ингленд снова повернулся к ним:

— Наш проповедник Уинтроп — настоящий служитель Господа, приятель, но малость запятнал свои ризы. Присоединился к нам Уинтроп в Массачусетсе — его паства очень плохо отнеслась к слабостям своего духовного отца, имевшего неосторожность прелюбодействовать с сестрой собственной жены. Печально, конечно, но теперь и наши ребята не лишены слова Господня — поскольку он может рассказывать Святое писание с

утра до вечера, только попроси.

В этот момент Бонс появился с беглым священником. Глаза преподобного Иезекииля Уинтропа были красными от беспробудного пьянства. Одет он был в темный кафтан, грязные оранжевые панталоны и поношенные сапоги. Из-за пояса торчал кремниевый пистолет. Завидя Аннет, он непристойно ухмыльнулся и подмигнул ей.

— Эй, Уинтроп, сказал Ингленд, — венчай эту парочку влюбленных, да поживее.

— Слава Богу, капитан Ингленд! — изрек Уинтроп высоким голосом. — Я всегда готов к сему делу. Но Господь в премудрости своей заставил меня забыть мой верный молитвенник.

Он похлопал себя по карманам и воздел очи горе в притворном отчаянии, как будто искал молитвенник среди балок потолка каюты.

— Слушай, Уинтроп, — сказал бесцеремонно Ингленд, — у нас нет времени слушать твои проповеди, особенно теперь, когда пора сниматься с якоря. Не все ли равно, по какой книге прочтешь? Думается, это тоже делу не помеха!

Отворив дверцу ближайшего шкафа, он вынул оттуда небольшую книгу и кинул ее Уинтропу.

— А, — сказал Уинтроп, разглядывая внимательно книгу, — Беньян. — Я всегда говорил, что

ничем не тронуть христианскую душу так, как «Путешествием паломника». — Он полистал страницы и наконец объявил: — Да, вот это больше всего подойдет тем, кто готовится к долгому совместному пути в браке. Встаньте, чада мои!

После этого вздохнул, благочестиво всхлипнул и принялся читать нараспев, не переставая бросать взгляды на бюст Аннет.

— Чьи эти прекрасные горы? И чьи стада эти, что тут пасутся?

Пастырь: — Иммануиловы эти горы. С них виден град Его, и Его эти стада, за них жизнь свою отдал.

Христианин: — Отсюда ли достигну небесного града?

Пастырь: — Да, верен сей путь.

Христианин: — И долго ли следовать сим путем?

Пастырь: — Очень долго, особенно тем, кто истинно жаждет пойти туда.

Держа Аннет под руку, Сильвер удивленно слушал, как пьяный Уинтроп неожиданно сильным и красивым голосом читал о странствиях паломника к прекрасным горам. А в это время с носа судна зазвучала песня моряков, выбиравших при помощи кабестана якорные цепи. Песня дикая,

прерываемая хохотом и пьяной руганью:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведет до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Каюта наполнилась страшной какофонией — напевный голос Уинтропа мешался с разудалой песней экипажа. Аннет задрожала, а Бонс мрачно усмехнулся.

Внезапно капитан Ингленд стукнул кулаком по столу.

— Достаточно, Уинтроп! — рявкнул он. — Это венчание, а не посвящение в сан. Кончай, у нас много работы! — и обратился к Сильверу и Аннет вполне вежливо: — Объявляю вас мужем и женой. Не совсем по церковным канонам, но вполне достаточно для пиратов Нью-Провиденса, куда мы плывем. — Ингленд поднялся. — Брачную ночь проведете в лазарете, — сказал он Сильверу. — И на вашем месте я бы держал жену под запором, пока не достигнем Багамских островов. Среди наших моряков немало таких, кто охоч разевать рот на чужое добро, в том числе и наш святой приятель пастор. Уинтроп, — крикнул Ингленд умильно улыбавшемуся проповеднику, — пошел вон! Мистер Бонс, пойдемте со мной.

Капитан вышел из каюты, спеша подставить паруса бризу и дать судну курс.

Так Сильвер попал в «береговое братство», как пираты Карибского моря часто называли свое содружество, и при этом добыл себе жену. Я особенно удивился, когда вдруг понял в одном месте его рассказа, что «старуха негритянка», «хозяйка», о которой он время от времени вспоминал на «Эспаньоле», была не кто иная, как Аннет Дюбуа. Но с другой стороны, после этих событий прошло столько лет.

Конечно, ревнители расовой чистоты поморщатся при чтении моего рассказа, поскольку в жилах Аннет текла наполовину негритянская кровь, но Сильвер не моргнул бы и глазом, знай он, что кровь ее смешана со ртутью или расплавленным оловом, поскольку любил ее искренне и более, чем любое другое человеческое существо. В сущности, драматическое бегство из имения Дюбуа и наскоро заключенный на борту «Кассандры» брак связали их так тесно, что союз этот оказался сильнее всех дальнейших испытаний и невзгод.

Пока «Кассандра» шла на северо-запад, подгоняемая попутным ветром, Сильвер изо всех сил старался добиться хорошего к себе отношения

капитана Ингленда и его людей. Это не составило особого труда: Джон умел расположить к себе людей и был первоклассным моряком, и капитан, казалось, благоволил ему. Кроме того, Сильвер умел быстро ориентироваться; довольно скоро понял, что положение капитана Ингленда зависело прежде всего от его умения приводить людей к богатой добыче. Не сумей он учуять добычу, экипаж вправе был низложить его и избрать капитаном другого. А при малейшем подозрении в измене пираты могли вручить ему черную метку, после чего бедняге оставалось бы только читать молитвы и уповать на милость Господню.

Билли Бонс был первым помощником капитана Ингленда, точнее его штурманом. Прежде чем стать пиратом, Билли бежал из дома в Коннектикуте и плавал под началом одного капитана, промышлявшего контрабандой между Новой Англией и испанскими владениями в Карибском море. Он выучился навигации и чтению карты, но счастье ему изменило: британские власти задержали судно к северу от Ямайки и Бонса приговорили к двадцати годам каторжных работ в Джорджии. Шесть лет спустя он сумел подкупить стражу и бежал, добрался до Нью-Провиденс, где познакомился с Инглендом. Они быстро сошлись,

быть может из-за сходства судеб — Ингленд ранее был помощником на небольшом сторожевом корабле с Ямайки и, когда пираты захватили судно, предпочел полную опасностей жизнь морского разбойника путешествию на доске [81].

Следующим в иерархии был Джетроу Флинт, квартирмейстер, отвечающий за дисциплину экипажа и раздел добычи. Флинт был сыном одного диссидента [82] из Уэльса, бежавшего на Рид-Айленд, чтобы свободно жить и исповедовать веру без препятствий со стороны англиканской церкви. Затем старый Флинт перебрался на остров Сент-Китс в Карибском море, где и погиб при одном из частых нападений французских корсаров, однако его сыну Джетроу удалось спастись и он попал в компанию пиратов на Наветренных островах. Флинт был жестоким, холодным, беспощадным человеком, любившим пытать пленников просто ради удовольствия. Этого капитан Ингленд не выносил, поэтому между ними часто возникали разногласия. Флинт был

---

[81] notes: 81

вид казни на море — приговоренный со связанными руками идет по доске с борта в море и тонет

[82] notes: 82

диссидент в Англии XVI-XVIII веков — противник официальной религии

воспитан отцом в глубоком убеждении, что женщина суть сосуд греха, и Сильвер клялся, будто за все время, которое он его знал, ни разу не видел, чтобы Флинт глядел на женщин с вожделением, кроме тех моментов, когда его одолевал бес. Но более всего Флинт ненавидел французов, убивших его отца, и испанцев — идальговцев, как многие их называли, которых не отделял от иезуитских козней и преследований за веру.

В иерархии «берегового братства» за квартирмейстером следовали старший канонир, боцман, рулевые и плотник, равно как и оружейные мастера. Из экипажа Ингленда служили потом у Флинта, а после этого плавали на «Эспаньоле» плотник, медлительный, спокойный моряк по имени Том Морган, и боцман Джоб Андерсон. Все они от капитана до оружейных мастеров именовались «лордами» и имели право на большую долю добычи, чем обычные моряки. Внешне «лорды» мало чем отличались от других, но были более опытными моряками. Надо отметить, что если главари какого-либо пиратского корабля проявляли нерешительность или же им изменяла удача, экипаж вправе был низложить «лордов» и избрать на их места других моряков.

Сильвер вскоре понял, что порядок на «Кассан-

дре» зависит от непрекращающихся успехов в налетах, подкрепленных сильной рукой и острым языком. Во время своих вахт на всем протяжении пути к Нью-Провиденс Сильвер, входивший в вантовую команду и работавший на фок-мачте, молнией летал вверх-вниз по снастям, поднимая и спуская паруса, поправляя такелаж. Своим новым товарищам он пришелся по душе, а капитан Ингленд и Бонс часто хвалили его за усердие и хорошую работу.

Для Аннет плавание было смесью радости с горем. Она была счастлива, оставаясь наедине с Джоном, но известие о гибели отца перенесла тяжело, как женщина со страстной натурой. Хотя Сильвер благоразумно утаил от нее подробности убийства Дюбуа, Аннет догадалась, чьих рук это дело, и глубоко возненавидела Флинта. Он же глядел на жену Сильвера как на альбатроса — предвестника несчастья на судне, по поверьям моряков, и от этого оба они взаимно ненавидели друг друга. Эта вражда перенеслась и на отношения между Флинтом и Сильвером, что последний неоднократно испытывал в дальнейшем.

Как бы там ни было, Джон Сильвер с облегчением наблюдал, как на горизонте возникает остров Нью-Провиденс — одинокий зеленый

холм посреди сияющего моря. В город наезжали, как было известно всей Вест-Индии, самые отъявленные головорезы Карибского моря, но он, Джон Сильвер, все же шел в это осиное гнездо с гордо поднятой головой, как свободный человек.

14. НА МАЛАБАРСКИЙ БЕРЕГ

Капитан Ингленд говорил просто и ясно, чтобы каждый из сидевших перед ним в обширном зале трактира возле порта Нью-Провиденс шести десятков моряков мог понять его мысли, но Сильвер все же напрягал слух, чтобы не пропустить ни слова.

— Братья, — говорил капитан Ингленд, — я думаю на известное время увести «Кассандру» из Карибского моря. В последнее время испанцы выслали нам вдогонку боевые корабли, а Картахена, Каракас и Гавана прямо-таки ощетинились орудиями. Не то чтобы я боялся этих идальговцев, тем более французов или голландцев, черт бы их побрал, или даже кораблей короля Георга, разрази его гром, но думаю, что это не означает для нас непременно стремиться поплясать на рее.

На миг Сильвер отвлекся и оглядел пиратов, внимательно слушавших Ингленда. Вилли Бонс задумчиво кивал, как бы во всем соглашаясь с капитаном; рядом с ним сидел Андерсон. Том Морган вперил бессмысленный взгляд в свои сапоги, а слева от него обезображенное лицо Флинта выражало недовольство и презрение.

Остальные представляли собой невообразимую смесь: сгрудившись и перемешавшись, сидели здесь англичане, шотландцы, валлийцы, несколько ирландцев, мулатов и квартеронов, один дезертир-испанец, пара дюжих голландцев, похожих на близнецов, высокий бледнолицый финн, разжалованный португальский капитан, дюжина французских корсаров, группа янки и скандальный баптист из Каролины. Большинство из собравшихся на сходку внимательно следили за словами капитана Ингленда.

— Последний поход к заливу Пария близ Тринидада без малого не обернулся катастрофой. Испанцы поставили в засаду где-то возле Порт-оф-Спейна два фрегата, и нам пришлось бежать, пока они не зажали нас в клещи. Если бы нам не повезло на Гренаде и Барбадосе, мы вернулись бы сюда с пустыми руками!

«Странно, — подумал Сильвер, — с детства я воспитан в ненависти к Испании и папистам, а вот поди ж ты — не направь эти идальговцы два фрегата в залив Пария — конец бы мне настал! Боже, храни Его католическое величество короля Испании и обеих Индий, но только ради этого случая!»

— Итак, братья, — продолжал Ингленд, — я

предлагаю отправиться в Ост-Индию, к берегам Малабара. В Индии нас ждет богатая добыча; рассказывают, там все перегрызлись друг с другом — англичане, португальцы, французы и даже сам Великий Могол. В разгар войны им будет не до нас и мы добудем сколько угодно жемчуга, золота и пряностей. Захотим — нападем на Бомбей. А если обожжемся, то сможем передохнуть на Мадагаскаре, где вольготно живут и правят джентльмены вроде нас. Ребята, — добавил Ингленд, слегка понизив голос, — этот поход придется по вкусу не каждому. Кое-кому из вас покажется нелегким расстаться с Нью-Провиденс, может быть, на целых два года. Решайте сами. В этом походе нам предстоит или обрести огромные богатства, или сдохнуть с голода в какой-нибудь португальской тюрьме. Все может быть, ребята, но я уверен в успехе, ибо недаром зовут нас джентльменами удачи, разрази нас гром! Хочу знать, братья, что вы думаете на этот счет.

Первым раздался резкий и тонкий голос Флинта:

— Не отрицаю, что капитан Ингленд кое в чем прав, — сказал он, — но прав он, думается мне, не во всем. Уверен, что не пройдет много времени, как лондонское правительство набросится на

испанцев и примется жестоко их карать за то, что эти идальговцы останавливают и обыскивают английских купцов на море. А вот тогда-то и наступит наше время на Карибском море — запишемся каперами и еще орать будем: «Да здравствует король Георг!» или как там еще! Одним словом, — его тонкие губы сурово сжались, — мне еще не надоело срубать испанские тыквы.

Билли Бонс заговорил сразу же после него.

— Все мы знаем, что такое Флинт, — сказал он грубо, — и пускай он сам охотится на испанцев. Я голосую за капитана Ингленда. Он прав, здесь становится опасно, горячо, а мне не улыбается быть поджаренным на медленном огне.

Многие из пиратов одобрительными возгласами встретили эти слова. Флинт, холодный и сдержанный, пожал плечами.

Предложение капитана Ингленда завладело воображением Сильвера. Малабарский берег с его баснословными богатствами, вольной жизнью и возможностью разбогатеть приманивал его, как далекая, загадочная и соблазнительная восточная сирена. Но надо было подумать и об Аннет, поскольку она оставалась в компании других пиратских жен в жалких лачугах Нью-Провиденса.

Вопрос был в том, сможет ли она примириться с тем, что он покинет ее на два года, а может быть, и на больший срок. «К дьяволу, — подумал он, — она все простит, если я вернусь с мошной золота!» Тогда они могли бы покинуть Нью-Провиденс и поселиться в другом месте, может быть даже в Англии, и зажить там богато.

Он поднялся.

— Друзья, — начал он, — я за капитана Ингленда и скажу вам почему. Потому что дурень, как кричит кто-то из угла? Нет! Дело в том, что все, им сказанное, совершенно разумно, вот почему! Тут земля начинает гореть у нас под ногами, идальговцы зашевелились, а лорды адмиралтейства по глупости или скаредности не делают того, что надо бы сделать. Верьте мне, так и будет, а войны, обещанной Флинтом, мы еще десять лет не увидим. Поэтому я за Малабарский берег и не зваться мне Сильвером, если не привезу обратно усы самого Великого Могола в золоченом чехле.

Одобрительные возгласы и смех были ему ответом, и, довольный собой, Сильвер сел. После его речи капитан Ингленд предложил голосовать, и около сорока рук поднялись в его поддержку. Стало ясно, что Флинт проиграл. В скором времени он принялся искать сторонников плана

регулярных набегов на берега Флориды.

Двумя днями позже капитан Ингленд собрал на «Кассандре» тех, кто его поддержал, для подписания договора и выборов офицеров. Подписи под текстом договора ставили по кругу, чтобы невозможно было установить, кто в каком порядке подписался, если попадешь в беду, нельзя будет установить предводителя. Сильвер был один из немногих, кто мог подписаться правильно,

— большинство пиратов приложили пальцы или с трудом нацарапали инициалы на захватанной грязными руками бумаге.

Когда с этим было покончено, капитан Ингленд обернулся к ним, предварительно ухватив из табакерки огромную понюшку табаку и шумно чихнув.

— А теперь слушайте, — сказал он. — Отплываем через четыре дня, как только загрузим провиант и проверим состояние «Кассандры». Договор уже всеми подписан, но для тех, кто неважно читает, объявляю самое важное: в этом плавании женщин на борт не берем; запрещается игра в карты и кости на деньги, также дуэли и выпивка после полуночи; добычу делит квартирмейстер; все споры разрешаются капитаном и его помощниками.

Капитан Ингленд продолжал и перечислил почти пятьдесят пунктов, так что Сильверу показалось, что нет особого различия, служить ли под сенью британского флага или под пиратским знаменем. Здесь надо отметить, что черное полотнище с нарисованными на нем черепом и скрещенными костями, столь обычное во времена Моргана и д'Олонне, почти никогда не реяло над палубами кораблей Ингленда, Флинта и иных наших, к прискорбию моему и всего просвещенного XVIII века, современников. На «Кассандре», к примеру, имелись флаги важнейших морских держав, поднимавшиеся на флагшток сообразно обстоятельствам, — один день пираты представлялись судном, идущим под красно-золотым имперским флагом Испании; на следующий день поднимали трехполосное красно-бело-синее знамя Голландской республики.

Сильвер заметил, насколько деловым человеком оказался Ингленд, при подготовке к отходу судна, что усилило его уважение к капитану. Со своей стороны, Ингленд высоко оценил Сильвера, как умелого моряка, а особенно его искусную работу с такелажем и умение ладить с людьми. Именно поэтому капитан предложил его в боцманы «Кассандры»; назначение Сильвера, как и

остальных «лордов» (да простит мне читатель, но в дальнейшем изложении я буду, слегка уклоняясь от истины, именовать их офицерами — уж больно неподходящее и режущее слух каждому добропорядочному англичанину придумали для своих вожаков эти разбойники), решалось голосованием экипажа. Сильвера избрали почти без возражений, что его удивило и порадовало. Билли Бонс продолжал оставаться первым помощником и штурманом. Квартирмейстером избрали полного пожилого португальского капитана; Ингленд предполагал, что он будет очень полезен, если решат пойти в Гоп или в какую-либо из португальских факторий на западном берегу Индии. Джоб Андерсон стал главным оружейным мастером, а Том Морган — корабельным плотником. Одного из голландцев сделали старшим канониром, а рулевым поставили молодого тощего человека с прямыми черными волосами и настолько печальным и виноватым выражением лица, что все звали его просто Черным Псом.

Среди рядовых пиратов было несколько человек, которых Сильвер тайно приметил и держал под наблюдением, как возможных смутьянов: один из них — высокий желтоглазый Джордж Мерри (Весельчак), чье имя никак не соответство-

вало этому хмурому грубияну; другой — буйный и неуклюжий ирландец по имени О'Брайен, сосланный из Донегала на Барбадос в каторжные работы по приговору королевского суда за браконьерство.

Покончив с выборами офицеров «Кассандры», Сильвер быстро вернулся к Аннет. Устроились они в маленькой комнатушке сзади большого деревянного сарая, служившего складом для пиратов Нью-Провиденс.

На складе хозяйничала пятидесятилетняя толстуха Маргарет Бони. Муж ее ушел тринадцать лет назад в набег на северо-восточное побережье Бразилии и до сих пор не вернулся. Сейчас она жила здесь и спала между мешками с зерном и сушеными бобами. Связка ключей от склада всегда болталась на ее необъятной груди.

Сильвер отворил дверь своей комнаты. Прошел едва час после полудня, и внутри было так жарко и душно, что, казалось, воздух можно резать ножом. Маленькое продолговатое окно, забранное железной решеткой, было затянуто материей, прибитой к грубой деревянной раме. Солнечный свет проникал сквозь ткань, но для Сильвера, вошедшего с улицы, ярко освещенной солнцем, в комнате стояла тьма кромешная.

— Аннет, — тихо позвал он. Возможно, она спала на соломенном тюфяке в углу, служившем им брачным ложем.

Да, Аннет была там. Когда глаза Джона стали привыкать к сумраку, он увидел ее лежащей на тюфяке лицом вниз; длинные черные волосы ее в беспорядке раскинулись по плечам и спустились до земляного пола, а синее хлопчатобумажное платье порвалось над икрами.

В несколько шагов Сильвер пересек комнату, опустился на колени и ласково погладил блестящие черные волосы. Редко встретишь такую женщину, это уж точно. Рука его спустилась на нежную смуглую шею.

— Аннет, — повторил он громче, — Аннет, я отправляюсь за богатством. Проснись, милая, и слушай хорошие новости.

К его удивлению, Аннет вскочила еще до того, как он закончил свои слова. Она не спала, а плакала, как это было видно по ее лицу.

— Знаю, что за новость ты мне принес, очень хорошо знаю, — сказала она сердито, — Маргарет Бони мне все рассказала. От нее никто ничего не скроет. Бросаешь меня! Уходишь в Ост-Индию или еще куда-то. Через четыре дня уходишь с капитаном Инглендом. Так или нет? И не смей

мне врать.

— Все правда, милая, — сказал Сильвер. — Капитан Ингленд назначил меня боцманом на «Кассандру». Мы пойдем на Малабарский берег, где раздобудем целую кучу жемчугов и пряностей.

— Да на что мне жемчуга и пряности! Ты мне нужен, чтобы ты меня хранил и берег. Один Бог знает, что со мной будет, если ты пропадешь! Как я тут буду жить? Дурак этакий! — воскликнула она почти истерически. — Другие мужчины наверняка постараются меня заполучить, когда ты уйдешь. Откуда мне знать, вернешься ты, или нет? Муж Маргарет Бони уехал и до сих пор не вернулся. Я не хочу кончить, как Маргарет, в этой дыре!

Удивленный этим взрывом чувств, Сильвер возразил:

— Спокойно. Все не так, совсем не так. Скорее мы окончим свои дни в этой дыре, если я не уйду с капитаном Инглендом. Такая жизнь по тебе?

— Хоть такая жизнь, но с тобой, не без тебя! — прервала его Аннет. «Еще возьмет и расплачется», — подумал Сильвер, но не успел открыть рот, как она вскочила на ноги и закричала:

— Ты выкрал меня из дома! Ты помог убить

отца! Если бы не ты, я была бы сейчас счастлива, хорошо одета и сыта! Ты делаешь одни подлости! Ненавижу тебя!

Сильвер взбесился от ярости, схватил ее за плечи и сильно затряс:

— Ведьма ты! Все испортила! Явилась тут исполненная злом, как дьявол при молитве! Мешаешь мне во всем!

Сильвера охватило безумное желание разбить ее голову о стену, как фарфоровую куклу, и растоптать ногами.

Пока он пытался овладеть собой, Аннет бросилась ему в объятия, обняла за шею, а голова ее едва доставала его груди. Она целовала его через влажную рубашку, одновременно рыдая.

— Как же мне жить, когда ты уйдешь? Что мне делать? Я к тебе привыкла и не могу без тебя жить!

Сильвер грубо оттолкнул ее.

— Придется вам тогда привыкнуть еще кой к чему, благородная мисс! На этом острове нет человека, который мог бы указывать Долговязому Джону Сильверу, что он может делать, а чего не должен! А что касается женщин, то для нас, джентльменов удачи, это не имеет особого значения, сама знаешь. Благодари судьбу за то,

что я полюбил тебя так, как полюбил! Кто о тебе заботится и печется? Я! И ты сейчас смеешь на меня кричать за то, что я хочу сделать так, чтобы ты гордилась мной, сделать тебя настоящей леди, которой не надо работать. Да ты точь-в-точь та девица из старой баллады, которая берет горсть золота задарма, а потом причитает, что одна из монет стертая.

Он остановился перевести дыхание и тут понял, что кричал так громко, как на палубе в шторм отдают приказы. Маленькая комната словно переполнилась звуками его голоса. Аннет смотрела на него испуганно с приоткрытым от изумления ртом. Плач ее прекратился, Сильвер шагнул к ней и заговорил холодно и спокойно:

— Думается мне, ты умна. Умна, а не только красива. Ну, а если ты только красива, то проваливай ко всем чертям, и делу конец. Но если ты мне настоящая жена, ты останешься здесь и будешь хранить наш дом, пока я не вернусь. А если не хочешь этого делать, тогда, ради бога, продавай свое тело хоть самому Флинту, хотя я не хочу и думать, что он с тобой сделает!

Услышав имя Флинта, Аннет передернулась, глаза ее расширились от ужаса. Она быстро вскочила, схватила маленький табурет и с силой

бросила в лицо Сильверу.

Он уклонился в сторону, но все же получил сильный удар по правому уху.

Взбесившись от боли, Джон Сильвер бросился к Аннет. Она повернулась, охваченная ужасом, споткнулась и упала на земляной пол. Сильвер кинулся на нее, вцепился пальцами в длинные волосы и повернул ее лицом к себе. Внезапно он осознал, что Аннет просто совсем еще молоденькая женщина, насмерть перепуганная, униженная и жалкая.

Сильвер наклонился к ее лицу и принялся жадно целовать ее глаза и губы. Гнев его моментально растаял, сменившись желанием. Что за идиотская мысль покинуть ее хотя бы на день! Да как же можно жить, не лаская каждодневно ее гладкую, как атлас, кожу, пышные бедра, грудь, хрупкие плечи, даже смешные короткие пальчики на ногах. Какая другая женщина сможет ее заменить! И тут Аннет стала его целовать, впилась ногтями в его плечи, одновременно плача и смеясь.

Джон поднял ее, нежно положил на соломенный тюфяк, завернул юбки на плечи: перед ним появилась смуглая трепещущая плоть ее живота и бедер. Раздвинув правой рукой колени, он при-

ник к ней. Комната, минуту назад бывшая тесной нищей дырой, превратилась в роскошную опочивальню — само присутствие Аннет его опьяняло.

Потом, когда Аннет, усталая и счастливая, лежала, прижавшись к нему, он нежно и ласково объяснил, что предпринял, чтобы она была счастлива и в безопасности до его возвращения. Сказал, чтобы продолжала жить вместе с подругой, Маргарет Бони, и что в пиратском поселении Нью-Провиденс надо радоваться положению супруги боцмана капитана Ингленда.

Со своей стороны, Аннет крайне неохотно отбросила свои переживания и страхи. Сильвер применил все свое красноречие, чтобы вырвать у нее согласие на его отъезд.

Так или иначе, но в начале семейной жизни они договорились, что Джон волен плавать, куда позовет судьба. Но обязанности лежали не только на ней

— Сильвер должен был при первой возможности возвращаться к Аннет, и, когда они были вместе между двумя походами, то жили чинно и респектабельно, как городской советник с супругой.

В интересах достоверности этого рассказа, хочу отметить, что и Сильвер приобрел в Аннет вер-

ную опору и постоянное убежище, а также, как выяснилось потом, бережливую хозяйку, хорошо распоряжавшуюся имуществом и деньгами.

Так, после тяжелого объяснения с только что найденной супругой, началась пиратская карьера Сильвера. Через четыре дня после подписания договора он простился с утопающей в слезах Аннет и отплыл от Нью-Провиденс. Отходя от пристани, «Кассандра», сияющая ярко блестящей на солнце позолоченной носовой фигурой и надутыми парусами, на фоне которых ради торжественного случая грозно реял «Веселый Роджер», представляла собой красочное зрелище. Это был большой бриг, оснащенный дополнительными парусами, вооруженный двадцатью двумя орудиями. Капитан Ингленд особенно гордился быстроходностью своего судна и мореходными его качествами, но Билли Бонс сомневался в способности его маневрировать среди отмелей.

От Нью-Провиденс «Кассандра» отвалила с пятьюдесятью членами экипажа на борту, что было чересчур много для торгового судна, однако недостаточно для поддержания огня с двух бортов орудийной палубы, если имела несчастье подвергнуться нападению с двух сторон одновременно.

На борту «Кассандры» Сильвер испытал многое. После перехода через Атлантику бриг направился к реке Гамбия, на западном берегу Африки. Тут снова запаслись провиантом, как это делают обычно торговые суда Ост-Индской компании на пути в Бомбей.

Но между Гамбией и мысом Корса на Золотом Берегу капитан Ингленд атаковал все слабо вооруженные суда. Как и следовало ожидать, сопротивления он почти не встречал; когда «Кассандра» приближалась под чужим флагом, одного залпа хватало, чтобы захватить судно и снять с него все сколько-нибудь ценное.

За три месяца капитан Ингленд ограбил одиннадцать судов, идущих из Бреста, Роттердама, Лондона, Копенгагена, Лиссабона и Кадиса. При этих нападениях «Кассандра» заполучила два десятка новых моряков, поскольку экипажам захваченных судов предлагали перейти на сторону пиратов; оставшимся, ограбленным до последней нитки, позволяли следовать дальше на полностью очищенном от всего сколько-нибудь ценного судне.

Дерзко приблизившись к укреплению на мысе Корсо, «Кассандра» благоразумно отступила при виде орудий Королевской африканской компа-

нии и двинулась на юг. Она следовала курсом, проложенным Васко де Гамой два с половиной века назад и при сильной волне обогнула мыс Агульяс (Игольный), самую южную точку Африки.

В это время провизия подошла к концу и настроение экипажа было не лучшим, но Ингленд не дал отдохнуть на мысе Доброй Надежды, поскольку хозяйничавшая там Голландская Ост-Индская компания расправлялась с пиратами без долгих разговоров. Наконец сообща решили следовать на Мадагаскар Мозамбикским проливом.

Сильвер часто слышал о пиратских поселениях на Мадагаскаре, где капитаны жили, как короли, окруженные рабами и наложницами. Однако то, что он увидел, не вполне отвечало услышанному; к своему большому разочарованию, Сильвер обнаружил, что предводители пиратов жили отнюдь не в мраморных дворцах с фонтанами и павлинами. Все же они смогли соорудить весьма удобное и хорошо оборудованное убежище, откуда атаковали торговые суда в Индийском океане и даже пытали счастья в Красном море или Персидском заливе.

На Мадагаскаре экипаж «Кассандры» вытянул

корабль на сушу и занялся кренгованием [83]. После этого нагрузили припасов, нарубили дров и запаслись водой. Наконец, оставив за кормой безопасную гавань, попойки и проституток, капитан Ингленд взял курс на север, обогнул Сейшельские острова и двинулся к Индии. Добравшись до Лаккадивских островов, пираты бросили якорь у оконечности красивого островка близ Малабарского берега в двухстах милях от Калькутты. Главари шайки собрались на совет, чтобы обсудить дальнейшие действия. Они единодушно решили направиться к прославленному своими пряностями Калькутту, чтобы посмотреть, какая добыча или какие опасности их там ждут.

[83] notes: 83

кренгование — очистка днища, киля и бортов судна ниже ватерлинии от наросших моллюсков и водорослей. Судно вытягивали на отмель, обсыхающую в прилив, или на берег и клали на борт, после чего чистили

15. «ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИНДИИ»

Открытый с моря древний порт Калькутта, известный всему цивилизованному миру обилием и дешевизной пряностей, сиял на ярком солнце. «Кассандра» медленно приближалась к берегу, и экипаж начал различать прекрасные купола и минареты, а также внушительные очертания больших складов возле пирсов. Стаи птиц летали прямо над головами, птицы кричали, дрались, садились на мачты, и яркое их оперение привлекало взоры моряков.

А на рейде поднимали и спускали якоря многочисленные суда: бриги и галеры, баркасы, шхуны и местные одномачтовые скорлупки, постоянно сновавшие вдоль Малабарского берега.

Капитан Ингленд глядел в подзорную трубу, а Билли Бонс и Гомеш да Коста, квартирмейстер, стояли с ним. Сильвер забрался на ванты, чтобы передавать команды Ингленда вантовым матросам и палубной команде. На орудийной палубе старший канонир Ван дер Вельде обстоятельно готовился со своими людьми к бою. Орудия изготовились к стрельбе, и тлеющие фитили в любой момент могли подпалить порох.

Ингленд резко сложил трубу и с довольным выражением лица похлопал Билли Бонса по плечу.

— Мистер Бонс, — сказал он, — буду весьма признателен, если вы взглянете на два румба вправо и расскажете джентльменам, что там выглядывает из-за этого небольшого голландского судна.

Бонс протер глаза и приник к подзорной трубе.

— Силы небесные! — сказал он наконец, и от возбуждения голос его прозвучал громче обычного. — Вот это, парни, удача так удача! Флотилия арабских судов покидает порт. Разрази меня гром, если это не паломники.

— Паломники! — отозвался хриплым голосом да Коста. — Значит, паломники идти Мекка. Я видеть они раньше, близко остров Дау. Идти Красное море, ходить поклоняться святой место, родина пророк Магомет. Много богатые.

— Богатые! — крикнул капитан Ингленд. — Да они битком набиты дарами для святых мест в Мекке! А сверх того им нужно немало денег платить за еду и ночлег в пути. Парни, — заорал он экипажу, — у нас удача! Еще несколько часов, и старушка «Кассандра» пойдет на дно под грузом золота и драгоценностей!

Когда новость разнеслась среди пиратов, с палубы донесся радостный гомон; скоро известие

добралось и до артиллеристов.

— Эй, рулевой, — спокойно приказал капитан Ингленд квартерону у штурвала. — Доставь меня к этим арабским судам, и тогда сможешь втыкать булавки с бриллиантами в нос и цеплять золотые кольца в уши.

Пока «Кассандра» нагоняла суда с паломниками, Сильвер внимательно следил за ними в подзорную трубу. Действительно, флотилия представляла собой странную картину: несколько каравелл, один трехмачтовый бриг, одна шхуна и четыре дау. Маловероятно, чтобы они прошли столь долгий путь вместе, чтобы никто не отстал, — слишком разные скорости. Но что там такое видно, точно за кормой последней дау, едва поспевающей за другими судами. Наверное, капитан Ингленд заметил это. Может быть, он ошибся? Нет, просто суда с паломниками, должно быть, скрывали его до сих пор от взглядов, стоявших на юте.

Когда опасения Сильвера подтвердились, он крикнул:

— Капитан Ингленд, в кильватере флотилии вооруженная бригантина под британским флагом, тысяча чертей!

— Разумеется, — вспомнил он внезапно, — я

сам часто слышал о договоре Ост-Индской компании с Великим Моголом: в обмен на известные торговые привилегии «Джон компани» обязана защищать мусульманских паломников на пути в Аравию. Охранять надо не только от индийских морских разбойников, но и от европейских пиратов, из которых наибольший ужас мореплавателям внушают прославленные пираты Англии.

Теперь капитан Ингленд дал Сильверу знак медленно спуститься к нему на ют. Другие главари уже собрались там: Ван дер Вельде вылез из люка вместе с Джобом Андерсоном, а Том Морган и Черный Пес шли с носа.

— Джентльмены, — сказал капитан Ингленд, — мистер Сильвер прав, нам предстоит работа не с обычным клиентом. Возможно, у этой бригантины больше орудий, чем у нас, и они безбоязненно ищут ссоры. — Он глубоко залез пальцами в табакерку. — Ну, что скажете, не повернуть ли нам назад?

— Да кому они страшны, сэр, — сказал Ван дер Вельде, — парни наизготовке. Да мы их по бортам размажем! — и с силой взмахнул своим кулаком размером с пушечное ядро.

— Мой приятель, эта пустая голландская тыква,

прав, капитан, — весело сказал Сильвер. — Уверен, эти олухи из индийской компании дрыхнут под палубами, пьяные и обожравшиеся. Мы поднимем британский флаг, подойдем к ним на полвыстрела и изрешетим борт одним залпом. Проще, чем приготовить омлет. Верьте мне, сэр, так и будет.

И они решили атаковать. «Кассандра» подплывала к флотилии паломников с видом благонравной девицы, вышедшей на воскресную прогулку. На флагштоке реял британский флаг, и неопытному взгляду корабль казался совсем безобидным. Но пираты Ингленда приготовились к бою: опорожнили розданные им чарки и держали оружие под рукой.

Через полтора часа «Кассандра» приблизилась к бригантине на расстояние достаточное, чтобы можно было перекликаться.

— Эй, откуда идете? — крикнули оттуда.

Капитан Ингленд сложил ладони у рта рупором и заорал в ответ, не моргнув глазом:

— «Кассандра» из Мадраса с грузом шелка. Вышли из Бомбея и следуем домой в Лондон. А вы кто?

— Вооруженное судно индийской компании «Меркурий». Следуем в Сурат захватить еще бого-

мольцев, а потом на Аденский залив, — ответили с бригантины.

— Попутного вам ветра для такого доброго дела, — крикнул Ингленд. — Бог, да хранит нас всех от пиратов!

Сильвер с восхищением смотрел на сближение двух судов. «Кассандра» шла уже вровень с «Меркурием», и он видел, как кто-то из экипажа приветственно махал им с вантов.

Внезапно Ингленд дважды сильно просвистел в дудку, и при этом сигнале орудия правого борта «Кассандры» дали нестройный залп. Нестройный или нет, но корабль от него затрясся, а люди под палубой, издав победный клич, принялись готовить орудия ко второму залпу. Пушечный дым обвил Сильвера и скрыл от него бригантину индийской компании. Чуть погодя дым разредился.

— Боже мой, да мы им бизань свалили! — в восторге заорал Бонс. Бизань «Меркурия» смешно провисла над левым бортом, и квадратный топсель сидел глубоко в воде. Пока Сильвер пытался рассмотреть, что происходит, бригантина отвернула и показала «Кассандре» корму. Стало ясно, что она потеряла управление, — хотя бы на несколько часов, пока экипаж не срубит переломанную мачту и не освободится от изувеченного

такелажа.

Еще два, нет — еще три выстрела донеслись с орудийной палубы «Кассандры». Очевидно, Ван дер Вельде обнаружил, что корма «Меркурия» была еще в пределах попадания его орудий. Одно ядро упало в море за бригантиной. Куда ударило второе ядро, Сильвер заметить не успел. Но третье — то ли по счастливой случайности, то ли благодаря хорошему прицелу

— ударило в борт близ кормы, правда, выше ватерлинии.

Сильвер бросил взгляд на капитана Ингленда, нюхавшего табак все время, пока длилась схватка. Оглушительно чихнув одновременно с победным кличем экипажа, он наконец прочистил себе нос.

— Молодцы, ребята! Дело сделано! — крикнул Ингленд. — Дьявол меня раздери, если мы им и корму не сокрушили. Они нам уже не опасны. А теперь пощиплем богомольцев. Они теперь в наших руках. Вперед!

«Кассандра» подняла все паруса и быстро настигла суда с паломниками. Одно за другим они сдались, кроткие, аки агнцы. Сильвер и Бонс спустились в большую шлюпку вместе с десятком моряков, чтобы спокойно забрать добычу.

Паломники в ужасе отхлынули от пиратов, разбивавших сундуки и распарывающих тюки, чтобы проверить содержимое. После этого богомольцы были обобраны до нитки, причем малейшие попытки сопротивления немедленно подавлялись побоями и руганью.

Через несколько часов палуба «Кассандры» была усыпана добычей — серебряными монетами, драгоценными священными сосудами, шелком, коврами, пищей, водой, — словом, всем, что было сочтено полезным или понравилось кому-либо.

Сильвер доставил на борт и капитана трехмачтового судна, мусульманина, немного понимавшего по-английски. Вначале он отказался дать сведения о судах на побережье, но Бонс и Сильвер принудили его отвечать. Билли обнажил саблю и поклялся, что отрежет пленнику пальцы на ногах по одному, если тот не даст полезных и точных сведений. Капитан Ингленд при этих словах отвернулся, преисполненный чувства отвращения. Джон Сильвер, наоборот, держался любезно и благодушно — потрепал дрожащего капитана по спине и предложил ему рома и копченой свинины, которые правоверный мусульманин с омерзением отверг. Наконец он сдался и с невероятным акцентом рассказал все, что знал. Между

прочим, услышали от него и одно важное известие. Отвращение Ингленда к замашкам Билли Бонса вмиг улетучилось, и он радостно хлопнул себя по колену.

— Парни, — сказал он офицерам, — вот это всем удачам удача! За триста миль отсюда находится Гоа — португальская колония — очень оживленный порт. Этот араб рассказал про «Вице-короля Индии». Так вот, никакой это не португальский губернатор, а корабль под таким именем, который вскоре пойдет из Гоа на Софалу или Мозамбик, а затем вокруг мыса Доброй Надежды на Лиссабон. Как я понял, там нас ждет богатая пожива.

Квартирмейстер Гомеш да Коста в возбуждении прервал его, с трудом выговаривая плохо знакомые ему английские слова:

— Я знаком с этот корабль, — сказал он. — Зовется «Вице-король Индии», носит деньги и разное из Гоа на другой колония Португалия в Индия.

— Судно с казной! Боже мой, вот это да! — ахнул Сильвер. — Да он набит пиастрами и дублонами до клотика. Если догоним, то все мы полопаемся от золота.

Да Коста отозвался на ломаном английском:

— Нелегко, — сказал он. — Это большой галион,

два орудийный палуба. Может быть, шесть десяток орудия. Мы не разбить его. Он нас разбить точно.

— Эх, Гомеш, — резко сказал Бонс, — не такие мы дураки, чтобы идти на убой. Поднимем португальский флаг, подойдем поближе, ты им наплетешь, что надо, на вашем проклятом языке, заставишь взять себя на борт… А, хоть убей, не знаю, что еще придумать!

— Это детали, мистер Бонс, обычные детали, — промолвил капитан Ингленд. — Ничего сложного. Нет, джентльмены, мы измыслим дьявольскую хитрость, не сомневаюсь в этом. А между тем спросим людей, как они думают, и если они согласятся с нами, на всех парусах идем к Гоа. Согласны?

Главари немедленно согласились, точно так же и остальные моряки, когда предложением было им объявлено.

«Кассандра» отправилась на север по спокойному морю, а квартирмейстер принялся делить добычу. Сильверу тогда досталось несколько дорогих шелковых, расшитых золотом платков, небольшой мешочек пиастров и разные мелкие украшения. Еще он взял ярко-зеленого попугая в клетке, отнятого у какой-то несчастной жен-

щины с дау. Человечность в характере Сильвера проявлялась в его отношении к попугаю: он кормил птицу кусочками сахара и вкусной едой, разговаривал с ней, как с человеком. Попугай произносил скрипучим голосом одно-два изречения из корана, но Сильвер вскоре добавил к его лексикону несколько крепких ругательств. Конечно же, это был тот самый попугай Капитан Флинт, ходивший с нами на «Эспаньоле», хотя имя это он получил позже. В то время Сильвер звал его просто Магометом.

Но пиастры, о которых птица кричала позже так часто, покоились еще на борту «Вице-короля Индии» где-то к северу от «Кассандры». Как наложить на них руку? Сильвер ломал голову над этой задачей, как, впрочем и остальные главари шайки. Наконец его осенило и, хорошенько обдумав детали, он посвятил в свои замыслы капитана Ингленда, да Косту, Бонса и других офицеров. Вначале Ингленд счет его план безнадежной авантюрой, но Джон так убедительно защищал свои идеи, что, исключительно благодаря его красноречию, через день все согласились с ним.

«Кассандра» приблизилась к порту Гоа. Как найти вожделенного «Вице-короля Индии»? Может быть, он уже бороздил волны где-то да-

леко в Индийском океане. Бонс снова принялся размахивать саблей перед несчастным мусульманином-капитаном, которого держали на «Кассандре», как переводчика в случае нужды. Измученный человек, широко раскрывая испуганные глаза, говорил все, что знал. Из его слов получалось вполне возможным, что «Вице-король Индии» еще оставался в Гоа и «Кассандра» успевала застать его там.

Так и вышло, хотя пираты чуть было не опоздали. Когда «Кассандра» бросила якорь близ Гоа, не было ни малейшей возможности установить, пришли они вовремя или нет. На всякий случай приготовились: над палубой развевался португальский флаг — красный с зеленым, а на корме закрепили затейливо разукрашенную доску с гордым именем «Магеллан».

Два дня различные суда входили в порт и покидали его. «Вице-король Индии» появился на фоне шумного и оживленного города сразу после полудня на третий день пребывания «Кассандры» в засаде. Капитан Ингленд незаметно поднял якоря и приказал догонять противника.

Португальский галеон открыл люки орудийной палубы и, подняв все паруса, быстро пошел, рассекая носом слабые волны.

— Все пропало, он слишком далеко, — тихо сказал капитан Ингленд. — Нет смысла даже пытаться его преследовать.

— Оставьте эти причитания, капитан, — сказал Сильвер. — У нас ход получше, догоним его, перейдем к ним на борт вдвоем с Гомешем — вот он уже стоит разодетый, как паяц, — и никакого боя не будет.

Да Коста стоял в неуклюжей позе на юте. Одет он был в тяжелый пурпурный камзол, там и сям утыканный орденами, перепоясанный красной лентой через плечо, толстые его ноги были обтянуты белыми шелковыми панталонами и бумажными чулками, а огромные ступни были буквально вбиты в тесные черные туфли, мучившие его на манер испанских сапог, как он сам потом признавался. Длинная темная накидка укрывала этот изысканный костюм от взоров наблюдателей с португальского галеона. Сильвер, облаченный в зеленые панталоны и кремовый с золотым шитьем камзол с пышными кружевами по краю воротника, стоял рядом. Волосы его были зачесаны назад, как это принято среди благородных господ, и был он вооружен пистолетом и саблей.

Галеон приближался с каждой минутой; «Кас-

сандра» направилась ему наперерез. Наконец сблизились до дистанции, на которой можно было свободно переговариваться. Сильвер подтолкнул да Коста, который крикнул по-португальски:

— Приветствую, куда путь держите?

— На Даман, — отвечали с борта галеона, — а потом на Диу и в наши фактории в Персидском заливе.

— Слава богу, — крикнул да Коста, — «Магеллан» идет в Макао, на китайский берег. У нас на борту губернатор Макао и его секретарь, им требуется побывать в Диу, и как можно скорее.

— Ничего об этом не знаем, — ответили с «Вице-короля». — Таких приказов у нас нет.

— Возможно, возможно. По слухам, каравелла с распоряжениями генерал-губернатора была потоплена голландцами под Малаккой.

— Ничего подобного мы не слышали. Вроде бы с Голландией мы не воюем.

— Хватит болтать! — взревел да Коста. — Губернатор расскажет все сам. Немедленно примите шлюпку!

— Хорошо, только не забудьте, что у нас на борту двести пятьдесят молодцов, все вооружены и начеку.

Шлюпку с «Кассандры» спустили на воду. Да Коста, скинув в каюте плащ и надев треуголку, всю изукрашенную золотым шитьем, с важным видом уселся на корме, а Сильвер расположился рядом. Шестеро специально отобранных мулатов и квартеронов принялись грести и шлюпка подошла к португальскому галеону.

Да Коста поднялся на борт, Сильвер забрался за ним, сопровождаемый одним из гребцов, бывшим бразильским рабом, свободно говорившим по-португальски.

Вступив на палубу, да Коста увидел судового офицера, за спиной которого выстроились двумя рядами солдаты в синих мундирах.

— Счастлив приветствовать ваше превосходительство на борту «Вице-короля Индии», — тон его был сердечен, но как показалось Сильверу, несколько сдержан.

— Где я могу показать свои полномочия вашему капитану? — почти небрежно спросил да Коста.

Их проводили в пышно разукрашенную каюту с позолоченным орнаментом, персидскими коврами и гобеленами по стенам и тяжелыми балками на потолке.

Стройный моложавый человек, лет около сорока, стоял посредине. Он был в хорошо сшитом

мундире и напудренном парике. Офицер, сопровождавший да Косту до каюты, застыл при входе.

— Мое почтение, ваше превосходительство, — сказал капитан. — Могу ли я ознакомиться с доказательствами того, что ваша миссия именно такова, как нам сказали?

— Конечно, капитан, — ответил да Коста. — Мой секретарь, Фернанду Диаш, имеет при себе все документы. — Он дал знак Сильверу приблизиться к столу, за который сел португальский капитан.

Сильвер наклонился, как бы желая расчистить на столе место для документов, и вдруг совсем неожиданно схватил капитана левой рукой за горло, приставив дуло пистолета к его виску. Сзади послышался приглушенный болезненный вскрик офицера, встретившего их на борту, — бразильский негр повалил его одним сильным ударом. Глаза капитана вылезли из орбит, когда огромная рука Джона вцепилась ему в горло; парик смешно съехал на правый глаз.

— Гомеш, — сказал Джон, — поясни этому индюку, что, если он не сделает, как ему велят, я разобью ему голову и размажу мозги по этому чудному гобелену.

Капитан издал слабый стон в знак согласия, когда да Коста перевел этот утонченный приказ.

— Ладно, — сказал Джон, — вот что надо сделать, сеньор капитан. Сначала позови первого помощника и вели ему загрузить сундуки с деньгами на нашу шлюпку. Если эта все не возьмет, с нашего корабля подойдут еще шлюпки. А пока мы будем брать то, что нам нужно, ты, сеньор, пойдешь с нами на «Кассандру» и, если что-нибудь будет не так, оскалишься в петле или, если будет на то божья воля, покормишь собою акул. Но если все пройдет как следует, кто знает, может быть мы выделим тебе долю при дележке золота. — Португальский капитан, слушая это, отчаянно всплескивал руками. — И если, — неумолимо продолжал Сильвер, — наша напудренная обезьяна ничего не соображает из-за того, что его держат за горло, поясни, что он должен говорить. Пусть объяснит офицерам, что другой корабль, наш корабль, из-за того, что поменьше и ход у него получше, получил приказ доставить деньги по назначению, а «Вице-король Индии» отправится к Ормузу в устье Персидского залива, чтобы расправиться с тамошними пиратами.

Когда капитану перевели эти слова, он слегка успокоился и был почти благодарен. Сильвер

отпустил его и сел рядом, незаметно ткнув заряженный пистолет ему в бок.

Да Коста и бразилец вдвоем подняли потерявшего сознание офицера и положили его за пышную красную занавесь, а затем капитан приказал позвать первого помощника. Пока ждали его прихода, холодный пот лился по лбу внешне спокойного Сильвера, представлявшего себе, что стало бы в случае провала. Малейшая ошибка, и он с двумя своими товарищами попадают в руки португальского правосудия, которое, как всем известно, работает совсем не в белых перчатках.

Но сейчас опасения его не оправдались. Первый помощник, важный краснолицый пожилой португалец, выслушал своего капитана, время от времени поднимая брови от изумления, а потом пошел выполнять данный ему приказ.

Пираты едва поверили своим глазам, когда большая шлюпка «Кассандры» и две лодки поменьше направились прямым курсом от одного судна к другому, перевозя сундуки и небольшие ларцы, доверху набитые золотыми и серебряными монетами. Сильвер был достаточно сообразителен, чтобы оставить пятую часть денег на «Вице-короле Индии», в знак доброй воли, по его словам.

Когда большая шлюпка подошла к борту «Кассандры» в последний раз с да Костой, Сильвером и португальским капитаном на ней, капитан Ингленд торжествующе перегнулся через борт, а пираты возле него размахивали руками и кричали «Ура!».

Через несколько минут «Кассандра» тронулась и стала отдаляться от все еще ничего не подозревающей обманутой жертвы, согласно этикету приспустив и вновь подняв свой фальшивый флаг, что означало пожелание счастливого плавания.

Менее чем через час благодаря попутному ветру «Кассандра» была далеко, и расстояние между нею и «Вице-королем Индии» непрерывно увеличивалось.

16. ВОЗВРАЩЕНИЕ В НЬЮ-ПРОВИДЕНС

Бонс оторвал взгляд от мешков с деньгами, сваленных на полу каюты капитана Ингленда, и грубо расхохотался.

— Здесь лежит золота и серебра на сто двадцать тысяч фунтов стерлингов, — сказал он. — А если прибавить добычу с судов богомольцев и с тех кораблей, что мы обобрали у западного берега Африки, то, похоже, имеем на борту сто сорок тысяч фунтов. Правильно выходит, Гомеш?

— Да, так. Так выходит и мой расчет, — ответил Гомеш, усмехаясь, что было редким для него, и во рту его блеснули золотые зубы.

Джон Сильвер быстро прикинул свою долю. Как один из главарей, он имел право на часть добычи, в полтора раза большую, чем у обыкновенного моряка. В целом это составляло примерно три тысячи фунтов. Он поразился величине своей доли. Это же невиданные деньжищи, их хватит, чтобы осесть где-нибудь, зажить богато и даже купить себе место в парламенте, если будет на то желание.

— Джентльмены, — сказал капитан Ингленд своим изысканным тоном, к которому нередко

прибегал, — нам досталась более-менее хорошая добыча. Но можно получить и побольше. Предлагаю отправиться на северо-запад и взыскать пошлину с судов, идущих через Аденский залив.

Сильвер тревожно зашевелился.

— Да не надо нам больше добычи, — сказал он. — Черт с ними, с деньгами, их у всех нас достаточно. Предлагаю не рисковать, а спокойно вернуться. По дороге, может быть, осмотрим одно-два судна. А если и нет, то матросские сундуки все равно доверху набиты золотом.

— Согласен с Джоном, — быстро сказал Бонс. — Вернемся в Карибское море и прогуляем эти деньги. Поставим новые орудия на старушку «Кассандру», а может быть, и немного отдохнем.

— Нет, — с силой сказал Ингленд, — ошибаетесь. Не видите дальше собственного носа! Мы, может быть, отыщем втрое большую добычу, если будете слушать меня. Кстати, Ван дер Вельде думает так же.

— Хорошо, пускай ребята решат сами, капитан, — дипломатично сказал Сильвер. — Так положено по обычаям, если не ошибаюсь.

Собрание, последовавшее за этим разговором, было бурным, но все же достаточно серьезным, а представленные обеими сторонами доводы были

вполне убедительны. В конце концов, только шестеро поддержали Ингленда, в их числе старший канонир Ван дер Вельде. Стало ясно, что власть уплыла из рук Ингленда, и не оставалось другого выхода, как сместить его немедленно. Сильвер и Бонс пошли передать низложенному капитану решение сходки. Бонс заговорил первым, и американский его акцент звучал сильнее обычного, возможно потому, что он сознавал важность своей миссии.

— Команда стоит за твое смещение, капитан Ингленд. Новым капитаном выбрали меня. Так что, уж будь так добр, повинуйся решению сходки.

Ингленд равнодушно пожал плечами, но длинные его пальцы не переставали нервно барабанить по серебряной табакерке.

Сильвер заговорил следом:

— Не такие уж мы плохие люди, капитан, — сказал он. — И никто из нас не хочет крови. Скажем, это будет наша «Славная бескровная революция», как в восемьдесят восьмом, когда голландец Вильгельм свалил эту папскую свинью короля Якова.

— Ну, и что думаете делать? — спросил Ингленд устало.

— Пойдем на Мадагаскар, — ответил Бонс, — но перед этим высадим тебя с дружками на остров Маврикий. Если это тебя не устраивает, выбирай между протягиванием под килем и путешествием по доске.

— Мы оставим тебе провиант и оружие, — прервал его Сильвер. — И пусть возьмет меня дьявол, если парни откажутся дать тебе Святое писание, что в этих краях просто щедро. Там ты будешь в полной безопасности, чего не ждет никто из нас на долгом пути к Нью-Провиденсу.

— Выходит, мне предлагают выгодную сделку, — иронично ответил Ингленд.

— Пусть будет так.

— Джон забыл сказать еще кое-что, — промолвил Бонс, — мы запрем тебя, твоего канонира-голландца и нескольких гадов, что тебя поддержали, в твою каюту до самого Маврикия для вашей же собственной безопасности. Никому ведь не хочется лежать с перерезанным горлом, не так ли?

Так сместили капитана Ингленда, но без всякого насилия, к которому другие пираты часто прибегали в подобных случаях. Через две недели Ингленда с товарищами высадили на остров в семистах милях от Мадагаскара. Смещение Ингленда совершилось достаточно учтиво, и обе

стороны вели себя сдержанно; только старший канонир Ван дер Вельде, голландец, бешено размахивал кулаком и так громко ругался, словно хотел оглушить самого господа и ангелов его.

«Французские суда, идущие в Индию, заходят на Маврикий, чтобы запастись пресной водой, — думал Сильвер, — и кто-нибудь из них возьмет капитана Ингленда». Поэтому он был удивлен, когда несколько лет спустя узнал, что оставленные на острове Ингленд и его товарищи сколотили из досок шлюпку и сумели достичь Мадагаскара. Здесь они жили подаянием своих собратьев пиратов, ничего не имевших против них.

Естественно, «Кассандра» добралась до Мадагаскара много быстрее капитана Ингленда. Тут экипаж загрузил новые припасы и некоторое время жил по-царски. Все пираты на острове от души завидовали им и делали все, чтобы освободить своих товарищей от отягощавших их золота и серебра.

Некоторые пираты умудрялись проиграть все состояние в один прием, другие осыпали деньгами вплоть до последнего фартинга женщин и трактирщиков, усердно подливавших богатым клиентам самое крепкое пойло, способное уложить слона, а по меньшей мере троих убили и

ограбили.

На Мадагаскаре Сильвер получил хороший урок, потому что через месяц у него осталось тысяча двести фунтов. Невозможно представить себе, что человек с его рассудительностью мог вести себя, как заядлый игрок. Да, Сильвер готов был рисковать жизнью, но сначала внимательно оценивал возможность успеха; игра же в карты или в кости давала решительно меньше шансов на удачу. Все же, несмотря на это, он играл отчаянно, словно отдаваясь какой-то страсти, но как только дурман рассеялся, Джон бросил игру и надежно упрятал кошелек.

Наконец «Кассандра» покинула Мадагаскар, изрядно облегчившись от прежних богатств, но загрузившись припасами и ходовыми товарами, вроде кораллов и амбры. Кроме того, она до клотика была набита людьми, потому что пираты Мадагаскара обгоняли друг друга с просьбой принять их на корабль такой удачливой судьбы и таких доходов. Из среды новичков избрали нового старшего канонира по имени Израэль Хендс, который заменил оставшегося на острове голландца. Хендс был широкоплеч, с синими пятнами по подбородку и огромными ушами; был он тугодум, но терпелив и имел отличный глазомер,

так что каждый его выстрел попадал в цель.

После того, как Бонс стал капитаном вместо Ингленда, да Коста занял место первого помощника, а Джону Сильверу достался пост квартирмейстера, хорошо подходивший к его многосторонней натуре.

Семью месяцами позднее «Кассандра» вернулась в Нью-Провиденс, встреченная диким восторгом. Сильвер и Аннет снова встретились, и, к его радости и удивлению, она подала ему двухлетнего сына.

Джон долго, ласково и внимательно смотрел на своего наследника.

— Никак не похож на меня, дорогая Аннет, — заключил он.

— Глупости, — сказала Аннет, — русый, как ты, Джонни, и своенравный тоже, как ты. Так или иначе, мне лучше знать, чей это сын.

Сильвер с удивлением заметил, что за время его отсутствия Аннет стала самостоятельной. Наверное, появление ребенка придало новый смысл ее жизни.

Постепенно привыкая к мысли, что теперь он отец и глава семьи, Сильвер понял всю разумность настояний Аннет перебраться в более приличное место, чем Нью-Провиденс. Сейчас

это не представляло особых трудностей, так как у него было более тысячи фунтов.

— Не сомневаюсь, — говорила Аннет, — что через месяц-другой ты опять исчезнешь. А как мне быть тут с сыном? Не оставаться же здесь навсегда? Здесь спокойно живут только дурные женщины, да и в любой момент поселение могут уничтожить.

Сильвер мог в один миг заставить человека похолодеть от ужаса и свалить быка ударом кулака, но доводы жены крепко засели у него в голове. Во всяком случае, не прошло много времени, как Джон решил, что пусть лучше Аннет заботится о хозяйстве и распоряжается его деньгами в спокойном месте, чем гниет и мучается в Нью-Провиденсе. Они отплыли на Ямайку на борту шхуны, занимавшейся более-менее законной торговлей между этими островами. Тут Джон устроил Аннет и маленького Джона в Монтегю-Вей, где купил маленький трактир под названием «Порто-Белло» и внес девятьсот фунтов в Королевский банк Ямайки.

В продолжение почти трех лет Джон жил в Монтегю-Бей; дымил трубкой и отдавал должное отменным блюдам, на которые оказалась такой мастерицей его жена. Здесь у него родился еще

один сын, которого окрестили Филиппом — по имени покойного отца Аннет.

Но эта жизнь его не удовлетворяла. Принялся он водить компанию с моряками по разным кабакам города, слушал истории об утраченных и найденных сокровищах, о несчастных их владельцах, познакомившихся с виселицей. Одним словом, не было ничего удивительного в том, что Сильвер вернулся к пиратству. Всего только шаг отделяет человека, имеющего душу пирата, от того, чтобы переменить мирную и добропорядочную жизнь на грабежи и злодеяния.

Однажды вечером, спокойно сидя в своем трактире и наслаждаясь непристойными разговорами пьяных моряков, Джон почувствовал, как медвежья лапа схватила его за плечо и насмешливый голос сказал из-за спины:

— Да ведь это же наш Долговязый Джон, правда растолстевший с тех пор, как ходил на старом «Ястребе».

Сильвер вскочил на ноги.

— Пью! — вскричал он. — Гейб Пью, боже мой, живой!

— Он самый, — ответил Пью, оглядев его острым взглядом, — и ничего со мной не стало с тех пор, как я смылся из тюрьмы в Бриджтауне, сам

знаешь когда.

— Слышал, слышал, Гейб, как тебе удалось улизнуть из тюрьмы, — сказал Сильвер.

— Эх, — махнул рукой Пью, — для меня никогда не было проблемой пустить кровь какому-нибудь мерзавцу. Но это другой вопрос. Он подсел к Сильверу и дружелюбно сказал ему: — Я в порядке, Джон, а как ты? Слышал, ты снялся с якоря в Нью-Провиденс вскоре после того, как вдвоем с Билли Бонсом вернулись из Ост-Индии три-четыре года назад.

Сильвер сразу ответил, как будто спешил высказать какие-то мысли:

— И никогда в жизни не поступал умнее, ни до того, ни после. Не прошло и шести месяцев после нашего отъезда, как все это селение сгорело, как соломенное чучело в день Гая Фокса [84].

— Слышал я и об этом, Джон. Действительно, страшная история.

— Королевский флот сделал это, Гейб. Мне говорили, неожиданно появилась целая эскадра. Потопили старушку «Кассандру» — она стояла

---

[84] notes: 84

день Гая Фокса — 5 ноября, годовщина заговора во главе с Гаем Фоксом, целью которого было взорвать парламент; в память его раскрытия в Англии ежегодно 5 ноября проводятся шествия, на которых сжигают чучело Гая Фокса

на якоре в заливе, и на борту никого не было. Потом сожгли все дома и строения на берегу. Кто из братьев не был убит или схвачен десантом, бежали и укрылись в джунглях. Был среди них и Билли Бонс, хотя, накажи меня бог, не знаю, что с ним сейчас.

— Слушай, Джон, выходит, я знаю побольше тебя. Расскажу тебе, может позеленеешь от зависти. Эскадра покинула Нью-Провиденс через три недели. Думали, навсегда разорили осиное гнездо. И что, ты думаешь, было потом? Появился под парусами, полными ветра, не кто иной, как наш приятель Флинт с трюмами, набитыми добычей. В это время Билли и другие уже истомились в лесу — все в лохмотьях и полумертвые от голода. И бегут к Флинту, как попрошайки к богатому благодетелю.

— Флинт мне не особенно близкий приятель, — сказал Сильвер.

— Да, верно, он жесток, — ответил Пью, — но ведь и мастера учуять добычу лучше Флинта не найдешь. Ну, как бы там ни было, а он сходит на берег, зовет Билли Бонса, Израэля Хендса, Андерсона и многих из тех, кто был на «Кассандре»: «Парни, я возьму вас с собой, не горюйте.» И не обманул. Я попал туда четыре месяца спустя, когда

«Морж» бросил якорь в Сент-Китсе. Вот тогда-то и вернулись старые добрые времена, хотя с тех пор мне пару раз и казалось, что петля затягивается на моей шее.

— Это все присказки, Гейб, — холодно сказал Сильвер. — Про эти дела я кое-что слышал. Итак, я знаю, что Билли и другие у Флинта. Что же мне с этого?

— А вот то, Джон, — молвил Пью, — что корабль Флинта «Морж» стоит на якоре в заливе, а сам Флинт наверняка где-то тут, мертвецки пьяный. Нам очень нужен квартирмейстер, тот, что был у нас, недавно сказал что-то Флинту и был назавтра найден в трюме с распоротым брюхом. А еще нам нужна крепкая рука вроде твоей, потому что Флинт чересчур много пьет, а бедняга Билли покатился по той же дорожке. Я на «Морже» боцман и поддержу тебя. Айда с нами, Джон, славные деньки нас ждут!

Секунду Сильвер колебался, взвешивая доводы за и против. Он понимал, что Флинт не любит его, и все же решил идти. Дома хладнокровно выдержал в течение часа бешеный гнев Аннет, потом достал пару пистолетов, положил туго набитый кошелек в наскоро собранный морящкий сундучок. Вскоре после этого он, Пью и еще

несколько моряков гребли в шлюпке, направляясь к «Моржу», который, незримый во мраке, стоял на якорях в заливе.

17. ВМЕСТЕ С ФЛИНТОМ

«Морж» действительно оказался превосходным кораблем. Сильвер увидел это сразу, едва ступив на борт. Когда рассвело, его мнение подтвердилось. Все лишние надстройки были срублены, и он мог обогнать любое судно в Карибском море, кроме самых быстроходных.

«Морж», прежде чем им завладел Флинт, был испанским фрегатом, патрулировавшим Флоридский пролив к северу от Гаваны. Пиратам он достался, когда половина экипажа валялась в лихорадке под палубами. Развесив остальных по реям, Флинт решил конфисковать корабль, для чего дезинфицировал его окуриванием и приказал протереть палубу спиртом. «Морж» нес на себе тридцать восемь орудий и сто шестьдесят душ экипажа.

Вскоре после того, как Сильвер поднялся на борт, туда втащили мертвецки пьяного Флинта. Лицо его ужасало — все в серо-синих пятнах. С ним был Билли Бонс, чье обгоревшее на солнце лицо лоснилось от пота. Он тоже был пьян до бесчувствия, но все же узнал Сильвера, приятельски стиснул ему руку, хотя сам едва держался

на ногах, а затем, шатаясь отправился в каюту, чтобы лечь и протрезветь.

Назавтра к обеду Флинт отошел достаточно, чтобы суметь пьяным ревом потребовать от Дарби Макгроу, немого его слуги, принести еще рому. Бедняга не понял желания своего господина, за что получил увесистую затрещину. Шатаясь, как терновник на ветру, полуодетый Флинт выбрался из каюты, неодобрительно сощурил глаза при виде Сильвера и назвал его дураком, потому что тот записался в экипаж капитана Ингленда, когда «Кассандра» отплывала в Индию. Но Бонс и Пью защитили его, напомнив Флинту, как отлично проявил себя Сильвер в том плавании.

Так, хоть и неохотно, Флинт согласился принять Сильвера на корабль квартирмейстером. Несомненно, Джон облегчил капитану решение, положив ему на колени горсть пиастров в качестве пая в предприятии и в знак уважения, как он сам сказал. Согласие команды было получено без спора — Сильвера знали многие.

Люди Флинта действительно были страшными негодяями. Сам капитан мог убить кого угодно не моргнув глазом; богатую поживу он чуял в трезвом виде издалека. Билли Бонс с тех пор, как Флинт спас его в развалинах Нью-Провиденса,

стал еще безжалостнее — на корабле он был первым помощником и навигатором и мог зарубить человека с такой же легкостью, как поздороваться с ним. Жестокость Пью расцвела при Флинте отвратительным кровавым цветком, Израэль Хендс, Джоб Андерсон, Черный Пес, Том Морган и другие сплотились в грозную шайку подлецов и убийц, готовых на все ради кровавых денег. Особняком стояли лишь некоторые — так, в экипаже был изысканный джентльмен, американский хирург, сбежавший из Гарварда и на первый взгляд деликатный, как дама. С легким сожалением Сильвер заметил среди моряков Джорджа Мерри и О'Брайена — таких же негодяев, как и остальные, но вносивших во всю шайку раздор своими вечными ссорами и дрязгами. Выделялся из всей компании также один робкий, неуверенный в себе и на вид добродушный бывший батрак из Девона по имени Бен Ганн.

Когда Джон Сильвер присоединился к экипажу «Моржа», ему было немногим более тридцати, но уверенный голос и внушительная осанка делали его гораздо солиднее. Ему нетрудно было командовать людьми, и хотя редко кто слышал, как он повышал голос, моряки со всех ног спешили исполнить приказы Долговязого Джона.

И это продолжалось все время службы у Флинта. Может быть, тайна власти над грубыми и невоздержанными людьми заключалась в его скрытном характере. Никто никогда не знал, чего ждать от него, а потому все старались поддерживать хорошие отношения с Сильвером, в то время как периодичность буйных припадков садизма угрюмого Флинта легко можно было предвидеть, а хитрого и жестокого Пью постоянно надлежало опасаться. Джон Сильвер всегда оставался для всех загадкой, и даже сам Флинт держал его под пристальным своим надзором — быть может, сам боялся его в глубине своей черной души. Билли Бонс начал опасаться и завидовать ему во время плавания «Моржа», и, несомненно, этим объясняется его позднейшее решение похитить карту острова Кидда и скрыться от Сильвера.

Нельзя сказать, однако, чтобы эта мрачная атмосфера коварства и недоверия помешала пиратам в их кровавых делах. Джон Сильвер стал квартирмейстером «Моржа» в благоприятное время — начало войны за австрийское наследство, когда Англия воевала с Испанией и Францией повсюду, где переплетались их интересы; Карибское море, естественно, оказалось одним из этих мест, и ставка в игре была немалой

— торговые суда, занятые частной торговлей или контрабандой, право доставлять рабов на плантации сахарного тростника, возможность награбить вволю золота и серебра, гарантированно доходная добыча с береговых поселений.

Совершенно естественным было для Флинта воспользоваться возможностью совершать нападения, вредившие испанским интересам, как он говорил, «раздавить проклятых испанских папистов», имея при этом надежный тыл. Так, с присущей ему дерзостью, он открыто ввел «Морж» в порт Кингстон и потребовал каперскую грамоту.

Когда Флинта, за которым следовали Бонс и Сильвер, ввели в зал заседаний губернаторского дворца, наступило неловкое молчание. Губернатор, его превосходительство генерал сэр Ричард Кортней, был полный краснолицый человек и, казалось, в любой миг мог стать жертвой апоплексического удара. Он сидел за большим полированным столом и нетерпеливо барабанил пальцами по полированной его поверхности. С одной стороны от него сидел капитан первого ранга, по другую сторону усердный секретарь писал приказы ясным и четким почерком.

Губернатор заговорил первым, с усилием скры-

вая презрение:

— Это вас зовут мистер Флинтсток?

— Флинт, ваше превосходительство, — прошептал ему секретарь, — Флинт.

— Да, конечно, — раздраженно ответил губернатор. — И вы хотите получить каперскую грамоту, не так ли, мистер Флинтсток?

Флинт, на чьем смуглом лице появилось злобное выражение еще при входе в парк губернаторского дворца, сделал шаг вперед, брякнув саблей. Сильвер быстро откликнулся, чтобы предупредить ругательства, готовые вырваться из глотки Флинта.

— Так точно, сэр. Мы хотим служить под славным британским флагом, сэр, да так, чтобы страна гордилась нами.

— Между нами, — синие глаза губернатора вылезли из орбит, — страна больше будет гордиться, если вас троих предадут военному суду и в тот же час расстреляют. Но это к слову. Времена изменились, и из Лондона есть приказ действовать по обстоятельствам.

— Слушай, — сердито воскликнул Бонс, — мы не нищие и не за милостыней сюда пришли. У нас достаточно пороху и ядер, чтобы потопить все суда в гавани и, между прочим, выдернуть

перо из чьей-то потешной шляпы.

— Мой приятель Билли хотел сказать, — хладнокровно вмешался Сильвер, на миг скосив взгляд в сторону треуголки губернатора, украшенной пышным белым пером, — в нашем лице, сэр, вы найдете отличных бойцов в помощь планам вашего превосходительства.

Губернатор внимательно и долго оглядывал Джона. Наконец спросил:

— Как вас зовут, сэр?

— Сильвер, Джон Сильвер, сэр.

— Сильвер, так? Само имя говорит, что вы краснобай [игра слов: silver

— серебро, silver tojnqued — красноречивый, краснобай]. Что ж, мистер Сильвер, я скажу вам и вашим приятелям две вещи. Во-первых, предпочитаю иметь дело со стаей волков, чем с вами. Во-вторых, у меня, увы, нет выбора. Сейчас, когда испанцы и французы взяли нас за глотку, мне нужен любой корабль, который можно пустить в дело. Но слушайте внимательно: если вы и ваши разбойники допустите хоть одно нарушение приказа, вас раздавят, как тараканов, и все вздохнут спокойно.

Слова губернатора еще звучали в облицованном черным деревом зале, как Сильвер ответил:

— Благодарю вас, сэр! Возвышенные мысли у вас, ничего не скажешь.

Флинт заговорил за ним бессвязно и в то же время со скрытой угрозой в голосе:

— Ну, черт тебя подери! Даешь или нет?

— Каперскую грамоту, ваше превосходительство, — напомнил секретарь. Наступило молчание, губернатор снова принялся шумно барабанить пальцами по столу.

Сильвер заметил, что коммодор перестал писать и взглянул на каждого из троих по очереди внимательно, как бы стараясь хорошо запомнить их лица. В первый раз, войдя в эту комнату, Сильвер смутился от его проницательного взгляда.

К счастью, губернатор нарушил молчание, дав им знать, что прием окончен.

— Явитесь утром, часов в десять. Коммодор Мейсон объяснит вам ваши обязанности.

Солнце на улице пекло нещадно. Флинт отер пот со лба грязной зеленой тряпкой.

— Рому! — молвил он. — Мне надо чарку-другую рому, друзья, честное слово мне нужно рому!

— Эй, капитан, уж не напугало ли тебя его надутое превосходительство?

— засмеялся Сильвер. — Если хочешь пить, нет ничего проще. Эй, мальчик, иди сюда.

Он дал знак продавцу воды, сновавшему среди толпы бродячих торговцев около входа в губернаторский дворец. Мальчик подбежал к ним, придерживая руками два деревянных ведра, висевших на коромысле на его плечах.

— Чудесная ключевая вода, джентльмены, всего пенни чашка.

— Пенни за чашку? — ахнул Билли Бонс. — Да это же грабеж среди бела дня! А ну, поди сюда, сопляк! Как ты говоришь, ключевая вода? По-моему, она прямо из гавани. — И он хотел ухватить мальчика за ухо, но Сильвер быстро остановил его:

— Спокойно, Билли! Не забывай, мы теперь настоящие корсары, или почти настоящие. Нельзя же вести себя, как разбойники на дорогах Ямайки. На, малыш.

Он бросил под ноги мальчику монетку.

— Три чашки для меня и моих друзей, и сдачи не надо.

Мальчик улыбнулся Сильверу, сверкнув белыми зубами. Бонс и Сильвер жадно выпили воду, но Флинт, отхлебнув глоток, сплюнул на землю.

— Помои! — крикнул он злобно. — Рому, вот что мне надо, а не эти помои.

И Флинт направился в трактир возле порта, где

через час-другой уже ревел «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...» и ругательски ругал посетителей, имевших несчастье попасться ему на глаза.

Сильвер глубоко затянулся своей трубкой и многозначительно посмотрел на Билли Бонса, уже порядочно пьяного.

— Билли, — сказал он тихо, — так нельзя. Флинт очень быстро упивается ромом. Да и у губернатора во дворце едва мог связать пару слов, а сейчас ревет и угрожает всему живому. Флотские офицеры не захотят иметь дело с таким человеком, как он, уж будь уверен.

Лицо Бонса помрачнело, он пытался сообразить, что ответить, и наконец промолвил:

— Ты прав, Джон, но не во всем. Как только отплывем, Флинт забудет о выпивке и примется за дело, как надо. Его портит ожидание на берегу.

— Возможно, — ответил Сильвер, — но я сам его видывал мертвецки пьяным на корабле. Билли, кому-то надо быть трезвым, если случайно припечет пятки. Я-то могу удержаться, а вот как насчет тебя? Ты же, ей-богу, пустился по дорожке Флинта, наливаешься ромом выше ватерлинии и орешь, когда не грех и шептать.

— Ты мне не проповедуй, епископ Окорок! Ведь

ты один сидишь здесь, не глотнув ни капли, пока мы с Флинтом обмываем добрую удачу. Как тебе верить после этого, Джон Сильвер?

— Человеку можно верить по его делам, Билли. А что касается рома, то нет человека, который любил бы его больше меня, но оставь меня с ним наедине, я на него и глядеть не стану, если у меня есть дела поважнее.

— Ну, ты примерный мальчик, Джон Сильвер!

— Примерный, Билли. Ты сам сказал: «примерный». А ведь ты хорошо знаешь, что мой нос чует золото и добычу на десять ярдов под землей. Я хватаю всякий кусок, но хочу в это время быть достаточно трезвым, чтобы спокойно улизнуть в суматохе.

Они умолкли. В это время Флинт выхватил саблю из ножен, подбросил в воздух лимон и сильным ударом разрубил его надвое.

Сильвер кивнул Бонсу. Билли подошел к Флинту и схватил его за правую руку, всю залитую лимонным соком, а Джон подскочил слева. Несмотря на ругань и сопротивление, они выволокли капитана из трактира и повели к пирсу, где была привязана шлюпка. Через час они поднялись на борт «Моржа».

18. КОРСАРЫ

К обеду следующего дня Флинт протрезвел настолько, что смог сообщить экипажу свои намерения.

— Парни, — закричал он, — вот каперская грамота для работы в этих водах! — Он размотал свиток пергамента и, глядя в него, начал читать по слогам: — «Выдано и подписано мною… на третий день мая в лето от Рождества господня тысяча семьсот сорок пятое… сим разрешается кораблю по имени „Морж“ вооружаться, снаряжаться и действовать, как корсарский корабль против судов Испании и Франции…» — Тут Флинт прервал чтение, так как от усилия пот уже струился по его носу, и заявил:

— Хватит этих важных побасенок! — скрутил свиток и продолжал: — Теперь у нас развязаны руки. Можем нападать в Карибском море на кого захотим. Можем вполне законно брать на абордаж все французские суда. Можем разорить гнусные испанские селения и сжечь их дотла, а королевский флот нам только спасибо за это скажет.

Он подождал, пока моряки разберут его слова.

— Это что за дела, а? — сварливо заорал Джордж Мерри. — Эй, капитан, да ты вроде сговорился с разными там адмиралами, герцогами и графами, а? Это вчера еще мы были черными овцами в Карибском море, а теперь, выходит, невинные ангелочки, так? Это как же так полу-чается?

— Заткнись, Мерри, а то язык тебе отрежу! — взревел Флинт и пояснил:

— Если такой недоверчивый, можешь взглянуть в этот документ, сам увидишь, здесь написано точь-в-точь все, что я тебе сказал. Вчера я этому губернатору прямо говорю: «Мы к тебе по-хорошему и будем на твоей стороне. Айда, давай это разрешение, говорю, и долго не тяни», говорю ему. Мистер Сильвер и мистер Бонс были со мной, — добавил он скромно. — Они могут все подтвердить.

«Боже, дай мне сил», — мысленно взмолился Сильвер, вставая на ноги справа от Флинта. Перевел дыхание и любезно заговорил:

— Капитан сказал чистую правду. Мы можем ходить под английским флагом, и никто, даже лорды адмиралтейства, даже парламент, даже сам король не сделают с нами ничего, если мы примемся обирать подлых испанцев и французов!

— Докажи это! Где доказательства? — крикнул О'Брайен, дружок Мерри. А доказательством было то, что Сильвер провел полтора часа утром у коммодора Мейсона, передавшего ему приказы и объяснившего, докуда простирались права команды «Моржа». Попутно коммодор подверг Сильвера основательному перекрестному допросу, чтобы понять, что подтолкнуло его и Флинта служить королю. Мейсон был человеком с холодным и точным умом. «Когда имеешь дело с таким человеком, — подумал Сильвер, — держи ухо востро, потому что он не простит никакой вольности, ни малейшей ошибки, а врага будет преследовать неумолимо до подножья виселицы». Но как все это объяснить пиратам?

Флинт снова заговорил, или, скорее, зарычал:

— Больше ничего не остается ни тебе, Джордж Мерри, ни этому безмозглому волу О'Брайену, как тявкать на меня. Так вот, мы получили приказы. Королевский флот придумал планы, по которым мы все наверняка разбогатеем.

— Какие-такие планы? — снова крикнул один из пиратов.

— Планы, — желчно ответил Флинт, — очень важные планы. — После этих слов поколебался и неохотно продолжал: — Долговязый Джон гово-

рил с этим флотским, вот он пусть и расскажет.

Но как только Сильвер вновь поднялся, чтобы заговорить с моряками, Флинт злобно прошептал:

— Только покороче, это тебе не речи в парламенте и не агитация на выборах капитана!

Сильвер заговорил спокойно, как бы ничего не слыша:

— Парни, я горжусь, что плаваю с таким капитаном, как наш Флинт. Да вы что, не верите планам, которые он задумал? Через эти планы мы все как один разбогатеем. Просто чудо, что он придумал.

На широком его лице появилась сердечная, дружеская улыбка. В его манерах обнаружилась вдруг такая утонченная почтительность, как будто он испытывал к капитану не меньшее уважение, чем молодой священник к епископу. Многие из пиратов, стоящих на палубе, тоже заулыбались. Простодушный Бен Ганн засмеялся от радости, и экипаж принял это благосклонно. Даже желтые глаза Джорджа Мерри на миг блеснули умиротворенно.

— План, придуманный капитаном на этот случай, — продолжал Сильвер, — и лопнуть мне на месте, если он на флоте не понравится, состоит

в том, что мы пойдем под Новый Орлеан и наделаем французам гадостей в этих водах. Там нас ждет эскадра королевского флота. Если блокируем французов в их колонии Луизиане, они не смогут помогать испанцам оборонять Гавану и другие города.

— А в Мексиканском заливе нас ждет добыча, — пояснил Билли Бонс. — У французов, видно, не так-то много фрегатов в тех местах. Им надо собрать большой флот, чтобы защитить саму Францию и ее колонии в Индостане. Кроме того, они увязли в Квебеке и Сен-Лорансе [85], не говоря об островах в Карибском море, Гваделупе и других портах. Да, тут будет на чем руки погреть, так мне думается.

— Вот так-то, — прервал его Флинт. — Не такой я человек, чтобы работать за здорово живешь, но решать вам, висельники этакие. Ну, да или нет?

— Да! Ура капитану Флинту! — заревели пираты на палубе, размахивая кулаками и топая ногами.

Сильвер задумчиво глядел, как они, хлопая друг друга по плечам, принялись за работу. Да ведь они почти как овцы. Уже представляют себе,

---

[85] notes: 85
река Лаврентия — на востоке Канады

как набивают карманы луидорами и только что отчеканенными дублонами. Подозревают ли, что их ждет, — мели, неприятельская картечь, изувеченные руки и ноги? Нет, это не приходит им на ум, и слава богу, что не думают ни о чем, иначе ни за что не стали бы они к орудиям и не дожидались с нетерпением атаки на вражеские суда.

— За работу, квартирмейстер! — прозвучал над ухом грубый голос Флинта. — Хочу видеть этот корабль чистым и блестящим еще до захода солнца, иначе плохо тебе придется. Так и знай, сброшу тебя за борт и глазом не моргну! Или ты думаешь, что назначен квартирмейстером за красивые глаза? А? Давай, за дело!

Так «Морж» поднял якоря и отплыл Юкатанским проливом в Мексиканский залив. Плаванье прошло спокойно. Встретили только одно испанское судно возле мыса Катуш, где полуостров Юкатан изгибается на северо-восток к Кубе, но сторожевой корабль не был склонен вступить в бой с «Моржом» и благоразумно отошел к берегам Новой Испании.

На совещании в губернаторском дворце коммодор Мейсон объяснил, где «Морж» должен встретиться с британскими боевыми кораблями — в ста пятидесяти милях юго-восточнее Но-

вого Орлеана, место встречи было выбрано на славу, потому что оттуда можно легко заметить неприятельские суда по пути к Флоридскому и Юкатанскому проливам.

Наконец забелели топсели британских боевых кораблей. Вскоре наблюдатели с мачт «Моржа» доложили подробности:

«Два боевых корабля и одно трехмачтовое сторожевое судно».

Пока «Морж» приближался к боевым кораблям, капитан Флинт созвал главарей в свою каюту и, устремив взгляд поверх собравшихся корсаров, напомнил им о долге.

— Сейчас придем на место и начнем переговоры с флотскими. И если кому из вас, висельников, случайно придет на ум перекинуться к ним и сговориться с этими капитанами и коммодорами, я ему череп раскрою. Мы сюда пришли потому, что это нас устраивает, чтобы собрать добычу и наполнить кошели, а не для вящей славы лордов в адмиралтействе.

— Не беспокойся так, капитан, — ответил Израэль Хендс. — Ни у кого не было такого экипажа, как у тебя. Мы верим тебе, и все тут! — и неловко махнул рукой, не зная, что сказать дальше.

Флинт насмешливо засмеялся:

— Не сомневаюсь, приятель Хендс, ни на миг не сомневаюсь. Но из опасения, чтобы чего не приключилось, не позволю никому из вас знать больше других. Стало быть, когда Джон Сильвер пойдет говорить с флотскими, его будет сопровождать Черный Пес и следовать за ним неотступно, как тень.

Сильвер кивнул своей большой головой в знак согласия.

— Мудро сказано, капитан, — заметил он, — и для справедливости Пью, стоящий здесь, будет твоей тенью в таких случаях, чтобы ребята были уверены в тебе и в твоих намерениях.

Флинт хотел ответить, но передумал и уставился злобным взглядом на Сильвера. Джоб Андерсон беспокойно зашевелился, а Билли Бонс улыбнулся себе в усы.

— Капитан! — Джордж Мерри заглянул в открытый люк. — На том семидесятипушечном фрегате подняли какой-то флаг. Надо думать, сигнал.

— Я его приму, — сказал Бонс, быстро вскочив на ноги и взяв подзорную трубу. Через пять минут он вернулся.

— Нам сигналил «Берик». Капитан Хоук нас приветствует и желает дать дополнительные указания. Хочет говорить с нашими офицерами.

— Я не сойду с этого корабля, — резко сказал Флинт, — не сойду с этого корабля, пока мы в море. Это дело для Окорока и Черного Пса, если не ошибаюсь. Айда, и побыстрей!

Через час Сильвер поднимался на борт «Берика», а Черный Пес следовал за ним по пятам, пока волны то поднимали, то опускали ял с «Моржа», в котором на веслах сидели три пирата.

Когда Сильвер вступил на палубу «Берика», наблюдательный его взгляд отметил чистоту и порядок на борту. Латунные реминги блестели на солнце, доски палубы были старательно вымыты, одежда на моряках выглядела новой и опрятной.

Сразу на корабле началась суета. Матросы бежали, отдавая честь. Появился молодой человек, лет двадцати, с длинным носом и маленькой бородкой, терявшейся на шее.

— Счастливого прибытия на борт, сэр! Лейтенант Александр Таунсенд к вашим услугам.

Сильвер поздоровался с младшим офицером.

— Джон Сильвер, квартирмейстер, — сказал он сдержанно.

Черный Пес прятался у него за спиной, как будто боялся, что и его представят.

— Капитан Хоук будет рад принять вас через пятнадцать минут, — сказал Таунсенд. — Я бы

пригласил вас до того в свою каюту, но это вонючая дыра под орудийной палубой. Собаке там будет тесно, но я не пес, а только младший лейтенант, и для меня этого хватит.

Он глядел на Сильвера с любопытством. Джон кивнул ему в ответ. Ясно, что Таунсенд имел самый низший офицерский чин на корабле, ниже стояли только мичманы. Странное дело, как много молодых людей из богатых, может быть, благородных семей, готовы задыхаться в душных норах на службе своей стране; даже плотник на «Морже» не согласился бы так жить. Таунсенд заговорил снова, потрогав толстую грот-мачту:

— Ей-богу, мистер Сильвер, тут есть над чем поразмыслить. Эта мачта выглядит вполне крепкой, не так ли? Разрази меня гром, если она не изъедена червями, как говорит старший лейтенант, а я не сомневаюсь, что он прав.

Сильвер оглядел мачту. В ее массивном дереве виднелось множество дырочек. Он дунул в одну из них, и оттуда вылетело облачко зловонной пыли.

— Видите, вот проклятый климат! — сказал извиняющимся голосом Таунсенд.

Климат? Сильвер достаточно хорошо знал влияние климата. Но дело было не в этом. Адми-

ралтейство было притчей во языцех из-за своей скаредности. Вместо того, чтобы призвать на службу офицеров, живших на берегу на половинном жаловании, и отправить корабли в море, оно оставляло цвет королевского флота гнить на якорях в Темзе. Вероятно, «Берик» бездействовал годами, прежде чем его снарядили на сегодняшние боевые действия. Никакой уважающий себя пират не довел бы до этого свой корабль. Несомненно, положение флота было не блестящим.

Таунсенд повел их на корму, продолжая говорить, хотя Сильвер не слышал и половины его слов.

Наконец дошли до капитанской каюты. Морской пехотинец, одетый в красный камзол, стал смирно, а затем открыл люк и закрыл его за ними.

Капитан Хоук сидел против люка за старательно прибранным гладко полированным столом. На стене над его головой висел портрет короля, явно наскоро выполненный в аляповатых тонах.

— Мистер Сильвер, представляющий капитана Флинта, командира «Моржа»,

— доложил Таунсенд.

Хоук кивнул. Это был крепко сложенный человек, лет сорока по оценке Сильвера. Темные глаза

и строгие губы глядели из-под напудренного парика, но щеки его слегка обвисли.

— Мое почтение, мистер Сильвер, — сказал Хоук, — а также мистер… — обратился он к Черному Псу, выглядывавшему из-за плеча Сильвера.

— Черный Пес, сэр, — сказал Джон, сразу осознав, насколько абсурдно звучало это имя.

— Ну, мистер Сильвер, — сказал Хоук, — прошу, садитесь. Садитесь, мистер Пес. И вы, мистер Таунсенд. Для начала, мистер Сильвер, покажите вашу каперскую грамоту. Благодарю вас. Так, выдано в Кингстоне, Ямайка, и так далее, и так далее… Да, ясно, все в порядке. — Он развернул перед Сильвером карту и показал пальцем Новый Орлеан. — Я имею указания адмиралтейства не дать французским судам и вообще никаким судам выйти из Нового Орлеана. Это означает блокаду всего берега Луизианы.

Сильверу показалось, что он замолчал, потому что колебался или что-то вспоминал. Наконец Хоук добавил несколько нерешительно:

— Тут кроется что-то большее, чем просто желание расстроить французское мореплавание в этих водах. В Антигуа перед отходом мы узнали, что существует план бунта якобитов в Шотландии. Удар ножом в спину, вы понимаете?

Таунсенд отозвался:

— Сэр, несомненно из этих диких горцев сделают фарш еще до того, как они попадут в Эдинбург! Никакой опасности здесь нет, это ясно, сэр.

Темные брови Хоука поднялись, и он раздраженно сказал:

— К счастью, мистер Таунсенд, есть люди, видящие подальше вашего, извините, длинного носа. Представьте себе, что случится, если французы высадят войска на западном берегу Шотландии или нападут на Корнуэльс или Кент? Или завладеют Ла-Маншем хотя бы на несколько дней? В Англии полно якобитов, не говорю о Шотландии, которая и ждет момента, чтобы свергнуть ганноверскую династию. Если это случится, остается надеяться на чудо! — Он взглянул на Сильвера. — Всякий французский корабль, который покинет Мексиканский залив или Карибское море, может помочь восстанию приверженцев Стюартов в Шотландии. Следовательно, мистер Сильвер, ни один французский корабль не должен от нас уйти. Подумайте о денежных наградах за захваченные суда, мистер Сильвер! Сами понимаете, какая добыча может вас там ждать! Скажите это вашему капитану. Передайте ему также, что ваш корабль должен следовать за мной. Отходим се-

годня вечером, когда начнет смеркаться курсом на северо-запад. Вот мои распоряжения, мистер Сильвер. Имеете ли какие-нибудь вопросы? Нет? Тогда не смею вас больше задерживать. Скоро мы увидим, что вы представляете собой, как корсары. До свидания, сэр. Благодарю вас, мистер Пес.

Сильвер вернулся на «Морж», и пираты быстро начали готовить корабль к походу вместе с «Бериком» и капитаном Хоуком к Новому Орлеану.

19. ШОТЛАНДЦЫ ИЗ ЛУИЗИАНЫ

Как можно себе представить, Флинт был вне себя от радости при мысли, что можно грабить суда, выходящие из французской колонии Луизианы. В течение нескольких часов он даже не отвесил ни одной оплеухи несчастному Макгроу. Со своей стороны, Джон Сильвер был уверен, что два раза Флинт даже улыбнулся — совсем необычное явление для вечно хмурого капитана, хотя улыбки его были не чем иным, как злобными гримасами.

Флинт, однако, не был человеком, которому что-то нравится долгое время. Скоро начал ворчать, потому что ему казалось ниже его достоинства следовать за «Бериком». Опасался также, что Хоук собирается предать его адмиралтейству, чтобы выполнить порученную ему задачу. Где, спрашивал Флинт, плавают два других корабля? В сумерках они отправились на восток. Не иначе, они имеют приказ подстеречь «Морж», наполненный добычей, а затем наброситься на него и захватить. Чудесный способ завершить карьеру, повиснув на рее военного корабля!

Но несмотря на мрачные предположения, мысли о предстоящей добыче воодушевили Флинта.

Он уже почуял ее, а также денежные призы, и гонял экипаж с остервенением и яростью, напоминавшим религиозный фанатизм. За это Сильвер стал именовать его за спиной «преподобным Флинтом».

Когда «Берик» и «Морж» подошли к огромному низкому мысу дельты Миссисипи, глубоко вдающейся в Мексиканский залив, они заметили несколько судов. Это были небольшие каботажники, занятые местной торговлей и, так как Флинт сразу отказался их преследовать, они ускользнули невредимыми.

С топа мачты «Берика» гневно сигналили флажками. «Серьезно порицаем неуспех в захвате вражеских кораблей», — прочел Бонс через подзорную трубу.

— Пускай капитан Хоук сам их преследует, — сказал Флинт. — Я ищу дичь побольше, и только.

Менее чем через час показалась и крупная дичь — один корабль огибал остров Бретон.

— Голландское судно, — крикнули наблюдатели с мачт, — как видно, тяжело нагружено.

— Вот и добыча для нас, — сказал Сильвер, стоя на юте. — Голландское торговое судно. Тоннаж около полусотни и так нагружен, что не выглядит очень быстрым.

— Ни в коем случае! — заорал Флинт. — Этого я не позволю! Все эти голландцы до единого протестанты. И пальцем до них не дотронемся! — и устремил взгляд на главарей.

Пью ответил льстивым голосом:

— Это, конечно, верно, капитан, но они торгуют с папистами-французами и хохочут нам в лицо.

— Добыча есть добыча, — веско заметил Бонс, — не вижу разницы между католическим золотом и протестант-ским золотом, весят они одинаково.

Флинт вынул пистолет из-за пояса и дунул в ствол.

— Нет, — сказал он, — нельзя.

Никто не вымолвил ни слова, а Сильвер нарочно повернулся спиной к Флинту и устремил взгляд в море.

Итак, «Морж» остался позади, в то время как «Берик» сблизился с голландским кораблем, дал выстрел поперек курса и завладел им без всяких усилий. Хоук направил свой экипаж на захваченное судно и запер голландцев в их собственных трюмах.

В продолжение пятнадцати следующих дней корабли не отходили от северного рукава дельты. Очевидно, в Новом Орлеане узнали, что британские боевые корабли патрулируют в море

напротив протока Бретон.

Это бездействие раздражало моряков, и «Морж» отправился на юг, где надеялся настичь корабли, выходившие другими рукавами дельты, через которые Миссисипи лениво вливалась в море. Но и тут не нашлось никакой добычи. Пираты стали негодовать, и Флинт отсек руку одному бунтарски настроенному юнцу из Мэриленда за «неподчинение» и «потому что позорил корабль», как он сам выразился. Потом стал пинать несчастную жертву, пока молодой моряк не потерял сознание и Флинт оставил его умирать от потери крови.

На короткое время устрашив экипаж этим примером, Флинт направил «Морж» на северо-восток, чтобы продолжить патрулирование вместе с «Бериком» около протока Бретон.

Вскоре после этого из устья дельты появился французский фрегат. Он был подвижен и быстро шел с попутным ветром, явно рассчитывая избежать встречи с врагом, благодаря своей скорости.

Как «Берик», так и «Морж» начали преследование, и ветер надул их паруса.

— Молю Бога, чтобы мы не настигли его раньше Хоука, — прошептал тихо Бонсу Сильвер. — У него пушек в два раза больше нашего. Он одним

залпом разнесет нас в щепки.

Из-за правого плеча Сильвера донесся крикливый голос: Флинт появился неожиданно, как часто делал, подслушивая разговоры.

— Поплавал бы ты с мое, сэр Окорок, говорил бы поменьше, а работал побольше. А что до тебя, первый помощник Бонс, то иди вперед и позаботься прибавить скорость на несколько узлов. А ну, расходитесь вы двое, а то расселись, как две селедки в бочке.

Когда Сильвер отправился вслед за Бонсом, Флинт резко обернулся и добавил:

— А ты, как квартирмейстер, причем единодушно избранный, слушай: я приказываю тебе возглавить группу, которая возьмет этих французов на абордаж. Надевай саблю, да поострее. — Сильвер хотел было ответить, но Флинт быстро его прервал: — И не болтай что-нибудь вроде «если догоним» — «Морж» как раз для таких дел. А твой приятель останется дивиться на наши дела, сидя у нас в кильватере. Организуй группу для абордажа, как считаешь нужным, но мне оставишь на борту шестьдесят душ. Айда, двигайся и скажи Израэлю, чтобы не стрелял, пока я не прикажу.

И пробегая среди пиратов по главной палубе,

Сильвер был должен признать, что капитан оказался прав. Под командой Бонса «Морж» увеличил площадь парусов и действительно полетел вперед как птица. В свою очередь, «Берик» явно отставал. Несомненно, «Морж» превосходил его по мореходным качествам.

Между тем что-то произошло на «Берике». Он свернул с курса, и паруса его неистово метались, пока рулевой пытался выправить корабль. Острым своим зрением Пью первый увидел, в какое затруднение попал «Берик».

— Дьявол их подери, грот-мачта у них склонилась налево. Только на вантах и держится!

Сильвер выхватил у Пью подзорную трубу. Так все и произошло. Грот-мачта смешно наклонилась, вперед и налево. Десятки моряков отчаянно пытались ее удержать, чтобы спустить паруса и предохранить корабль от повреждений. Наконец-то проеденная червями мачта поддалась. Надлежало лечь в дрейф, а экипажу тем временем поставить аварийную мачту. И тогда, если повезет, дойти до побережья Гондураса, чтобы отремонтироваться.

С лицом, покрытым пятнами и искривленным от восторга, Флинт закричал:

— Французы уже наши, ребята. Нет корабля,

которого бы «Морж» не догнал. Мы поравняемся с ним еще до вечера!

«Морж» медленно сокращал расстояние между двумя кораблями. Десять миль между ними превратились в восемь, пять, потом две. Прошел полдень, и солнце припекало. Сильвер обратился к Флинту:

— Разрешите накормить экипаж, капитан. Будет лучше, если они набьют желудки и выпьют по кружке рому.

Флинт хмуро кивнул, и Сильвер принялся выдавать ром.

Расстояние между двумя кораблями становилось все меньше и меньше. Флинт позвал главарей и сказал:

— Не рассчитываю на точную стрельбу, что бы ни болтали о Хендсе. Не верю, чтобы Израэль мог попасть в ворота амбара с двадцати шагов, разве он сам будет внутри.

Он немного помолчал, ожидая, осмелится ли Хендс обидеться, но увидев, что Израэль только покачал головой и поощряюще ухмыльнулся, Флинт продолжал:

— Но нам и ни к чему залпом разбить этот красивый корабль. Хочу порадоваться добытым дублонам и пиастрам, когда смогу их потрогать.

Не хочу дарить их рыбам. Так что ударим со стороны кормы и быстро возьмем папистов на абордаж.

Через полчаса Билли Бонс направил «Морж» так, чтобы пересечь путь бегущего фрегата. Они сблизились, и оба корабля дали бортовые залпы. Из-за скорости и угла, под которым происходило сближение, «Морж» почти не пострадал. Появились две большие дыры в переднем парусе, одно ядро разрубило стасель-шкот, взлетевший над кораблем, а третье разбило одно из орудий, расположенное под вантами грота, убило двух пиратов и ранило одного.

Держась за фок-ванты, Сильвер видел, как сверкают мушкеты на палубе французского фрегата, носившего прославленное имя «Кольбер». Пули из мушкетов свистели между снастями «Моржа» и находили того или иного пирата из абордажной группы, терпеливо ожидавшей момента столкновения кораблей.

Напрягая глаза, чтобы различить все подробности на палубе «Кольбера», Сильвер заметил, что среди белых и синих мундиров французских моряков и морских пехотинцев виднелись люди в каких-то чужеземных мундирах, в пестрых шапках на головах и с чем-то вроде одеял на талиях.

— Гляди, Джон, отбивайся со стороны! — крикнул Пью, перекрикивая ветер и погрозил «Кольберу» саблей.

Сильвер забыл о странно одетых людях и следил, как «Кольбер» отвернул резко вправо, надеясь избежать удара «Моржа». Но маневр опоздал: Билли Бонс немедленно повернул «Морж» прямо к намеченной жертве. Пока французский фрегат поворачивал вправо, паруса его обвисли и, подобно соколу, атакующему голубя, бушприт «Моржа» врезался в корму «Кольбера». Пираты повскакали и бросились на фрегат среди разлетающихся щепок и выстрелов мушкетов. Первым на фрегат вскочил Сильвер и с победным криком, как настоящий дьявол, вырвавшийся из ада, пробивал себе путь среди леса сабель и багинетов. Джон рубил своей саблей направо и налево, скосив на юте множество французов. Сбоку он увидел Пью, присевшего над умирающим противником, а чуть подальше Джоба Андерсона, скидывавшего мечущуюся фигуру за борт.

Поскольку французские артиллеристы не могли больше сделать ни одного выстрела, они быстро выбрались на верхнюю палубу. Сильвер заметил, что французов было немного — насчитал около пятидесяти душ. Дальше стояли люди

в странных шапках, собравшиеся около фок-мачты. Вдруг Сильвер заметил, что они были одеты в клетчатые юбки.

— Боже мой, да это шотландцы! — завопил Черный Пес, выглянув из-за бочки. — Шотландцы, я их видел однажды в Абердине.

Прежде чем Сильвер успел разобрать, что за люди были впереди, высокий французский пехотинец появился перед ним и нацелил мушкет прямо в грудь. Чтобы избежать пули, Джон наклонился, но поскользнулся в луже крови и тяжело упал на доски юта. Посмотрев вверх, он, к своему ужасу, увидел, что дуло мушкета продолжало глядеть на него и было всего в ярде от его груди.

Солдат спустил курок. Раздался щелчок, но выстрел не прозвучал. Слава богу, порох оказался влажным!

Вдруг солдат упал с криком на палубу и схватился за колени. Черный Пес, всегда старавшийся ударить противника ниже пояса, рубанул француза по ногам.

Сильвер поднялся. Сражение уже перенеслось на главную палубу. Противник вынужден был отступить. Тридцать французов были прижаты к задней части главной палубы пиратами во главе с Пью, издававшим торжествующие крики.

Джоб Андерсон схватил французский мушкет и использовал его как дубину, лупя направо и налево окровавленным прикладом. Когда Джон подбежал, чтобы присоединиться к сражавшимся, ряды французов распались и они бросились в рассыпную. Некоторые побежали под палубу, преследуемые ликующими группами пиратов, а другие присоединились к шотландцам около грот-мачты.

Сильвер пошел к носу корабля. На главной палубе шум утих и только слышались крики из корабельных помещений, где последних французов настигали и убивали.

«Что там происходит?» — задумался Сильвер. Еще шотландцы вышли на палубу в ярких клетчатых юбках и с ружьями в руках. Но почему они продолжали стоять в боевом порядке около передней мачты, вместо того чтобы помогать французам в борьбе с пиратами?

«Морж» с переломанным бушпритом завертелся и прижался к борту «Кольбера». Флинт приказал связать оба корабля друг с другом, и они, влекомые ветром, потрепанные и залитые кровью, носились вместе по морю.

Флинт появился, перескочил на палубу «Кольбера», едва улыбнулся тонкими губами и оглядел

плененный корабль. Когда он протолкался через кольцо пиратов вокруг шотландцев и уцелевших французов, Сильвер подошел к нему и сказал:

— Капитан, я в этом деле ничего не понимаю. Ясно одно: у этих шотландцев нет никакой охоты драться с нами. Может быть, надо потолковать с ними и узнать, чего они хотят.

Флинт промолчал. Приняв это за знак согласия, Джон крикнул шотландцам, чтобы высылали парламентера, после чего, слегка подумав, обернулся и дал знак французскому офицеру в разорванном мундире сопровождать его.

Странной была эта встреча на окровавленной палубе. Первым заговорил один из шотландских предводителей — пожилой человек, говоривший с достоинством и так гладко, как будто предварительно заучил свою речь:

— Зовусь я Алистер Макдональд, вождь клана Макдональдов в колонии Новая Каледония, находящейся под покровительством французских властей Луизианы в четырехстах примерно милях на север по реке Миссисипи. Некоторые из нас возвращаются, чтобы помочь принцу Чарльзу Эдуарду, да хранит его Господь, свергнуть узурпаторов из Ганновера и вернуть Стюартов на престол.

— Папская свинья! — прошипел Флинт. — Отправить их прямо на дно.

Макдональд продолжил:

— С вами мы не воюем. Насколько известно, вы не меньшие враги английскому королю, чем мы.

— Мы не пираты, а настоящие корсары, понял? — резко сказал Флинт. — Плаваем под британским флагом. Скажите мне, почему я еще не заколол его и не выкинул за борт, как падаль?

— Потому что мы не падаль, а хорошо вооруженные бойцы, — ответил спокойно Макдональд. — Дорого заплатите за наши жизни.

Несколько минут они молчали, пока Флинт строил шотландцам кислые гримасы, а французский офицер бросал беспокойные взгляды то на Макдональда, то на Флинта. Габриэль Пью подошел к Сильверу и прошептал что-то ему на ухо. Немедленно Джон заявил:

— Меня не волнует, кто будет на английском престоле. Все одно, республика Англия или королевство.

— К дьяволу всех королей! — гневно крикнул Флинт.

— Слушайте, — продолжал Сильвер, — разберемся с вами. Золото и серебро, что у вас в трюмах — нет смысла отрицать, что они у вас есть, мой

приятель Пью только что видел их, — пойдет как ваш выкуп, и можете следовать в Англию или Шотландию или куда хотите. Ваша свобода и ваше оружие — достаточная цена за французские деньги. Более честной сделки я вам предложить не могу. Капитан Флинт скажет вам то же самое. — Флинт попытался вмешаться, но Сильвер быстро продолжил:

— Вот видите, господа, наш капитан согласен. — Он обернулся и прошептал что-то Флинту, который сразу умолк. — Ну, что скажете на это, Макдональд? — настоятельно спросил Сильвер.

Макдональд сперва помолчал, потом сказал, как по писаному:

— Мы шотландцы, верноподданные заморского католического монарха, принимаем ваши условия. Не для того покинули мы дома и семейства в Новой Каледонии и нашу независимость, за которую храбро воевали, чтобы утонуть, как крысы, в Мексиканском заливе.

— Хорошо, — сказал Флинт, тыкая кулаком чуть ли не в нос Макдональду,

— у вас есть полчаса на выгрузку золота! После этого вы свободны, и пусть вас повесят, разрубят на куски до единого, всех вас, свинячьи собаки! И этой французской свинье желаю тоже самое!

Он нарочно плюнул на сапоги французского офицера и сошел с юта, подозвав Дарби Макгроу.

Когда шотландцы пошли организовывать переброску денег на «Морж», Андерсон обратился к Сильверу:

— Окорок, почему мы отпускаем этих подлецов, шли бы они ко всем чертям?

— Джоб, — ответил Сильвер, — ты всегда долго соображаешь, бьюсь об заклад, что в детстве ты был плохим учеником. Таким способом мы получаем золото без всяких потерь, а я бы не хотел связываться с этим Макдональдом, говорящим, как по писаному, и его парнями. И еще вот что. Скажем, доберутся они до Англии и помогут принцу Чарли заварить там добрую кашу. А мы с этого имеем пользу.

Андерсон наморщил лоб:

— Джон, Англия от нас больше чем в трех тысячах миль, что нам с того бунта и как это дело нам поможет?

Сильвер приятельски положил руку на широкие плечи Андерсона:

— Так вот, если лорды в парламенте, не говоря о лордах адмиралтейства, заимеют сложные проблемы в Англии, как ты думаешь, станут они думать о том, чтобы преследовать джентльменов

удачи, скажем, нас?

— Едва ли.

— Едва ли, приятель, именно так! А ну-ка, принимайся за работу, балбес, вытряхнем последние фартинги из этой французской посудины, а затем уносим ноги.

Вскоре «Морж» оставил место, на котором повстречал и завладел «Кольбером». Ценою восьми убитых и двадцати четырех раненых, пираты захватили золота и серебра ценой в сто десять тысяч фунтов стерлингов, как рассчитал Билли Бонс.

Пока «Морж» шел по тихому морю курсом на юго-восток, экипаж радовался добыче. Черный Пес спел несколько баллад своим печальным тенором, а Бен Ганн с Израэлем Хендсом неуклюже станцевали менуэт.

Флинт, покинувший «Кольбер» последним с Дарби Макгроу, следовавшим за ним по пятам, наливался ромом. Сильвер, сидя с ним, пил крепко, но старался не перебрать.

— Ну, капитан, — начал он, подняв большой кубок с французским коньяком, — пью за сегодняшнюю удачу. Сокровища в трюме, а шотландцы доставят неприятности королю Георгу. Славное дело сделали, дьявол нас раздери!

В ответ Флинт поднял кубок, поперхнулся и, еще кашляя и брызгая слюной, ответил:

— Не видать Шотландии этим проклятым папистам. Мы с Дарби бросили отраву в бочонки с водой раньше, чем сойти с «Кольбера», и я еще ему приказал пробить дно в нескольких местах для надежности. Дарби прикрыл пробоины балластом, так что те поймут что-нибудь слишком поздно. Они сдохнут отравленные и утопленные, негодяи этакие!

И Флинт засмеялся своим зловещим резким смехом. Сильвер и Билли Бонс переглянулись и пожали плечами. В конце концов ценности были сложены в трюме корабля. Они ускользнули от капитана Хоука. Перед ними расстилалось Карибское море, прельщая богатой добычей. А Флинт выглядел по-своему счастливым. Предстояли славные дни, в этом Сильвер был уверен.

20. КАК ФЛИНТ ЗАДУМАЛ НАПАДЕНИЕ НА САНТА-ЛЕНУ

После захвата «Кольбера» Флинт целых три года свободно пиратствовал, где желал, в Карибском море и Мексиканском заливе.

Само упоминание «Моржа» вселяло ужас в сердца людей в этих местах. Говорили, что при одном только имени Флинта бледнели испанские аристократы и дрожали французские торговцы. Корсары не только расстроили вражеское судоходство во Флоридском и Юкатанском проливах, но пытали счастья и дальше. Так, «Морж» оставил за собой дымящиеся развалины по берегам Панамского пролива, опустошил французские поселения в колонии Санто-Доминго, захватил и разграбил порт Альтаграциа напротив Маракайбо в Венесуэле.

Люди Флинта были отличными бойцами и своими корсарскими действиями добыли огромные богатства, хотя впоследствии большинство из них быстро пропили все деньги. Но какую бы добычу ни получал «Морж», за собой он оставлял кровавый след. Хотя и воевали под британским

флагом, но благодаря своей извращенной натуре, Флинт упорно отказывался брать пленных. Другое дело — набор новых членов экипажа, это было просто необходимо из-за непрерывно растущих потерь, но к пленникам Флинт был безжалостен. После того, как опустошали захваченное судно и отбирали все у экипажа, Флинт выбрасывал всех за борт — не только здоровых моряков, но и раненых и больных. Он был готов расправляться так же и с женщинами, но Сильвер и Бонс не допускали этого. Плачущих и молящих о пощаде женщин оставляли на ближайшем рейде или пустынном берегу на милость диких зверей или местных дикарей. Целых восемь месяцев Флинт пренебрегал тем обстоятельством, что в 1748 году был заключен мир. И после этого он продолжал нападать на корабли тем же манером, хотя и понимал, что, начни он усердствовать в пиратских набегах в британских водах, королевский флот погонится за ним, как гончие за зайцем. Флинт, однако, совсем не походил на беззащитного зайца. С годами он предавался грабежам все с большим остервенением, как бы превратившись в дикого волка, — набрасывался на все испанские суда в Карибском море. Прямо высмеял предложение Сильвера попробовать

охранять за приличное вознаграждение суда контрабандистов, плавающих между британскими владениями на континенте и испанскими, французскими и голландскими колониями. Когда был трезв, часами размышлял над планами, в лучшем случае неосуществимыми, а чаще всего ведущими к гибели.

Но в начале 1754 г. Флинт созвал главарей в свою каюту на «Морже» и обратился к ним:

— Приятели, — начал он, отпив глоток рома, — надоела мне эта игра с идальговцами. Прежде чем помру, хотел бы ударить по ним как следует.

— Немного же у тебя времени останется, если будешь так лакать ром, — кротко заметил Сильвер. — Лопнешь ты от него, попомни мои слова.

Флинт бросил на него кровавый взгляд и рявкнул:

— Пошел к чертям, Окорок! — после чего продолжал сиплым голосом: — Парни, уверен, вам было бы интересно узнать одну мою мечту. Снится мне одно и то же.

— Хватит нам рассказывать кошмары, капитан, — сдержанно отозвался Сильвер.

— Хочу захватить испанскую флотилию, ежегодно переправляющую серебро в казну Испании, — промолвил Флинт. — Или завладею

серебром, или тресну.

Тотчас же все возбужденно заговорили. Испанская флотилия на Карибском море, перевозящая ежегодно добытое серебро, была самой большой добычей, о которой только можно мечтать. Два века назад сэр Джон Хоукинс захватил караван мулов, загруженных золотом и серебром, следовавший по Панамскому перешейку, а не так давно капитан Морган напал на сам город Панаму.

Билли Бонс свистнул от удивления.

— Высоко берешь, капитан, — весело заметил он. — Но если мы попадемся в лапы этим испанцам, они нас живыми изжарят.

— Я вовсе не собираюсь сплясать на рее испанского корабля! — воскликнул Сильвер. — Флотилия идет под охраной фрегатов, у каждого три орудийных палубы, а еще есть и другие боевые корабли. Да они нас потопят в пять минут!

— Слушай, Окорок, — злобно сказал Флинт, — не у одного тебя в голове есть мозги. Всем известно, что флотилия с сокровищами идет от перешейка. Но серебро не оттуда. Большая часть его идет из Перу. Но немало приходит из Мехико и загружается в Веракрусе. Вот мы и ударим на Веракрус. Обычно одно судно несет серебро, а три, не более,

его охраняют.

— Трое против одного — это еще больший перевес, капитан, — сказал Пью, у которого благоразумие боролось с алчностью.

— Может быть, с божьей помощью и справимся, — выкрикнул Сильвер. — Веракрус — город небольшой, это не Картахена и не другие крепости. Войдем в порт под испанским флагом и захватим серебро у них из-под носа прежде, чем они очухаются.

— А при малейшей ошибке окажемся в казематах Веракруса, — отозвался Израэль Хендс. — Эти идальговцы колесуют нас всех, не моргнув глазом.

Трезвые слова Израэля Хендса были встречены продолжительным молчанием.

— Вот выход! — Сильвер ударил большим своим кулаком по столу Флинта.

— Брандер: пустим на них горящий корабль, набитый бочками с дегтем и оторвем от строя судно с сокровищами, пока эти идальговцы зовут на помощь.

— Эта хитрость сослужила службу Дрейку, — задумчиво сказал Бонс.

— Дай Бог, чтобы она помогла и нам.

— Одной молитвой дела не сделаешь, — су-

рово сказал Флинт. — Ясно дело, все зависит от подготовки и организации. — Он оглядел всех собравшихся в каюте. — Парни, по моему разумению, у нас два месяца на подготовку. Приказываю вытащить корабль на сушу и кренговать, пока дно не станет таким гладким, чтобы он летел по воде. Приказываю запастись самым лучшим порохом и картечью. Приказываю наточить сабли, как бритвы. Значит, все согласны. Остальные, уверен, нас поддержат. Страшное это будет дело, парни. Я же, это вы верно сказали, буду пить поменьше. Дарби, спрячь ром, или я тебе отрежу уши. — Флинт поднялся. — Айда, ребята! На Веракрус. Ей-богу, испанский король в Мадриде будет корчиться, как червяк, когда услышит про это дело!

Итак, «Морж», с ободренным своим капитаном, покинул остров Трех Черепов и направился на запад, к берегам Новой Испании.

Экипаж «Моржа», шедшего сейчас под испанским флагом, с приближением к Веракрусу все больше напрягался — все были неспокойны, а перед глазами мерещилась ожидаемая добыча. Одним из немногих, сохранивших присутствие духа, был Сильвер; он спокойно дымил трубкой, всегда был готов отпустить шутку и ободрить

какого-нибудь растерявшегося пирата приятельским похлопыванием по спине.

Не успел матрос на марсе крикнуть, что видит выступающие в море башни укреплений Веракруса, как положение начало меняться. От порта доносился далекий гул артиллерийской канонады. Израэль Хендс повернулся огромным своим правым ухом, а потом левым к далекому угрожающему гулу. Напряженно вслушиваясь несколько минут, он обратился к Флинту:

— Это не учебная стрельба, капитан, потому что стреляют не с равными интервалами. Идет морской бой, и участвует не менее трех кораблей. Провалиться мне на этом месте, не надо нам лезть в порт!

Пятнистое лицо Флинта побагровело от ярости:

— На рею тебя, Хендс! — выругался Флинт. — Обошли нас, пропало серебро!

— Спокойно, капитан, — отозвался Сильвер, — не Израэль Хендс стреляет из этих орудий. Может быть, успеем что-нибудь предпринять, если сохраним рассудок.

Вдруг матрос на марсе закричал:

— Несколько судов выходят из порта! Одно убегает от других. Вижу два испанских сторожевых

корабля, которые обстреливают одну шхуну.

Вскорости все увидели пять кораблей, участвовавших в сражении. Два испанских боевых корабля обступили шхуну и расстреливали ее в упор, а немного впереди какой-то бриг, подняв все паруса, убегал от быстрого испанского фрегата.

Израэль Хендс присел у орудия на левом борту, направляя его и налаживая угол стрельбы, чтобы быть готовым к сближению с испанским кораблем. Когда корабли стали друг против друга, «Морж» дал всем бортом залп по ничего не подозревающему фрегату.

Воздух наполнился горьким дымом и обломками испанского корабля: бортовой залп «Моржа» был дан почти в упор.

Вперив жадные взгляды на фрегат, пираты увидели перевернутые орудия на нижней палубе и огромную пробоину, зиявшую в середине корпуса. Панические крики и стоны раненых смешались с беспорядочной мушкетной стрельбой с поврежденного корабля. Из орудийных люков начал валить дым, с каждой минутой становившийся все гуще и гуще.

— Подожгли! — завопил Пью, в знак победы воздевший свои бледные руки.

— Ей-богу, он уходит!

Голос Пью сразу подхватили другие. Пираты издали восторженные крики, когда фрегат, подхваченный течением, начал отдаляться от «Моржа». Очевидно, капитан предпочел потушить пожар, чем преследовать жертву. Вскорости одинокий фрегат остался далеко позади.

Флинт немедленно последовал за бригом, который тут же повернулся к «Моржу» бортом, нацелив орудия, подобные зубам в пасти тигрицы, решив сражаться до конца. Но «Морж» спустил испанский флаг, подняв вместо него «Веселый Роджер», в ответ на что бриг быстро выкинул белый флаг бурбонской Франции, причем над золотыми лилиями была грубо нарисована голова черного волка.

— Надо думать, французские пираты, — сказал Билли Бонс.

— Французы или идальговцы, все они проклятые паписты! — закричал Флинт.

— Капитан, с вашего позволения, — начал необычайно вежливо Сильвер, — давайте не будем спешить. По этим водам ходит довольно много судов французских протестантов, а как мы только что убедились, испанцы в Веракрусе явно невзлюбили это судно. Прежде всего надо бы потолковать со Старым Волком и разобрать, что

тут и как. От жены я научился дюжине-другой французских слов, так что с вашего позволения, отправлюсь на этот бриг и поговорю с ними.

Через час Сильвер вернулся на борт «Моржа» в сопровождении французского капитана, щеголя, облаченного по последней моде в кричащие одежды, с павлиньими перьями на шляпе и в ярком небесно-голубом кафтане, перепоясанном поясом, усыпанным драгоценными камнями, на котором висела сабля.

Джон скоро объяснил Флинту и собравшимся главарям положение. Француз хотел в компании с другим пиратским кораблем захватить суда с серебром из Веракруса, но им не повезло. Испанцы не зевали, как обычно, и пираты обратились в бегство. Он осыпал Флинта благодарностями и комплиментами за то, что «Морж» спас его с экипажем, низко поклонился, держа в руке пышно украшенную перьями шляпу. Но Флинту скоро надоела длинная цветистая речь, он выдернул одно перо из шляпы француза и переломил его пополам. Наконец начали говорить о деле. В конце разговора французский пират поклялся, что знает, где собираются суда, нагруженные сокровищами. Это был небольшой, почти неукрепленный порт по имени Санта-Ле-

на. По его мнению, главные конвойные корабли еще не появились там, и если они вдвоем с Флинтом внезапно нападут на Санта-Лену, то, похоже, захватят добычу в десять раз большую, чем та, что они упустили в Веракрусе.

Так, по словам Джона Сильвера, появилась идея знаменитого нападения под командованием Флинта на флотилию с сокровищами. Вопрос был не в том, чтобы вытянуть из порта засевшие там суда флотилии с сокровищами, как Долговязый Джон умело «Заливал» на «Эспаньоле»; скорее предстояло обобрать несчастные корабли с сокровищами в Санта-Лене. Как бы там ни было, но именно тогда попугай Сильвера научился кричать — «Пиастры, пиастры!» — и оттуда пошел окольный, залитый кровью путь, приведший к сокрытию клада золота и серебра на острове Кидда.

21. ПУТЬ НА САНТА-ЛЕНУ

Флинт смотрел на предстоящее нападение на Санта-Лену как на самый славный подвиг в его переполненной жестокостью и преступлениями жизни, который бы увенчал пиратскую его карьеру. Сам он заявлял, что готов отказаться от герцогского титула, только бы удалось похитить сокровище из-под носа у испанцев. Все время говорил об этом и мечтал вслух, пока «Морж», расправив паруса, несся к берегам Венесуэлы, имея на траверзе «Жан Кальвин», судно французских пиратов.

«Морж» и «Жан Кальвин» обходили все суда, чьи паруса виднелись на горизонте. Флинт был занят важным делом и впервые в жизни был склонен уходить от всех судов, которые могли оказать сопротивление, чтобы не повредить набегу на Санта-Лену.

Французский капитан имел приблизительный план юго-восточного венесуэльского побережья, где находилась Санта-Лена. На первый взгляд казалось, что селение было совсем незначительным.

Внимательно рассмотрев карту, Флинт был вне

из себя от восторга.

— Парни, — заорал он, — да это совсем простое дело! Все равно что отнять конфетку у ребенка.

Он был в каюте вместе с Сильвером и Бонсом.

Но Билли Бонс грубо его прервал:

— Хорошо бы так, капитан. Гляди повнимательнее. На нашей карте венесуэльского побережья есть кое-что, чего не хватает на схеме нашего приятеля француза. Во-первых, этот перешеек тут, у входа в залив. На этом перешейке есть укрепление. Лопнуть мне, если это не так!

— Ба! — отвечал Флинт. — Эти испанцы наверняка дрыхнут у своих орудий. Мы пройдем мимо них и не потревожим!

— Скорее всего, не успеем, — сдержанно отозвался Сильвер. — А если даже успеем, не думаешь ли ты, что они продолжат спать, пока мы будем брать сокровища? А потом пойдем к выходу из порта, пройдем перед их орудиями, а испанцы учтиво снимут шляпы и крикнут вслед: «Покорнейше благодарим, счастливого пути!»

Флинт скорчил гримасу при словах Сильвера, но совсем сморщился, когда продолжил Билли Бонс:

— Второе. Где держат сокровища? Можно предположить, что в укреплении, здесь. Или в

бревенчатом форте к югу от города. Или здесь, в этом огромном доме, обозначенном на схеме француза. А может быть, укрыли в подземельях этой церкви, здесь, возле дома.

— Черти бы тебя взяли, Бонс, — резко ответил Флинт. — Ты любого в могилу загонишь, как начнешь скулить да причитать, переплюнешь даже Черного Пса с его печальной мордой.

— Лучше подумаем сейчас, как избежать этих испанских пушек, — отозвался Сильвер, — мне не хочется попасть на виселицу, чтобы мои кости сгнили в Санта-Лене.

— Сэр Окорок, то, чего я в тебе терпеть не могу, — злобно прервал его Флинт, — так это твои проповеди. И надо же было этому идиоту, капитану Ингленду, взять тебя на старую «Кассандру» на Барбадосе.

— Благодарю вас, капитан, — отвечал Сильвер совершенно серьезно. — Уж такой вы человек: что на уме, то и на языке. Горжусь быть квартирмейстером при таком прямом человеке, как вы. — Он обернулся к Бонсу: — Билли, капитан поставил меня на место. У него, не иначе, есть путеводная звезда.

— И пока Билли Бонс смущенно переступал с ноги на ногу, Сильвер продолжал:

— Капитан Флинт, хочу предложить твоему просвещенному вниманию скромный план. Надо думать, он не может сравниться с планами, которые ты несомненно обдумываешь в этот момент, но буду рад, если выслушаешь меня.

Флинт зарычал, сверкнув желтыми зубами, но Сильвер продолжал льстивым тоном:

— Благодарю за разрешение, капитан, — он указал на карту на столе.

— Если взглянуть на обе, то положение становится совсем ясным, и я думаю, что мы не сможем пройти мимо этих укреплений, как какие-то привидения, которых не зрит человеческий глаз.

— Трус! — рявкнул издевательски Флинт.

Сильвер продолжал, как будто был глух, словно пень.

— Значит, высаживаемся на берег сзади укрепления и на рассвете захватываем его. После этого грузим сокровища на суда в порту.

— А сам город, Джон? — спросил Бонс.

— После того, как выведем из строя испанские орудия, мы завладеем большим домом, где или найдем спрятанные сокровища, или ключ к ним, в этом я уверен.

— А если в порту стоят испанские боевые суда? — упорствовал Бонс.

— В этом случае нам никак не загрузить добычу на старика «Моржа».

— Ты прав, дорогой. Но здесь подключается наш приятель француз. Он проходит совсем близко от входа в порт, как будто хочет дерзко войти в него. Этим он отвлечет внимание боевых судов и заставит их выйти из порта, не так ли? А маневрирует он достаточно быстро, чтобы ускользнуть у них из-под носа. Таким образом мы заставим все суда, охраняющие порт, уйти оттуда и ввести «Морж» в порт, как говорится, парадным входом и загрузить добычу.

Бонс одобрительно закивал на предложения Сильвера, а Флинт неохотно сказал:

— Чересчур легкомысленный твой план, но спросим, что ответит команда и что еще скажет этот висельник француз, что тащится у нас в кильватере.

Через двадцать четыре часа предложенный Сильвером план нападения на Санта-Лену был одобрен командами как «Моржа», так и «Жана Кальвина». Осталось только его применить. Тремя днями позже перед заходом солнца «Жан Кальвин», подняв испанский флаг, подошел к проливу и к укреплению, охранявшему проход в порт, и дал по форту бортовой залп. Прежде

чем испанские артиллеристы опомнились от неожиданности, «Жан Кальвин» изменил курс, продолжая обстреливать укрепление картечью из кормового орудия.

Трудно вообразить себе панику, поднявшуюся в Санта-Лене. Испанцы решили, что должно последовать нападение с моря, и уставили туда подзорные трубы. Один испанский боевой корабль вышел из порта через сорок минут — достаточно быстро для испанцев. Корабль этот был, однако, медлительным двухпалубным галеоном с высоким ютом, и как следовало по его ходу, то ли трюмы его были полны мешками со свинцом, то ли капитан его был мертвецки пьян.

Было просто невероятно, чтобы эта неуклюжая посудина оказалась единственным боевым испанским кораблем в Санта-Лене, а то, что вообще ее выпустили из порта, означало или чрезмерную самоуверенность, или глупость, а может быть, и то, и другое вместе. Но как бы там ни было, вскорости стемнело и во мраке «Жан Кальвин» носился перед галеоном, уводя его все дальше и дальше от порта. Французский пират знал эти места не хуже подходов к Ларошели и в скором времени свернул к берегу на мелководье. Команда непрестанно измеряла дно лотом, и

«Жан Кальвин» сновал, как змейка, по тесным проходам между отмелями. Испанский галеон сглупил, решив продолжать здесь преследование, и около полуночи с оглушительным треском врезался в мель.

Между тем «Морж», оставшийся в открытом море, подошел к берегу и бросил якоря в десяти милях к юго-востоку от Санта-Лены. Берег тут был пуст и необитаем, лес подходил к самому пляжу, а ровная цепь холмов затрудняла обзор с укреплений Санта-Лены. Но тут они обнаружили вытекавший со стороны города ручей, и Флинт решил, что его течение можно использовать в качестве ориентира, чтобы не сбиться с пути.

Билли Бонс остался на «Морже». Флинт приказал ему подойти к Санта-Лене утром следующего дня — по плану считалось, что к этому времени укрепление будет взято штурмом. Сам же он твердо решил возглавить нападающих и поэтому расстался с «Моржом», несколько раз печально взглянув на него, когда лодки отходили от борта.

Сто сорок душ выбралось на пустой берег, на судне оставалось пятьдесят человек. Группа, намеченная для нападения на форт, перешла через ближайшие холмы, не отходя далеко от ручья. Флинт объявил привал там, где возвышенность

кончалась и начиналась ровная заболоченная местность перед самой Санта-Леной. Было уже около девяти часов, солнце сильно пекло, и заросли наполнились криками диких животных. Флинт обернулся к Сильверу, отиравшему пот красным платком:

— Надо оставаться здесь до наступления сумерек. Потом тронемся и на рассвете штурмуем форт.

Сильвер почистил панталоны, запачканные и порванные во время ночного похода, и ответил:

— Ясно, капитан. Ребятам надо отдохнуть перед атакой. Пускай они поспят после обеда, а поднимем мы их, когда стемнеет. Но предлагаю не оставлять их бездельничать до обеда. Тут деревьев сколько угодно, а нам нужны лестницы, чтобы перебраться через стены форта. Если позволишь, я их отправлю на работу:

— Том Морган, вставай! Ты плотник, бери шестьдесят человек и руби деревья на лестницы. Да смотри, хорошо крепи ступеньки, чтобы наш друг Джордж Мерри не упал, не дай бог, когда будет перелезать через стену к идальговцам. Черный Пес, иди помогать Тому Моргану. Джоб Андерсон, от твоих рук толку мало, выставь повсюду посты. Если кто-нибудь заснет, волоки его

прямо к капитану Флинту или ко мне.

Положив легко руку на плечо Пью, он обратился к нему:

— Гейб, ты туда не лезь, без тебя справятся. Подбери себе десяток людей, которые могут бесшумно ходить и молчать, и поймай немного дичи на обед. Но только никакой стрельбы. Одни капканы и ножи.

Пью засмеялся и пальцами сжал шею какому-то воображаемому пойманному животному.

Между тем Израэль Хендс объяснял что-то Флинту, мрачно слушавшему его. Наконец Флинт рявкнул:

— Хорошо, делай как хочешь, но если ничего не выйдет, со мной разговор короткий, сам знаешь!

Хоть и явно неохотно, пираты все же принялись за работу. Солнце стояло высоко, насекомые в болоте кусали и жалили их, как будто имели на то личное распоряжение испанского короля. Джоб Андерсон, бывший на посту в четырехстах ярдах от лагеря, случайно наступил на огромную шипящую змею, но благодаря своему большому весу раздавил ее сапогом.

К обеду Пью и его люди вернулись с пятью убитыми козами, двумя поросятами в одном мешке и с несколькими отчаянно кудахтающими кури-

цами. Они нашли небольшую хижину посреди поляны, где жила одинокая старая индеанка. Ее зарезали и оттащили подальше, резонно рассуждая, что известное время никто не найдет ее труп. После этого не составило труда забрать всех животных из нищего ее двора и набрать корзину свежих плодов.

Итак, когда полуденное солнце стало припекать, люди Флинта поели. Затем выставили посты, пираты легли в тень, одни заснули, а другие тихо переговаривались.

Сильвер спал глубоким сном несколько часов. Проснувшись, увидел, что обеденная жара уже спала. Он взглянул на Флинта и увидел его, сидящего вблизи на земле, раздраженного, с красными глазами, прислонившегося спиной к дереву. Израэль Хендс завязывал кусок материи, обвитый вокруг какого-то предмета, большого, как бочонок с солониной.

Флинт заметил, что Сильвер не спит, и дал ему знак подойти. Приблизившись, Сильвер заметил, что Флинт не смыкал глаз весь день и корявое его лицо было уставшим и напряженным от тревоги.

— Ну, Окорок, — молвил Флинт, — думаю, из-за этого набега мое имя войдет в историю, даже

если это будет мое последнее дело. Если что, то командовать тебе, так что слушай! В сумерки отправляемся. Я хочу разделить ребят на две равные группы. Я командую нападением одной из них на этот большой дом у порта. Бьюсь об заклад, что это губернаторский дворец. Не иначе как сокровища там, а если и нет, мы спросим, где они, и найдем способ получить ответ. Поскольку никто, кроме тебя, не сможет хорошо командовать группой, веди их штурмовать укрепление. Потом соединяем силы, а Билли Бонс приводит старину «Моржа», чтобы забрать добычу.

— Надо бы подумать и об этом вонючем французе, — добавил Сильвер.

— Да, и о вонючем французе, — передразнил его издевательски Флинт и продолжил: — Раз уж речь зашла о вонючках, возьми с собой Израэля, твоего любимчика и приятеля Пью и его дружка Черного Пса. Я же возьму Андерсона и Моргана, которые не горазды болтать, но хорошо делают, что им прикажут. Что еще спросишь, Джон Сильвер?

Джон спросил:

— А что там Израэль прятал в какие-то лохмотья? Сдается мне, что это подарок губернатору Новой Кастилии.

— Да, подарок, лучше не скажешь, — ответил Флинт. — Мина, чтобы взорвать стену форты. Она откроет тебе дорогу. — Флинт неторопливо поднялся на ноги. — Ну, Сильвер, подъем через полчаса. Смотри, чтобы без опоздания.

Как только стемнело, пираты пошли вдоль русла потока. Путь был тяжел, хотя и стояло полнолуние. В коварной болотистой местности чуть не утонули в трясине два пирата, тащившие тяжелую мину Израэля Хендса.

Флинт, возглавлявший колонну, ругал плохую дорогу и бил плашмя своей саблей всех, кто попадался под руку.

Только благодаря Долговязому Джону Сильверу цепь извозившихся в грязи пиратов не разрывалась. Сейчас его умение командовать пригодилось, как никогда. Он делал все, как бы обуянный каким-то демоном; и действительно, сейчас им владела единственная мысль о сокровищах, собранных в Санта-Лене. Но это было не главной причиной неутомимой его деятельности. В сущности, Сильвер смотрел на нападение на Санта-Лену и захват испанских сокровищ как на свою идею. Насколько он увлекался идеей похода, насколько он убеждал и настраивал пиратов, настолько сильным становилось убеждение, что

львиная доля сокровищ принадлежит ему. Когда дело касалось захвата добычи, Джон Сильвер преследовал цель неуклонно, а эта добыча была изумительна, просто сказочна и обещала стократ вознаградить его за все прежние страдания и унижения.

Неудивительно было поэтому, что он напрягал все силы, чтобы достичь успеха в походе за испанским сокровищем. Если какой-нибудь уставший пират в растянувшейся цепи падал, не в силах подняться, Джон возникал перед ним и ободрял его или подбадривал шутками. Один раз Джордж Мерри и беглый раб Джейкоб Вашингтон подрались, но Сильвер мгновенно оказался возле них и, схватив за вороты, втолкнул в цепь пиратов. Пью помогал ему следовать наилучшим путем, избегая опасных трясин.

И так, шаг за шагом, пираты добрались до Санта-Лены.

Они увидели несколько покосившихся хижин, освещенных луной, а немного поодаль — темные силуэты массивных домов.

Флинт объявил привал. Когда люди столпились возле него, он прошептал:

— Вот эта помойка и есть Санта-Лена. Половина из вас, которые последуют за мной, имеют

важную задачу захватить дворец губернатора вон там, за этими хижинами возле порта. Мистер Сильвер поведет другую половину штурмовать форт. Когда он им завладеет, то даст сигнал, а я и Билли Бонс и этот пропащий французик уже поймем, что все в порядке. Сигналом, — продолжал он, — будет знамя с черепом и скрещенными костями. Черный Пес несет его спрятанным на груди. Не вздумай потерять его при нападении! Но, думается мне, этого не случится, потому что он наверняка спрячется где-нибудь, пока остальные будут штурмовать стены. — Черный Пес не знал, куда деваться от этих слов, и спрятался за спины пиратов, сгрудившихся вокруг Флинта.

— Андерсон, Морган, О'Брайен, — продолжал он, — вы идете со мной и моими людьми. — Флинт огляделся с видом крайнего недовольства. — Не наберется и дюжины людей, которые по-настоящему умеют сражаться. Но я уж знаю, что делать, чтобы вы не разбежались по кустам, подонки!

Затем обернулся к Сильверу:

— С рассветом нападаем. Одновременно. Я пошел.

И Флинт повернулся и повел людей в западном направлении.

Сильвер оглядел оставшихся пиратов и скор-

чил кислую гримасу. Потом, разведя руками, заговорил отечески и ласково:

— Я горжусь, ребята, что сражаюсь вместе с вами. Никогда еще не видел бойцов лучше. Даже покойный герцог Мальборо счел бы за честь вести вас на этот форт! — Увидев, что люди оживились, обласканные его словами, он продолжил: — Этот форт выглядит не больно-то крепким. Честное слово даю, в нем нету ни одного камня, а только бревна, доски и гвозди. Да мы могли бы разнести его на щепки голыми руками! Но, — и он заговорил тихо, доверительным тоном, — наш друг Израэль придумал и сделал кое-что дьявольское, что могло бы превратить в развалины стены Картахены, не то что эту игрушку перед нами. Парни, мы застанем этих испанцев в одних подштанниках, ей-богу. Все вы, как один, разбогатеете, но больше я вам ничего не обещаю. Вот там, — он показал на северо-запад, — находится перешеек, где стоит укрепление. Сейчас идем туда. С рассветом ворвемся в него — и все дела! Я веду одну группу, штурмующую форт, Гейбл Пью — другую. Нужно десять человек помочь Израэлю поднять на воздух стены и орудия этих идальговцев. Так! Пошли, но бесшумно. У вас будет что порассказать внукам об этом дне, помяните мои слова!

С этими словами он повел людей к испанскому форту. На востоке постепенно начало рассветать.

22.
КАК ФЛИНТ ЗАХВАТИЛ СОКРОВИЩА

Люди Флинта начали первыми. Пираты, предводительствуемые Сильвером, находились примерно в пятистах ярдах от форта, когда услышали беспорядочную мушкетную стрельбу и адские вопли, слышавшиеся от губернаторского дворца.

Сильвер тихо выругался, обращаясь к Пью:

— Дьявол их забери, этот упрямый негодник начал слишком рано. Еще недостаточно светло. Вот и рассчитывай на Флинта, да он никого ни во что не ставит!

Затем, подав людям знак, он повел их на штурм форта. К счастью, почва была твердой, большей частью песчаной, поросшей травой и тростником, и почти без камней, которые помешали бы бежать пиратам.

Приближаясь к форту, они развернулись в цепь, а Израэль и его тяжело нагруженные помощники едва поспевали за остальными пиратами. Сильвер предполагал, что испанцы поставят часовых на северной и западной сторонах укрепления,

чтобы обезопасить подступы с моря. С радостью он увидел, что ожидания его оправдались, еще когда штурмовая группа приблизилась к южной стене форта, а группа Пью достигла восточной. Испанский комендант явно не предвидел возможности нападения с суши, и первый выстрел из вражеского мушкета сверкнул в сумерках, только когда пираты были в трехстах шагах от форта.

Несомненно, шум у губернаторского дворца встревожил часовых. Несмотря на это, пираты достигли стен форта прежде, чем испанцы успели дать десяток выстрелов, одним из которых был убит на бегу юный негодяй из Норвича.

Задыхаясь после быстрого бега, Сильвер, оглядевшись, увидел, что снаружи форт был окружен оградой из бревен и грубо распиленных досок. В общем, укрепление не производило впечатления массивного, не было даже, насколько Сильвер мог видеть, защитного рва.

Он слышал, как люди Пью ставили лестницы к восточной стене и с криками перелезали через нее. Над его головой послышалась команда по-испански. В двадцати шагах от себя он увидел Бена Ганна, который отходил от ограды, чтобы рассмотреть форт. «Вот ведь дурак!» — подумал

Сильвер и гневным жестом приказал ему вернуться.

С каждой минутой становилось все светлее. Слава богу! Наконец-то появился весь в поту Израэль Хендс, помогавший донести к стене мину. Она походила на толстый бочонок для солонины и, вероятно, на самом деле была таким бочонком. Израэль размотал фитиль длиной в шесть футов. Потом крикнул:

— Окорок, зажигаю! Скажи им, пусть отбегут и падают, быстрее!

У пиратов едва хватило времени, чтобы залечь вдоль ограды, когда мина Израэля взорвалась подобно извержению вулкана.

«Чего он туда положил?» — подумал Сильвер. Впоследствии он был готов голову в заклад положить, что в бочонке было не менее галлона любимого рома Флинта, а на фитиль были использованы крепчайшие его ругательства. Во всяком случае, мина свое дело сделала. Песок и обломки досок еще падали вокруг, когда Сильвер вскочил на ноги и повел людей к пролому. Сквозь дым и копоть перед ним, пошатываясь предстал Израэль Хендс с лицом, почерневшим, как у трубочиста, над глазом его кровоточила небольшая рана.

— Маловато сделали, Джон, — хрипло проговорил Израэль. — Этот фитиль сгорел быстрее, чем я думал. — Он махнул кулаком в сторону крепости. — Это ж надо, целый дилижанс можно было бы вкатить через ту дыру!

Оставив Хендса приходить в себя, Сильвер побежал к ограде. Там, где взорвалась мина, зияло отверстие высотой восемь футов и шириной в одиннадцать, окруженное изломанными и обгоревшими досками.

Сильвер проскочил через него с пистолетом в одной и с саблей в другой руке. Где же испанцы? Он споткнулся обо что-то. Это был испанец, вернее то, что от него осталось после взрыва мины Израэля вместе с оградой. Вокруг лежали тела других испанцев, бывших на укреплении, вероятно убитых взрывом.

Пираты столпились вокруг Сильвера. На некотором расстоянии от них люди Пью сражались, стремясь завладеть восточной частью форта. Там были и испанцы — два десятка человек пытались удержать стену. Офицер со смешно встопорщившимся над левым ухом париком сновал между солдатами и беспрестанно кричал приказы. Несколько мушкетных выстрелов сверкнуло с испанской стороны, и Сильвер увидел, как двое

из людей Пью упали со стены. Последовали еще выстрелы, и еще один человек с криком упал к ногам испанского офицера.

Сильвер бросился к офицеру. Вдруг какая-то фигура в разорванном мундире возникла перед ним: один испанский солдат, оглушенный взрывом, но достаточно пришедший в себя, попытался ударить его мушкетом. Джон парировал его удар, резко подняв левую руку. Мушкет опустился на нее сверху, и Сильвер ощутил сильную боль. В этот миг щелкнул курок его пистолета, раздался выстрел и испанец упал, схватившись за горло; кровь хлынула между его пальцами.

Сунув разряженный пистолет за пояс, Сильвер замер на миг, оглядываясь. Солнце уже встало, и внутренность форта хорошо была видна. Конструкция его была совсем простой: массивные деревянные стены, выстроенные из тяжелых бревен, завершались высоким парапетом по всему периметру, а со стороны северной стены, глядящей на море, стояла деревянная наблюдательная башня, над которой развевалось имперское знамя Испании. Джон Сильвер заметил, что орудия испанцев были направлены в море, чего и следовало ожидать: это позволяло пиратам действовать в самом укреплении.

Вдруг Черный Пес ударил Сильвера по плечу:

— Джон, там не более тридцати испанцев, но этот офицер, который все кричит и ободряет, стоит их всех.

Сильвер перескочил через умирающего солдата, которого только что застрелил. Как будто предупрежденный каким-то ангелом-хранителем, испанский офицер повернулся лицом к Джону и поднял саблю, защищаясь от атакующего пирата. Сабля Сильвера просвистела в воздухе и ударилась об отличный клинок толедской стали его противника. В этот миг Сильвер выхватил из-за пояса незаряженный пистолет и со всей силы бросил его в голову испанца. Офицер вздрогнул и поднял левую руку, чтобы защититься, но в это время сабля Сильвера скользнула мимо руки и ударила офицера в шею. Испанец зашатался и, сохраняя равновесие, сделал несколько шагов назад, все еще держа саблю. Вмиг Долговязый Джон Сильвер налетел на него и снова ударил в горло. Испанец издал глухой стон и почти грациозно упал на землю. После этого испанский гарнизон заколебался, и вскоре солдаты превратились в смешанную толпу, бегавшую взад-вперед, тщетно надеясь скрыться. Люди Пью перевалили через стену с ликующими криками. Менее чем через

полчаса форт был в руках пиратов.

Сопровождаемый по пятам Черным Псом, Джон Сильвер пинком отворил дверь наблюдательной башни. Несколько испанских солдат, спрятавшихся там, попадали на колени и с воздетыми руками молили о пощаде.

Одна открытая деревянная лестница вела к вершине башни и, так как ее никто не охранял, через несколько минут Черный Пес сбросил испанское знамя и на его место воздвиг «Веселый Роджер».

— Ну, теперь Билли сразу придет, — сказал Сильвер.

— И француз тоже, если поблизости, — добавил Черный Пес, с усмешкой поглядывая, как знамя с черепом и скрещенными костями развевалось над их головами.

Сильвер направил подзорную трубу на порт. Семь судов, которые должны были перевезти испанские сокровища через Атлантику, были пришвартованы к причалу, напоминая упитанных коров. По палубам сновали люди, по трапам непрестанно взбирались и спускались фигуры. Вдруг возле Сильвера возник Пью. Бледное лицо его было грязным и окровавленным. Еще не отдышавшись, он сказал прерывающимся голосом:

— Сделали дело, приятель! Не так уж плохо бы-

ло. Особенно когда ты зарубил этого пропащего испанского офицера. Я прошел мимо него. Он еще стонал, так что пришлось прикончить. Чтобы не мучился.

— Гейб, погляди туда, — отвечал Сильвер, подав ему подзорную трубу. — Дьявол меня возьми, если они не хотят поднять якоря и уйти из порта! Мы так потеряем сокровища. О чем там думает Флинт, черти бы его побрали! Очень плохо видно. — Он обернулся к Черному Псу: — Доставь мне побыстрее Израэля, даже если его придется нести на руках, как младенца.

Через несколько мгновений Израэль поднялся по лестнице и тяжело оперся о парапет.

— Израэль, — сказал ему Сильвер, — только ты можешь спасти положение. Господь послал тебя во время, дьявол возьми. Возьми да разбросай этих вонючих испанцев по всему порту из их собственных орудий, и побыстрее, иначе — прощай, сокровище! Все наши жертвы при взятии форта окажутся напрасными, если допустим, чтобы добыча ускользнула из наших рук.

Хендс кивнул. Он едва оправился от взрыва мины. Но такого артиллериста, как Израэль, редко можно встретить. Несколькими минутами позже он уже ходил вокруг площадки укрепления, на-

целивал орудия на испанцев и звонким голосом давал команды к стрельбе.

Первое ядро просвистело сквозь снасти ближайшего транспортного судна, второе врезалось в причал, и обломки разбитых камней ранили около десяти человек. Ядро за ядром падало меж судов с сокровищем. После того, как Хендс обстреливал порт в продолжение десяти минут, Сильвер взревел:

— Хватит, Израэль! Я не просил тебя топить их! Нам искать золотые в мешках, а не среди водорослей на дне!

Когда Хендс прекратил стрельбу, раздался крик Пью:

— Окорок, «Морж» направляется к входу в порт. Билли увидел сигнал! И француз следует за ним в миле-другой.

Сильвер тихо прошептал:

— Конец. Теперь они у нас в руках. Уйти не смогут. — И продолжал громким голосом: — Гейб, я беру половину ребят посмотреть, что там с Флинтом во дворце губернатора. Ты остаешься в форте. Вместе с Израэлем будьте возле орудий. Да придумай, что делать с пленными, чтобы не было хлопот. Слушай, Гейб, держи и море под наблюдением, чтобы неожиданно не объявились

испанские суда. Корабли конвоя могут показаться в любой момент.

Вскоре Сильвер со своими людьми уже проходил вдоль причала. Никакого сопротивления они не встретили: обстрел Израэля рассеял и привел в панику испанских моряков. Огромным усилием воли Джон Сильвер приказал пройти мимо и двинуться к губернаторскому дворцу.

Дворец представлял собой трехэтажный каменный дом в полу миле от порта, в стороне от немощеной дороги, бывшей главной улицей Санта-Лены. Пока пираты приближались к дворцу, проходя мимо пальм и цветущих лиловых и розовых олеандр, Сильвер с чувством облегчения заметил, что Флинт действительно захватил его. Джоб Андерсон и пять-шесть пиратов стояли на страже у парадной лестницы.

Сильвер быстро поднялся по ступенькам и стиснул огромную руку Джоба со словами:

— Джоб, мальчик мой, значит, успешно! Флинт узнал, где скрыто сокровище?

— Было не так трудно, Джон, — отвечал Андерсон. — Этот испанский начальник и его люди спали, когда мы ворвались. Просто толкнули двери ногой и влезли. В кухне две служанки подняли было визг, но Флинт стукнул их по головам, они

и умолкли. Одного этого было достаточно.

— Джоб, где Флинт?

— Наверху, пытает этого начальника и его хозяйку, чтобы сказали, где ключи от тайника. Он их связал в спальне. Не удивлюсь, если там пролилась капля-другая крови.

— Да, конечно, ничего удивительного. Слушай, Джоб, у меня для тебя небольшая работа, мальчик мой. Возьми этих негодников, что со мной, и веди их на корабли с сокровищами. Повыкидывай оттуда испанцев и оставь наших парней на всех судах. Если испанцы заупрямятся, руби их. Билли Бонс подойдет через полчаса, а наш приятель француз следом за ним. Скажи Билли, пусть начинает таскать серебро на «Морж» и «Жан Кальвин». Кроме того, скажи, пускай считает, особенно то, что загрузит в трюмы «Жана Кальвина». Все запомнил, Джоб?

Андерсон начал тупо повторять слова Сильвера:

— Слушай, Джоб, у меня для тебя небольшая работа, мальчик мой. Возьми этих негодников, что со мной…

— Остановись, Джоб! Этого достаточно. Иди! Мы с капитаном подойдем немного позже.

Андерсон повел пиратов к причалу, а Сильвер

вошел во дворец губернатора, быстро миновал холл и поднялся по широкой лестнице. По всему видно было, что Флинт успел здесь похозяйничать: все гобелены сдернуты со стен, пол покрыт осколками разбитого фарфора, а огромный портрет Его католического величества короля Филиппа V был разрезан острием сабли. Из одной комнаты наверху доносились крики Флинта, тот самый смех, который навевал неприятные воспоминания о захвате дома Дюбуа на Барбадосе много лет назад.

Войдя в спальню, Сильвер увидел, что Флинт держал за горло тридцатилетнюю женщину. Он так сильно тряс ее, что черные волосы жертвы метались из стороны в сторону перед ее лицом. Женщина была одета, как заметил Сильвер, в синюю ночную рубашку, разорванную у шеи.

За спиной молодой женщины стояла позолоченная кровать с балдахином на четырех подпорках, к одной из которых был привязан пожилой мужчина с заостренной пегой бородкой, также одетый в ночную рубашку. Женщина средних лет лежала в его ногах. «Должно быть, его жена», — подумал Сильвер.

Флинт перестал трясти темноволосую женщину и прошипел:

— Где ключи от склада, дрянь этакая? Отрежу тебе все пальцы поодиночке, так и знай. Сожгу твои щеки на медленном огне, ей-богу! Говори, папистская нечисть!

Женщина всхлипнула и отвернулась. Сильвер заметил большие темные глаза и правильный нос.

Пять-шесть пиратов окружали Флинта. Среди них был и Том Морган, задумчиво жевавший табак; сцена, происходившая перед его глазами, смущала его не больше, чем бой петухов.

Внезапно Флинт грубо бросил женщину на пол. Он засмеялся своим хриплым кудахтающим смехом, но в этот момент Сильверу показалось, что Флинт теряет уверенность в себе.

— У вас какие-то затруднения, капитан? — льстиво произнес Сильвер, подойдя к нему.

— А, квартирмейстер, и ты здесь, — злобно ответил Флинт. — Я думал, ты слишком труслив, чтобы рисковать шкурой у губернаторского дворца. Ну, раз ты здесь, заставь этих испанских свиней выложить, где ключи от склада при дворце. Проклятые, они построили его так крепко, что выдержит трехмесячную осаду, а у нас нет пороха, чтобы поднять его на воздух, — сердито сказал Флинт.

— Через час у нас хватит пороха, чтобы поднять на воздух всю Санта-Лену, — спокойно ответил Сильвер. — Но это не имеет значения. Легче будет здесь получить ключи у этих пленников.

— Легче! — завопил Флинт. — Скорее из камня потечет вода, если сдавить его, чем заговорит эта старая ведьма на полу. Почему они не хотят говорить? Почему?

— Вряд ли из-за твоего языка, капитан. Я не знаю человека, который бы говорил любезнее тебя, честное слово.

Флинт взглянул на него, прищурившись, но Сильвер продолжал как ни в чем не бывало:

— Может быть, они не понимают по-английски, ведь это испанцы. Знаю, ты никогда не позволял этому папистскому языку запачкать глотку, потому что имеешь религиозные принципы. Но я малость разбираюсь в их языке, хотя он и оскверняет истинных англичан.

— Давай, болтай по-испански, сэр Окорок, — презрительно ответил Флинт. — А я в это время возьму здесь кое-что. Если не запоют через полчаса, я их зарублю, вот так! — И Флинт с силой ударил саблей по подпорке балдахина на два-три пальца ваше головы испанского аристократа, оставив в дереве глубокий след. Человек нервно

дернулся и обмяк.

«Потерял сознание, бедняга», — подумал Сильвер.

Флинт повернулся и, стуча сапогами, вышел из комнаты, заревев Моргану и другим, чтобы следовали за ним.

Сильвер остался наедине с женщиной. Она сидела на краю кровати. Он заметил, что она поглядела на него с выражением упорства и отчаяния. Впервые с момента нападения на Санта-Лену Сильвер осознал, что даже при таких обстоятельствах могут существовать и другие чувства, помимо жажды крови и ненависти. Эта женщина совсем не желала помешать пиратам Флинта захватить сокровища. Возможно, это была дочь или невестка бородатого человека, привязанного к подпорке балдахина. Может быть, мертвая женщина на полу была ее мать. Что заставило эту, очевидно утонченную, молодую женщину возбудить гнев и жестокость? Заслужила ли она эти унижения и угрозу внезапной смерти?

Направившись к ней, Сильвер заговорил медленно, с усилием произнося испанские слова:

— Сеньорита, сожалею, что вы пострадали. — Она взглянула на него. На миг, как будто поколе-

балась, не ответить ли. Затем резко отвернулась и сжала губы, как будто хотела задержать любое слово, способное сорваться с ее губ. Сильвер продолжал медленно, не вполне уверенный, что его понимают.

— Зовут меня Джон. Я вас хочу защитить. Но мне надо знать, где ключи. Ключи от… — Он замер на миг. Как по-испански сказать «склад»? Вдруг он вспомнил, как называли склады на плантации Дюбуа в прежние годы. — Депо, — сказал он. Женщина покачала головой. Это могло значить, что она или не понимает по-французски, или не хочет указать, где спрятаны ключи. Сильвер попробовал еще раз, мешая испанские и французские слова: — Если вы не скажете где, капитан вас убьет. Быстро. Сначала вашего отца, как мать. Скоро. — Она вздрогнула. Значит, действительно этот человек, привязанный к столбу, был ее отцом. — Я вас спасать. Вас и ваш отец. Но надо мне дать ключи.

Женщина взглянула на него. Глаза ее были прекрасны, как глаза Аннет. Она безразлично отвечала:

— Нет, вы бандиты. Английские бандиты. Скоро наш флот придет сюда и перебьет вас.

— Ваши корабли далеко. Сейчас наши корабли

держат Санта-Лену. Мы захватили ваш флот, и, пока мы говорим, мои люди грузят ваши сокровища на корабли.

— Значит, вы и есть капитан. Это ваши люди?

«Господи боже, — подумал Джон Сильвер, — как ей объяснить, что такое квартирмейстер на плохом испанском и забытом французском?»

Он сказал:

— Я один из капитанов, может быть единственный капитан, которому есть дело, живете вы или умерли. — «Полуправда, может быть, — подумал Сильвер,

— но дело сделано».

Она промолчала. С нижнего этажа раздался звон разбитого стекла. Флинт обирал дом так основательно, как будто впервые совершал пиратский набег и словно не было в порту никаких судов с сокровищами.

Внезапно женщина отозвалась:

— Если я скажу вам, где ключи, откуда мне знать, что вы защитите меня. Может быть, вы убийца, как и другие, но только говорите так.

Сильвер усмехнулся.

— Имеете право. Но я хоть хочу вас спасти, а не убить. — Он подождал миг, а затем сказал внимательно: — Скоро вернется другой капитан. Этот, с

лиловым лицом. И приведет с собой других. Надо поскорее.

Женщина подала ему руку. Зачем? Она схватила его руку, гладкие ее пальцы обхватили его ладонь.

— Даете мне слово, капитан, честное слово, что вы спасете меня?

— Да, сеньорита. Даю вам честное слово, что помогу вам спастись.

— Ключи здесь. Вот.

Она встала и быстро подошла к подпорке балдахина, где был привязан ее отец. Встав на цыпочки, она надавила на один позолоченный шарик среди украшений высоко над головой. Послышался легкий щелчок, и маленькая дверца в несколько дюймов размером открылась.

Сильвер, который был намного выше женщины, подо-шел к кровати. Правой рукой он залез в тайник. Там были ключи. Он вынул их и пересчитал: на кольце было шесть ключей. Наверное, ключи от склада были среди этой связки.

По лестнице послышался грохот тяжелых сапог и голос Флинта, который ругался на чем свет стоит. Сильвер взял женщину за руку. Кивнув на отца, бывшего еще без сознания, он сказал:

— Сейчас лучше оставить его. Мы скоро вер-

немся за ним. Сейчас идите за мной. Быстро.

Выйдя на лестничную площадку, они встретились лицом к лицу с Флинтом, шатавшимся у парапета, явно пьяным. Увидя Сильвера с молодой женщиной, он злобно ухмыльнулся:

— Ну что за чудная картинка! Двое влюбленных собираются выпорхнуть из гнездышка. — Навалившись на парапет, он крикнул: — Морган, Дерк, идите сюда, пропащие души, полюбуйтесь на Окорока и его чудесную новобрачную Донью Марию Свинячий Зад!

«Ну вот и момент, — подумал Сильвер, — вот он! Толкнуть его за парапет и сказать, что он был пьян. Стану капитаном на его место и сверх того возьму его долю сокровища».

Но Флинт вновь обернулся к нему, и Джон Сильвер просто заговорил с легким укором:

— Ну как, капитан, малость поутолил жажду, а?

Не успел Флинт ответить, как Морган, Дерк Кемпбелл и свора пиратов поднялись по лестнице. Сильвер, взяв инициативу в руки, крикнул:

— Ребята, вот ключи! И эта дама все еще здорова и невредима с пальцами на руках и на ногах и без ран на лице. Можно сразу открывать склад. Идем к складу!

Флинт зарычал:

— Спокойнее, квартирмейстер! — и выхватил ключи из руки Сильвера.

— Я хочу взглянуть на склад. А ты спускайся и позаботься доставить все на суда. И забери Донью Марию Свинячий Зад, иначе ей перережут глотку, если будет здесь вертеться.

Молодая женщина ответила с достоинством:

— Донья Изабелла Фабиола Анна Мендес ла Лагуна. — По ее лицу было видно, что она обижена.

— Пошла к дьяволу! — резко крикнул Флинт и отправился вниз по лестнице, едва не упав головой вперед на последних ступеньках.

Сильвер повернулся к донье Изабелле и сказал на своем неуклюжем испанском:

— Сеньора, прошу вас, идите и оденьтесь. И возвращайтесь как можно скорее.

Через десять минут она вернулась вполне одетая вместе с отцом, которого привела в чувство и освободила. Сильвер обратился к ней со словами:

— Теперь я отпущу вас обоих. Но не здесь, тут слишком опасно. Пока я поведу вас, как пленников.

Женщина кивнула и улыбнулась. Как быстрота, с которой она все поняла, так и явное ее доверие

к нему, понравились Джону. Он быстро связал ей руки за спиной, затем также связал ее отца. Дал им знак следовать за собой и вывел из дворца. По пути к порту Сильвер настиг Тома Моргана с группой пиратов, переносящих мешки и ларцы.

— Здравствуй, Том! Как погляжу, Флинт успел использовать ключи. Ну, что там, мальчик мой?

Морган остановился и поднял мрачный взгляд на Сильвера. Все его лицо было в поту.

— А зря ты насмехаешься над капитаном, Джон Сильвер. Он прямо чует, где добыча. Склад очистили, взяли все. Это дело, — он указал на сундук, — большая часть добычи. Драгоценные камни, топазы, изумруды и что там еще, большей частью в брошках и браслетах. Ну и не только камни, там есть пиастры и другие деньги в этих мешках.

— Отлично, Том Морган, ты всегда молодец, только примешься за серьезную работу. Присмотри, чтобы уложили и сделали все, что надо. Ну, ступай, мальчик мой. А я пока отведу этих пленников на «Морж». Может, они нам пригодятся, как заложники, до отплытия.

Морган кивнул. «В сущности, не понял, что ему сказали», — подумал Сильвер.

После этого пират нагнулся, поднял сундук,

окованный тремя железными обручами, и пошагал к порту.

Поблизости не было видно никаких испанских солдат. Окрестности были пусты, только отдельные группы пиратов переносили добычу. Вдруг отец доньи Изабеллы громко вскрикнул. Старец глядел в сторону дворца и сердито говорил что-то дочери. Сильвер обернулся и увидел густой дым, выползающий из окон верхних этажей губернаторского дворца, как из действующего вулкана. Значит, Флинт вернулся во дворец. От деревянных домов, сгрудившихся возле порта, также валили клубы дыма. В скором времени Санта-Лену ждала судьба десятка других городов, попавших в руки Флинта, — разграбленных, опустошенных и, наконец, сожженных.

Если Сильвер желал освободить пленников, то надо было делать это сейчас! Ветер поднимал густые облака дыма, скрывавшие его от порта. Сильвер развязал руки донье Изабелле и быстро повел ее в сторону от порта, пока ее отец поспевал за ними, кашляя от густого дыма.

Прошли меж двух горящих домов. В одном, как заметил Сильвер, была бакалейная лавка. Двери ее были разбиты, деревянные ставни на окнах висели криво, и перед входом виднелась

согнутая вдвое человеческая фигура, левая рука которой была загнута за спину и сломана. Далее виднелись другие деревянные дома, за ними индейские хижины, а затем начинались кустарники джунглей. Несомненно, уцелевшие от пиратского набега жители искали себе убежище там, в чаще кустарника, где надеялись, что никто их не найдет.

Сильвер прошел еще десятка два шагов. Затем остановился и обернулся к женщине:

— Скрывайтесь в джунглях. Там вы будете в безопасности. — Но что с ней произошло? Ее отец быстро направился к кустарнику. Сильвер обратился к ней, на сей раз грубо:

— Ну, ступайте! Или вам хочется быть убитой?

Что было нужно этой женщине? Она схватила его за рубашку, заплакала и заговорила так быстро, что он едва ее понимал:

— Я пойду с вами. Да, хочу пойти с вами на корабль! Ты капитан! Ты сильный! Ты меня спасешь. Я буду служить тебе. Да, я буду тебе служить и буду верна!

Смущенный Джон отвечал по-английски:

— Нет, это невозможно, сеньорита. Ну, ступайте же.

Женщина, явно поняв его, отвечала:

— Нет, я в самом деле пойду с вами. Моя мать мертва. Отец мой… — Она безразлично пожала плечами. — Может быть, умрет через три года. От лихорадки. Здесь. Ненавижу это место. Я пойду с вами. Стану твоей женой.

Она снова заплакала и, без всяких задних мыслей, Сильвер обнял ее. Сейчас он был в затруднении. Как взять ее на корабль? Флинт никогда не допустил бы этого. Билли Бонс тоже. Сначала надо было убить Флинта. Убивать его ради этой незнакомой женщины… А в это время его ждет испанское сокровище. Предстоит разделить его. Просто смешно. А может быть, Флинт убьет его? Кроме того, надо подумать и об Аннет. Конечно, Аннет далеко. А испанцы? В любой момент может налететь целая орава галеонов. Они окажутся как в капкане, в этом тесном порту без возможности отступить куда-либо, кроме как в джунгли к диким индейцам. Славный будет конец.

Вдруг он заметил, что слезы женщины намочили ему рубашку.

— Ну, хватит! Убирайся! — заорал Сильвер.

Вдруг в нем вспыхнула ненависть, равная жалости, которую он только что к ней испытывал. Он схватил ее за плечи, повернул к джунглям, где скрылся ее отец, и толкнул вслед.

Облака дыма накрыли его, и на миг она скрылась от его взора. Сильвер услышал, как она кричала, пока он быстро бежал среди клубов дыма к порту.

То ли из-за этого крика, жалкого и отчаянного, то ли из-за тяжелого запаха гари — он и сам не понял, — что-то в нем дрогнуло, его пробрал озноб, и он обозлился.

23. КАК БЫЛИ ЗАРЫТЫ СОКРОВИЩА

Билли Бонс в ярости замахнулся кулаком на Джона Сильвера, когда тот подбежал к концу причала, где был пришвартован «Морж». Множество пиратов спешно сновали по причалу и грузили сундуки с серебром. Сильвер обрадовался, завидя, как Джоб Андерсон заставил и каких-то испанцев помогать им — бежал за ними и колол пикой.

Отчего же тогда Билли разбушевался? Пока все идет как по маслу. Сильвер остановился перевести дух. Все были заняты работой, и даже имелся какой-то порядок. Покачав головой, он медленно направился к «Моржу». «Всю жизнь дивиться буду, как эти испанцы оставили столько золота и серебра в Санта-Лене без сколько-нибудь серьезной охраны», — подумал он. Все это происходило из-за обыкновенной неразберихи: вице-король Новой Кастилии вряд ли когда-нибудь знал, какие планы имел вице-король Новой Испании. В каких-то портах боевые корабли стояли на якорях, не имея экипажей, в то время как пираты опустошали целые побережья Карибского моря. Колонии приходили в упадок, потому что губернаторы возлежали на лаврах и редко имели

представление о реальном положении вещей.

Джон, направившись к Бонсу, заметил поблизости Тома Моргана, бросившего на него беглый взгляд. Джон воскликнул:

— Здорово, Билли, вот это, называется, дело! Так воруют в Бристоле.

— Лучше сойдем в капитанскую каюту, Окорок. Надо поговорить, — гневно ответил Билли.

Войдя в развороченную, пропахшую ромом каюту Флинта, Билл с искаженным от ярости лицом набросился на Сильвера.

— Где эти заложники, о которых говорил Том Морган? Где Флинт, черти бы его побрали? И с чего это ты помешался на дочери какого-то идальго, как я слышал? Наверное, думаешь, что добыча сама пойдет по морю, а тащить ее будут ангелочки с розовыми крылышками! Мы пропустим прилив, если не загрузим сокровища до двух часов. Этот француз уже так набил корабль золотом, что «Жан Кальвин» лопается по швам. Там-то капитан исполняет свой долг, а наверное, и квартирмейстер!

— Спокойнее, Билли, ты хочешь все уничтожить одним залпом! Легче, приятель, стрелять из орудия по каждой цели отдельно. Так что объяснимся по-хорошему. — Бонс холодно кивнул

и Сильвер продолжал: — Перво-наперво, Флинт скоро сюда дойдет. Но будет он трезвый или нет, это другой вопрос. Во-вторых, я тут не стоял сложа руки. Мы с Пью захватили этот форт и расчистили тебе путь, так что можешь сюда входить, как на Мадагаскаре. А что касается дочери этого идальго, то лопнуть мне, если она не отдала мне ключи от склада. Не думаешь же ты, что я добился бы этого, если бы не предрасположил ее малость приятной беседой? Другие жалобы есть, Билли? Ну, спрашивай, если только хочешь и знаешь, о чем?

— Где сейчас эта грязная испанка? — грубо спросил Бонс. — Где ее отец? Откуда мы знаем, может быть, они потребуются нам как заложники, если испанцы нас где-нибудь встретят? Или даже как люди, знающие эти места. Кто тебе дал право их отпустить? Я, первый помощник и навигатор, правая рука Флинта, так тебе скажу: не согласен я, что ты их отпустил. Много себе позволяешь, Джон Сильвер, так и знай!

«Не в себе от злости», — подумал Сильвер и благоразумно ответил ему:

— Прав ты, Билли, понимаю. Умная ты голова, я всегда это говорил. Но в этом деле, скажу тебе, старик на ладан дышит, а дочь его совсем спятила

— воет, кричит, страшно поглядеть. Не думаю,

что от них будет большая польза, и вряд ли они сделают дело для капитана в этом состоянии, да и наверное, оба уже погибли.

Наступила долгая пауза. Наконец Бонс медленно и многозначительно произнес:

— Дьявол тебя возьми, Джон, ну ты и красноречивый негодяй! Не могу я тебя понять, так и есть! — Затем взглянул Сильверу в глаза и тихо прошептал: — Иногда я проклинаю день, когда покинул Коннектикут.

— Ну, ну, Билли! Как же нам без тебя? Слушай, ты меня поставил на место, вот и все. Каждому с полувзгляда видно, каково тебе здесь управляться со всем одному. Ну, вот, я здесь, все в момент загрузим на корабль. Можешь рассчитывать на меня, приятель. — Снаружи послышался какой-то рев: кто-то то ругался, то затягивал песню. — Вероятно, Флинт возвращается, — сказал Сильвер с кислой физиономией. — Еще одна причина, чтобы взяться за погрузку добычи.

Бонс кивнул в знак согласия и принялся разглядывать карту, оставленную на столе.

Флинт, влекомый Дарби Макгроу, спотыкаясь, миновал Сильвера, продолжая с каким-то сатанинским восторгом орать песню.

Глядя, как верный Дарби тащит Флинта на

корму, Сильвер размышлял о создавшемся положении. Капитан всецело предавался любимому своему рому и напивался все быстрее и быстрее. Если Флинт умрет с перепою, что было возможно, пиратам надо было выбирать, кто станет капитаном — он или Билли Бонс. А разве Билли не делает все с умом? Разве этот взрыв сейчас не был им продуман раньше? Он попросту попытается поставить Джона на место, дьявол его возьми! Ну, это будет не так-то просто. Сильвер знал, что он намного хитрее Билли. А кроме того, и сильнее. Сильнее и хитрее! Именно это имело значение. Уже следует быть осторожным с первым помощником Бонсом. Раньше оба они понимали и поддерживали друг друга. Сейчас положение изменилось. Возможно, он больше не мог положиться на Билли, но и Биллу не следовало ему доверяться.

Вот так, на гребне наивысшего их успеха, приятельские отношения между Джоном Сильвером и Билли Бонсом остыли, и между ними возникло такое соперничество, которое обещало привести к непредвиденным последствиям. У Сильвера не было времени много размышлять на эту тему в Санта-Лене. Прежде всего надо было разгрузить суда с испанскими сокровищами. Только четыре

из семи транспортных кораблей были заполнены драгоценными металлами. Очевидно, испанцы предполагали доставить еще серебра и золота из внутренних частей страны, прежде чем конвой отплывет. К этому требовалось добавить содержимое склада в порту, очищенного Флинтом. И несмотря на это, добыча была потрясающей. Радостная улыбка появилась на лице Сильвера.

Вместе с золотом и серебром, уже погруженным на «Жан Кальвин», пираты захватили сто десять мешков золота, больше четырехсот мешков серебра, пятьдесят три сумки чеканной монеты. Кроме того, было две корзины драгоценных камней, усыпанного драгоценными камнями и окованного серебром оружия и всякая другая добыча со склада. Никто из пиратов не допускал, что существует такое богатство, а тем более что оно может быть собрано в одном месте и при этом принадлежало им.

Нелегко было загрузить все на борт «Моржа». Даже могучие пираты, вроде О'Брайена, едва носили по два мешка серебра. Наконец сокровища загрузили, но Билли Бонс пропустил прилив, потому что последние сундуки были убраны в трюмы через два-три часа после захода солнца.

Между тем Флинт протрезвел и начал бродить

по кораблю, приписывая себе успех набега; он рассказывал всякому, кто готов был его слушать, рассказы о своей храбрости и присутствии духа. Большинство пиратов, вымотавшихся за день, спали непробудным сном, не обращая никакого внимания на байки Флинта.

Незадолго до рассвета Сильвер послал Пью и Израэля Хендса привести людей из форта. Получасом позже пираты явились и разразились радостными криками, завидя добычу в трюмах «Моржа».

На заре, когда «Морж» по высокой воде вышел из порта, развалины Санта-Лены еще тлели в полумраке. С обычной своей маневренностью корабль обогнул песчаную косу с укреплением и быстро вышел в открытое море. Двадцатью минутами позже и французский корабль отошел от причала. Пираты договорились, что оба судна будут идти друг за другом, пока не достигнут подходящего места, где можно бросить якоря и разделить сокровища.

Хотел ли французский капитан попытаться уйти от Флинта, выйдя в открытое море, никто никогда не узнает, потому что в тот момент, когда «Жан Кальвин» проходил мимо форта, два из тамошних орудий открыли по нему огонь.

Очевидно, Израэль Хендс пропустил их, взрывая все испанские орудия, прежде чем оставить форт. Возможно, тут сыграл роль открытый испанский склад с припасами, потому что пираты, оставленные в форте, скоро начали пировать и выпили все вино, которое нашли в складе.

Как бы там ни было, испанские артиллеристы успели дать несколько залпов по тяжело нагруженному и неповоротливому французскому кораблю. Впервые с момента захвата форта и губернаторского дворца испанцы вновь начали борьбу, и стрельба их была особенно точной, потому что они просто стреляли в упор. В первую же минуту «Жан Кальвин» потерял бизань-мачту, и вскоре после этого рея главного топселя с треском рухнула на палубу. Чудом французский пират медленно и с огромным усилием успел оттянуться от укрепления, удирая, как больной лондонский нищий, пытающийся скрыться от уличных мальчишек, преследующих его и швыряющих в него камнями.

Едва «Жан Кальвин» оторвался, Флинт послал Бонса и Сильвера в большой шлюпке с «Моржа» установить, насколько пострадал французский корабль. Сильвер едва ступал по окровавленной и покрытой трупами палубе. Мертвые и уми-

рающие пираты были свалены ужасной кучей. Французский капитан испустил дух вскоре после того, как Бонс и Сильвер поднялись на борт «Жана Кальвина»; больше половины моряков были перебиты или утонули. Уцелевшие пираты воздвигали аварийную мачту на месте рухнувшей бизани, а другие отчаянно работали на помпе, откачивая воду, хлынувшую через две пробоины ниже ватерлинии.

Сильвер сразу приказал шести морякам, прибывшим с ними на французский корабль, начать откачивать воду из трюма.

Через некоторое время Билли Бонс отвел Сильвера в сторону:

— Окорок, так это дело не может продолжаться, — сказал он. — Предлагаю захватить эту посудину. Если не сумеем, добыча пойдет на дно еще до темноты.

— А что скажут на это французы, Билли? Поклонятся и с улыбкой промолвят: «Merci beaucoup, капитан Флинт», так, что ли?

Бонс нахмурился.

— Да я бы их перебил, прежде чем они поймут, в чем дело. Порубать их всех — и сокровища спасены.

— Пустые слова, Билли. Кроме того, гнусное это

дело. Я бы глазом не моргнув перебил целую орду идальговцев, если бы на нас напал испанский фрегат. Но это дело мы обделали заодно с этими французами. Мне кажется, надо им помочь, а не перебить, как цыплят!

— Ну, ты само милосердие, Джон Сильвер, — язвительно ответил Бонс. — Кажется ошибкой, что ты стал джентльменом удачи, так я думаю. Тебе быть каким-нибудь ангелом. Ты хорошо знаешь, что и Флинт думает, как я.

— Что ж, Билли, в тебе, правда, много жестокости. И, хотя мы оба говорим по-английски, нам трудно договориться, потому что ты был и остаешься янки, а у вас другие правила и привычки. Но уж раз вспомнили Флинта, то ты мне напомнил наш долг перед ним. Пойдем потолкуем с капитаном. Он разберет это дело, когда будет трезвым. Мы с тобой, как два конца, связанные узлом, и, может быть, капитан сможет нас развязать.

Оставив несколько пиратов на «Жане Кальвине» в помощь работающим на помпе, Бонс и Сильвер прогребли несколько кабельтовых до кормы «Моржа».

Флинт растерялся, когда узнал о положении на французском корабле. Поэтому он решил закрыться в своей каюте, чтобы «малость пораз-

мышлять спокойно», как он выразился. Вряд ли его размышления были, однако, спокойными, поскольку из каюты доносились страшные крики капитана, адресованные Дарби Макгроу, который, будучи немым, вообще не был в состоянии ему ответить.

Так или иначе, но затворившись с единственным человеком, которому он доверял, Флинт принял судьбоносное решение направиться на остров Кидда. Там, объяснил он, можно было подремонтировать французский корабль, если это вообще возможно, а кроме того, решить, что делать с сокровищем, погруженным в трюмы обоих кораблей.

Остров Кидда был назван по имени одного знаменитого пирата, который тут вытягивал свой корабль на берег, чтобы почистить дно, обросшее ракушками. Время от времени и Флинт приходил сюда с той же целью. Это было оторванное от мира место, отдаленное от оживленных торговых путей в Карибском море и потому весьма подходящее для пиратов убежище, в котором всегда можно было отдохнуть и укрыться. Кроме нескольких коз, животных на острове не было, только с деревьев доносились крики тропических птиц и ярко окрашенные бабочки летали

между ними. Остров зарос лесом. В подножьях холмы имели странную форму, а самый высокий назывался Подзорной Трубой. Хотя климат острова Кидда был достаточно хорошим, от болот и трясин исходило зловоние, предвещающее лихорадку и другие болезни.

«Морж» вошел в северный залив, взяв поврежденный французский корабль на буксир. После того, как осмотрели «Жан Кальвин», мнение Флинта, что того следовало просто вытащить на берег и оставить гнить, подтвердилось. Но перед этим с него сняли все сколько-нибудь ценное, вместе с добычей, а затем оставили на берегу. Затем разгрузили «Морж», которого решили вытянуть на берег и очистить дно, а сокровища Санта-Лены были заботливо разобраны и рассортированы на кучи золотых слитков, серебряных слитков и монет. Было также и много оружия, часть которого была искусно разукрашена и покрыта драгоценными камнями.

Пока пираты были заняты очисткой дна «Моржа» от ракушек и водорослей, Сильвер отвел Флинта в сторону.

— Капитан, — сказал он, — положение аховое, только такой дока, как ты, сможет разобраться, честное слово. Если загрузить «Морж» всей добы-

чей вместе с золотом от «Жана Кальвина», при первой же буре корабль развалится. Настолько он перегружен. «Морж» будет таким тяжелым, что испанцы его нагонят даже на обыкновенной лодке.

— Вот, — мрачно ответил Флинт, — еще повод, чтобы разгрузить «Морж», выкинув этих проклятых французов в море, а затем поделив и их долю сокровища.

— Будем справедливыми, капитан, — сказал Джон, — это они привели нас в Санта-Лену, и многих из них уже нет. Даже их капитан был убит при обстреле из форта, как знаешь. Я бы предложил кое-что другое: давай зароем большую часть сокровищ здесь и, вернувшись с двумя-тремя крепкими судами, спокойно перевезем их домой.

— Ага, — ответил Флинт, — и конечно, ты будешь знать, где оно зарыто. Ничего удивительного, ты ведь готовишься стать капитаном после меня.

Сильвер напряг все силы, чтобы скрыть раздражение, и наконец безразлично произнес:

— Нисколько, капитан. Я действительно не хочу этого. Вполне естественно, зарывать сокровище будешь ты, может быть пять-шесть душ тебе помогут. Давай вечером предложим

людям тянуть жребий, кому тебя сопровождать. Но сначала с твоего разрешения я спрошу ребят, согласны ли они.

Итак, в тот вечер, когда пираты ужинали возле костров и с аппетитом ели жареное козье мясо, запивая глотками рома, Сильвер обратился к ним.

Он превзошел самого себя. Такую зажигательную речь можно услышать разве что из уст проповедника или верховного судьи. И хотя многие пираты, подстрекаемые Джорджем Мерри, который из-за пары пенсов мог удушить собственную мать, вначале решительно не хотели даже на время расстаться с сокровищами, но и они не устояли перед красноречием Долговязого Джона Сильвера. Особенно убедительным был конец его речи:

— Парни, я горжусь вами, — воскликнул он. — Капитан, да хранит его Бог, и тот гордится вами. Не хочу видеть вас подвешенными за руки в какой-нибудь камере пыток, чтобы это время черные дьяволы в рясах отрезали вам срамные части! Даже и тебе, Джордж Мерри, это бы не понравилось. Нет! То, что нам нужно, так это забрать добычу невредимой, даже если для этого необходимо больше времени. И таким образом у вас будет достаточно денег, чтобы разъезжать по

Гайд-парку в каретах или жить на Мадагаскаре, как турецкие султаны с десятком жен. Парни, поймите, другого выхода нет!

И на том он начал голосование. Большинство пиратов согласились с доводами Сильвера и принялись тянуть жребий, чтобы участвовать в опасной задаче помочь Флинту зарыть сокровища.

Наконец шестеро вытянули жребий, хотя и не были совсем уверены, что им сильно повезло. Между тем два десятка пиратов, возглавляемых Сильвером, сложили слитки золота, почти половину серебра, сумы с пиастрами и самое дорогое оружие в крепкие сундуки. Остальное серебро было упаковано, чтобы сложить в трюмы «Моржа».

Пью долго глядел на сундуки — они представляли собой богатство стоимостью около семисот тысяч фунтов.

На рассвете загрузили сундуки в две большие шлюпки «Моржа». Тяжело груженные, те осели настолько глубоко, что в любой миг самое легкое волнение могло их потопить. После этого моряки, выбранные зарыть сокровище, отгребли от берега, причем Флинт был на руле одной лодки, а высокий и веселый рыжий моряк по имени Аллардайс — на руле другой. Лодки уже отпра-

вились в путь, когда Сильвер резко повернулся к остальным пиратам, устремившим к нему взгляды:

— Ну, ребята, — заговорил он с притворным благорасположением и доверием, — теперь все в руках Флинта. Судьба наша в его руках. Ну-ка, сейчас починим «Морж», хорошо его почистим и спустим обратно на воду. Потом загрузим оставшуюся часть сокровища на корабль, все приготовим к отплытию, пока Флинт и другие не вернулись. Ну-ка, поживее. Не пройдет и шести месяцев, как мы вернемся и выроем сокровища.

24. ПОТЕРЯ «МОРЖА»

После того, как Флинт со своими людьми ушел зарывать сокровища, пираты закончили подготовку к отплытию и проводили время, развалившись в блаженном безделии на палубе «Моржа» или бродя в лесу.

Сильвер, не предаваясь ни безделью, ни пьянству, несколько раз сходил все же на берег, стараясь далеко не отходить от места стоянки «Моржа» — боялся, что Флинт вернется и отплывет, не дожидаясь его. Однажды он осмотрел воздвигнутый лет двадцать тому назад людьми Кидда деревянный форт. Как укрепление, так и частокол, окружавший его, были еще в хорошем состоянии. В другой раз, в компании с Джобом Андерсоном и почтительно державшимся Беном Ганном, которого он взял носить мушкет и еду, дошел до вершины Подзорной Трубы. Оттуда Джон мог видеть на юг до мыса Холбоулайн и холма Бизань-мачты и на юго-восток до острова Скелета.

Но мысли о Флинте и сокровищах никогда не оставляли его. Не родился еще тот дурак, который бы доверился Флинту и шайке пиратов, един-

ственных, знавших место, где зарыт клад. Но все же Флинт был не один — это давало некоторую гарантию от коварной измены — вряд ли все они могли сговориться обмануть других. С другой стороны, однако, награда за такую измену была огромна — более семисот тысяч фунтов — и могла бы ввести в соблазн самого архиепископа Кентерберийского.

Сильвер понимал, что и другие пираты таили в себе те же мысли. Билли Бонс наливался ромом намного больше обычного и непрестанно горланил «Пятнадцать человек на сундук мертвеца», а всполошенные попугаи разлетались, издавая тревожные крики. Израэль Хендс все время вслушивался в плеск волн, пытаясь различить звуки, издаваемые веслами при гребле, а Пью то и дело ломал от беспокойства свои длинные белые пальцы.

Миновало пять дней, и в десять утра шестого на палубе «Моржа» началась суматоха.

К кораблю шла маленькая лодка. Скоро пираты увидели, что в ней был только один, неуклюже управлявшийся с веслами человек; никого другого не было видно.

Все напрягали глаза, пытаясь разглядеть гребца, что было трудно из-за слепящего солнца.

Вдруг Пью вскрикнул:

— Боже праведный, да это Флинт!

— А где другие? — спросил Билли Бонс. Он тяжело оперся о релинг и наклонился, как бы для того, чтобы увидеть пропавших пиратов.

— Ну, в скором времени мы это выясним, — мрачно заметил Сильвер. Он обернулся к Бонсу:

— Билли, ты не знаешь, если ли у Флинта карта этого острова? И если есть, то где она?

— Насколько я знаю, нет, — ответил Бонс. — Все у него в голове.

— В таком случае эту голову надо беречь, — промолвил Долговязый Джон.

Тем временем Флинт подвел лодку к «Моржу». Привязал ее концом, сброшенным сверху Черным Псом, и с трудом поднялся на палубу.

Когда Флинт появился, шатаясь, на палубе в испачканных панталонах, разодранной рубашке и с окровавленной повязкой вокруг головы, пираты угрожающе обступили его.

Джон Сильвер глубоко затянулся, и дым из трубки поплыл прямо к качающейся перед ним фигуре, походившей на грешную душу, только что сбежавшую из самого ада.

— Ну, — начал Джон дружелюбно, словно бы спрашивая, сколько времени,

— а где остальные ребята, капитан?

Флинт взглянул на него налитыми кровью глазами. Испитое лицо его исказилось злобой.

— Мертвы, — прохрипел он. — Все мертвы, все до единого горят в пекле, подлые предатели!

И с этими словами, шатаясь, он проследовал к своей каюте, опираясь на Дарби Макгроу, озабоченно лопотавшим что-то.

Как и следовало ожидать, Сильвер и другие главари последовали за Макгроу. Войдя в каюту, они увидели, как Флинт рухнул на койку. Из рваной раны на голове сочилась кровь.

— Рому, Дарби, — еле слышно прошептал Флинт. — Дай мне рому. И в тот же миг потерял сознание.

Бонс с руганью захлопнул двери каюты перед пиратами, столпившимися поглазеть на капитана.

— Ну, парни, — сказал он, — не развеял же Флинт все доллары по ветру. Этот остров слишком велик. Если капитан отдаст концы, все кончено. Как мы найдем, где все спрятано?

— Спокойно, Билли, — сказал Джон Сильвер. — Во всем нужен порядок. Служба есть служба. Израэль, покличь этого балбеса американского лекаря, который думает, что много знает. Надо

думать, он отыщет какое-нибудь латинское словечко, составит снадобье, а то и пустит Флинту кровь, самую малость, разумеется. Бонс, выйди на палубу и прикажи этим ублюдкам заткнуться. Скажи им, что капитан уже оправился. Выдай им дополнительную чарку рома, ты знаешь, как это наладить.

Андерсон неторопливо повернулся, чтобы выйти из каюты.

— Слушай, Джоб, — крикнул Сильвер ему вслед, — если Джордж Мерри или кто другой начнет болтать об измене, предложи им изложить все мне или Гейбу. Уверен, что это заставит их заткнуться.

— Ты прав, Окорок, — ответил Андерсон, — но Флинт еще не оправился. А может и умереть.

— Джоб, — сказал Сильвер, — наше с Билли дело — думать, твое — орать и ругаться. Давай, принимайся за работу.

После того, как Андерсон вышел из каюты, Сильвер обратился к остальным главарям:

— Лучше всего покинуть остров Кидда и отправиться на Нью-Провиденс. Здесь еще прольется кровь и ребята поднимут бунт. Пока что, мне думается, мы владеем положением. Надо поднять якоря. Сейчас прилив и попутный ветер. Мы с

Билли останемся приглядеть за стариной Флинтом и за тем, как его лечат, храни его Господь.

Пью, Израэль, Черный Пес, Том Морган и остальные главари, однако, не тронулись с места. Разъяренный, что с ним бывало редко, Сильвер набросился на них:

— Вон отсюда, идиоты этакие! Иначе я сейчас погляжу, какого цвета ваши внутренности! — заорал он. Когда все, толкаясь, выскочили на палубу, он нагнулся, чтобы рассмотреть вблизи рану Флинта. Дарби уже обтер кровь чистой тряпицей, и глаза его наполнились слезами. Сильвер выпрямился и почесал затылок.

— Билли, — сказал он, — надо заставить Флинта выложить, где зарыто сокровище. Тебе случалось чертить карты. Набросай план острова и, когда капитан придет в сознание, пусть обозначит место крестом на карте, так что мы с тобой будем знать, где оно.

В этот момент в каюту изящной походкой вошел американский хирург Адамс, неся с собой повязки, тазики, скальпели и другие инструменты. Долговязый Джон, внимательно за всем наблюдавший, кивнул Бонсу, когда «Морж» начал покачиваться, — признак того, что корабль уже в открытом море.

Плаванье к Нью-Провиденсу оказалось для Джона Сильвера сущим кошмаром. Флинт то бесновался и сыпал ругательствами, то на целые дни впадал в беспамятство. Как ни пытался Джон, он не сумел заставить больного сосредоточиться настолько, чтобы тот смог обозначить место, где было зарыто сокровище. Впрочем, Флинт ни при каких обстоятельствах не открыл бы так просто эту тайну Сильверу. Пираты, в свою очередь, были очень неспокойны и подозревали всех и вся в предательстве. Приказы исполняли неохотно и на работу глядели сквозь пальцы. Они в открытую говорили, что тут что-то неладно, что их хотят лишить законной их доли испанского сокровища, зарытого на острове Кидда. Хотя Билли Бонс и напоминал им об огромной добыче и полных мешках золота и серебра в трюмах, они продолжали выражать недовольство.

И ничего удивительного в том, что испанцы застали пиратский корабль врасплох. «Морж», огибавший рифы близ Флориды менее чем в двухстах пятидесяти милях от Нью-Провиденса, дерзко поднял «Веселый Роджер». Сильвер находился в каюте Флинта, пытаясь исторгнуть из него хоть какое-то осмысленное слово. С тех пор как пираты покинули остров Кидда, он прово-

дил долгие часы в бесплодных попытках узнать тайну Флинта, и, может быть, это и стало первопричиной ослабления дисциплины на корабле.

Так или иначе, но наблюдатели не были поставлены, а все свободные от вахты пираты дремали или играли в кости по палубам.

Из-за этого опасность заметил первым рулевой, когда испанец был уже довольно близко. Он резко завертел штурвал, отчего «Морж» сильно свернул вправо, и закричал:

— Испанский галеон по левому борту!

Сильвер, услышав тревожный крик, внезапно отпустил руку Флинта. Костяшки пальцев больного застучали по полу каюты. В тот же миг Джон очутился на палубе. Билли Бонс уже впился глазом в подзорную трубу.

— Только бы не тяжело вооруженный галеон, Билли, — молвил Джон.

— Последнее время в Карибском море испанцы заменяют их на более быстрые фрегаты, но с теми нам еще можно потягаться, даже несмотря на добычу в трюме, если, конечно, иметь везение и умело маневрировать.

Бонс выругался:

— Вооружен до зубов! Две орудийных палубы, черти бы его взяли. По сорок орудий с каждого

борта.

Израэль Хендс приблизился, мотая своей большой круглой головой, как будто надеясь, что ром вытечет у него из ушей. До него донеслись последние слова Бонса.

— Сорок орудий! — сказал он, трезвея на глазах. — Да он нас просто сдует с воды, ей-богу, прямо так и сделает!

Джон Сильвер схватил его за правое ухо:

— Мне твои присказки без надобности, Израэль! Пусть твоя башка переполнена ромом, это меня не волнует. Продери глаза, полей голову холодной водой и лучше целься. Ну, пошел вниз, живо!

Куда направлялся галеон? Он изменил курс и пошел на сближение. То ли из-за огромной его парусности, то ли из-за благоприятного ветра, но расстояние между кораблями непрерывно уменьшалось.

Пью нервно облизал губы.

— Все пропало, — сказал он Сильверу, и впервые в его голосе слышно было что-то вроде робости. — Как будто громадное облако затеняет солнце. Для нас все кончено, Джон.

С орудийной палубы грохнул одиночный выстрел.

— Явно это Израэль пристреливает дальнобойное орудие, — мрачно заметил Бонс. — Как будто в этом есть смысл.

Выстрелы следовали один за другим, но галеон оставался невредимым.

— Подождем сближения, тогда попадет, — спокойно сказал Сильвер и тут же заорал пиратам на палубе: — Парни, готовьте тесаки, сейчас мы сойдемся с этими идальговцами, и будет славная сеча, ей-богу!

Галеон поравнялся с «Моржом», орудийные порты его угрожающе зияли.

— Почему не стреляют?! — пронзительно закричал Пью.

Как бы в ответ на его вопрос, орудия «Моржа» издали нестройный бортовой залп, и почти одновременно с этим галеон повернулся правым бортом к нему. Сорок маленьких облачков дыма взвились от него, и через несколько секунд всесокрушающая сила залпа обрушилась на пиратов.

Дым окутал оба корабля. К испанцу доносились от «Моржа» треск, грохот и истошные вопли раненых и умирающих.

Когда дым рассеялся, палубы стали походить на решето, а по правому борту над ватерлинией зияло большое отверстие.

С окровавленным лицом, словно получив удар саблей по щеке, Билли Бонс твердо держал в руках штурвал, а вахтенный рулевой в предсмертной агонии извивался у него под ногами.

Слева от него роковое ядро оторвало часть релинга, разнесло в щепки участок палубы и унеслось дальше в море, но по пути поразило как Джона Сильвера, так и Пью.

Сильвер валялся в луже крови без сознания: левую ногу его раздробило у самого таза, и держалась она только кожей да обрывками раскромсанных панталон. В двух ярдах от него стонал и ругался плачущим голосом Пью: из-под ладоней, закрывавших теперь уже пустые глазницы, сочилась кровь.

По всей палубе валялись раненые и убитые картечью и ядрами, разметавшими их, как кегли. Вне всякого сомнения, второго залпа «Морж» бы не выдержал и тайна острова Кидда могла исчезнуть навеки в пучинах моря, но по случайности, поистине чудесной, дело приняло иной оборот. Как бы тяжело ни пострадал экипаж Флинта, такелаж, паруса и мачты «Моржа» остались почти непо-врежденными, в то время как залп Израэля Хендса снес испанскому галеону бушприт и фок-мачту. Из-за этого испанец хотя и сохранил

способность к управлению, резко сбавил ход и стал отставать от пиратов.

Билли Бонс подгонял и ободрял уцелевших моряков, и расстояние между судами постепенно увеличивалось к ярости испанского капитана, чья законная добыча и заслуженная награда ускользали прямо из рук.

Спустя четыре часа «Морж» сумел оторваться от потерявшего мачту испанского галеона на безопасное расстояние. Все это время Билли Бонс стоял на месте рулевого и его суровое смуглое лицо не меняло невозмутимо спокойного выражения, как если бы он был изваянной из дуба фигурой на носу корабля. Билли и так-то нечасто смеялся, а теперь совсем не имел оснований веселиться, направляя «Морж» на восток к Нью-Провиденс. Около ста пиратов были убиты или немногим отличались от убитых; многие были серьезно изувечены, как Сильвер и Пью. Лишь две-три дюжины моряков могли держаться на ногах, чего явно не хватало для далекого и опасного перехода.

Израэль Хендс выполз из орудийной палубы невредимым. Время от времени он подходил к Бонсу и докладывал дополнительные подробности о потерях и повреждениях «Моржа». Так,

оказалось, что Джоб Андерсон и Том Морган не больно-то пострадали, а Черный Пес, у которого картечью оторвало два пальца на руке, также мог работать, хотя непрерывно хныкал и оплакивал свою потерю. Из прочих Джордж Мерри, хотя и слегка контуженный, не переставал ссориться и задираться со всеми, а О'Брайен, Дерк Кемпбелл и Бен Ганн остались полностью невредимы, хотя последний стал более нервным и время от времени, что совсем необъяснимо, говорил только о сыре.

Бонс выругался, когда ему доложили о положении корабля.

— Вот тебе и на! И землетрясение я пережил, и желтую лихорадку, и на каторге даже побывал, — сказал он, прищелкнув пальцами, — и так близок оказался к моменту, когда смогу наконец зажить, как лорд-канцлер, а вот теперь не знаю, доползем ли мы до Нью-Провиденс.

— Ну, Билли, я исполню свой долг, — отозвался Израэль Хендс.

— Как канонир, не сомневаюсь, ты сделаешь все, Израэль, — возразил Бонс, — но не как моряк. Флинт, когда не в обмороке, вопит и поет на корме, как помешанный; Пью потерял иллюминаторы, а Окорок останется одноногим,

если выживет, в чем я сомневаюсь. Ну, по моему разумению, я теперь капитаном стал, хотя неизвестно, кто и когда меня на этот пост выбирал.

Израэль немедленно откликнулся:

— Никто на борту не против тебя, Билли.

— Да, — отвечал Бонс, — может быть, никто и не против. Хотя бы сейчас, поскольку Долговязый Джон остался при одной ноге.

Он прищурил глаза и взглянул вперед:

— Знаешь, Израэль, с тех пор как мы ушли из Санта-Лены, я и глотка рома не сделал, а ведь он меня, ей-богу, бодрит и голову просветляет. Да, что это там за корабли какие-то по правому борту?

Израэль неуклюже полез по вантам бизань-мачты и поглядел на горизонт.

— А ты, Билли, их, должно быть, просто почуял! Два судна вдалеке, точно так. Но они не кажутся опасными.

— Приятель, у нас всего-навсего две дюжины тех, кто может взяться за дело. Этого не хватит, чтобы убрать паруса, если ударит шквал, не говорю уже о стрельбе из орудий, коли надо будет. Так что запомни, каждое судно на горизонте — враг, и враг опасный. Эти суда лежат как раз на пути к Нью-Провиденс, но я пока еще не спятил и не

дам себя догнать! Плясать я и в молодые годы не был большим охотником, а уж на рее тем более. Меняем курс. Через час стемнеет, и тогда пусть ищут нас по всему морю, коли охота.

— Вернуться ведь не сможем, Билли. Ветер неблаго-приятный. Куда думаешь податься?

— А к Саванне, приятель. Пойдем прямо на север. Путь подольше, но зато безопасный.

И Бонс начал менять курс корабля, отдавая приказы горсточке пиратов на палубе.

Пока «Морж» уносился во мраке на север, американец-хирург Адамс продолжал лихорадочно перевязывать сгрудившихся в кубрике раненых. Помещение превратилось в сущий ад от стонов измученных дикой болью людей, то и дело валившихся друг на друга, не в силах удержаться на месте из-за качки. То, что Адамс сумел сделать, было истинным чудом, говорю это вам, как врач, потому что работать ему пришлось в жарком и душном кубрике при мигающем свете фонаря, а пациентов с серьезными ранениями было у него больше сотни. До того дня пираты насмехались над мистером Адамсом, делая предметом насмешки учтивые его манеры, преследуя его кличкой «дамочка» или «барышня» — с этой ночи никто из экипажа Флинта и не помыслил бы о подоб-

ном. Адамс скорее походил тогда на мясника, чем на образованного джентльмена: фартук его лоснился от крови, а с пил и скальпелей то и дело срывались красные капли.

Хирург счел Черного Пса раненым достаточно легко, чтобы держаться на ногах и выполнять мелкие поручения, а потому, невзирая на протесты последнего, назначил его своим ассистентом. В ушах каждого слово «ассистент» звучало очень важно, но работа была не из приятных, потому что Черному Псу пришлось извлекать щепки и картечины из раненых конечностей и зашивать зияющие раны грубой сапожной дратвой.

Пью был среди первых, о чьих ранах позаботились: Черный Пес боязливо промыл изрезанный лоб Гейба и смазал целебным бальзамом пустые его глазницы. Затем перевязали ему глаза куском материи от разорванной синей рубашки и положили в угол кубрика, где несчастный оплакивал свою потерю, проклиная все на свете, жалобно стеная и умоляя дать ему подкрепиться.

Адамс не тратил много времени на тех раненых, которые, по его мнению, сложившемуся при осмотре увечий, не имели шансов дожить до утра. Приговоренных выносили на переднюю палубу и оставляли умирать среди брызг волн и сильных

порывов ветра. Однако за жизнь других пиратов, имевших хоть малейший шанс выкарабкаться, Адамс бился, как лев.

Через несколько часов после того, как «Морж» ускользнул от испанца, Адамс занялся раненым квартирмейстером. Долговязый Джон вздрогнул, когда хирург, с сомнением покачивая головой, изучал его раздробленное бедро, пробудив страдальца от лихорадочного сна, до сих пор притуплявшего боль.

Наклоняясь над потным лицом Сильвера, Адамс изысканно обратился к нему тонким голосом, в котором явственно проступал новоанглийский акцент:

— Мистер Сильвер, я твердо убежден, что вам необходимо ампутировать ногу возле таза.

Джон покачал своей большой русой головой:

— Отрезать мне ногу? Боже мой, покарай гневом своим и не оставь в живых человека, который сделал бы это! Не желаю я быть одноногим попрошайкой, христа ради выклянчивающим у прохожих фартинг на краюху хлеба. Пошел-ка ты, коновал, к дьяволу! Может быть, я оправлюсь. Знаю вас, лекарей, засыпаете человека латынью, как римские попы! И ведь хлебом вас не корми, дай только искромсать на куски того или иного

славного моряка, чтобы посмотреть, что у него внутри, а как отправите на кладбище сотню-другую славных малых — ну, книжки себе строчить, и ведь опять на вашей проклятой латыни!

Хирург продолжил:

— Если я не отрежу вам ногу, мистер Сильвер, вы в течение недели станете трупом. Ваша бедренная кость разбита на мелкие осколки, а кроме того, вы потеряли много крови. Мне чуется уже запах гниения. Видели ли вы когда-нибудь гангрену, мистер Сильвер? В Бостоне я однажды вычистил два с половиной фунта червей из раны одного старого негодника, который тоже считал, что разбирается в этом деле лучше лекарей. Не больно-то приятно было смотреть, как он умирал. Ну, мистер Сильвер, времени у нас с вами для разговоров нет. Жизнь или смерть, выбирайте сами, да без раздумий!

Сильвер взглянул на него налитыми кровью глазами:

— Режь, Адамс, да поскорее. Не думал я, что ты можешь быть таким оратором, разрази тебя гром!

Четыре человека еле уместили огромное тело Джона Сильвера на окровавленную доску, поставленную на козлы и служившую операционным

столом. Оказалось, хирург не больно-то церемонился, когда проводил ампутации. Сильвера положили на спину и крепко связали сложенным вдвое кожаным ремнем. Черный Пес с опаской взялся за его плечи, чтобы прижать к доске, и Адамс принялся за дело. Бедро Джона было так раздроблено, что хирург почти не прибегал к пиле. Главной его работой было срезать разорванные мускулы и кожу как можно скорее, не допуская нового кровотечения.

Храбрым человеком был Джон Сильвер, но никогда не потребовалось ему столько мужества, как в миг, когда он ощутил боль от острия скальпеля, разрезавшего ногу, — он мотал головой во все стороны, сжимал огромные свои кулаки с такой силой, что ногти глубоко врезались в ладони, но не издал ни звука. И все же, когда оставшуюся культю залили для дезинфекции кипящим маслом, он не выдержал. Тогда, казалось, вся палуба над ним задрожала от нечеловеческого вопля. Адамс, торжествующе улыбнувшись, обернулся к Черному Псу, готовому грохнуться в обморок:

— Ну, мистер Пес, кто способен так кричать, непременно поправится. Если хватает сил для такого вопля, есть надежда на выздоровление.

Так Джон Сильвер потерял ногу. Надо добавить,

что он едва не умер, несмотря на умело проведенную и своевременную операцию, потому что почти сразу после ампутации его скрутила лихорадка, скорее всего, малярия, от которой он дрожал так, что даже зубы стучали. Черный Пес присматривал за ним, как мог, удерживал на койке его бьющееся в приступах огромное тело, отирал платком пламенеющее потное лицо и вливал в глотку солидную порцию рома, если удавалась такая возможность, когда Адамса не было поблизости.

Каких страшных событий и преступлений можно было избежать, если бы Джон Сильвер умер тогда на «Морже»! Несомненно, многие достойные люди остались бы живы и по сей день. Впрочем, пути Господни неисповедимы, они почили, оплаканные своими близкими и друзьями, а гнусные негодяи живут, как и раньше, припеваючи и измываются над порядочными людьми. Впрочем, не мне судить о намерениях Господа.

Как бы там ни было, Джон Сильвер не умер, хотя несколько недель провел между жизнью и смертью и был так слаб, что едва сознавал, где находится.

Пока Сильвер боролся со смертью, Билли Бонс привел «Морж» в Саванну, недавно построен-

ное поселение в Джорджии. Решение это было удачным и хорошо обдуманным, так как некогда Флинт успел завоевать благосклонность губернатора, чванливого мошенника по имени Бондхед, выделив ему часть добычи, взятой при нападении на берега Флориды. Словом, «Морж» дополз до Саванны, и Билли сошел на берег, прихватив с собой сундук серебра для Бондхеда. Благодаря этому «Моржу» разрешили спустить якоря близ Саванны и благородный губернатор, всегда готовый к взятке, даже если это било по расчетам его повелителя короля Георга II, снизошел до того, что послал на борт своего личного врача.

В течение трех недель «Морж» стоял на якорях близ Саванны и походил более на плавучую лечебницу. В это время большинство здоровых и оправившихся от ранений пиратов исчезло, поступив на другие суда, либо пытая счастья в самой Саванне; кто был малость поумнее других, взял себе мешок-другой серебра, чтобы облегчить себе жизнь на первых порах.

И Флинт, как говорится, тоже пустился в дальний путь: однажды вечером он испустил дух, предварительно разразившись такой руганью, какая встряхнула бы покойника, а Билли Бонс был с ним, когда злодей отправился в ад. Несо-

мненно, именно тогда Билли узнал место, где зарыто сокровище на острове Кидда, потому что, едва прикрыв глаза Флинта медяками и позвав Тома Моргана в свидетели, произнеся краткую заупокойную молитву, он взял из трюма немалую долю добычи и исчез.

На следующий день, едва услышав о бегстве Бонса, Джон Сильвер пришел в себя, сел в койке в своей каюте на юте и подробно расспросил Тома Моргана о случившемся.

— Видел я Флинта мертвым, собственными глазами его видел, Джон, — говорил ему Морган. — Билли подвел меня к нему, лежал в койке, вот как ты.

— Том, а где Билли сейчас? Ты подумай. Никто тебя не торопит. Мне, знаешь, просто приятно слушать, как ты выдавливаешь слова одно за другим. Звучит просто как музыка, честное слово.

Морган смущенно ответил:

— Билли не сказал, куда поедет, Джон, уж ты извини, не знаю. Он просто встал и крикнул: «Поднимаю якоря, приятель. Передай Окороку, как оживет, что я его славно переиграл. Имею карту (а может быть, картинку какую-нибудь, черт его знает, что сказать хотел своими мудреными словами). Он (ты, значит) знает, что это

значит». Вот так и сказал слово в слово.

Сильвер совсем выпрямился в койке.

— «Он знает, что это значит», негодяй этакий! — взревел он. — Да, действительно, знаю, что он сказал. Заставил Флинта выдать ему, где зарыт клад! Значит, он все обозначил на карте. Боже праведный, что за судьбу ты мне послал лежать искалеченным! Кабы не это, разве посмел бы Билли, этот изменник, так подло поступить! — он замолчал на миг, переводя дыхание. Затем спокойно добавил: — Том, приятель, ты настолько благоразумен, что никогда не утруждаешь свою голову размышлениями, но руки твои — чистое золото, особенно когда работаешь по дереву. Сделай-ка мне костыль, да такой, чтобы сделал честь любому джентльмену удачи, чтобы каждый, кто глянет на него, сразу пожелал бы лишиться ноги и получить такой. Приведи ко мне Гейба, Пью, Черного Пса и всех остальных, кто еще не поднял якоря. Скажи им, что я оправился от малярии, что скоро начну выходить. А ты, Билли, подлый предатель, берегись, потому что я тебя отыщу, даже если придется обскакать весь свет на одной ноге!

На следующее утро Сильвер принял командование остатками экипажа Флинта и принялся наводить на борту порядок, на удивление быстро

наловчившись пользоваться новым костылем. При первом же удобном случае он продал «Морж» алчному местному торговцу по имени Оглторп и разделил деньги и остатки добычи между пиратами. Затем, имея в карманах почти две тысячи фунтов, он поступил коком на сторожевой корабль с Ямайки, выговорив право бесплатного проезда на нем для Гейба Пью, которого не хотел оставить в беде.

Сильвер уже обдумал дальнейшие планы. Сначала он заберет Аннет с сыновьями с Ямайки. Всей семьей приедут в Англию, и там он остановится в какой-нибудь уютной гавани, вложит свои деньги в выгодное дело и наймет себе дом, а то, возможно, остановится и в Бристоле, потому что, скорее всего, все знавшие его давно умерли или разъехались. Там, вынюхивая и подслушивая, он откроет место, где скрывается Билли Бонс. А может быть, рано или поздно и сам Билли появится в Бристоле, ведь многие бывшие моряки приезжают туда, хотя бы на время. Лучше всего будет открыть трактир возле порта. Это самый надежный наблюдательный пункт, куда валом валят моряки, рассказывают, только попроси, о своих похождениях, а обо всех других вообще сплетничают почище городских кумушек. Да,

решено, так он и сделает. Ну что ж, Билли Бонс, до встречи.

25. ТРАКТИР «ПОДЗОРНАЯ ТРУБА»

Несмотря на все свое коварство и жестокость, Сильвер был в своем роде замечательной личностью. Представьте себе его положение в 1754 году — еще не пожилой человек, в самом расцвете сил, он стал инвалидом на всю жизнь. Он приложил столько усилий, чтобы дать возможность пиратам Флинта завладеть испанскими сокровищами, а теперь большая часть золота и серебра была закопана в неизвестном месте на острове Кидда. Впрочем, карта, где указано было место клада, существовала, но ею завладел Билли Бонс. А куда он исчез, Билли? Вот что волновало Сильвера. Найти Билли и забрать у него добром или силой эту карту и, вернувшись на остров, получить добычу — это стало главной целью жизни Джона Сильвера.

Но он не привык спешить сломя голову. Пока что окружающие видели спокойного, даже довольного жизнью человека, а в это время ум его лихорадочно перебирал планы, как добраться до сокровища. Не раз перед глазами его всплывали картины того дня, когда он лишился ноги, а как часто с бессильной злобой Джон Сильвер вспо-

минал подлую измену и коварство Билли.

Пью, с которым они вместе возвращались в Англию, так и не сумел понять, что таилось за внешней его невозмутимостью и добродушным спокойствием.

Три с половиной недели штормов, когда волны качали и подбрасывали их судно, как щепку, на подходах к Бристолю сменились наконец спокойной погодой, и Сильвер вывел Пью на среднюю палубу подышать свежим воздухом.

Гейб Пью вертел головой, жадно вдыхая легкий ветерок, и протянул вперед и немного вверх длинную белую руку, как будто хотел подержать его в своей тонкой ладони. Пустые его глазницы были прикрыты темно-зеленым козырьком, прикрепленным к шляпе.

— Пахнет Англией, сыро и холодно, — сердито пробурчал он. Затем вновь втянул, широко раздувая ноздри, воздух и сказал: — Вот беда, Джон, не могу почуять нашего Билли. Кажется, ты напрасно вообразил, что сможешь найти его.

— Гейб, — ответил Сильвер, — за меня не беспокойся. Не сойти мне в Бристоле на берег, если я буду забивать себе голову мыслями об идиотах вроде Билли. К дьяволу Бонса. В моем сундучке на дне кое-что позвякивает, а еще малость пиастров

когда-то припрятала моя хозяйка. Нет, приятель, на берегу меня ждет привольная жизнь.

— Да черт с ней, с привольной жизнью! — злобно промолвил Пью. — Мне бы только дотянуться до Билли, уж я сверну ему шею, как цыпленку. Боже милостивый, сделай по словам моим!

— Эх, Гейб, тебе только души христианские губить. Подумай о своей, мальчик мой. Ты ведь сейчас богат, у тебя куча денег. Тысяча двести фунтов, огромные для тебя! Ты заживешь, как лорд, как депутат парламента!

Они помолчали немного, затем Сильвер продолжил:

— А представь себе, как порадуемся мы через какое-то время, встретив старого нашего приятеля Билли. Ну найдешь ли место лучше Бристоля, чтобы узнать что-нибудь о моряке? Бристоль, знаешь ли, большой город, чуть поменьше Лондона. Суда со всего света друг за другом стремятся к его причалам. Бьюсь об заклад, посиди хоть день на причале, услышишь что-нибудь о своих знакомцах по плаваниям.

— Я тоже держу пари на одну из этих новых смешных банкнот по десять фунтов, которые, как говорят, теперь в ходу, что хоть полгода сиди на причале, ни о ком ни слова толкового не

услышишь.

— Гейб, — возразил Сильвер, — пустые это слова. Не такой я человек, чтобы сходить с ума из-за Билли Бонса. Нет уж, сойду на берег, буду сытно есть и спокойно спать. И ты можешь зажить безбедно, приятель, если возьмешься за ум.

И пока судно их шло осторожно между отмелями близ устья реки Северн, постепенно приближаясь к родному его городу, раскинувшемуся среди зеленых холмов, Сильвер принялся оживленно рассказывать, что видно на берегу.

Удобно устроившись в Бристоле, Джон Сильвер осторожно навел справки о своей семье. Выяснилось, что родители его скончались несколько лет назад почти в одно время, одна из сестер погибла от черной оспы в дни эпидемии, опустошавшей тогда едва ли не целые графства, а другая вышла замуж за мелкого чиновника Ост-индской компании и живет с мужем в форте Сент-Джордж близ Мадраса. С большим облегчением Джон узнал тогда же, что, благодаря короткой своей службе под командованием капитана Хоука во время войны за австрийское наследство, он попал под королевскую амнистию за все преступления, совершенные до начала войны.

Так, успокоившись до некоторой степени, он

под своим настоящим именем купил возле порта небольшой и чистый трактир, имевший входы с дух улиц. Первое, что сделал Джон, став хозяином трактира, было переименование его в «Подзорную трубу» — несомненно, по имени холма на далеком острове Кидда, где, насколько он знал, было зарыто сокровище Флинта.

Моряки часто посещали светлый трактир с низким потолком и чисто вымытым полом, где гостеприимный и словоохотливый хозяин всегда вкусно готовил и за каких-нибудь шесть пенсов всякий голодный посетитель мог вволю поесть телячьих котлет, голубей, спаржи, молодой баранины, салата, яблочного пирога и сладостей. Особо ценилось, что здесь не добавляли в вино воду, а пивные кружки наполнялись доверху. Джон Сильвер из кожи лез, поддерживая в трактире безупречную чистоту, а в зимнее время и приятное тепло, для чего в больших количествах закупал в Сомерсете уголь, добытый дюжими нортумберлендскими шахтерами. Так, в скором времени он заслужил завидную репутацию хорошего, справедливого и работящего трактирщика, безукоризненно честного человека и активного сторонника тори на выборах. Вскоре «Подзорная труба» стала станцией по перемене коней поч-

товых дилижансов. Другими словами, бывший квартирмейстер капитана Флинта превратился в уважаемого гражданина, а трактир его стал местом, посещаемым добропорядочными людьми, которые предпочитали заведения, где хорошо обслуживают и не обманывают посетителей.

Все это служило целям Сильвера. Хотя трактир и приносил неплохие доходы, но Джон не ставил себе задачей скопить побольше денег, так как был в это время состоятельным человеком и вложил на свое имя и на имя своей жены крупные суммы в ряд новых банков, пооткрывавшихся тогда в провинциальных городах. Не деньги были ему нужны, а доброе имя и всеобщее уважение, чего он добивался с присущими ему упорством и хитростью.

Двумя годами позже положение Джона Сильвера в городе уже позволяло ему осторожно заняться своим планом — найти Билли Бонса и увенчать свою карьеру, захватив сокровища, зарытые на острове Кидда. Для этого, играя роль добродушного, вежливого и разговорчивого трактирщика, он постоянно просеивал в уме слухи и истории, приносимые в его заведение посетителями, и был начеку, чтобы не пропустить новости, которые помогли бы ему найти логово

Билли.

Вскоре его доверенные начали сновать туда-сюда по Западной Англии, рассчитывая напасть на какие-нибудь нити, ведущие к Билли Бонсу. Между тем уцелевшие моряки Флинта собрались вокруг Сильвера. Даже Пью пошел на службу к нему, чтобы подслушивать и докладывать, о чем говорят в городе.

Хотя у Гейба по возвращении из Саванны было тысяча двести фунтов, менее чем за год он стал нищим: редкий мошенник устоял бы перед искушением надуть слепого человека, каким бы свирепым тот ни выглядел. Поэтому Сильвер буквально из грязи вытащил своего старого опустившегося друга, которому пришлось бы иначе стать несчастным, хнычущим и проклинавшим весь свет попрошайкой.

Черный Пес также скитался, выполняя поручения Джона и непрерывно вынюхивая следы Билли Бонса. Время от времени появлялись Том Морган, Израэль Хендс, Джоб Андерсон, Дерк Кемпбелл и Майкл О'Брайен. Даже Джордж Мерри пользовался гостеприимством Сильвера, хотя иногда, не изменяя старой неприязни и отчасти тяготясь своей зависимостью от него, опрокидывал на пол кружку пива, во всеуслышанье

заявляя, что здесь подают просто помои.

Так Долговязый Джон Сильвер, уподобясь пауку посреди искусно и тщательно сотканной паутины, подстерегал Билли Бонса. Он терпеливо ждал в трактире «Подзорная труба», с вниманием следя за возможным появлением Билли. Шли месяцы, годы; терпение его стало иссякать. При мыслях о кладе он волновался все больше и больше, а воспоминания о коварстве Билли вызывали у него с трудом сдерживаемые приступы гнева.

Но поиски и расспросы не дали почти ничего, хотя время от времени до Сильвера долетала какая-нибудь отрывочная весть, из которой следовало, что надежда еще не потеряна. Он достоверно знал, что Билли, покинув Саванну, поселился в колонии Мериленд, а затем нанялся на судно, курсировавшее на линии Балтимор — Новая Шотландия. Затем стало известно, что Билли Бонса видели в Калькутте во время похода Роберта Клайва против бенгальского набоба и его союзников-французов в 1757 году. Далее в продолжение трех лет Сильвер не слышал больше ничего, однако осенью 1760 года боцман почтового судна из Ливерпуля клялся, что человек, отвечавший описанию Билли вплоть до шрама на щеке и всех прочих примет, ходил с ним

вторым помощником на судне, занимавшемся работорговлей в заливе Биафра.

Двумя годами позже до Сильвера долетела весть, что некоего шкипера Бонса один из лондонских судов приговорил к солидному штрафу за нарушение общественного порядка на улице в пьяном виде. Значит, сейчас, очевидно, не сумев захватить сокровища острова Кидда, Билли Бонс появился в Англии.

Через три месяца после того, как Джону Сильверу донесли об этом, Майкл О'Брайен принес радостные вести. Поздно вечером он шумно вломился в «Подзорную трубу», опрокинул свободную лавку и наступил на кота, дремавшего на уложенном плиткой полу.

Сильвер и городской глашатай находились в закопченной боковой комнате в трактире. Джон только что закончил пламенную тираду против воров и разбойников, особенно против ужасного Маклейна и его предшественника Дика Терпина, восхитившую его собеседника.

Когда ему сообщили, что О'Брайен хочет с ним говорить, Сильвер проводил глашатая из комнаты, сердечно с ним попрощался и в самых изысканных выражениях поблагодарил за нравоучительную и возвышенную беседу.

Весть, принесенная Сильверу, привела его на седьмое небо от радости: от волнения, слушая ее, он не менее десяти раз снимал свою треуголку, отирая пот со лба и вновь надевал ее. Наконец сказал:

— Ну, Майкл, я всю жизнь буду поить тебя ромом, Бог свидетель, всю жизнь! С грязными волосами, связанными в косицу, и со старым моряцким сундучком. Говоришь, он только что слез с лондонского почтового дилижанса, так? Смотри, Майкл, что мы сейчас сделаем. — И он достал карманный ножичек, вынул из ящика стола лист желтого пергамента и вырезал из него кусочек в форме круга размером в крону. — Приятель, сходи на камбуз и скажи хозяйке, чтобы дала чернильницу и очиненное перо. Скажи, мне для дела одного нужно.

Скоро О'Брайен вернулся. Сильвер взял перо и что-то написал на круглом кусочке пергамента. Затем отошел к камину, взял пальцем немного сажи, вернулся на дубовую скамью и аккуратно растер сажу на обратной стороне кружка, после чего подал его О'Брайену.

— Ступай к нашему приятелю Билли и отдай ему это. Когда увидит, сразу вспомнит, что значит черная метка.

О'Брайен наморщился, осмотрел кружок с обеих сторон и наконец сказал угрожающим голосом:

— Тут что-то написано. А что это значит? Разрази меня гром, может быть ты написал: «Билли, возьми да заколи О'Брайена». Откуда мне знать, что ты тут пишешь?

— А может быть, здесь написано: «Билли, иди и придуши епископа Йоркского» или что там еще, дурья твоя голова, — издевательски ответил Сильвер. — Майкл, ты очень много думаешь, а для твоих мозгов это вредно, смотри, помешаешься.

Разъяренный О'Брайен медленно начал подниматься, сунув руку за пазуху, но Сильвер спокойно и размеренно продолжал:

— Так или иначе, я не тот человек, который бы предал собственного посланника, приятель. Долговязый Джон не возьмет на себя лжи. Здесь написано: «До обеда» и кроме того первые буквы моего имени «Д.С.» — Джон Сильвер, совсем ясно. Но бедняга Билли сразу поймет, чем это пахнет, ей-богу. Ну, ступай! И сразу назад.

И Джон Сильвер сел, попыхивая трубкой, дожидаться возвращения О'Брайена. Никогда нам не узнать, какие горячечные мысли теснились в его мозгу, пока он сидел возле полыхавшего в

камине огня. Прошло пять минут, десять, полчаса… Сильвер вновь набил трубку, взял бронзовые щипцы, вынул из огня уголек, зажег табак и глубоко затянулся.

Минуло сорок пять минут… Пятьдесят… Целый час. Несколько запоздалых повозок и карет проехали мимо «Подзорной трубы», громыхая железными ободьями колес и цокая подковами коней по булыжнику. Но что это там? В трактире началась суматоха, к песням примешались крики, и вдруг послышались ругань и проклятья.

Дверь боковой комнаты с шумом распахнулась. На пороге возникла фигура Черного Пса. Припухшее его лицо было искажено страхом. Задыхающийся О'Брайен навалился ему на плечо. Камзол его был разодран, а рубашка покраснела от крови.

Сильвер, опираясь на костыль, вскочил со стула, когда Черный Пес отпустил О'Брайена и тот повалился на пол головой вперед.

Джон едва сумел вымолвить:

— Ну, как с тем делом, олух?

О'Брайен попытался поднять голову и страдальчески взглянул на Долговязого Джона, стоящего над ним: на противоположной стене виднелась его огромная трепещущая тень. Майкл прерыви-

сто заговорил:

— Видел Билли в его комнате… Говорили… совсем по-приятельски. Потом дал ему… черную метку… И, господи боже, он выхватил… саблю и ударил меня… по левому плечу… И сразу все стемнело… как в гробу, боже праведный!

Медленно, преодолевая приступ ярости, Сильвер промолвил:

— Там тебе самое место, черт бы тебя побрал! Идиот несчастный! Упустил ведь, упустил его. Тебе бы череп пробить вот этим костылем!

При этих словах О'Брайен застонал и повернулся на левый бок, охватив голову руками. Не обращая внимания на эти стоны, Джон Сильвер добавил:

— И когда ты пришел в себя, он уже смылся, так? Да? Дьявол тебя побери!

Майкл только простонал с пола в знак подтверждения.

Долговязый Джон повернулся и, сильно толкнув плечом Черного Пса и Джоба Андерсона, бывших немыми свидетелями этой сцены, вышел в коридор и начал спускаться по лестнице медленно и устало, как старик.

Сильвер пришел в полное отчаянье от бегства Билли Бонса из трактира «Звезда и якорь» в но-

ябре 1763 года. В продолжение двух недель он просто замкнулся в себе, а когда открывал рот, то был груб и язвителен со всеми. Его охватила апатия, и почти все время он проводил, задумчиво сидя в углу кухни, едва замечая, что происходит вокруг. Пить он стал больше, чем когда бы то ни было раньше, но алкоголь не бодрил, а только усиливал его меланхолию.

Прошли месяцы. Джон Сильвер все сидел на своем стуле с высокой спинкой, а о Билли Бонсе по-прежнему не было никаких вестей. И если бы не новости, которые Черный Пес принес ему зимой 1764 года, кто знает, как развернулись бы события дальше, имел бы возможность уважаемый читатель ознакомиться с судовым журналом «Эспаньолы».

По словам Черного Пса, один его дружок из Плимута слышал рассказы о каком-то пожилом шкипере, поселившемся в одиноком постоялом дворе на южном берегу Девона. Рассказывали, этот старый негодник очень любил пить ром и, когда бывал совсем пьян (а это случалось с ним часто), начинал громогласно чертыхаться и реветь всякие морские песни, в том числе и «Пятнадцать человек на сундук мертвеца».

Услышав эти подробности, Сильвер вне себя от

возбуждения, которое тщетно старался скрыть, кликнул Черного Пса на кухню.

— Тут что-то кроется, — сказал он. — Где, говоришь, находится эта гостиница?

— Так, в одном захолустье, — отвечал Черный Пес. — Постоялый двор за окраиной деревни, называется «Адмирал Бенбоу». Этот тупой капитан избегает людей, а особенно он боится какого-то одноногого моряка. Ты о таком не слышал, Джон?

Джон Сильвер впервые за долгие месяцы с облегчением рассмеялся и хлопнул себя рукой по колену.

— Он! Боже праведный, это он! Билли, мальчик мой, наконец-то ты высунул свой нос из норы. Теперь слушай, — продолжил он оживленно, став вдруг совершенно серьезным. — Такое дело легким не будет. Черный Пес, иди в контору мистера Блендли у «Старого якоря» и скажи ему, что мне нужен маленький парусник. Неважно, сколько это будет стоить. Отыщи мне Пью, Джоба, Джонни, Дерка и других парней и приведи сюда, да поживее!

Через полчаса Черный Пес собрал пиратов, которых назвал Сильвер, и еще четверых сверх того. Джон начал всем распоряжаться.

— Знаю нужное место. Поблизости нет ничего, кроме маленькой деревушки. Лучше всего сойти на берег в заливе Кидда и пройти до постоялого двора тайными тропинками. Там вручите Билли черную метку и, когда истечет срок, переройте сундук, отыщите карту и пошлите его к дьяволу.

— Джон, — робко отозвался Черный Пес, — я не возьмусь за это дело. Он на меня только глянет, как сразу голову снесет, даже показать эту чертову метку ему не успею.

— Тебя, пожалуй, неверно прозвали, — презрительно ответил Сильвер. — Больше подходит звать тебя Желтым Псом.

— Погоди, Окорок, — отозвался Пью, навостривший уши, чтобы не пропустить ни слова. — Пускай сначала Черный Пес потолкует с Билли и объяснится с ним по-хорошему. Если это не поможет, тогда отправим ему черную метку.

— А кто из вас за это возьмется? — спросил Сильвер.

— Я, Джон, — сказал Пью, натягивая на глазницы свой зеленый козырек.

— Нет у меня страха перед Билли и никогда не было. А как подумаю обо всех этих пиастрах, дублонах и талерах, ради которых лишился зрения, я самому дьяволу готов вручить черную метку,

ели понадобится.

— Гейб, — прочувственно сказал Сильвер, — в этой комнате ты один настоящий мужчина!

Так, в те январские дни 1765 года вся банда отправилась на нанятой парусной шлюпке к заливу Кидда. Там, как уже известно читателю, им не повезло. Черный Пес пустился в бегство, когда Билли Бонс выхватил свою саблю, а Пью погиб четыре дня спустя, раздавленный конями таможенника Данса и его товарищей. Остальные были слишком глупы или напуганы, чтобы тщательно обыскать сундук Билли Бонса и перерыть все вокруг. Вместо этого они бежали обратно на парусник и вернулись в Бристоль.

Долговязый Джон Сильвер был вне себя, когда те, смущенные, вернулись без карты в трактир «Подзорная труба».

— И эти ничтожества называли себя пиратами! — ревел он. — Да кисейные барышни обделали бы это дело получше вас! Один из вас был настоящим мужчиной, да и тот без поводыря и палки ходить не мог, а вы, трусы этакие, только дрожали да корчились от страха. Бедный Пью! Да вы недостойны сапоги ему целовать, так и знайте! На плечах у вас вместо голов пустые тыквы! Если случится когда-нибудь встретиться

с проклятыми испанцами, а ядер мне не хватит, заряжу орудия вашими головами, и никто разницы не заметит!

— Полегче, Джон, — смущенно кашлянув, заговорил Джоб Андерсон, — думай о нас как хочешь, только жалко, что тебя с нами не было.

— Жалко?! — взревел Сильвер. — Это мне вас, идиотов, жалко! Да сокровищ, что лежат на острове Кидда, хватило бы, чтоб всем вам до единого жить побогаче индийских набобов! Вы бы разбогатели, как Роберт Клайв, как Крез!

Дерк Кемпбелл робко отозвался:

— Джон, на «Крезе» мне ходить пока еще не пришлось, но должен тебе кое-что сказать…

— Ну, говори, — угрожающе произнес Сильвер.

— Так вот, когда мы удирали из залива Кидда, — начал Дерк, — этот важный начальник Дакс начал ругаться нам вслед и угрожать: «Сквайр Трелони и шериф еще изловят вас, негодяи этакие!»

— Трелони, говоришь? — промолвил Сильвер, задумавшись. — Слышал я это имя.

Он проковылял к углу кухни, где находилась клетка с зеленым попугаем, с мелкой злобой перекрещенным им в Капитана Флинта.

— Ах да, — продолжил он тихо, как бы говоря с

птицей, — Трелони, один из здешних лендлордов, богат, да, очень богат. Место в парламенте как кандидату от тори ему обеспечено, уж я-то знаю. И, конечно, он очень близок с нашим приятелем Блендли, чья контора неподалеку отсюда, хотя этот мошенник и надувает сквайра безбожно, когда имеет с ним дело.

Долговязый Джон повернулся к пиратам и улыбнулся:

— Парни, кажется, есть надежда, хоть небольшая, но есть. Помню, Блендли рассказывал мне, как этот бык Трелони возжелал однажды походить по морю. Все болтал: «Как благородна работа моряка, стоящего перед мачтой» и подобную чушь. Так если он докопался до карты Билли и почуял, чем здесь пахнет, то не отличаясь ничем от других лендлордов, то есть такой же алчный и тупой, он уже, конечно, трясется по пути сюда.

Эта короткая речь взволновала пиратов. Сильвер продолжил:

— Со своей чванливой супругой и четырьмя дочерями, которым вечно нужны деньги, Блендли готов на все. Так я возьму и посулю ему малость золотых, чтобы он дал мне знак, когда этот бык Трелони доберется сюда и станет покупать судно и нанимать экипаж. Тут уж я к нему вотрусь, да

почтительно ему козырну, да покажу ему ампутированную ногу, да расскажу, как потерял ее на войне, когда служил королю, да хранит его Господь, да предложу ему свои услуги... Ну, соберу я ему экипаж на славу, не зваться мне Долговязым Джоном!

С этими словами он откинул голову и звонко рассмеялся.

— Джон, ты думаешь, получится? — недоверчиво спросил Джоб Андерсон.

— Спрашиваешь, получится ли? — ответил Сильвер, утирая заслезившиеся от смеха глаза.

— Да провалиться мне на этом месте, если не выйдет. Надо, парни, иметь терпение, только и всего, да еще неплохо, чтобы вот здесь, — и он постучал пальцем по лбу, — кое-что было, а тогда дело пойдет само собой. А теперь, балбесы, валяйте отсюда, у меня клиенты в трактире, и мне надо поддержать свое доброе имя. Доверьте это дело мне, ребята, и все будет в порядке, честное слово!

И так он вошел в общий зал, ловко обращаясь с костылем, вертелся вокруг посетителей, шутил с ними, добродушно похлопывал по плечу, потому что был в прекрасном настроении. И именно в таком настроении его увидел впервые я, юнга Джим Хоукинс, перешагнув порог «Подзорной

трубы» однажды утром в начале марта 1765 года.

Р. Ф. Дерделфилд
Приключения Бена Ганна

Написано в 1805 году Джеймсом Гокинсом, сквайром, в его доме, в поместье Оттертон, графство Девон.

Бен Ганн, в прошлом пират, скончался восемь месяцев тому назад, дожив до весьма почтенного возраста — восьмидесяти лет.

Мы похоронили его на маленьком кладбище в Ист-Бэдлей, в том самом приходе, где он родился в 1725 году. Он лежит меньше чем в двадцати ярдах от могилы своей матери, которая дала ему жизнь и сердце которой он, по его собственным словам, разбил. Впрочем, мне всегда сдавалось, что Бен относился к числу бедняг, склонных взваливать на свои плечи более тяжелое бремя вины, нежели они того заслуживают.

Лично я никогда не видел в Бене Ганне пирата. Для меня он всегда оставался тем человеком, которого я встретил в тот страшный день на Острове Сокровищ, когда он окликнул меня в лесу и я услышал историю, показавшуюся мне тогда бессвязным набором слов.

В конечном счете Бен являлся скорее прислужником, вроде Дарби Мак-Гроу, чем настоящим пиратом, и люди Флинта относились к нему с насмешливым презрением. Вместе с тем он отнюдь не был таким простаком, каким казался. Хитрость, расчетливость и осторожность Бена не раз сослужили ему хорошую службу на протяжении его сумбурной жизни.

Одинокая жизнь на острове сделала Бена другим человеком, и он никогда больше не преступал закона.

Мы с Беном стали большими друзьями еще задолго до смерти сквайра Трелони и доктора Ливси. Он всегда относился ко мне особенно тепло — ведь я первый встретил его на острове. Бен охотно рассказывал мне истории, которые ни за что не поведал бы ни сквайру, ни доктору. И если я теперь предаю его рассказы гласности, то лишь потому, что он сам разрешил сделать это после его смерти.

Сдается мне, что Бен, соглашаясь на опубликование своей истории, видел в ней нечто вроде посмертной исповеди. До самых последних дней его угнетал страх перед возмездием. Мне никак не удавалось убедить Бена, что смелое поведение во время борьбы против бунтовщиков с «Испаньо-

лы» полностью искупило все его прегрешения.

Вначале я собирался изложить историю Бена Ганна так, как он сам поведал ее, но это оказалось мне не по силам. Дело в том, что рассказ Бена никогда не был стройным и последовательным: он начинал говорить об одном, затем перескакивал на другое. Вместе с тем повествование много потеряло бы, если бы не велось от первого лица. Я пошел по среднему пути, позволив себе произвести отбор эпизодов и изложить их в соответствии со взглядами и мышлением Бена.

Я уверен, что он ничего не утаивал от меня. Он относился ко мне с полным доверием, и я надеюсь, что оправдал это доверие до конца.

К сему: Джим Гопкинс.

Поместье Оттертон, 1805 год.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЫН ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА

1

Мне было всего семнадцать лет, когда священник Аллардайс поселился со своей семьей в Ист-Бэдлей, приняв приход, предложенный ему новыми владельцами Большого поместья.

К тому времени мы уже свыклись с переменами, потому что с тех пор, как умер старый сквайр и имение за отсутствием прямых наследников перешло к Кастерам, в приходе все перевернулось вверх дном. Кастеры и раньше-то, видно, не были хорошими людьми, а внезапное богатство не сделало их лучше. Именно их плохое обращение с мелкими владельцами и арендаторами в округе и привело к тому, что должность приходского священника оказалась свободной: Гиббинс предпочел стать капелланом у одного из Бофортов, а на его место прибыл священник Аллардайс с женой и двумя детьми.

Я тогда был у Аллардайсов садовником, выполнял для них также различную другую работу, а сверх того помогал отцу, когда начинались зим-

ние дожди и требовалось особенно много могил. Священник платил мне фруктами и овощами со своего огорода. Семья у нас была большая, и мать с радостью принимала все, что я только мог принести в дом, тем более что новый сквайр запретил собирать на его полях колоски после жатвы.

Аллардайсы относились ко мне хорошо, особенно дочь, мисс Далси, прекрасная девушка с независимым характером. Брат Ник был года на два, на три моложе ее и учился в колледже на врача. Мисс Далси очень любила брата и не уставала говорить о его способностях. Тогда я не очень-то прислушивался к ее словам. Знай я, как тесно переплетутся наши с Ником пути в последующие годы, я расспросил бы о нем побольше.

Священник был человек прямой, суровый и непреклонный и мастак читать проповеди. Мы понимали лишь отдельные слова, когда он говорил с амвона, такой он был ученый. Жена его носила роскошные платья, каких мне никогда не приходилось видеть. Дела мужа ее не занимали, она жила исключительно сыном и с малых лет испортила его своим баловством. Зато мисс Далси всегда сопровождала отца в его обходах и меньше чем за месяц стала в приходе всеобщей любимицей.

Мы жили в маленьком домике из двух комнат у самой церковной ограды. Кастеры никак не могли собраться ее починить, и зимой грязные ручьи с кладбища текли через наш двор.

Как я уже говорил, в приходе царил полный разброд, а все из-за того, что Кастеры ввели строгий запрет против охоты в своих владениях и огораживали земли, которые при старом сквайре всегда считались общественным выгоном.

Зачинщиком всех этих притеснений называли Бэзила Кастера, сына нового владельца. Ему тогда было лет около двадцати пяти. Высокий, бледный, рыжий, хилого сложения, он чем-то напоминал хорька. Бэзил Кастер твердо решил стать настоящим сквайром и ездил только верхом. Однако он был никудышным наездником и то и дело шлепался с седла наземь. Зато Кастер хорошо стрелял из охотничьего ружья; однажды с расстояния в двести шагов он ранил в руку Эйба Гудинга, когда тот ставил силки на опушке Бэйкерских зарослей. Эйбу удалось уйти, но пришлось бежать из дому и завербоваться в солдаты, чтобы избежать ссылки за море. А вскоре после этого мой дядя Джейк подстрелил последнего в своей жизни фазана, положив начало событиям, которые забросили меня на другой край света. Но

об этом я расскажу чуть дальше. Сначала нужно объяснить, каким образом оказался замешанным во все это Ник, сын священника.

Через несколько месяцев после того, как приехали Аллардайсы, появился и их сыночек. Он набедокурил в Лондоне: променял учение на игру и на скачки и так залез в долги, что сидеть бы ему в долговой тюрьме, если бы мать вовремя не подбросила денег.

Ник вовсе не производил впечатления неисправимого повесы. Он был рослый, широкоплечий, густые волосы курчавились, на открытом лице весело сияли голубые глаза. Руки Ника белизной и нежностью кожи напоминали женские, но в силе не уступали рукам нашего кузнеца Неда Саммера, и Ник почти всегда одолевал Неда, когда они летними вечерами затевали корнуоллскую борьбу на траве.

По речи Ника сразу было слышно, что это настоящий джентльмен, однако с нами он держался как с равными.

Ник и Бэзил очень скоро стали врагами, и моя семья оказалась замешанной в их ссоре, потому что все началось из-за дяди Джейка. Бэзил убил его, да так жестоко и подло это сделал, что стал самым ненавистным помещиком во всей округе

от Экса до Тэймера.

Под Рождество чуть ли не все торговцы дичью в округе уповали на Джейка, и он не жалел сил, чтобы оправдать их надежды — за счет Кастеров. Конечно, это было нехорошо и противозаконно, однако не давало еще права Бэзилу Кастеру расставлять в лесу капканы на людей. Сторожа — другое дело. С ними у нас шел честный поединок, в котором побеждал наиболее ловкий. Но капкан с зубьями, как у пилы, и с хваткой голодной акулы — от такой штуки хоть у кого душа закипит смертельной ненавистью.

Однажды ночью Джейк не вернулся домой. Он часто проводил под открытым небом по два-три дня — когда охотился, когда отсыпался в одном из своих тайников после особенно бурной выпивки, но теперь его отсутствие очень уж затянулось. Мы отправились на розыски и прочесали чащу до береговых утесов на юге. На второй день поисков мой брат нашел его — мертвого. Дядя Джейк попал в один из капканов Кастера и истек кровью. Его дворняжка Тафти лежала полумертвая от голода рядом с хозяином и жалобно скулила. Если бы Джейк не выучил собаку вести себя тихо на охоте, он еще дожил бы, возможно, до выездного суда.

Хоронить Джейка собралось очень много людей, пришли даже из Попплефорда. Много недобрых слов было высказано, и много сумрачных взглядов обращалось в сторону помещичьей усадьбы, но дальше этого не пошло.

Впрочем, нашелся смельчак, который не побоялся выложить то, что у него накопилось на душе. Это был Ник Аллардайс. Ник не участвовал в похоронах, но когда мы с отцом принялись засыпать могилу, он появился на кладбище и остановился около нас в раздумье, покуривая длинную виргинскую сигару.

Наконец он сдвинул сигару в угол рта и сдержанно произнес:

— Вы, Ганн, по-видимому, не собираетесь посчитаться за брата?

Отец поднял голову и осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не услышит.

— Дом, в котором я живу, принадлежит Кастерам, и ваш отец платит мне из десятины, которую получает от Кастеров. Нас дома тринадцать ртов, и всех-то надо накормить и одеть. Мне ли думать о том, чтобы сводить счеты, мистер Аллардайс?

Он был благоразумен, мой отец, и знал свое место.

Ник ухмыльнулся и пошел прочь, кивнув мне

на прощанье. Он знал, как я смотрю на это дело, но знал также, думается мне, что в словах моего отца заключен здравый смысл.

В этот миг за оградой послышался стук копыт, и Бэзил Кастер взбежал по ступенькам и зашагал через могилы туда, где мы работали. Ник замер на месте в нескольких ярдах от нас.

Кастер постоял около свежей могилы, похлопывая по тощей ноге своей тяжелой плеткой с набалдашником из слоновой кости, и вдруг рассмеялся. Это был резкий, скрипучий смех, заставивший меня вспомнить звук бороны, скребущей по гравию.

— Что ж, Ганн, — сказал он, — одним браконьером стало меньше, притом, если я верно слышал, самым отъявленным изо всех них!

— Будь у здешних людей хоть капелька мужества, Кастер, лежать бы и вам в этой могиле! — раздельно произнес Ник.

Змеиный взгляд Бэзила Кастера скользнул по Нику. Краска залила его лицо, тут же сменившись смертельной бледностью.

— Побереги лучше свое остроумие для черни Ковент-Гардена, Аллардайс, а не то как бы не остаться твоему отцу без прихода! — взвизгнул он.

Ник стоял все так же неподвижно, не спуская глаз с Бэзила.

— Если ты расставишь свою западню для меня или для кого-нибудь из нашей семьи, — произнес он наконец, — я вызову тебя на поединок. Мне все едино — кулаки, дубинки, пистолеты или шпаги! Я ведь тебе не какой-нибудь льстивый арендатор, Кастер!

Я ждал, что Бэзил тут же набросится на него. Он подался вперед, потом вдруг остановился, повернулся кругом, сбежал по кладбищенской лестнице, вскочил в седло и поскакал прочь; только искры засверкали из-под копыт его кобылы.

В тот день Ник по-настоящему завоевал мое сердце. Он посеял что-то новое в моей душе, и этому посеву суждено было дать всходы, которые продолжали расти даже тогда, когда от могучего тела Ника остался лишь скелет — этот скелет ты видел сам, Джим...

2

О следующей стычке Бэзила и Ника я узнал с чужих слов. Случилась она в ночь Охотничьего бала, который давали в Большой усадьбе накануне Рождества. На этот раз причиной раздора оказалась женщина, красавица мисс Фейрфилд

из Эксминстер-Холл.

По-видимому, Ник произвел на балу выгодное впечатление своей внешностью и искусством танцора. Так или иначе мисс Энн решила стравить его с Бэзилом. Да и какая хорошенькая женщина не поступит так, если представится случай! Кончилось тем, что молодые люди крепко повздорили, и Ник предложил тут же решить дело поединком. Ему явно не терпелось увидеть, какого цвета кровь у Бэзила.

Разумеется, до дуэли дело не дошло. Об этом позаботился сквайр Кастер. Но он не ограничился этим: вызвав священника Аллардайса, сквайр предложил ему на выбор — либо священник отправит своего сына обратно в Лондон, а еще лучше за море, либо расстанется с приходом.

По этому поводу в доме Аллардайсов состоялся семейный совет. Мать Ника была целиком на стороне сына и говорила, что нельзя давать спуску этим Кастерам. Отважные поступки Ника сделали его героем в наших глазах. Каждый из нас, молодых, только обрадовался бы, увидев Бэзила на носилках. Мы ни минуты не допускали мысли, что Ник может проиграть единоборство.

Но священник судил более здраво. Он не собирался терять хороший приход из-за сына,

которого буйный нрав сделал притчей во языцех. Короче, он предложил Нику готовиться к новой жизни в колониях, а пока держаться подальше от Бэзила Кастера.

Ник встретил это решение без особой радости. Я подозреваю, что мать и сестра подбивали его не повиноваться отцу.

Мы виделись с ним часто в это время. После случая у могилы Джейка Ник стал относиться ко мне с особым расположением и сделал меня чем-то вроде личного слуги. Главной моей обязанностью было доставлять его по ночам домой из таверны и других злачных мест. Нелегко мне приходилось, когда нужно было заставить его, мертвецки пьяного после очередной пирушки, держаться в седле. Однажды мы пустились вперегонки с плимутской почтовой каретой и чуть было не попали под нее. В другой раз мы загнали стадо коров Кастера на посевы. Следующая выдумка Ника заключалась в том, что мы нацепили черные маски и под видом разбойников остановили карету на Йеттингтонской дороге. Ник отобрал у ехавшего в карете сидмутского нотариуса и его жены кошельки, драгоценности и часы, но на следующий же день отослал добычу владельцам, присовокупив письмо, в котором говорилось,

что он прозрел и отныне решил стать честным человеком.

Месяца три-четыре мы тешились такого рода забавами, но тут вмешалась моя мать. Она пошла к священнику Аллардайсу и заявила, что либо это прекратится, либо ей придется обратиться к сквайру. На следующий же день священник Аллардайс отправился в Плимут и оплатил сыну проезд на бриге до Чарлстона. Вернувшись, он вручил Нику сотню гиней на дорогу и дал ему три дня срока на то, чтобы собраться в путь.

Ник решил ехать. Сдается, беспутная жизнь ему не очень-то нравилась — просто он не мог придумать ничего лучшего. Приняв решение, он тут же начал строить планы. А задумал он стать плантатором в Каролине. Не знаю, собирался ли Ник Аллардайс сеять табак или хлопок, или думал вести хозяйство на английский лад, но только планам его не суждено было осуществиться, потому что хотя мы в конце концов и очутились в тех краях, но в обществе таких людей, которые сколачивали себе богатство совсем иными путями и собирали урожай не в поле, а в открытом море.

На прощание приятели Ника в Эксетере решили устроить пирушку. Я поехал с ним.

Теплой весенней ночью мы возвращались домой через общинные земли. По пути мы проезжали мимо усадьбы Кастеров, лежавшей в двух милях на восток от деревни. Полная луна ярко освещала широкий фасад и портик с колоннами. На западе, где местность понижалась к морю, чернели притихшие леса.

И тут Ник предложил такую штуку, которую можно объяснить только тем, что он был еще пьянее меня.

— Бен, — сказал он вдруг, — давай-ка сыграем сейчас Кастерам утреннюю зорю! Через неделю я буду уже далеко, и мне никогда больше не представится такой случай!

Не дожидаясь ответа, он пришпорил свою кобылу, ворвался в ворота усадьбы и помчался по главной аллее, стреляя в воздух из пистолетов и честя во всю глотку Кастеров так, как их, наверное, еще никто не честил.

Примерно на полдороге аллея круто поворачивала, и на мгновение я потерял Ника из виду. Наконец я миновал поворот и в тот же миг увидел выскочивших из усадьбы людей. Их было двое или трое, один из них — тощий и высокий. Я признал в нем самого Бэзила Кастера.

Пожалуй, Ник все-таки был трезвее, чем хотел

казаться, потому что он тоже заметил их и круто свернул с аллеи на узкую дорожку, которая вела между купами рододендронов в сторону большой рощи.

Я готов был повернуть и спасаться бегством, предоставляя Нику самому расхлебывать заваренную им кашу, но сзади уже подоспел вооруженный сторож. Остался только один свободный путь. Я ринулся следом за Ником и успел проскочить в рощу перед самым носом у тех, кто выбежал из усадьбы.

Под деревьями было темно, как в мешке, и мне пришлось сбавить ход. Шум погони стих. Я подумал, что преследователи вернулись домой, и, привязав пони к дереву, решил отыскать Ника, прежде чем он выкинет еще какую-нибудь штуку. Это было опрометчивое решение, и оно обошлось мне дорого, но ведь я был еще мальчишкой да к тому же успел привязаться к Нику.

Через рощу вела узенькая тропка; я двинулся по ней, медленно и осторожно, как учил меня когда-то на охоте дядя Джейк, и дошел до небольшой прогалины. Здесь стояла маленькая хижина, которой сторожа пользовались ночью.

Только я ступил на прогалину, как из-за деревьев выглянул краешек луны, и я увидел Бэзила.

Он стоял неподвижно перед хижиной, держа ружье наперевес.

В ту же секунду на другом краю поляны в свете луны появился Ник; он вел лошадь в поводу. Кастер круто повернулся и выстрелил, даже не вскидывая ружья к плечу.

Ник вскрикнул и покачнулся, продолжая держаться за повод, а его лошадь поднялась на дыбы. Я увидел, как Бэзил, швырнув ружье на землю, бросился к Нику, но тут плотные облака заслонили луну, и поляна погрузилась в густой мрак.

Я услышал тяжелое дыхание, треск кустарника и рванулся туда. Тут снова выглянула луна, и я увидел Ника. Он прислонился к дереву, а его лошадь беспокойно переступала с ноги на ногу чуть поодаль. Бэзил Кастер стоял на коленях между Ником и лошадью, опираясь на руки и наклонив голову.

Крикнув: «Мистер Аллардайс! Это я, Бен!», я подбежал к Нику. В этот момент Бэзил как-то странно кашлянул и упал замертво на траву. Я обернулся к Нику — он медленно валился наземь, цепляясь руками за ствол. Даже при слабом лунном свете я видел, что его рубашка и шарф потемнели от крови; правая рука Ника сжимала нож.

Размышлять было некогда. На тропе, по кото-

рой я пришел, слышались крики, шум доносился и со стороны усадьбы.

Я подвел к Нику лошадь.

— Вы можете сесть в седло?

Он ничего не ответил, через силу поднялся на ноги и стал искать стремя. Я помог ему вдеть левую ногу и подсадил его. Ник вскочил в седло и повалился на шею лошади, а я взялся за повод.

Мое былое увлечение охотой спасло нам жизнь в эту ночь. Я знал владения Кастеров как свои пять пальцев. Мне удалось без труда провести сторожей и выйти через пролом в ограде со стороны Колитон Рейли. По конной тропе мы добрались до старого форта, и когда в небе над Оттерхедом зарделась заря, были уже на дорожке, ведущей к скалам.

Зайдя в густой ельник, я остановился и дал Нику выпить добрый глоток бренди из фляги, подвешенной к седлу. Потом я осмотрел его и увидел, что пуля вошла в мякоть левой руки. Нетрудно было сообразить, что за нами от самой поляны должен был протянуться кровавый след и как только совсем рассветет, нас без труда разыщут. Видно, Ник подумал о том же, потому что он сказал:

— Наложи-ка мне жгут, Бен, пока я не истек

кровью... Они в любой момент могут настигнуть нас.

Я срезал ветку и затянул с ее помощью жгут, свитый из его шарфа. Ник глотнул еще бренди и попытался изобразить улыбку.

— У меня не было выбора, Бен. Либо я его, либо он меня. Ты ведь видел? Он выстрелил без предупреждения и подбежал прикончить меня!

— Нам сейчас некогда говорить об этом, мистер Аллардайс, — ответил я.

— Надо найти место, где можно будет укрыть вас, пока я схожу за помощью.

— Поступай как знаешь, Бен, — сказал Ник.

Инстинкт заставил меня идти к скалам. Примерно в миле от того места, где мы сейчас стояли, начинался глубокий овраг, полого спускающийся к берегу моря. Если нам удастся незаметно добраться до оврага, мы успеем спрятаться в одном из тайников дяди Джейка — маленькой пещере в песчанике над ручьем, в четверти мили от моря.

Прежде всего надо было отделаться от лошади, тем более что подковы оставляли слишком заметный след. Я ссадил Ника и хлестнул как следует кобылу прутом, погнав ее в сторону Оттерхеда.

Нас выручил туман. Дважды Ник терял сознание, но каждый раз тут же приходил в себя и брел

дальше. Мало-помалу, почти через час после того, как бросили лошадь, мы добрались до пещеры Джейка — укромной расщелины с песчаным полом, вход в которую надежно прикрывали плющ и кустарник.

Ник был еле жив после перенесенного и лежал совсем без движения, пока я раздевал его и промывал рану. Я ослабил жгут и перевязал руку, порвав на бинты подкладку куртки Ника. Час или два я еще крепился, но потом и сам уснул. Тем временем люди Кастера обшаривали скалы, не подозревая, что мы тут же рядом.

За час до заката я проснулся и выглянул из пещеры. Кроваво-красное солнце спускалось к Хэлдонским холмам, кутаясь в тяжелые багровые облака. Я прислушался — с берега доносился какой-то скрипучий звук. Нетрудно было сообразить — то Сэм Редверс крал гравий. Мне сразу стало легче на душе: Сэм превратился в бунтаря с тех пор, как Кастеры прибрали к рукам все права на прибрежную полосу, лишив его средств к существованию.

Я прополз через кустарник и выглянул из него: совсем рядом орудовал Сэм. Заметив меня, он тотчас смекнул, в чем дело, и, продолжая свою работу, постепенно приблизился к кустам.

— Я спрятал мистера Аллардайса в пещере Джейка посередине оврага, — сообщил я ему.

На лице Сэма отразилось сильное удивление.

— А мы считали, что он уже мертв, — ответил он. — Сторожа говорили, что из него кровь хлестала, как из зарезанной свиньи, они прошли по вашим следам до старого форта. И как только вам удалось спуститься по оврагу?

— Что происходит в деревне? — спросил я его вместо ответа.

— Сквайр Кастер обещал сто гиней тому, кто найдет вас живыми или мертвыми.

Этим было сказано все. Я понял, что чуть не все население к западу от Дорчестера будет усиленно разыскивать нас.

Я объяснил Сэму, что надо сделать.

— Прежде всего доставь нам чистые бинты, теплую одежду, одно-два одеяла и хоть сколько-нибудь еды. Потом дай знать мисс Далси, но только не проговорись никому, где мы укрылись.

Я не сомневался, что мисс Далси готова сто миль пройти босиком, чтобы помочь брату.

— Я вернусь, как только стемнеет, — сказал Сэм. — Но к пещере подходить не стану, чтобы не навести никого на след. А положу все в мой кожа-

ный мешок и оставлю его вон под тем утесом.

Он показал на большую скалу, возвышавшуюся в таком месте, куда не доходил прилив.

— А еще я скажу вот что, Бен, — продолжал он. — Один из вас рассчитался сполна с Кастерами, и я этого никогда не забуду. Я вас не брошу, хотя бы мне за это пришлось стоять рядом с вами на суде.

Край солнца уже коснулся холмов, и начало темнеть. Я вернулся обратно к пещере и обнаружил Ника сидящим. Он шарил вокруг себя, пытаясь найти флягу. Я разыскал ее и дал ему выпить глоток, после чего передал то, что услышал от Сэма, и спросил, верно ли я поступил, попросив сообщить обо всем его сестре.

Ник пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Видно, его уже начинала одолевать лихорадка. Вскоре он опять уснул, а я, скрестив ноги, сел караулить у входа в пещеру.

Должно быть, я вздремнул, потому что звук шагов по гравию заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я не решался выйти, но тут трижды раздался крик козодоя, причем третий крик последовал с перерывом. Это был один из наших старых охотничьих сигналов, и я понял, что спокойно могу спускаться на берег.

Там меня ждал Сэм с полным мешком всякого добра, а рядом с ним — мисс Далси собственной персоной.

— Вы подождите, Сэм, — попросила она. — Спрячьтесь пока. Бен приведет меня обратно.

Я взял ее за руку и повел вверх по оврагу. За четверть часа мы добрались до тайника.

В пещере царила непроглядная тьма. Слышно было только тяжелое, свистящее дыхание Ника. Сэм догадался положить в мешок потайной фонарь, который я и зажег. Ник лежал на спине, красный от жара, весь в испарине. Мисс Далси велела разобрать мешок, а сама стала разбинтовывать рану. Я как раз выкладывал съестные припасы на выступ и стоял к ней спиной, когда раздался громкий щелчок, и Ник протяжно застонал. Обернувшись, я увидел, что мисс Далси улыбается.

— Нашла, — сказала она, показывая мне хирургические щипцы, в которых была зажата пуля Бэзила. Из маленького надреза под самой ключицей Ника сочилась кровь.

Мисс Далси наложила на обе раны мазь, затем плотно и надежно перевязала их.

— Здесь нельзя разжигать огня, — снова обратилась она ко мне. — Я пришлю одеяла и побольше

теплой одежды. Укрывайте его хорошенько и не давайте шевелить рукой, даже миску держать не давайте. А это возьмите себе, Бен, вам пригодится.

Она протянула мне плитку табаку и короткую глиняную трубочку.

— Я буду здесь завтра в это же время, — сказала она на прощанье, когда я отвел ее на берег.

3

Мы провели в пещере девятнадцать дней и двадцать ночей, и не было ночи, чтобы к нам не приходила мисс Далси, когда с Сэмом, когда одна. И это несмотря на то, что Кастеры и их подручные день и ночь прочесывали окрестные деревни и патрулировали побережье. Они знали, что мы где-то поблизости, но так и не смогли нас найти. Я все думал, что, будь у них хоть капля здравого смысла, они должны были установить наблюдение за мисс Далси и проследить ее до ручья. Может, они и пытались, да она их перехитрила. Так или иначе нас никто не нашел. Тем временем рана Ника заживала с чудесной быстротой.

Вы спрашиваете, почему я не взял ноги в руки и не улизнул, раз я не был замешан в убийстве? Так вот, дело в том, что мне это и голову не приходило,

я чувствовал себя надежнее рядом с Ником. Меня брал страх при одной только мысли о том, чтобы расстаться с Ником и обороняться в одиночку.

Я был молод тогда, теперь мне куда ближе до могилы, но на вопрос, почему я не задал стрекоча из пещеры и не попытался поладить с Кастерами, выдав Ника, могу только сказать, что лучше я убил бы самого себя на месте.

И ведь, когда Ник и мисс Далси разработали свой план, Ник предлагал мне покинуть его. Сказал, что мать прислала достаточно денег, чтобы мы могли оба уехать за границу, а если я останусь, он готов поделить со мной деньги пополам. Но я ответил, что, какой бы путь он ни избрал, его выбор подойдет и мне, что я скорее всего попадусь, едва уйду от него, и только наведу на его след шерифа и Кастеров.

Услышав эти слова, Ник улыбнулся и ответил:

— Хорошо, Бен, дружище, я втянул тебя в эту переделку, и я должен тебя выручить! Ты поступил, как настоящий товарищ, и я этого никогда не забуду.

Ник не счел нужным обсудить свои замыслы со мной, и я только много позднее узнал, что придумали мисс Далси, ее мать и один их родственник, бывший военный моряк, нашедший

себе хорошее местечко на суше, в Плимуте. Весь их план основывался на том, что Ник как-никак без пяти минут врач.

И вот однажды вечером Ник велел мне сложить все наши вещи в принесенный мисс Далси саквояж и быть готовым выходить в полночь, как только Сэм подаст сигнал. Сказал, что мы поплывем морем, поскольку водный путь для нас единственно безопасный. Сперва доберемся до Фалмута на побережье Корнуолла, а там пересядем на военный корабль, который доставит нас через океан в Кингстон, или в Порт-оф-Спейн, или еще какой-нибудь порт, откуда потом можно будет перебраться в Мэйн.

— Свое плавание мы отработаем, — объяснял Ник. — Я в качестве судового врача, ты будешь моим слугой. Тебя никогда не манило море, Бен?

Я ответил отрицательно. Мальчишкой я ходил на лов макрели и убедился, что плохо переношу качку. К тому же мне вовсе не улыбалось очутиться на борту военного корабля. Я знал в деревне людей, которые служили на флоте, и все они предпочли бы умереть, чем попасть туда снова.

Видно, Ник разгадал мои сомнения, потому что он продолжал:

— Да ты не тревожься, Бен! Хорош я буду, если

в награду за верность помещу тебя на полубак военного корабля. Нам бы только добраться, а там нас ждут плантации и богатство, и никакие королевские указы нас не достанут!

Мне хотелось еще спросить, почему нельзя было устроиться на обычном торговом судне, но тут с берега донесся сигнал Сэма. Мы вышли из пещеры и стали пробираться вниз по оврагу. Из мрака донесся скрип уключин, потом скрежет киля о гравий.

В то время я так плохо разбирался в морском деле, что думал весь путь до Фалмута проделать на шлюпке. А когда мы отошли подальше от берега и нас стало бросать на волнах, я сильно усомнился, что мы вообще доберемся туда.

Ник чувствовал себя ненамного лучше, чем я. Он сидел молча на корме, погруженный в мрачные размышления. Внезапно из темноты вынырнул, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, корпус судна.

Мы вскарабкались по веревочному трапу. Для Ника с его рукой это было не так-то просто, но все же он справился. Человек, который доставил нас, подогнал шлюпку к корме, где ее привязали, и тоже поднялся на судно.

Едва мы ступили на борт, как на корабле на-

чалось движение, послышались слова команды. Судно быстро заскользило по ветру, а нас повели вниз, в маленькую каюту, где мы могли спать на рундуках. После стольких тревожных ночей я здорово устал, и необычность обстановки меня не трогала. Я заснул как убитый и проснулся только двенадцать часов спустя.

Проснувшись, я первым делом увидел Ника. Он сидел у столика и уписывал баранину с белым хлебом. Должно быть, Ник захватил собственные припасы, потому что на бриге в отношении еды были не очень-то разборчивы. Мы провели на нем двое с половиной суток, и все это время команда в составе семи человек получала только пожелтевшую солонину да червивые сухари.

Приключения — вещь хорошая, Джим, для того, кто их любит; я же, оглядываясь теперь назад, вижу, что был рожден для мирной, спокойной жизни, а не для суровых испытаний. Тем большее восхищение вызывал у меня Ник. Он получил утонченное воспитание, всегда имел все, что только можно купить за деньги, и тем не менее сразу почувствовал себя на море как рыба в воде.

Мне мало что запомнилось из этого моего первого путешествия. Бриг назывался «Милость господня»; это был голландский контрабандист,

шедший из Гааги с грузом цветочных луковиц на палубе (голландские тюльпаны как раз вошли в моду в Англии) и с какими-то бочонками в трюме.

Обращались с нами на бриге любезно, как и положено с платными пассажирами. Постепенно мой желудок перестал бунтовать, и я свыкся с качкой гораздо быстрее, чем ожидал сам. Вскоре я уже с удовольствием стоял на носу, слушая пение ветра в вантах и провожая взором бегущие вдаль зеленые валы. Я забывал о своем положении, в то время мне еще не было и девятнадцати, и будущее рисовалось мне в радужном свете.

Мы достигли Фалмута без происшествий. Однако здесь Ник предупредил меня, что нам придется оставаться на борту, пока к судну, на котором мы поплывем через океан, пойдет плашкоут. Шлюпка доставит нас на этот плашкоут, и наше путешествие начнется всерьез.

...Это произошло два дня спустя.

Мы стояли на якоре довольно близко от берега, и я увидел толпу людей, спускавшихся к пристани между двумя шеренгами солдат морской пехоты в красных мундирах. Я одолжил подзорную трубу и стал рассматривать эту группу, которая тем временем начала грузиться на плоскодонное

суденышко. Вскоре я понял, что это каторжники, скованные вместе по четыре. Плашкоут взял курс на корабль, стоящий у самого горизонта, милях в шести-семи от берега.

Я все еще следил за этой необычной сценой, когда Ник тронул меня за локоть. Он стоял в новом плаще, держа в руке саквояж.

— Пошевеливайся, Бен! — сказал он. — Вот и наш транспорт.

Мы спустились в шлюпку и подошли к плашкоуту, который в это время достиг уже середины пролива. Сидевший на корме сержант вежливо поздоровался с Ником и сухо кивнул в ответ на мое приветствие.

Всего на плашкоуте плыло десятка четыре ссыльных; и только один, сидевший вблизи от меня, не был подавлен своим положением. Он устремил зоркие зеленые глаза на горизонт, и было в его лице нечто такое, что я подумал — этот оставляет Англию без всякого сожаления. Остальные жадно всматривались в родную землю.

Время от времени, когда внимание сержанта отвлекалось разговором с Ником, каторжник устремлял на охранника взгляд, полный холодной ненависти. Я содрогнулся бы от такого взгляда, хотя ноги и руки каторжника были на-

дежно закованы в кандалы.

Около полудня мы подошли достаточно близко к кораблю, чтобы прочитать его название, написанное большими буквами на корме. Он смахивал на фрегат четвертого-пятого ранга, но и в то же время от него отличался: на корме и на носу было необычно много надстроек. Удивило меня и то, что девять из десяти пушечных портиков забиты. Это не был обычный тюремный транспорт — перевозкой ссыльных занимался предназначенный для этого корабль «Неистовый». Многочисленные надстройки и забитые пушечные портики лишали «Моржа» всех качеств военного корабля.

Было что-то зловещее в этом судне, сочетавшем в себе признаки фрегата, «купца» и плавучей тюрьмы. Я ступил на его палубу с предчувствием чего-то недоброго, чему и сам не мог найти названия. Словно здесь притаилась сама смерть, и всем, кто находился на борту — капитану, команде, солдатам, каторжникам, никогда не суждено было больше увидеть сушу. Возможно, Ник тоже ощутил нечто подобное. Когда он полез через бульверк и я протянул руку, чтобы взять саквояж, я коснулся его ладони — она была влажная и холодная. Вдруг он поежился, и его глаза точно

сказали: «Ну что ж, Бен, кажется, дело начинается всерьез!»

Нас встретил капитан, степенный пожилой человек в синем мундире без эполетов. Он деловито обратился к Нику:

— Мистер Аллардайс, если не ошибаюсь?

Ник улыбнулся и кивнул, а капитан продолжал:

— Вы с вашим слугой поместитесь в средней части корабля, рядом с солдатами. Когда пробьет шесть склянок, я распоряжусь, чтобы фалмутские пассажиры были выстроены для осмотра. Мы уже двоих зашили в брезенты, мистер Аллардайс. Надеюсь, что теперь, когда вы присоединились к нам, у нас больше не будет больных до самого Порт-Ройяла.

— Это зависит, — ответил Ник учтиво, — от их нынешнего состояния, сэр.

Капитан выразительно взглянул на него, но ничего больше не стал говорить. Минут десять спустя, пытаясь разместить наши вещи в отведенной нам тесной клетушке позади грот-мачты, я почувствовал, как «Морж» накренился и заскользил по волнам. Выглянув в открытую дверь, я увидел расправляющиеся на ветру паруса. По вантам и реям, словно обезьяны, сновали мат-

росы.

Ник обратился ко мне:

— Раньше это был сорокавосьмипушечный фрегат, Бен. Рассчитан на команду в сто десять человек. Угадай, сколько теперь людей на борту?

Я ответил, что не имею ни малейшего представления и не понимаю, как он может это знать, едва ступив на борт.

— Человек всегда должен стремиться знать, что происходит вокруг него,

— ответил Ник, озабоченно потирая свой длинный подбородок. — Я беседовал с нашим спутником, сержантом морской пехоты Хокстоном. Команда насчитывает шестьдесят человек, а этого совершенно недостаточно. Далее, на корабле находится два десятка солдат под командой двух офицеров. А под палубой, там, где раньше из портиков скалились пушки, закованы в цепи двести сорок человек, Бен, — слишком много, сдается мне, чтобы можно было устроить для них моцион на палубе, даже если разбить их на группы!

4

...Стоит подробнее рассказать о судне, которому суждено было сыграть такую большую роль в

дальнейших событиях.

Это был фрегат водоизмещением всего в триста тонн, маневренный и быстроходный. В свое время «Морж» мог, вероятно, обойти большинство судов той же оснастки, но переоборудование из военного корабля в транспорт ухудшило его остойчивость, он сильно кренился на волне и уваливался при встречном ветре — очевидно, из-за нагромождения шатких надстроек.

Мне еще предстояло хорошо узнать этот корабль и его повадки, Джим. Я уже говорил, что быстро почувствовал себя на море, как прирожденный моряк,

— вероятно, потому, что был крепок и вынослив, хотя и маловат ростом, и еще потому, что от моего родного дома было рукой подать до пролива.

Мне сразу пришлись по сердцу лихие обводы «Моржа», его стройные мачты и послушание рулю в неожиданный шквал, и потому, что я полюбил судно, мне было жаль его, обреченного ежегодно мотаться через океан с грузом несчастных узников, вместо того чтобы меткими залпами гнать французов и испанцев с морских просторов в порты, заделывать пробоины.

«Морж» был двухдечный корабль; нижнюю, пу-

шечную палубу превратили в плавучую тюрьму для каторжников.

Командир корабля, капитан Айртон, был моряк лет пятидесяти, высокий и сухощавый, весь в шрамах. Он взялся перевозить каторжников лишь потому, что состояния не имел, а пенсии на жизнь не хватало.

Должность помощника капитана занимал лейтенант Окрайт, совсем еще юноша; однорукий боцман, старый морской волк, опекал его, словно бабушка любимого внучка. Охраной командовали два хлыща, совершенно не подходившие к должности офицера; они направлялись к месту своей службы в Вест-Индии. Собственно, все их обязанности выполнял сержант Хокстон — тот самый служака с бычьей шеей, который доставил нас на борт, — и он очень скоро снискал всеобщую ненависть на корабле не только у каторжников, с которыми обращался самым варварским образом, но и у команды и солдат. Списанный с флота фрегат не самое подходящее судно для перевозки каторжников. Но в том году в портах западного побережья сильно возросла преступность; после заключения мира последовало несколько неурожаев, а неурожаи повлекли за собой возмущения, и весенние судебные сес-

сии в Уинчестере, Дорчестере, Эксетере и Тонтоне приговорили к высылке шестьсот сорок мужчин, женщин и детей.

Мало кто из них, даже осужденные на короткие сроки, мог надеяться когда-либо вновь увидеть родные места. Война заметно сократила приток черных рабов, и безжалостные надсмотрщики-метисы заставляли белых невольников работать до изнеможения.

Даже английские власти были смущены последним отчетом с «Неистового»: около сотни каторжников отдали Богу душу в пути, еще тридцать человек скончались вскоре по прибытии на место. Мертвый невольник плантатору ни к чему, да и немощный тоже. Из Порт-Ройяла посыпались жалобы, и власти постановили, чтобы очередную партию каторжников сопровождал судовой врач.

Все это я узнал, понятно, гораздо позже, когда жизнь свела меня с беглыми каторжниками и рабами из Вест-Индии. В то время там часто встречались мужчины и парни, которым нечего было продать, кроме собственных рук, и которые шли в кабалу на плантации за скудное вознаграждение, стол и жилье.

Карибские пираты пополняли свои ряды почти

исключительно за счет беглых каторжников и рабов, а также насильно завербованных моряков. Последние, попав в плен к пиратам, предпочитали примкнуть к победителям и променять солонину и линек на буйную жизнь в тени виселицы. Видя, как судовладельцы и офицеры обращаются с моряками, я только удивлялся, что они все не перебегают к пиратам. Если вы относитесь к человеку, как к тупому, злобному животному, Джим, он, скорее всего, таким и станет и вцепится в вас зубами, едва вы зазеваетесь.

...Я затрудняюсь даже описать вам, что делалось на пушечной палубе, где были собраны люди, которым предстояло стать грозой морей под главенством этого архидьявола Флинта.

Прежде всего вас поражало зловоние: около двухсот пятидесяти человек, скованных по четыре, занимали пространство, в котором могло разместиться от силы полсотни подвесных коек. А пушечные портики, как я уже говорил, были забиты, и воздух проходил только через два зарешеченных отверстия — одно у носа, другое у кормы, — если не считать люки, отпираемые дважды в день для раздачи пищи.

До того, как очутиться на «Морже», эти люди не один день провели в застенках, умирая с голоду,

и к нам попали только самые выносливые, уцелевшие от страшных эпидемий, подобно ангелу смерти опустошавших тюрьмы между тюремными сессиями.

Всякие люди собрались здесь: молодые деревенские парни и престарелые, седые бедняки, рослые верзилы с огромными кулачищами и жалкие калеки, жертвы законов против бродяжничества. И всех их объединяло мрачное отчаяние, из-за которого вольному человеку было опасно приближаться к ним иначе, как в сопровождении вооруженных до зубов солдат.

В тот день, когда трое каторжников скончались и были зашиты в брезент для похорон на морском кладбище, Ник попытался убедить капитана регулярно выпускать узников на палубу, чтобы они прогулялись и ополоснулись морской водой. Он объяснял, что ежедневное пребывание на морском воздухе и относительная чистота тела помогут предотвратить эпидемию, способную за неделю скосить две трети каторжников. Но капитан и слышать не хотел о массовых прогулках. Он отвечает за безопасность на корабле. Людей у него в обрез, и он не может выделить никого в помощь малочисленной охране. Двадцать два человека на двести сорок негодяев!

Ник заметно помрачнел после этого разговора. Он все чаще прописывал своим подопечным больничный рацион и прогулки у люка, чем изрядно обозлил солдат, которые должны были час за часом стоять в карауле, вместо того чтобы отдыхать между вахтами.

Однажды вечером, когда люки задраили после очередного обхода, Ник, опираясь на борт и глядя, как заходящее солнце превращает море в чашу с червонным золотом, облегчил передо мной свою душу.

— Бен, — сказал он. — Я скорее за них, чем против! Если бы они вырвались наверх и пошвыряли за борт всех людей короля, я стоял бы рядом и размахивал шляпой, приветствуя это справедливое дело!

От таких слов у меня по спине побежали мурашки — это говорил человек, получивший хорошее воспитание и сам занимавший на борту должность офицера!

Ник продолжал:

— Есть там, внизу, один человек, способный на это, человек, которого ни угрозы, ни голод не заставят плыть по течению. Этот человек не будет невольником, Бен. Он уже испытал эту долю и вырвался на свободу, и сделает это снова.

Ник выпрямился и сплюнул в море.

— Будь прокляты те, кто способен гнать за море своих собратьев, словно скот на продажу! — выпалил он. — Это Кастеры и им подобные толкают людей на беззаконные дела, а кто раз провинился, у того уже нет никаких надежд снова стать человеком! Ты понимаешь, как это действует на людей, Бен? Их сердца превращаются в сгустки ненависти!

Я знал человека, о котором он говорил, — это был Пью. И вам тоже довелось его узнать, Джим, только он был лет на двадцать моложе, когда я впервые столкнулся с ним.

Он был прикован к главной цепи, тянувшейся во всю длину пушечной палубы, вместе с тремя другими узниками, такими же головорезами, как сам Пью. Первым слева от него сидел могучий детина лет двадцати, у которого руки были, как дышла, а буйный взор с трудом пробивался сквозь заросль темных волос и бакенбард. Звали его Андерсон, уже тогда он прославился неукротимым, вспыльчивым нравом.

Дальше следовал Черный Пес, щуплый рябой юноша, проходя ученичество у замочных дел мастера, он проявил повышенный интерес к чужим замкам. Свое прозвище он получил благодаря

длинным черным волосам, которые оттеняли его бледное лицо и придавали ему сходство со спаниелем. Черный Пес с самого начала подпал под влияние Пью, и все те годы, что я их знал, оставался его подручным.

Последний из четверки, сидевший у самой переборки, был тоже ваш старый знакомый — не кто иной, как Израэль Хендс. До тех пор он еще ни разу не встречался с остальными тремя, которые попали на судно из одной тюрьмы. Угрюмый от природы, Израэль держался особняком и все время усердно обрабатывал какую-то поделку из кости, неустанно шлифуя ее о звенья своей цепи. Я решил тогда, что он трудится над моделью парусника, намереваясь продать ее за несколько пенсов по прибытии на место. Позже оказалось, что Хендс ухитрился из столь необычного материала изготовить короткий, но страшный нож. Я говорю об этом потому, что оружие, изготовленное Хендсом во мраке под палубой, сыграло немалую роль в нашей судьбе.

Здесь уместно, пожалуй, рассказать вам несколько больше об этом милом квартете, ставшем ядром дьявольской шайки, с которой мне пришлось плавать в последующие годы.

Пью — признанный главарь четверки до появ-

ления Джона Сильвера — начинал свою жизнь мальчиком на побегушках в Дептфорде; я слышал от него, что он не знал ни отца, ни матери. Может быть, это было к лучшему, потому что они, скорее всего, кончили свою жизнь на виселице. Юношей Пью попал в море, в первые годы Испанской войны был капером. Подобно большинству приватиров, он быстро разобрался, что выгоднее, — иначе говоря, предпочел каперству открытое пиратство и стал грабить подряд все суда, независимо от национальности.

В отличие от Сильвера, Пью никогда не связывался с работорговлей, а продолжал пиратствовать у берегов Аравии, пока военные корабли не очистили Персидский залив; тогда он вернулся на родину и стал контрабандистом. На берегу близ Фоуи в схватке с таможенной полицией Пью был ранен; приятели скрылись в ночном мраке, а его взяли. Его ожидала виселица, только молодость и могучее сложение спасли ему жизнь: раб Пью представлял для правительства бОльшую ценность, чем труп на виселице на перекрестке корнуоллских дорог...

Туповатый Джоб Андерсон был портовым грузчиком; его схватили в той же стычке. Он родился в Бристоле и еще в юности столкнулся с

контрабандистами. Подобно большинству этих людей, Джоб любил выпить; глотнув вина, он превращался в льва, а трезвый был послушен, как ягненок.

Израэль Хендс, которому тогда было около тридцати, успел уже тогда стать прожженным негодяем. Он плавал с самым пресловутым из всех пиратов, знаменитым Эдвардом Тичем, более известным под кличкой Черная Борода. Незадолго до моей встречи с Хендсом кровавой карьере Тича положил конец сметливый лейтенант из колоний, молодой парень по фамилии Мэйнард.

Израэль Хендс был у Тича пушкарем и спасся только благодаря тому, что находился на берегу на излечении после одной из милых забав своего капитана. Черная Борода любил подшутить: в разгар веселой пирушки в каюте он вносил еще большее оживление, незаметно опуская под стол пистолеты и посылая наугад пули в ноги своим собутыльникам. Дня за два, за три до встречи с кораблем Мэйнарда у капитана как раз проходила очередная попойка, и Израэль Хендс, сидевший напротив Черной Бороды, получил пулю в колено; с тех пор и до конца своих дней он всегда прихрамывал.

После гибели Тича Израэль бежал в Нью-Провиденс, островную республику пиратов, и плавал со многими пиратами, в том числе с Инглендом, Девисом и Стид-Беннетом.

Израэль явно родился под счастливой звездой. Ингленда высадили на остров, Стид-Беннет был пойман и повешен, но пушкарь каким-то образом вышел сухим из всех переделок и вернулся в Бристоль, намереваясь зажить в довольстве на свою долю в пиратской добыче.

Однако ром погубил Хендса, как губил других его приятелей, и уже через полгода ему пришлось заняться мелким воровством, чтобы добыть средства к существованию. Летом он участвовал в ограблении таможенного склада в Уотчете и в итоге оказался в кандалах рядом с Пью.

Ну вот, Джим, это, собственно, все. Должен сказать, что, на мой взгляд, этой четверке еще повезло, потому что уже к двадцати годам они были самым подходящим украшением для виселицы. Что поделаешь, так повелось

— люди, которых толкает на преступление нужда, рассчитываются сполна и отправляются на тот свет, а негодяи вроде Пью и Хендса благополучно здравствуют и бесчинствуют до глубоких седин.

А теперь расскажу, как мы в этом злополучном плавании столкнулись с самым прожженным изо всех них.

Как я уже говорил, в безветренный вечер мы с Ником стояли, беседуя, возле носового люка. Вдруг у самого горизонта с левого борта вспыхнуло яркое пламя. Впередсмотрящий поднял тревогу, и капитан вышел на палубу узнать, что случилось.

Сначала мы подумали, что там горит корабль, но минуту или две спустя пламя превратилось в красную точку, а затем и вовсе исчезло. Мы решили, что это был сигнал бедствия. Капитан Айртон тотчас велел рулевому править в ту сторону.

Последующие события показали, что лучше бы капитан проявлял человеколюбие на своем судне.

Мы внимательно наблюдали за горизонтом, но новых сигналов не последовало. Должно быть, потерпевшие крушение, заметив огни «Моржа», подожгли свой парус в последней отчаянной попытке привлечь наше внимание.

Мы подошли к ним только под утро. Розовое сияние зари осветило безбрежный океанский простор и на нем — одиноко дрейфующий баркас.

Ник вооружился подзорной трубой, потом передал ее мне. Я увидел рослого, широкоплечего человека. Он был одет в костюм из доброго сукна, отделанная позументом шляпа оставляла открытым высокий чистый лоб. Он улыбался во весь рот, зато его товарищ, коренастый моряк с почерневшим от солнечных лучей лицом, лежал при последнем издыхании плашмя на банках.

— Вы поднимете сами или вам надо помочь? — крикнул капитан Айртон.

Человек в шляпе лихо отдал ему честь и звонко ответил:

— Я поднимусь к вам мигом, сэр, но за Томом придется спустить люльку: бедняга чуть жив!

Здоровяк поднялся по трапу и ступил на палубу, приветствуя капитана почтительным жестом и широкой, до ушей, улыбкой, от которой его кроткие голубые глаза вспыхнули мальчишеским задором.

— Докладывает капитан Сильвер, сэр, — заговорил он приятным и вежливым голосом, — бывший шкипер и совладелец барка «Розалия» — невольничьего судна, вышедшего из Гвинеи двадцать девять дней тому назад! Господь благослови вас, сэр, мой добрый плотник и я не забудем, что вы спасли нам жизнь, во всяком

случае мне, так как боюсь, что бедняге Тому уже ничто не поможет.

Айртон спросил, сколько дней они пробыли в лодке.

— Двадцать три, — последовал ответ. — От всей команды осталось только четверо после того, как на корабле вспыхнул пожар, спустя неделю после отплытия!

— Что же случилось с остальными двумя? — осведомился капитан.

— Отдали концы, сэр, как честные моряки, служившие своему капитану до последнего вздоха, — отчеканил Сильвер. — А теперь, сэр, я ваш слуга на всю жизнь, прошу извинить меня, только дайте мне добрую кружку холодной воды. Отныне я пью одну воду, сэр. Скорее умру, чем разбавлю ее чем-нибудь!

Пока они беседовали, два моряка спустились в баркас и положили бесчувственного плотника в люльку. Затем его подняли на борт и отнесли в каюту.

В тот день и последующую ночь я больше не видел спасенных. С ними обращались хорошо, и Ник, которого вызвали осмотреть плотника, сообщил мне, что он встанет на ноги через день-два, а Сильвер пребывает в полном здравии, словно не

было никакого бедствия.

— Уж если кого называть удачником, то именно этого работорговца, — сказал Ник. — Чтобы такое вынести, нужно иметь сложение и запас сил, как у хорошего быка.

5

Всяких людей можно встретить на море, Джим. За двадцать лет скитаний я повидал и хороших, и плохих, но Сильвер ни в какие мерки не ложился.

Угадать, что у него на уме, было просто невозможно, и никто, даже сам Флинт, не мог чувствовать себя в безопасности рядом с ним. Иногда вы приходили к окончательному и бесповоротному убеждению, что он последний мерзавец, негодяй от клотика до киля, но в следующий миг он хлопал вас по плечу и вел себя так, что вы спрашивали себя — уж не возводите ли вы напраслину на лучшего товарища, какого только можно себе представить?

Люди вроде Флинта, Билли Бонса или Хендса были перед ним милыми детками. Назовите их головорезами, свирепыми, как разъяренный бык, но Сильвер, тот вообще был не человек, а помесь дьявола, башибузука, рубахи-парня и горничной.

В отличие от Пью или, скажем, Черного Пса, Джон рос не оборванцем. Отец его, как я слышал, держал постоялый двор в Топшеме и сколотил достаточно денег, чтобы дать сыну хорошее образование. Да только Сильвер-младший оказался слишком твердым орешком для школьных учителей. Обломав об одного из них палки, предназначенные для его же воспитания, Джон бежал и завербовался на каботажное судно.

Вскоре он стал уже плавать в дальние рейсы, не раз ходил в Левант. Одно из плаваний едва не кончилось печально для Джона. Вместе со всей командой он попал в плен к алжирским пиратам; да только Окорок оказался слишком скользким, чтобы эти нехристи смогли удержать его. Однажды ночью он прокрался на полуют и выбросил капитана за борт, после чего расправился с вахтенными, освободил белых пленников и привел пиратскую галеру в Геную с богатой добычей.

Набив карман, Джон Сильвер приобрел пай в одной из Восточных компаний и со временем сделался бы преуспевающим дельцом, если бы его судно, «Кентскую Деву», не захватили пираты. С ними он очутился в лагере капитана Ингленда на Мадагаскаре.

В те времена Мадагаскар был пиратским раем,

и Джон очень скоро стал своего рода главнокомандующим всей северной части этого кровавого острова.

Когда на корабле Ингленда вспыхнул бунт и капитана высадили на острове Св. Маврикия, Сильвер остался с ним. Вместе они затеяли работорговое предприятие, которое привело их в Карибское море. Здесь их пути разошлись. Джон всерьез занялся работорговлей, подрядившись поставлять невольников на плантации Нового Света и дважды удачно сбыл живой груз, а на третий раз его постигло худшее, что только может случиться на корабле, — пожар в открытом море.

Сам он, как всегда, ухитрился спасти свою шкуру, и он не обманул капитана, сообщив, что, кроме него, спаслось еще трое. Но Сильвер сказал капитану не все. Об этом я узнал потом от Тома Моргана, того самого плотника, которого подняли скорее мертвого, чем живого, на борт «Моржа».

Он видел собственными глазами, как Сильвер убил ножом белого и вышвырнул за борт негра. Смертельный страх перед Сильвером остался у Тома на всю жизнь, и не без основания: он считал, что быть бы и ему за бортом, не подбери мы их вовремя. Он был на редкость догадлив, этот

6

Говорят, если ты выудил человека из воды и спас его от гибели, то будешь связан с ним на всю жизнь, Джим. Что-то в этом роде произошло и теперь. В несколько часов Сильвер сделался на корабле своим человеком. Молодой помощник капитана поместил его у себя в каюте, а столовался Джон вместе с самим капитаном и офицерами охраны.

Долгое плавание нагоняет скуку, а в Сильвере они нашли приятного собеседника: когда Джон был в ударе, слушатели забывали обо всем на свете.

Большинство матросов быстро привыкли называть Сильвера его корабельным прозвищем — Окорок. Обходительность Джона и щедрость, с какой он раздавал серебро из позвякивающего парусинового мешка, спасенного от пожара, быстро сделали его всеобщим любимцем.

Как ни странно, изо всех только Ник не поддался тогда его чарам.

— Не пойму я что-то этого Сильвера, — сказал он мне однажды. — Каждый раз, когда мне встречаются этакие краснобаи, я настораживаюсь.

Откуда вдруг такое благочестие у работорговца?

В самом деле, получив однажды разрешение присутствовать при осмотре каторжников, Сильвер деловито семенил между рядами кандальников и извергал из себя потоки благочестивых речей, которые сделали бы честь любому расстриге.

— И еще, — продолжал Ник. — Когда мы были внизу, я слышал, как один из ссыльных назвал его Окороком. Откуда эти люди могут знать кличку Сильвера?

В тот же день мы приблизились к разгадке этой тайны.

Вскоре после захода солнца в нашу каюту просунулась голова Сильвера.

— Прошу извинить меня, мистер врач, — произнес он с обычной почтительностью. — Капитан Айртон был так любезен, что разрешил мне спуститься вниз к этим бедолагам и раздать им немного табачку!

Я немало удивился, но Ник и глазом не моргнул.

— Без охраны? — спросил он с расстановкой. — И вам не страшно, мистер Сильвер, появляться одному среди этих людей?

— Нет, сэр, нисколько, — ответил Сильвер

невозмутимо. — Да и чего мне страшиться? Когда небесный кормчий соблаговолил направить мой челн прямо к вашему судну, он сделал это не для того, чтобы я был растерзан шайкой кандальников! Я убежден, что он уготовил мне более достойную судьбу, сэр!

Ник громко расхохотался.

— Ладно, мистер Сильвер, — сказал он самым любезным тоном. — Я уже спускался сегодня в трюм и ничуть не жажду сделать это еще раз. Вот ключ от люка.

Мы прошли вдвоем на нос. Вахтенные удивились, что мы идем без солдат, но Сильвер, не колеблясь, нырнул в темное отверстие люка. Я последовал за ним.

Едва мы очутились одни, как он доверительно обратился ко мне:

— Бен, дружище, мне кажется, я могу сказать тебе правду и положиться на тебя. Понимаешь, сердце мое обливается кровью, когда я вижу, что с человеческими созданиями обращаются как со скотом. Поэтому я собрал в ведерке кое-что из еды, чтобы отдать самым достойным из этих несчастных. Ты поднимись быстренько по трапу и пройди к каюте. В ней никого нет, помощник на вахте, а ведерко стоит сразу за дверью.

На то, чтобы забрать ведерко и вернуться, у меня ушло минут пять или десять, но, когда я достиг конца трапа, из темноты протянулась рука и затащила меня за переборку. Голос Ника прошептал мне на ухо, чтобы я не двигался с места. Очевидно, Ник шел за нами до носового люка, а потом подождал, когда я пройду на корму, и спустился по трапу.

В колеблющемся свете фонаря я увидел Сильвера. Он шептался о чем-то с Пью, и Хендс тоже пододвинулся к ним, насколько позволяла цепь. Мы с Ником напрягли слух до предела, но смогли уловить только два слова: «Флинт» и «Порт-Ройял».

Наконец Сильвер выпрямился и крикнул:

— Бен, ты здесь?

Ник живо поднялся вверх по трапу, успев сказать, чтобы я сразу же привел Сильвера к нему.

Я прошел к Джону и подал ему ведерко, которое затем перешло в руки к Пью.

Сильвер громко произнес:

— Ну вот, поделите это с соседями, а завтра получите еще — для тех, кто этого заслуживает.

— Господь да благословит вас, мистер Сильвер, — отозвался Черный Пес.

— Никто из нас никогда не забудет вашу добро-

ту — верно, парни?

Послышалось одобрительное бормотание, однако что-то подсказывало мне, что все это говорится для меня, а не для Сильвера.

Как только мы поднялись и заперли люк, я сказал Сильверу, что Ник ждет его. Он сразу же подчинился. Ник сидел на своем рундуке и попыхивал сигарой.

— Сильвер, — начал он резким тоном, едва я прикрыл дверь. — Вы сами расскажете, какое дело задумали, или мне обратиться к капитану?

Надо было в эту минуту видеть лицо Сильвера. Выражения сменялись одно за другим, пока не застыла на лице смесь грусти и печального удивления.

— Добро, мистер врач, — вымолвил он наконец. — Чувствую, что вы раскусили меня, и поделом — не пытайся провести такого образованного джентльмена, как вы!

— Ладно, ладно, — ответил Ник со смехом в голосе. — Итак, сколько человек вы отобрали для себя?

Сильвер не спеша сел; он успел полностью овладеть собой.

— Лучше говорить все как есть, раз вы меня обошли. Могу только добавить, что вы не проиг-

раете, если поладите со мной, мистер Аллардайс. Дело обстоит несколько сложнее, чем вы думаете. Двое из тех, что гниют там внизу а кандалах, мои старые корабельные товарищи. А я не такой человек, чтобы отвернуться от друзей, застрявших на подветренном берегу, вот какое дело, мистер врач!

— Которые двое?

— Габриэл Пью и Израэль Хендс, — ответил Сильвер без запинки. — Я плавал с ними обоими на борту «Королевской удачи», со вторым года два назад, когда было покончено с Эдом Тичем, и Хендс явился без гроша в кармане на Нью-Провиденс!

— Насколько мне известно, — ухмыльнулся Ник, — «Королевская удача» была пиратским судном, а Нью-Провиденс — заповедным краем пиратов, где они могли сбывать добычу, не опасаясь нескромных вопросов?

Сильвер даже не сморгнул.

— Совершенно верно, — сказал он. — Как и то, что у вас острый глаз и хорошая память. Да только вы, похоже, никогда не слыхали о королевской амнистии, которой я воспользовался с большинством членов берегового братства.

С этими словами он достал из кармана и бросил

на стол грязный свиток пергамента.

Свиток был испещрен буквами, написанными рукой какого-то законника; внизу красовалась большая красная печать, потрескавшаяся и обломанная по краям, но сохранившая рисунок королевского герба.

Ник внимательно изучил пергамент, и раз уж я взялся поведать вам все, что знаю о золотой поре карибских флибустьеров, стоит, пожалуй, рассказать поподробнее об «индульгенции Вудса-Роджерса».

Капитан Вудс-Роджерс стал губернатором нескольких островов Карибского моря лет за сорок до событий, о которых я вам говорю. Ему удалось склонить английского короля на то, чтобы объявить полную амнистию всем, кто бросит разбойный промысел и вместо этого займется колонизацией заморских земель, став частным плантатором или торговцем. Пиратам разрешалось сохранить все добытое имущество: корабли, золото, серебро, драгоценности...

Большинство членов берегового братства воспользовалось прощением, и в той части света пиратство прекратилось на много лет. Конечно, как только Вудс-Роджерс умер, все началось сначала. Время от времени губернаторы Ямайки и

других владений объявляли новые амнистии, но все они назывались по имени первого человека, которому эта мысль пришла в голову.

— Слыхал я об «индульгенциях», но вижу впервые! — сказал Ник. — Однако мне непонятно: если амнистия объявлена для всех, почему ваши приятели до сих пор в кандалах?

— Находятся люди, — произнес Сильвер назидательно, — которым недостает ума воспользоваться милостью Его Величества и начать новую жизнь. А вот я, сами видите, распростился с прошлым и занялся честным промыслом, как записано на этом клочке бумаги.

— А капитану Айртону известно об этом? — спросил Ник.

— Нет, сэр, — отчеканил Сильвер. — Я решил, что ему это незачем. И давайте договоримся сей же час, что все будет шито-крыто. Там внизу сидят двое добрых моряков, которые пригодятся мне, когда я обзаведусь кораблем.

— Но ведь вы можете просто купить их, — заметил Ник.

— Нет, сэр, не могу, — возразил Джон. — Шкипер сказал, что все каторжники на корабле уже расписаны по плантаторам Северной и Южной Каролины.

— Что же вы намерены сделать? — спросил Ник.

— Помочь им сняться с якоря, когда мы зайдем за провиантом в Порт-Ройял, — ответил Сильвер прямо. — Они мне нужны, и я добьюсь своего — это мой долг перед друзьями!

— Вы, видно, очень доверчивый человек, что делитесь со мной своими планами, — медленно произнес Ник.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь, — Сильвер осклабился. — Вы извините меня, но мне сдается, что с вами можно поладить. Двадцать гиней за молчание!

Ник расхохотался.

— А если я пообещаю вам молчать совершенно бесплатно? — предложил он.

Глаза Сильвера сузились.

— Одно из двух, мистер Аллардайс. — Либо вы на редкость великодушный джентльмен, либо знаете сами, почем фунт лиха! Итак, по рукам, сэр?

— Только эти двое? — спросил Ник.

— Только двое, провалиться мне на этом месте! — воскликнул Сильвер. Отсюда все и началось: у меня на глазах Ник Аллардайс, сын

приходского священника, и Джон Сильвер,

пират и работорговец, ударили по рукам и стали, так сказать, птицами одного полета...

После той ночи они с Сильвером редко разлучались.

...Но вот настал долгожданный день, когда мы услышали крик впередсмотрящего:

— Земля!

Мы подошли к первому из множества островов, протянувшихся вдоль горизонта, словно изумруды по краю огромной синей чаши. А вслед за тем показался ослепительно белый Порт-Ройял, и мы бросили якорь на рейде, окруженные кораблями всех размеров и всех наций.

Плоскодонные лодки с командой из черно-кожих негров или бронзоволицых метисов, а в лодках целые горы дынь, апельсинов, гранатов, при виде которых текут слюнки... В обширном полукруге залива огромные корабли под английским, французским, голландским или испанским флагом, с зарифленными парусами... Шхуны, люгеры, шнявы, барки, бриги, ялики... Неиссякаемый поток людей, перекликающихся на дюжине различных языков. А краски, Джим! Ярко-красные мундиры морской пехоты, золотистый песок за полосой прибоя, слепящая глаз белизна правительственных зданий вдоль при-

стани, серебряные блики на оружии часовых на крепостном валу и на металлических пуговицах нарядно одетых мужчин. Добавьте к этому огненно-красные и желтые юбки мулаток с корзинами на голове. А в громоздящемся за набережной городе, дома которого точно расталкивали друг друга, спеша спуститься к прохладному берегу, — дьявольский разгул...

Но подлинное лицо города открылось мне лишь потом, а в то утро я переживал, быть может, самые счастливые часы моей грешной жизни.

Сильвер был моим первым проводником по городу. Он был в ударе, весь излучал дружелюбие и охотно рассказывал обо всем, что нам попадалось навстречу. Так мы бродили час или два; вдруг откуда-то вынырнул рослый негр и сунул Сильверу клочок бумаги, а сам замер на месте, словно ожидая ответа.

Сильвер прочел записку, прищурился, затем хлопнул меня по плечу и попросил обождать его на молу, около которого стоял наш корабль.

— У меня срочное дело, — объяснил он торопливо. — Речь идет о судне, которое я могу приобрести очень дешево, только надо не мешкать.

Он пересек набережную и исчез в кабачке, меньше чем в кабельтове от того места, где его

остановил негр. Вряд ли я стал бы задумываться о случившемся, если бы не заметил, как Сильвер на секунду замер у входа в кабачок и воровато осмотрелся по сторонам. Он был весь какой-то подобравшийся и напряженный, точно охотничий пес перед норой.

Странное поведение Джона заставило меня насторожиться. Я сказал себе, что в этой записке речь шла скорее о двух висельниках с пушечной палубы «Моржа», чем о будущем судне господина Сильвера. Иначе зачем бы ему проверять, что никто из нашей команды не видит, как он идет заключать сделку?

И я решил последить за Сильвером — выждал минуту-другую, потом направился к улице Форт-Кос, чтобы подойти к кабачку с другой стороны.

Совершив обходной маневр, я очутился возле нагретой солнцем задней стены кабака. Между грубо обтесанными бревнами зияли широкие щели, в которые могла бы пролезть крыса. Людей у этой стены было немного, и я уселся подле стены, время от времени заглядывая в щель. Я не боялся вызвать подозрений — здесь на каждом шагу сидели бездельники.

Не могу сказать, чтобы увиденное и услышанное в тот раз подтвердило мои догадки.

Сильвер сидел за столиком у дальней стены, и вместе с ним еще двое, моряки с виду. Такой зловещей парочки мне никогда не приходилось встречать. Зная кое-что о прошлом Сильвера, я без труда догадался, что это флибустьеры, и притом главари, судя по одеянию одного из них.

Именно он в первую очередь привлек мое внимание. Бросались в глаза его могучее сложение и высокий рост; широкие плечи и узкие бедра обличали человека, умеющего не только нанести мощный удар, но и ловко уйти от ответного выпада. На нем был выгоревший красный камзол, вроде тех, что носят кавалеристы, и поношенные, но еще прочные флотские сапоги, плотно облегающие икры. Поверх шелкового кушака с длинными кистями он затянул широкий пояс с пряжкой и четырьмя зажимами, в которые были вставлены пистолеты. Голубая батистовая рубаха с открытым воротом потемнела от пота. Завершался весь этот несколько поблекший наряд простым шерстяным колпаком, который плотно облегал череп флибустьера, наводя на мысль, что он лысый и обычно носит парик.

Однако больше всего меня поразила не одежда, а лицо этого человека. Продолговатое, по-лисьему коварное, оно все было усеяно темными

точечками.

Разумеется, он не родился с таким лицом; говорили, что Флинта изуродовало взрывом, который едва не отправил его на тот свет и испещрил порошинками все лицо от лба до шеи.

Мне всегда казалось самым страшным во Флинте не лицо, не голос и даже не жуткое хладнокровие, а его смех. Когда Флинт смеялся, наступал час вспомнить про катехизис и перебрать в памяти все свои прегрешения, потому что смеялся он редко, а если смеялся, то это означало, что кто-то из окружающих может не спеша собираться в путь на тот свет. Смех Флинта был какой-то особенный, утробный, ни один звук не вырывался при этом из его горла, и лицо оставалось совершенно неподвижным, только плечи тряслись.

Второй пират обладал далеко не такой выразительной внешностью, хотя и обращал на себя внимание добротной морской одеждой и чистым бельем. Из-под надвинутой на лоб треуголки торчал большой нос с горбинкой — единственная примечательная черта его широкого обветренного лица. Возраст Флинта невозможно было определить, этот же выглядел лет на сорок; его можно было принять за владельца небольшого морского судна или жемчугопромысловой шху-

ны. Вообще, казалось, он попал в эту компанию случайно.

Все трое переговаривались вполголоса, и было видно, что речь идет о весьма серьезном деле. Вдруг занавес около них раздвинулся, и вошел еще один человек. Он нес чашу с пуншем, за край которой были зацеплены изогнутыми ручками медные кружки.

Сильвер приветствовал его с большим радушием, дружелюбно похлопав по спине. Я услышал, что он назвал его Дарби. И до чего же этот человек был не похож на троицу за столом: низкорослый, кривоногий и горбатый — словом, жалкий калека с бессмысленным выражением глаз, какое бывает у полоумных.

Он вяло улыбнулся в ответ на приветствие Сильвера, но ничего не сказал, только издал какие-то кудахтающие звуки. Позднее я узнал, что он немой. За несколько лет до того он попал в плен к испанским пиратам с острова Тортуга и доставил им развлечение на один вечер, после чего бежал… с отрезанным языком.

Это был Дарби Мак-Гроу, тот самый, к которому я взывал голосом Флинта в день решающей стычки на плече Подзорной Трубы. Дарби принадлежал Флинту душой и телом.

Вы не ошиблись, Джим, если предположили, что второй спутник Флинта, в черной суконной одежде, был Билли Бонс, тот самый старый морской волк, который доставил вам и вашим друзьям столько неприятностей, но зато подарил такое богатство.

Негр, стоявший на страже у входа, был человеком Билли — беглый раб с флоридских плантаций, известный в Порт-Ройяле под кличкой Большой Проспер. Он был беззаветно предан Бонсу, спасшему его от погони, когда беглеца настигали волкодавы. Негр следовал за Бонсом как тень, готовый убить даже самого Флинта по первому знаку Билли.

Это был удивительный человек и непревзойденный боец. Он пользовался необычным оружием — деревянным молотом с железными нашлепками и длинной рукояткой. Своим молотом он орудовал с такой легкостью, словно это была зубочистка, сшибал по три человека разом, а то и больше. Большой Проспер всегда шел во главе абордажников.

Мне не пришлось долго подслушивать; распив пунш, все трое поднялись и прошли следом за Дарби во внутреннюю комнатку за занавесом. Видно, речь пошла о таких делах, которые они

предпочитали обсуждать в более укромном месте...

Возвратившись на корабль, я рассказал Нику обо всем случившемся, однако он лишь потрепал меня за ухо и сказал, что Сильвер, конечно, не овечка, но ведь и убийство не лучше (имея в виду нас) — так по какому праву я шпионил за ним?

Я забрался на свою койку и попытался осмыслить виденное и слышанное за этот день. Однако прогулка на берегу после трехмесячного плавания утомила меня больше, чем я думал.

...Очнувшись от сна, я вышел на палубу и увидел, что давно наступил день. В этот момент судовая лебедка подняла полдюжины больших бочек с грузовой баржи и опустила их в кормовой трюм. Стояла ясная солнечная погода, с моря дул освежающий бриз. Я протер глаза, прогоняя остатки сна, и окинул взором залив. Ничто не говорило мне, Джим, что это последнее утро, которое я встречаю как человек с незапятнанной совестью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПИРАТ ПОНЕВОЛЕ

1

Большую часть этого дня мы с Ником провели вместе на берегу.

Ник был очень ласков, разговаривал со мной, как с братом, убеждал, что мне недолго горевать из-за неприятностей, которые он на меня навлек, наш побег и для меня обернется началом новой жизни, о какой я не мог бы и мечтать в Англии.

Я собрался с духом и задал ему вопрос, который тревожил меня вот уже неделю, если не больше, — каким способом, по его мнению, Долговязый Джон освободит своих друзей, Хендса и Пью. Он ответил мне без околичностей, что Сильвер спрятал напильники в объедках, которые я отнес в трюм, и, наверное, оба уже освободились от кандалов и только ждут удобного случая бежать с корабля. И конечно, Сильвер придумал, как выпустить их из-под палубы; недаром он вызвался быть посредником между квартирмейстером «Моржа» и корабельным поставщиком и так пристально следил за погрузкой бочек в кормовой трюм. Поэтому Ник и решил сойти

на берег. Он предпочитал быть в стороне, если что-нибудь сорвется и Сильвера накроют с поличным.

Ответ Ника успокоил меня, и я не стал больше ломать себе голову: какое нам дело до затеи Сильвера!

Мы вернулись на корабль на закате и узнали, что все припасы получены и через два дня поутру мы отчаливаем. Хендс и Пью все еще находились на борту, и меня это встревожило, но потом я рассудил, что Сильвер, скорее всего, дожидается темноты, чтобы выпустить их через кормовой трюм и незаметно переправить на берег.

...Проснулся я от страшного вопля. Было еще темно, до рассвета оставалось не меньше двух часов. Ночь выдалась безлунная, и я не видел койки Ника, не знал даже — на месте ли он. На корабле царила дикая сумятица, слышались крики, топот бегущих ног, звон металла и редкие выстрелы.

Наконец я собрался с духом и высек огонь кремнем, который всегда лежал у меня под рукой на полочке. При первой же вспышке я разглядел Ника, он сидел на бочонке у самой двери, бледный как мел. Выражение его лица испугало меня еще больше, чем зловещий шум на палубе.

— Оставайся на своей койке, Бен, — резко

произнес Ник. — Выходить наружу сейчас равносильно смерти!

— Что случилось? — выдавил я из себя, стуча зубами.

— Они захватили корабль! — ответил он коротко.

— Каторжники?

— Шайка Сильвера!

Я не представлял себе, как это могло случиться. Корабль стоял всего в четверти мили от берега, под самыми дулами крепостных пушек. Я знал, что капитан и офицеры охраны — на берегу; они гостили в доме губернатора со дня нашего прибытия. Но ведь на корабле всегда оставалось от десяти до пятнадцати вахтенных, не говоря уж о часовых, число которых ввиду близости берега удваивалось после захода солнца. Другими словами, на палубе находилось не менее двух десятков караульных с огнестрельным оружием. Даже если приятели Сильвера освободили половину каторжников, что может сделать сотня безоружных, истощенных бедняг, на которые смотрят сквозь люки ружейные дула?

Только я хотел выглянуть в ветровое окошко, как кто-то забарабанил в дверь нашей клетушки.

— Приготовь нож, Бен, будем отбиваться! — буркнул Ник.

В ту же минуту за дверью раздался голос Сильвера — совсем не такой, каким я привык его слышать до сих пор. В разгар схватки Джон ревел, как разъяренный бык.

— Стой, Том! Костоправ тоже часть нашей добычи! Веди ребят на полуют и отправьте за борт последних «омаров»!

Люди Тома сразу повиновались, и я услышал, как Ник усмехнулся. Сильвер часто называл его «костоправом» — обычная кличка судовых врачей. А под «омарами» он подразумевал солдат, прозванных так из-за красных мундиров.

Финал был коротким... Я услышал несколько выстрелов... Поток брани... И, наконец, громкий всплеск. «Счастливец тот, кто умеет плавать!» — подумал я.

А затем к нам в дверь постучался сам Сильвер.

— Придется отворить, мистер Аллардайс, — сказал он. — Мы поднимаем паруса, и ребята требуют, чтобы каюта была немедленно открыта!

— Добро, — ответил Ник с расстановкой. — Первые двое, кто переступит порог, не смогут потом хвастаться своим подвигом, Окорок! У нас

пистолеты, а промахнуться на таком расстоянии невозможно!

Сильвер только расхохотался в ответ.

— Бросьте, мистер Аллардайс. Никто здесь не тронет вас, покуда я нахожусь на борту. Только поэтому я позволил себе заглянуть к вам в ваше отсутствие и одолжить ваши пугачи! Открывайте и приступим к переговорам!

— Я предпочитаю, Джон, чтобы во время переговоров нас разделяла дверь! — ответил Ник непреклонно.

— Как хотите, — уступил Сильвер. — Я не желаю вам зла и говорю об этом прямо. Кое-кому из наших нужен врач. Ваши познания — ваш выкуп, если можно так выразиться. Это вас устраивает, мистер Аллардайс?

— Вполне, — ответил Ник. — С условием, что это распространяется также и на Бена!

— Идет! — согласился Сильвер, после чего Ник без колебаний отодвинул задвижку и распахнул дверь.

Перед нами с окровавленной саблей в руках стоял Сильвер, за ним, держа потайной фонарь, плотник Том Морган.

Рядом с Морганом стояла кучка людей. Я узнал негра Проспера и Израэля Хендса. При виде мун-

дира Ника они заворчали, но Сильвер одним движением руки заставил их умолкнуть.

— Все наверх! — скомандовал он. — Крепостные пушки откроют огонь, как только первый из этих плавающих «омаров» выкарабкается на берег!

Несколько человек уже облепили кабестан, поднимая якорь, другие карабкались по вантам, чтобы разрифить паруса.

— Что ж, пошли вниз, костоправ, — сказал Сильвер. — Посвети нам, Том. Мы прошли на корму и спустились в каюту капитана. Даже при слабом

свете фонаря были видны следы схватки. Три-четыре убитых матроса распластались у трапа, все еще сжимая в руках свои ружья. Дверь капитанской каюты была взломана, внутри лежали еще убитые — два солдата, отстреливавшиеся из-за поваленного стола.

Я никак не мог поверить в случившееся, а ведь в конечном счете мы с Ником сами были во всем повинны, одно своевременно сказанное слово могло предотвратить гибель честных людей, павших на своем посту.

Сильвер налил себе вина из капитанского графина, затем нашел еще две стопки и протянул нам.

— Итак, — произнес Ник, опрокинув свою стопку, — вы захватили корабль и собираетесь выйти из гавани под дулами крепостных пушек. А каковы ваши намерения относительно нас, единственных оставшихся в живых на борту людей короля?

— О, для вас дело найдется, — заверил Сильвер, вытирая свою саблю о скатерть и вкладывая ее в ножны. — Вахтенные и «омары» оказались упорнее, чем я ожидал. Билли получил неприятный удар, след от которого останется на его шкуре до судного дня, а четверо других схватили по пуле — следствие излишней горячности и недостаточной осмотрительности!

— И мне предлагается залатать шкуры этих негодяев в обмен за собственную жизнь? — спросил Ник холодно.

— Так точно, — ответил Сильвер. — Билли единственный здесь, кто умеет проложить курс по карте. Если он истечет кровью, нам придется нелегко.

— А я принимал вас за опытного моряка, Сильвер, — язвительно заметил Ник.

— О, вы переоценили меня, — усмехнулся Сильвер. — Кораблевождение никогда не было моим делом. Я квартирмейстер, мой долг — заботиться

о том, чтобы команда четко и быстро выполняла все приказания. Однако хватит разговоров. Выбирайте: целительное прикосновение врача или перерезанные глотки и двойной всплеск воды за бортом?

— А что потом? — не унимался Ник.

Я обливался холодным потом, ожидая, что терпению Сильвера вот-вот придет конец.

— Потом? — переспросил Сильвер, подняв брови. — Возможно, мы предложим вам присоединиться к нашей компании — подпишете пиратский контракт, и все в порядке, будете получать свою долю добычи. Ведь вы же, так сказать, человек ученый, можете пользу принести.

Вот как все это было, Джим! Ник согласился лечить раненых в обмен на наши жизни, и я был только рад этому.

Мы отправились вниз. К моему удивлению, большинство каторжников все еще оставалось в кандалах. Однако задавать вопросы было некогда. Нас ждали раненые...

Билли даже ни разу не застонал, пока Ник зашивал ему щеку при свете фонаря, который держал Морган. Помните багровый шрам на лице Бонса, сохранившийся у него до конца жизни? Тогда-то он его и получил, и счастье Билли, что удар был

скользящий, не то снесло бы ему полголовы. Едва операция была закончена и повязка наложена, как Билли поспешил к штурвалу. Крепость уже дала первый выстрел, который заставил всех людей на палубе укрыться за бульверком.

Двое других раненых были мне совершенно незнакомы.

Когда Ник закончил свое дело, снова появился Сильвер, неся вино, хлеб и сыр. Я понял по его лицу, что мы благополучно вышли из гавани и слышанные мною пушечные выстрелы не достигли цели. Крепостные пушкари заслуживали того, чтобы их вздернуть на виселицу: не смогли хотя бы одним ядром поразить корабль.

Ника и меня в тот день наверх не выпускали.

Около шести склянок пришел на лечение Израэль Хендс. Ник положил на его рану какую-то едкую мазь — и не без удовольствия, потому что Израэль отличался желчным и вспыльчивым нравом, и мы не испытывали к нему никакого сочувствия. Он был, конечно, храбрым бойцом и не нуждался в роме для отваги, лучше его никто не умел метнуть нож, но вряд ли вам захотелось бы оказаться рядом с ним в безлунную ночь, в особенности с деньгами в поясе.

Попозже спустились еще двое — оружейник

и парусный мастер из команды «Моржа». Они уцелели потому, что были оглушены во время схватки, а потом им посчастливилось попасть на глаза Сильверу, который привел их в сознание, окатив морской водой. Оба моряка, сытые по горло строгостями капитана Айртона и линьком его боцмана, охотно согласились присоединиться к пиратам. От них-то мы и узнали, как был захвачен корабль.

Ник не ошибся в своей догадке насчет Хендса и Пью — они перепилили кандалы еще в четырех днях пути от Порт-Ройяла. Но Ник не знал, что Хендс освободил также Андерсона и молодого слесаря, Черного Пса. Это было важной частью их плана, потому что могучая сила Андерсона и ловкость замочных дел мастера сослужили пиратам хорошую службу. Кроме них, среди каторжников было отобрано около дюжины самых отчаянных головорезов. Правда, распилить кандалы не успели, но Израэль не зря столько потрудился, изготовляя костяной нож. Черный Пес открыл им два замка, скреплявших восемь каторжников с главной цепью; тем временем Андерсон освободил еще четверых, выдернув голыми руками крюк из палубы, и эта группа прямо в кандалах ринулась в бой.

Теперь мы подошли к самой хитроумной части плана. Вы помните, что Сильвер посредничал при закупке провианта, помните большие бочки, которые грузили в кормовой трюм? Так вот, две бочки были легче других: вместо свинины в них были... Флинт и Большой Проспер.

До заката они просидели тихонько, затем вылезли и принялись за временную переборку, отделявшую кормовой люк от застенка.

Когда заступила ночная вахта, Проспер уже выпилил лаз в переборке и прокрался к Хендсу и Пью. Затем четверо коноводов собрались в кормовом трюме, а освобожденные кандальники во главе с Проспером и Черным Псом притаились у трапа, чтобы встретить солдат, которые ринутся вниз на первый же шум.

Итак, все было готово, ждали только сигнала — морской песенки. Ее должны были затянуть Бонс и полдюжины головорезов Флинта, когда их лодка подойдет к «Моржу».

Как только послышалась песня, Флинт, Пью, Хендс и Андерсон выскользнули из трюма и напали на солдат, которые уселись играть в карты на носовом люке.

Пираты действовали почти без помех, об этом говорят ничтожные для такого дела потери.

Пока шла расправа с караульными, лодка Бонса пристала к борту, и его отряд ворвался на полуют, преследуя уцелевших. Тем временем Флинт и его компания открыли люки, и на палубу выскочили каторжники. Они в несколько минут расправились с оставшимися людьми короля. Все сошло гладко. Будь на борту хоть один из старших офицеров, дело обернулось бы иначе, но на корабле находились только лейтенант и двое гардемаринов, да и те прыгнули за борт, едва поднялась тревога.

Вот примерно и все, что я помню о захвате «Моржа». Обычно флибустьеры в тех краях предпочитали суда поменьше, не с такой глубокой осадкой, ведь там кругом мелководье. Но у Флинта были свои замыслы, для выполнения которых он нуждался в добром корабле.

В первый же день началось переоборудование «Моржа», и наверху застучали молотки.

Мы с Ником не успели еще понять, в чем дело, как внизу появился Сильвер. Он пришел переговорить с каторжниками, и, сидя в кормовом трюме, мы слышали всю его речь. Надо сказать, что во всякого рода переговорах от главарей всегда выступал Сильвер. Флинт был плохим оратором, так же как и Бонс. Только Долговязый

Джон был наделен даром красноречия, а с такой командой, как у него, хорошо подвешенный язык играл далеко не последнюю роль.

Итак, незадолго до заката, Сильвер, стоя на трапе, обратился к каторжникам с воодушевляющей речью.

— Друзья, — начал он. — Сдается мне, что вы все до одного родились под счастливой звездой. Вы сидели тут, словно медведи на цепи, и что вам предстояло? Убить всю жизнь на то, чтобы выращивать сахарный тростник и табак на плантациях Виргинии, набивать чужие карманы! Да только теперь дело обернулось иначе, после того как ваш дорогой капитан выудил меня из могилы и предоставил возможность набрать команду из самых подходящих кандидатов в джентльмены удачи, каких только мне доводилось видеть! А у меня на это дело глаз наметанный, недаром я пил из одной чарки с первыми бойцами не только здешних вод, но и более южных широт! «Что он за человек?» — скажете вы, и правильно — только дурак поверит моряку на слово. Буду говорить все как есть, напрямик — зовут меня Джон Сильвер, я квартирмейстер этого корабля и подчиняюсь отныне только капитану Флинту, да и то лишь тогда, когда на горизонте появится приз! «Что с

нами будет?»

— спросите вы. И опять правильно. А мой ответ таков: это зависит только от вас самих, с той минуты, как с вас снимут кандалы и вы подниметесь на палубу!

Итак, друзья, вопрос ясен, решайте теперь сами. Никто вас не неволит: ни я, ни Флинт, ни даже король Георг, которому теперь до вас уже не дотянуться! Можете подписать с нами контракт, будем делить добычу поровну. Но я нарушил бы свой долг, если бы не предупредил тех, кто пойдет с нами и станет служить у меня, будь то под «Веселым Роджером» или любым другим флагом, что я человек такой — люблю отдавать приказания и люблю, чтобы их выполняли быстро и весело. А если вам это не по душе и есть среди вас кто-нибудь, кому захотелось бы поспорить со мной, то пусть выйдет вперед и скажет об этом. Посмотрим, кто из нас лучше владеет абордажной саблей, вымбовкой или любым другим оружием по выбору вызвавшего! И еще скажу, раз уж об этом зашла речь, — коли найдется среди вас такой человек и одолеет меня и я выйду живым из поединка, то будет он с той минуты моим начальником, а я дам отбой и стану козырять ему наравне со всеми! Вот и все,

что я хотел вам сказать. А вот и наши оружейные мастера, они снимут с вас кандалы и сделают джентльменами удачи тех, кто хочет добыть себе богатство вместе со мной, капитаном Флинтом и лучшей командой, какая когда-либо выжимала выкуп из испанской колонии!

Можете себе представить, как приняли эту речь бедняги с пушечной палубы, люди, которые во всем отчаялись, а тут вдруг чудом обрели свободу. Они подняли такой шум, что, наверное, было слышно в Порт-Ройяле, и всю эту ночь двое оружейников разбивали цепи и посылали освобожденных наверх, подписывать контракт на квартердеке под присмотром Бонса.

Только один человек решительно отказался пожертвовать, как говорится, бессмертием души ради свободы. Об этом человеке, старике Джейбсе Пэтморе, вы услышите еще не раз. Я так и не смог выяснить, за что его сослали. Он знал наизусть почти все Писание и говорил изречениями, хотя менее подходящую паству трудно было бы придумать. Он сказал оружейникам, чтобы не касались его кандалов, — мол, они надеты на него самим всемогущим Богом и только Богу дано снимать их.

Он умер бы с голоду, если бы Ник не проследил

за тем, чтобы ему носили еду и воду. Позднее, когда Сильвер хотел ссадить старика на берег, тот заявил, что предпочитает остаться, и его оставили как своего рода корабельный талисман. Позднее удалось убедить его освободиться от оков; с тех пор бывшего проповедника часто можно было видеть по ночам сидящим на якорных цепях и громко распевающим псалмы. А в каждое полнолуние он прорицал конец света...

2

Мы шли через Наветренный пролив, затем вдоль берегов Гаити до острова Тортуга (что означает «черепаха»), который стал сборным пунктом береговых собратьев. Путь этот требовал большого искусства от штурмана. По чести говоря, Билли Бонсу следовало бы оставаться в каюте, особенно в самое жаркое время дня, но все чувствовали себя увереннее, когда он находился на своем посту, и надо признать, этот старый мошенник держался бодро, выстаивал на вахте чуть ли не двенадцать часов подряд.

Наше положение с Ником продолжало оставаться опасным, и нам приходилось все время быть начеку. Сами понимаете, что первое время мы находились на положении пленников и у нас

просто не было выбора. Либо плыть одним курсом со всеми, либо отправиться за борт. Правда, Сильвер держался очень любезно, но зато Хендс и Пью по-прежнему видели в нас людей короля. Будь их воля, нас давно отправили бы на корм акулам.

Впрочем, это не мешало Нику считать нас наполовину пиратами уже потому, что мы несли главную ответственность за захват судна Сильвером.

Весь первый день мы с Ником только об этом и говорили. В итоге он пришел к заключению, что лучше предоставить событиям идти своим чередом, во всяком случае пока мы не окажемся вблизи какого-нибудь поселения. А тогда что-нибудь придумаем.

У Ника оставалось достаточно денег, однако мы хранили это в глубокой тайне. Пронюхай кто-нибудь, что Ник носит пояс, набитый английскими гинеями, нам тут же пришел бы конец.

На второй день мы отправились на квартердек и подписали контракт. Так подпись Ника появилась на круглом листе, приложенным к условиям, сочиненным Сильвером в первую ночь. Я тоже нацарапал свое имя и приложил большой палец. Пираты всегда расписывались по кругу, чтобы по

подписям нельзя было распознать главаря, если контракт попадет в руки судей.

А теперь пора рассказать вам, Джим, что представляло собой береговое братство сорок с лишним лет назад.

Начнем с того, что между пиратами и пиратским атаманом были совсем другие отношения, чем между командой военного корабля и адмиралом. Пираты чувствовали себя гораздо свободнее и вольнее, и ни один человек, даже такой, как Флинт или Девис, не мог безраздельно распоряжаться командой вроде нашей, исключая моменты боевых схваток и абордажа.

Капитана выбирали всеобщим голосованием, отдавая предпочтение лучшим бойцам и тем, кто особенно искусно умел разработать план захвата приза. Точно так же его могли и сместить, что нередко случалось, если команда была недовольна ходом дел.

Далеко не всегда капитан был моряком — взять хоть того же Флинта, — и тогда ему приходилось во всем полагаться на настоящего шкипера, вроде Билли, а уж тот прокладывал курс к цели, намеченной атаманом, — во Флоридский пролив или район Багамских островов, где проходили торговые пути в прибрежные города с мало-

численными гарнизонами, либо на перехват испанских серебряных караванов, которые дважды в году отчаливали от Перешейка.

Подлинным хозяином на борту в промежутке между набегами был квартирмейстер — нечто среднее между казначеем и боцманом; обычно в этой роли выступал образованный или полуобразованный человек вроде Сильвера. Квартирмейстеру надлежало обладать твердой рукой и острым языком, особенно когда начинался дележ добычи. По сути дела, именно он заправлял всей командой и отвечал за дисциплину на корабле.

Вместе с тем неверно было бы утверждать, что на пиратском корабле вовсе не знали субординации. Люди посмышленее держались заодно и помыкали обитателями нижних палуб. Экипаж пиратского судна делился на «господ» и на «чернь».

К числу господ относились капитан, штурман, квартирмейстер, старший канонир, боцман, рулевой, плотник и оружейные мастера. Они составляли своего рода комитет, который умел навязать свою волю остальным.

«Чернью» называли рядовых членов палубной команды и марсовых; им при дележе добычи причиталось на одну треть меньше, чем «госпо-

дам». Ник принадлежал к «господам» как лекарь; я же, не имея никакой морской выучки, всегда находился вместе с «чернью».

На борту пиратского корабля действовали определенные правила. Все было предусмотрено и записано, словно в корабельном уставе на военном судне.

Так, запрещалось приводить женщин на борт, и нарушение каралось смертью. Не дозволялись также дуэли на корабле; всякого рода недоразумения полагалось разрешать на берегу при секундантах. Лучшие пистолеты с захваченного приза вручали тому, кто первым заметил противника. Тем, кто потерял в бою руку или ногу, глаз или хотя бы палец, увеличивали долю. И так далее, всего около сотни правил, включая пункт, ограничивающий пирушки на корабле после полуночи, и запрет играть в карты на деньги во время плавания. Кстати, если бы Хендс и ирландец О'Брайен не нарушили этот запрет, вам никогда не удалось бы захватить у них «Испаньолу».

Я еще не рассказал вам о прошлом двух главарей — Флинта и Бонса. Флинт стал на путь разбоя еще в юности, плавал с Инглендом, Девисом,

Черной Бородой и даже со Стид-Беннетом, пока

сам не стал капитаном. Он был сыном каторжника, сосланного на Барбадос в конце прошлого столетия за участие в бунте против короля Джеймса. Всего после того бунта из западных графств сослали за моря около тысячи человек.

Отец Флинта был в то время совсем молодым. Когда короля Джеймса сменил голландец Вильгельм и объявил амнистию, он получил участок земли на острове, женился на квартеронке и стал семьянином. Наш Флинт был у него третий сын и мог бы вырасти почтенным плантатором или судовладельцем, если бы не испанцы, которые во что бы то ни стало хотели изгнать англичан, французов и голландцев, так как испанский король объявил своими владениями всю Вест-Индию и Мэйн.

Однажды ночью на поселение напал испанец-приватир и сжег все дотла, повесив старика Флинта и двоих старших сыновей на жердях под крышей их собственного дома. Младший Флинт отсиделся в зарослях, а потом примкнул к французским буканьерам в районе Сан-Доминго. Вместе с ними он много лет успешно сражался против испанцев.

Подобно Сильверу, он воспользовался королевской амнистией, однако лишь затем, чтобы

получить передышку и попытаться раздобыть судно покрупнее. Мелкие суда и шхуны теперь его не соблазняли, он мечтал атаковать серебряный караван или большое поселение на материке.

Совсем иначе сложилась жизнь Бонса. Много лет он был благонравным шкипером, ходил между Бостоном и Кубой, пока пираты не ограбили его корабль около Гаваны. Бонс ожесточился и решил вернуть свое добро тем же путем, каким потерял. Бонс держался особняком от остальных, и никто его не попрекал за это, потому что он был ужасен в сражениях, одинаково искусно владея абордажной саблей и железным костылем.

Билли был превосходным моряком, умел читать, писать и считать. Если бы не потеря брига, он, без сомнения, стал бы со временем членом Бостонского городского совета и владельцем полудюжины судов, управляемых Бонсами-младшими.

В этом нашем первом плавании меня больше всего поразило то, что Ник продолжал водить дружбу с Сильвером. Сначала я подумал, что Ник обхаживает Сильвера, стараясь обезопасить нас от других пиратов, а также подготовить нам возможность улизнуть с корабля, как только мы придем в какой-нибудь порт, откуда можно будет

добраться до Чарлстона. Очень скоро, однако, мне стало ясно, что дело обстоит куда серьезнее, что беспечный сын священника и сладкоречивый головорез не только поладили друг с другом, но и сколачивают вокруг себя наиболее смышленых членов команды.

Похоже, Сильвер уже тогда задумал при первом случае отделиться и составить свою команду.

Вот как обстояли дела в тот день, когда мы бросили якорь у острова Тортуга и большинство команды сошло на берег. Ник отозвал меня в сторону, сказал, что хочет потолковать со мной, и я спустился вместе с ним в ту часть пушечной палубы, которую отвели под кубрик.

Нужно сказать, что к этому времени «Морж» совершенно преобразился. Все «курятники» на палубе исчезли, а высота бульверка на всем его протяжении была увеличена фута на полтора. Пираты всегда предпочитают высокий бульверк и чистую палубу: бульверк защищает от картечи и пуль, когда корабли сходятся для схватки, а отсутствие лишних надстроек создает меньше целей для ядер противника.

Когда мы спустились, Ник снял свой пояс, отсчитал пятьдесят гиней, ссыпал их в мешочек и протянул мне.

— Зачем это? — спросил я. — Что я буду с ними делать?

— Эти деньги твои, Бен, — ответил он. — Сбереги их, они помогут тебе перебраться в любое место по твоему выбору. А я остаюсь, во всяком случае пока у нас с Сильвером не соберется достаточно денег, чтобы развернуть большое дело на берегу. До сих пор ты шел за мной, но дальше я не вправе тебе приказывать. Отсюда на Мэйн ходит немало судов, и Сильвер тебя пристроить. Ну, что ты скажешь на это, Бен?

Сначала я вообще ничего не мог вымолвить, до того меня потрясли его слова. Наконец я произнес:

— Так, значит, я вам больше не нужен, мистер Ник? Значит, это конец?

— Видишь ли, Бен, — заговорил он, — я забочусь о твоем же благе. До сих пор я не разлучался с тобой, так как считал себя обязанным за все то, что ты сделал для меня. Уберечь тебя от лап девонского шерифа было моим долгом, но теперь нам уже ничто не грозит, и было бы нечестно толкать тебя в новую петлю, когда можно избежать ее.

— А как же вы сами? — спросил я.

— Бен, я понимаю, тебе должно показаться странным — как это я решаюсь по собственной

воле войти в шайку таких головорезов. А все потому, что ты считаешь меня не таким, как они.

— Еще бы! — воскликнул я. — Клянусь небом, разве можно сравнивать!

Ник рассмеялся.

— Эх, Бен, простая ты душа! — сказал он. — Один человек выжимает пот из невольников, пока за сахар и табак не купит место в парламенте, чтобы стать одним из Кастеров, — это называется коммерцией! Другой, вроде Сильвера, действует более откровенно, идет напролом, рискуя башкой, срывает куш на море — это называется пиратством! А какая, в сущности, разница?

Но это рассуждение было слишком глубокомысленным для меня. Знай я тогда Священное писание так же хорошо, как теперь, Джим, я напомнил бы ему, что надлежит воздать кесарево кесарю и Божье Богу. Да дело-то в том, что все возможности просветить свой ум на этот счет я упустил, так как на проповедях крепко спал, а то и просто предпочитал играть в «орлянку» на могильных плитах за ризницей.

— Не буду убеждать тебя поступать вопреки совести, — продолжал Ник, — но ты подумай о тех, кого мы увезли из Англии, вспомни кандальников с нижней палубы. В чем они провинились?

В том, что, движимые голодом, присвоили какую-нибудь мелочь, как это было с твоим дядей Джейком? И зачем далеко ходить за примерами... Оглянись на свою собственную семью — живут в сырой лачуге у церковной стены и кланяются и раболепствуют перед Кастерами ради куска хлеба, который им необходим, чтобы были силы работать на тех же Кастеров! Где уж тут высшая справедливость! Неужели человек должен ползать на брюхе, чтобы прокормить своих детей? Нет, Бен, я уже решился. Хватит быть беглецом, буду драться, пока не смогу развернуть большое дело. А там, глядишь, вернусь в Англию и схвачусь с Кастерами в открытую.

Может быть, Ник говорил искренне, а может быть, всеми этими разговорами о большой плантации он хотел обмануть меня или самого себя. Знаю только, что я предпочитал быть пиратом рядом с Ником, чем честным человеком вдалеке от него, — я и ему так и сказал, просто и ясно, как мог.

— Ладно, Бен, — молвил он наконец, — тогда я вот что скажу. Если бы ты взял курс на Чарлстон с этими гинеями, ты очень скоро сел бы на мель и все равно примкнул бы к пиратам. Но раз ты сделал выбор, выходит, я по-прежнему отвечаю за

тебя. Тогда уж действительно оставайся со мной и постарайся не падать духом в беде. А я присмотрю за тобой, будем поровну делить хорошее и плохое, как делили до сих пор. Раздобудь абордажную саблю и пару пистолетов у оружейников, да пойдем на берег, выпьем за нашу дружбу!

Мы сошли на берег вместе с Сильвером, Морганом, Пью и другими, и к закату вся наша компания напилась в доску в вольном порту Тортуги. Нельзя сказать, чтобы мы составляли в этом смысле исключение, — к закату на Тортуге все перепивались до положения риз, кроме содержателей притонов и непьющих купцов-евреев, которые скупали у пиратов награбленное добро за десятую часть его рыночной стоимости, после чего отвозили скупленное на Кубу или в порты Мэйна и втридорога сбывали тем, кому эти товары некогда предназначались.

3

Не буду рассказывать всего, что приключилось за годы моих плаваний на «Морже», Джим. Да я все равно не смог бы вспомнить и половины, ведь человек склонен предавать забвению поступки, которых стыдится, а таких поступков на моем счету накопилось немало.

Опишу в самых общих чертах, что произошло после того, как мы подновили корабль и вышли с Тортуги на юго-запад, и подробнее о том, как нам удалось добыть такие богатства и схоронить их на Острове Сокровищ.

Помню первый захваченный нами приз — голландский барк «Ганс Фохт», шедший из Хука в Картахену.

У пиратов было заведено при виде встречного судна поднимать «Веселого Роджера» и выпускать одно ядро для острастки, чтобы заставить жертву лечь в дрейф.

Так было и с голландцем; он сдался, не дожидаясь второго выстрела. В трюмах мы обнаружили груз рейнвейна и коленкора, но больше всего нас обрадовали бочонки отличного пороха. Пью и Сильвер обыскали все закоулки, и после них, наверно, не осталось ничего даже тараканам. Потом на полуюте «Моржа» составили опись добычи, чтобы выдать каждому его долю в конце плавания. Дележом всегда распоряжался Билли, проводя его с придирчивой точностью.

Все это время капитан-голландец сидел на люке трюма и бесстрастно покуривал огромную трубку, вырезанную в виде головы негра. Наконец, когда корабль был опустошен, Флинт сказал

капитану, что тот волен плыть дальше. Однако часть его команды перешла к нам.

У нас был набор флагов всех национальностей, и мы пользовались ими, чтобы одурачить выслеженные корабли. Если показывалось английское судно, мы поднимали «Юнион Джек», но стоило нам подойти поближе, как на нок взлетал пиратский флаг и перед носом у жертвы плюхалось в воду пушечное ядро.

Самая хорошая охота была в проливе между Флоридой и Багамскими островами, но мы часто крейсировали и вдоль северного побережья Кубы, не брезгуя мелкой добычей. Иногда спускались на юго-запад до Подветренных и Наветренных островов.

Многие английские и французские губернаторы земель, отторгнутых от Испании, жили с нами в полном согласии. В Англии и во Франции найдется немало семейств, чьи поместья были куплены на выручку от краденого добра, которое поставляли губернаторам Флинт и другие пираты. И выходит, Ник и Сильвер по-своему были правы: Бог и впрямь помогал тому, кто сам не зевал. Я не раз спрашивал себя, кто же бОльшие грешники — буканьеры, с риском для жизни занимающиеся грабежом, или губернато-

ры, сидящие в полной безопасности на берегу и наживающиеся на перепродаже награбленного?

С таким кораблем, как «Морж», и с такой командой Флинт мог потягаться на ходу и в бою с любым судном в водах Мэйна. Девять из десяти кораблей, которым мы бросали вызов, поднимали белый флаг после первого же нашего выстрела. А если доходило до схватки, абордажный отряд во главе с Сильвером и Пью в два счета расправлялся с врагом.

Иногда Флинт приводил захваченное судно в какой-нибудь порт, где и сбывал его по дешевой цене. Однако чаще он отпускал ограбленное судно, надеясь, что оно еще доставит ему хорошую добычу.

Если в бою с нами судно противника получало сильные повреждения, мы поджигали его и бросали на произвол судьбы вместе со строптивым капитаном.

Случалось, хоть и очень редко, что нам давали отпор. Однажды мы замахнулись на американский люгер, да только там были отменные пушкари, потому что мы получили дюжину пробоин и потеряли бизань-мачту. Пришлось улепетывать на Гренадины, где мы зализывали свои раны.

Рассказывают, будто пираты завязывали пленникам глаза и заставляли идти по положенной на борт доске, пока они не упадут в море. За все годы, что я был джентльменом удачи, я ни разу не видел такой расправы, даже не слышал о ней. Мы никогда не проливали кровь, если этого можно было избежать. Чаще всего так оно и получалось: «купцы» вели себя как овцы при виде волков.

Дважды в год, когда подводная часть корабля обрастала настолько, что это тормозило ход, мы чистили днище. Килевать такой большой корабль, как «Морж», дело нелегкое. Мы отыскивали уединенную гавань, снимали пушки и такелаж, сажали судно на песок и с помощью воротов клали набок, после чего принимались соскребать водоросли и ракушки. Частенько мы заходили для килевания на Остров Сокровищ, или остров Кидда, как его еще называли.

Буканьеры облюбовали этот островок лет за сто до нас. Сруб на берегу поставил Кидд, он превращал его в укрепленный форт на то время, пока корабль стоял вверх дном.

Большинство пиратов изрядные лентяи, Джим, и хотя мы не раз посещали остров, мало кто уходил далеко от берегов Южного залива или Северной бухты. Но мы с Ником никогда не упус-

кали случая поразмять ноги, и в тот раз Сильвер повел нас на Подзорную Трубу стрелять диких коз. Это у него я научился засаливать мясо.

Охотясь в лощинах Подзорной Трубы, мы вели себя как шкодливые мальчишки, и если на долю Ника или Долговязого Джона выпадал удачный выстрел, между скал раздавались веселые крики и смех. Много лет спустя, когда я очутился на острове один, мне нередко чудилось, что я слышу, как они перекликаются под соснами...

Флинт никогда не пользовался срубом Кидда. Он выставлял батарею на Острове Скелета и вел строгое наблюдение за проливом — вдруг появится чужак. И однажды чужак появился: это был французский корсар, который стал нашим сообщником.

Произошло это в наш третий заход на остров, и, видно, Флинт давно уже задумал большое дело, потому что он запретил Израэлю стрелять. Когда из-за мыса показался бушприт француза, он поднял «Веселого Роджера» на флагштоке, установленном на песчаной косе.

Оказалось, что и француз не ищет схватки: на его ноке тоже взвился флаг с черепом с скрещенными костями. Судно было крупное, больше нашего. Называлось оно «Ля Паон», по-нашему

— «Пава», и для пирата у него была чересчур глубокая осадка. Вы видели этот корабль, Джим, во всяком случае его остов: «Паву» оставили гнить на мели в Северной бухте после страшной трепки, которую ей два года спустя задали пушки военного корабля.

Французского капитана звали Пьер ле Бон. Это был настоящий франт, со страусовым пером на шляпе и в замшевых сапогах. Его небесно-голубой камзол сверкал позолоченными пуговицами и серебряными галунами, а белую, словно грудь чайки, сорочку украшало пышное кружевное жабо шириной в девять дюймов. И всегда он был вооружен до зубов. На усеянной драгоценными камнями портупее висела рапира, в патронташ воткнуты длинные, с серебряной инкрустацией мавританские пистолеты...

Конечно, его команда состояла не из одних французов. Это был еще более пестрый сброд, чем у нас: французы, голландцы, испанцы, американцы, негры, немало метисов. В тот раз мы их почти не видели, потому что «Пава» зашла только набрать воды, но у Флинта было свидание с ле Боном, и позже мы стали действовать с французом в паре, причем немало выгадали на этом.

После этой встречи нам долго сопутствовала

удача.

Месяц спустя, когда мы крейсировали у берегов Гаити, нам попался один из кораблей вице-короля Вест-Индии с грузом шелка, атласа и прочих предметов роскоши для нового дворца в Куско. Немало собрали мы и пассажиров: жемчужные серьги, золотые цепочки, груды звенящих монет. С одного этого приза на каждого пришлось фунтов семьдесят-восемьдесят, а «господа» получили и того больше.

Правда, на сей раз не обошлось без драки. Испанец был хорошо вооружен и вез солдат, но Флинт подкрался к нему из-за мыса на восходе. Солнце светило испанским пушкарям прямо в глаза, и они успели дать только один залп.

Мне впервые довелось участвовать в настоящем бою, и я понял, почему Флинт, не профессиональный моряк, пользуется таким уважением среди пиратов. Он первый вскочил на палубу испанца; его сопровождал Большой Проспер, орудуя своим грозным молотом, а за Проспером следовали черные от порохового дыма Хендс, Пью, Сильвер и Андерсон. Стреляя из пистолетов и рубя саблями абордажные сети, эта орава с проклятиями ворвалась на кормовую палубу испанца.

Противник сгрудился вокруг грот-мачты, ощетинившись мушкетами, которые косили наших издали по двое, по трое сразу. Я шел на абордаж рядом с Черным Псом и видел, как вражеская сабля отсекла ему два пальца на руке. Пират с визгом покатился по палубе, и ему тут же пришел бы конец, не застрели я ранившего его испанца.

Наши предводители атаковали солдат, окруживших своего капитана, — высокого бледного человека в доспехах, с широкой бородой и сверкающими глазами.

Флинт в несколько приемов разоружил его и нанес страшный удар, от которого капитан рухнул на палубу с разрубленным плечом. Вскоре испанцы бросили оружие, прося пощады.

Возможно, Сильвер и пощадил бы их, если бы не Флинт. «Смерть! Смерть!» — кричал он жутким голосом. Испанцы в страхе попрыгали за борт, и раненые с помощью Пью и Хендса отправились туда же.

Я встретил Ника около грот-мачты и едва узнал его. Он был весь изранен, и лицо у него было такое же свирепое и озверелое, как у других пиратов.

— Вот это жизнь, Бен, это жизнь!..

Его лицо и слова потрясли меня куда больше, чем вид палубы, на которой трупы лежали впе-

ремежку с обломками такелажа, искрошенного пушками Израэля. Мы потеряли в этой схватке семнадцать человек, но все считали, что добыча того стоила.

Кстати, именно в тот раз Сильвер раздобыл своего попугая, которого вы знали под именем «Капитан Флинт», но тогда Джон называл его «Педро». Помните, Сильвер говорил, будто эта птица видела, как поднимали суда с сокровищами около Перешейка, и научилась там кричать «пиастры»?

У Долговязого Джона было много таких любимцев. Так, на Мартинике он однажды принес на корабль беломордую обезьяну, которую назвал «Епископом», потому что она любила, повиснув на вантах, бормотать что-то неразборчивое

— ни дать ни взять священник, читающий проповедь. Обезьянка прожила на «Морже» довольно долго и успела стать всеобщей любимицей, но однажды ночью она добралась до запальных шнуров Израэля и чуть не подожгла корабль. После этого Джон велел Тому Моргану сколотить для нее клетку, проказница начала чахнуть, и пришлось хозяину выпустить ее на одном из Гренадинских островов.

Ограбление испанца длилось почти два дня,

затем Флинт поджег судно, и целую ночь, уходя на юго-запад, мы видели в море огромный факел. Я пытался заглушить голос своей совести, вспоминая все, что говорил мне Сильвер о свирепости испанцев: как они истязают и убивают каждого англичанина, ступающего на землю Мэйна, как доводят цветных на плантациях до полного изнеможения и бедняги тысячами гибнут во всех владениях, над которыми развевается красный с золотом флаг. Я надеялся, что после такой удачи Ник наконец-то вспомнит свои обещания и порвет с пиратами. Но он ничего не сказал, и я не стал ему напоминать. По правде говоря, я уже так привязался к морю, что готов был навсегда связать с ним свою жизнь; думаю, то же самое произошло с Ником, потому что он больше никогда не вспоминал о своем желании стать плантатором.

Вот как оно бывает, когда человек по своей воле избирает путь зла, Джим. Стоит только заглушить голос совести, и быстро станешь отпетым, вроде меня. А там, если бы и захотел повернуть назад, — поздно, все пути отрезаны.

4

Мы ходили по морям, грабили, бражничали в

портовых кабаках и ставили судно на килевание — дважды на Гренадинах и четыре-пять раз на Острове Сокровищ.

С Ником я виделся редко. Странно, казалось бы, ведь мы были в одной команде. Но дело в том, что он говорил по-французски как француз, и когда мы работали вместе с ле Боном, Ник немало времени проводил на «Паве», представляя интересы Флинта.

Конечно, он не терял связи с нами и даже ухитрился поспорить с Флинтом и Пью. С первым по поводу правила, запрещающего попойки на палубе после полуночи, со вторым из-за его жестокого обращения с пленными. Счастье Ника, что Сильвер лба раза становился на его сторону. Долговязый Джон всегда был за соблюдение правил; он даже посулил Флинту черную метку.

С той самой поры Флинт возненавидел Ника, хотя трудно сказать, как бы он обошелся без него: француз был хитрая бестия и урвал бы львиную долю добычи, если бы не Ник.

Старый ворчун Бонс всегда жаловал Ника и ко мне относился хорошо. Он учил меня мореходному делу, и я позволю себе сказать, что был способным и внимательным учеником.

Правда, в боях я особенно не отличался, боль-

ше помогал Дарби на камбузе. Это открыло мне доступ на корму, к «господам», там я и проведал о том, что Флинт задумал смелый налет, суливший нам небывалую добычу.

А пока все шло как обычно, безмятежные дни чередовались со шквалами. Помню, мне больше всего по душе были «концерты», которые иногда затевались на палубе обычно в тихие лунные ночи. «Господа» и «чернь» собирались на баке и шкафуте, а полуют превращался в подмостки для скрипачей и плясунов. Как сейчас, слышу и вижу: скрипки, пиликающие всякие диковинные мелодии, и босые ноги, отплясывающие на надраенной палубе. Остальные — у многих были хорошие голоса — в это время пели песенки своего детства, напоминавшие им о доме, о давно минувших годах.

В общем-то все они были дурные люди, Джим, но лишь единицы, вроде Пью и Флинта, — совсем отпетые мерзавцы, а другие, особенно бывшие каторжники и ссыльные, знали когда-то мирную жизнь у домашнего очага. И когда они пели в те лунные ночи, вы не отличили бы их от крестьян из нашей деревни.

...А теперь мы подошли к тому времени, когда Флинт и ле Бон сговорились вместе напасть на

Санталену — маленькую колонию на Мэйне, где собиралась часть «Серебряного каравана».

До сих пор атаки на «Серебряный караван» сводились к налетам на отдельные суда, идущие к месту сбора; теперь же было задумано дерзкое предприятие, которое можно сравнить только с походом капитана Моргана на Панаму.

Хотя в Санталене было не так уж много домов, она играла очень большую роль. Отсюда корабли выходили под надежной защитой эскорта и могли уже не опасаться пиратов. Но примерно за месяц до отплытия каравана представлялась возможность застигнуть врасплох от четырех до десяти транспортов, охраняемых лишь пушками форта, и освободить от драгоценного металла склад на берегу. Да и в трюмах судов было чем поживиться.

Кстати, мне вспомнилась одна вещь, которая может вас заинтересовать. Когда мы попадали в те края, то обычно запасались пресной водой на одном из Подветренных островов. Это был даже не остров, а скорее длинная высокая скала, с виду напоминающая гроб. Мы называли ее «Сундук Мертвеца», и пиратская песенка, которую вы так часто слышали на «Испаньоле», посвящена как раз этой скале. За много лет до того на ней

очутилось пятнадцать буканьеров, спасшихся с разбитого корабля. Сильвер рассказывал мне, что им удалось выловить несколько бочонков рома, прибитых волнами к берегу, а есть, понятно, было нечего, и когда их подобрал один из кораблей Девиса, все они были мертвецки пьяны...

Флинт разузнал все о Санталене от юнги, единственного уцелевшего из кучки пиратов, высаженных той весной на необитаемом островке у Барбадоса. Всего их было шестеро. А вышло это вот как: пиратский капитан плохо ладил со своей командой и разделался с вожаками, прибегнув к подлому трюку, — отправил их на берег за черепахами и бросил там на верную смерть, подкупив седьмого увести лодку.

Правда, у брошенной шестерки было оружие, несколько дней они стреляли птиц и ели их сырыми. Потом двое поссорились и убили друг друга. Еще трое помешались и тоже умерли, так что мы застали в живых одного лишь юнгу, парнишку лет пятнадцати. Он соорудил себе навес из одежды умерших товарищей, кормился черепашьими яйцами и дотянул до появления «Моржа».

Звали этого юношу Джордж Мерри — тот самый Джордж, который хотел выпустить из вас кишки на Подзорной Трубе, Джим, да только Бен Ганн

тоже не зевал, укрывшись за кустарником! Я не испытывал никаких угрызений совести, когда отправил его на тот свет. Джордж Мерри всегда отличался склочным и вероломным нравом. Однажды он получил выволочку от Сильвера за продажу метисам корабельного имущества; ему даже обрывок старого каната нельзя было доверить.

Джордж вполне вознаградил Флинта за свое спасение с голого островка. Годом раньше Мерри был юнгой на одном «купце» и наблюдал рождение Санталены — его судно доставило тес на строительство форта. Он знал, сколько пушек в крепости и какого они калибра, знал, как подобраться к поселку с суши, каков гарнизон, сколько в нем колонистов и сколько опытных солдат из Европы. Флинт и ле Бон разработали хитроумный план набега, который сулил самую крупную добычу, какая когда-либо приходилась на долю двух судов с тех пор, как Ингленд и его сообщники перехватили в Персидском заливе паломников, шедших в Мекку.

План был бесспорно хорош. Я считал так тогда, считаю и теперь, ведь вон какой куш мы отхватили, но что поделаешь, если счастье отвернулось от Флинта в тот самый день, когда мы вышли из

Санталенской гавани.

Флинт замыслил разделить свои силы: француз на закате совершит отвлекающее нападение с моря, а мы в это время высадимся на берег в десяти милях от Санталены, за болотистой низиной, прикрывающей подступы к поселку с севера. Ле Бон ждет нашего сигнала и крейсирует в виду берега, за пределами досягаемости пушек форта, пока мы не займем исходную позицию для ночного марша вверх по реке до висячего моста, про который рассказал Джордж Мерри. Оттуда мы незаметно спускаемся к морю и атакуем форт с суши; если встретим отпор, француз поддержит нас с моря огнем всех своих пушек.

Вычислив, что на предварительные маневры уйдет два дня, мы взяли курс на Мэйн и расстались с «Павой» в дневном переходе от Санталены. Француз пошел на юго-запад, «Морж» — прямо на север; Билли знал одну глубокую речушку, которая впадала в море как раз посередине между Картахеной и облюбованной нами целью.

Вечером Сильвер собрал всех людей на корме и объявил, что нас ждет добыча, которая позволит каждому, кто пожелает, навсегда оставить море и стать состоятельным джентльменом, завести собственный дом, экипаж и столько же рабов и

жен, сколько есть у короля Дика на Мадагаскаре.

Затем он разбил нас на отряды. Два десятка человек оставались на корабле, остальные (сто тридцать один человек) должны были высадиться с лодок на берег, причем только ночью, чтобы нас не обнаружили с суши. Правда, туземцы не стали бы предупреждать испанцев, но мы могли нарваться на белого охотника.

Все шло, как было задумано. Мы разместились в шести шлюпках: из тех, кого вы знаете, на «Морже» остался один лишь Бонс. Флинт и Большой Проспер сидели в первой шлюпке, другими командовали Сильвер, Пью, Хендс, Андерсон и Ник. Я плыл с Ником, наша шлюпка была замыкающей.

Джордж Мерри, наш проводник, шел с Флинтом. Две долгие ночи длился трудный переход, который потребовал немалого напряжения сил. Наконец мы добрались до болота в дельте реки, на подступах к Санталене. Люди спрятались в укромном месте на берегу, после чего Флинт велел затопить шлюпки.

Понятно, пираты не обрадовались, видя, как уничтожалось их единственное средство к спасению. Один верзила из числа плимутских каторжников даже выразил вслух свое недовольство.

Флинт дал ему высказаться, потом застрелил на месте. После этого уже никто не спорил.

Целый день мы провели в засаде, осаждаемые тучами зловредных насекомых. Двоих или троих поразил солнечный удар, еще один был укушен ядовитой змеей и умер меньше чем через час. Мы облегченно вздохнули, когда сгустились сумерки и начался марш вверх по реке. Миль через десять-двенадцать отряд и впрямь достиг мостика, связанного местными жителями из лиан.

Мостик не охранялся, и мы пошли по нему гуськом. Переправляться здесь было все равно что идти с корзиной угля по канату над оловянным рудником в Корнуолле. По настоянию Израэля мы взяли с собой бронзовую пищаль, и несшие ее пираты по милости пушкаря чуть не угодили прямо в пасть к хищным рыбам и аллигаторам, которыми кишела река.

Начало штурма было приурочено к восходу солнца. Топкая местность и всевозможные лишения, которые мы перенесли в пути, подорвали наши силы, и было не похоже, что мы сможем нанести сокрушительный удар. Но Сильвер показал себя превосходным командиром. Ник говорил после, что если бы Долговязый Джон избрал честный путь, он мог бы стать генералом или

адмиралом и прославить свое имя в веках; и я думаю, Ник был прав: Джон умел добиться успеха там, где другой ни за что не справился бы, — лишь бы впереди маячила славная добыча.

Примерно на полпути до побережья Ник передал мне свой мушкет. Он тащил тяжелый сверток из парусины, с которым ни за что не хотел расстаться. Я никак не мог понять, что за тяжесть такая в этом свертке, но Черный Пес объяснил мне, что это, должно быть, боеприпасы для пищали.

В тот самый миг, когда небо над заливом начало светлеть, мы наконец-то выбрались из топи и увидели первые признаки поселения. У самой реки стояло на сваях что-то вроде заставы, а на берегу стирала одежду метиска. Один из наших пополз через камыш и схватил ее.

Пленница ответила на все вопросы Флинта. Дело обошлось без угроз — взглянув на его синее лицо, она решила, что это сам дьявол вышел из манговых зарослей. Мы узнали, что в домике на сваях находится всего двое солдат, остальных отозвали, чтобы подкрепить гарнизон, так как в прибрежных водах появился пиратский корабль.

Флинт спросил, сколько судов стоит в заливе

и сколько боеспособных людей в Санталене. Она сказала, что судов пять: четыре из «Серебряного каравана» и один люгер, он зашел недавно на починку. Гарнизон состоит из полуроты пехотинцев и двадцати человек местного караула. Да еще есть моряки, которые сошли на берег.

Эта новость озадачила нас. Выходило, что нам противостоят не менее сотни человек, из них половина — опытные солдаты. И если моряки тоже окажут достойное сопротивление, мы можем обломать зубы о Санталену...

Израэль и Черный Пес прокрались в домик и мигом перерезали глотки часовым. Затем мы двинулись через камыш к двум рядам деревянных домов, которые составляли всю Санталену.

Сигналом для ле Бона должен был явиться «Веселый Роджер» на флагштоке бастиона. Таким образом, мы не могли рассчитывать на помощь с моря, пока не захватим форт, да и тогда ле Бон рисковал поразить ядрами своих. В крайнем случае, сказал мне Ник, француз высадит десант.

Первым попался нам сонный мулат, который вышел снять ставни с окон своей лавки. Мы набросились на него, не дав ему опомниться, и минуту спустя улицу заполнили вымазанные илом, орущие пираты. Они неудержимым пото-

ком хлынули к берегу, где улица разветвлялась. Одна дорога вела на восток, к дому губернатора, другая — на запад, к форту, который стоял примерно на полпути к одному из двух мысов, замыкавших бухту.

По правде говоря, порт представлял собой довольно хлипкое сооружение из привозного леса, окруженное неглубоким рвом, в котором в эти часы не было воды из-за отлива.

Бастион соединялся с улицей подъемным мостом, и мост был спущен — непростительная глупость, ведь гарнизон знал, что с моря подошли пираты. Потом уже выяснилось, мы подоспели в то самое время, когда комендант собирался выйти из форта, чтобы проверить посты.

Я бежал изо всех сил, пытаясь сообразить, что же мы станем делать, когда окажемся у стен бастиона. Как-никак высота их не меньше пятнадцати футов, а вместе со рвом и того больше, а у нас никакой лестницы нет.

Право же, мне следовало догадаться, что Флинт и это предусмотрел. В следующую секунду меня сбило с ног взрывом, от которого земля заходила ходуном, а в воздух взвился вихрь песка и обломков.

Ник подорвал мину под самыми воротами

форта; одну створку отбросило далеко в сторону, другая распахнулась и повисла на массивных петлях. Оказалось, что в таинственном свертке он принес самодельную «адскую машину», равную по силе двенадцатифунтовому ядру. В открывшуюся брешь могло проникнуть по три человека в ряд, и первыми ворвались в бастион Большой Проспер и Флинт, который с яростными криками рубил налево и направо. Оглушенные взрывом солдаты были сметены, словно кегли. Быстрее, чем это расскажешь, мы рассыпались по всему форту и штурмовали главное здание, преследуя отступающих.

Комендант и два офицера попытались укрепиться в одном из верхних помещений, но Израэль направил на забаррикадированную дверь свою пищаль, и когда мы раскидали обломки, то обнаружили трех покойников. Бастион был наш.

Флинт послал меня и Андерсона поднять наш флаг; не прошло и пятнадцати минут с начала штурма, как над фортом уже развевался «Веселый Роджер».

Тем временем Сильвер атаковал дом губернатора. Сам идальго и его супруга были в постели — где еще быть им в четыре часа утра! — но патруль, только что сменившийся с поста в гавани,

успел застрелить троих или четверых пиратов. Тем не менее, когда мы подоспели, Долговязый Джон уже связал губернатора и его домочадцев.

Возвращаясь вдоль берега, я увидел, как «Пава» медленно входит в маленькую гавань. Пушки стоявших на якоре кораблей молчали. Не иначе, их капитаны увидели «Веселый Роджер» над фортом и смекнули, что сопротивляться нет смысла.

Флинт первым делом вызвал на берег ле Бона с половиной его команды; вторая половина должна была держать на прицеле суда испанцев. Головорезам ле Бона велели охранять форт, куда мы согнали уцелевших солдат гарнизона; кроме того, французы расставили мушкетеров вдоль всей улицы, на случай, если санталенцы задумают освободить своего губернатора.

Вы не должны забывать, что в поселке еще находилось двести с лишним вооруженных испанцев с кораблей, и кто мог поручиться, что никто из людей идальго не ускользнул из поселка и не скачет во весь опор в Картахену за помощью.

Флинт прикинул, что половина добычи должна быть на берегу, другая половина на кораблях. Он решил начать с первой половины, а суда предупредить, чтобы не двигались с места, иначе их

угостят изо всех пушек форта и «Павы».

А когда к бухте вскоре подошел и «Морж», испанские моряки, наверно, потеряли всякую надежду прорваться в море. Откуда им было знать, что у Билли Бонса всего двадцать человек!

Итак, Флинт, во всяком случае до конца этого дня, оказался полным хозяином положения. Пришло время заняться губернатором, который все еще сидел связанный в своем доме. Нам нужны были ключи от сокровищницы, единственного каменного здания во всем поселке. Дверь не уступала в прочности хорошим городским воротам, и вряд ли удалось бы ее взорвать, даже если бы у нас была взрывчатка.

Ле Бон и Пью предлагали засунуть старику между пальцами ног запальный шнур и поджечь, но Ник убедил Флинта разрешить ему потолковать с пленниками.

Флинт хорошо знал гордый нрав испанцев, он сказал, что дает Нику на переговоры полчаса, и ни минуты больше. Если старик упрется, он и все его люди подвергнутся пытке огнем.

Ник решил испытать твердость женщин. Он сказал им, что только ему под силу убедить пиратов не жечь поселок и не истреблять все мужское население, включая малолетних. А что

до женщин, то их, и белых, и цветных, сделают рабынями, если не будет выдан ключ от сокровищницы.

Жена идальго не поддалась. Она была такая же храбрая и гордая, как ее супруг, и только честила Ника по-испански. Для женщины она бранилась совсем недурно, и плевалась тоже, чем немало меня удивила, ведь я считал ее благородной.

Зато сестра губернатора, тучная женщина, вся в побрякушках, которые звенели при каждом ее вдохе, оказалась сговорчивее. Когда Ник сказал, что Флинт готов подвесить ее брата за ноги и вертеть над огнем, как вертят свиную тушу, она залилась слезами и выпалила, что ключи от сокровищницы лежат в тайнике под кроватью идальго. Бедная женщина кричала, что пожертвует не только всеми сокровищами Санталены, но и рубиновым ожерельем, в котором была на приеме у испанского короля в Мадриде, — только бы мы не убивали их.

Думаю, Ник был рад не меньше моего, что обошлось без пыток. Флинт, который не забывал следить за морем, тоже был доволен, хотя и по другой причине: ему не терпелось управиться и уйти, пока не нагрянул эскорт.

Короче, мы прибрали к рукам все золото — сто

десять слитков, да сверх того пятьдесят три мешка монет. Никто еще из нашей шайки не видел еще столько денег зараз; большинство вообще не представляло себе, что в Новом Свете могут существовать такие богатства.

Кроме того, нам досталось четыреста одиннадцать слитков серебра — целое сокровище! — и множество рубинов, топазов, изумрудов и бриллиантов на брошках, брелках и часах. В добычу входило также оружие тонкой работы, главным образом пистолеты и рапиры, инкрустированные драгоценностями.

Пока шла погрузка, Флинт следил, чтобы никто не выпускал из рук оружия, и сам стоял на пристани, держа в каждой руке по пистолету. Кругом раздавались ликующие крики, а он хоть бы раз улыбнулся.

Солнце уже приготовилось нырнуть в манговые заросли за поселком, когда из форта явился Израэль. На берегу еще лежало серебро, и вид сокровища доставил пушкарю такую радость, что он засвистал веселую песенку.

Вдруг Флинт подошел к нему и прорычал:

— Крепостные пушки заклинены?

— Нет, капитан, еще нет, а куда спешить — ведь Билли еще не бросил якоря!

Флинт взорвался, как петарда.

— Куда спешить, чурбан безголовый? — заорал он. — До темноты мы уже должны приняться за транспорты, а с утренним приливом выйти на Тортугу. Может, ты хочешь, чтобы нас отправили в преисподнюю, пока мы тут копаемся?

Видели бы вы, как Израэль Хендс припустил к форту, — только пятки засверкали. Меньше чем за час он вывел из строя пушки форта и залил водой пороховой склад.

Шлюпок было предостаточно, и, погрузив последний слиток на борт «Павы», мы принялись за суда.

До утра мы прочесывали транспорты, по полсотни человек на каждом; добычу перевозили на «Моржа». Мы не спали уже третью ночь и прямо-таки валились с ног, но Флинт с его пистолетами не отходил от нас, да и Сильвер был начеку. Глоток рома — вот и все, чем мы могли подкрепиться.

На рассвете, ровно через сутки после того, как мы выбрались из топи, все сокровища Санталены были уложены в наши трюмы, и мы снялись с якоря.

«Пава» отплыла немногим раньше нас, и я до сих пор не пойму, как это могло случиться, что мы

так быстро потеряли друг друга. Мы шли одним курсом — на Тортугу, делить добычу, — но под вечер спустился легкий туман, а когда он незадолго до полуночи рассеялся, француза и след простыл. Сразу прошел слух, что ле Бон улизнул неспроста, ведь на его корабле находилось почти все золото и серебро.

Как бы то ни было, итог оказался бедственным для француза, да и для нас тоже: плыви мы вместе, ле Бон не попал бы в такую переделку. Да и все обернулось бы иначе, если бы мы, как намечалось, дошли до Тортуги.

На третий день после выхода из Санталены около полудня умеренный западный бриз донес до нас звуки пушечной стрельбы. Где-то за горизонтом шел бой, и Флинт тотчас велел рулевому править в ту сторону.

Вскоре мы увидели облако дыма, а затем Сильвер, глядя в подзорную трубу, громогласно возвестил:

— Разрази меня гром, если это не наш француз нарвался на испанский военный корабль!

Так оно и было, причем ле Бону явно приходилось туго. Приблизившись, мы увидели, что «Пава» потеряла грот и бизань; среднюю часть палубы охватило пламя, и в воздухе расплылся

густой черный дым. Испанский корабль громил француза почем зря, стоя в двух кабельтовых от него.

Флинт мигом смекнул, как действовать.

— Поднять красно-желтый флаг! — скомандовал он. — Пушкари, по местам и ждать, когда подойдем вплотную. Хендс, без моей команды огня не открывать!

Пушкари побежали вниз, а Флинт продолжал:

— Сильвер, выдать всем на палубе шишаки! Сейчас дон испанец получит такую помощь, от которой ему не поздоровится!

Сильвер понял его с полуслова. У нас было достаточно испанского снаряжения, чтобы устроить небольшой спектакль на полуюте. Сильвер и Бонс раздали шишаки и кожаные куртки, затем приказали нам стать вдоль бульверка, кричать и размахивать руками. Тем временем Бонс повел наш корабль между двумя сражающимися сквозь облако дыма, затмившего солнце.

Мне кажется, испанский капитан, увидев наш маневр, смекнул, что к чему, да только поздно он спохватился. Очутившись борт о борт с испанцем, мы в упор дали залп ядрами и картечью. Последствия были ужасны, высокий корабль сразу накренился под углом сорок пять градусов.

Вообще-то второй залп был уже не нужен, но пушкари «Моржа» не поленились добить противника. Пламя охватило его паруса, люди пачками прыгали за борт. Еще один поворот, и мы подошли к окутанному дымом французу, в тот же миг испанец со страшным грохотом взорвался.

Теперь все наше внимание обратилось на «Паву». Подходить к ней вплотную было опасно, огонь легко мог перекинуться к нам, поэтому мы легли в дрейф и живо спустили шлюпки. Наше счастье, что Билли настоял на том, чтобы взять с собой захваченные в Санталене лодки взамен затопленных нами при высадке на берег.

Я в числе первых ступил на палубу француза, и хотя душа моя успела уже очерстветь, мне стало не по себе. Вне сомнения, «Паве» до нашего прихода достался не один залп: кругом лежали мертвые и умирающие — половина команды, включая самого ле Бона, его штурмана и старшего пушкаря. Уцелевшие передавали друг другу ведра, борясь с огнем в средней части палубы. Не говоря ни слова, мы кинулись помогать.

Никогда не забуду два последующих дня.

Не будь «Пава» так сильно повреждена, мы могли бы не спеша перенести сокровища на «Моржа», а затем бросить ее. И мы начали было

грузить золото в шлюпки, но погода ухудшилась, и всех послали на помпы. Стоило ослабить темп, как корабль оседал, все больше кренясь на левый борт. Еще до ночи нам пришлось сбросить в море все пушки и прочий груз; одна восьмерка сменяла другую на помпах — мы качали, не жалея сил.

Понятно, теперь мы не могли идти на Тортугу, «Пава» связала нам руки, и появись вдруг еще один испанец, мы не успели бы сделать ни одного выстрела. На наше счастье, неспокойное море оставалось пустынным, и, взяв «Паву» на буксир, мы потащились на юго-восток, чтобы у ближайшего островка передохнуть и очистить трюмы разбитого судна.

Случилось так, что ближайшим оказался остров Кидда. До него было два дня хода при попутном ветре, и мы потянулись туда, следуя друг за другом, словно два подраненных гуся.

Погода продолжала портиться, и Билли, чтобы управлять «Моржом», нужно было не меньше семидесяти человек. Примерно столько же осталось на «Паве» откачивать воду. Мы сменялись на помпах каждые полчаса, урывая минуты для еды и отдыха. Только страх потерять золото придавал нам силы выдерживать этот каторжный труд. И Сильвер не без умысла напомнил, что гибель

семидесяти восьми человек из команды ле Бона увеличила долю остальных...

...Любопытно расположен остров Кидда, он же Остров Сокровищ.

В этой части Карибского моря, от Пуэрто-Рико на юг и юго-восток до самого Тринидада, широкой дугой протянулись Малые Антильские острова. По обе стороны от главной дуги лежат на отшибе уединенные островки, но большинство из них, подобно Сундуку Мертвеца, представляют собой почти голые скалы, и только остров Кидда достигает сравнительно крупных размеров.

Флинт прикинул, что, если мы доберемся до Южной стоянки, а еще лучше

— до Северной бухты, можно будет посадить «Паву» на мель и разгрузить ее трюмы, а потом почистить днище «Моржа» и идти на Тортугу: ведь у нас, помимо золотых слитков, было немало добра для скупщиков. Наши «господа» — Флинт, Бонс, Сильвер, Хендс, Пью и Ник — сошлись на том, что этот план всего точнее учитывает сложившиеся обстоятельства. Команда тоже его одобрила, не зная, конечно, что Флинт и Сильвер замыслили оставить команду «Павы» на бобах, считая, что ле Бон хотел их надуть.

Нам опять здорово повезло. Погода неожидан-

но наладилась, и мы вошли в Северную бухту, никого не встретив по пути.

Ох и обрадовались мы, Джим, когда увидели над горизонтом знакомые вершины! Вряд ли у меня хватило бы сил еще один час качать воду, к тому же мы не сомневались, что весть о набеге на Санталену уже дошла до Панамы и все испанские корабли в Мэйне разыскивают нас.

Билли перешел на «Паву» и во время прилива посадил ее на мель под самыми деревьями — там, где вы видели ее в последний раз, — а мы сошли на берег, чтобы, как было заведено, поставить защитную батарею и подготовить «Моржа» к килеванию.

Всю добычу свезли на остров и разложили на четыре кучи — золотые слитки, серебряные слитки, монеты и оружие. И уж поверьте мне, Джим, любая из этих куч представляла целое состояние.

Когда все подсчитали и рассортировали, а «Морж» начал обретать свой прежний вид, Флинт велел всем собраться в час отлива. Прошел слух, что Сильвер будет говорить про дележ и про будущие дела. И вот мы сидим на горячем песке...

Стоит мне закрыть глаза, Джим, и я, как сейчас, все вижу.

Солнце светило над деревьями, над берегом плыл свежий, бодрящий запах смолы от сосен на двуглавой вершине, сладко пахли лесные цветы. Большинство людей сидели голые по пояс, обвязав голову от солнца яркими платками; пояса и портупеи они отложили в сторону.

Какой только народ тут не был — англичане, французы, голландцы, испанцы, левантинцы, мавры, курчавые негры, тьма метисов из всех поселений Мэйна. Были тут старики — лысеющие, с седыми бакенбардами — и мужчины во цвете лет, вроде Ника и Сильвера, и безусые парни, слишком юные для такой компании. И все они не сводили глаз с Сильвера, разве что изредка косились на разложенную на песке добычу, чтобы убедиться, что на нее никто не покушается.

Сильвер сдернул с головы шляпу и оглядел нас, лучезарно улыбаясь. Я до сих пор слово в слово помню, что он нам тогда говорил.

— Друзья, — начал он. — Когда мы подписывали контракт, я говорил кое-кому, что вы родились под счастливой звездой, и сдается мне, я оказался прав — д-да, поглядите туда, и вы согласитесь. За вас думают такие люди, как я и капитан, и сейчас самое время сказать об этом напрямик, как положено настоящим морякам, потому что нам

еще придется немало поломать голову, чтобы переправить добычу в такое место, где мы пустим ее в оборот, как положено джентльменам удачи! А дело все в том, что сейчас мы не можем идти с нашей добычей прямо на Тортугу, придется подержать ее здесь, пока «Серебряный караван» не уйдет подальше, вместе с кораблями военного эскорта!

Что тут было, скажу я вам! Словно гром раскатился по рядам сидевших вокруг пиратов. Несколько человек вскочили на ноги, стараясь его перекричать. Ведь все настроились на немедленный дележ, и слова Долговязого Джона были для них горькой пилюлей. Однако он умел заставить слушать себя. Достаточно было ему обвести нам строгим взглядом и поднять в руке шляпу, как воцарилась тишина, и Джон продолжал:

— Запомните: вице-король мечтает украсить свои виселицы вашими особами не меньше, чем занять королевский трон в Мадриде! Идти теперь на Тортугу с нашей добычей — это же все равно что добровольно сложить сокровища на пристани Кадикса или явиться на главную площадь Панамы с петлей на шее! «У нас быстроходный корабль, мы можем уйти от погони либо принять бой», — скажете вы. Верно, судно и впрямь доброе

— а сколько у нас груза? Вы мне вот что скажите: что с нами будет, коли до схватки дойдет? Потеряй мы хоть одну стеньгу — и крышка, и вообще, какой бой, когда повернуться-то негде! Один меткий залп — и наша песенка спета, один риф — и прощай наша казна! Нет, лучше всего не спешить, схоронить добычу здесь, в надежном месте, после чего вернуться за ней на двух, даже на четырех судах, потому что плох тот купец, который кладет все яйца в одну корзину!

Вторая часть речи Сильвера произвела заметное впечатление. Он совершенно верно сказал, что корабль, набитый золотом, малопригоден для боя; куда там сражаться, когда на уме только одно: как бы улизнуть с добычей. Верно было и то, что чем дальше караван с эскортом уйдет в океан, тем больше надежд найти поселение, где нам окажут радужный прием.

Вдруг встает Джоб Андерсон и задает вопрос, который, без сомнения, беспокоил большинство пиратов.

— Ну ладно, Джон, допустим, мы с тобой согласились, сейчас не время выходить с добычей в открытое море — но кто же будет хоронить сокровище? Кто будет знать, где оно спрятано?

Его поддержали дружные возгласы, и Сильвер

снова заулыбался. Он чувствовал, что самое трудное позади и команда опять в его руках.

— Вопрос прямой, Джоб, и ответ должен быть таким же прямым! — воскликнул он. — Верно, в нашем положении не очень-то приходится доверять друг другу, и лично я предпочел бы не связываться с таким делом — Господи, пронеси, как говорится. Может, кто-то и доверяет мне, но я ничуть не обижусь, если другие откажут мне в доверии! Но ведь кому-то надо взять на себя эту задачу; и если хотите знать мое мнение, так, по-моему, лучше всего, как у нас заведено в серьезных делах, тянуть жребий. «Господа» — отдельно, «чернь» — отдельно, чтобы не было подвоха! «А дальше?» — спросите вы. А дальше все будет очень просто. Кому выпадет жребий, те останутся здесь зарывать сокровища, а мы ждем на борту сигнала, что дело сделано, после чего мы забираем их и держим, так сказать, заложниками, покуда не сбудем остальное барахло на французской Тортуге, снарядим суда и вернемся на остров для большого дележа!

— Сколько же надо выбрать? — крикнул Джордж Мерри.

— Как можно меньше, — отчеканил Сильвер. — Чем меньше их будет, тем легче за ними

уследить, сдается мне!

В конце концов постановили, что «господа» выделяют одного представителя, а лопатами работать будет всего шесть человек. Нелегкий труд предстоял им с такой огромной добычей!

Жеребьевка состоялась в ту же ночь при свете костров, разведенных на берегу. Поверка показала, что «господ» десятеро, а «чернь» насчитывает сто семьдесят восемь человек. В жеребьевке не участвовали раненые, которым тяжелая работа на берегу была бы не под силу. Ник приготовил сто семьдесят восемь ярлычков, пометил крестиками шесть, после чего положил все в медный котел, который поставили между двумя самыми большими кострами.

«Чернь» первой тянула жребий. «Господа» окружили котел, а пираты подходили один за другим и доставали бумажку, после чего отходили в сторону.

Первые тридцать-сорок бумажек оказались без пометки, и напряжение достигло предела, когда наконец один из французов вытащил крест. Почти сразу же вслед за этим ярлык с меткой попался мулату, который перешел на «Моржа» с одного из наших призов.

Еще человек двадцать взяли чистые ярлычки,

потом крест достался коренастому здоровиле, бывшему контра-бандисту из Западной Англии, затем опять французу и, наконец, голландцу из нашей команды. Осталось полтора десятка человек — и один, последний, крестик.

Ей-Богу, Джим, с меня пот катил градом. Мне ничуть не улыбалось закапывать золото в такой вероломной компании. Но жеребьевка была для всех, а тут еще Ник заметил, что я мешкаю, и воскликнул:

— Подходи, Бен, дружище, — ты единственный среди нас, кто за деньги рыл ямы, раньше чем стать джентльменом удачи!

Я шагнул вперед под общий хохот — все знали, что я был в прошлом могильщиком, — сунул руку в котел, взял ярлычок и стал его развертывать. Бумажка была сложена вчетверо, и дрожащие пальцы не хотели меня слушаться, наконец я справился и в беспокойном свете костра увидел... Шестым заложником оказался я.

Не помню точно, что было потом. Кажется, я ушел подальше от костров, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Все остальные обступили котел — предстояла еще жеребьевка среди «господ», — и внезапно раздался крик, который, наверное, было слышно на другом конце

острова. Ник подбежал ко мне и сказал, что жребий пал на Флинта.

Худшей новости я не мог услышать. Остаться на берегу в обществе Флинта, пятерки головорезов и груды золота — от такого задрожали бы колени и у человека похрабрее меня, Джим.

5

На следующее утро произошло нечто странное. Сильвер собрал нашу шестерку, отвел в сторону и объявил, что, пока не отчалит «Морж», мы должны находиться отдельно от всех, а именно в хижине на южном берегу залива, которую обычно занимал Флинт.

Мы побрели к хижине — двое французов, мулат, голландец, беглый каторжник-англичанин и я, — развели свой костер, чтобы приготовить еду, и тут мне вдруг пришла на ум история, которую я слышал от одного индейца. Он рассказывал про обычай своих языческих сородичей в Перу: как они, когда просили дождя у богов, приносили человеческие жертвы, а предназначенных для этого юношей и девушек до самой церемонии жертвоприношения держали обособленно, запрещали до самой церемонии с ними разговаривать и даже смотреть на них. Сами понимаете, от такого

воспоминания я не повеселел.

Тем временем остальные пираты укладывали золото, половину серебра, монеты и самое дорогое оружие в ящики; вторую половину серебра было решено увезти с собой. Всего было девять ящиков — четыре с золотыми слитками, два с монетами, один с оружием и два с серебром. Оружейный мастер выжег на них клеймо «Моржа». Только ящик с оружием оказался неудобным для переноски, к остальным приделали толстые веревочные ручки.

Закончив работу, все, кроме нескольких «господ», отправились на корабль, и к ночи на берегу воцарилась непривычная тишина. Лишь позднее, когда на «Морже» раздали ром, над заливом поплыли приятные звуки песни.

Флинт не появлялся, и мы сгрудились вокруг нашего костра, чтобы поужинать. Нам было жутко и одиноко на пустынном берегу, где еще днем гудели голоса и толпились люди. Луна пока не взошла, и лес казался пустынным и темным. Конечно, у нас был ром, но он почему-то не брал нас в ту ночь. Мы говорили вполголоса, и, помнится, наш разговор был совсем не похож на обычные беседы пиратов. Один из французов, молодой парень по имени Базен, спел трогательную пе-

сенку про свой родной дом в краю вина, около Бордо; от этой песни у меня сжалось горло... Когда пришло время спать, выяснилось, что хижина мала для шестерых, и я лег на воле, укрывшись своим плащом.

Уже за полночь я вдруг проснулся: кто-то дергал меня за плечо, одновременно зажимая мне рот рукой.

Я сел и при свете взошедшей луны увидел Ника; в тени под деревьями стоял еще кто-то. Не говоря ни слова, Ник жестом предложил мне встать и идти за ним к опушке. Здесь я разглядел, что второй человек — Джон Сильвер.

— Бен, — сказал Ник, убедившись, что нас не услышат в хижине, — ты вернешься на корабль с Джоном.

— А как же моя работа? — спросил я. — Ведь я выбран честно, по правилам.

— Ты — да, — ответил Ник. — Но Флинт — нет, и мы с Джоном решили последить на ним. Так что делай, как я сказал, ступай с Джоном. И если Флинт задумал какую-нибудь каверзу, ему придется иметь дело со мной.

— Он смекнет, что вы его раскусили, и сразу убьет вас, — сказал я.

— Пусть попробует! — Ник подмигнул Сильве-

ру. — Да у него не будет выбора, придется взять меня с собой, ведь корабль уже отойдет. С началом отлива «Морж» покидает бухту, а когда поднимется солнце, он будет уже далеко. На-ка, выпей!

Он протянул мне склянку с какой-то жидкостью, пахнущей камфарой.

— Что это? — спросил я.

— Это поможет тебе прикинуться больным, — объяснил Ник. — А на самом деле, кроме пользы, ничего не будет, положись на меня!

По правде говоря, я был только рад, что мне не надо оставаться на острове в обществе Флинта, да и секрет тайника давил бы на мою душу тяжелее, чем десять пушечных ядер. Однако я видел, что они готовят какой-то подвох, и беспокоился за Ника.

— Когда тебя увидят на борту, Джон скажет, что ты захворал и в последнюю минуту я заменил тебя, — добавил он. — Так что на этот счет не беспокойся. Им один черт, кто останется на берегу, — ты или я.

Разговор был исчерпан, я сделал добрый глоток из склянки и вернул ее Нику. Сильверу не терпелось сесть в гичку, причаленную к берегу поодаль, и он поторопил нас.

— Ладно, идет, только держите наготове пистолеты и кинжал, — предупредил я Ника.

Он усмехнулся и протянул мне руку.

— Мы с тобой не раз в переделках бывали, Бен, — сказал он.

Это были последние слова, которые мне довелось услышать от Ника.

...Мы вернулись на судно без происшествий. Все было готово для выхода в море, и буканьеры лежали вповалку на палубе, забывшись в пьяном сне. Только вахтенные бодрствовали в ожидании отлива, да на корме виднелась коренастая фигура Билли Бонса. Я спрашивал себя, можно ли положиться на Сильвера и разделяет ли Билли его подозрения относительно Флинта. Во всяком случае Бонс, увидев меня, ничего не сказал, а через два часа всю команду вызвали поднимать якоря, и вскоре «Морж» уже вошел в пролив и лег на курс норд-вест, оставив Фок-мачту с левого борта.

Не знаю, что за снадобье дал мне Ник, но, видно, в нем было примешано снотворное: весь этот день, да и последующий тоже, меня одолевал сон, и все решили, что у меня болотная лихорадка, а то и что-нибудь похуже.

Стояла жаркая погода, почти без ветра, и ко-

манде не было покоя: мы все время лавировали в двух-трех милях от берега, чтобы не терять из виду Подзорную Трубу.

Утром пятого дня, когда мы подошли поближе, на полуюте вдруг раздался громкий крик, и тотчас палуба загудела от топота ног.

Я уже почти оправился и спросил одного из пиратов, в чем дело. Он ответил, что замечен сигнал Флинта, и показал на тонкий столб дыма, поднимавшийся со склонов Бизань-мачты, на западном берегу Южной бухты.

Мы вошли в бухту через пролив между Островом Скелета и Буксирной Головой и бросили якорь на глубине четырех саженей.

Вся команда ринулась к левому бульверку, и поднялся невообразимый шум. Из-за своего малого роста я не видел берега, но зато услышал голос Израэля:

— Гром и молния, это Флинт, и он один!

Этих слов было достаточно, чтобы я бросился к вантам бизань-мачты. Поднявшись по ним выше бульверка, я убедился, что Израэль прав. Флинт — без своей треуголки, голова обмотана голубым шарфом — медленно греб к судну. Он был один, и когда лодка приблизилась, стало видно, что наш капитан сам на себя не похож и едва управляется

с веслами.

— Эгей! — окликнул его Пью. — Где остальные, капитан?

Флинт придержал правое весло, подвел лодку к борту «Моржа», схватил конец, брошенный ему Андерсоном, и привязал за фалинь.

Затем он поднял голову, и мы увидели, что лицо его еще страшнее обычного: бледное как мел, щеки провалились, воспаленные глаза горят, будто угли, в глубоких глазницах. Словно взяли череп и обтянули коричневой кожей.

— Остальные? — прорычал Флинт. — Остальные отдали концы, черт бы побрал эту вероломную сволочь!

Поднимаясь по трапу, он едва не сорвался; пришлось Андерсону спуститься и чуть ли не на руках втащить его на борт.

Когда Флинт ступил на палубу, стояла мертвая тишина. Команда таращилась на него, и он в ответ уставился на нас, обнажив желтые зубы в волчьем оскале.

— Ну, — сказал он наконец, — кто-нибудь жаждет присоединиться к ним? Правая рука Флинта потянулась к одному из четырех пистолетов,

висевших у него на поясе.

Никто не двинулся с места, все молча смотрели

на ужасное, зловещее лицо капитана.

— Вы, кажется, ранены! — крикнул вдруг Билли с полуюта.

Он не добавил «капитан», и мне почудилось, что его голос, и без того хриплый, прозвучал еще грубее обычного.

— Так точно, — медленно ответил Флинт, — я ранен, и сделал это подлец-костоправ, когда я разделался с остальными, чтобы они не разделались со мной! Кто это все придумал? Уж я дознаюсь! Кто...

Флинт не договорил. Внезапно он пошатнулся и со всего роста рухнул на палубу. При этом шарф слетел с его головы, и обнажилась длинная рана, похожая на след от плети. Редкие волосы от левого виска к затылку слиплись от крови. Мало кто пережил бы такую рану, и Флинт только чудом остался жив.

— Вот тебе раз, — произнес как всегда невозмутимый Сильвер, — Флинт с раскроенным черепом, а остальная шестерка в земле сырой! А ну-ка, помогите отнести его в каюту. Если он сыграет в ящик, мы все останемся на бобах — сам черт не скажет нам, где тайник!

Вряд ли когда-нибудь на борту «Моржа» так бережно обращались с раненым. Флинта снесли

вниз, рану промыли, потом сняли с капитана грязную одежду и уложили его на койку. Двести нянек суетились вокруг него, наперебой предлагая свои способы лечения. В конце концов вмешались Сильвер и Бонс. Израэль и Пью ни на шаг не отставали от них, и все четверо зорко следили друг за другом, точно коты, окружившие кошечку. По приказу Сильвера каюту освободили.

— Все будет в порядке, приятели, за капитана не тревожьтесь! Предоставьте это дело мне, и дайте ему покой!

Юный Джордж Мерри оказался самым недоверчивым.

— А может, Флинт начертил карту? — допытывался он.

— Мы проверили его одежду, половина команды видела, — ответил Пью. — Ничего похожего на карту, так что, сдается мне, у него все в голове.

Те, кто видел, как обыскивалась одежда капитана, подтвердили неутешительное сообщение Пью. С той минуты, как Флинт поднялся на борт, он все время находился у нас на глазах, и было ясно: либо он ничего не доверил бумаге, либо надежно спрятал карту на берегу.

В тот же вечер мы взяли курс на Тортугу; под-

нялся занавес для последнего известного мне акта в истории «Моржа» и его команды.

6

Что было после, Джим? Об этом можно в нескольких словах сказать так: для большинства нашей команды — смертный бой и кровавый конец, для некоторых ее членов, например Пью и Сильвера, долгие страдания и невзгоды. И только для меня оборвалась стезя, которая вела прямиком в преисподнюю, и начался путь домой.

Я говорил уже, что после Санталены счастье отвернулось от Флинта. Но мы не подозревали, чем это обернется для нас, пока не попали в ураган восточнее Сен-Китса и корабль не занесло далеко на запад, в опасные для нас воды южнее Ямайки. Ураган сменился штилем, и вскоре мы — не забудьте, нас стало двести человек — начали ощущать острый недостаток воды, так что пришлось ограничить выдачу до кружки в день на человека.

Флинт не вставал с койки; его видели только «господа» да преданный Дарби, который день и ночь ухаживал за капитаном. Но мы знали, что Флинт жив, потому что в тихие ночи было слышно, как он бредит и горланит моряцкие песенки.

Сильвера мы почти не видели. Он подолгу просиживал в каюте капитана, теперь мне понятно почему. Вместе с остальной тройкой он добивался от Флинта, чтобы тот заполнил белые пятна на карте острова Кидда, которую начертил Билли. Во всяком случае, так он сказал, когда команда, заподозрив неладное, прислала депутацию к квартирмейстеру.

Пора гнетущего бездействия кончилась неожиданно и ужасно. Только мы, набрав на островке чуть западнее Большого Каймана воды, вышли из залива, намереваясь лечь на курс норд-вест, в сторону заходящего солнца, как из-за ближайшего мыса вынырнул новехонький фрегат с «Юнион Джеком» на стеньге. На всех парусах он шел наперерез «Моржу» со скоростью, вдвое превосходящей скорость нашего корабля, не успевшего еще, как говорится, расправить свои крылья.

Все понимали, что мы нарвались на морской дозор, о котором только слышали, но с которым до сих пор ни разу не встречались.

В следующий миг фрегат развернулся и дал залп всеми пушками правого борта.

Никогда еще мне не доводилось ни наблюдать, ни тем более испытывать действие такого опустошительного залпа на палубе, битком набитой

людьми. Одновременно рухнули фор-марс, бизань и часть грот-мачты. На шкафуте сразу было убито человек тридцать-сорок, да еще почти столько же покалечило обломками на носу и на корме. Изорванные паруса накрыли бак, словно саваном.

Все, кто мог, ринулись к трапам, подгоняемые хриплыми криками Билли с полуюта. Бонс торопился восстановить порядок и открыть ответный огонь, прежде чем фрегат подойдет ближе и обрушит на нас новый залп.

Я бежал, словно кролик. В моем плече застрял осколок, но я ничего не чувствовал; зато после не одну неделю чуть не выл от боли.

Мы сгрудились на нижней палубе — и хуже ничего не могли придумать. Не успели мы разобраться, что к чему, и выкатить хотя бы одну пушку, как фрегат накрыл нас в упор вторым бортовым залпом, который пришелся по пушечным портикам.

Последствия были ужасными. Если первый залп стоил нам полсотни убитых, то второй унес еще больше жертв, опрокинув наши пушки и разметав лафеты во все стороны, прямо на людей, которые лихорадочно разбирали такелаж и всякий хлам. В несколько секунд пушечная палуба

обратилась в ад кромешный.

Сильвер лежал возле переборки, из-за которой мы с Ником когда-то смотрели, как он сговаривается с Пью и Хендсом. Его придавило пушечным стволом, сорвавшимся с лафета при внезапном крене «Моржа». Окорок кричал, как ребенок, но ему никто не мог помочь — каждый спасал свою шкуру.

Во всей этой сумятице только один человек сохранил присутствие духа: старший пушкарь Израэль Хендс. Вот уж истинно говорят, Джим, что человека трудно раскусить. Тупица Хендс, мрачный пьяница, только на то и пригодный, чтобы буянить или горланить песни после доброй порции рома, — этот отпетый прохвост совершенно преображался, стоя у пушки с запальным шнуром в руках. В такую минуту это был просто необыкновенный человек — хладнокровный, расчетливый, отважный, как гладиатор.

Движимый каким-то инстинктом, я ринулся к нему, чувствуя, что он один может сделать что-то, прежде чем третий залп превратит уцелевших в рыбий корм.

На корме, в самом углу между переборкой и камбузом, Хендс нашел то, что искал: двенадцатифунтовую пушку, которая смотрела в портик.

Рядом лежали картуз пороха и два ядра — остальные выкатились наружу.

Пушка очутилась здесь совершенно случайно. Ее почему-то не поставили на место после килевания, но причиненное двумя залпами сотрясение каким-то образом развернуло лафет так, что дуло смотрело как раз в последний портик по правому борту.

Израэль поглядел вдоль ствола и удовлетворенно крякнул. Через его плечо и я увидел, что его так обрадовало. Фрегат находился от нас меньше чем в полукабельтове и как раз поворачивал к ветру, то ли готовясь дать новый залп правым бортом, то ли собираясь идти на абордаж. Корма фрегата являла собой мишень высотой с церковную стену, и Хендс, слегка поправив прицел, поднес к заряду запальный шнур.

В общем гуле одинокий выстрел прозвучал довольно жалко, но он достиг цели: ядро попало прямо в руль и разбило его. С этой минуты фрегат оказался беспомощной игрушкой волн и крепнущего ветра.

Забыв о царящем позади нас бедламе, мы с Израэлем вдвоем пробанили ствол, забили снаряд и оттолкнули пушку от переборки, которая остановила откат. Теперь Хендс прицелился повыше,

ядро пробило бульверк на корме и пронеслось над палубой фрегата, кося столпившихся людей.

Два наших выстрела произвели не меньшее действие, чем добрый бортовой залп, и они-то нас спасли. Подойди фрегат вплотную к «Моржу», нас смяли бы первым же натиском, и еще до конца месяца мы сушились бы под солнцем на виселицах.

Когда начался бой, дело шло к закату. На наше счастье, сумерки в Карибском море длятся недолго, и скоро совсем стемнело. Море, разделявшее оба корабля, стало фиолетовым, потом багровым, потом черным, а нас все дальше относило друг от друга. Фрегат был целиком во власти ветра.

Что же касается Бонса, то он, умело используя уцелевшие паруса, строго выдерживал курс норд-вест. Всю ночь Билли простоял на руле, пока остальные убирали обломки и ставили временные мачты на носу и на корме.

Плечо ныло, но мне было не до него. Уже светало, когда я наконец пошел спать, — слабый от потери крови, правая рука висела, будто палка.

Два человека, Израэль и Бонс, выручили нас, но был еще третий, кто отличился в этом бою, хотя и не на главной палубе. Не будь его, две трети наших раненых не дожили бы до Саванны, куда

Билли вел «Моржа».

На нижней палубе глазу открывалось зрелище, какого самая закаленная душа на всем Мэйне не снесла бы.

Сильвер лежал с расплющенной ногой подле искалечившей его пушки. Ослепший Пью в беспамятстве царапал грубые бинты на голове, громко стонал и так богохульствовал, что казалось — сейчас через люк ворвется молния и испепелит его.

Всего убитых было девяносто два, примерно столько же раненых; в числе погибших оказались наши лучшие люди — плотники, оружейники, парусные мастера.

Сильвер стойко переносил страдания. Я дал ему немного бренди, потом пошел на корму, чтобы отыскать медицинский сундучок Ника, в котором лежали его мази и инструменты. И я сказал себе, что многие на борту теперь, должно быть, проклинают Флинта за то, что он убил нашего судового врача. Не один член команды был обязан жизнью искусству Ника.

Лекарства куда-то запропастились, но пока я искал их, мне встретился полупомешанный псалмопевец Джейбс Пэтмор — тот самый старик, который не пожелал расстаться со своими

кандалами, когда пираты захватили корабль в гавани Порт-Ройяла.

Джейбс по собственному почину взял на себя обязанности судового врача; и что всего удивительнее — сейчас он не производил впечатления помешанного. В аду на нижней палубе расхаживал сильный духом человек, чем-то напоминавший святого; он подавал напиться, зашивал зияющие раны, извлекал картечины и осколки, — короче говоря, орудовал инструментами Ника так, словно родился заправским хирургом.

Кстати, Джейбс тогда и Сильвера спас. Он очистил ему рану и наложил лубки, а Джон, чтобы не потерять сознания, жевал табак и, обливаясь холодным потом, крепко сжимал своими ручищами два рым-болта. Джейбс перевязал пустые глазница Пью, потом оказал помощь еще полсотне пройдох, после чего занялся легкораненными вроде меня.

Билли неспроста выбрал Саванну: у него были друзья среди тамошних управителей. Многие английские губернаторы (да и испанские тоже) ладили с нами. Они были не прочь приобрести кое-что, не платя пошлины королю Георгу, и охотно предоставляли нам убежище, лишь бы мы не бесчинствовали в их городах.

Войдя в гавань и бросив якорь, мы сразу заметили кораблю Юджина Девиса «Возмездие», спокойно стоявший в окружении мирных «купцов».

Девис был известный пират, под его началом все еще служили ветераны, плававшие с Робертсом. Правда, он и Флинт не были закадычными друзьями, но Сильвер хорошо знал Девиса; к тому же в этих водах действовало правило «Ворон ворону глаза не выклюет». Каждому хватало поживы.

Увидев наше бедственное состояние, Девис тотчас прибыл на борт «Моржа». Он захватил с собой судового лекаря; тот осмотрел наших раненых, в первую очередь Джона, и сразу же сказал, что ногу придется отнять, если только Сильвер не хочет умереть от гангрены.

Долговязый Джон спокойно воспринял его слова.

— Ладно, режьте, — пробурчал он. — Лишь бы я потом смог выследить тот фрегат и его команду, чтоб им гореть в вечном огне!

Ампутацию провели незамедлительно, и все время, пока я еще оставался на борту, Сильвер балансировал на грани между жизнью и смертью. И только много лет спустя я услышал, что в конце

концов он оправился и на одной ноге выказывал такую же прыть, как прежде на двух. Да, Джим, что ни говори, Долговязый Джон был на голову выше большинства людей, когда-либо стоявших на палубе корабля. За все годы моих скитаний я ни разу не встречал человека, равного ему.

Пью быстро поправлялся, но слепота сделала его еще злее прежнего. Само собой, он был обречен на нищенство, и я долго ничего о нем не знал, пока не столкнулся с вами.

Флинту не становилось ни хуже, ни лучше; он все так и лежал в каюте, общаясь только с Билли и Мак-Гроу. Видно, в эти-то дни и была дорисована карта, после чего Билли Бонс решил улизнуть с ключом от сокровища. Однажды утром, за несколько дней до того, как я сам оставил корабль, выяснилось, что он исчез. Никто не знал и не видел, когда и как ушел Бонс; занятые собственными невзгодами, пираты не придали значения его побегу, пока не смекнули, что к чему.

Мои мысли в ту пору были поглощены другим, для меня важнее всего на свете было выяснить, что же случилось с Ником, хотя бы для этого пришлось приставить нож к горлу Флинта, а добившись ответа, — прикончить нашего ка-

питана.

Все это время Флинт ни разу не вставал с койки, вряд ли он даже знал о роковом бое, — ведь он постоянно находился в бреду, когда от раны, когда от рома. Быть может, он мог бы еще оправиться и снова стать во главе своей шайки, но Дарби был слишком туп, чтобы понять это, либо не меньше моего стремился прикончить Флинта: он позволял своему хозяину пить вволю; мы то и дело слышали, как Флинт горланит, зовя своего Дарби и требуя бутылку.

Долгожданный миг наступил через неделю после того, как мы бросили якорь. Большая часть команды съехала на берег сбывать, что удалось спасти из награбленного. Дарби отправился за фруктами, и Джейбс попросил меня позаботиться о капитане. «Что ж, можно и позаботиться», — сказал я себе. Сойдя вниз, я раздобыл кинжал, после чего направился в каюту Флинта под полуютом. День выдался знойный, и почти все оставшиеся на борту спали.

Спускаясь по трапу, я услышал невнятное бормотание Флинта, потом, уже возле самой двери, какой-то скрежет, будто ржавая цепь терлась о брашпиль.

Я шагнул в каюту и подошел к открытому ил-

люминатору, под которым помещалась койка Флинта. Кажется, только в эту минуту я до конца осознал, как его ненавижу. Меня била дрожь, но не от страха, в нем уже не было ничего страшного, он выглядел только щуплым и жалким под своим грубым одеялом — уродливая голова запрокинулась на подушке, подбородок торчал кверху.

— Капитан, — сказал я, вытащив кинжал. — Я пришел узнать правду насчет Аллардайса и советую вам выложить все начистоту, пока я не перерезал вам глотку!

Он не ответил, не поглядел на меня, даже не шевельнулся, его глаза были все так же устремлены на открытый иллюминатор. В душной каюте слышалось только жужжание мушиных полчищ, круживших над батареей пустых бутылок на рундуке.

Я нагнулся, посмотрел в лицо Флинта... И громко расхохотался. Он был мертв. То, что мне показалось скрежетом, было его предсмертным хрипом. Стоя с кинжалом в руке, я хохотал, как безумный. Возможно, я и впрямь был не в себе, а может быть, сказывалась слабость после ранения.

Так или иначе, мне было ясно, что я уже никогда не узнаю, как Ник встретил свою кончину в окружении несметных сокровищ.

7

Не помню, сколько я так простоял, несколько секунд или час, но внезапно меня осенила мысль, что этот случай — своего рода знамение. Да-да, теперь я уверен, что именно тогда сделал первый, пусть еще не твердый шаг по стезе, уводящей меня прочь от прежней беспутной жизни. И мной овладело такое смятение, что я стремглав выскочил из каюты, словно сам дьявол гнался за мной по пятам, и кинулся искать кого-нибудь, с кем я бы мог потолковать и посоветоваться.

На всем нашем злосчастном корабле был только один такой человек, и я направился к старине Джейбсу; он безотлучно оставался на борту, ухаживая за ранеными. Ограничиваться полупризнаниями не было никакого смысла, и я рассказал ему все без утайки, начиная с того, как нам с Ником пришлось бежать, и кончая тем, как я вошел в каюту Флинта, замыслив убийство.

Джейбс Пэтмор внимательно все выслушал и сказал:

— Ясно как день, Бен, что всевышний задумал тебя спасти. Ты теперь на распутье — решай сам, по какому пути пойдешь.

— А какой у меня выбор, если не оставаться на

«Морже»? — спросил я. — Я такой же преступник, как все остальные, новую жизнь начинать поздно.

— Никогда не бывает поздно, Бен, — возразил Пэтмор. — Иначе Бог не вмешался бы и не убрал бы Флинта раньше, чем ты успел с ним расправиться. Вот тебе мой совет: уходи с корабля сейчас, сию минуту, пока тобой еще владеет раскаяние.

— Так уйдем вместе! — воскликнул я.

В тот миг я особенно нуждался в человеке, за которого мог бы держаться; но Джейбс только покачал своей седой головой.

— Мое место здесь, — спокойно произнес он. — Я уже давно это знаю. Видишь, я помог тебе одуматься — Бог даст, найдутся и другие, кого он сочтет достойными спасения.

В это время с кормы донесся стон, кто-то из раненых просил пить. Джейбс выпрямился, благословил меня и пошел на корму, захватив кружку с водой.

Это была наша последняя встреча, и с того дня я ничего не слышал о Джейбсе Пэтморе. Больше тридцати лет прошло, он, верно, давно скончался, но если мне в час последнего суда понадобится заступник, я призову Джейбса, потому что, помя-

ните мое слово, он попал в число святых.

Уложив кое-какие вещи, я вышел на палубу, подозвал одну из лодок, которые постоянно вертелись вокруг кораблей в расчете на поживу, и попросил отвезти меня на берег. Я ни с кем не попрощался и не взял с собой даже ножа: хотелось вступить в будущее свободным от всего такого.

Сойдя на берег, я повернулся лицом на север и зашагал вперед, надеясь в том или ином порту восточного побережья найти место на «купце», чтобы впервые после того далекого времени, когда я рыл могилы на ист-бэдлейском кладбище, зарабатывать деньги честным путем.

Не прошло и недели, как я уже был марсовым на трехмачтовой шхуне из Чарлстона и решил, что раз и навсегда покончил с пиратскими делами. Увы, мне предстояло убедиться, что изменить курс жизни не так-то просто. Преступное прошлое, как бы искренне человек ни раскаивался, готовит западню там, где он меньше всего ее ждет. Так получилось со мной, Джим, четыре года спустя, когда мне казалось, что девять десятых пути назад к честной жизни уже пройдено, прошлое напомнило о себе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПУТЬ ДОМОЙ

1

Любопытно, как я вновь очутился на Острове Сокровищ, — можно сказать, совершенно случайно, ведь он лежит вдали от обычных морских путей.

На этот раз я шел на небольшом бриге «Ласточка» из Филадельфии.

Нас было четырнадцать человек, включая капитана и его помощника. На полубаке добрую половину составляли испанцы, но боцман был янки, и мы с ним неплохо ладили, так нам доводилось плавать вместе раньше. Звали его Оксли; этого человека я считаю своим вторым злым гением после Сильвера.

Мы шли курсом зюйд-вест и везли свиней на один из Гренадинских островов, но нас преследовали штили, и вскоре пресная вода оказалась на исходе. А при таком грузе нам требовалось особенно много воды; мы рассчитывали не меньше двух-трех раз пополнить в пути свои запасы.

Наконец полоса штилей осталась позади, но воды у нас не прибавилось, поэтому мы на

всех парусах понеслись на юг. Однако сильные шквалы сбили нас с курса, и, заступив на вахту однажды утром, я над горизонтом на юго-востоке увидел — что бы вы думали? — вершину Подзорной Трубы!

Меньше всего на свете мне хотелось очутиться на острове Кидда — и не только потому, что нам в этих широтах грозила встреча с буканьерами. Вот уже отчетливо видно береговую линию; и когда я убедился, что судно идет прямо в Южную бухту, у меня сердце сжалось.

— О чем думает капитан? — спросил я Оксли. — Ведь это излюбленное убежище буканьеров!

Штурман услышал мои слова и подозрительно поглядел на меня.

— А ты откуда знаешь? — осведомился он.

— Я бывал тут раньше, — признался я. — Несколько лет назад мы попали здесь в такую переделку, что едва унесли ноги! Хорошо еще, что пираты вытащили свое судно на берег для починки и не могли пуститься за нами в погоню.

К этому времени я уже научился не лазить за словом в карман, и у меня всегда была наготове какая-нибудь история.

— Пираты не пираты, а придется нам войти в бухту, — сказал штурман. — Вода кончается, без

нее наш груз пропадет. На всякий случай усилить наблюдение!

Он ушел на корму, а я тут же поведал Оксли о сокровище. Можете себе представить, какое впечатление произвел на него мой рассказ! До сих пор я никому ни словом не обмолвился о том, что был на корабле Флинта, но тут положился на Оксли — и свалял дурака, потому что не прошло и часа, как он разболтал новость всей команде. Придя с вахты, я увидел алчно горящие глаза и услышал рассуждения о том, что на острове, пожалуй, можно найти кое-что поценнее пресной воды.

— Бен, сходил бы ты к капитану да повторил ему то, что мне рассказал,

— заявил Оксли. — Может, он задержится и позволит нам поискать. Ведь если мы и впрямь найдем клад Флинта, все богачами станем.

Однако капитан принадлежал к числу людей, считающих, что лучше синица в руке, чем журавль в небе (под синицей подразумевалось двести свиней в трюме). К тому же мне пришлось сознаться, что я совершенно не представляю себе, где зарыт клад.

— Наберем воды и пойдем дальше, — решительно объявил он и велел мне возвращаться на

мой пост.

Решение капитана чуть не привело к бунту. Моряки заявили, что коли вдруг выпал редчайший случай стать богачами из богачей, они не собираются упускать его из-за каких-то непоеных свиней. Выбрали депутацию, штурман поддержал их, и капитану ничего иного не оставалось, как уступить. Постановили, что небольшой отряд высадится на берег и попытается разыскать золото.

Совестно сказать, Джим, но мне не меньше других хотелось попытать счастья. Вот до чего доводит людей преклонение перед золотом! Исключая капитана, не было человека на бриге, который не считал бы, что сокровище уже в наших руках, остается только пустить его в оборот и зажить в роскоши и неге.

Мы бросили якорь почти на том самом месте, где Андерсон тащил на борт раненого Флинта. Минуло четыре с лишним года, как я видел эти берега, и, к стыду своему, должен сказать, что я меньше всего думал о бедняге Нике, — а ведь если бы не он, белеть бы моим костям на этом острове... Все мои благие намерения как ветром сдуло, в душе я снова был самый обыкновенный морской разбойник, готовый пристукнуть всяко-

го, кто встанет между мной и золотом.

Когда мы спускали шлюпку, подошел капитан; я заметил, что его губы скривились в усмешке.

— Бен Ганн, — небрежно обратился он ко мне, — чем объяснить твою осведомленность о делах Флинта и его золотишке?

Я ждал этого вопроса и заранее приготовил ответ.

— Я был захвачен в плен пиратами как раз незадолго перед тем, как они спрятали здесь сокровище, — сказал я. — Пираты напали на наш корабль и потопили его недалеко отсюда. Это было после налета буканьеров на Санталену.

— О! — воскликнул капитан все с той же усмешкой. — Выходит, нам просто повезло, что ты оказался с нами?

И он ушел, напевая себе под нос, а мы, во главе со штурманом, попрыгали в шлюпку и навалились на весла так, словно сам черт гнался за нами.

До свиней ли тут! День за днем, вооруженные кирками и заступами, бродили мы под немилосердно палящим солнцем по злосчастному острову, роясь в земле, точно навозные жуки. А нашли только скелет одного из французов; я узнал его по распятию на шее, на которое обратил

внимание в тот далекий вечер, когда мы сидели вшестером у костра на берегу Северной бухты.

Мы изрыли всю землю вокруг скелета, но, кроме распятия, так ничего и не обнаружили, да и то чуть не передрались из-за него.

На двенадцатый день, так и не найдя никаких признаков клада, мы побрели обратно в Южную бухту. Настроение у всех было прескверное. Неподалеку от шлюпки на берегу стоял капитан, все с той же язвительной улыбкой на губах.

— Ну как?.. — протянул он, когда мы вышли из леса с кирками и лопатами на плечах. — Хватит на «Ласточке» места сложить ваши драгоценные находки?

— Ни гроша нет! — воскликнул штурман и выругался. — И мы так думаем: Бен Ганн все это сочинил, чтоб ему гореть в вечном огне!

— Что вы говорите, — отозвался капитан, — весьма прискорбно, потому что места в трюмах довольно — без воды все свиньи околели!

Штурман первым поспешил признать свой промах и покаяться. Сразу после него слово взял мой приятель Оксли:

— Это Бен нас подбил, а мы, дурни, развесили уши!

— Вот именно, — подхватил капитан уже более

резким голосом. — Дурни! По справедливости, так заковать бы вас в кандалы, всю шайку, и отдать под суд в Филадельфии как бунтовщиков. Но без вас я не доведу судна до места, а потому я вас прощаю — при условии, что вы тотчас принимаетесь за дело и с приливом мы выходим в море! Живо наполняйте бочки и готовьтесь поднимать якоря, пока я не передумал и не всадил кому-нибудь пулю в лоб!

Честное слово, мы трудились так, что угодили бы самому придирчивому капитану. Через три часа все бочки были наполнены водой. Матросы заняли места в шлюпке, оставалось столкнуть ее и проститься с островом.

Капитан спокойно сидел на планшире, но едва я вошел в воду и взялся за борт шлюпки, как он поднял руку.

— Нет-нет, Бен, — сказал он. — На тебя мой приказ не распространяется, ты заслужил особую милость. Можешь остаться здесь и искать дальше, а отыщешь — помни: через пять лет я снова зайду сюда и стребую свою долю в возмещение за свиней, которые сдохли по твоей вине!

Я стоял по колено в воде и смотрел на него. Я не мог поверить, что моряк, которого никак нельзя было назвать буканьером, человек, который

дважды в день собирал нас на молитву, способен бросить меня одного в таком месте. Кто-то из матросов засмеялся, но тут опять заговорил капитан:

— Я не шучу, Бен. Я решил оставить тебя на острове, как это сделали бы твои старые друзья, пираты. С той разницей, что они вряд ли позаботились бы о твоем пропитании. В старом блокгаузе ты найдешь мушкет, порох и дробь, найдешь также бочку солонины и еще кое-какие припасы. Ну а лопат и заступов даже больше, чем нужно, — вон их сколько лежит на берегу. Надеюсь, они тебе пригодятся. Времени у тебя сколько угодно, вся жизнь впереди, если только твои приятели не нагрянут сюда чистить днище!

С этими словами капитан поднялся и махнул Оксли, чтобы тот отчаливал; одновременно он выхватил пистолет и взвел курок на тот случай, если я ринусь следом за ними.

— Капитан, — вскричал я, — смилуйтесь!..

— Смилостивиться? — отозвался он. — С тобой обошлись куда милостивей, чем ты с моими свиньями!

Я стоял в воде и смотрел, как шлюпка идет к «Ласточке». Ни один из команды не решился спорить с капитаном, не попытался смягчить

его. Вот уже подняты на борт последние бочки, поднята лодка, а через два часа бриг вышел из бухты и взял курс норд-вест.

На закате «Ласточка» была уже маленькой точкой на горизонте. Я остался один на острове Кидда, в обществе коз и призраков.

2

И все-таки мне не верилось, что «Ласточка» ушла совсем. Я твердил себе, что капитан просто решил проучить меня, и целую неделю не покидал берег злополучной бухты, до боли в глазах всматриваясь в море. Тщетно, никакого намека на парус... И когда стало очевидно, что меня бросили на произвол судьбы, я не выдержал и разрыдался...

...Первые два месяца пребывания на острове не оставили почти никакого следа в моей памяти. Я жил в блокгаузе, ел в основном солонину, поймал две черепахи.

Первые ночи были для меня сплошной мукой. А затем мало-помалу душевное равновесие восстановилось, и к концу третьего месяца, завершив знакомство с островом, которое началось для меня еще во время наших охотничьих вылазок на Подзорную Трубу, я более или менее пришел

в себя.

В один из моих походов я набрел на старое кладбище, где лежали люди Кидда, погибшие в схватке на берегу, — а может быть, их скосила желтая лихорадка, когда еще строили блокгауз. Памятуя слова Ника о том, что болото по соседству с блокгаузом — источник вредных испарений, я решил поискать пещеру, где мог бы сложить свой нехитрый скарб и укрыться сам в пору ливней, первый из которых чуть не затопил старый сруб.

Я нашел то, что мне было нужно, над Пьяной бухтой. Пещера была сухая, прохладная и очень удобная для наблюдения за морем. Я все еще не терял надежды, что какое-нибудь судно, подобно «Ласточке», зайдет на остов за водой и подберет меня.

Как проходило мое время? Большей частью я охотился, причем старался беречь порох. Коз на острове было много, и я мог засолить мяса впрок, используя бочонки, подобранные на берегах Северной бухты; рассолом служила морская вода, которую я выпаривал в Пьяной бухте.

Немало времени ушло на то, чтобы построить лодку, которая вас так выручила. Пришлось вооружиться терпением, Джим, — ведь у меня не было ни топора, ни гвоздей, ни дегтя. Я пробовал

конопатить швы козьим жиром, но он для этого не годился, зато из него вышло хорошее горючее для плошек, которые освещали мою пещеру после захода солнца.

Правда, в моем распоряжении были еще останки «Павы». Я тщательно их обследовал и собрал немало полезных вещей, в том числе огниво и длинные болты, из которых понаделал острог. Помните, Джим, что я сказал вам при первой нашей встрече? Человек, говорил я, коли постарается, всюду себя покажет. Так оно и есть: когда не на кого надеяться, положись на собственные силы и принимайся за работу.

Обеспечив себе добрый запас провианта, я начал шаг за шагом прочесывать остров. У меня был один-единственный ключ — останки француза, обнаруженные нами на склонах Фок-мачты. С этого места я и начал, решив еще раз осмотреть скелет, прежде чем хоронить его.

Судя по всему, француза застрелили сзади: затылочная кость была раздроблена, и я даже нашел в черепе пулю.

Поразмыслив, я решил, что у Флинта был только один способ победить в столь неравной схватке: разделить шестерку на несколько групп и бить их поочередно из засады. В самом деле,

ведь сокровище состояло из трех частей: золото, серебро и оружие. Монеты, очевидно, схоронили вместе с золотом, серебро — отдельно, оружие — отдельно; осторожность не позволила бы Флинту сложить все в одну яму.

И ведь я верно угадал, Джим, карта это подтвердила. Флинт зарыл серебро в северном тайнике, оружие — в песчаном холме к северо-востоку от Северной бухты, а главную часть сокровища — в южной части острова, на склонах Подзорной Трубы. Но тогда я этого не знал, и приходилось действовать вслепую.

Поблизости от останков француза я нашел тайник с оружием. Видимо, сначала вся шестерка, выполняя команду Флинта, отнесла сундуки в намеченные места, а потом, когда оставалось только забросать клады землей, капитан разделил их по двое и учинил расправу.

Эта догадка подтверждалась моим вторым открытием: дальше к северу, у подножья восточного пригорка, я обнаружил скелеты мулата и другого француза.

Оба эти скелета лежали в зарослях примерно в сажени друг от друга. Мулат (я узнал его по зажатому в руке ножу с причудливой гравировкой), вероятно, пытался дать отпор, француз же был

застигнут врасплох. Его сабля лежала в ножнах, и пистолеты были заряжены, но ржавчина успела сделать их непригодными к стрельбе.

Я очень внимательно осмотрел сам пригорок и весь прилегающий участок, искал останки Ника или какие-нибудь намеки на то, что тут копали землю. Но Флинт сработал чисто, я больше ничего не нашел.

К началу дождей я не успел осмотреть лишь возвышенный участок, который окаймляет с запада Южную бухту и упирается в Буксирную Голову.

Здесь-то, на самом гребешке, ведущем к Подзорной Трубе, и были захоронены главные богатства; и я сберег бы немало сил и времени, если бы сразу пришел сюда, вместо того чтобы бродить вокруг болота и в лесах.

После дождей я возобновил розыски.

Чуть ли не в первый день поисков наткнулся я на останки голландца и англичанина-контрабандиста. Они лежали в роще, у корней огромного дерева, которое служило приметой главного тайника, так что я, сам того не зная, прошел прямо над кладом. Здесь явно был бой — оба погибших держали в руках сабли, а в десяти ярдах ниже по склону валялся в кустах старый мушкет. Я тут же

их похоронил.

Поразмыслив, я заключил, что Флинт подкрался к этой двойке уже после того, как прикончил всех остальных. Сперва он, очевидно, выстрелил из мушкета, потом отбросил его и ринулся вверх, паля из пистолетов. Противники Флинта выхватили сабли, но не успели дать отпор, как их уже скосили пули капитана.

Но что же произошло с Ником? Я выяснил судьбу пятерых, однако по-прежнему ничего не знал об участи человека, который был мне ближе остальных. Сопровождал ли он голландца и англичанина? Или действовал в одиночку? Если верно первое — где тело Ника? Наконец, поскольку ни один из найденной мной пятерки не успел выстрелить (трое держали в руках либо саблю, либо нож, а пистолеты остальных двоих так и остались заряженными), каким образом Флинт получил страшную рану, которая в конечном счете доконала его?

Я решил довести дело до конца и проверить маленькое плато между верхушками Бизань-мачты.

Как вы помните, это один из самых красивых уголков острова: благоухающий ракитник, пестрящие цветами кусты, заросли мускатного ореха,

и надо всем этим — устремленные ввысь могучие стволы мамонтового дерева и шелестящих на ветру сосен.

В тот день, основательно утомившись, я устроился в тени, чтобы перекусить и промочить глотку из горлянки, которую всегда носил с собой. Утолив голод и жажду, я привалился спиной к дереву, и тут что-то блестящее на земле, примерно в ярде от моих пяток, привлекло мой взгляд.

С минуту я смотрел довольно безучастно: подумаешь, какой-нибудь кусочек кварца или капля росы!.. Но потом любопытство взяло верх, я поднялся, шагнул вперед и увидел — позолоченную пуговицу! От ужаса я отпрянул назад, как если бы сам Флинт вдруг бросился на меня из кустов: на земле у моих ног лежал облаченный в лохмотья скелет Ника Аллардайса.

Я прислонился к дереву, сердце отчаянно колотилось, грозя выскочить из груди.

Да, это был Ник... Он лежал в том самом положении, в каком вы потом нашли его: длинные руки вытянуты над головой, как у ныряльщика, ноги направлены в сторону Южной бухты, переплетенные пальцы указывают прямо на плато, где разыгралась последняя схватка.

И мне сразу все стало ясно. Ник был убит вместе

с остальными, а потом Флинт оттащил его сюда и придал ему такую позу — шуточка как раз в духе нашего капитана, тем более что он возненавидел Ника еще с тех пор, как они повздорили из-за нарушения Флинтом корабельных порядков.

«Но какой в этом смысл?» — спросил я себя в следующую минуту. Шутка шуткой, но ведь должна быть и серьезная причина, чтобы тяжелораненый стал так утруждать себя! Да еще сложил руки покойника наподобие указательной стрелки...

И тут меня осенило. Ну конечно же! От волнения меня опять кинуло в дрожь. Флинт сделал из Ника указатель, руки мертвеца показывают туда, где захоронена главная часть клада!

Говорите, что хотите, Джим, но от золотой лихорадки можно излечиться разве что на том свете. Сколько времени я разыскивал останки Ника, чтобы вознести молитву над ними, а затем предать их земле по христианскому обряду, но мысль о сокровище, лежащем где-то совсем близко, разом все заслонила, и я ринулся, точно козел, вверх по лесистому склону, к свежим могилам голландца и контрабандиста.

Добежав туда, я упал на четвереньки и стал обнюхивать землю, как пес. И когда мне попался

клочок, где растительность как-будто была помоложе, чем кругом, я немедленно голыми руками принялся рыть землю, пока не ободрал в кровь пальцы и не обломал все ногти.

Солнце нещадно палило, пот катил с меня градом; наконец я опомнился и решил передохнуть. Было очевидно, что нужно сходить в пещеру за киркой и лопатой. Я тотчас отправился в путь, а когда вернулся, уже повеяло вечерней прохладой. Но я и не думал сдаваться. Казалось бы, у меня времени воз, но нет, я должен был приступить тотчас и не успокоился, пока лопата не стукнула о дерево. Увы, спустившийся мрак не позволял разглядеть, что я откопал... Тогда я вылез наконец из ямы и побрел, шатаясь, домой, к пещере.

Всю ночь я не сомкнул глаз, меня бросало в жар от одной мысли, что завтра утром кто-нибудь раньше меня поспеет к яме. Сдается мне, Всевышний для того и создал золото, чтобы посмотреть, на какие глупости способен человек. Взять хоть меня: два года с лишним провел на острове в одиночестве, а теперь не мог уснуть, боясь, как бы козы и попугаи не посягнули на мои шестьсот тысяч фунтов стерлингов...

И вот рассвело. Однако в этот день я никуда не пошел, до того мне было худо. Накануне я спер-

ва перегрелся, когда орудовал лопатой, точно одержимый, на солнцепеке, а вечером простыл на ветру. Итогом всего этого явилась лихорадка, и я почти целую неделю пролежал, выползая из пещеры лишь затем, чтобы набрать воды в горлянку.

3

Когда я наконец оправился настолько, что смог пройти через весь остров и подняться на плечо Подзорной Трубы, то, сами понимаете, там все было по-прежнему. Яма никуда не делась, и на дне ее, на глубине сажени, выглядывал из земли угол ящика. Правда, я был еще очень слаб, но это не помешало мне спрыгнуть вниз и в два счета взломать крышку.

Как я и ожидал, в ящике лежали золотые слитки, а рядом второй ящик — с монетами.

Опустившись на колени подле моей находки, я громко рассмеялся... Вот оно, богатство, — добыто трудом сотен людей, досталось одному, сыну могильщика из далекого Девона, а что мне проку от него на необитаемом острове, где бочонок пороха дороже всех сокровищ на свете?

Эта мысль отрезвила меня. Нет, я не выкинул золота из головы — до самого конца моего пребы-

вания на острове я почитай что только о нем и думал, — но дальше я уже вел себя, как подобает моряку, а не как дикарь, пляшущий вокруг горшка с серебряными монетами.

Я решил все как следует продумать, и меня сразу осенило, что надо, не теряя времени, подыскать новый тайник.

Больше ста человек знало про клад на острове Кидда, и рано или поздно кто-нибудь — скорее всего, под предводительством Сильвера или Бонса — должен был явиться за ним.

Задумал я перепрятать сокровища в такое место, чтобы никакая карта, кому бы она ни досталась, не позволила его отыскать.

Но тут передо мной сразу возник следующий вопрос: как в одиночку перенести эти ящики?

Допустим, я с помощью блоков и талей, найденных на «Паве», подниму их из ямы. А дальше? Как я переправлю такую тяжесть через лес и топь в другой конец острова?

Словом, оставалось одно: разбить ящики и носить слиток за слитком, мешочек за мешочком, покуда в тайнике Флинта не останутся одни лишь сломанные доски.

Поставил я под большим деревом палатку из козьих шкур и переселился к кладу. По правде го-

воря, я просто не мог оторваться от денег. Бывало, вспомню ту пору, когда клад еще не был найден, и даже вздохну: как привольно мне жилось! Видно, такова цена богатства, Джим, каким бы путем оно ни досталось. Да вы небось теперь и сами в этом убедились.

Всю весну и часть лета провозился я с этим золотом. Вытащу слиток и отнесу на поляну среди зарослей, в нескольких сотнях ярдов на восток от ямы. И только подняв последний слиток, я сшил мешки из козьих шкур и принялся переносить золото в свою пещеру над Пьяной бухтой.

За один раз я мог взять либо два слитка, либо четыре мешочка монет, а это значило, что мне предстоит прогуляться с грузом не один десяток раз. К тому же мне приходилось намеренно удлинять путь, так как вскоре я обнаружил, что протоптал от ямы к пещере дорожку, по которой ничего не стоило выследить новый тайник. Тогда я начал разнообразить свой маршрут. То шел на юг и пересекал болото около Южной бухты, то поднимался на север, к заливу лесистого мыса, потом круто сворачивал вправо и выходил к пещере с другой стороны.

Климат там благодатный, и дорожка быстро заросла, осталась только сеть неясных следов,

которые разбегались во все стороны с плеча Подзорной Трубы и вполне могли сойти за козьи тропки.

Вы можете сказать, что моя пещера была не таким уж надежным тайником

— и ошибетесь. Я вам открою один секрет, которого не поведал тогда даже сквайру: в самом темном углу пещеры я выложил фальшивую стенку, за ней-то и хранился клад. Немало дней ушло у меня на то, чтобы запасти камни и глину, зато потом я мог при желании очень быстро замуровать вход в пещеру. Кстати, я как раз собирался это сделать, когда встретил вас на другой день после прихода «Испаньолы». Если бы люди Сильвера взяли верх, они ни в жизнь не нашли бы ни меня, ни сокровища. Представляю себе, какие физиономии были бы у бунтовщиков, когда пришлось бы убираться восвояси ни с чем!

Так вот, еще до начала дождей я успел перепрятать все до последней монеты, а потом пришлось заняться охотой, потому что запасы мои сильно истощились.

Все эти дни я не подходил к останкам Ника, но мысль о них не давала мне покоя.

До тех пор мертвецы меня, прирожденного, так сказать, могильщика, никогда не страшили. К

тому же от пиратской жизни я стал совсем жестокосердным. Но здесь дело обстояло иначе. Ведь Ник был моим другом и единственным человеком, на кого я мог опереться все те годы, что мы делили с ним и хорошее и плохое. Больше того, Ник был последним звеном, которое связывало меня с родным домом, и я никак не мог смириться с мыслью, что он отдал концы.

В конце концов я собрался с духом и решил все-таки похоронить Ника и высечь на камне, как его звали, сколько лет ему было, — по моим подсчетам, в год смерти ему сравнялось тридцать лет. Конечно, не мешало добавить к этому стих-другой из Библии, но сколько я ни скреб в затылке, ничего не мог припомнить. Ладно, сказал я себе, главное — потрудиться и вырыть для Ника добрую могилу на склоне над Южной бухтой. У подножья Бизань-мачты я нашел хорошую гранитную плиту. Во время одной из наших долгих стоянок на Тортуге Ник показал мне, как расписываться, научил также немного читать и считать, и теперь мне казалось, что я сумею, если очень постараюсь, высечь то, что задумал.

Из всех задач, какие я себе задавал на острове Кидда, эта оказалась самой каверзной. Правда, у меня был самодельный молоток из камня со

сквозным отверстием и было долото, выточенное из куска якорной цепи, — но ведь надо еще верно написать!

Я испортил две плиты, обе расколол на втором "к" в слове «Ник» (только от вас, Джим, я узнал, что «Ник» пишется через одно "к"!). И когда мне наконец удалось справиться с именем, я сказал себе, что этого хватит. Изобразить «Аллардайс» было сверх моих сил, да и цифру "3" тоже, хотя ноль я, пожалуй, одолел бы.

Для могилы я выбрал место на небольшом уступе примерно в кабельтове от кустов, где нашел Ника, и понемногу закатил вверх по склону тяжелый камень с надписью, потратив на это почти целую неделю.

Я еще раз прошел к останкам Ника и напряг свою несчастную башку, пытаясь вспомнить заупокойную молитву, но сколько ни бился, нужные слова ускользали от меня. Кончилось тем, что от обиды и разочарования я разрыдался, как ребенок, и зашагал прочь.

До вечера было еще далеко, а мне вовсе не хотелось торчать в пещере и предаваться унылым размышлениям, поэтому я выбрал дальний путь, вдоль плеча Буксирной Головы и крутых утесов Бизань-мачты. Эта часть острова всегда меня

привлекала. Я любил слушать волны, а здесь, у подножья обрыва, непрестанно ревел прибой, и в реве и вздохах могучих валов мне чудились величавые звуки органа и церковного хора...

Вечером я вернулся в пещеру совсем усталый, зато на душе у меня было легко. Поужинав, я сразу лег и впервые за много лет увидел во сне мать.

Рано утором я проснулся в отличном настроении и, как обычно, собрался пойти искупаться в заливе. Однако, выйдя из пещеры, я замер на месте, будто меня поразило громом. Вдоль берега, что называется, у самых моих дверей, прямо к Южной бухте медленно шла незнакомая шхуна. Она была так близко, что я отчетливо различал снующих на палубе людей.

Я до того опешил и растерялся, что продолжал стоять на виду — рот разинут, колени дрожат... Попытался крикнуть — не смог, язык словно прилип к гортани. Тем временем «Испаньола» скрылась за мысом, а затем над Островом Скелета взмыли тучи птиц, и скрип талей дал мне понять, что вы уже спускаете шлюпки, чтобы верповаться через пролив.

4

До сих пор не возьму в толк, как это вы меня

сразу не заметили.

Я стоял как столб у входа пещеры, а ее с моря было видно очень хорошо; кстати, я потому в ней и поселился. Должно быть, вам было просто не до того: сторонники капитана лихорадочно соображали, как удержать корабль в своих руках, а мятежники помышляли только о несметном богатстве, ожидающем на берегу. Так или иначе, меня не увидели, и, опомнившись, я нырнул обратно в пещеру, чтобы обмозговать, как быть дальше. Ведь я вас принял за пиратов, Джим...

Поразмыслив, я успокоился, а вместе со спокойствием ко мне вернулось и мужество. Как-никак, золото спрятано надежно, и замуровать его недолго. Я знал, что никто из вас еще не высадился на берег и вряд ли высадится до вечера — отлив не позволит. Поэтому я решил, прежде чем замуровывать клад, получше все разведать.

Вдруг вы зашли в Южную бухту всего-навсего пресной воды набрать? Захватив мушкет, пули и порох, я выскользнул из пещеры и осторожно,

стараясь не выдать себя, двинулся вперед. Охота на коз научила меня подкрадываться незаметно, в этом я теперь хоть с кем мог потягаться. Вдоль восточного берега я пробрался к зарослям между блокгаузом и Южной бухтой. Здесь, почти

у самой воды, росла высоченная сосна; я вскарабкался на нее и с макушки увидел вдали шхуну.

Все утро я просидел на дереве и слез, только когда от шхуны отделились две шлюпки. Мне захотелось подобраться поближе к месту высадки. Я не сомневался, что густые заросли надежно скроют меня от глаз моряков.

Первое, что я увидел, — как вы выскочили из передней шлюпки и стремглав бросились в чащу. Я приписал это мальчишескому возбуждению и сразу же о вас забыл, потому что, когда на берег высыпали остальные, испытал новое потрясение: среди моряков был Джоб Андерсон, я тотчас узнал его.

Не дожидаясь, когда подойдет вторая шлюпка, я на всех четырех пустился наутек. Если бы не моя поспешность, я тогда же увидел бы Сильвера; впрочем, уже через час мы с вами встретились около насыпи, и вы помогли мне разобраться, что к чему.

Я смекнул, что отряд, скорее всего, пойдет по речке: это был наиболее легкий путь в глубь острова. А заросли по берегам позволяли мне следить за отрядом, оставаясь незамеченным.

Сильвер, как вы знаете, отправился вверх по склону, прихватив с собой беднягу Тома, боль-

шинство же зашагало прямо по руслу реки, и я неотступно следовал за ними, прячась в кустах. Вскоре я опознал еще одного старого приятеля, плотника Моргана — того самого, которого мы подняли на борт «Моржа» вместе с Сильвером, после чего начались все наши злоключения.

Меня удивило, что Морган еще жив: ведь он был уже пожилой человек, когда мы встретились впервые. Кстати, я не сказал бы, что он с той поры сильно изменился. Джордж Мерри — тоже мой старый приятель — в этот день оставался на шхуне. Он был в числе пятерки, открывшей огонь по ялику, на котором люди капитана гребли к блокгаузу.

На небольшой поляне, где русло реки расширялось, отряд — их было девять человек — остановился. Андерсон, видно, был за старшего, он первым подал голос:

— Ну что ж, братцы, здесь и передохнем, самое время выяснить, кто за кого!

Большинство отозвалось одобрительными возгласами, только один матрос

— Алан, который плелся сзади, был явно чем-то озабочен.

— Вот что, Джоб, — сказал он, стоя подле могучего дуба, купавшего свои корни в потоке, — не

пора ли тебе открыть карты и перестать играть втемную? Что значит все это перешептывание и шушуканье? Ты что же, надумал бросить корабль? Увести на берег всю команду в таком пустынном месте только потому, что капитан Смоллетт не дает спуску лентяям? Я хочу знать правду, Джоб, тотчас выкладывай, без этого я и шагу дальше не сделаю!

Андерсон с усмешкой поглядел на него, щуря глаза от солнца.

— Алан, — ответил он, — ты хотел слышать правду, так вот она! Мы пришли сюда за сокровищем и не уйдем, пока не добудем его, и Джон тебе об этом уже толковал, если я не ошибаюсь!

— Верно, — отозвался Алан, — это ведомо всем и каждому на борту. Ведомо с той минуты, как мы вышли из Бристоля, но я одного не возьму в толк: неужто ссора с капитаном увеличит нашу долю? Вот что я хочу знать!

Морган громко расхохотался.

— Послушай, ты, пустая голова! — воскликнул он. — Сокровище будет все наше, наше — все, до последнего гроша! Пусть этот надутый сквайр не думает, что может заткнуть нам глотки какими-то двумястами монетами! Только не мне и не Джону, если я его верно знаю!

Видно, бедняга Алан лишь теперь стал догадываться, с кем жил в одном кубрике. На простоватом лице его отразились ужас и недоумение.

— Вы что же, хотите их прикончить? — вымолвил он. — Прикончить и все деньги загрести?

— Вот именно, — ответил Андерсон. — Ты попал в самую точку, Алан, а теперь выбирай, да поживее, с кем ты — с нами или с капитаном?

Алан постоял, переводя взгляд с одного на другого, и вдруг сорвался с места, намереваясь бежать назад к шлюпкам. Но Морган наверняка ждал этого и с громким криком подставил Алану ногу, так что тот кубарем покатился в кусты. Тут же Джоб бросился на беднягу, и в лесу прозвучал предсмертный вопль, который вы, находясь выше по реке, так отчетливо услышали.

Андерсон поднялся и вытер кинжал; Алан лежал недвижим, пораженный в самое сердце. А я со всей быстротой, на какую был способен, стараясь не шуметь, пополз прочь, чтобы вернуться в пещеру и замуровать сокровище. У меня больше не осталось никаких сомнений насчет происходящего на «Испаньоле».

Не прошло и десяти минут, Джим, как вы снова попались мне на глаза, и должен сознаться, я поначалу был в замешательстве, так как не мог

решить, кто передо мной — разведчик пиратов или беглец, которому грозит та же участь, что и бедняге, павшему от руки Андерсона. К тому же вы, сами того не зная, шли прямо к моей пещере, и как-то надо было вам помешать.

Из укрытия я тщательно рассмотрел вас и решил, что вы бежали от пиратов, а значит, можете оказаться моим союзником. Тогда я выступил вперед и окликнул вас. И до чего же вы были ошарашены, Джим, не в обиду вам будь сказано: лицо испуганное, руки дрожат... Да, в тот момент пистолет ваш был не опаснее деревянной сабли.

К счастью для всех нас, вы предпочли рассказать мне всю историю. И я тут же, не сходя с места, решил, что отдам большую часть сокровища в обмен на возможность вернуться домой и начать новую жизнь.

Но сперва нам предстояла нешуточная схватка, это стало мне ясно, как только вы назвали имя главаря шайки. С великим облегчением услышал я, что карта у сквайра. Ведь ради нее Сильвер будет ходить за вами как привязанный, не подозревая, что карте теперь грош цена.

Когда над блокгаузом взвился «Юнион Джек», я сразу воспрянул духом: значит, ваши натянули нос Долговязому Джону и он вряд ли сунется в

этот угол острова. Затем пираты открыли огонь, и мы с вами разбежались в разные стороны. Я выбрал удобное место для наблюдения, в кустарнике выше белой скалы, под которой была спрятана моя лодка.

Дальше, Джим, вам вроде бы все известно, однако есть кое-какие вопросы, которые вы, наверное, хотели бы выяснить. Постараюсь в этом помочь...

Я смекнул, что мне пока лучше всего держаться в укрытии, помогать вам исподтишка. Прикинул силы обеих сторон. Вы мне сказали — их девятнадцать против шести, не считая вас самих, Джим. Но Эйб Грей перешел на сторону капитана, а двое были убиты; выходило уже не девятнадцать, а шестнадцать. Еще одного пирата убили вечером около блокгауза; итого оставалось пятнадцать бунтовщиков — девять на берегу и шесть на «Испаньоле».

Правда, один из оставшихся на борту, как вы помните, был смертельно ранен выстрелом сквайра Трелони, но тогда ни вы, ни я этого не знали; вот и получилось у меня пятнадцать против шестерых плюс один мальчик.

Когда стемнело, мне удалось подползти вплотную к пиратам, которые устроили попойку,

собравшись у костра на берегу болота. Здесь-то я и увидел вновь Сильвера, а рядом с ним сидел бывший пушкарь Черной Бороды, Израэль Хендс, все такой же худой и угрюмый.

Помните, последний раз я видел Окорока в Саванне, когда ему отхватили ногу и он метался в жару на своей койке. И вот он опять передо мной, такой же подвижный, как всегда. Я невольно поразился проворству, с каким он сновал вокруг костра. Это был все тот же Сильвер, неунывающий и обходительный: он даже сам приготовил для всех ужин.

Пятерка пиратов во главе с пушкарем тоже съехала на берег, и вы тут явно прозевали случай совершить вылазку и вернуть себе шхуну, ведь в ту ночь на ней не оставалось ни одного человека. Меня так и подмывало отправиться на корабль самому, но я оставил эту мысль. Даже если бы мне удалось незаметно перерубить якорный канат, в одиночку я все равно не справился бы с парусами.

Пираты прихватили с корабля ром, и, сами понимаете, еще до полуночи вся компания перепилась, один Сильвер остался трезвым. Они пели, кричали, спорили, — в общем, подняли такой шум, что разобрать, о чем идет речь, не

было никакой возможности. В конце концов все завернулись в одеяла и уснули как убитые, даже не выставив часового. Подкрадись люди капитана в это время, и можно было одним махом прикончить больше половины шайки, а остальных обратить в бегство, но вы явно предпочитали отсиживаться в блокгаузе.

Тогда я решил вмешаться. К меня была с собой узловатая дубинка, которой я глушил коз. С этим оружием я медленно, дюйм за дюймом, подполз к храпящим буканьерам и нанес одному из них удар, после которого ему не суждено было проснуться.

В тот же миг Сильвер с руганью вскочил на ноги, а его попугай поднял истошный крик; да только я уже был в безопасности. Пираты даже не видели, кто это на них напал, и я без помех добрался до своей пещеры, довольный тем, что хоть немного сократил численное превосходство противника.

5

На следующее утро я поднялся чуть свет, наскоро перекусил, искупался в море, потом взял дубинку, мушкет и отправился на разведку.

На этот раз мне удалось поближе подобраться

к мятежникам и кое-что подслушать. Но сначала я их пересчитал, чтобы точно знать, что на меня никто не нападет врасплох со спины. Все были налицо, включая того, которого я ночью зашиб насмерть.

Судя по всему, Сильвер уже успел повздорить с приятелями, а именно с Андерсоном, Хендсом и Джорджем Мерри. Все трое недвусмысленно выражали свое недовольство ходом событий, обвиняли Джона в скверном руководстве, даже грозили ему черной меткой.

Но Окорок легко их одолел. В бою ли, в споре ли, он мог дать сто очков вперед любому из этой милой тройки, а остальные еще доверяли ему и в перепалке со смутьянами заняли его сторону.

— А я вам говорю, — объяснял Сильвер, — что нам сейчас куда выгоднее вести переговоры, чем лезть на рожон! Кто не видит этого — болван, который только того и заслуживает, чтобы ему продырявили его тупую башку! Судите сами: они сидят в надежном укрытии, у них два десятка мушкетов. Одни будут их заряжать, другие, кто стреляет получше, укладывать нас наповал. «Штурмовать!» — кричит Джоб, и, наверно, он прав, когда говорит, что мы расправимся с ними раньше, чем они успеют прикончить половину

нашего отряда. Что ж, братья, коли вам это по душе — давай вперед! Кто-то из нас отправится на тот свет, зато другим больше останется, можно и так рассуждать. Ну а если выйдет иначе? Вдруг атака не удастся? Представьте себе, что этот чертов сквайр, который вчера с качающейся лодки прострелил башку Дику, выпустит в нас три-четыре пули, прежде чем мы доберемся до них? А доктор, а капитан, а Эйб Грей, которого я еще до конца этой недели надеюсь поджарить на вертеле, — представьте, что они, раньше чем мы до них доберемся, уложат человек шесть? Тогда у нас не будет такого перевеса. Вот ведь что! То ли дело, когда нас чуть не втрое больше, чем их, — и уж мы сумеем использовать свое превосходство, или назовите меня шваброй! Пусть вы даже отделаетесь ранами — кто вас будет лечить и выхаживать в этом чумном климате, пока остальные откапывают сокровище? Нет уж, чертово отродье, раз я выбран вожаком этой шайки и меня еще не сместили, послушайте, что я скажу. А я задумал так: прежде всего добыть карту. Дальше... Дальше будет видно. Скажу лишь одно: когда дело будет сделано и мы переправим денежки на шхуну, никто из них жив не останется.

Речь Сильвера явно произвела впечатление,

и хотя смутьяны по-прежнему оставались недовольны, пришлось им смириться под напором большинства. Сошлись на том, что Сильвер пойдет парламентером к защитникам блокгауза, предложит перемирие и посулит в обмен на карту сохранить им жизнь. Не согласятся — блокгауз будет взят штурмом.

Бунтари отправились на опушку леса следить за Сильвером, я же, полагая, что они скоро вернутся, остался на месте. И правда, не прошло и часа, как они возвратились. На этот раз больше всех бушевал Сильвер. Сколько я знал Окорока, никогда еще не видел его в таком бешенстве, а Израэль и остальные двое не преминули подлить масла в огонь, — дескать, они другого и не ожидали, надо было с самого начала их послушать.

Ваше счастье, что Сильвер так взбесился... Ему не терпелось добраться до ваших глоток, и он совсем упустил из виду такое страшное средство, как мина. А ведь Израэль мог бы за каких-нибудь два часа изготовить ее, — помните Санталену? Набей бочонок порохом и железным ломом, подложи у изгороди и врывайся через брешь! И тому же Израэлю ничего не стоило смастерить зажигательные снаряды, какими мы часто пользовались в бою. Один такой снаряд на крышу блокгауза — и

она вспыхнула бы ярким пламенем. Дым мигом выгнал бы вас наружу, прямо под пули.

Но Сильвер изо всей военной науки припомнил только правило прикрывать атакующих огнем, да и то распылил свои силы, задумав идти на штурм сразу со всех сторон. Правда, это усложнило мою задачу, ведь я-то задумал пощипать их с тыла в разгар схватки, а при таком расположении мне было трудно выбрать безопасную позицию.

Только я отыскал в кустарнике удобный для стрельбы просвет, как из-за деревьев с северной стороны выскочили семеро пиратов и ринулись на частокол.

Я прицелился в ближайшего ко мне — он был голый по пояс, жилистый, коренастый — и спустил курок в тот самый миг, когда кто-то из ваших уложил наповал его соседа. Но я поспешил и только ранил пирата; через секунду он уже был на ногах и нырнул в лес. Я сильно переживал свой промах, тем более что не успел перезарядить мушкет и выстрелить снова. А впрочем, моя пуля тоже сделала свое дело, ведь она сократила до пяти число прорвавшихся за ограду. В таких стычках подчас один лишний человек решает исход.

Ваш отряд задал жару этой пятерке, и не успел

я перезарядить мушкет, как последний из нападавших перевалился через частокол обратно и зайцем пустился наутек. Было ясно, что штурм сорвался, орешек оказался пиратам не по зубам.

Израэль, изрыгая проклятья, бросился вперед и попытался поднять бунтовщиков на новую атаку, но он был среди них единственный, кто еще сохранил боевой дух, остальные предпочли отступить в глубину леса.

Осторожно вернувшись на свой удобный пост возле пиратского лагеря, я тотчас увидел, что ряды бунтовщиков заметно поредели. Осталось только восемь человек, да и то один был небоеспособен: моя пуля ранила его в голову и чуть не отправила на тот свет.

В жизни не видел такой унылой компании.

Они усердно прикладывались к бутылке с ромом и громко сетовали на свою неудачу, словно мальчишки, которых застигли врасплох в чужом курятнике и проводили колотушками.

Я переводил взгляд с одного на другого... Сильвер, мрачный, как грозовая туча; Израэль, уже порядком захмелевший; рослый ирландец в красном колпаке, которого Хендс потом зарезал на шхуне, а вы сбросили за борт к акулам; Дик — испуганный парнишка, пробежавший мимо

меня в лесу; старик Том Морган, угрюмый и пришибленный; Джордж Мерри, упорно твердящий, что все кончилось бы иначе, послушайся Сильвер его совета; раненый пират — он перевязывал себе голову. И еще двое: один постарше, с седыми висками, другой — рыжий матрос, которого Сильвер склонил к измене. Да, более жалкой ватаги мне не приходилось видеть. Ни как моряки, ни как джентльмены удачи они ломаного гроша не стоили.

Вдруг мне пришла в голову мысль застрелить Сильвера и одним махом все кончить. С того места, где я притаился, это было очень легко сделать, я даже прицелился, однако тут же подумал, что, если убью его, остальные, скорее всего, удерут на шхуне и бросят нас на острове. А это ни меня, ни вас не устраивало. Поэтому я решил пока оставить бунтовщиков в покое и выяснить, как обстоят дела вашего отряда.

Сделав большой круг, я вышел к блокгаузу с западной стороны и только стал соображать, чем бы подать сигнал, — вижу, идет доктор, вооруженный до зубов и невозмутимый, как скала. Я с первого взгляда его опознал, ведь вы мне сказали, что сквайр и капитан — оба высокого роста. Войдя в лес, он двинулся в северо-восточном

направлении, и я сразу смекнул, что он задумал найти меня. Чистейшее безрассудство, я об этом ему потом сколько раз говорил. Ведь попадись он на глаза пиратам — и его песенка была бы спета. И вам от этого — никакого толку!

Так или иначе доктор продолжал смело шагать через лес, а я крался за ним, перебегая от дерева к дереву, как накануне, когда следил за вами. Наконец мы достаточно удалились от лагеря, и тогда я окликнул его. Он сразу остановился и взял мушкет наизготовку, но, сколько ни вертел головой, никак не мог меня обнаружить. Моя одежда из козьих шкур была хорошей маскировкой.

— Доктор! — крикнул я. — Стойте на месте, будем вести переговоры!

Он рассмеялся и повесил мушкет на плечо.

— Джим рассказал нам про вас, Бен Ганн, и вам нечего опасаться, — ответил он. — Неужели я для того рисковал жизнью, чтобы разговаривать с вами подобным образом!

Что верно, то верно... Я вышел из-за дерева и пригласил доктора пройти со мной в пещеру. И мы зашагали гуськом через топь, затем вверх на Двуглавую гору, к моему убежищу.

Я ожидал, что вид несметного сокровища ошарашит его, но не тут-то было. Доктор всегда

оставался невозмутимым, и теперь он даже бровью не повел.

— Что ж, Бен, — сказал он, осмотрев клад и садясь на камень у входа,

— похоже, вы нас опередили, так попробуем договориться по-доброму. Что вы скажете, если я предложу вам проезд на родину, никаких вопросов о прошлом и тысячу фунтов в придачу?

Предложение доктора превзошло мои самые смелые ожидания. Я был готов отдать все до последнего гроша, только бы поставить крест на прошлом и увидеть родной дом! Мы тут же, как говорится, ударили по рукам, после чего стали обсуждать, как управиться с бунтовщиками. Сначала доктор сказал, что мне следует нагрузиться козлятиной и идти в блокгауз, вступить в отряд капитана, но я быстро убедил его, что принесу вам гораздо больше пользы, свободно передвигаясь по острову. Чем смотреть в бойницу, как Сильвер снова поведет своих людей в атаку, я лучше постараюсь помочь вам выбраться из осады.

Но больше всего меня заботила судьба корабля. Доктор Ливси рассказал, что придет еще одно судно, да разве мог я ждать! При одной мысли о шхуне, стоящей в Южной бухте, меня бросало в дрожь, так мне не терпелось скорее ступить на

палубу и идти домой под всеми парусами!

Я не стал вдаваться в подробности своей пиратской жизни, сказал только, что был силой завербован людьми Флинта, когда плыл в Америку с Ником в качестве его слуги. Уже потом, узнав доктора ближе, я рассказал ему, как был убит Кастер, и он обещал поручиться за меня, когда мы приедем в Девон. Не сомневаюсь, что он выполнил бы свое обещание, если бы в Англии не выяснилось, что Ник давным-давно написал письмо, в котором брал всю вину на себя и совершенно оправдывал меня.

Закончив переговоры с доктором Ливси, я проводил его до частокола, после чего еще раз проведал пиратов. Шесть человек сидели, распевая песни, у костра, а двое отправились на шхуну. Выяснив это, я вернулся к себе в пещеру, очень довольный тем, как все хорошо складывается.

А на рассвете третьего дня, идя по горе над Белой скалой курсом на лагерь бунтовщиков, я заглянул в бухту и вдруг обнаружил, что шхуны нет.

Хотите верьте, хотите нет, Джим, я сел на землю и разрыдался, словно ребенок. Как же я проклинал себя за то, что не уследил за бунтовщиками, не забил тревогу, когда они подняли паруса: ведь

я-то решил, что это Сильвер увел корабль.

Придя в себя, я решил все-таки сперва навестить стоянку пиратов, а уж потом сообщить вам печальную новость. Можете представить себе мое удивление, когда я застал на прогалине кучку людей, ошарашенных и подавленных не менее, чем я сам! Сильвер и его компания почти в одно время со мной обнаружили пропажу судна, и теперь вся шестерка сыпала такими проклятиями, что сам черт, услышь он их, смутился бы.

Оставалось только предположить, что шхуна сорвалась с якоря (но как?) и ее унесло отливом. Не теряя времени, я поспешил через лес к блокгаузу. И обнаружил, что отряд капитана встревожен совсем другим происшествием.

— Джим пропал! — сказал мне доктор, даже не поздоровавшись. — Ушел вчера вечером, и с тех пор ни слуху ни духу!

Никто из них не допускал и мысли, что вы переметнулись к Сильверу, они все приписывали мальчишескому озорству. Да только от этого было ничуть не легче — кто мог поручиться, что вас не убили ночью? Сквайр жестоко бранил себя за то, что втянул мальчишку в столь безрассудное предприятие. А вообще-то все мы, и сквайр, и доктор, да и Сильвер тоже, попали впросак.

Откуда нам было знать, что судно в целости и сохранности стоит в другом месте? Каждый был уверен, что оно исчезло навсегда.

И тут взял слово капитан. Хотя он сильно ослаб от двух ран, полученных накануне, голова у него работала лучше, чем у всех нас остальных, вместе взятых. Капитан сказал, что исчезновение корабля вынуждает наш отряд сменить убежище. Пока Сильвер разгуливает хозяином по острову, нужно тщательно охранять клад. Весь вопрос в том, как из блокгауза перебраться в пещеру?

Капитан, понятно, не мог идти сам, его надо было нести. Значит, у двоих будут руки заняты, и остаются только два бойца. Казалось, положение безвыходно. Но тут доктор напомнил о нашем козырном тузе — старой и теперь уже совершенно бесполезной карте. Он спросил меня, пойдет ли Сильвер ради карты на двухчасовое перемирие и можно ли положиться на его слово? Нелегкий вопрос!

— Конечно, — ответил я, — Джон все что угодно пообещает, только бы завладеть картой, что же до его честности, то, поклянись он хоть на ста Библиях, я не положусь на слово Сильвера.

Эйб Грей поддержал меня.

— Постойте, — вмешался капитан. — Вы за-

бываете одну вещь: когда он получит карту, у него просто не будет другого выбора, как тотчас отправиться за кладом. Зная эту шайку, я не сомневаюсь, что они мигом похватают кирки и лопаты! И как только они перевалят через плечо Подзорной Трубы, никто не помешает нам дойти до пещеры.

Мы посовещались и решили, что лучшего не придумать. На самом-то деле мы просчитались, ведь Сильвер целых двенадцать часов не подавал виду своим приятелям, что карта у него! Он выложил ее лишь после того, как над ним и над вами, Джим, нависла смертельная угроза. Тем не менее наша уловка себя оправдала, она помогла нам беспрепятственно совершить переход из блокгауза в пещеру.

Итак, я устроился в засаде у стоянки пиратов, а доктор и Эйб Грей с белым флагом в руках пошли парламентерами к бунтовщикам. Кроме передачи карты, условия соглашения предусматривали, что доктор окажет помощь раненым и пираты получат все находящиеся в блокгаузе припасы, нам же за это разрешался свободный проход в северную часть острова.

Сильвер и доктор Ливси совещались поодаль от остальных, даже Грей отошел в сторонку, но все

стояли с оружием в руках, не спуская глаз друг с друга. Наконец доктор скрылся в чаще, и Сильвер проковылял к костру. Приятели тотчас окружили его, требуя ответа: что ему удалось выговорить?

— Провиант, без которого никто из нас не может обойтись, даже ты, Джордж Мерри, — ответил Долговязый Джон. — Теперь, когда шхуна ушла, где еще мы его возьмем? Может быть, кто-нибудь из вас подаст совет?

— Им и в блокгаузе не худо, с чего это они вдруг затеяли уходить? — спросил Морган.

— В северную часть острова... — подхватил Мерри. — Что им там понадобилось, в северной части? Вдруг сокровище лежит там, они подбросят нам бочку солонины, а сами все денежки загребут!

Сильвер косо взглянул на него: так он некогда глядел на тех, кого мысленно приговаривал к смерти за предательство.

— Послушай, Джордж, у тебя есть лучший план? — медленно вымолвил он.

— Если да — выкладывай, и мы обговорим его, потолкуем, как быть, чтобы не подохнуть с голоду здесь, у костра!

— Перехватим их на марше, — сказал Джордж, — и перебьем всех до единого. Тогда

все будет наше: сокровище, солонина, бренди, блокгауз, или я не джентльмен удачи и никогда им не был!

— Вот это верно, — негромко отозвался Сильвер. — Ты им никогда не был, иначе не предложил бы чушь, достойную дурачка, которого в младенчестве уронили вниз головой! А теперь слушайте, что я скажу, недоношенные павианы, — продолжал он, возвысив голос так, что с окружающих деревьев взлетели птицы. — Откуда нам знать, что доктор не пронюхал, где шхуна, и не стакнулся с этим пропойцей Хендсом и с ирландцем, чтобы те забрали их вместе с сокровищем? Разрази меня гром, так оно и есть, вот что они затеяли, и теперь у нас только один шанс: не спускать с них глаз, пока Хендс не приведет шхуну в условленное место и не подаст сигнал! Перебить их, говоришь? Да ведь тогда всем нам крышка, потому что некому будет ответить на сигнал Хендса, и останемся мы без сокровища и без судна!

С этими словами Сильвер круто повернулся и стал навешивать на себя оружие, чтобы идти в блокгауз. Казалось, даже спина Джона выражает его презрение к тупицам, с которыми он связался.

Сидя за кустами, я с трудом удерживался от

смеха, такие рожи были у его приятелей.

Долго пираты переваривали молча сказанное Сильвером, потом Морган взял слово.

— Что ж, Джон, — решительно произнес он, вынимая трубку изо рта и сплевывая в огонь, — сдается мне, ты прав, и я с тобой заодно, недаром из всех нас ты самый башковитый!

Да, Сильвер снова одержал верх. И так как он ни словом не упомянул о карте, я окончательно понял, что дела мятежников совсем плохи и отныне Окорок будет нам скорее союзник, чем враг.

Я думал о басне Сильвера, будто Хендс сговорился с нами, и удивлялся, как это они дали заморочить себе голову! Казалось бы, яснее ясного, что люди капитана никак не могли пробраться ночью на шхуну и подбить Хендса на такую немыслимую затею. И, однако, пираты клюнули на удочку. Не больно-то они доверяли друг другу, если не усомнились, что собственный товарищ им так легко изменил... Отведя душу отборной бранью, бунтовщики забрали свое оружие и нехитрый скарб и угрюмо побрели к блокгаузу. Я проводил их до частокола, потом отправился догонять отряд сквайра, который шел через топь к моей пещере. Нелегко нам пришлось в болотных зарослях, мы не раз проваливались по пояс,

но все же благополучно добрались до места. И уж я постарался устроить своих гостей возможно уютнее, капитану подстелил целую груду козьих шкур и запас побольше питьевой воды на случай осады.

А сколько мы в тот день ломали голову, Джим, пытаясь уразуметь, что с вами! Под вечер, когда «Испаньола» вошла в Северную бухту, доктор, Грей и я караулили в зарослях у подножия Двуглавой горы, чтобы Сильвер не застиг нас врасплох. Оттого-то мы и не увидели вас, когда вы в одиночку вели шхуну, а Хендс с кинжалом наготове ждал удобной минуты, чтобы расправиться с вами.

Как только стемнело, доктор и Грей возвратились в пещеру, а я решил проверить, чем заняты пираты. Сквозь щель в частоколе я увидел, как они, сидя у костра, прилежно потягивали оставленное вами бренди и распевали песни.

Убедившись, что нам пока не грозит никакая опасность, я еще до восхода луны отправился обратно в пещеру. Задержись я на полчаса, вы встретились бы мне в лесу и не попали бы прямо в лапы врагу. Вот ведь как бывает...

Утром доктор, как и было условлено, пошел оказать помощь раненым пиратам, а два часа спустя вернулся и ошеломил нас известием, что

вы в плену у бунтовщиков, и, как только пираты вместо клада увидят пустую яму, ваша песенка будет спета.

Нам оставалось одно: попасть туда первыми и устроить засаду. Доктор Ливси, Эйб Грей и я тотчас вышли в путь по тропинке, которую я вытоптал, перенося золото. Но мы продвигались слишком медленно. Я-то привык к этим местам и мог еще прибавить ходу, но доктор, уже отмахавший с утра десять-двенадцать миль через топь, начал отставать. Тогда я объяснил ему, как найти яму, а сам припустился бегом, и на длинном склоне пониже большого дерева обнаружил вас. Вы с пиратами стояли над останками бедного Ника и что-то обсуждали. Могильной плиты вы не увидели, так как прошли западнее.

Но как задержать пиратов, чтобы доктор и Грей раньше подоспели к яме? И тут мне пришло в голову изобразить привидение, голосом Флинта позвать Мак-Гроу, требуя рома, как это делал наш капитан в Саванне много лет назад.

К счастью для вас, Джим, моряки, даже самые отпетые, суеверный народ. Не сомневаюсь, от первого же моего крика их бросило в дрожь, а зубы их стучали, как испанские кастаньеты!

Во всяком случае, уловка достигла цели. Пи-

раты сразу сбавили ход, тем временем подошли доктор и Грей, и мы засели в кустарнике на расстоянии половины мушкетного выстрела от пустой ямы.

До чего забавно было видеть выражение их лиц, особенно Сильвера, когда они заметили яму и, подбежав к ней, нашли... одну золотую монету, рукоятку от заступа и старые доски! Джордж Мерри задыхался от ярости. Не уложи я его первым же выстрелом, он искромсал бы своим ножом любого, кто попался бы ему под руку, будь то вы или сам Долговязый Джон. Доктор еще не отдышался после быстрого перехода, поэтому он промазал, зато пуля Эйба прикончила раненого пирата с повязкой на голове.

Ну вот, Джим, остальное вы и сами знаете. А чего не знаете, так я вам расскажу. Ведь, по чести говоря, я потом снова спас вас и ваших друзей, когда на обратном пути спровадил Окорока.

Хотите верьте, хотите не верьте, Джим, но это была, пожалуй, самая важная услуга, какую я оказал вам и вашим друзьям. Честное слово, этот коварный и сладкоречивый Сильвер задолго до прихода шхуны в Бристоль успел бы всем вам заморочить голову и подстроить какую-нибудь каверзу. Даже если бы я вас предупредил, что он

замышляет новые козни, и вы заковали бы его в кандалы, все равно Долговязый Джон сумел бы выкрутиться и провести вас.

Было только два способа уберечь вас от его коварства: либо хладнокровно убить Джона, на что никто из вас не пошел бы, либо способствовать его побегу, что я и сделал и о чем никогда потом не жалел.

Как это было? Сейчас расскажу. И кончу на том свою повесть, которую вы обещали держать в тайне, пока я не отчалю в те края, где человеку позарез нужен надежный кормчий.

6

Уже началось наше обратное плавание, а я не находил себе покоя, Джим, и все потому, что Долговязому Джону предоставили на корабле полную свободу.

Спору нет, нам не хватало людей, семь человек, один совсем еще мальчик, должны были выполнять работу тридцати. Но все равно, вы бросали вызов провидению, которое до сих пор было необычно милостиво к нам. И, глядя, как весело и беззаботно старый Джон орудует у себя в камбузе, я решил держать ухо востро.

Я наперед знал, что очень скоро Сильвер начнет

прощупывать меня, — и не ошибся, это случилось уже на третий день нашего плавания, когда я принес в камбуз грязные миски из каюты нашего капитана.

— Бен, — обратился он ко мне воркующим голосом, — Бен, дружище, скажи по чести старому товарищу, какую долю золота, добытого тобой в тайнике Флинта, обещал тебе капитан Смоллетт? Тысяч пять? Или десять?

Я ответил, что мы сошлись на тысяче фунтов и бесплатном проезде домой.

Сильвер сокрушенно поцокал языком.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Я бы не назвал это честным и справедливым дележом! Если учесть, что за проезд ты, как и все остальные, расплачиваешься своим трудом и что сквайру богатство от тебя же досталось!.. Тысяча, говоришь? Разрази меня гром, Бен, это же и сотой доли не составит!

— Джон, — сказал я ему на это, — я давно уже уразумел, что одна честно заработанная гинея дороже тысяч, за которые расплачиваются виселицей!

— И ты прав, Бен, клянусь небом, ты прав! — подхватил старый мошенник. — Кто-кто, а уж я-то тебя понимаю! Но другие могут сказать, что

сокровище тебе досталось честным путем! Ты сам его отыскал, сам перенес, и ты же обвел негодяев вокруг пальца!

С первой минуты, как Сильвер перешел на вашу сторону, он с великим осуждением говорил о своих прежних приятелях, точно забыл, что он сам подбил их на бунт. Это могло бы показаться смешным, не будь он таким законченным злодеем.

— Может, и так, — ответил я, — но не забудьте, что я тоже помогал доставить золото на борт «Моржа». И что бы вы ни говорили, мне голову не заморочите! Каждая монета добыта ценою крови и разбоя!

Долговязый Джон рассмеялся и добродушно похлопал меня по плечу.

— Э, Бен, — льстиво протянул он, — деньги странная вещь, ей-богу! Провалиться мне на этом месте, если найдется на свете хоть одна гинея, добытая честным путем! Взять хоть золотые слитки в нашем трюме... Им цена этак двести-триста гиней за штуку. Где мы их добыли? У испанцев, скажешь ты. А испанцы? Из рудников, скажешь ты. Ну а кто добыл золото в рудниках? Индейцы, вот кто, и они мерли при этом как мухи не столько даже от непосильной работы, сколько от

плетей! Вот и ответь мне теперь: у кого больше прав на это золото? У индейцев, у испанцев? А может быть, у тебя?

Сильвер явно был в ударе, и я знал: стоит мне замешкаться на камбузе, и он убедит меня, что нет на свете занятия честнее, чем морской разбой, что пираты, захватывая и топя корабли, делают людям благо. Поэтому я выскочил на палубу и отправился на нос, чтобы обдумать, как уберечь всех нас от новой беды.

Я видел три возможности. Во-первых, можно прикинуться, будто я заодно с Сильвером, побольше выведать и предупредить капитана, чтобы тот заковал его в кандалы. Но чего я этим достигну? Еще не придумали тех кандалов, которые могли бы обуздать Сильвера больше, чем на две вахты... Убить его? Тоже выход, да только я себе твердо сказал, что с убийствами покончено, не подниму руки даже на мерзавца, который лучшего не заслуживает.

Третий выход заключался в том, чтобы позволить Джону бежать и сплавить его на берег. Я начал соображать, как это сделать, а тут Эйб Грей окликнул меня и сообщил последнюю новость: мол, решено войти в ближайший порт на Мэйне, чтобы набрать команду для перехода через океан.

Как раз то, что мне нужно, сказал я себе. Помогу Сильверу улизнуть, а потом чистосердечно во всем признаюсь...

Все получилось куда проще, чем я рассчитывал. Ведь что вы сделали в первый же вечер, когда мы бросили якорь у берегов Суринама? Отправились на английский военный корабль и гостили на нем до полуночи, оставив меня и Эйба Грея охранять золото! Правда, вы заперли Сильвера на полубаке; да только, скажу по чести, меня разбирал смех, когда я увидел, как легко вы клюнули на его обещания исправиться и как уповаете на простую щеколду и на двоих моряков, которых Окорок столько раз обводил вокруг пальца.

За час до восхода луны я прошел на нос и окликнул Джона. Ответа не последовало, и, приглядевшись, я увидел, что дверь отперта. Сильвер сделал из проволоки крюк и отодвинул щеколду.

— Тем лучше, — сказал я себе. — Удрал, и слава Богу, мне меньше хлопот.

И я отправился на корму, где Эйба поставили сторожить вход в капитанскую каюту. Так и есть! Лежит и храпит, мушкет и пистолеты бросил, хочешь — бери их, хочешь — так перешагни.

Только я хотел разбудить его криком «тревога!», посмотреть, как он вскочит и схватит

оружие, — вдруг снизу донесся скребущий звук, словно кто-то волочит швартов по палубе. На миг я опешил, но тут же меня осенило: Сильвер еще на борту и добирается до дублонов, которые мы так любезно припасли для него...

Я разулся, прошел вперед, спустился на галерейную палубу и прокрался на корму — совсем как вы, когда задумали незаметно понаблюдать за раненым Хендсом. У кормового трапа я постоял прислушиваясь. Скребущий звук становился все громче. Так и есть, пилит...

— Джон! — тихо позвал я. — Это я, Бен. Пришел за своей долей!

Шум в парусной каюте стих, потом из люка вынырнула голова Сильвера. Он вспотел и весь был осыпан опилками; на костыле висела плотничья пила. Увидев меня, он ничуть не удивился.

— А, Бен, — вымолвил он. — Я так и думал, что ты не захочешь остаться в стороне. Ты очень кстати подошел, а то ведь с моей деревянной ногой много не унесешь, только на перевоз хватит. Прыгай сюда, подсобишь старому другу!

Я спустился в каюту и посмотрел на его работу. При свете потайного фонаря Сильвер выпилил в потолке квадратное отверстие и уже приготовился лезть за добычей.

— Джон, — продолжал я вполголоса, не сомневаясь, что Эйб пристрелит нас обоих, если проснется, — сколько ты задумал взять и как собираешься попасть на берег?

— Возьму, сколько смогу увезти, — ответил Сильвер. — А под кормой меня ждет негр с лодкой, он заберет нас с тобой.

Не спрашивайте меня, откуда он раздобыл этого негра и как с ним договорился, это выше моего разумения. Как бы то ни было, под кормой и впрямь качалась зачаленная лодка, и в ней сидел человек.

— Джон, — прошептал я, — мне с тобой не по пути. Бери один мешочек с монетами, так и быть уж, донесу его до лодки. А если тебе этого мало, приготовься к схватке — и не только с Эйбом Греем, который проснется от первого же моего крика, но и со мной! Вот так, вот тебе мои условия, а теперь решай!

Мои слова поразили его, и несколько секунд он пристально глядел на меня, потом усмехнулся и хлопнул себя свободной рукой по животу.

— Разрази меня гром, Бен, — да ведь ты это всерьез! — воскликнул он.

— А я-то голову ломал, старался угадать, какую хитрость ты замышляешь!

— Так как же, Джон, — продолжал я, — на чем порешили? Ноги в руки — и на берег с дублонами в кармане — или путешествие в кандалах туда, где твою толстую шею ждет петля?

Сильвер понял, что проиграл.

— Эх, Бен, Бен, — вздохнул он, — подумать только, ты одолел меня!

Я не стал терять времени на разговоры, а протиснулся через выпиленный им лаз, выбрал мешочек поменьше и отнес его на палубу. Джон сбросил золото в лодку и остановился над свисавшим с кормы веревочным трапом.

— Бен, дружище, — начал Сильвер прощальную речь, — только не забывай моих слов о том, как люди добывают деньги! За двадцать лет я успел убедиться, что верно говорят: не зевай сам, и Бог тебе поможет! Ну а кому нравится ради хлеба спину гнуть, пускай гнут, покуда вовсе не загнутся! Что до меня, Бен, то я одинокий волк. Хватит, набегался в стае, отныне я охочусь в одиночку, или можешь назвать меня грязной шваброй!

С этими словами он лихо козырнул мне, соскользнул по трапу в лодку и налег на весла.

Стоя у поручней, я провожал его взглядом, пока лодка не затерялась среди береговых огней.

Потом я пошел к Эйбу предупредить его о побе-

ге Сильвера, пока капитан не вернулся.

7

Ну, что еще добавить напоследок, Джим?

Капитан и сквайр не очень-то корили меня за то, что я позволил Сильверу бежать. А может быть, я их не понял, и они не меньше моего рады были от него избавиться. Так или иначе, когда мы вернулись в Англию, сквайр и доктор съездили в Эксетер и добились отмены приказа о моем аресте за соучастие в убийстве Кастера. Надо думать, им помогло письмо Ника, переданное доктору мисс Далси. Сам я этого письма не видел, но доктор Ливси рассказал мне его содержание. Ник сообщал, что он один повинен в убийстве Бэзила Кастера, которое совершил в целях самозащиты. Дескать, я только утром нашел Ника и, выполняя его приказ, доставил своего раненого хозяина в почтовой карете до Плимута, а про убийство узнал уже на борту корабля, когда не мог ничего сделать.

Не знаю, поверил ли шериф словам Ника; во всяком случае, меня не стали преследовать по закону, и после смерти старого сквайра Кастера, когда его поместье перешло в чужие руки, я смог вернуться в родные места.

Моя старушка мама и отец давно уснули вечным сном, и мне оставалось лишь оплакать их могилу, в которой вы торжественно пообещали схоронить меня, когда пробьет мой час.

Пожалуй, тяжелее всего мне пришлось, когда я собрался с духом навестить мисс Далси. Она по-прежнему жила в доме священника, бледная, уже совсем седая, но все такая же приветливая. Мисс Далси попросила меня рассказать все, что я помнил о Нике: как он выглядел, что говорил, часто ли вспоминал ее и как умер.

Я наврал ей с три короба, Джим, и ничуть в этом не раскаиваюсь, ведь правда прикончила бы ее. На прощание она дала мне гинею, и у меня не хватило духу отказаться. Мисс Далси безоговорочно поверила в историю, которую я сочинил прямо на ходу: будто бедный Ник много лет тому назад умер от лихорадки на своей плантации в Виргинии.

Надеюсь, вы подтвердите, что я, как вернулся в Англию, делал все, чтобы заслужить прощение. А если я иногда и прикладывался к бутылке с ромом, так это лишь потому, что меня грызло сомнение, не поздно ли я взялся за ум. Но ведь сказано же в Писании, что в небесах одному раскаявшемуся грешнику радуются больше, нежели

девяноста девяти праведникам, которым не в чем каяться.

Если это так, Джим, похоже, у меня еще есть надежда. А большего я не прошу и не жду, вот и весь сказ!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ, НАПИСАННОЕ ДЖЕЙМСОМ ГОКИНСОМ В 1811 ГОДУ

Вот уже больше шести лет, как я исполнил последнюю волю Бена и положил старого буканьера на покой там, где он просил, — рядом с его матерью.

Четыре с лишним года назад поставил я точку в конце своего пересказа его истории, полагая, что завершил удивительную повесть о сокровищах Флинта и о наших злоключениях на пресловутом острове.

Последний из моих сотоварищей, капитан Эйб Грей, умер в прошлом году отцом многочисленного семейства, почтенным человеком, владельцем нескольких добрых судов, перевозящих товары из Вест-Индии.

После смерти Эйба я считал себя единственным оставшимся в живых участником памятного плавания на «Испаньоле». Однако, как вы сейчас увидите, я ошибался.

Около года тому назад, в ненастный мартовский вечер, вошел слуга и доложил мне, что на

газоне под окнами моего кабинета задержан какой-то подозрительный старик.

Сначала я подумал, что речь идет о браконьере, а многолетняя дружба с Беном научила меня снисходительно к ним относиться, слишком хорошо помнил я судьбу Джейка и печальные последствия, которые вызвало беспощадное применение Кастерами законов об охоте.

Но слуга утверждал, что это не браконьер, а моряк, и притом довольно жалкий: ему не меньше семидесяти лет, он крайне истощен и одет в лохмотья. Слуга добавил, что этот человек добивается встречи со мной, дескать, ему надо мне что-то сообщить.

Интересно, что, кроме подаяния, могло понадобиться от меня нищему старику? Я велел накормить его и привести ко мне, а сам опустил занавески и сел у горящего камина ждать гостя.

Наконец раздался стук в дверь, и я увидел согбенного годами, предельно изможденного человека. Жидкие седые волосы свисали космами на поникшие плечи, и он чем-то смахивал на Бена Ганна, каким тот был, когда я впервые встретил его на острове. Держался он робко, я бы даже сказал, униженно; лохмотья поддерживал матросский ремень, и походка его, когда он, бор-

моча извинения, шел через кабинет, выдавала моряка. Обветренное лицо цветом напоминало красное дерево, голос был глухой и сиплый.

Отослав слугу, я предложил гостю сесть. Как только слуга вышел, чужак устремил на меня испытующий взор. Он так долго и пристально разглядывал меня, что я ощутил некоторое замешательство.

Наконец он произнес:

— Мистер Гокинс? Мистер Джим Гокинс, который некогда проживал в Черной бухте?

Я сухо ответил, что меня действительно зовут Джим Гокинс, и попросил перейти к делу.

Он тяжело вздохнул:

— Я только хотел удостовериться, потому что не ждать мне добра, коли я откроюсь не тому человеку, а уж чего проще, ведь сорок лет прошло, как я вас видел!

— Вы видели меня? — воскликнул я. — Где и когда?!

Но приступ кашля помешал старику ответить. Тогда я налил ему пунша, и он, твердя слова благодарности, поднес стакан к дрожащим губам.

— Я — Дик! — вымолвил он наконец. — Тот самый Дик, который изрезал Библию и потом поплатился за это, да как поплатился!!

Я вскочил на ноги. Неужели этот скрюченный старец — тот самый молодой моряк, который вместе с двумя приятелями был оставлен на острове?

— Дик! — крикнул я. — Вы?!

Старик торопливо допил свой пунш, и в глазах его вновь отразился страх.

— Я наказан сполна за свои дела, — пролепетал он, испугавшись собственного признания. — Изо всех живых людей вы один можете опознать меня, и я пришел просить вашего снисхождения, мистер Гокинс!

Трогательно было видеть, с каким облегчением этот бедняга принял мое заверение, что его никто не будет карать. Согретый теплом очага и трапезой, он поведал мне все, что помнил о своем пребывании на Острове Сокровищ и последующих злоключениях.

Напоминаю вам, что последним из старой команды Флинта (не считая Сильвера) был Том Морган, ему перевалило уже за шестьдесят, когда мы оставили его на острове. Вторым в этой милой троице был рыжий Джим Фаулер, высокий молодой моряк, которого Сильвер подбил на бунт после того, как мы вышли из Англии.

Том Морган и Дик, оправившись от потрясения,

решили как-то приспособиться на этом уединенном клочке земли. Молчаливый степенный Морган был по-своему верный товарищ и умел кое-что мастерить. Он понимал, что в Англии их все равно ждет только виселица, и решил извлечь максимум пользы из своего умения.

Молодой организм Дика справился с лихорадкой, которую он схватил, прежде чем они вспомнили совет доктора Ливси и покинули низину. Самый деятельный из всей тройки Дик усердно занялся охотой, и они довольно сносно зажили в лачуге, которую соорудили на южном плече Подзорной Трубы.

Однако рыжий Джим никак не мог применяться к новым условиям. Уединение на острове, а, может быть, угрызения совести, помутили его рассудок, и после бесплодных попыток обуздать Фаулера товарищи в конце концов вынуждены были изгнать его. Он жил дикарем, питаясь ягодами и сырым черепашьим мясом, и постепенно совсем озверел.

Дик несколько раз встречал его, когда ходил на охоту. Несчастный безумец был совершенно голый, весь оброс длинными рыжими волосами и скорее напоминал свирепое животное, чем человека. Однажды Джим скатил камень с Фок-

мачты, пытаясь убить Тома Моргана, а в другой раз подобрался к лачуге, когда его товарищи спали, и поджег ее головешками из костра.

В конце концов Морган и Дик согласились, что ради спасения своей жизни они должны его выследить и убить. Дик сумел подкрасться к Фаулеру, когда тот пожирал сырое мясо, и прикончил его выстрелом в голову.

Сдается мне, это вынужденное убийство сделало для обращения Дика больше, чем само наказание, которому мы их подвергли. И когда Дик после кончины старого Тома остался один, подобно Бену Ганну, он обратился за утешением к Библии.

По подсчетам Дика, он восемь лет прожил на острове — и за все это время ему ни разу не пришло в голову искать серебро и оружие, зарытые на севере острова. И Долговязый Джон почему-то не вернулся за этой частью клада, хотя карта, полученная им от доктора Ливси, точно указывала, где что лежит.

А на девятый год к Острову Сокровищ подошел корабль с испанцами, которые наносили эту область океана на карту. Бедняга Дик поспешил разыскать капитана и назвался жертвой кораблекрушения.

Лучше бы он отсиделся в лесу.

Испанцы прибыли из Европы, а потому они сильно отличались от тех испанцев, которые родились на островах Вест-Индии и привыкли смотреть сквозь пальцы на королевский указ о том, как обращаться с иностранными моряками. Удостоверившись, что Дик англичанин, но отнюдь не удовлетворившись его сбивчивыми объяснениями, капитан решил, что Дик беглый раб, и продал его одному плантатору в пожизненное владение.

Двадцать с лишним лет Дик выращивал сахарный тростник, и с какой охотой он променял бы эту каторгу на блаженное одиночество на острове Кидда! Наконец при налете английских военных кораблей, посланных губернатором Ямайки, земляки выручили беднягу. Дик снова стал моряком и тянул лямку, пока не скопил денег на проезд домой.

Ступив на родную землю, он тотчас двинулся пешком вдоль побережья, стараясь выведать что-нибудь о людях сквайра. В конце концов в Плимуте ему попался человек, который слышал про меня и клялся, что я не из тех, кто способен полвека таить зло. Распростившись с морем, Дик мечтал лишь о какой-нибудь маленькой должно-

сти в моем доме, чтобы умереть на родной земле, которую покинул столько лет назад, окрыленный большими надеждами.

Я сделал для него все, что мог, да только ему от этого было немного проку.

Лихорадка подточила здоровье Дика, а жестокое обращение испанцев совсем его изнурило, и он прожил у нас меньше года, после чего уснул вечным сном. Надеюсь, ему было легче от мысли, что он умирает свободным человеком, а не рабом в жалкой лачуге на заморской плантации.

Февральский снег ложился на землю, когда я схоронил Дика по соседству с Беном, чью судьбу он во многом повторил. Священник приступил к панихиде, а я вспомнил давнюю летнюю ночь, когда я, скорчившись в бочке из-под яблок, слушал разглагольствования Сильвера, который дурманил голову парнишке описанием пиратских подвигов и баснословного богатства, ожидающего предприимчивых.

Что сказал тогда Дик на слова Сильвера о жалкой доле большинства джентльменов удачи: «Какой же тогда смысл быть пиратом?» И Сильвер ответил: «Для дурака — никакого!» Каким пророческим оказался этот разговор! Дика, этого простака из простаков, и впрямь ожидала самая

жалкая участь...

А сам Сильвер — как-то сложилась его судьба? Лежат ли его кости, подобно костям Ника, на уединенном островке или, как это случилось с Хендсом, покоятся на дне морском? А может быть, солнце высушило его могучую тушу на виселице, которой он так боялся? Или же тело Джона бросили с пристани акулам после пьяной драки где-нибудь на берегах Мэйна?

Нет, сказал я себе, не может быть, чтобы высшее правосудие пошло тут по избитому пути! Уходя от могилы Дика, уже подернутой пеленой снега, я почему-то был убежден, что Джон Сильвер окончил свою жизнь таким же жалким, нищим и презираемым, как ничтожнейшая из его жертв, и не было рядом с ним никого, чтобы пожелать ему удачи в последнем плавании.

Тому, кто упрекнет меня в жестокости и нетерпимости, напоминаю, что сам Сильвер, не в пример грубым и невежественным морякам, которыми он заправлял, обладал всеми предпосылками, чтобы стать выдающимся человеком.

Ибо у Сильвера, в отличие от всех его приятелей, были большие задатки, которыми он прискорбно пренебрег.